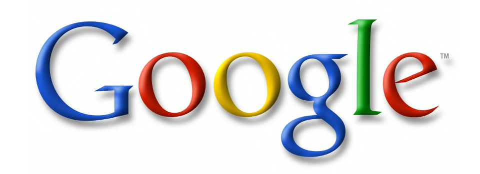

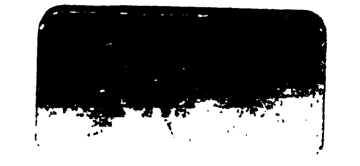

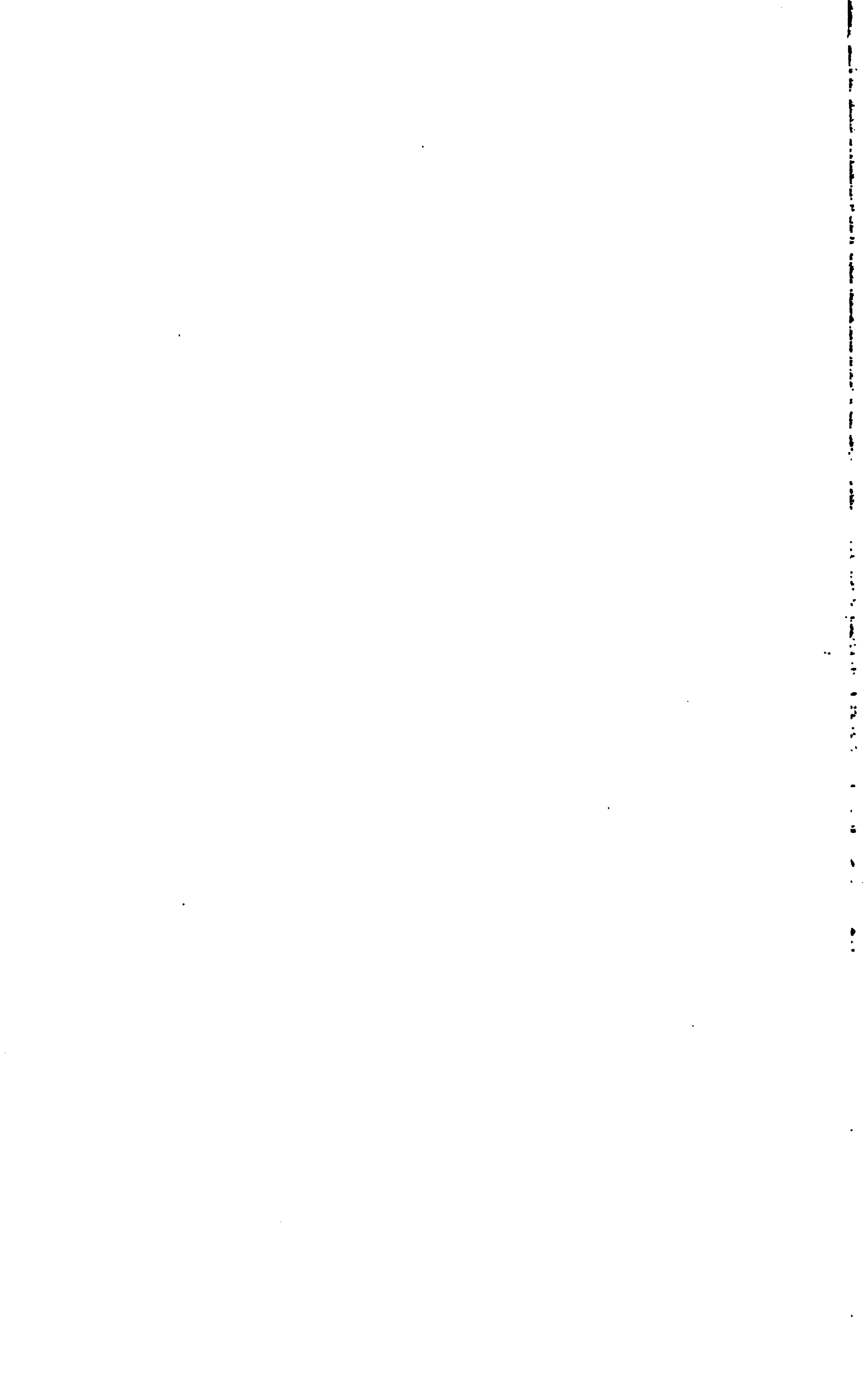

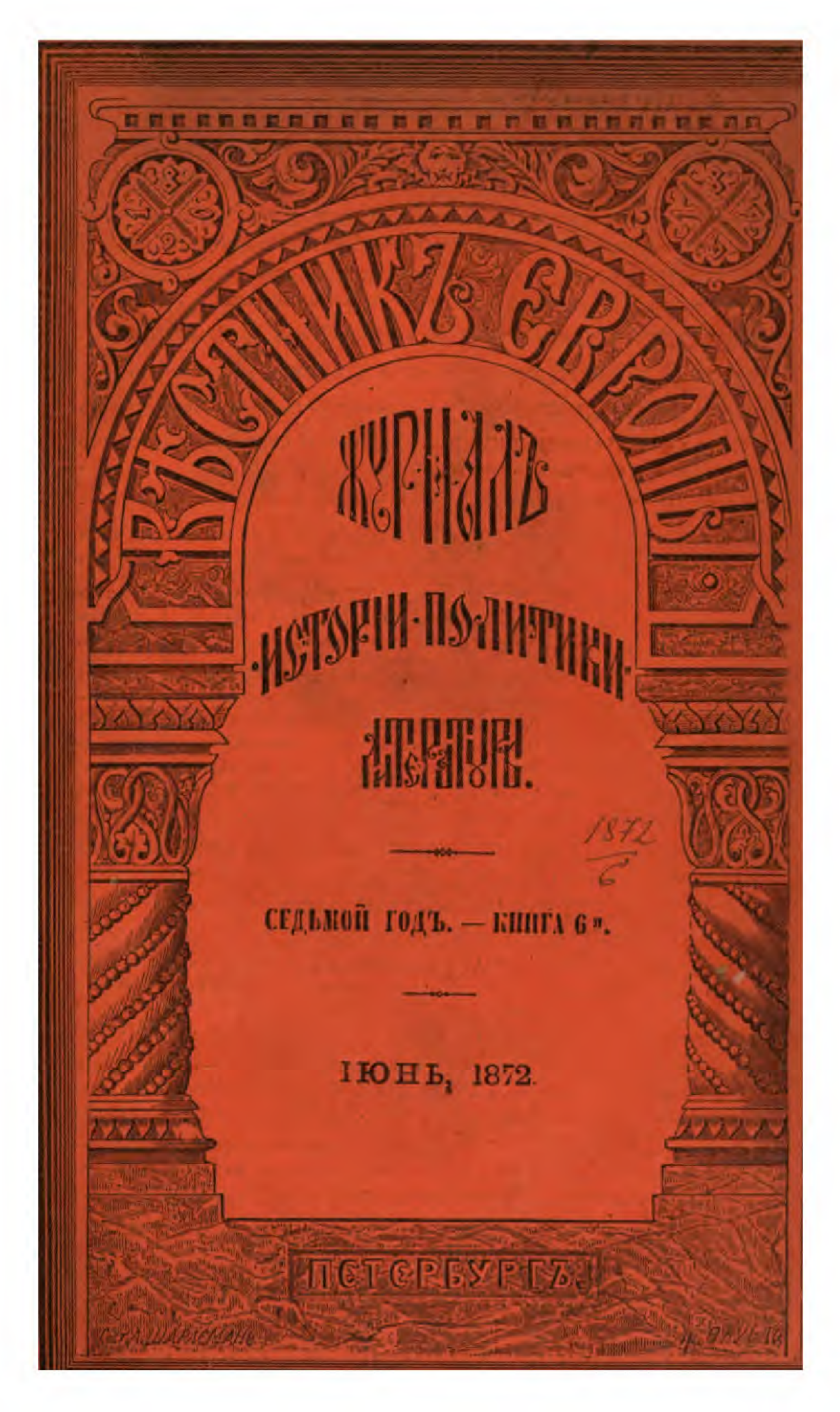
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ·
ЛИТЕРАТУРЫ.
1872
6
СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 6-я.
ІЮНЬ, 1872.
ПЕТЕРБУРГЪ

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

1872
6

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 6-я.

ІЮНЬ, 1872.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Ф. Сущинскаго. Екатерининскій каналъ, 168.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1872.

ОБЪЯВЛЕНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I-IV стр.

Отъ редакціи. — Подписка на 1872-й годъ, за расходомъ всѣхъ полныхъ экземпляровъ, прекращена.

КРОНПРИНЦЕССА ШАРЛОТТА

НЕВѢСТКА

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

1707 — 1715 гг.

По ея неизданнымъ письмамъ.

II *).

Бракъ.

Разлука новобрачныхъ, несмотря на свою краткость, подала однако поводъ къ разнымъ сплетнямъ, особенно при вѣнскомъ дворѣ, который былъ недоволенъ вольфенбюттельскимъ бракомъ. Урбихъ писалъ по этому поводу къ канцлеру Головкину: «Изъ Саксоніи много нехорошихъ вещей сюда писано, чѣмъ почти весь городъ наполненъ, между прочимъ что бракъ хотя и совершенъ, однако къ великому неудовольствію обѣихъ сторонъ: кронпринцъ кронпринцессу оставилъ, и когда та требовала на два дня сроку, чтобъ дорожную постель взять, кронпринцъ ей жестоко отвѣтилъ и уѣхалъ; всѣ придворные служители отставлены. Но когда я въ Вольфенбюттелѣ и Дрезденѣ навѣдался,

*) См. выше: май, 19 стр.

то мнѣ отписали совершенно противное, именно, что обѣ стороны довольны» [1]).

Послѣднее извѣстіе было вполнѣ справедливо. Шарлотта въ то время вѣрила въ любовь царевича и была совершенно счастлива, несмотря на довольно неблагопріятную обстановку. Семнадцатилѣтней принцессѣ, воспитанной при роскошномъ дворѣ королевы польской, пришлось жить съ незначительными средствами въ полуразоренномъ городкѣ, населенномъ только бѣдными, грязными евреями и нѣмецкими ремесленниками. Но всего хуже было то, что среди этой новой и затруднительной для нея обстановки, Шарлотта была исключительно предоставлена самой себѣ. Она была окружена избалованными, жадными и интригующими придворными, которые были для нея не утѣшеніемъ, а источникомъ постоянныхъ непріятностей. Молодой же царевичъ съ своимъ нѣсколько безпечнымъ и малодушнымъ, а вмѣстѣ и раздражительнымъ характеромъ, не могъ ей служить опорою, и притомъ она скоро была разлучена съ нимъ на очень продолжительное время. Но всѣ эти непріятности, отравлявшія впослѣдствіи жизнь кронпринцессы, еще не тревожили счастія, которое она испытывала въ первое время супружества. Полная радости и надеждъ вступила она въ новый 1712-й годъ: «Мое счастіе было бы вполнѣ совершенно, писала она отцу, 4-го янв., если бы я имѣла удовольствіе устно выразить вамъ мое почтеніе. Царевичъ осыпаетъ меня выраженіями своей дружбы. Почти ежеминутно онъ даетъ мнѣ все новыя и новыя доказательства своего расположенія, такъ что я имѣю полное право назвать себя совершенно счастливою, хотя мѣсто, гдѣ я теперь живу, не совсѣмъ пріятно».

Любопытно, какъ принцессу Шарлотту, выѣхавшую изъ Германіи и привыкшую къ городамъ съ многочисленнымъ, зажиточнымъ населеніямъ и къ частымъ маленькимъ столицамъ, наполненнымъ придворной аристократіей, поразилъ особенный характеръ польскихъ городовъ. «Городъ очень разоренъ, писала Шарлотта; дома противъ насъ на половину обгорѣли и стоятъ пустые, сама я живу въ монастырѣ; впрочемъ меня уже посѣтили нѣсколько польскихъ дамъ изъ окрестностей. Въ этихъ окрестностяхъ нѣтъ ни одной волости, нѣтъ такой маленькой деревушки, гдѣ бы не жили два-три и больше дворянскихъ семействъ; они живутъ тамъ зимой также какъ и лѣтомъ, и вотъ почему въ самыхъ большихъ городахъ нельзя найти ни одного человѣка изъ высшаго класса (personne de qualité)».

---

[1]) Приведено изъ Австр. Дѣлъ, у Солов. XVII, стр. 144.

Такъ прошло болѣе мѣсяца; какъ вдругъ спокойная жизнь молодой кронпринцессы была помрачена первыми непріятностями. Деньги, выданныя за три мѣсяца впередъ, были истрачены, а новыхъ не присылали. Вмѣсто этого пришелъ указъ отъ царя переѣхать изъ Торна въ Эльбингъ. Шарлотта была огорчена этимъ извѣстіемъ. Кромѣ того, что эта перемѣна жительства уменьшала ея надежду увидаться еще разъ съ родными передъ окончательнымъ отъѣздомъ въ Россію, самый переѣздъ въ Эльбингъ становился рѣшительно невозможнымъ по недостатку денегъ. Шарлотта не знала чтó дѣлать. Ея родные не были въ состояніи сами помогать ей, и только придумывали разные планы, чтобы обезпечить ей правильную выдачу содержанія. Старый герцогъ, какъ мы видѣли, давно хлопоталъ о союзѣ между царемъ и императоромъ. На основаніи этого союза царь долженъ былъ дать императору вспомогательный отрядъ для войны противъ Франціи. Императоръ же долженъ былъ пожертвовать Карломъ XII-мъ. Узнавши о безденежьи внучки, Антонъ-Ульрихъ предложилъ, чтобы, вмѣсто войска, царь помогъ императору деньгами, подъ залогъ какого-нибудь владѣнія въ Силезіи, а доходы съ этого владѣнія шли бы на содержаніе царевны и ея двора; но недостатокъ въ деньгахъ былъ еще ощутительнѣе для царя, чѣмъ недостатокъ въ войскѣ, и Шарлотта писала домой, что совѣтъ дѣда едва ли исполнимъ.

Шарлотта писала о своемъ положеніи царю и Екатеринѣ. Въ апрѣлѣ пріѣхалъ въ Торнъ Меншиковъ, присланный царемъ, чтобы убѣдиться въ затруднительномъ положеніи кронпринцессы и вмѣстѣ съ тѣмъ взять съ собою царевича въ Померанію.

Шарлотта имѣла съ княземъ Александромъ Даниловичемъ обстоятельное объясненіе. Она просила его говорить съ ней по-нѣмецки, безъ переводчика. Меншиковъ возразилъ, что онъ можетъ отлично толковать по-нѣмецки съ солдатами, но не говорить съ высокопоставленными лицами [1]).

Однако, послѣ долгихъ настояній Шарлотты, онъ согласился на ея желаніе и сталъ очень порядочно объясняться на нѣмецкомъ языкѣ. Шарлотта жаловалась на безпорядокъ при ея дворѣ и оправдывалась поспѣшностью отъѣзда, неопытностью многихъ придворныхъ, особенно же отсутствіемъ Шлейница, который имѣлъ званіе обергофмейстера при ея дворѣ, но жилъ въ Ганноверѣ въ качествѣ русскаго посланника. Меншиковъ

---

[1]) Qu'il savoit bien parler «soldatisch deusch» (т.-е. вѣроятно «Zeug») mais pas avec des personnes de distinction. Письмо Шар. отъ 28 апр.

спросилъ, почему же Шлейницъ не находится при своемъ постѣ. Шарлотта замѣтила на это, что интересы царя требуютъ его присутствія въ Ганноверѣ, и что когда служишь двумъ господамъ, менѣе важный всегда отъ этого страдаетъ; «впрочемъ, прибавила Шарлотта, Шлейницъ, какъ онъ меня увѣрялъ, писалъ царю, что его двѣ должности несовмѣстимы и что мнѣ нужно назначить другого гофмейстера.»

Меншиковъ съ удивленіемъ прервалъ ее и разсказалъ, что, напротивъ, Шлейницъ жаловался царю, будто принцесса хочетъ взять вмѣсто него другого гофмейстера, и просилъ, чтобы царь не допустилъ этого. Шарлотта воскликнула съ изумленіемъ, что это невозможно, что вѣроятно письмо Шлейница было невѣрно переведено. Тогда Меншиковъ позвалъ царевича, который подтвердилъ слова князя, ибо ему обо всемъ этомъ писалъ канцлеръ Головкинъ.

Болѣе серьезный поводъ къ жалобамъ представляло безденежье, въ которомъ находились царевичъ съ женою. Меншиковъ писалъ объ этомъ Петру: «Не могъ оставить не донесши о сынѣ вашемъ, что какъ онъ, такъ и кронпринцесса, въ деньгахъ зѣло великую имѣютъ нужду: понеже здѣсь живутъ все на своемъ коштѣ, а порцій и рацій имъ не опредѣлено; а что съ мѣста здѣшняго и было, и то самое нужное, только на управленіе стола ихъ высочествъ; также ни у него, ни у кронпринцессы къ походу ни лошадей и никакого экипажа нѣтъ и построить не на чтó. О опредѣленныхъ ей деньгахъ зѣло проситъ: понеже великую имѣетъ нужду на содержаніе двора своего. Я, видя совершенную у нихъ нужду, понеже ея высочество кронпринцесса едва не со слезами о деньгахъ просила, выдалъ ея высочеству ингерманландскаго полку изъ вычетныхъ мундирныхъ денегъ въ заемъ 5,000 руб. А ежелибъ не такъ, то всеконечно отсюда подняться-бъ ей нечѣмъ».

Въ маѣ кронпринцесса отправилась въ Эльбингъ. Хотя поѣздка мужа на войну въ Померанію ее тревожила, но аккуратность, съ которою онъ ей писалъ, доставляла ей нѣкоторое утѣшеніе. Притомъ, какъ она писала родителямъ, военныя дѣйствія въ Помераніи шли очень вяло и не представляли большой опасности. Гораздо болѣе грозны были извѣстія о вооруженіяхъ Турціи. Никто не зналъ противъ кого они были направлены, противъ венеціанцевъ или противъ Россіи. «Въ послѣднемъ случаѣ, писала Шарлотта, намъ нечего опасаться, ибо турки не могутъ держаться въ нашей странѣ; какъ скоро они покажутся, имъ не только перерѣзываютъ всѣ дороги, но тщательно сжигаютъ весь фуражъ и всѣ мѣста, чрезъ которыя они могли бы пройти.

Бѣдная Польша и Саксонія, однако, не могутъ хвастаться тѣмъ же преимуществомъ, и говорятъ, что главный ударъ будетъ направленъ противъ нихъ. Это было бы ужасно.»

Мѣсяцъ спустя послѣ этого, мы находимъ Шарлотту въ положеніи совершеннаго отчаянія, очевидно вызваннаго семейными отношеніями: «Нѣтъ сомнѣнія, писала она отцу, что свѣтъ наполненъ горечи и что судьба готовитъ мнѣ большое горе въ будущемъ, ибо начиная съ самаго дѣтства, т.-е. съ шести-лѣтняго возраста, я не знаю чтó такое настоящее удовольствіе. Если и выпадетъ на мою долю какое-нибудь счастіе, то оно обыкновенно бываетъ нарушено. Я совершенно смущена въ виду того чтó меня еще ожидаетъ, ибо мое горе идетъ отъ человѣка слишкомъ дорогого, чтобы на него жаловаться. Притомъ всѣ примѣры, которые я имѣю предъ глазами, изъ какого слоя жизни они бы ни были взяты, убѣждаютъ меня, что не слѣдуетъ роптать противъ судьбы, ибо каждый страдаетъ, пока находится на этомъ жалкомъ свѣтѣ, самое названіе котораго должно бы было приводить въ содроганіе всѣхъ, кто носитъ имя христіанина. Да ниспошлетъ мнѣ небо хотя одно удовольствіе и да услышитъ оно молитвы, которыя я возсылаю безпрестанно о вашемъ счастіи; я не желаю другого удовлетворенія, ибо ваше благополучіе мнѣ дороже моего собственнаго».

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого прибылъ къ своему мѣсту при дворѣ кронпринцессы Шлейницъ, чтобы отъ ея имени выѣхать въ Кёнигсбергъ, на встрѣчу къ царю, который вмѣстѣ съ Екатериной отправлялся въ Померанію. Но краткое пребываніе гофмейстера въ Эльбингѣ имѣло для Шарлотты очень непріятныя послѣдствія. Его пріѣздъ сдѣлался поводомъ къ тому, что наконецъ обнаружились дурныя страсти, бушевавшія вокругъ неопытной кронпринцессы.

Маленькій дворъ Шарлотты былъ составленъ чрезвычайно неудачно. Онъ большею частью состоялъ изъ людей не только непонимавшихъ своихъ обязанностей относительно молодой принцессы, но исполненныхъ самыхъ ничтожныхъ интересовъ и привыкшихъ считать сплетни вѣрнѣйшимъ средствомъ для удовлетворенія своей мелочной зависти и пустого тщеславія.

Въ числѣ придворныхъ кавалеровъ кронпринцессы находился молодой и красивый баронъ Пёльницъ. Онъ сначала не занималъ виднаго положенія при дворѣ и ничѣмъ не обращалъ на себя вниманія Шарлотты. Но потомъ ему удалось подружиться съ Мейеромъ, совѣтникомъ при дворѣ [1]) Шарлотты, который сталъ

---

[1]) Мейеръ носилъ званіе Rath und Intendant. Въ Моск. Арх. (Дѣло о пріѣздѣ

посвящать его во все, что ему самому было извѣстно. Однажды когда Мейеръ имѣлъ передать кронпринцессѣ какія-то важныя дѣла, но чувствовалъ себя нездоровымъ, онъ поручилъ Пёльницу явиться вмѣсто него къ принцессѣ съ докладомъ. Шарлотта убѣдилась изъ разговора съ Пёльницемъ, что ему хорошо извѣстно состояніе ея двора и ея собственныя отношенія къ различнымъ лицамъ. Она очень удивилась и сдѣлала Мейеру выговоръ за то, что онъ довѣрился такъ безгранично молодому человѣку, котораго онъ недостаточно близко зналъ. Мейеръ сталъ оправдываться и хвалить замѣчательный умъ и способности Пёльница, который ему не разъ давалъ очень полезные совѣты. Шарлотта возразила, что еслибы это и было справедливо, то онъ все-таки долженъ быть осторожнѣе, ибо иначе возбудитъ зависть и злобу камергера Бранденштейна, который въ отсутствіе обергофмейстера Шлейница имѣлъ общій надзоръ за дворомъ. Мейеръ по этому поводу сталъ жаловаться на Бранденштейна, что онъ ничего не смыслитъ въ дѣлахъ и ведетъ себя какъ ребенокъ. Шарлотта, которая дѣйствительно была недовольна опущеніями въ службѣ Бранденштейна, замѣтила, что это справедливо и что она лично болѣе другихъ отъ этого страдаетъ; но какъ же сдѣлать, чтобы онъ поумнѣлъ. «Этого нельзя сдѣлать, возразилъ Мейеръ, но можно устроить такъ, чтобы ваши интересы не страдали отъ его оплошности; для этого вамъ только нужно рѣшиться произвести Пёльница въ каммергеры и приказать Бранденштейну еженедѣльно очередоваться съ нимъ въ завѣдываніи дворомъ». Послѣ нѣкотораго колебанія, неопытная въ придворныхъ интригахъ принцесса уступила настояніямъ своего совѣтника. Вслѣдствіе этого ей пришлось чаще видѣться съ Пёльницемъ и дѣйствовать по его совѣтамъ. Иногда при этомъ случалось, что совѣты Пёльница были прямо противуположны указаніямъ Мейера. Такое предпочтеніе очень быстро разрушило дружбу между Пёльницемъ и Мейеромъ, и послѣдній сталъ съ завистью и злобою относиться къ своему прежнему другу. Съ другой стороны, повышеніе Пёльница чрезвычайно оскорбило Бранденштейна и его друзей. При дворѣ и въ городѣ стали вскорѣ распространяться разные слухи, объяснявшіе вниманіе оказанное Пёльницу личнымъ расположеніемъ кронпринцессы къ красивому кавалеру. Кто былъ виновникомъ этихъ сплетень, Бранденштейнъ и его партія, какъ сначала полагала Шарлотта, или же Мейеръ, какъ она потомъ стала подозрѣвать, намъ не-

---

кронпр.) хранится письмо его къ царю на голландскомъ языкѣ, съ счетами кронпринцессы, подписанное: Рига, 6-го іюля 1712-го года. Сл. Büsching, XV.

извѣстно. Въ это-то время пріѣхалъ Шлейницъ въ Эльбингъ. Какъ онъ себя велъ въ этой интригѣ, трудно рѣшить. Шарлотта, знавшая, что Шлейницъ ею недоволенъ за то, что она хотѣла взять на его мѣсто другого гофмейстера, была убѣждена въ его виновности; въ Вольфенбюттелѣ же Шлейницу не только удалось оправдаться, но и вполнѣ сохранить довѣріе стараго герцога.

По отъѣздѣ Шлейница, кронпринцессѣ донесли о сплетняхъ, которыхъ она сдѣлалась жертвою, и указали на Шлейница, какъ на источникъ ихъ. Къ ея изумленію и негодованію присоединился еще страхъ, что Шлейницъ станетъ распространять эти сплетни въ Вольфенбюттелѣ.

«Надѣюсь, писала она матери, что Верзебе вамъ вѣрно изобразитъ Шлейница, такъ что вы ко мнѣ не будете несправедливы и не повѣрите лжи и обману этого господина. Онъ говорилъ здѣсь открыто обо мнѣ такія вещи, за которыя заслужилъ бы примѣрное наказаніе, но ни у кого здѣсь не достало преданности сообщить мнѣ хоть что-нибудь до его отъѣзда. Послѣ же того я узнала больше, чѣмъ мнѣ хотѣлось знать; онъ между прочимъ за два дня до отъѣзда спросилъ моего секретаря [1]), не хочетъ ли онъ проводить его въ Брауншвейгъ. Тотъ возразилъ, что ему тамъ нечего дѣлать, что я его туда не посылаю, что у него даже нѣтъ повода проситься въ отпускъ, и наконецъ, гдѣ же ему оставить свою жену. «Относительно жены, возразилъ ему съ поспѣшностью Шлейницъ, вы не слишкомъ заботьтесь; васъ избавятъ отъ нея самымъ легкимъ способомъ и притомъ скорѣе, чѣмъ вы думаете». Совершенно перепуганный секретарь (хотя я думаю, что онъ бы очень обрадовался этому, лишь бы все прилично устроилось) спросилъ Шлейница, какимъ же образомъ это можетъ случиться. «Развѣ вы не предвидите, сказалъ тотъ, что ваша жена и Пёльницъ будутъ сосланы въ Сибирь еще до начала сентября. Я вамъ это говорю и вы можете считать это совершенно достовѣрнымъ». Секретарь сталъ разспрашивать Шлейница, на какомъ же основаніи онъ это утверждаетъ, такъ какъ нѣтъ ни малѣйшей вѣроятности въ томъ, чтобы наказали да еще такъ жестоко людей, которые ничего дурного не сдѣлали. «Ничего дурного не сдѣлали, прервалъ его Шлейницъ съ яростью, и вы это называете ничего не сдѣлали, а жизнь, которую принцесса ведетъ съ такимъ-то!» Секретарь просилъ его ради Бога не говорить вещей, отъ кото-

---

[1]) Шарлотта вѣроятно разумѣла здѣсь своего секретаря Клювера, жена котораго была ея «комнатной дамою»—Kammerfrau.

рыхъ онъ можетъ потерять голову, но Шлейницъ въ отвѣтъ ему только громко расхохотался.—Вотъ какъ я несчастна, продолжала Шарлотта. Богу извѣстно, что я невинна, что я нѣжно люблю царевича моего супруга. Я бы нисколько не дорожила жизнью, если бы могла ее принести ему въ жертву или этимъ доказать ему мое расположеніе; и хотя я имѣю всевозможные поводы опасаться, что онъ меня не любитъ — мнѣ кажется, что мое расположеніе отъ этого еще увеличивается. Ничего меня такъ не безпокоитъ, какъ эта продолжительная разлука съ нимъ, которая, какъ я не безъ основанія опасаюсь, можетъ быть гибельна для меня. Но я заблуждаюсь говоря, что я боюсь, ибо чего мнѣ бояться, такъ какъ я невинна, а невинность всегда въ концѣ торжествуетъ. Царевичъ, хотя онъ меня и очень мало любитъ, слишкомъ справедливъ, чтобы повѣрить этой безсовѣстной лжи; онъ меня слишкомъ близко знаетъ, чтобы считать меня способною къ такой низости. По моему мнѣнію это самое черное преступленіе, которое только можетъ быть приписано женщинѣ, такъ какъ честь лучшее и самое драгоцѣнное наше сокровище. Я такъ огорчена и такъ убита нанесеннымъ мнѣ оскорбленіемъ, которое я считаю самымъ чувствительнымъ, что не похожа на себя; съ каждымъ днемъ я блѣднѣю и худѣю, рѣдко у меня бываетъ краска на лицѣ. Я почти не сплю и ѣмъ очень мало, ибо все что я вижу вокругъ себя, даетъ мнѣ постоянно новые поводы къ огорченію и отчаянію; между моими придворными есть и другія лица, которыя говорятъ въ томъ же тонѣ какъ Шлейницъ, но болѣе осторожно, поэтому я еще не могла ихъ открыть. Съ своей стороны я избѣгаю всякаго повода къ малѣйшему подозрѣнію, я очень рѣдко выхожу и потому не вижусь съ П.; я обращаюсь чаще къ другимъ, чѣмъ къ нему, избѣгаю всякаго случая, когда выѣзжаю гулять, чтобы онъ не подавалъ мнѣ руки, хотя дѣлаю это какъ бы не намѣренно, чтобы никто не могъ замѣтить, что я нарочно его избѣгаю. Прежде, когда Бранденштейнъ завѣдывалъ дворомъ, онъ дѣлалъ все такъ неловко, что нужно было заставить его чередоваться съ П. Но такъ какъ это-то и было причиною всѣхъ этихъ глупыхъ толковъ, и мнѣ въ дежурство П. пришлось бы очень часто говорить съ нимъ, то во избѣжаніе этого Бранденштейнъ опять будетъ одинъ всѣмъ завѣдывать, какъ съумѣетъ. Впрочемъ онъ начинаетъ вести дѣло лучше, по крайней мѣрѣ выказываетъ больше доброй воли, но за то сестра его [1]) стала тѣмъ злѣе. Верзебе безъ ума влюб-

---

[1]) Старшая сестра Бранденштейна была фрейлиной при дворѣ польской коро-

ленъ въ нее, а она въ него; никогда въ жизни я не видѣла такой интимности, какъ между ними; я боюсь, чтобы вслѣдствіе этого онъ не далъ герцогу ложнаго показанія, ибо она имъ совершенно овладѣла. Я думаю, да проститъ меня Богъ, что она подмѣшала ему что-нибудь въ ѣду, такъ что онъ не можетъ не любить ее, иначе его ослѣпленіе было бы непонятно. Бонденъ (другая фрейлина) принадлежитъ также къ его близкимъ друзьямъ, а потому и въ ней не много проку. Чтó бы я при ней ни сказала, сейчасъ все это становится извѣстно цѣлому свѣту, точно кто-нибудь въ трубу протрубилъ. Нѣкоторое время я питала пріятную надежду, что она умретъ, такъ какъ она была очень больна, но къ несчастію бѣда ее миновала, и она съ каждымъ днемъ себя лучше чувствуетъ.

«Присылаю вашей свѣтлости при этомъ копію съ жалобы, поданной королю прусскому на Шлейница. Онъ не можетъ оправдаться тѣмъ, что у него не было денегъ, такъ какъ я ему дала 30 дукатовъ золотомъ (до Кёнигсберга) на его путешествіе. Разстояніе отъ насъ всего 14 миль, а пробылъ онъ въ дорогѣ только 3 дня и не представилъ мнѣ никакого счета. Будьте такъ добры и передайте эту копію герцогу [1]), а также увѣреніе въ моей преданности. Я бы сама доставила себѣ честь написать ему, но страдаю ужаснѣйшей головною болью».

Въ своемъ горѣ кронпринцесса имѣла только одно утѣшеніе—нѣжность и ласки, выказанныя ей царемъ и Екатериною во время ихъ проѣзда чрезъ Эльбингъ. Послѣ своего отъѣзда Екатерина прислала невѣсткѣ перстень съ портретомъ Петра, и всѣмъ, кто проѣзжалъ черезъ Эльбингъ, поручала сказать Шарлоттѣ, что она ее нѣжно любитъ. Во время же своего пребыванія въ Эльбингѣ Екатерина говорила и ей самой и другимъ, «что она ее любитъ какъ свое родное дитя, и что если бы она носила ее подъ своимъ сердцемъ, то не могла бы ею больше дорожить».

Однажды Екатерина сказала царевнѣ своимъ простонароднымъ и ломанымъ, но выразительнымъ языкомъ: Czaarische Majestät Euch sehr lieb, zu mir sagen, wahrhaftig Catherina, meine schwiegertochter sehr schmuck sowohl von statur als

---

левы, которая пристроила къ штату Шарлотты каммергера Бранденштейна и его младшую сестру.

[1]) Эта жалоба, вѣроятно, касалась насилій, которыя позволялъ себѣ Шлейницъ въ качествѣ царскаго посланника съ почтовыми смотрителями и ямщиками на пути въ Кёнигсбергъ, куда онъ ѣздилъ встрѣчать царя. Такого рода жалобы не рѣдко раздавались тогда въ Германіи во время проѣзда дипломатовъ и другихъ высокопоставленныхъ особъ.

Verstand und humor, ich sage, Czaarische Majestät, du hast deine tochter mehr lieb als auf mich: Czaarische Majestät lachen, nicht lieber, sagen, aber bald so lieb, nach dir Niemand auf Welt so lieb als sie; mein Sohn, sagen, Frau, wahrhaftig so gutt Frau nicht wehrt, als he hätt [1]).

«И много подобныхъ вещей говорила она мнѣ, продолжала Шарлотта, которыя мнѣ были пріятны, но въ то же время и огорчили меня, ибо я поняла изъ этого, что царь не очень любитъ царевича. Я просила за него царицу и она обѣщала быть заступницею за моего супруга у царя».

Прощаясь съ Шарлоттой и горячо ее обнимая, Екатерина сказала: Gott hat mich recht lieb gehabt, dass er mir so eine gute Schwiegertochter gegeben hat, welcher nahme mich sonsten erschrekt hat, nun mehro mich aber recht freut; es thut mir, straff mich Gott, recht leid, dass ich von Euch soll, ich wollte, dass ich Euch nicht gesehen hätte, weil ich euch nun so lieb habe, dass mir die Zeit wird lang und verdriesslich seyn, Euch wieder zu sehen» [2]).

Извѣстивши своихъ родственниковъ о сплетняхъ, жертвою которыхъ она сдѣлалась, Шарлотта всего болѣе опасалась огласки, и потому просила своего дѣда не подвергать Шлейница допросу относительно того, что онъ говорилъ секретарю, такъ какъ дѣло слишкомъ щекотливо. Но съ другой стороны ей очень хотѣлось удалить Шлейница отъ должности обер-гофмейстера и она боялась, что онъ сошлется на заключенное съ нимъ условіе, чтобы только сохранить свое жалованье и положеніе.

-«Если бы я стала сама съ нимъ говорить, писала Шар-

---

[1]) «Ей, ей, царское величество тебя очень любитъ. Царь сказалъ мнѣ, ей, ей: Катерина, твоя невѣстка очень пригожа, какъ станомъ, такъ умомъ и нравомъ. Я сказала на это: Царское Величество, ты любишь свою дочь больше чѣмъ меня. Царь засмѣялся и сказалъ: не больше, но скоро буду любить ее столько сколько тебя: послѣ тебя я на свѣтѣ никого такъ не люблю какъ ее. Сынъ мой, ей Богу, не стóитъ такой доброй жены, какая ему досталась». Шарлотта писала матери, что Екатерина, обращаясь къ ней всегда говорила ей *Ihr*, но что это ей пріятно, лишь бы только царица при этомъ продолжала ее любить.—Извѣстно, что на нѣмецкомъ языкѣ въ вѣжливомъ оборотѣ рѣчи вмѣсто 2-го лица единственнаго числа *du* употребляется 3-е лицо множ. ч. *sie* (какъ въ итальянскомъ 3-е лице единств.). Въ прошломъ же вѣкѣ кромѣ того употреблялось еще 2-е лицо множ. ч. *ihr* (какъ въ русскомъ, французскомъ и другихъ языкахъ), но только на простонародномъ языкѣ или въ обращеніи лица высокопоставленнаго къ подчиненному.

[2]) «Господь видно ко мнѣ очень милостивъ, что послалъ мнѣ такую хорошую невѣстку; это имя меня прежде пугало, теперь же оно мнѣ пріятно. Убей меня Богъ, мнѣ очень жаль, что я должна съ тобою разстаться. Я была бы рада, если бы тебя прежде никогда не видѣла, ибо люблю тебя теперь такъ, что мнѣ будетъ скучно и досадно, пока опять не увижусь съ тобой».

лотта по этому поводу родителямъ, это было бы совершенно напрасно, какъ я уже нѣсколько разъ испытала. Онъ начинаетъ плакать, призываетъ Бога и небо въ свидѣтели, яростно проклинаетъ тѣхъ, которые изобрѣли подобную ложь и наклеветали на него, клянется въ вѣрности, такъ что можно считать его ангеломъ. Такимъ образомъ онъ, безъ сомнѣнія, въ состояніи провести самыхъ тонкихъ людей; нужно хорошо знать его поведеніе, чтобы не поддаться всему, что онъ говоритъ. Правда, въ условіи сказано, что я не могу его удалить не выслушавши его оправданій; но пусть онъ отнесется къ вашей свѣтлости какъ бы къ моей собственной особѣ и оправдается, если будетъ въ состояніи. Онъ скажетъ также, что согласно съ условіемъ ему нужно за полгода впередъ объявить, что его хотятъ удалить. Дѣйствительно, по праву и справедливости слѣдовало бы такъ поступить, но его поведеніе было такъ странно, что ничего подобнаго нельзя было предположить, и такъ какъ онъ не велъ себя согласно съ условіемъ, то и мы ничѣмъ не связаны имъ. Онъ говоритъ, что я очень добра; дѣйствительно я вообще была слишкомъ добра, относительно же его болѣе чѣмъ слѣдовало».

Но бѣдная кронпринцесса отдѣлалась отъ своего гофмейстера не такъ легко, какъ она надѣялась, и «щекотливое дѣло» имѣло для нея еще очень много непріятныхъ послѣдствій.

Къ оскорбленію и негодованію, которыя она испытывала, и къ страху огласки присоединилась еще размолвка съ ея родственниками. Эта размолвка была вызвана отчасти недоразумѣніями, отчасти же неловкими дѣйствіями герцога Антона-Ульриха по поводу возбужденнаго Шлейницемъ дѣла.

Еще до этого герцогъ два раза писалъ кронпринцессѣ, чтобъ она прислала ему молодого Верзебе, къ которому онъ питалъ особенное довѣріе. Онъ хотѣлъ въ личномъ разговорѣ съ нимъ узнать настоящее положеніе дѣлъ при дворѣ Шарлотты, и просилъ свою внучку передать ему черезъ этого повѣреннаго все, что она не рѣшалась сообщить письменно. Шарлотта сначала хотѣла исполнить желаніе дѣда, но потомъ раздумала, потому что положеніе своего двора не считала нужнымъ скрывать въ письмахъ, семейныя же тайны не хотѣла передать Верзебе, считая его слишкомъ молодымъ для этого. «Только вамъ, писала она матери, могу я довѣрить мои тайны, ибо отъ васъ я могу ожидать полезныхъ совѣтовъ, и въ то же время быть увѣренной, что мои тайны будутъ сохранены. До сихъ поръ, слава Богу, у меня нѣтъ ни наперсника, ни наперсницы, ибо Господь мнѣ

всѣхъ замѣняетъ, въ немъ я нахожу поддержку и утѣшеніе во всѣхъ моихъ несчастіяхъ».

Около того времени, когда царь долженъ былъ проѣхать чрезъ Эльбингъ, герцогъ Антонъ-Ульрихъ, вѣроятно узнавшій изъ донесеній Шлейница о сплетняхъ, касавшихся Пёльница, написалъ къ Верзебе, и приказалъ поклониться кронпринцессѣ и сказалъ ей, что онъ желаетъ, чтобы Пёльницъ пріѣхалъ въ Брауншвейгъ. Но Верзебе, вмѣсто того чтобы показать письмо своей госпожѣ, сталъ чрезъ секретаря проситься у нея въ отпускъ въ Брауншвейгъ и Бременъ. Шарлотта обѣщала отпустить его послѣ отъѣзда царя, но потомъ, призвавши его, стала разспрашивать, зачѣмъ онъ хочетъ ѣхать. Онъ очень смутился; замѣтивши это, Шарлотта спросила, нѣтъ ли писемъ отъ герцога. Верзебе сознался, но сказалъ, что для нея нѣтъ письма. Когда же Шарлотта пожелала видѣть письмо герцога, присланное ему, онъ сказалъ, что не имѣетъ его при себѣ, но отдалъ его Пёльницу. Все это очень изумило и разсердило царевну. Она послала за Пёльницомъ и потребовала письмо Антона-Ульриха. Прочитавши его, Шарлотта сказала Пёльницу, чтобъ онъ собирался въ дорогу. Онъ отвѣчалъ, что исполнитъ ея приказаніе, но такъ какъ онъ еще слабъ послѣ вынесенной имъ болѣзни, то покорнѣйше проситъ избавить его отъ такого далекаго путешествія. Онъ сталъ объяснять, что герцогъ потому только потребовалъ его въ Брауншвейгъ, что къ нему не выслали Верзебе. Шарлотта нашла всѣ эти доводы основательными и отправила Верзебе къ дѣду, полагая при этомъ, что поступаетъ очень благоразумно (j'ay voulu agir en personne d'esprit).

Это случайное обстоятельство, что вмѣсто Пёльница присланъ былъ Верзебе, послужило вѣроятно въ глазахъ Антона-Ульриха подтвержденіемъ опасеній, возбужденныхъ въ немъ разсказами Шлейница, и онъ отправилъ къ своей внучкѣ нарочнаго курьера съ требованіемъ немедленно выслать къ нему Пёльница.

Положеніе неопытной семнадцатилѣтней кронпринцессы было очень затруднительно. Совершенно одинокая, не имѣя около себя ни одного человѣка, съ которымъ можно бы было посовѣтоваться, она должна была окончательно растеряться отъ этой поспѣшности герцога. Она совершенно здраво разсудила, что если она исполнитъ желаніе герцога, то необычное, внезапное отправленіе молодого Пёльница возбудитъ подозрѣніе даже тѣхъ, кто ничего не зналъ о распространившихся сплетняхъ, а въ глазахъ тѣхъ, кому онѣ были извѣстны, послужитъ доказательствомъ ея виновности. На основаніи такихъ соображеній она рѣшилась

не отправлять Пёльница, но, выждавъ удобный случай, дать ему прямо отставку.

«Что касается до Пёльница, писала она матери, то онъ исполняетъ свою службу съ большимъ усердіемъ и вѣрностью; но вслѣдствіе распространенной о немъ клеветы мнѣ, съ одной стороны, жаль его, съ другой же—онъ мнѣ сталъ противенъ, хотя онъ и ни въ чемъ не виноватъ. Я того же мнѣнія какъ и вы, что его необходимо удалить, и непремѣнно это сдѣлаю; прошу васъ только быть терпѣливѣе. Если я не выгоняю его въ ту же минуту, это не значитъ, чтобъ я этого не сдѣлала вовсе. Моя честь мнѣ слишкомъ дорога и близка; правда, мнѣ будетъ жаль удалить его безъ всякой причины и, можно сказать, именно за его невинность, но я все это преодолѣю. Повѣрьте, что я днемъ и ночью думаю о томъ, чтобы уничтожить эти сплетни; здѣсь уже перестали объ нихъ говорить. Я сдѣлаю такъ, что вы и царевичъ, преимущественно же Всевышній Богъ, будете довольны моимъ поведеніемъ. Покорно прошу васъ передать все это герцогу, моему дѣду и просить его не присылать ко мнѣ своихъ курьеровъ: это только бросаетъ тѣнь на меня. Еслибы я теперь отправила Пёльница, то всѣ сказали бы, что я была къ этому принуждена вами, и никто бы послѣ этого не считалъ меня невинною. Будьте такъ добры, предоставьте мнѣ самой честь оправдаться, чтобы весь свѣтъ видѣлъ, что я удалила его по собственному своему побужденію, для устраненія поводовъ къ сплетнямъ».

Но старый герцогъ стоялъ на своемъ. Напрасно Шарлотта писала ему, «что Пёльницъ не такъ глупъ, чтобы отправиться въ такую минуту въ Вольфенбюттель. Не потому онъ не поѣхалъ туда, чтобы онъ чувствовалъ себя виновнымъ; но такъ какъ Шлейницъ, Штейнмецъ и всѣ другіе враги его находятся въ Вольфенбюттелѣ, а за нимъ прислали нарочнаго курьера, то ему естественно должно было придти на умъ, что не къ добру его туда приглашаютъ. Для того, чтобы дать отчетъ о положеніи двора, его присутствіе тамъ не нужно, а чтобы получить награду или повышеніе, ему также не нужно было бы ѣхать въ Брауншвейгъ. Онъ знаетъ, что Шлейницъ его ненавидитъ, и даже не догадываясь въ чемъ дѣло, онъ могъ бы почуять бѣду, ибо даже самые невинные люди на этомъ свѣтѣ имѣютъ основаніе всего опасаться».

На возраженіе матери, что Пёльница не погубятъ, Шарлотта отвѣчала, что она очень равнодушна къ его участи, но всякая строгость относительно его возбудила бы страшную бурю. «Ему самому могла бы придти въ такомъ случаѣ мысль, что его

личность очень опасна, онъ даже пожалуй бы вообразилъ, что я его люблю, и получивши отставку, онъ могъ бы распространить обо мнѣ тысячу невыгодныхъ для меня нелѣпостей, хотя впрочемъ я не полагаю, чтобы онъ былъ къ этому способенъ».

Антонъ-Ульрихъ однако не призналъ справедливость этихъ доводовъ. Онъ такъ разсердился на свою внучку, что пересталъ даже писать ей. Въ то же время, въ своемъ рвеніи дознаться истины и наказать виновныхъ, онъ сдѣлалъ новый безтактный шагъ, который привелъ Шарлотту въ полное отчаяніе. Въ Вольфенбюттелѣ находился въ это время русскій мальчикъ, по имени «Ларивонъ», который, повидимому, служилъ казачкомъ у царевича. Еще въ Торнѣ Шарлотта желала отправить «Ларивона» къ дѣду въ Вольфенбюттель, можетъ быть по просьбѣ послѣдняго, который желалъ имѣть при своемъ дворѣ русскаго казачка. Царевичъ согласился на это, но сказалъ, что этотъ мальчикъ очень золъ, что онъ можетъ надѣлать имъ обоимъ много непріятностей, и для того, чтобы онъ исправился, его слѣдовало бы каждый день бить батогàми. Этого-то Ларивона рѣшился допросить Антонъ-Ульрихъ. Допросъ былъ произведенъ двумя лакеями, и чрезъ нихъ у Ларивона стали выпытывать такія подробности о семейной жизни кронпринцессы, что еслибы даже этотъ мальчикъ не имѣлъ ни малѣйшей злобы противъ своихъ господъ, а разсказывалъ обо всемъ, чтò происходило вокругъ него, съ полною наивностью своего возраста, то и тогда его показанія только бы запутали дѣло и представили его въ превратномъ видѣ. Но мальчикъ былъ очевидно лживъ и вѣроятно озлобленъ противъ своихъ господъ; онъ не ограничился сообщеніемъ разныхъ подробностей о жизни царевича, но, между прочимъ, показалъ, что самъ видѣлъ черезъ окно, какъ кронпринцесса цѣловала Пёльница, что она въ Торнѣ часто плакала о немъ и т. п.

Родственники Шарлотты имѣли безтактность переслать ей всѣ эти показанія. Можно себѣ представить отчаяніе и негодованіе Шарлотты, принужденной оправдываться въ обвиненіяхъ, которыя должны были оскорбить ее въ глубинѣ души, и, какъ она выражалась, «причиняли ей смертельную печаль». «Хотя все, чтò бы ни сдѣлали и ни сочли нужнымъ ваши свѣтлости, писала она родителямъ, для меня должно быть справедливымъ закономъ, и хотя я обвиняю только свою злополучную звѣзду за все случившееся, но допытываться у маленькаго Ларивона о малѣйшихъ моихъ поступкахъ, да еще черезъ двухъ лакеевъ, которые уже никакъ не уменьшили его выдумокъ, но еще и присочинили къ нимъ!! И вотъ на чемъ основаны всѣ эти клеветы!

Всему этому виною два негодяя, какихъ еще и свѣтъ не создавалъ—Шлейницъ, котораго весь міръ знаетъ за большого лжеца, и Ларивонъ, который почти еще ребенокъ и выдумываетъ всякій вздоръ, за то, что его разъ высѣкли».

Опровергая показанія Ларивона, кронпринцесса должна была касаться обстоятельствъ, о которыхъ намъ приходится умолчать. Между прочимъ, она была вынуждена сообщить, что если царевичъ иногда и не проводилъ ночей дома, то потому что бывалъ въ гостяхъ, гдѣ попойка продолжалась до 3-хъ и 4-хъ часовъ, и что во все время его отсутствія въ ея комнатѣ находилась ея кузина, принцесса остфрисландская. «Это правда, писала Шарлотта, что я очень часто плакала въ Торнѣ, но мнѣ кажется, что я уже объяснила вамъ причину нѣсколько недѣль тому назадъ. Ларивонъ самъ разсказывалъ мнѣ здѣсь разныя исторіи про царевича, что онъ влюбленъ въ одну женщину, которая въ то время была въ Торнѣ, что онъ цѣлый день пьетъ, и тысячу подобныхъ вещей, такъ что наконецъ я ему сказала, чтобъ онъ замолчалъ, иначе я про это скажу царевичу. Плакала же я въ то время по причинѣ всего, что мнѣ пришлось вынести изъ-за моего вѣроисповѣданія, а вовсе не изъ-за Пёльница. Нужно уже чрезмѣрное желаніе—имѣть дѣтей, чтобы забыться до такой степени, но я въ тысячу разъ предпочла бы навсегда отказаться отъ дѣтей, чѣмъ только допустить подобную мысль, такъ она отвратительна. Однако рѣшительно невозможно, чтобы всѣ эти разсказы возникли въ мозгу Ларивона; нужно полагать, что какой-нибудь злой духъ подучилъ говорить его, что онъ видѣлъ, какъ я цѣловала П. Не говоря о томъ, что это ложь, и никогда не могло случиться, но даже вовсе нѣтъ окна, изъ котораго можно было бы видѣть, что происходитъ въ моей комнатѣ; итакъ эта клевета сама себя уничтожаетъ».

Шарлотту особенно безпокоила въ то время мысль, что всѣ эти сплетни могутъ дойти до царевича, и ее мучилъ понятный страхъ относительно оборота, который въ такомъ случаѣ могла бы принять эта печальная исторія. Ни характеръ ея супруга, ни представленіе, которое она создавала себѣ о русскихъ обычаяхъ не были таковы, чтобы ее успокоить. Всего болѣе же можетъ быть тревожилъ ея воображеніе страшный примѣръ, случившійся въ ея собственной семьѣ. Еще была жива ея несчастная тетка, супруга ганноверскаго курфиста Георга, разлученная навсегда съ семьею и дѣтьми и отвезенная на вѣчное заточеніе въ уединенный замокъ, послѣ того, какъ молодой графъ Кёнигсмаркъ палъ отъ руки убійцъ на ступеняхъ ея дворца[1].

---

[1]) См. объ этомъ «Лейбницъ и его вѣкъ», стр. 321.

Кронпринцесса поспѣшила отправить въ русскій лагерь въ Померанію Вейсбаха, одного изъ придворныхъ царевича, который болѣе другихъ ему нравился. Возвратившись изъ Штетина, Вейсбахъ привезъ Шарлоттѣ самыя успокоительныя извѣстія. Онъ вручилъ ей очень любезное письмо царевича, въ которомъ Алексѣй убѣждалъ жену, чтобы она ничего не опасалась; что несмотря на злословіе цѣлаго свѣта, онъ не повѣритъ ни одному слову, которое бы бросило тѣнь на нее, что онъ ее слишкомъ хорошо знаетъ, и что всѣ эти розсказни дьявольская ложь, придуманная для того, чтобы ихъ поссорить, но что съ Божьею помощью это никому не удастся (дай-то Господи, замѣтила при этомъ Шарлотта). Алексѣй выражалъ надежду, что скоро будетъ имѣть возможность ее обнять и доказать ей, что онъ никогда ее не забывалъ, какъ она жаловалась въ письмѣ къ нему, что, напротивъ, онъ ее любитъ болѣе чѣмъ когда-либо и не можетъ дождаться минуты свиданія послѣ такой продолжительной разлуки.

То же самое царевичъ поручилъ Вейсбаху передать на словахъ. «Съ тѣхъ поръ какъ Вейсбахъ сказалъ мнѣ это, писала Шарлотта матери, и передалъ мнѣ дорогое письмо, мнѣ кажется, что все, что онъ ни дѣлалъ, было хорошо, и его поведеніе мнѣ представляется въ лучшемъ свѣтѣ, тогда какъ прежде я имѣла къ нему настоящую антипатію. Теперь же, напротивъ, я полагаю, что скоро также станутъ говорить, будто я въ него влюблена».

Особенно успокоилъ Шарлотту случай, разсказанный ей Вейсбахомъ и убѣдившій ее, что Алексѣй очень близко принимаетъ къ сердцу все, что ея касается, и съ рыцарскимъ чувствомъ защищаетъ ее отъ всякихъ нареканій. Вейсбахъ лучше другихъ иностранныхъ говорилъ по-русски; это дало ему возможность болѣе сблизиться, какъ съ царевичемъ, такъ и съ русскими офицерами подъ Штетиномъ, и одинъ изъ нихъ, князь Голицынъ, передалъ ему разсказъ, столь обрадовавшій кронпринцессу. Она уже прежде слышала, что ея супругъ сильно поссорился съ кн. Меншиковымъ, но ей не удалось узнать причину. Теперь ей стало извѣстно, что поводомъ къ этой ссорѣ была она сама.

Однажды Меншиковъ угощалъ въ лагерѣ царевича и высшихъ офицеровъ: разговоръ коснулся кронпринцессы и ея двора, и Меншиковъ сталъ говорить о послѣднемъ въ очень не лестныхъ выраженіяхъ. Онъ утверждалъ, что лица, составлявшія дворъ Шарлотты, народъ грубый, невѣжливый, непріятный и ко всему относящійся съ насмѣшкой. (Онъ не ошибся въ этомъ, прибавила отъ себя Шарлотта, хотя относительно его и его свиты всѣ были чрезвычайно вѣжливы.)

Меншиковъ удивлялся тому, что царевичъ можетъ терпѣть вокругъ своей супруги такой народъ, который ее совершенно испортитъ. Царевичъ возразилъ, что эти упреки несправедливы, и что онъ хорошо знаетъ придворныхъ своей жены. Потомъ прибавилъ, что если они нравятся его супругѣ, то этого для него достаточно, чтобы быть ими довольнымъ. А что они могутъ испортить его жену, то этого нечего бояться; не такой у нея нравъ, чтобы она дала себя испортить и измѣнить къ худшему. «Ты слѣпъ къ своей женѣ, сказалъ на это Меншиковъ, она тщеславна».—«Знаешь ли ты, кто моя жена, перебилъ его съ поспѣшностью царевичъ, и помнишь ли ты разницу между ней и тобой?»—«Я это очень хорошо знаю, возразилъ Меншиковъ, но помнишь ли ты, кто я?»—«Конечно, сказалъ царевичъ, ты былъ ничѣмъ и по милости моего отца ты сталъ тѣмъ, что ты есть». —«Я твой попечитель (ton gouverneur,) замѣтилъ Меншиковъ и тебѣ не слѣдуетъ со мною такъ говорить.» Царевичъ расхохотался: «Ты былъ моимъ попечителемъ, теперь же ты уже не мой попечитель, ибо, слава Богу, я самъ умѣю позаботиться о себѣ; но скажи мнѣ, чтò у тебя противъ моей жены.»—«Что у меня противъ нея, отвѣтилъ Меншиковъ; она высокомѣрная нѣмка, и все оттого, что она въ родствѣ съ императоромъ; но отъ этого родства ей впрочемъ будетъ мало проку; а во-вторыхъ, она тебя не любитъ, и она права въ этомъ, ибо ты обращаешься съ ней очень дурно, кромѣ того что ты своимъ видомъ не можешь возбудить любви.» — «Кто сказалъ, что она меня не любитъ?» воскликнулъ царевичъ. «Я очень хорошо знаю, что это неправда; я ею очень доволенъ и убѣжденъ, что и она мною довольна. Да сохранитъ Господь ей жизнь, я буду съ нею очень счастливъ.»—«Я своими глазами убѣдился въ противномъ, возразилъ Меншиковъ, она тебя не любитъ. Плакала она, когда ты уѣзжалъ, отъ досады, видя, что ты ее не любишь, а нисколько не отъ любви къ тебѣ». — «Не стòилъ ты того, чтобы на нее смотрѣть, сказалъ царевичъ: ея нравъ очень кротокъ, и хотя она не моей вѣры, я долженъ однако сознаться, что она очень благочестива. Что она меня любитъ, въ этомъ я увѣренъ, ибо ради меня она все покинула, и въ томъ также я увѣренъ, что она честна; впрочемъ неудивительно, что ты такъ говоришь, ибо ты судишь объ имперскихъ княжнахъ по тѣмъ, которыя у насъ, и особенно по твоей роднѣ, которая никуда не годится, также какъ и твоя Варвара (сестра жены Меншикова). У тебя змѣиный языкъ и поведеніе твое неблагородно. Я надѣюсь, что ты скоро попадешь въ Сибирь за твои клеветы; моя жена честна, и кто впредь мнѣ станетъ говорить что-нибудь противъ нея,

ствіе этого, очень неохотно пользовался своимъ окладомъ, не имѣя возможности оказать своей госпожѣ ни малѣйшей услуги.

Но Шлейницъ не желалъ лишиться своего мѣста безъ всякаго вознагражденія. Онъ требовалъ, чтобы кронпринцесса предоставила ему при отставкѣ званіе камергера съ ключомъ. Мать царевны поддерживала это требованіе. Возражая матери, Шарлотта писала, что она съ удовольствіемъ согласилась бы на просьбу Шлейница, но послѣ всего, что онъ сдѣлалъ, онъ не заслужилъ отличіе, которое дается только тому, кто хорошо исполнялъ службу и самъ выходитъ въ отставку. «Шлейницъ же не перестанетъ дурно говорить обо мнѣ, продолжала принцесса. Если онъ получитъ это званіе, то будетъ утверждать, что самъ пожелалъ отставки, и что ему дали званіе камергера изъ страха, чтобы онъ не говорилъ ничего обо мнѣ. Впрочемъ, если вы этого желаете, я съ удовольствіемъ соглашусь на его просьбу».

Въ октябрѣ, въ сѣверной Польшѣ, гдѣ стояло нѣсколько русскихъ отрядовъ, произошло передвиженіе войскъ. Турція настаивала на основаніи прутскаго договора на томъ, чтобы русскія войска вышли изъ Польши, и отправила туда пашу, чтобы убѣдиться въ точномъ исполненіи этихъ условій. Поэтому начальнику русскаго отряда, стоявшаго въ Эльбингѣ, былъ данъ приказъ отступить съ своими солдатами въ Ригу. Бригадиръ Балкъ, который былъ присланъ Петромъ въ Эльбингъ съ этимъ распоряженіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ привезъ Шарлоттѣ письмо отъ царя, въ которомъ онъ просилъ ее отправиться вслѣдъ за отрядомъ въ Ригу и Петербургъ.

Это извѣстіе привело ее въ величайшее волненіе. Шарлотта, не говоря уже о ея молодости и неопытности, была по природѣ очень робка и мнительна, при малѣйшей неудачѣ представляла себѣ все въ черномъ цвѣтѣ и разстроивала себя еще болѣе своими жалобами и слезами. Кромѣ того у нея былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые не умѣютъ примѣниться ни къ новымъ людямъ, ни къ новымъ обстоятельствамъ; а ей выпала на долю еще болѣе трудная задача, примѣниться къ новому отечеству и къ совершенно чуждой ей національности. Притомъ, въ петровское время различіе между западнымъ человѣкомъ и русскимъ было гораздо существеннѣе, чѣмъ теперь, и разстояніе между ними поддерживалось взаимнымъ непониманіемъ и недовѣріемъ.

Само первое знакомство кронпринцессы съ ея новыми соотечественниками не могло внушить ей особеннаго расположенія къ нимъ и дать ей вѣрное понятіе о народѣ. Первые русскіе, которыхъ она узнала ближе, были офицеры и солдаты

Эльбингскаго гарнизона, жившіе среди враждебнаго къ нимъ населенія. Въ виду этого не слѣдуетъ слишкомъ строго осуждать Шарлотту за странныя понятія о русскомъ характерѣ, которыя она создала себѣ до своего пріѣзда въ Россію.

«Безъ надежды на вашу ко мнѣ любовь», писала она своему отцу 23 октября 1712 г., «то далекое и страшное разстояніе отъ васъ, казалось бы мнѣ еще невыносимѣе. Я никогда не составляла себѣ слишкомъ выгоднаго понятія о Россіи и ея жителяхъ, но то, что̀ я увидѣла, превзошло мои ожиданія. Нужно жить среди русскихъ и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ они господствуютъ, чтобы ихъ хорошенько узнать. Для того, чтобы пріобрѣсти ихъ расположеніе, необходимо сдѣлаться русскимъ и по духу и по нраву, и даже въ такомъ случаѣ это не всегда удается, ибо если существуетъ народъ, котораго трудно къ себѣ расположить, такъ это именно нашъ (т.-е. русскій). Они въ высшей степени корыстны, и если одолжаешь ихъ чѣмъ-нибудь, то они полагаютъ, что разсчитываешь на ихъ благодарность, и тогда они начинаютъ ненавидѣть лицо, которое ихъ облагодѣтельствовало. Доставивши имъ какое-нибудь удовольствіе, вы должны еще относиться къ нимъ съ тою признательностью, которую могли бы отъ нихъ ожидать — и благодарить ихъ за то, что они приняли подарокъ, иначе они очень обидятся. Понятія ихъ очень спутаны, самые ужасные кутежи распространены между ними, во время богослуженія и молитвы они ведутъ себя чрезвычайно легкомысленно (fort cavalièrement), нечистоплотность ихъ доходитъ до крайнихъ размѣровъ; нѣтъ области въ Германіи, жители которой не были бы болѣе образованы русскихъ, т.-е. тѣхъ изъ нихъ, которые ничего не видѣли, кромѣ своей родины,—однимъ словомъ, это очень непривлекательный народъ. Нужно любить царевича, моего супруга, такою полною любовью, какую я къ нему питаю, иначе я имѣла бы много причинъ содрогаться при мысли о продолженіи моего путешествія. Но находя въ царевичѣ столько и даже больше хорошихъ качествъ, чѣмъ дурныхъ у народа, я считаю большимъ счастіемъ, что буду жить среди людей, которые обладаютъ тѣмъ отличнымъ свойствомъ, что глубоко преданы своему государю. Поэтому и я люблю русскихъ, ибо нѣтъ такого ужаснаго мѣста на цѣломъ свѣтѣ, куда бы я не отправилась съ удовольствіемъ, сопровождая царевича.

«Къ сожалѣнію онъ все еще въ Помераніи, и я не знаю, когда буду имѣть удовольствіе увидѣть его послѣ полугодовой разлуки. Завтра этотъ городъ будетъ уступленъ саксонцамъ, но нашъ гарнизонъ гораздо сильнѣе и красивѣе, чѣмъ тотъ, кото-

рый долженъ сюда вступить. Нашъ состоитъ изъ 1500 отборныхъ солдатъ, у саксонцевъ 500 человѣкъ совершенно обнищавшихъ; имъ давно пора было придти сюда, чтобы нѣсколько оправиться. Поляки и король прусскій сдѣлали все возможное, чтобы овладѣть городомъ, но онъ достался пока саксонцамъ.... Я уѣду отсюда, какъ только получу деньги».

Въ такомъ же родѣ, но еще болѣе разочарованное другое письмо кронпринцессы къ отцу, отъ 29 ноября:

«Если бы я въ моемъ горѣ не имѣла счастія получать отъ васъ удостовѣреніе въ вашей ко мнѣ милости и въ вашемъ расположеніи, я, безъ сомнѣнія, давно бы погибла; но эта увѣренность спасаетъ меня отъ неминуемаго отчаянія, въ которое я уже на половину погружена, не зная, какимъ способомъ отъ него избавиться. Мое положеніе гораздо печальнѣе и ужаснѣе, чѣмъ можетъ представить себѣ чье-либо воображеніе. Я замужемъ за человѣкомъ, который меня никогда не любилъ, а теперь любитъ еще менѣе, чѣмъ когда-либо: несмотря на это, я къ нему привязана, потому что это мой долгъ, и слава Богу, я ему не дала никакого повода сомнѣваться въ этомъ, или думать противное. Царь ко мнѣ милостивъ, его жена также, но подъ рукой онъ мнѣ вредитъ всевозможнымъ образомъ, ибо она ненавидитъ меня теперь столько же, сколько мнѣ приходится ее опасаться, т.-е. болѣе, чѣмъ можно себѣ вообразить. Народъ еще можно бы было расположить къ себѣ, еслибы не эта антипатія къ нѣмцамъ, прирожденная у русскихъ (qui leur est tout naturelle), которая представляетъ мнѣ непреодолимое препятствіе; уже не говоря о томъ, что лютеране въ ихъ глазахъ не много лучше самого дьявола; по крайней мѣрѣ они ихъ столько же ненавидятъ и считаютъ себя оскверненными ихъ прикосновеніемъ. У насъ полагаютъ, что русскіе искренны и вѣрны, но я могу увѣрить васъ, что у нихъ нѣтъ ни одного изъ этихъ качествъ; напротивъ, они лицемѣрны и вѣроломны, и только строгость, съ которою царь наказываетъ тѣхъ, кто обнаруживаетъ эти свойства, заставляетъ ихъ надѣвать личину, отъ которой они очень выигрываютъ и представляются совершенно иными въ глазахъ цѣлаго свѣта.

«Наконецъ, мои собственные слуги таковы, что хуже ихъ нельзя было бы найти. Они не щадятъ меня, лишь бы имъ можно было повредить другъ другу, и для достиженія своихъ цѣлей они готовы бы были меня продать. Я это недавно испытала, ибо для того, чтобы удалить отъ двора Пёльница, они не придумали ничего лучшаго, какъ нанести мнѣ самое чувствительное оскорбленіе и сочинили самую черную и злую клевету. Они были со-

вершенно увѣрены въ успѣхѣ своего дѣла, ибо еще въ Торнѣ я не разъ говорила, что если бы я когда-нибудь имѣла несчастіе сдѣлаться жертвою подобной клеветы, то человѣку, на котораго бы указывало злословіе, не сдобровать. Даже если бы онъ былъ совершенно невиненъ, я бы его возненавидѣла, какъ самаго опаснаго и отъявленнаго врага. И дѣйствительно, какъ скоро до меня дошла эта ужасная клевета, я тотчасъ же пожелала избавиться отъ П.»

Изъ этого же письма видно, что не только старый герцогъ продолжалъ быть недовольнымъ внучкою, не хотѣлъ слышать о ней, но и мать на нее, наконецъ, такъ разсердилась, что перестала ей писать. Причина неудовольствія, повидимому, заключалась въ томъ, что Шарлотта все еще не рѣшалась отправить Пёльница въ Вольфенбюттель, боясь, что его тамъ подвергнутъ слѣдствію и такимъ образомъ только раздуютъ дѣло, которое слѣдовало заглушить молчаніемъ.

Вслѣдствіе этого Шарлотта стала снова объяснять своему отцу, почему она не считала возможнымъ выслать Пёльница въ Вольфенбюттель.

«Если не ошибаюсь, писала она, я нѣсколько разъ увѣряла въ своихъ письмахъ, что непремѣнно удалю П., но къ несчастію мнѣ не повѣрили. Теперь снова увѣряю васъ въ этомъ и льщу себя надеждой, что вы мнѣ наконецъ повѣрите. Я отпущу его здѣсь и еще до истеченія 8 дней. Я давно уже это порѣшила и никогда не имѣла намѣренія брать его съ собою въ Петербургъ или хоть бы до Риги.

«Я не настолько врагъ своего добраго имени, чтобы погубить себя и свою семью изъ одного легкомыслія. Напротивъ, я въ отчаяніи, что вездѣ идутъ толки объ этихъ сплетняхъ, но, если мнѣ дозволятъ сказать правду, не вышло ли все изъ того, что въ Вольфенбюттелѣ надѣлали столько шума, допросили, посредствомъ лакеевъ, Ларивона, этого злополучнаго мальчугана, а потомъ собрали тайный совѣтъ и предложили ему вопросъ, какъ поступить въ подобномъ случаѣ. Конечно уже, если бы я была способна къ такому преступленію, то было бы лучше скрыть его и заглушить. Если бы я знала за собой прежде или теперь хоть малѣйшій поступокъ, который могъ бы дать поводъ къ такому злословію, я бы вѣчно раскаявалась и сожалѣла объ этомъ, и не жаловалась на моихъ жестокихъ враговъ. Самыхъ умныхъ людей обстоятельства иногда вводятъ въ заблужденіе, и послѣ столькихъ примѣровъ не удивительно, что меня считали виновною, но, какъ предъ Богомъ, клянусь вамъ, что не разъ я спрашивала себя, не подавала ли я повода къ такимъ раз-

сказамъ, и никогда я не чувствовала за собой ни малѣйшей вины. Вы сдѣлали бы мнѣ большое одолженіе назвавши тѣхъ, кто распространяетъ такія сплетни; но такъ какъ мнѣ отказали въ этой просьбѣ, то я ее больше не повторяю и довольствуюсь счастіемъ, что могу исполнить волю вашей свѣтлости и волю моей матери. Увѣряю васъ, что я ничего такъ не желаю, какъ доказать вамъ мое послушаніе, которое я буду оказывать вамъ до конца моей жизни, хоть бы я сдѣлалась императрицей всего земного шара. Я бы давно доказала вамъ это, но я знаю царевича, моего супруга, и Россію лучше, чѣмъ кто-либо другой, и дай Богъ, чтобы мое опасеніе не оправдалось.

«Въ знакъ моего послушанія я оставлю у себя Бонденъ и сестру Бранденштейна, пока онѣ захотятъ оставаться у меня, несмотря на всѣ непріятности, которыя онѣ дѣлаютъ мнѣ и моимъ придворнымъ. Я даже буду считать ихъ преданными себѣ. Что же касается до Мейера, то Бранденштейнъ уже недѣли двѣ тому назадъ писалъ гофмейстеру Шлейницу, чтобы онъ далъ ему отставку, ибо сама я этого не могу сдѣлать, а онъ не принялъ бы ея ни отъ кого изъ придворныхъ и только бы оскорбилъ того, кто отнесся бы къ нему съ такимъ дѣломъ. Несмотря однако на это, я ожидаю, что онъ явится сюда, ибо онъ изумительно хвастается милостями, которыя ему оказываютъ въ Брауншвейгѣ. Если онъ возвратится сюда, то, безъ сомнѣнія, Бранденштейнъ, Бломбергъ и всѣ занимающіе второстепенныя должности уйдутъ отъ меня; тѣмъ не менѣе я исполню все, что̀ ваша свѣтлость сочтетъ нужнымъ и прикажетъ мнѣ.»

Какого рода были требованія съ вольфенбюттельской стороны, изъ письма не видно; вѣроятно они касались отношенія Шарлотты къ различнымъ придворнымъ, замѣшаннымъ въ исторію Пёльница. Кронпринцесса наконецъ рѣшилась уступить въ этомъ случаѣ своей семьѣ. Всего болѣе ее побуждало къ этому неудовольствіе матери, дошедшее до того, что Шарлотта не рѣшалась ей писать. Послѣднія письма ея всѣ были адрессованы къ отцу. Въ приведенномъ выше письмѣ она умоляла отца примирить ее съ матерью: «Богу извѣстно, что это неудовольствіе меня болѣе огорчаетъ, чѣмъ мое несчастіе и даже чѣмъ эта жестокая клевета. Что касается до герцога, то я не питала надежды когда-нибудь получить его прощеніе, хотя Богъ свидѣтель, что я лишилась его милости совершенно невинно, ибо я тогда такъ поступила, опасаясь моей гибели, которую я и теперь считаю неизбѣжною, впрочемъ всемогущій Богъ можетъ все измѣнить».

Положеніе принцессы было въ то время дѣйствительно очень жалкое. Уже 8 мѣсяцевъ она была въ разлукѣ съ мужемъ, и

извѣстія, которыя доходили до нея о его лагерной жизни, не были утѣшительны. Ее стали также тревожить слухи будто бы царица, которая выказывала ей въ Эльбингѣ такую нѣжность, начинаетъ ей завидовать и относиться къ ней враждебно. Шарлотта была совершенно искренна, когда называла себя «самой несчастной женщиной на свѣтѣ, находящейся вдали отъ отечества и отъ дорогихъ родственниковъ, въ странѣ гдѣ ее не любятъ». «Милость царя, писала она, можетъ измѣниться, расположеніе царевича ко мнѣ не слишкомъ велико, я окружена людьми, которые меня приводятъ въ отчаяніе своимъ дурнымъ поведеніемъ и образомъ жизни, зависть царицы сильнѣе, чѣмъ ея дружба ко мнѣ, злословіе коснулось меня самымъ чувствительнымъ образомъ, поведеніе мое, всегда безукоризненное, теперь совершенно очернено злыми языками и въ довершеніе всѣхъ бѣдъ герцогъ хочетъ меня бросить и не хочетъ слышать обо мнѣ.»

Такъ какъ ко всему этому присоединилась ссора съ матерью, которая также перестала писать, то было естественно, что Шарлотта не выдержала и рѣшилась во что бы то ни стало передъ отъѣздомъ въ Россію повидаться съ семьею. Рѣшилась она на это повидимому внезапно, въ началѣ декабря, вскорѣ послѣ приведеннаго нами письма къ отцу, гдѣ она просила его примирить ее съ матерью. Еще 28-го октября Шарлотта думала ѣхать въ Россію и писала Петру: «вашего царскаго величества милостивѣйшій указъ, который мнѣ чрезъ бригадера Балка объявить повелѣли не оставила-бъ, какъ того моя должность (т.-е. мой долгъ) и требуетъ исполнить и я уже въ готовности была отсюда отъѣхать, но понеже того безъ денегъ никоими мѣрами учинить не можно было, того ради прошу вашего царскаго величества всеподданнѣйше то замедленіе во гнѣвъ не принять, ибо коль скоро деньги прибудутъ, то и я, какъ въ прочемъ и окажу, что вашего Ц. В. указъ отъ меня ненарушимо содержанъ будетъ» [1]).

Что Шарлотта рѣшилась на свою поѣздку въ Брауншвейгъ внезапно, доказывается тѣмъ, что она не только не испросила позволенія царя—въ этомъ случаѣ она могла опасаться, что ей будетъ отказано—но и не заручилась согласіемъ своихъ родителей. 13-го декабря она прямо извѣстила своего отца, что намѣрена чрезъ нѣсколько дней выѣхать въ Вольфенбюттель. «Такъ какъ, писала она, разстояніе между нами еще не слишкомъ велико, а царевичъ, мой супругъ, занятъ войною, то я бы сочла за грѣхъ, если бы не воспользовалась случаемъ повидаться съ

[1]) Изъ Брауншвейгскихъ дѣлъ 1712-го г., у Соловьева, XVII, 145.

вами еще одинъ разъ въ жизни. Это единственное счастіе, которое мнѣ остается на этомъ свѣтѣ, и оно такъ велико, что можетъ утѣшить меня во всѣхъ моихъ горестяхъ и заставить забыть ихъ на нѣкоторое время».

Шарлотта просила отца въ этомъ письмѣ не сердиться за то, что она выѣзжаетъ не дождавшись его позволенія, «такъ какъ въ ожиданіи его согласія она можетъ быть была бы принуждена отправиться въ Ригу». Вѣроятно она въ то время уже знала, что Петръ, отправивши жену и сына въ Россію, велѣлъ имъ по дорогѣ заѣхать въ Эльбингъ и взять съ собою Шарлотту. Когда въ концѣ декабря Екатерина и царевичъ прибыли въ Эльбингъ, они тамъ уже не нашли Шарлотты.

Въ первыхъ числахъ января кронпринцесса была въ Магдебургѣ, недалеко отъ Брауншвейга. Тамъ она получила письмо отъ отца, которое разсѣяло ея страхъ, что ея пріѣздомъ будутъ недовольны, и такимъ образомъ «устранило единственное препятствіе, нарушавшее пріятную надежду свиданія».

Но своею неожиданною поѣздкою на родину, Шарлотта навлекла на себя неудовольствіе своего дѣда, Антона-Ульриха, который вообще не одобрялъ ей дѣйствій, а особенно боялся, чтобы самовольный отъѣздъ внучки не испортилъ ея отношеній къ царю.

Въ письмѣ отъ 24-го января герцогъ жаловался на внучку своему старому другу Лейбницу, котораго онъ въ шутку называлъ русскимъ Солономъ, и писалъ ему, что кронпринцесса теперь очень бы нуждалась въ его мудромъ совѣтѣ, такъ какъ она, стосковавшись по родственникамъ, очень не кстати (mal-à-propos) пріѣхала въ Вольфенбюттель. Лейбницъ старался утѣшить герцога. «Если нельзя похвалить возвращеніе кронпринцессы, писалъ онъ, то и не слѣдуетъ слишкомъ осуждать ее за это, такъ какъ ей приходилось вдругъ удалиться на такое разстояніе отъ своихъ высокихъ родственниковъ и можетъ быть даже безъ надежды на свиданіе. Это можетъ послужить къ тому, что все лучше устроится. Но необходимо, чтобы принцесса не была слишкомъ долго разлучена съ своимъ супругомъ.»

Между тѣмъ Антонъ-Ульрихъ отправилъ къ царю въ Фридрихштатъ своего камеръ-юнкера фонъ-Крама съ письмомъ, въ которомъ оправдывалъ поступокъ внучки. Петръ отвѣтилъ, что онъ давно сдѣлалъ нужныя распоряженія о своевременной выдачѣ денегъ кронпринцессѣ, но что деньги не были доставлены—вѣроятно вслѣдствіе теперешнихъ затруднительныхъ обстоятельствъ или потому, что въ Москвѣ не представилось случая переслать ихъ кронпринцессѣ. Однако царь недоумѣваетъ, ка-

кимъ образомъ это обстоятельство могло заставить кронпринцессу внезапно уѣхать въ Брауншвейгъ, не предупредивши его. Петръ присовокупилъ, что имъ сдѣлано распоряженіе о переводѣ денегъ черезъ гамбургскаго банкира Поппе, и выразилъ надежду, что Шарлотта по полученіи ихъ выѣдетъ въ Петербургъ [1]).

Невѣсткѣ же своей Петръ писалъ: «Вашей любви къ намъ отправленное писаніе, отъ 17-го генваря, получили мы здѣсь исправно, и изъ того усмотрѣли, чтó васъ къ нечаянному отъѣзду въ Брауншвигъ привело. Мы о объявленныхъ вами причинахъ разсуждать не будемъ, токмо признаваемъ, что сія ваша скорая и безъ нашего вѣдома взятая резолюція насъ зѣло удивила, а наипаче понеже мы вашему желанію родителей вашихъ видѣть никогдабъ не помѣшали, ежелибъ вы только напередъ насъ о томъ увѣдомили. Что же ваша любовь впрочемъ и о недостаткѣ денежномъ объявляете, то не видимъ мы, чтобъ и то васъ къ такой скорой резолюціи привесть могло. Сожительница наша съ кронпринцемъ нашимъ уже предъ нѣкоторымъ временемъ путь свой назадъ въ государство наше и въ Петербургъ предвоспріяла, куда, мы уповаемъ, и ваша любовь за оными слѣдовать будете».

Но Шарлоттѣ нельзя было выѣхать изъ Брауншвейга по недостатку денегъ. Она нѣсколько разъ писала къ царю, оправдывала свой отъѣздъ и объясняла свое положеніе. Ея письма очевидно смягчили гнѣвъ царя, и 11-го февр. Петръ написалъ ей болѣе ласковое письмо: «Вашей любви различныя отправленныя къ намъ писанія исправно получили, и изъ оныхъ усмотрѣли, чтò васъ къ скорому отъѣзду изъ Эльбинга въ Брауншвигъ привело. Мы не сомнѣваемся, что вы оные 5,000 червонныхъ, которые къ вамъ чрезъ сына барона Левольда (слѣдуетъ читать Лёвенвольда) отправлены, нынѣ уже исправно получили, и при семъ еще вексель на 25,000 ефимковъ альбертусовыхъ на банкира Поппа въ Гамбургъ прилагаемъ и уповаемъ, что ваша любовь нынѣ путь свой какъ наискорѣе въ Ригу и далѣе въ Петербургъ воспримите, куда и сожительница наша и кронпринцъ нашъ предъ нѣкоторымъ временемъ уже поѣхали, яко же и мы для ускоренія вашего пути въ нашихъ земляхъ

---

[1]) Какъ нуждалась Шарлотта въ деньгахъ видно изъ счетовъ Мейера. Со дня свадьбы до 25 янв. 1713-го г. ей слѣдовало получить на содержаніе двора—62,500 тал. Вмѣсто этого ей было выдано: тотчасъ послѣ свадьбы . . : 12,500 т.
Меншиковымъ въ маѣ 1712-го года . . . . 5,000 р.
Въ Эльбингѣ въ іюлѣ . . . . 10,000 «
т.-е. считая рубли за талеры, около 27,500 т. См. Устрялова Т. VI, стр. 316.

потребное учрежденіе учинить укажемъ, и впрочемъ о постоянной нашей отеческой склонности обнадеживаемъ пребывая вашей любви дружелюбно склонный отецъ».

До полученія этого письма старый герцогъ Антонъ-Ульрихъ былъ въ большой тревогѣ относительно своей внучки. 23-го февр. новаго стиля [1]) онъ писалъ объ этомъ Лейбницу въ Вѣну: «Наша царевна все еще здѣсь съ моего согласія, но вопреки моему совѣту. Она не кстати стосковалась по родинѣ, не кстати требуетъ отъ царя невыплаченныхъ ей денегъ и вѣроятно не кстати выѣдетъ отсюда, когда въ Польшѣ начнутся военныя дѣйствія. Когда дѣти умничаютъ и хотятъ сами собою управлять, это рѣдко ведетъ къ добру [2])». Но письмо Петра успокоило родственниковъ Шарлотты. Они желали только, для полнаго примиренія царя съ невѣсткою, имѣть возможность повидаться съ нимъ, оправдать Шарлотту и при себѣ устроить ея свиданіе съ тестемъ.

Для этого представлялся удобный случай, такъ какъ въ то время Петръ собирался навѣстить ганноверскаго курфирста, чтобы лично переговорить съ нимъ о военныхъ мѣрахъ противъ шведовъ. Поэтому нужно было упросить царя, чтобы онъ изъ Ганновера пріѣхалъ въ Вольфенбюттель или Брауншвейгъ, и Шарлотта написала по этому поводу къ канцлеру Головкину: «Я сочла лучше всего обратиться къ вашему сіятельству съ просьбою сдѣлать такъ, чтобы его царское величество не проѣхалъ мимо насъ; прямая дорога изъ Ганновера въ Берлинъ идетъ черезъ Брауншвейгъ, и герцогъ, и мой отецъ и моя мать будутъ въ отчаяніи, узнавши, что его величество былъ такъ близко и они не имѣли чести видѣть его здѣсь, а для меня это будетъ крайнее бѣдствіе, ибо я съ нетерпѣніемъ ожидаю счастливой минуты, когда я могу облобызать руку его величества и услыхать отъ него приказаніе ѣхать къ принцу моему дорогому супругу. Во всякомъ случаѣ, если его величество не захочетъ быть здѣсь, надѣюсь, что мнѣ окажетъ милость назначить мѣсто, гдѣ бы я могла съ нимъ видѣться».

1-го марта 1713-го года, Петръ пріѣхалъ въ Ганноверъ и былъ принятъ съ большою торжественностью. Съ обычною своею

---

[1]) Слѣдовательно 12-го февр. стараго стиля и до полученія въ Вольфенбюттелѣ приведеннаго царскаго письма отъ 11-го февраля.

[2]) Unsere Zarowitzin ist noch immer hier nicht meo consilio, sed tolerantia. Sie hat zur unzeit das Heimbwehe bekommen, verlanget zur unzeit von Zar ihre nachständige Gelder, und möchte auch wol zur unzeit wieder abreisen, wan es in Polen unruhiger sollte werden. Wan Kinder überklug sein und sich selbst regieren wollen, gehet es selten wol ab.

дѣятельностью, онъ на другой день осмотрѣлъ всѣ церкви и прочія достопримѣчательности; онъ пробылъ въ Ганноверѣ до 4-го числа, такъ какъ ему пришлось заказать себѣ тамъ черное платье, по случаю смерти королевы прусской.

Изъ Ганновера Петръ былъ намѣренъ заѣхать въ Брауншвейгъ.

3-го марта Антонъ-Ульрихъ извѣстилъ объ этомъ Лейбница. «Царь, который теперь находится въ Ганноверѣ, завтра пріѣдетъ ко мнѣ въ Зальцдаль. Онъ наказалъ *царевну* за ея опрометчивое рѣшеніе (praecipitirte resolution), которое было исполнено безъ его вѣдома, такимъ образомъ, что, какъ онъ пишетъ въ своемъ письмѣ, назначилъ ей 40,000 рублей, которые она можетъ употребить на свое возвращеніе въ Петербургъ».

Царь сдержалъ слово, пріѣхалъ въ Брауншвейгъ, ласково обошелся съ невѣсткою и ея родными, и прогостилъ у нихъ нѣсколько дней. Старый герцогъ успокоился и поспѣшилъ подѣлиться своей радостью съ Лейбницемъ: «Царь былъ на этой недѣлѣ въ Зальцдалѣ и у насъ въ Брауншвейгѣ, писалъ Антонъ-Ульрихъ 10-го марта. Здѣшняя галлерея и опера ему очень понравились, и вообще онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа [1]. Къ царевнѣ онъ былъ очень милостивъ, щедро наградилъ ее и уговаривалъ ее поторопиться своею поѣздкой въ Москву. На слѣдующей недѣлѣ она дѣйствительно отправится въ путь, и повидимому навсегда оставитъ Европу» (und aller apparentz nach Europa auf ewig verlassen). Выражая въ своемъ отвѣтѣ на это письмо удовольствіе, что герцогу удалось все уладить, предусмотрительный Лейбницъ высказалъ надежду, что кронпринцесса имѣла возможность лучше организовать свой придворный штатъ, и присовокупилъ къ этому совѣтъ, что ея высочество хорошо бы сдѣлала, еслибы на первое время не брала слишкомъ много людей въ Москву».

Шарлотта однако не послѣдовала этому мудрому совѣту. Какъ велико было число придворныхъ, которыхъ она повезла съ собою въ Россію, намъ въ точности неизвѣстно. Въ архивѣ сохранился только списокъ лицъ, оставленныхъ ею въ Эльбингѣ, въ то время когда она сама уѣхала впередъ въ Ригу. Изъ числа

[1] Антонъ-Ульрихъ, подобно многимъ другимъ нѣмецкимъ князьямъ, подражалъ Людовику XIV-му въ устройствѣ своего загороднаго замка. Большая зала въ зальцдаленской галлереѣ, въ 200 ф. длины и 40 ф. вышины, соперничала съ знаменитою Gallerie des glaces въ Версали. Въ этой залѣ помѣщалась картинная галлерея Антона-Ульриха, которая кромѣ того занимала еще другую просторную залу. Въ сосѣднихъ комнатахъ помѣщались другія собранія рѣдкостей и различныхъ художественныхъ произведеній.

39-ти лицъ, показанныхъ въ этомъ спискѣ, только 7 принадлежали собственно къ придворному штату—шталмейстеръ, пасторъ съ женою, докторъ и 2 пажа съ ихъ учителемъ, всѣ остальные составляли прислугу. Въ послѣдній годъ жизни кронпринцессы ея штатъ состоялъ изъ 110-ти человѣкъ, включая сюда отсутствовавшаго обергофмейстера, 2-хъ заграничныхъ агентовъ и многочисленную низшую прислугу — «хлопцевъ», которые вѣроятно были наняты въ Петербургѣ.

Самымъ близкимъ изъ всѣхъ лицъ, послѣдовавшихъ за Шарлоттою въ Россію, была для нея ее кузина — Юліана Луиза, принцесса остфрисландская, которая сопровождала ее изъ расположенія къ ней, вопреки совѣтамъ своихъ родственниковъ.

Какъ часто бываетъ въ подобныхъ интимныхъ отношеніяхъ, принцессу впослѣдствіи обвиняли въ томъ, что она много содѣйствовала разладу между Шарлоттой и царевичемъ, что она была мрачнаго характера, все объясняла въ худшую сторону, никогда не старалась о примиреніи, и вмѣсто того, чтобы тушить огонь въ самомъ началѣ, она только раздувала его. Шарлотта очень любила свою кузину, и говорила, что ея жизнь только благодаря принцессѣ была сколько-нибудь сносна, такъ какъ она имѣла возможность повѣрять свое горе этому искреннему другу[1]). Передъ смертью Шарлотта не могла успокоиться, пока не получила обѣщанія отъ принцессы заступить при ея дѣтяхъ мѣсто матери и въ послѣднія минуты заботилась самымъ нѣжнымъ образомъ о дальнѣйшей судьбѣ своей подруги.

Изъ писемъ Шарлотты къ матери ничего нельзя заключить ни о характерѣ принцессы, ни о вліяніи, которое она могла имѣть на семейныя отношенія Шарлотты, такъ какъ объ ней почти вовсе не упоминается.

Титулъ обергофмейстера при дворѣ кронпринцессы по-прежнему носилъ баронъ Шлейницъ, который вѣроятно съумѣлъ оправдаться въ Брауншвейгѣ передъ Шарлоттой и сохранить не только свое званіе, но и жалованье. По крайней мѣрѣ изъ счетовъ секретаря Шарлотты видно, что Шлейницу, несмотря на то, что онъ продолжалъ жить въ Ганноверѣ въ качествѣ русскаго посланника, было выплачено обергофмейстерское жалованье по 1-е іюля 1714 года.

Оправданіе Шлейница естественно повлекло за собой отставку другихъ лицъ, замѣшанныхъ въ эльбингскія сплетни — Мейера, Пёльница, фрейлины Бранденштейнъ и пр.

---

[1]) Эти слухи приведены историкомъ Миллеромъ въ его запискѣ о Шарлоттѣ. Büsching: Magazin XV, 236.

Вслѣдствіе отсутствія Шлейница главнымъ лицомъ при дворѣ Шарлотты былъ камергеръ Бранденштейнъ; шталмейстеромъ, вмѣсто Пёльница, былъ сдѣланъ маршалъ фонъ-Биберштейнъ, родственникъ котораго занималъ важное мѣсто на прусской службѣ.

Между дамами при дворѣ Шарлотты мы находимъ прежнюю гофмейстерину ея при торгаускомъ дворѣ, де-Роо, придворныхъ дамъ маршалъ фонъ-Биберштейнъ и Стрейтгорстъ, фрейлинъ Арнгеймъ, Пфлюгге Росгартенъ и т. д.

Но у Шарлотты все еще не было главнаго лица при женскомъ придворномъ штатѣ—обергофмейстерины. Кронпринцесса давно уже искала даму, способную занять это мѣсто, и не находила, приглашала къ себѣ между прочимъ польскую графиню Дёнгофъ, но та отказалась. Въ это время ей съ разныхъ сторонъ рекомендовали одну французскую графиню, жившую тогда въ Данцигѣ. Проѣзжая черезъ этотъ городъ, Шарлотта познакомилась съ ней и поручила ей должность обергофмейстерины.

Такъ какъ объ отношеніяхъ этой графини къ Шарлоттѣ много говорено въ однихъ извѣстныхъ мемуарахъ, то мы должны ближе познакомить читателя съ этой личностью.

Въ XVII-мъ вѣкѣ въ Европѣ образовался многочисленный классъ людей, исчезнувшій только въ концѣ XVIII-го вѣка вслѣдствіе тогдашнихъ политическихъ и соціальныхъ переворотовъ. Этотъ классъ состоялъ изъ людей всякихъ національностей, большею частью благороднаго происхожденія, несъумѣвшихъ устроить свои дѣла дома и искавшихъ счастія на чужбинѣ. Между ними было много людей безъ всякихъ правилъ, много искателей приключеній, охотниковъ жить и нажиться на чужой счетъ, но были также люди честные, много офицеровъ, принужденныхъ бѣжать изъ отечества вслѣдствіе какой-нибудь несчастной дуэли. Они вступали въ иностранную военную службу или толпились при многочисленныхъ большихъ и маленькихъ дворахъ того времени и имѣли очень значительное вліяніе на характеръ тогдашняго общества — хорошее и дурное, смотря по средѣ, въ которой они жили. Особенно увеличился этотъ классъ вслѣдствіе отмѣны нантскаго эдикта. Сотни гугенотскихъ дворянскихъ семействъ потянулись на востокъ и сѣверъ, пожертвовавши отечествомъ и часто всѣмъ состояніемъ для своего исповѣданія.

Эти гугенотскія семейства обыкновенно держались строгихъ нравственныхъ правилъ и всего болѣе презирали отступничество. Они были радушно приняты многими протестантскими дворами въ Германіи, гдѣ они заняли столько важныхъ мѣстъ, что

придали нѣкоторымъ изъ этихъ дворовъ рѣшительно французскій характеръ.

Госпожа Moreau de Brasey Comtesse de Lion принадлежала по своей матери, урожденной графинѣ де-Ліонъ, къ этимъ аристократическимъ семействамъ.

Ея родственники Лашеваллери, ла-Мотъ, Мельвиль, Сасетотъ занимали при дворахъ въ Целле, Ганноверѣ и Берлинѣ самыя почетныя должности. Ея тетка де-Сасетотъ была, напр., воспитательницей принцевъ ганноверскаго дома, потомъ сдѣлалась обергофмейстериной при королевѣ прусской.

По своему отцу, Бинкгорсту, госпожа Моро де-Бразей была менѣе знатнаго происхожденія. Она родилась и воспитывалась въ Гагѣ и вышла за мужъ за гугенота de la Primaudaye. Овдовѣвши она влюбилась въ молодого французскаго офицера Моро де-Бразей, и чтобы имѣть право жить съ нимъ во Франціи, она приняла католицизмъ. Этотъ поступокъ чрезвычайно огорчилъ ея мать и поссорилъ ее съ ея многочисленными аристократическими родственниками.

Ея мужъ, Моро де-Бразей, представляетъ собой одинъ изъ интересныхъ типовъ XVIII-го вѣка. Онъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ авторъ любопытныхъ для своего вѣка мемуаровъ, имѣющихъ важное значеніе для исторіи прутскаго похода [1]).

Цѣль ихъ автора состояла не въ томъ, чтобы передать потомству память о пережитыхъ имъ происшествіяхъ, а позабавить читателей и отмстить своимъ врагамъ, и потому ими не всегда можно пользоваться какъ историческимъ документомъ. Но эти мемуары поучительны даже тамъ, гдѣ имъ нельзя вѣрить, такъ хорошо они рисуютъ эпоху и среду, въ которой жилъ авторъ.

Во время войны за испанское наслѣдство, полкъ, въ которомъ служилъ Моро де-Бразей, сражался въ Бельгіи. Въ началѣ 1710-го года де-Бразей былъ вынужденъ, вслѣдствіе непріятности сдѣланной ему полковникомъ, оставить французскую службу и бѣжать въ Голландію. Французское правительство вслѣдствіе этого выслало изъ Франціи его жену. Лишенный средствъ, де-Бразей сталъ искать службы, но родственники его жены, разгнѣванные ея отступничествомъ, отказались помочь ему, и потому

---

[1]) Относящійся сюда отрывокъ переведенъ Пушкинымъ. Ч. V, стр. 308. (Изд. Ис.) Полное заглавіе этихъ рѣдкихъ мемуаровъ: Mémoires politiques, amusans et satiriques de messire J. N. D. B C. de Lion, colonel du régiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de Sa M. Czarienne, à Véretopolis chez Jean Disant Vrai. 1716. 3. vls.

онъ отвезъ свою жену въ Данцигъ, а самъ отправился въ Ригу, чтобы предложить свои услуги царю.

По его разсказу онъ былъ отлично принятъ барономъ Лёвенвольдомъ, управлявшимъ Лифляндіей, и зачисленъ въ русскую службу въ чинѣ бригадира. По окончаніи прутскаго похода, во время котораго онъ лишился экипажа, лошадей и всего своего имущества, онъ получилъ отставку, подобно многимъ другимъ иностраннымъ офицерамъ. Вернувшись въ Данцигъ, онъ встрѣтилъ тамъ русскихъ офицеровъ, съ которыми познакомился въ походѣ. Отъ нихъ онъ узналъ, что кронпринцесса, жившая тогда въ Эльбингѣ, ищетъ обер-гофмейстерину. Черезъ Вейсбаха, состоявшаго при царевичѣ, Моро де-Бразей познакомился съ Гюйсеномъ и послалъ ему между прочимъ сочиненную имъ пародію на Виргилія.

Долго всѣ старанія графини де-Ліонъ попасть ко двору Шарлотты оставались тщетными. Только наконецъ, уступая настояніямъ общихъ друзей, ея тетка де-Сасетотъ согласилась написать о ней къ курфюрстинѣ ганноверской. Съ другой стороны, за нихъ хлопотали нѣкоторые польскіе вельможи и между прочимъ баронъ Гольцъ, кастелланъ данцигскій. Эти старанія наконецъ увѣнчались успѣхомъ, когда кронпринцесса проѣхала черезъ Данцигъ на пути въ Россію.

III.

Жизнь въ Петербургѣ.

Въ половинѣ апрѣля 1713-го года, царевна была опять въ Эльбингѣ и оттуда поѣхала на Ригу въ Россію.

Въ Ригѣ Шарлотта узнала, что царь собирается съ флотомъ въ морской походъ противъ Швеціи, и только ожидаетъ ея пріѣзда въ Петербургъ. Вслѣдствіе этого, кронпринцесса ускорила свое путешествіе и поспѣшила въ Дерптъ съ своей гофмейстериной и небольшою свитою. Ее сопровождалъ при этомъ генеральный коммиссаръ Лифляндіи баронъ Лёвенвольдъ, отецъ того Лёвенвольда, котораго царь прислалъ съ векселемъ въ Вольфенбюттель.

4-го мая, Шарлотта прибыла въ Дерптъ и увидѣвши Нарышкина, который поѣхалъ къ ней на встрѣчу, поспѣшила спросить, гдѣ находятся царь и царевичъ: все ли еще подъ Кроншлотомъ, или уже пошли къ Або.

Но Петръ, получивши извѣстіе о ходѣ военныхъ дѣйствій въ

Голштиніи, счелъ нужнымъ ускорить свой походъ и 2-го мая вышелъ въ море, не дождавшись Шарлотты. Послѣдняя, между тѣмъ, доѣхала до Нарвы, гдѣ она вѣроятно узнала объ отъѣздѣ царя.

Не зная, возвратилась ли царица въ Петербургъ или послѣдовала за царемъ, кронпринцесса изъ Нарвы извѣстила царевну Наталью Алексѣевну о своемъ предстоящемъ прибытіи и получила въ отвѣтъ самыя любезныя увѣренія въ любви и преданности. Наталья Алексѣевна писала, между прочимъ, что извѣстіе о прибытіи Шарлотты причиняетъ ей всеусердную радость. «Елико въ силахъ моихъ будетъ, не премину всякихъ изыскивать способовъ къ увеселенію вашему. Ожидаю съ нетерпѣливостью того моменту, чтобы мнѣ при дружебномъ объятіи особы вашей засвидѣтельствовать, коль я всеусердно есмь вашего высочества—Наталія.» Еще болѣе преданности высказывалъ въ своемъ письмѣ канцлеръ Головкинъ: «Понеже я всегда профессовалъ жаркую ревность къ вашему царскому высочеству, того ради я не могъ, ниже долженъ былъ оставить, чтобъ в. ц. высочество не увѣстить чрезъ сіе о нижайшихъ моихъ респектахъ, и чтобы не отдать должнѣйшаго моего поздравленія о прибытіи в. ц. в. и такожде и не возблагодарить покорнѣйше за то, что в. ц. в. благоволите меня великодушно въ памятованіи своемъ сохранить». Канцлеръ увѣрялъ, что «еслибы не удержанъ былъ всемѣрно здѣ дѣлами его царскаго величества», то отправился бы къ царевнѣ, «дабы все помянутое персонально ея ц. в. подтвердить» и пр. [1]).

Между тѣмъ, въ Петербургѣ были очень заняты вопросомъ, какъ встрѣтить кронпринцессу. Головкинъ писалъ по этому поводу къ Нарышкину въ Нарву: «Встрѣтить кронпринцессу мы думаемъ такъ: на Красномъ Кабачкѣ встрѣтятъ ея высочество гг. Сенатъ, кн. Я. Ѳ. Долгорукій, графъ Иванъ Алексѣевичъ и прочіе. А я останусь при ея высочествѣ, для встрѣчи во дворѣ. Мнится пристойно, чтобы ея высочество, по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, изволила прибыть къ царицѣ, а потомъ къ царевнѣ и послѣ уже на свой дворъ. Посовѣтуйтесь съ барономъ Лёвенвольдомъ, какъ лучше».

О самомъ пріемѣ, сдѣланномъ Шарлоттѣ въ Петербургѣ, мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ донесеніяхъ тогдашняго австрійскаго резидента Плейера къ своему двору. «Когда экипажъ Шарлотты, разсказываетъ Плейеръ, подъѣхалъ къ Невѣ, въ берегу подошла новая, красивая шлюпка, обитая краснымъ бар-

---

[1]) Письмо приведено цѣликомъ у Соловьева. XVII, стр. 147.

хатомъ и золотыми галунами. На шлюпкѣ находились бояре, которые должны были привѣтствовать кронпринцессу и перевезти ее на другой берегъ. На этомъ берегу стояли министръ и другіе бояре въ одеждахъ изъ краснаго бархата, украшенныхъ золотымъ шитьемъ. Не въ далекомъ разстояніи отъ нихъ царица ожидала свою невѣстку. Когда Шарлотта приблизилась къ ней, она хотѣла, согласно съ этикетомъ, поцѣловать у нея платье, но Екатерина не допустила ее до этого, сама обняла и поцѣловала ее, и потомъ проводила въ приготовленный для нея домъ. Тамъ она повела Шарлотту въ кабинетъ, украшенный коврами, китайскими издѣліями и другими рѣдкостями, гдѣ на небольшомъ столикѣ, покрытомъ краснымъ бархатомъ, стояли большіе золотые сосуды, наполненные драгоцѣнными камнями и разными украшеніями. Это былъ подарокъ на новоселье, приготовленный царемъ и царицею для ихъ невѣстки».

Хотя до насъ не дошло собственныхъ писемъ кронпринцессы о первомъ времени ея пребыванія въ Петербургѣ, но мы можемъ судить о томъ, что Шарлотта была довольна сдѣланнымъ ей пріемомъ по донесеніямъ русскаго посланника въ Вѣнѣ. «Изъ дому императрицы узналъ я, писалъ Матвѣевъ Головкину, что государыня принцесса царевна 6-го іюня писала къ ней частное письмо изъ Петербурга, отзываясь съ великими похвалами о расположеніи къ ней государыни царицы и государыни царевны и всѣхъ высокихъ особъ русскихъ, и съ какими почестями она, принцесса, была принята при своемъ пріѣздѣ». Матвѣевъ просилъ Головкина убѣдить Шарлотту, чтобы она въ частномъ письмѣ постаралась расположить императрицу, свою сестру, въ пользу русскихъ интересовъ. Такое ходатайство, по мнѣнію Матвѣева, могло бы быть очень полезно для Россіи, такъ какъ «императрица можетъ сдѣлать все, что захочется, а она ея высочество чрезвычайно любитъ. Такимъ образомъ, государыня принцесса возбудитъ хорошее мнѣніе о дворѣ царскаго величества, покажетъ, что она у ц. в. находится въ великой милости и любви, и этимъ уничтожатся противные слухи, распускаемые злонамѣренными людьми, потому что здѣсь уже много разъ подняты были плевелы, будто ея высочество находится въ самомъ дурномъ состояніи и уничиженіи отъ нашего народа, живетъ въ нуждѣ и запрещено ей переписываться съ родственниками». Спустя полгода Матвѣевъ опять доносилъ, что императрица «пространно» говорила ему о милости царя, царевича и всего царскаго дома къ ея сестрѣ, чѣмъ она, императрица, и мужъ ея чрезвычайно довольны.

Хорошее впечатлѣніе, произведенное на кронпринцессу пер-

вымъ пріемомъ въ ея новомъ отечествѣ, продолжалось нѣсколько времени. Она была всѣмъ довольна, и своею матеріальною обстановкою, и своими отношеніями къ царской семьѣ, а главное отношеніями къ мужу. Царевича не было въ Петербургѣ, когда прибыла туда его супруга. Отецъ послалъ его въ Ладогу, чтобы смотрѣть тамъ за постройкой кораблей, и онъ вернулся оттуда только въ срединѣ лѣта.

Царевичъ, болѣе года не видѣвшійся съ женою и утомленный вѣчными переѣздами и неудобною лагерною жизнью, былъ радъ женѣ, и столько же радъ тому, что можно было успокоиться, усѣсться на одномъ мѣстѣ. Этотъ отдыхъ послѣ непріятнаго труда долженъ былъ имѣть хорошее вліяніе на его настроеніе духа, и онъ былъ въ первое время очень добръ, очень нѣженъ къ женѣ.

«Царь меня осыпаетъ ласками и милостями, писала кронпринцесса матери, въ концѣ августа 1713-го года. Мнѣ теперь не только правильно выплачиваютъ четвертныя деньги, но сначала я получала также всю нужную для меня провизію, а теперь мнѣ назначено нѣсколько имѣній для покрытія расходовъ по хозяйству.

«Эти имѣнія отданы мнѣ въ полное распоряженіе, и мнѣ принадлежитъ даже судебная власть надъ ними. Въ нихъ живетъ 600 душъ, а въ скоромъ времени мнѣ дадутъ еще 900, что составитъ вмѣстѣ 1500; впрочемъ эти имѣнія разсѣяны по разнымъ мѣстамъ. Царь во время своего пребыванія здѣсь былъ очень ласковъ ко мнѣ, онъ говорилъ со мною о самыхъ серьезныхъ дѣлахъ, и увѣрялъ меня тысячу разъ въ своемъ расположеніи ко мнѣ. Царица съ своей стороны не упускаетъ случая выразить мнѣ свое искреннее уваженіе. Царевичъ любитъ меня страстно; онъ выходитъ изъ себя, если мнѣ недостаетъ хоть малѣйшей вещи, а я безъ ума отъ любви къ нему (et moi je l'aime à la fureur).

Что лѣтомъ 1713-го года отношенія между супругами были самыя лучшія, это подтверждается и другими извѣстіями. «Нѣжность и любовь е. в. кронпринца къ кронпринцессѣ, — писалъ въ то время баронъ Лёвенвольдъ изъ Петербурга къ Вольфенбюттельскому двору,—сильнѣе чѣмъ я могу выразить, а уваженіе и расположеніе къ ней царя и царицы, особенно же царя, нисколько не меньше. Что же касается народа, то какъ русскіе, такъ и здѣшніе нѣмцы, до такой степени преданы кронпринцессѣ и такъ ее уважаютъ, что этого нельзя передать словами».

Но такое семейное счастіе и довольство настоящимъ отрав-

лялись вѣчными непріятностями со стороны придворныхъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Шарлотта жалуется матери, что она постоянно больна, два дня на ногахъ, а потомъ три дня проводитъ въ постели, и приписываетъ это непріятностямъ. Изобразивши свое семейное счастіе въ самыхъ яркихъ краскахъ, она восклицаетъ: «но мои проклятые придворные приводятъ меня въ бѣшенство, особенно же графиня» (mais ce sont mes diables de domestiques qui me font enrager).

Эта графиня, на которую такъ жалуется Шарлотта, была ея обергофмейстерина—Moreau de Brasey, comtesse de Lion.

Шарлотта была ею сначала чрезвычайно довольна и старалась всѣми способами показать ей свое расположеніе, особенно же когда на пути въ Эльбингѣ заболѣла и умерла маленькая дочь графини. Шарлотта, у которой было очень доброе сердце, не знала какъ утѣшить ее, сама ухаживала за больной дѣвочкой, а потомъ выказывала самое горячее участіе къ горю матери. Моро де-Бразей помѣстилъ въ своихъ мемуарахъ даже картинку, представляющую кронпринцессу при постели больной и вообще не могъ нахвалиться добротой и нравственными качествами Шарлотты[1]).

Но Шарлотта еще не успѣла доѣхать до Петербурга, какъ уже совершенно измѣнила свое мнѣніе относительно обер-гофмейстерины. «Сначала она вела себя превосходно (faisoit merveille), писала принцесса матери, вѣроятно ради своего ребенка, но какъ только умерла ея дѣвочка, она показала себя въ настоящемъ свѣтѣ, говорила мнѣ постоянно грубости и нелѣпости, постоянно распѣвала въ моемъ присутствіи, вообще была со мною—archifamilière».

Въ Петербургѣ отношенія между принцессой и ея обергофмейстериною еще ухудшились вслѣдствіе зависти и вражды, возникшихъ въ средѣ придворнаго штата.

Когда кронпринцесса прибыла въ Ригу, она была встрѣчена тамъ барономъ Лёвенвольдомъ, генеральнымъ комиссаромъ Лифляндіи. Лёвенвольдъ принадлежалъ къ тѣмъ дворянамъ, кото-

---

[1]) Въ его мемуарахъ мы находимъ слѣдующую интересную характеристику Шарлотты: Je ne puis m'empecher de rendre justice au caractère de Son A. dont le coeur et les sentiments n'étaient faits que pour rendre la vie aimable aux personnes, qui avaient l'honneur de la servir.

Jamais tant de belles qualités n'ornèrent une princesse libérale sans ostentation, magnifique sans vaine gloire, tendre, compatissante, généreuse, enjoué avec un esprit supérieur, ne parlant qu'avec douceur et par la bouche des grâces, prévenant enfin et ne cherchant qu'à faire du bien. Этотъ отзывъ былъ написанъ послѣ того, какъ жена Моро де-Бразей лишилась своего мѣста послѣ большихъ непріятностей.

рые были недовольны шведскимъ правительствомъ, и вмѣстѣ съ Паткулемъ удалился къ королю Августу, а потомъ къ царю. Когда Лифляндія была завоевана русскими, царь поручилъ Лёвенвольду, какъ человѣку преданному и опытному, гражданское управленіе Лифляндіей. Лёвенвольдъ счелъ своею обязанностью сдѣлать кронпринцессѣ самый блестящій пріемъ; онъ устроилъ для нея обѣдъ, балъ, старался изо всѣхъ силъ ей угодить и наконецъ лично проводилъ ее до границы своей провинціи. Шарлотта была тронута его попеченіями и почувствовала большое расположеніе къ нему. Въ Нарвѣ Лёвенвольда ожидалъ царскій указъ, который отставлялъ его отъ управленія Лифляндіей и вызывалъ его въ Петербургъ. Причиною отставки были разныя недоразумѣнія между военнымъ и гражданскимъ управленіемъ Лифляндіи, состоявшимъ изъ русскихъ. Лёвенвольдъ былъ очень смущенъ своею неожиданной отставкой. Видя его огорченіе, Шарлотта захотѣла утѣшить его и обѣщала пристроить его какъ-нибудь къ своему придворному штату. Она помѣстила его младшаго сына у себя въ качествѣ камер-юнкера, а двухъ дочерей его назначила фрейлинами. Старикъ же Лёвенвольдъ получилъ званіе совѣтника (или Chef de Conseil), хотя, кажется, безъ жалованья, и Шарлотта стала обращаться къ нему во всѣхъ дѣлахъ; такимъ образомъ онъ замѣнилъ ей отсутствовавшаго обергофмейстера. Чтобы выказать ему свою признательность, принцесса старалась какъ можно болѣе отличить его сына, службою котораго она была очень довольна.

Все это должно было вызвать неудовольствіе другихъ придворныхъ, составилась партія противъ Лёвенвольдовъ, и во главѣ ея стали лица, которымъ безъ непрошеннаго совѣтника пришлось бы играть первую роль при дворѣ Шарлотты — графиня Моро де-Бразей и камергеръ Бранденштейнъ. Лёвенвольдъ съ своей стороны строго осуждалъ большинство придворныхъ.

«Придворные кронпринцессы, писалъ онъ одному изъ своихъ друзей при вольфенбюттельскомъ дворѣ, ведутъ себя такъ, что нѣтъ ни одного русскаго, котораго они бы не должны были стыдиться. Я предъ Богомъ клянусь, что сколько дворовъ мнѣ ни приходилось видѣть, а я бывалъ почти при всѣхъ главныхъ дворахъ Европы—я нигдѣ не видѣлъ такого поведенія со стороны людей высшаго общества относительно ихъ господъ. Я не рѣдко прихожу въ глубокое изумленіе и смущеніе отъ разныхъ исторій, которыя я не могу сообщить. Все это, по моему мнѣнію, главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что ко двору были приглашены люди молодые, грубые и невоспитанные. Многіе изъ нихъ, живя по собственному произволу и не зная ни

страха, ни порядка, ни надзора, предались разгулу, одичали и стали ходить чуть не на головѣ. Убѣдившись въ Эльбингѣ, что ихъ высокомѣрныя замашки, ихъ интриги, и даже ихъ гадости имъ сходятъ съ рукъ, они составили себѣ извѣстныя правила, которыя они здѣсь снова стали примѣнять къ дѣлу. Ея высочество, какъ молодая женщина, не могла же браниться съ этими людьми, тѣмъ болѣе, что это противорѣчитъ ея добродѣтельному и кроткому нраву, а тотъ, кто былъ обязанъ принуждать другихъ къ лучшему поведенію и дѣйствовать на нихъ своимъ примѣромъ, самъ находилъ удовольствіе въ этомъ или же, какъ Пилатъ, умылъ себѣ руки.» Такое мнѣніе о ея придворныхъ, конечно, не могло не имѣть вліянія на Шарлотту. Первый, кто почувствовалъ на себѣ ея неудовольствіе, былъ каммергеръ Бранденштейнъ. Хозяйственная часть при дворѣ, которою завѣдывалъ этотъ Бранденштейнъ, подавала поводъ къ такимъ же жалобамъ, какъ и вообще поведеніе придворнаго штата. Неспособность его оказалась уже въ Эльбингѣ и была тогда причиною повышенія Пёльница. По описанію Лёвенвольда, Бранденштейнъ былъ человѣкъ очень безпечный, который не любилъ входить въ подробности хозяйства, а только важничать и приказывать: принесите мнѣ это, подайте мнѣ то-то [1]). Шарлотта наконецъ рѣшилась замѣтить ему: «Я вижу, что я въ другой разъ буду вынуждена передать завѣдываніе хозяйствомъ г. маршалу фонъ-Биберштейну, такъ какъ вы совсѣмъ не хотите этимъ заняться и чрезъ это введете меня въ ужасныя издержки и неоплатные долги!» Это такъ разсердило Бранденштейна, что онъ потребовалъ отставки, но съ такой грубостью и наглостью, по выраженію Лёвенвольда, какъ будто онъ былъ кронпринцемъ, а Шарлотта его каммергеромъ.

Какъ видно изъ мемуаровъ Моро де-Бразей, друзья Бранденштейна совершенно иначе смотрѣли на его отставку и объясняли ее интригой Лёвенвольда, которому будто бы хотѣлось доставить своему сыну мѣсто шталмейстера и потому повысить шталмейстера фонъ-Биберштейна въ званіе каммергера.

Не менѣе ропота между придворными возбудило повышеніе другого лифляндца—Будберга, въ ущербъ одному изъ прежнихъ придворныхъ — Бломберга, который вслѣдствіе этого также потребовалъ своей отставки [2]).

---

[1]) О хозяйничаньи Бранденштейна Лёвенвольдъ писалъ въ Вольфенбюттель: «Die ganze Oeconomie und Menage ist in einer unbeschreiblichen Confusion und wird ohne die allergeringste Disposition, Aufsicht und Nachfrage verwaltet und so geführt, dass man nicht anders als ein schlechtes Ende, Schimpf, schändliche Raisonnements und Prostitution der hoheitlichen Person und Reputation absehen konnte.

[2]) Вотъ какъ онъ характеризованъ у Моро де-Бразей: l'un des plus insipides des

Всѣ эти перемѣны были чрезвычайно непріятны для обергофмейстерины и отозвались на ея настроеніи, такъ что Лёвенвольдъ наконецъ объявилъ кронпринцессѣ, что она должна заставить графиню измѣнить свое поведеніе, иначе ее же всѣ будутъ осуждать. Шарлотта, уже прежде недовольная грубымъ обращеніемъ своей гофмейстерины, совершенно смутилась, когда узнала отъ Лёвенвольда разныя подробности насчетъ ея прошлой жизни. Лёвенвольдъ сказалъ ей, что она вовсе не графиня, что отецъ ея былъ берейторомъ въ Гагѣ, а дѣдъ занимался тѣмъ же дѣломъ въ Парижѣ, что мать ея, правда, происходила отъ очень аристократической семьи, но что сама графиня развратная женщина, бѣжавшая съ мужемъ и перемѣнившая религію только для того, чтобы огорчить мать, которая дѣйствительно потомъ умерла съ горя. Что же касается ея мужа, то это самый отъявленный плутъ (coupeur de bourse), и если бы онъ снова показался въ Гагѣ, то его бы тамъ немедленно повѣсили.

Когда Шарлотта заявила сомнѣніе въ достовѣрности этихъ свѣдѣній и сослалась на рекомендацію Гольца, Лёвенвольдъ объяснилъ ей, будто бы Гольцъ былъ оскорбленъ царемъ и вѣроятно изъ мести ввелъ такую личность въ царскому двору. Лёвенвольдъ сослался, для удостовѣренія своего разсказа на голландскаго резидента въ Петербургѣ де-Биса, который лично зналъ въ Гагѣ отца и мужа графини. Де-Бисъ, также какъ и датскій резидентъ Фалькъ, вполнѣ подтвердили показанія Лёвенвольда.

Съ этихъ поръ кронпринцесса, какъ она писала матери, стала выказывать своей обергофмейстеринѣ нѣкоторую холодность, что̀, конечно, чрезвычайно раздражало графиню. Она не могла не приписать эту перемѣну вліянію Лёвенвольда и стала пріискивать средство, чтобы отмстить ему. Дѣйствительно ли быстрое повышеніе молодого Лёвенвольда подало нѣкоторымъ придворнымъ поводъ объяснять это особеннымъ расположеніемъ къ нему со стороны кронпринцессы, или эти сплетни были придуманы самой графиней — только послѣдняя написала принцессѣ письмо, въ которомъ довольно нагло намекала на интимность между нею и молодымъ Лёвенвольдомъ. Шарлотта призвала ее къ себѣ и потребовала объясненій; тогда графиня, нисколько

fats que j'aye connu de ma vie, glorieux, fanfaron, se croyant le premier homme de son siècle en esprit, n'étant dans le fond qu'un sot et qu'une bête, faisant l'agréable, le beau, le railleur, mais n'ayant pour soutenir toutes ses qualités qu'une figure faite en rotonde, c'est a dire une taille plus propre à faire une boule, qu'un homme.

не стѣсняясь, упрекнула кронпринцессу въ глаза, что она влюблена въ Лёвенвольда, и что не только ея придворные, но и всѣ русскіе объ этомъ говорятъ, укорила Шарлотту тѣмъ, что царевичъ къ ней очень нерасположенъ и настаивала, чтобы она удалила отъ себя Лёвенвольда, такъ какъ иначе вся бѣда обрушится на нее, какъ на гофмейстерину. Шарлотта потребовала, чтобы она назвала тѣхъ, отъ кого она это слышала и объявила, что не только не удалитъ Лёвенвольда, но прогонитъ скорѣе ее, какъ единственное лицо способное выдумать такую черную и гнусную ложь. Графиня спокойно возразила Шарлоттѣ, что она можетъ говорить что хочетъ и дѣлать что ей угодно, но что она никого не назоветъ. Въ это время вошелъ царевичъ и сталъ спрашивать жену о причинѣ ея волненія. Шарлотта разсказала ему все; тогда царевичъ поцѣловалъ ее и сказалъ на своемъ ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ: dass mensch, dass sagen ich sie nicht lieb habe, ligt wie Teuffel, ich weiss wohl, dass sie tugendsam ist, wass var boss übel von sie sprech soll schon gestraft werden, aber straff auch gottloss leut bey sie wass so lügen» [1]).

Графиня въ раздраженіи выбѣжала изъ комнаты. Шарлотта же послала за старикомъ Лёвенвольдомъ, который посовѣтовалъ ей отправить къ графинѣ принцессу Остфрисландскую, чтобъ потребовать у нея указанія виновныхъ и пригрозить ей, что въ противномъ случаѣ ее посадятъ подъ арестъ. Но графиня объявила посланной, что она никогда ничего не скажетъ, жаловалась, что кронпринцесса обходилась съ ней самымъ подлымъ образомъ (d'une maniere lâche, infame et canailleuse), что принцесса не можетъ терпѣть около себя честныхъ людей и что тотъ, кто желаетъ ей понравиться, долженъ быть канальей. Она къ этому прибавила, что ареста она не боится и не думаетъ бѣжать, но что настанетъ день, когда ей можно будетъ сказать то, о чемъ теперь не стóитъ говорить, и что она непремѣнно отмститъ за себя и т. п. При этомъ она постоянно щелкала пальцами передъ самымъ носомъ принцессы. Однако по совѣту Лёвенвольда угроза не была исполнена и графиня не посажена подъ арестъ. Лёвенвольдъ только посовѣтовалъ кронпринцессѣ не говорить съ графиней и «выказывать ей большое презрѣніе». Однако и это не помогало: графиня не выходила изъ своей

---

[1]) Эта мерзавка, которая говоритъ, что я васъ не люблю, лжетъ какъ сатана; я очень хорошо знаю, что вы честныя, и тѣ кто дурно объ васъ говорятъ будутъ наказаны, но и вамъ слѣдуетъ наказать безбожныхъ людей вашего двора, которые такъ лгутъ.

комнаты и объявляла всѣмъ, что она находится подъ арестомъ, неизвѣстно почему. Лёвенвольдъ, который страдалъ въ это время подагрой, велѣлъ наконецъ перенести себя въ комнату графини и имѣлъ съ ней объясненіе, но графиня приняла его также какъ принцессу Остфрисландскую. Наконецъ Шарлотта послала спросить ее, по чьему приказанію она остается въ своей комнатѣ, тогда графиня вышла оттуда, но съ такимъ лицомъ, «что сама Прозерпина не была бы въ состояніи сдѣлать болѣе страшную гримасу».

Дѣло кончилось тѣмъ, что по совѣту царевича и царицы графиню отставили, и согласно заключенному съ нею договору, отвезли назадъ въ Данцигъ, но Шарлотта поступила очень умно, сдѣлавши это въ возможно мягкихъ формахъ. Изъ этого видно, что она въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствовала самостоятельно и не слѣпо поддавалась вліянію Лёвенвольда.

Послѣдній былъ этимъ очень недоволенъ и писалъ въ Вольфенбюттель, что при всякомъ другомъ дворѣ графиню прогнали бы съ большимъ позоромъ; «здѣсь же ее великодушно осыпаютъ благодѣяніями, какъ будто бы она оказала большія услуги».

Моро де-Бразей конечно постарался представить въ своихъ мемуарахъ все дѣло въ совершенно иномъ свѣтѣ — выставить Лёвенвольда интриганомъ, а свою жену невинной жертвой. Письмо свое графиня будто бы написала изъ заботливости о репутаціи кронпринцессы. Шарлотта показала письмо Лёвенвольду и по его совѣту она устроила ловушку для графини. Ей была назначена аудіенція въ тотъ самый часъ, когда царевичъ обыкновенно приходилъ на половину принцессы. Какъ только царевичъ вошелъ, Шарлотта съ слезами бросилась къ нему на шею и жаловалась, что ее оклеветали, будто бы она не любитъ мужа. Но царевичъ остался очень равнодушенъ къ этому, хладнокровіе и твердость графини смутили кронпринцессу, и такимъ образомъ придуманная ловушка не удалась. Несмотря на это, ее рѣшились посадить подъ арестъ и послали объявить ей объ этомъ принцессу Остфрисландскую, которая исполнила съ злорадствомъ это порученіе. Во время ареста къ ней приходилъ Лёвенвольдъ и съ разными угрозами требовалъ, чтобы она указала виновниковъ сплетни.

На другой день въ царскомъ дворцѣ праздновали годовщину полтавской побѣды, и кронпринцесса отправилась туда со всѣми дамами. Царица, замѣтивши отсутствіе графини, къ которой она была очень расположена, спросила объ ней у кронпринцессы. Та отвѣтила, что она нездорова. «Вотъ какъ», замѣтила на это Екатерина, показывая этимъ, что ей извѣстно въ чемъ дѣло.

Опасаясь, чтобы причина ареста не сдѣлалась извѣстной при царскомъ дворѣ, Шарлотта послала довѣренное лицо къ графинѣ, и дѣлая видъ, какъ будто она ничего не знаетъ, велѣла спросить графиню, почему она не является къ должности.

Графиня повиновалась приказанію кронпринцессы. На праздникѣ въ день царскихъ именинъ, царица была съ нею очень любезна.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого она получила отвѣтъ на свое письмо къ кронпринцессѣ. Отвѣтъ былъ написанъ Лёвенвольдомъ въ чрезвычайно оскорбительномъ тонѣ. Графиня потребовала суда надъ собою, но ей не хотѣли дать другого судьи кромѣ Лёвенвольда. Наконецъ, такъ какъ у нея было много друзей между русскими, то поспѣшили ей дать отставку и выслать за границу. Впрочемъ, прибавляетъ Моро де-Бразей къ своему разсказу, кронпринцесса сохранила къ ней большое расположеніе и велѣла ей передать это, когда одна изъ ея фрейлинъ должна была проѣхать черезъ Данцигъ.

Этотъ случай показываетъ намъ, какое своеволіе и какой раздоръ господствовали при дворѣ Шарлотты. Поведеніе графини не составляло исключенія, и другія дамы немного превосходили ее своею благовоспитанностью. Такъ, напр., нѣсколько дней послѣ описаннаго столкновенія случилось, что пріѣхавшій въ Петербургъ персидскій посланникъ долженъ былъ представиться царю. Шарлотта не хотѣла отправиться на аудіенцію, такъ какъ была не совсѣмъ здорова и такъ какъ царевичъ и Екатерина ее не приглашали. Но придворныя дамы ея очень желали видѣть представленіе и Шарлотта отпустила ихъ, приказавши, чтобы двѣ изъ нихъ остались дома при ней. Это однако возбудило страшный ропотъ и шумъ; кончилось тѣмъ, что всѣ ушли изъ дома и вернулись только поздно вечеромъ. Шарлотта выслала къ нимъ свою кузину принцессу Остфрисландскую и велѣла сказать имъ, что ей очень пріятно, что онѣ вернулись такъ поздно, ибо видно, что имъ было очень весело. Этотъ упрекъ былъ поводомъ къ новой вспышкѣ неудовольствія; дамы шумѣли и грубили наперерывъ; особенно отличалась графиня, которая говорила, что не имѣетъ никакого уваженія къ кронпринцессѣ и никогда не будетъ уважать ее. Эта самая особа предлагала въ то время свои услуги царицѣ и просила сдѣлать ее воспитательницей великихъ княженъ Анны и Елизаветы, но Екатерина отказала ей и не велѣла принимать къ себѣ.

По отъѣздѣ графини, кронпринцесса осталась, какъ кажется, безъ гофмейстерины. Только лѣтомъ 1715 года, когда одна изъ ея фрейлинъ, Арнгеймъ, которой она особенно дорожила, вышла

замужъ за французскаго моряка барона де-Сентилера, она оставила ее при себѣ въ званіи гофмейстерины. Вообще же во время двухлѣтняго пребыванія Шарлотты въ Россіи, въ ея штатѣ произошло немного перемѣнъ, за исключеніемъ упомянутыхъ. Когда вслѣдствіе повышенія Лёвенвольда открылась камерюнкерская ваканція, она была замѣщена Бестужевымъ. По смерти же шталмейстера Лёвенвольда его мѣсто вѣроятно изъ экономіи никѣмъ не было замѣщено [1]).

По удаленіи графини и Бранденштейна состояніе двора кронпринцессы, повидимому, улучшилось и жизнь ея сложилась спокойнѣе. Мы впрочемъ не въ состояніи сказать долго ли это продолжалось, такъ какъ не имѣемъ писемъ Шарлотты за осенніе мѣсяца 1713 и зимніе мѣсяца 1714 года. Только по позднѣйшимъ письмамъ мы можемъ заключить, что довольно рано начались для нея разныя непріятности и что положеніе ея становилось все безотраднѣе. Одной изъ главныхъ причинъ было ея физическое состояніе. Шарлотта была отъ рожденія не крѣпкаго здоровья. Выданная замужъ слишкомъ рано и поставленная въ такую обстановку, которая была не по силамъ ея слабой и нервной природѣ, Шарлотта находилась почти постоянно въ болѣзненномъ состояніи. Осенью 1713 г. она забеременила. Беременность была самая тяжелая и положеніе больной было ухудшено невѣжествомъ тѣхъ лицъ, которымъ было поручено леченіе [2]).

Такое состояніе съ своей стороны не могло не имѣть вреднаго вліянія на настроеніе и характеръ кронпринцессы. Къ тому же ея отношенія къ близкимъ лицамъ стали ухудшаться. Между нею и царицей произошло такое охлажденіе, что, по увѣренію Шарлотты, люди посѣщавшіе ее впадали въ немилость у царицы. Екатерина въ то время была беременна. У нея

---

[1]) Интересны свѣдѣнія о жалованьи придворныхъ, сохранившіяся въ счетахъ секретаря кронпринцессы. Гофмейстерша ея получала 600 р. въ годъ; госпожа де-Роа 375; три фрейлины по 225; еще одна дама 112 р., всѣ остальныя лица женскаго штата составляли прислугу.

Изъ мужчинъ, не считая отсутствовавшаго обергофмейстера, самое большое жалованье получалъ камергеръ—1125 р. въ годъ; два камерюнкера по 750; гофъ-юнкеръ 200; два доктора по 800 и 600; два секретаря по 375 и 200; пасторъ 400; кистеръ 200; 4 пажа вмѣстѣ 149, ихъ учителя 135; придворный пѣвчій 200; камердинеръ 150; футермаршалъ, кондиторъ, гофбарбиръ, два повара по 112, садовникъ 120, аптекарь 100. Остальныя лица принадлежали къ прислугѣ; лакеи получали по 22 р. самое низшее жалованье 9 р. получали «хлопцы», служившіе при кухнѣ и конюшнѣ.

[2]) Ее признали беременной за три мѣсяца до дѣйствительнаго начала и потомъ, когда срокъ не совпалъ съ ожиданіемъ, стали сомнѣваться въ ея беременности и приписывать ея состояніе болѣзни.

естественно могла зародиться нѣкоторая зависть, когда она думала, что можетъ родить сына, который будетъ служить сыну Шарлотты. По крайней мѣрѣ послѣдняя объяснила нерасположеніе Екатерины подобнымъ чувствомъ.

Ко всему этому присоединились житейскія дрязги,—хлопоты и лишенія, мелкія, но чувствительныя оскорбленія и вообще столкновенія, неизбѣжныя въ положеніи кронпринцессы. Шарлотта привыкла у себя на родинѣ къ нероскошному, но очень правильному строю жизни. Все было размѣрено, опредѣлено, вовремя припасено и отъ того вся жизнь дышала довольствомъ и достаткомъ. Въ Петербургѣ она нашла совершенно другую обстановку. Дворъ у нея былъ многочисленный, деньги тратились значительныя, а между тѣмъ постоянно недоставало самаго необходимаго для жизни — отчасти вслѣдствіе неурядицы, но главнымъ образомъ вслѣдствіе исключительнаго положенія, въ которомъ находился тогда дворъ, также какъ и весь Петербургъ. Непріятно дѣйствуетъ на читателя то, что въ письмахъ Шарлотты совершенно нѣтъ пониманія этого исключительнаго положенія. Она никакъ не могла себѣ выяснить, что Петербургъ не что иное, какъ бивакъ, раскинутый на уединенномъ болотѣ, что тамъ все наскоро сколочено и собрано и что, поэтому, отъ этого бивака нельзя требовать всѣхъ удобствъ жизни. Если бы она эта поняла, она не стала бы жаловаться и напротивъ охотно бы переносила многія лишенія.

Въ первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ все шло хорошо; но потомъ деньги стали выплачиваться изъ казначейства не въ срокъ и несполна. Главная же бѣда заключалась въ томъ, что сумма годового содержанія оказывалась недостаточною, такъ какъ представились совершенно неожиданные расходы.

Конечно, если Шарлотта надѣялась, что она будетъ продолжать въ Петербургѣ сладкую жизнь, къ которой она привыкла въ Торгау при дворѣ саксонской королевы, то ей пришлось очень разочароваться. По брачному договору, вся матеріальная сторона ея жизни была точно опредѣлена и хорошо обезпечена. Главные расходы на ея хозяйство должны были покрываться доходомъ съ имѣній, кромѣ того, многіе припасы, какъ дрова и фуражъ, должны были поставляться казною въ Петербургѣ; 45,000 рублей, выплачиваемыхъ черезъ 3 мѣсяца, шли на содержаніе двора и прочіе расходы. Шарлотта получала эту сумму вмѣсто 50,000 т., такъ какъ въ то время въ Петербургѣ за албертусовъ талеръ давали 90 коп. Впрочемъ при этомъ не слѣдуетъ забывать, что мы судимъ о Шарлоттѣ исключительно по ея письмамъ къ матери, письмамъ, писаннымъ къ самому близкому

лицу и въ самыя грустныя минуты, когда ей хотѣлось только облегчить свое сердце, и она не считала нужнымъ говорить о тѣхъ побужденіяхъ, которыя должны были ее мирить съ дѣйствительностью. Мы видѣли, какъ Шарлотта была довольна, когда царь отдалъ ей 1500 душъ въ полное распоряженіе. Она должна была получать съ своихъ крестьянъ всѣ нужные для хозяйства припасы: муку, крупу, птицу и т. д., но вскорѣ оказалось, что эти крестьяне были совершенно разорены и такъ бѣдны, что не только не были въ состояніи хоть что-нибудь доставить ко двору, но не имѣли хлѣба для самихъ себя, такъ и что самой Шарлоттѣ пришлось помогать имъ отъ времени до времени, чтобы предохранить ихъ отъ голодной смерти. А между тѣмъ всѣ припасы были очень дороги, «что въ Германіи стóитъ одинъ грошъ, за то здѣсь нужно заплатить 4». Кромѣ того, припасы нужно было выписывать издалека — изъ Москвы, и заготовлять впередъ. Другой непредвидѣнный расходъ заключался въ издержкахъ на экипажъ и лошадей. Царь обѣщалъ подарить своей невѣсткѣ и то и другое, но обѣщаніе не было исполнено подъ предлогомъ, что въ Петербургѣ негдѣ купить. У Шарлотты былъ экипажъ, уступленный ей въ Торнѣ Меншиковымъ, затѣмъ Екатерина подарила ей въ Петербургѣ карету съ лошадьми, но все это было довольно плохо; третій экипажъ Шарлотта купила на свои деньги. Зимою генералъ Вейде сталъ продавать своихъ лошадей и требовалъ за нихъ 600 руб. Шарлотта просила Екатерину напомнить царю, что онъ обѣщалъ ей подарить лошадей и что можно купить для нея лошадей у Вейде. Черезъ нѣсколько дней Екатерина сказала ей, чтобъ она приказала поставить лошадей генерала въ свою конюшню, и что царь даритъ ей этихъ лошадей, а деньги будутъ выплачены генералу сенатомъ. Но прошло 4 мѣсяца, Вейде не получалъ своихъ денегъ и Шарлотта должна было возвратить ему лошадей. Кромѣ того Шарлоттѣ пришлось содержать своихъ лошадей на собственныя деньги. Въ теченіи зимы ей поставляли фуражъ, но въ апрѣлѣ эта поставка прекратилась. Когда Шарлотта обратилась къ сенату съ заявленіемъ, что лошадямъ нуженъ кормъ не только зимой, но и лѣтомъ, сенатъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ предписанія отъ царя на этотъ счетъ, и потому пусть она предъявитъ царскій указъ, а «у царя ничего нельзя было добиться, потому что у него никогда не было времени».

Въ подобныхъ случаяхъ еще можно было стѣсниться или на свои деньги купить желаемое; но были такія лишенія, которыя и посредствомъ денегъ нельзя было устранить. Напр., недостатокъ въ помѣщеніи. Царевна жила во дворцѣ своего су-

пруга, построенномъ въ 1712 году, на лѣвомъ берегу Невы, близъ церкви Божія Матери Всѣхъ Скорбящихъ: справа, рядомъ съ церковью, былъ домъ царевны Наталіи Алексѣевны, слѣва домъ царицы Мараы Матвѣевны [1]).

Штатъ же Шарлотты былъ помѣщенъ въ трехъ домахъ, которые были наняты сенатомъ для этой цѣли. Въ одномъ изъ нихъ помѣщались каммергеръ и придворныя дамы, въ другомъ Бестужевъ и пажи съ ихъ гувернеромъ и танцовальнымъ учителемъ, въ третьемъ шталмейстеръ, секретари, писецъ, поваръ, фурьеръ и конюхи. Дома были маленькіе и помѣщеніе тѣсное, такъ что, напр., секретарю, писцу и повару пришлось жить въ одной комнатѣ. Для остальныхъ лицъ придворнаго штата совсѣмъ не достало помѣщенія, такъ что принцессѣ пришлось на свои деньги нанять квартиру для одного изъ придворныхъ кавалеровъ, для пастора, для квартирмейстера, для доктора, для хирурга, для лакеевъ и для остальной прислуги, при чемъ она платила отъ 3 до 4 руб. въ мѣсяцъ за каждую комнату.

Кромѣ того въ одномъ изъ домовъ, указанныхъ сенатомъ, не было ни дверей, ни оконъ, ни печей и никакой мебели. Шарлоттѣ пришлось отдѣлать домъ на свои деньги и пристроить къ нему конюшню и сарай.

На бѣду еще именно этотъ, отстроенный кронпринцессой домъ сдѣлался поводомъ къ большимъ для нея непріятностямъ. Владѣльцемъ его былъ Гидеоновъ [2]), служившій въ то время при дворѣ царевны Натальи Алексѣевны. Въ маѣ 1714-го года царевна Наталья возвратилась въ Петербургъ и Гидеоновъ велѣлъ сказать людямъ Шарлотты, чтобы они очистили его домъ.

Его просили подождать до слѣдующаго дня, чтобы доложить объ этомъ царю и предложили ему пока занять двѣ комнаты. Гидеоновъ на это согласился, но пока люди кронпринцессы ходили обѣдать, онъ велѣлъ выбросить изъ дома всѣ вещи ихъ, а также припасы, принадлежавшіе принцессѣ и хранившіеся въ кладовой—муку, крупу, сушеные плоды и т. п.

Шарлотта послала къ нему секретаря и велѣла сказать ему, чтобы онъ не обходился такъ нелюбезно съ ея людьми, что домъ этотъ ей данъ сенатомъ и какъ только сенатъ найдетъ для ея людей другое помѣщеніе, его домъ будетъ тотчасъ очищенъ, а пока ему надо будетъ какъ-нибудь ужиться съ ними.

---

[1]) Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ находится придворная шпалерная мануфактура. См. Устряловъ, VI., 33.

[2]) Въ письмахъ Шарлотты это лицо называется Giderhoff или Gidenhoff, что вѣроятно означаетъ—Гедеоновъ.

Если онъ согласенъ продать домъ, то она его купитъ, тѣмъ болѣе, что ею пристроены конюшни и сарай. Гидеоновъ отвѣтилъ, что онъ согласенъ подождать до слѣдующаго дня, дома же продавать не хочетъ, а что касается до конюшни, то онъ не просилъ принцессу ее построить.

Шарлотта дала знать обо всемъ царю и просила указать для ея людей другое помѣщеніе. Царь велѣлъ сказать, чтобы люди ея оставались въ домѣ до дальнѣйшаго распоряженія.

На другое утро царевна Наталья извѣстила Шарлотту о своемъ пріѣздѣ и велѣла спросить ее, почему она отнимаетъ домъ у ея людей. Царевна кромѣ того приказала сказать, что если Шарлотта не велитъ тотчасъ очистить помѣщеніе, то она должна будетъ на нее пожаловаться, и что вообще ей показалось очень страннымъ, какимъ образомъ Шарлотта могла выказать такое неуваженіе къ ней. Шарлотта велѣла сказать въ отвѣтъ царевнѣ Натальѣ, что она очень рада ея пріѣзду и проситъ позволенія ее навѣстить. При личномъ свиданіи она можетъ подробнѣе объясниться насчетъ дома и увѣрить царевну, что она не имѣетъ намѣренія обидѣть хотя бы послѣдняго изъ ея служителей; она только вчера узнала, что домъ принадлежитъ Гидеонову и т. д.

Затѣмъ Шарлотта отправила къ царевнѣ каммергера, чтобы предупредить ее о своемъ посѣщеніи. Но царевна велѣла отвѣтить, что она не имѣетъ времени ее принять, такъ какъ сама собирается выѣхать. Шарлоттѣ однако донесли, что царевна послѣ этого оставалась дома около двухъ часовъ.

Послѣ обѣда Гидеоновъ опять выбросилъ всѣ вещи на улицу, говоря, что дѣлаетъ это по приказанію царевны. Шарлотта послала къ ней и просила запретить Гидеонову оскорблять ее такимъ образомъ. Царевна велѣла отвѣтить, что она ничего не знаетъ, но что Шарлотта хорошо сдѣлаетъ, если прикажетъ своимъ людямъ выдти изъ дома.

Тогда Шарлотта извѣстила обо всемъ Екатерину, которая приказала сказать, чтобы люди Шарлотты не выходили изъ дома. Но часъ спустя явился генералъ-адъютантъ отъ царя, велѣлъ шталмейстеру Лёвенвольду перебраться къ отцу, относительно же другихъ людей сдѣлалъ распоряженіе, чтобы имъ отведены были три комнаты; пять остальныхъ комнатъ были отданы Гидеонову, которому при этомъ былъ предоставленъ выборъ.

Послѣ этого люди Гидеонова стали выводить изъ конюшни лошадей Шарлотты и ставить туда своихъ. Тогда Шарлотта приказала снести выстроенную ею конюшню и поставить ее на другое мѣсто. Но когда шталмейстеръ привелъ рабочихъ, Ги-

деоновъ явился туда съ 30-ю мужиками и прогналъ рабочихъ. На угрозу шталмейстера, что онъ будетъ жаловаться царю, Гидеоновъ отвѣчалъ насмѣшливо: жалуйтесь, а я и раньше васъ пожалуюсь. Дѣло кончилось тѣмъ, что Шарлотта, по просьбѣ царевны Натальи, согласилась оставить конюшню на прежнемъ мѣстѣ.

Послѣ этого Шарлотта снова предупредила ее о своемъ посѣщеніи, но та извинилась недостаткомъ времени и отвѣтила, что она сама дастъ знать, когда ее можно видѣть — и въ 7 часовъ вечера дѣйствительно прислала сказать Шарлоттѣ, что она ее ждетъ. По желанію царевича, Шарлотта отправилась къ ней и потомъ описала свое посѣщеніе слѣдующимъ образомъ:

«Мы были обѣ довольно любезны другъ съ другомъ и такимъ образомъ можно сказать, что съ обѣихъ сторонъ было выказано во время этого визита много лицемѣрія, ибо когда царевна упоминаетъ мое имя, она при этомъ всегда выплевываетъ и говоритъ: «этакая нѣмка! что она себѣ воображаетъ! а придется ей измѣниться». Эта царевна Наталья самое злое существо на свѣтѣ; многіе изъ русскихъ удивлялись ея поступку относительно меня, и находятъ, что она столько же зла, сколько кажется доброй. А между тѣмъ мои бѣдные люди страдаютъ, такъ какъ конюхи все это время живутъ подъ открытымъ небомъ, ибо если бы я даже готова была заплатить 100 червонцевъ за одну комнату, я бы не нашла ни одной. На бѣду еще многіе изъ этихъ бѣдныхъ людей больны. Когда объ этомъ говорятъ царю, онъ отвѣчаетъ, что черезъ годъ здѣсь будетъ довольно домовъ; но тогда эти дома не будутъ нужны, ибо вѣроятно большая часть моихъ людей къ тому времени отправится на тотъ свѣтъ».

Кронпринцессу въ то время очень тревожилъ слухъ, что будто бы хотятъ уменьшить ея годовое содержаніе съ 45,000 руб. на 10,000, подъ предлогомъ, что царь не въ состояніи исполнить даннаго обѣщанія. «Исполненіе этого проекта, писала Шарлотта, было пріостановлено вслѣдствіе довольно странныхъ обстоятельствъ, о которыхъ я не имѣю права писать, но я боюсь, что все-таки мнѣ не миновать бѣды». Этотъ страхъ внушилъ Шарлоттѣ несчастную мысль обратиться къ заступничеству ея родственника, германскаго императора, и просить его, если онъ заключитъ союзный трактатъ съ царемъ, то вставить въ договоръ условіе, чтобы царь ни въ чемъ не отступалъ отъ обязательствъ, принятыхъ имъ на себя въ брачномъ договорѣ. Шарлотта просила свою мать написать объ этомъ къ императрицѣ, «ибо если со мною такъ поступаютъ въ то время, когда

царь одержалъ полную побѣду, а я беременна, то что же можетъ случиться при худшихъ обстоятельствахъ». Шарлотта даже написала нѣсколько строкъ къ своей сестрѣ императрицѣ и вложила свою записку въ письмо къ матери.

Столкновеніе съ царевной Натальей имѣла еще то непріятное послѣдствіе для Шарлотты, что послужило поводомъ къ сильной ссорѣ между нею и мужемъ, къ ссорѣ, бросающей грустный свѣтъ на отношенія, установившіяся между ними къ лѣту 1714 года. Еще за нѣсколько дней до этого между ними произошла маленькая размолвка по поводу приданаго Шарлотты. Какъ извѣстно читателямъ, Шарлотта должна была получить въ приданое 20,000 т. Часть этой суммы была выплачена еще при жизни Антона-Ульриха, умершаго весною 1714-го года. Съ его смертью положеніе родителей Шарлотты очень ухудшилось, такъ какъ они были въ враждебныхъ отношеніяхъ къ новому герцогу Вольфенбюттельскому. Вѣроятно вслѣдствіе ихъ очень стѣсненнаго положенія, Шарлотта уступила невыплаченный остатокъ приданаго своей матери. Она рѣшилась на это въ виду того, что царевичъ вскорѣ послѣ свадьбы ей сказалъ, что отдаетъ сумму приданаго въ ея полное распоряженіе. Но для того, чтобы передать достатокъ матери, царевичу нужно было расписаться въ полученіи всей суммы. Когда Шарлотта принесла ему квитанцію и объяснила свою просьбу, онъ, къ ея изумленію, объявилъ, что не помнитъ такого обѣщанія. Шарлотта начала доказывать ему, что онъ далъ обѣщаніе въ такихъ выраженіяхъ, которыя не допускали сомнѣній относительно его намѣренія, но царевичъ стоялъ на своемъ и твердилъ: «право, ничего не обѣщалъ, никогда объ этомъ и не думалъ; ничего объ этомъ не знаю». Шарлотта напомнила ему самыя выраженія, имъ употребленныя: ich sie schenken, machen mit wass sie will ich will weisen, dass sie eben so lieb, als König in Spanien seine Frau haben» [1]); заявила, что ея мать, воспользовавшись обѣщаніемъ, уже истратила часть этой суммы, и что она теперь не знаетъ какъ все это объяснить матери. Шарлотта просила мужа сказать ей, какъ ей поступить въ этомъ затруднительномъ положеніи, но царевичъ только отвѣтилъ, «что она можетъ дѣлать, что̀ хочетъ; онъ же съ своей стороны знаетъ очень хорошо, что̀ ему дѣлать, онъ никогда не обѣщалъ подарить деньги, ему это и въ голову не приходило».

Шарлотта была въ большомъ затрудненіи относительно ма-

---

[1]) Дарю вамъ ихъ, дѣлайте съ ними что хотите; я хочу доказать, что люблю васъ неменьше, чѣмъ испанскій король любитъ свою жену (сестру Шарлотты).

тери; ей было совѣстно, что она должна была взять назадъ свои обѣщанія, и досадно, что пришлось разоблачить свои отношенія къ мужу: «Одному Богу извѣстно, писала она, какъ глубоко я этимъ огорчена, ибо, конечно, это доказываетъ, какъ мало у него расположенія и уваженія ко мнѣ. Мнѣ стыдно писать вамъ объ этомъ, но умоляю васъ напишите, какъ мнѣ поступить. Я въ негодованіи, когда подумаю, какая бездѣлица эта сумма для царевича. Особенно обидно для меня то, что онъ отказывается отъ своего обѣщанія съ такимъ раздраженіемъ. Если бы все это касалось только меня, я бы легко съ этимъ примирилась, но когда я вспомню о васъ и о томъ, какъ мало удовлетворенія доставилъ вамъ этотъ бракъ, я лишаюсь спокойствія и прихожу въ отчаяніе. Я всегда старалась скрывать характеръ моего мужа, но теперь личина снята противъ моей воли. Я несчастнѣе, чѣмъ думаютъ и чѣмъ я могу выразить; но что же мнѣ приходится дѣлать, какъ не огорчаться и скорбѣть до тѣхъ поръ, пока небо не облагодѣтельствуетъ меня и не освободитъ изъ этого міра; вотъ единственное благо, на которое мнѣ остается уповать. Я не что иное, какъ бѣдная жертва моей семьи, не принесшая ей ни малѣйшей пользы, и я умираю медленною смертью подъ бременемъ горя. Богъ знаетъ, что́ будетъ съ моей беременностью; я боюсь, чтобы это состояніе не оказалось просто болѣзнью. Животъ у меня прибавляется съ каждымъ днемъ и онъ сталъ тверже камня; я, правда, чувствую, какъ будто что-то движется и даже довольно сильно, но желудокъ у меня отъ времени до времени такъ опухаетъ, что я едва не задыхаюсь; при этомъ у меня постоянныя боли и невыразимое стѣсненіе въ сердцѣ» [1]).

Понятно, какъ при такомъ болѣзненномъ состояніи всякая непріятность должна была отзываться на настроеніи принцессы. А между тѣмъ эти непріятности стали усложняться семейной распрей. Во время столкновенія по поводу Гидеоновскаго дома, Шарлоттѣ было особенно больно, что ея мужъ не принялъ никакого участія въ ней и не помогъ ей выдти изъ затрудненія, хотя ему было такъ легко отправиться къ своей теткѣ и уладить дѣло. Когда Шарлотта стала говорить ему объ этомъ, онъ возразилъ ей очень холодно: «Mich nichts angehn bekümmere mich nicht am sie» (это меня не касается; мнѣ нѣтъ до васъ дѣла). Шарлотта замѣтила ему, что это очень дурно съ его сто-

---

[1]) Это написано на осьмомъ мѣсяцѣ беременности, но Шарлотту тогда считали беременною уже 10 мѣсяцевъ. Мы привели этотъ отрывокъ, такъ какъ изъ него видно, что жалобы на ея несчастное положеніе не были преувеличены.

роны, и если онъ не принимаетъ участія въ ней, то это для него же стыдно; въ Германіи нѣтъ сапожника или портного, который бы въ подобномъ случаѣ не принялъ сторону своей жены и допустилъ, чтобы съ его женою обращались такъ, какъ здѣсь поступаютъ съ нею. «Вы не въ Германіи, а въ Россіи», сказалъ на это царевичъ. «Я это знаю, возразила Шарлотта, но если бы со мною такъ обходились, какъ мнѣ было обѣщано, я бы не замѣчала разницы въ этомъ отношеніи, теперь же мое положеніе почти невыносимо».—«Зачѣмъ вы мнѣ это говорите, спросилъ царевичъ, развѣ я что-нибудь обѣщалъ?»—«Конечно, вы обѣщали и подписали вмѣстѣ съ царемъ, а кромѣ того на словахъ обѣщали еще гораздо больше, о чемъ я и не хочу упоминать».—«Молчите, прервалъ царевичъ жену, я вамъ ничего не обѣщалъ (Halten Maul, ich sie nichts versprochen); а если я подписался, такъ это я сдѣлалъ по принужденію».—«Das danke ihnen der Henker, воскликнула съ досадой кронпринцесса, кто васъ принуждалъ на мнѣ жениться? Если бы я это знала, никакая сила меня сюда бы не привлекла. Такъ-то вы исполняете обѣщанія, которыя вы такъ часто и совершенно добровольно давали моей матери; хорошо, что мой дѣдъ умеръ, иначе такое извѣстіе убило бы его. Да и мать моя, которая всегда отъ васъ ожидала столько хорошаго, погибнетъ съ горя; пощадите вы, по крайней мѣрѣ, ее, и пощадите собственную честь, которая всего болѣе отъ этого пострадаетъ». Царевичъ разразился на это рѣзкимъ взрывомъ смѣха и сказалъ: «Не заботьтесь обо мнѣ, это вовсе не нужно, я вамъ ничего не обѣщалъ, и уже конечно не стану впредь исполнять то, что̀ подписано не по моей волѣ. Ваши люди не мнѣ служатъ, и мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ; Гидеоновъ также не мой слуга и совершенно иначе все разсказываетъ, чѣмъ вы».—«Кому же изъ насъ обоихъ вы вѣрите?» спросила Шарлотта. «Я не могу знать, кто изъ васъ говоритъ правду, вы или Гидеоновъ», сказалъ Алексѣй (Ich kann nicht unterscheiden zwischen sie und Gidenhoff).»

«Сколько я ни старалась его убѣдить, продолжаетъ Шарлотта свой разсказъ, все было напрасно; наконецъ, онъ мнѣ сказалъ: «повѣрьте мнѣ, для васъ лучше, если вы возвратитесь въ Германію, такъ какъ вы здѣсь недовольны».—«Я вовсе этого не желаю, возразила Шарлотта, я хочу только, чтобы исполняли то, что̀ мнѣ было обѣщано, я не такъ себя вела, чтобы здѣсь имѣли поводъ отослать меня назадъ».—«Я этого не говорю, возразилъ царевичъ, но это будетъ лучше для васъ и для насъ».—«Для меня это можетъ быть и будетъ лучше, но ваше доброе имя и слава вашего отца отъ этого значительно пострадаютъ, и ка-

кимъ же способомъ, полагаете вы, могла бы я отсюда удалиться, безъ того, чтобы не повредить вамъ и себѣ?» — «Если бы вы только не были беременны, отвѣтилъ царевичъ, вы могли бы сказать, что не хотите оставаться, потому что не имѣете дѣтей».

На другой день, когда они увидѣлись, царевичъ спросилъ у жены, какъ она себя чувствуетъ. Шарлотта возразила, что ей удивительно, какъ онъ могъ сдѣлать такой вопросъ; что послѣ всѣхъ жестокостей, которыя онъ ей вчера наговорилъ, она въ отчаяніи. Царевичъ просилъ жену не напоминать ему объ этомъ, если она не хочетъ его раздражать. Шарлотта спросила, желаетъ ли онъ еще, чтобы она уѣхала, она согласна на это, но ей надо будетъ сначала написать объ этомъ царю и узнать его рѣшеніе. Царевичъ замѣтилъ на это: «То, что я вчера говорилъ о вашемъ отъѣздѣ, сказано было потому, что я былъ разсерженъ». Но это меня не утѣшаетъ, писала по этому поводу принцесса своей матери; «если бы я не была беременна и могла бы добрымъ путемъ возвратиться въ Германію, я бы съ удовольствіемъ согласилась питаться тамъ только хлѣбомъ и водой. Я почти съ ума схожу, не знаю, что говорю и что дѣлаю; молю всемогущаго Бога, чтобы онъ наставилъ меня своимъ святымъ духомъ, ибо иначе отчаяніе заставитъ меня совершить что-нибудь ужасное». Отношенія между супругами еще болѣе ухудшались слабостью Алексѣя къ вину. Эта наклонность вѣроятно развилась у царевича во время его лагерной жизни въ Помераніи; ибо уже въ августѣ 1713 года австрійскій резидентъ Плейеръ писалъ, что Алексѣй проводитъ время въ обществѣ дурныхъ людей и очень преданъ пьянству, отчего кронпринцесса очень огорчается, хотя этого и не высказываетъ. Какъ отражался такой образъ жизни на характерѣ Алексѣя и на его отношеніяхъ къ супругѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ извѣстный разсказъ его камердинера во время допроса.

«Царевичъ былъ въ гостяхъ, пріѣхалъ домой хмѣленъ, ходилъ къ кронпринцессѣ, а оттуда къ себѣ пришелъ, взялъ меня въ спальню, сталъ съ сердцемъ говорить: «Вотъ де Гаврило Ивановичъ (Головкинъ) съ дѣтьми своими жену мнѣ, чертовку, навязалъ: какъ де къ ней не приду, все де сердитуетъ и не хочетъ со мною говорить; развѣ де я умру, то ему не заплачу. А сыну его Александру, головѣ его быть на колѣ и Трубецкаго; они де къ батюшкѣ писали, чтобъ на ней жениться. Я ему молвилъ: царевичъ-государь, изволишь сердито говорить и кричать; кто услышитъ и пронесутъ имъ: будетъ имъ печально, и къ тебѣ ѣздить не станутъ и другіе, не токмо они. Онъ мнѣ

молвилъ: «Я плюну на нихъ. Здорова бы мнѣ была чернь. Когда будетъ мнѣ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а священники прихожанамъ; тогда они и нехотя меня владѣтелемъ учинятъ». Я стою молчу. Онъ мнѣ говоритъ: «что ты молчишь и задумался?» Я молвилъ, что мнѣ, государь, говорить? Посмотрѣлъ на меня долго и пошелъ молиться въ крестову. Я пошелъ къ себѣ. По утру призвалъ меня и сталъ мнѣ говорить ласково и спрашивалъ: Не досадилъ ли вчерась кому? Я сказалъ нѣтъ.—Инъ не говорилъ ли я пьяный чего? Я ему сказалъ, что говорилъ, что писано выше. И онъ мнѣ молвилъ: Кто пьянъ не живетъ? у пьянаго всегда много лишнихъ словъ. Я по истинѣ себя очень зазираю, что я пьяный много сердитую и напрасныхъ словъ много говорю, а послѣ о семъ очень тужу. Я тебѣ говорю, чтобъ этихъ словъ напрасныхъ не сказывать. А буде ты скажешь, вѣдь де тебѣ не повѣрятъ; я запрусь, а тебя станутъ пытать. Самъ говорилъ, а самъ смѣялся» [1]).

Изъ ссоры, описанной Шарлоттою, какъ и изъ разсказа камердинера видно, что царевичъ на другой день послѣ какой-нибудь выходки чувствовалъ свою неправду и жалѣлъ о сказанныхъ въ раздраженіи словахъ. Но едва ли Шарлотта умѣла пользоваться этой хорошей чертою въ характерѣ ея мужа для примиренія съ нимъ. Напротивъ, съ каждой ссорой они становились все болѣе чужды другъ другу. До какой степени были холодны ихъ отношенія, видно изъ слѣдующаго случая. Лѣтомъ 1714 года, царевичъ, давно уже хворавшій [2]), рѣшился отправиться на воды въ Карлсбадъ. Шарлотта до послѣдней минуты ничего объ этомъ не знала. Только когда уже подали дорожный экипажъ, Алексѣй объявилъ женѣ о своемъ намѣреніи и простился съ нею краткими словами—adieu, ich gehe nach Karlsbad. Шарлотта была очень оскорблена такою холодностью, въ которой она видѣла пренебреженіе къ себѣ, и тѣмъ болѣе огорчена неожиданностью отъѣзда, что считала лѣтнее леченіе въ Карлсбадѣ вреднымъ для здоровья.

Намъ теперь до извѣстной степени понятна скрытность царевича. Алексѣй желалъ, чтобы никто не зналъ о его путешествіи и потому, получивши позволеніе отъ отца, тотчасъ взялъ у Головкина паспортъ на имя офицера, ѣдущаго въ Германію, и объявилъ, что отправляется немедленно. Канцлеръ указывалъ

---

[1]) Солов. XVII с. 159.

[2]) Плейеръ писалъ о немъ, что онъ все хвораетъ и что медики не считаютъ его долговѣчнымъ, полагая, что у него чахотка въ сильномъ развитіи.

ему на опасности такого путешествія и просилъ позволенія увѣдомить берлинскій и вѣнскій дворы. Но царевичъ не только писать, и говорить никому не позволилъ, чтобы скрыть отъ иностранныхъ пословъ, и на другой день уѣхалъ.

Однако вина царевича относительно жены состояла не только въ томъ, что онъ ей не довѣрялъ и отъ нея также скрывалъ свое намѣреніе, но и въ равнодушіи, которое онъ выказалъ при прощаніи съ больной женой и во время разлуки съ нею, такъ какъ онъ вовсе не писалъ ей изъ-за границы.

Онъ поѣхалъ въ Карлсбадъ «инкогнито», какъ писала Шарлотта матери, въ сопровожденіи только «Никифора Кондратьевича». Прислуга его состояла изъ двухъ камердинеровъ, фурьера, пажа и двухъ лакеевъ. Такъ какъ въ это время и Екатерина уѣхала изъ Петербурга къ царю въ Ревель, то Шарлотта осталась совершенно одна въ послѣдній мѣсяцъ своей беременности. Это одиночество кронпринцессы заставило Петра принять нѣкоторыя мѣры предосторожности относительно предстоящихъ родовъ своей невѣстки. Эти мѣры состояли въ томъ, чтобы три русскія придворныя дамы, жена канцлера графа Головкина, генеральша Брюсъ и Ржевская присутствовали при родахъ для предотвращенія ложныхъ слуховъ о подмѣнѣ ребенка и т. п. Царь самъ постарался объяснить своей невѣсткѣ необходимость этой мѣры: «Я бы не хотѣлъ васъ трудить; но отлученіе супруга вашего, моего сына, принуждаетъ меня къ тому, дабы предотвратить лаятельство необузданныхъ языковъ, которые обыкли истину превращать въ ложь. И понеже уже вездѣ прошелъ слухъ о чреватствѣ вашемъ вящше года, того ради, когда благоволитъ Богъ вамъ приспѣти къ рожденію, дабы о томъ заранѣе нѣкоторый анштальтъ учинить, о чемъ вамъ донесетъ канцлеръ, графъ Головкинъ, по которому извольте неотмѣнно учинить, дабы тѣмъ всѣмъ, ложь любящимъ, уста заграждены были».

Но Шарлотта совершенно не поняла смысла принятой предосторожности. Ей въ голову не приходило, что народъ можетъ относиться съ недовѣріемъ къ ней, какъ къ иностранкѣ и лютеранкѣ, и потому легко повѣритъ разнымъ слухамъ. Она полагала, что русскія дамы назначены для того, чтобы слѣдить за ней и предотвратить возможность какого-нибудь обмана съ ея стороны. Она заподозрила, что все это козни разныхъ лицъ — приближенныхъ къ царевичу и недоброжелательныхъ къ ней. Поэтому она сочла нужнымъ обратиться къ царю и оправдаться относительно высказанныхъ противъ нея подозрѣній. Она писала, что не понимаетъ, кого царь разумѣетъ подъ тѣми клеветниками, которымъ слѣдуетъ заградить уста. Она высказывала

надежду, что царь ее защититъ и не допуститъ, чтобъ ей пришлось страдать изъ-за лжи и клеветы безбожныхъ людей, и что наглость этихъ людей будетъ наказана какъ тяжкое преступленіе.

«Меня огорчило въ глубинѣ души, что мои завистники и враги имѣли столько силы и вліянія, чтобы подвести подъ меня такую важную интригу.» Она ссылалась на свое прежнее поведеніе и на свою совѣсть, которыя послужатъ ей оправданіемъ на страшномъ судѣ. Господь ея утѣшеніе и прибѣжище на чужбинѣ, гдѣ она всѣми покинута, услышитъ ея вздохи и сократитъ дни ея страданій.

Особенно огорчена была Шарлотта тѣмъ, что назначенныя Петромъ дамы предложили ей свою бабку, вмѣсто той, которую она привезла съ собою изъ-за границы. Это могло ее окончательно увѣрить, что ее въ чемъ-то подозрѣваютъ. Кромѣ того, естественно, что ей не хотѣлось лишиться помощи той бабки, которая за ней ходила и къ которой она привыкла. «Вѣдь всякой женщинѣ, писала Шарлотта, предоставляется свобода брать бабку, которой она довѣряетъ». Поэтому кронпринцесса настаивала, чтобы ее въ этомъ отношеніи не стѣсняли, тѣмъ болѣе, что по брачному договору ей предоставлена полная свобода въ выборѣ ея прислуги. «Если въ этомъ случаѣ будетъ поступлено иначе, писала она, то я этому не могу воспротивиться, такъ какъ я во власти вашего величества, но естественно, что мои глаза наполнились бы слезами, а сердце облилось кровью».

Въ такомъ же смыслѣ Шарлотта писала Екатеринѣ и заключила это письмо словами: «Надѣюсь, что мои страданія скоро прекратятся; теперь я ничего на свѣтѣ такъ не желаю, какъ смерти, и, какъ кажется, это единственное мое спасеніе».

Шарлотта въ своемъ письмѣ просила Петра дать, по крайней мѣрѣ, назначенію трехъ дамъ такой видъ, какъ будто бы она сама этого желала. Эта просьба была исполнена, и Головкинъ писалъ по этому поводу царю: «а о письмѣ, государь, вашемъ никто у меня не вѣдаетъ, и разглашено здѣсь, что то учинено по ихъ прошенію».

Безъ сомнѣнія, Шарлотта высказала въ своихъ письмахъ къ царю и Екатеринѣ [1]) слишкомъ много обидчивости и полное непониманіе своего положенія, не говоря уже о плаксивомъ тонѣ писемъ. Но не слѣдуетъ забывать, что одиночество, среди котораго она жила, холодность и пренебреженіе царевича, и постоянныя непріятности, которыя она терпѣла, должны были

[1]) Письма Шарлотты приведены въ оригиналѣ у Устр., VI. 320.

развить въ ней обидчивость и подозрительность. А при такомъ настроеніи не удивительно, что она увидѣла въ назначеніи свидѣтельницъ признакъ недовѣрія со стороны царя, единственнаго лица, которому она вполнѣ довѣряла. Можетъ быть, она въ этомъ случаѣ поддалась вліянію своихъ придворныхъ дамъ, которыя были оскорблены тѣмъ, что надъ ними поставлены какъ бы надзирательницы. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что многіе изъ русскихъ и, какъ кажется, именно дамы, назначенныя въ свидѣтельницы, какъ будто допускали возможность какого-нибудь подлога со стороны нѣмецкаго двора Шарлотты, что́, конечно, не могло не оскорбить послѣдней.

По крайней мѣрѣ, это можно заключить изъ письма Ржевской къ Петру, изъ котораго видно, что она придавала очень большую важность своему назначенію: «По указу вашему, у ея высочества кронпринцессы я и Брюсова жена живемъ *и ни на часъ не отступаемъ* и она къ намъ милостива. *И я обѣщаюсь самимъ Богомъ, еже ей, ей! ни на великіе милліоны не прельщусь* и рада вамъ служить отъ сердца моего, какъ умѣю. Только отъ великихъ куплиментовъ и отъ присѣданія хвоста и отъ нѣмецкихъ яствъ глаза смутились».

Наконецъ, 12-го іюля кронпринцесса разрѣшилась дочерью Натальею. Какъ плохъ былъ уходъ за нею видно изъ того, что въ тотъ же день ей позволили написать о своей радости матери. Она писала также къ Петру и Екатеринѣ, и въ отвѣтъ отъ обоихъ получила очень любезныя письма. Шарлотта называла отвѣтное письмо царя очень облигатнымъ, наполненнымъ такими милостивыми заявленіями, которыя укрѣпили ея довѣренность. Она увѣряла царя, что такъ какъ на этотъ разъ манкировала родить принца, то надѣется въ слѣдующій разъ быть счастливѣе.

Съ выздоровленія Шарлотты, послѣ родовъ, можно начать новый періодъ въ ея перепискѣ съ матерью, продолжавшійся около года до ея смерти.

Письма этого періода бо̀льшею частью очень кратки, судя по тѣмъ, которыя дошли до насъ. Можно было бы заключить изъ этого, что жизнь ея сложилась лучше, что спокойствіе ея не нарушалось такими непріятностями и семейными раздорами, какъ намъ пришлось описывать. Но на самомъ дѣлѣ оказывается, что жизненная обстановка осталась та же. Не вѣрнѣе ли будетъ, поэтому, если мы станемъ объяснять перемѣну въ перепискѣ иной причиной. Сдѣлавшись матерью, Шарлотта, какъ всѣ женщины, развилась и созрѣла. Ее охватило инстинктивное чувство обязанности. Это материнское чувство укрѣпило ее,

служило ей естественной опорой, дало ей силу сохранять среди жизненныхъ непріятностей болѣе спокойствія и разсудительности. Она стала уходить въ себя, привыкла говорить и совѣтоваться съ собой, и перестала быть дѣвочкой, которая въ страхѣ и горѣ знаетъ только одно средство — броситься со слезами въ объятія матери.

Только иногда Шарлотта пишетъ, что ей хотѣлось бы въ устной бесѣдѣ съ матерью излить все свое сердце, что еслибы она желала все сообщить, то ей пришлось бы исписать цѣлые томы.

Письма ея касаются почти исключительно ея здоровья, разныхъ событій въ семьѣ вольфенбюттельскихъ родственниковъ, отношеній къ членамъ царской семьи и маленькой дочери. Мимоходомъ только затрогиваетъ она политическіе вопросы. Ея дядя, новый герцогъ вольфенбюттельскій, измѣнилъ политику отца и сталъ склоняться на сторону шведовъ. Шарлоттѣ было, конечно, очень непріятно, что столь близкій родственникъ вредилъ царскимъ интересамъ и вынуждалъ русское правительство отправлять къ нему ноты — dans des termes Russiens, c'est à dire fort massives, какъ выразилась Шарлотта не безъ нѣкотораго удовольствія, такъ какъ она не любила этого дядю. Шарлотта такъ безпокоилась по этому поводу, что нашла нужнымъ объясниться съ Екатериной и увѣрить, что ея отецъ нисколько не раздѣляетъ страсти своего брата къ шведамъ. Екатерина очень любезно успокоила ее слѣдующими словами: Mach ju kein Gedancken, czaarisch Majestet weiss wohl, dass ju Vater gut Freund von ihm und sagen, währ viel besser, dass ju Vatter an Hertzog von Wolfenbuttel sein stell, oder dass alte Herr nicht gestorben, denn ist alle beyde mein gut Freund» [1]).

Также рѣдко и кратко касается Шарлотта новостей и обычаевъ придворной жизни. Только весной 1715-го она сообщаетъ, что по случаю приготовленія къ походу, въ Петербургѣ и днемъ и ночью ничего другого не дѣлаютъ, какъ пробуютъ мортиры и пушки, и что это производитъ такое сильное впечатлѣніе, какъ будто находишься въ осажденномъ городѣ.

Въ другой разъ она описываетъ святки: «У насъ теперь начались праздники, въ родѣ карнавала (une espèce de carnaval), но только для мужчинъ. Праздники начинаются съ пер-

---

[1]) «Не тревожтесь этимъ; царское в. знаетъ хорошо, что вашъ отецъ ему добрый другъ, и сказалъ, что было бы лучше, еслибы вашъ отецъ былъ на мѣстѣ герцога Вольфенбюттельскаго, или еслибы старикъ не умеръ, такъ какъ оба были мнѣ друзьями».

ваго дня Рождества и продолжаются до Крещенія: все удовольствіе заключается въ ѣдѣ и питьѣ. Вчера всѣ были у меня, и это меня очень утомило; по-русски это называется *славить*; хозяйка должна въ это время всѣмъ служить. Такъ какъ гости просидѣли за столомъ три часа съ половиной, и ихъ было столько, что имъ было тѣсно за тремя столами, то я очень устала. Я никогда не видѣла царя въ лучшемъ расположеніи духа; онъ много говорилъ со мною и очень обрадовался моей маленькой дочкѣ; но не всегда можно полагаться на хорошую погоду. Мнѣ очень досадно, что нельзя поговорить съ вами устно: я бы объяснила кое-какія вещи, о которыхъ должна молчать, и которыя показались бы невѣроятными». Интересное письмо, изъ котораго мы привели отрывокъ, было прервано тѣмъ, что царевичъ велѣлъ позвать жену къ гостямъ.

О царскихъ министрахъ и своихъ отношеніяхъ къ нимъ, Шарлотта говорила очень осторожно. О канцлерѣ Головкинѣ она отзывалась, что это единственное лицо, которое она можетъ считать расположеннымъ къ себѣ, что же касается Меншикова, «то лучше объ немъ думать, чѣмъ говорить». Въ другой разъ, по поводу запроса со стороны матери, назначенъ ли царевичъ губернаторомъ Петербурга, Шарлотта писала, что Меншиковъ все еще губернаторомъ, и несмотря на то, что происходили разныя исторіи (demelés), онъ все еще держится, хотя не пользуется прежнимъ довѣріемъ, и за то теперь есть другой, хуже чѣмъ онъ—Шафировъ. Я съ нимъ не вижусь. Онъ совершенно не таковъ, какимъ его описываютъ, но вѣдь мнѣ суждено страдать и терпѣть».

Хозяйство кронпринцессы было въ прежнемъ положеніи. Шарлотта писала, что она *по шею* въ долгахъ, такъ какъ съ деревень все нѣтъ доходовъ, мебель и припасы приходится покупать на свои деньги, при чемъ, напр., вино неслыханно дорого; на дрова и овесъ выдаются теперь деньги, но этихъ денегъ не хватаетъ на половину.

На своихъ придворныхъ Шарлотта болѣе не жаловалась: фрейлины ее огорчали развѣ только тѣмъ, что нѣкоторыя повышли замужъ и оставили ее. За то со смерти молодого Лёвенвольда отношенія между его отцомъ и кронпринцессой очень измѣнились. Они наконецъ ухудшились до того, что Шарлотта писала весною 1715-го года: «Старикъ Лёвенвольдъ сдѣлался моимъ главнымъ гонителемъ (mon plus grand persécuteur) — это самый безчестный человѣкъ въ мірѣ».

Чаще упоминаетъ Шарлотта въ это время о своихъ родственникахъ. Между ними было только одно лицо, съ которымъ

она всегда находилась въ одинаковыхъ, хорошихъ отношеніяхъ —это былъ самъ царь. Она видѣлась съ нимъ не часто, такъ какъ онъ былъ постоянно очень занятъ и не рѣдко уѣзжалъ изъ Петербурга, но всегда, встрѣчаясь съ ней, Петръ былъ привѣтливъ и ласковъ. Такъ, однажды Шарлотта встрѣтилась съ нимъ у царевны Натальи, которая была больна. Петръ *осыпалъ* свою невѣстку изъявленіями милости и расположенія, какъ всегда выражалась Шарлотта объ обращеніи съ нею царя. Онъ самъ служилъ ей переводчикомъ и не хотѣлъ допустить, чтобы кто-либо передавалъ ея слова.

Далеко не такъ хороши были отношенія ея къ царицѣ. «Моя теща ко мнѣ такова, какъ я всегда ее себѣ представляла, и даже хуже», писала Шарлотта въ апрѣлѣ 1715-го года. Нѣсколько времени спустя она писала: «Съ царицей я не видаюсь, ибо всякій разъ, когда я ее предупреждаю о моемъ посѣщеніи, она мнѣ отказываетъ. Она теперь довольно рѣдко показывается и очень бережется, вслѣдствіе своей беременности; притомъ она, должно быть, ужасно убита и огорчена». Ихъ отношенія ухудшились даже до того, что Шарлотта однажды выразилась о Екатеринѣ, что «она хуже всѣхъ» (pire que tout le reste).

Отношенія къ царевнѣ Натальѣ, повидимому, не улучшились послѣ описаннаго непріятнаго столкновенія. И та также почти всегда отказывала, когда Шарлотта заявляла желаніе ее посѣтить, и онѣ встрѣчались только на придворныхъ празднествахъ.

За то Шарлотта нашла очень радушный пріемъ въ семьѣ покойнаго царя Іоанна, которая зимою 1715-го года переѣхала изъ Москвы въ Петербургъ, и, какъ извѣстно, состояла изъ матери и трехъ дочерей. Шарлотта очень часто видалась съ царевнами, и онѣ выказывали ей много любезности и расположенія. Внѣшность ихъ Шарлотта описала своей матери слѣдующимъ образомъ: «Герцогиня (т.-е. Анна Іоанновна) самая некрасивая изъ сестеръ, росту она съ Еппенъ, дѣвушки принцессы остфрисландской, хотя талья ея еще нѣсколько короче, а ноги длиннѣе; она немного близорука, цвѣтъ лица у нея очень желтый, волоса такого же цвѣта, вообще она женщина чрезвычайно некрасивая (en tout une personne accomplie en laideur). Старшая, хотя и не красивѣе, но гораздо умнѣе; она очень любезна, вкрадчива и любитъ много говорить; она черна какъ цыганка и вся въ морщинахъ, какъ будто ей 50 лѣтъ, но при этомъ у нея красивые глаза и довольно хорошее сложеніе, а пріятное обращеніе ея скрадываетъ ея недостатки. Младшая молчаливѣе герцогини; у нея очень хорошенькая талья, и хотя

одно плечо выше другого, но она скрываетъ это довольно искусно; выраженіе же лица ея очень глуповато (niais). Всѣ онѣ стараются наперерывъ быть со мною любезны и просили меня брать ихъ попеременно съ собой на мой островъ[1]).

Гораздо важнѣе, чѣмъ всѣ эти отношенія къ родственникамъ, были, конечно, для Шарлотты отношенія къ царевичу, а именно послѣднія не представляли ничего отраднаго. Царевичъ, уѣхавшій за границу не простившись съ женою, не присылалъ ей оттуда никакихъ вѣстей о себѣ. Въ началѣ ноября, слѣдовательно почти пять мѣсяцевъ послѣ его отъѣзда, Шарлотта писала: «Царевичъ все еще не возвратился, и никто не знаетъ гдѣ онъ, умеръ ли онъ или живъ; я въ ужасномъ волненіи; всѣ письма, которыя я къ нему отправила въ послѣднія 6 или 8 недѣль, возвращены мнѣ изъ Дрездена и изъ Берлина, такъ какъ его адрессъ тамъ неизвѣстенъ». Только черезъ двѣ недѣли послѣ этого царица прислала сказать Шарлоттѣ, что получила извѣстіе о царевичѣ и что онъ скоро прибудетъ въ Петербургъ.

Пріѣздъ царевича доставилъ, однако, Шарлоттѣ не меньше волненій, чѣмъ его отсутствіе. Мы, правда, не встрѣчаемъ въ ея письмахъ никакихъ жалобъ на семейный раздоръ. Въ первые дни послѣ пріѣзда царевичъ былъ даже очень нѣженъ къ женѣ (me témoigne force amitié), а потомъ Шарлотта только писала о немъ, что онъ относится къ ней совершенно какъ въ прежнее время, съ той разницею, что она теперь его рѣже видитъ, — но образъ жизни, который сталъ вести Алексѣй по возвращеніи изъ-за границы, долженъ былъ очень отравлять его семейныя отношенія.

Уже въ это время Алексѣй открыто взялъ къ себѣ въ домъ крѣпостную своего учителя Никифора Вяземскаго, извѣстную чухонку Евфросинью[2]), съ которою потомъ не разставался до самой своей смерти.

Его пренебреженіе къ женѣ ни для кого не было тайной. Ганноверскій секретарь Веберъ писалъ потомъ въ своихъ мемуарахъ: «Я постоянно замѣчалъ, что царевичъ въ обществѣ никогда не говорилъ ни слова съ своей женой и тщательно избѣгалъ ее».

«Царевна жила въ своемъ домѣ на лѣвой половинѣ, царе-

---

[1]) Изъ писемъ Шарлотты мы узнаемъ также, что въ то время повѣренный герцога Мекленбургскаго сватался отъ его имени за Анну Іоанновну, вдовствующую герцогиню Курляндскую. Извѣстно, что герцогъ женился потомъ на ея младшей сестрѣ, Екатеринѣ Іоанновнѣ.

[2]) Объ этомъ упоминается въ манифестѣ о лишеніи цар. Алексѣя престола. Нап. у Устр. VI., 438.

вичъ на правой, и они видались едва по одному разу въ недѣлю[1]). Домъ, въ которомъ они жили, царевичъ довелъ до такого запущенія, что въ спальнѣ кронпринцессы текло съ потолка, а если царь дѣлалъ ему по этому поводу строгое замѣчаніе, онъ грозилъ женѣ и упрекалъ ее за то, что она наговариваетъ на него царю».

«Но эта умная принцесса переносила свое горе съ необыкновенной твердостью; только стѣны видѣли ея слезы и только передъ своей подругой, принцессой Остфрисландской, она изливала свое горе.

«Мнѣ понадобилось бы нѣсколько дестей бумаги, если бы я захотѣлъ войти въ подробности и описать всѣ непріятности, которымъ она подвергалась». Веберъ удовольствовался тѣмъ, что упомянулъ о связи царевича съ Евфросиньей[2])».

Къ этой непріятности присоединилось еще другое огорченіе. Отношенія царевича къ отцу становились все холоднѣе и натянутѣе; все неотвязчивѣе томило его предчувствіе, что они грозятъ не доброю развязкою. У царевича не было силы выдти изъ этого тяжелаго положенія, переломить себя, свои привычки и взгляды и принести все это въ жертву неумолимому отцу. Слабые люди въ его вѣкъ знали одно легкое средство облегчить себѣ бремя дѣйствительности: они искали забвенія ея. И царевичъ сталъ все чаще и чаще прибѣгать къ этому средству.

Въ началѣ Шарлотта могла утѣшать себя мыслью, что это временное увлеченіе и что всему виною продолжительныя святки. Оправдывая мужа передъ матерью въ томъ, что онъ перестать писать, не поздравилъ ее даже съ праздниками, Шарлотта во всемъ обвиняла эти праздники; «ему такъ труденъ нѣмецкій языкъ, писала кронпринцесса 7-го января 1714-го года, и съ тѣхъ поръ какъ онъ вернулся, онъ проводитъ дома только часть ночи, да и въ эти часы онъ не бываетъ въ памяти отъ сильныхъ попоекъ; теперь у насъ здѣсь праздники, нѣчто въ родѣ карнавала» и т. д.

Но праздники прошли, наступилъ великій постъ, а царевичъ продолжалъ прежній образъ жизни. Эта жизнь уже начинала отражаться на здоровьѣ царевича, хотя онъ за границею поправился и пополнѣлъ. Въ концѣ апрѣля Шарлотта подверглась

---

1) Веберъ прибавляетъ къ этому: und wenn der Czarewitz nicht die Erzielung eines Erben als die Stütze seiner Sicherheit angesehen hätte, würden diese beyde Verehlichte einander stets unsichtbar geblieben seyn». Das Veränd. Russland. II изд. т. 1-й стр. 120.

2) Welche der Czarewitz als ein Kebsweib offentlich ins Haus nahm und dieselbe Tag und Nacht an seiner Teite hatte.

страшному испугу: царевича вынесли замертво изъ церкви; онъ былъ такъ плохъ, что его нельзя было отвезти домой черезъ Неву, и ему пришлось ночевать въ сосѣднемъ домѣ какого-то иностранца. И на другой еще день онъ былъ очень слабъ, такъ что беременная кронпринцесса должна была отправиться къ нему и провести около него полдня. Вернувшись наскоро домой, она вечеромъ отправилась во второй разъ къ мужу черезъ Неву. «Я приписываю весь его недугъ, писала она, посту и водкѣ, которую онъ пьетъ въ большомъ количествѣ (étant pour l'ordinaire yvre).

Но и въ этой безотрадной семейной жизни были свои минуты полнаго счастія, и у этихъ столь чуждыхъ другъ другу супруговъ былъ предметъ, на которомъ сходились ихъ чувства и интересы—это была ихъ маленькая дочь. Когда царевичъ ласкалъ свою маленькую дѣвочку въ немъ пробуждалась та нѣжность, которую ему не на комъ было сосредоточить, а Шарлотта, восхищаясь этой нѣжностью, была тогда полна счастія и спѣшила подѣлиться этимъ счастіемъ съ матерью: «Царевичъ, писала она, любитъ малютку съ необыкновенною нѣжностью, а она, хотя еще такъ мала (ей было въ то время 4 мѣсяца съ небольшимъ) очень къ нему привязана и радуется, когда его увидитъ. Онъ уносилъ уже нѣсколько разъ въ свою комнату, нянчилъ ее на рукахъ, показывалъ всѣмъ и спрашивалъ: не правда ли, что такого милаго ребенка, какъ моя дочь, трудно найти? Всѣ русскіе восхищаются малюткой, и говорятъ, что подобнаго ребенка на свѣтѣ нѣтъ».

Шарлотта слѣдила съ материнской привязанностью за постепенными проявленіями жизни и развитіемъ ребенка. Съ гордостью извѣстила она мать, что у ея трехмѣсячной малютки прорѣзывается уже третій зубъ, а 4 мѣсяца спустя она писала, что ея дочка не по возрасту умна, и понимаетъ все, что ей говорятъ. «Хотя она еще такъ мала, она однако меня боится. Если она тянется къ чему-нибудь, и ей скажутъ, что мнѣ пожалуются, она тотчасъ успокоится; если же ей не пригрозятъ моимъ именемъ, а просто потребуютъ, чтобы она перестала, она начинаетъ смѣяться и ведетъ себя еще хуже; при этомъ она меня чрезвычайно любитъ. Царевича же она ласкаетъ совершенно какъ взрослая; когда она увидитъ, что онъ не въ духѣ, она тотчасъ притихаетъ и только смотритъ на него, а когда онъ къ ней обернется, она улыбается и лепечетъ».

Такія минуты материнской радости были единственнымъ развлеченіемъ Шарлотты въ ея печальной жизни. Къ непріятностямъ ея положенія присоединился опять физическій недугъ.

Вторая беременность кронпринцессы тотчасъ заявила о себѣ самыми болѣзненными признаками. Хотя Шарлотта послѣ перваго мѣсяца меньше страдала отъ своего состоянія, чѣмъ въ первый разъ, и даже пополнѣла, но за то ея мучили такія сильныя ревматическія боли во всѣхъ членахъ, что доводили ея почти до обморока. Послѣдній періодъ беременности былъ опять очень тяжелъ. За десять недѣль до родовъ принцесса всходя на лѣстницу упала, оттого что у нея отскочилъ каблукъ у башмака, и ударилась лѣвою стороною о верхнюю ступень [1]). Съ тѣхъ поръ она чувствовала боль въ лѣвомъ боку и въ животѣ и говорила: «меня какъ будто колетъ булавками по всему тѣлу». Къ боли присоединилась легкая лихорадка. Врачи кронпринцессы, Виль и Лозе, рѣшились пустить ей кровь, которая была очень густа. Боль послѣ этого какъ будто уменьшилась, но за 9 дней до разрѣшенія состояніе больной ухудшилось и послѣднюю недѣлю она провела въ постели. «Я постоянно страдаю, писала Шарлотта матери, 30 сент. стараго стиля, ибо я такъ полна, что принуждена почти всегда лежать на спинѣ; ходить я не могу, и если мнѣ нужно сдѣлать два шага, то приходится меня поддерживать съ обѣихъ сторонъ, а если я просижу хоть одну минуту, я не знаю куда дѣться отъ боли; можно было бы подумать, что я рожу троихъ дѣтей, впрочемъ у меня хорошій аппетитъ и я не чувствую такой слабости, какъ въ прошломъ году».

Несмотря на эти страданія Шарлотта была бодра и не мучилась предчувствіемъ предстоящей развязки. «Завтра кончается мой срокъ, часа я конечно не могу знать. Дай Богъ, чтобы императрица была такъ счастлива, какъ я [2]). Смиренно поздравляю вашу свѣтлось съ этой счастливою новостью — однако я болѣе не въ состояніи держаться на креслѣ».

Шарлотта ошиблась въ своемъ ожиданіи: только въ полночь съ 11-го октября на 12-ое стараго стиля [3]) начались ея страданія, а къ пяти часамъ утра она благополучно родила сына.

Въ первые дни послѣ этого, состояніе ея было такъ удовлетворительно, что на четвертый день она велѣла себя вынести въ другую комнату, стала принимать поздравленія и начала сама кормить новорожденнаго, несмотря на предостереженія и увѣщанія докторовъ и бабки. Въ тотъ же день ей стало хуже; съ самого разрѣшенія Шарлотта совсѣмъ не спала, началась

---

[1]) Показанія врачей царевны напечатаны у Устр, VI, 337.

[2]) Сестра Шарлотты, императрица Елисавета, не имѣла дѣтей въ теченіи 9-ти лѣтъ брака, и только въ 1717-мъ году родила Марію-Терезію.

[3]) У Устрялова ошибкою сказано новаго стиля, стр. 337.

сильнѣйшая лихорадка, бредъ и страшныя боли въ животѣ [1]). 20-го октября принцесса лишилась памяти и положеніе ея стало внушать серьезныя опасенія.

Узнавъ объ этомъ, царь, который въ это время самъ былъ боленъ, прислалъ Меншикова съ 4-мя лейбмедиками, Арескинымъ, Поликалою и двумя Блументростами, чтобы составить консиліумъ. Медики нашли Шарлотту при смерти—in mortis limine.

На другой день утромъ въ 6 часовъ кронпринцесса послала за барономъ Лёвенвольдомъ. Увидѣвши его, она сказала, что подходитъ кончина ея жизни, что она готова къ смерти и уже оставила всѣ мірскіе помыслы, но желала бы поговорить съ нимъ о нѣкоторыхъ послѣднихъ распоряженіяхъ. Лёвенвольдъ сталъ утѣшать ее, но Шарлотта прервала его словами, что никакой надежды на жизнь нѣтъ, что она чувствуетъ смерть во всѣхъ составахъ своего тѣла и охотно умираетъ, особенно потому, что умножила царскій домъ однимъ принцемъ, за котораго она съ удовольствіемъ поплатится жизнью. Ее утѣшаетъ то, что ея другъ, принцесса остфрисландская согласилась остаться при дѣтяхъ и заступить у нихъ мѣсто матери. Затѣмъ Шарлотта попросила принцессу повторить свое обѣщаніе въ присутствіи Лёвенвольда, а съ послѣдняго взяла честное слово, что онъ въ случаѣ нужды напомнитъ принцессѣ объ этомъ обѣщаніи.

Кромѣ дѣтей у Шарлотты была еще другая забота, тревожившая ее передъ смертью, судьба принцессы, послѣдовавшей за нею въ Россію вопреки совѣтамъ родственниковъ и которую она за это любила и почитала, по ея собственному выраженію, какъ родную сестру. Шарлотта просила Лёвенвольда, чтобы онъ самъ отвезъ принцессу за границу, въ случаѣ еслибы царь не согласился оставить ее при дѣтяхъ. Шарлотта настаивала на этомъ потому, что Лёвенвольдъ сопровождалъ принцессу при въѣздѣ въ Россію, что онъ знакомъ со всѣми ея родственниками и знаетъ, какъ она ей дорога. Лёвенвольдъ заявилъ, что для этого нужно позволеніе царя. Но Шарлотта поспѣшила на

---

[1]) Симптомы и ходъ болѣзни, а также и способъ леченія подробно описаны въ латинскомъ отчетѣ медиковъ: «Brevis ac sincera Relatio» etc. напеч. У Устр., 335. О страданіяхъ кронпринцессы можно судить по слѣд. мѣсту донесенія»:. Aderat febris ingens, cum siti intensa pulsum tangebamus frequentissimum simul et debilissimum, linguam vero siccam plane et nigerrimam, sub hoc aestu tamen extrema omnia maximo gelu rigebant, dum sudore rigido universum corpus perfunderet, dolores interim universe abdominis aderant atrocissimi, cum maximis anxietatibus atque corporis jactatione, accedebant funestis his symptomatibus funestiores convulsiones atque creberrima animi deliquia; ea quoque ipsa die enormem alvi fluxum ut qui 20 vel 30 sedibus Ser. Pr. excruciaverit adfuisse comperimus etc.

это возразить, что царь слишкомъ милостивъ къ ней, чтобы отказать ей въ предсмертной просьбѣ. Когда Лёвенвольдъ обязался честнымъ словомъ, что не оставитъ принцессу, Шарлотта сказала: «Теперь, слава Богу, съ сердца спалъ самый тяжелый камень».

Послѣ этого кронпринцесса стала говорить о томъ, какъ ей больно, что она не имѣетъ удовольствія проститься съ царемъ, поцѣловать его руку и поблагодарить за всѣ оказанныя отеческія милости и благодѣянія. Потерявши надежду повидаться съ царемъ, Шарлотта просила Лёвенвольда пожелать царю и царицѣ отъ ея имени полнаго благополучія и вручить царю письмо отъ нея.

Письмо это было озаглавлено [1]): «Всеподданнѣйшая и послѣдняя просьба моя къ его царскому величеству, подписанная мною передъ моей смертью». Въ письмѣ было сказано, что Шарлотта не желаетъ сдѣлать никакихъ распоряженій относительно своихъ похоронъ и все предоставляетъ царю. Всѣ свои драгоцѣнности, золотыя и серебряныя вещи, она завѣщаетъ дѣтямъ; остальныя же вещи предоставляетъ своей кузинѣ, принцессѣ, для раздачи между прислугой.

Затѣмъ Шарлотта просила царя дозволить всѣмъ ея придворнымъ возвратиться на родину и дать имъ денегъ на путевыя издержки. «И такъ какъ я, продолжала она, по причинѣ здѣшней дороговизны и неопытности моей прислуги, сдѣлала здѣсь нѣсколько долговъ, то покорно прошу ваше царское величество удовлетворить моихъ кредиторовъ, чтобъ честь моя и память послѣ смерти не подверглись нареканіямъ. На уплату этихъ долговъ можно употребить часть сбереженій, которыя доставитъ казнѣ моя смерть, такъ какъ я, по Божіей волѣ, умираю такъ рано, и прежде, чѣмъ я думала». Кромѣ того Шарлотта заявила, что вслѣдствіе неожиданной смерти она не имѣла времени подписать счеты своихъ придворныхъ. Но такъ какъ ей вполнѣ извѣстно, что ея секретари: Клюверъ и Клементъ, которые выдавали ея деньги, служили ей честно и усердно, то она проситъ принять ихъ счеты и росписки, а въ случаѣ нужды повѣрить имъ на слово. Письмо оканчивалось теплымъ изъявленіемъ признательности царю и царицѣ, и пожеланіемъ, чтобы Господь продолжилъ ихъ жизнь, насколько онъ сократилъ ея вѣкъ.

Приведенное письмо, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ честь характеру Шарлотты, которая нашла въ минуту тяжелыхъ предсмертныхъ страданій столько твердости, чтобы позаботиться о судь-

---

[1]) Оно напечатано Миллеромъ у Бюшинга: XV 237, въ нѣмецкомъ переводѣ. Копія съ него хранится въ Моск. Арх. (Дѣло о пріѣздѣ кронпр.).

бѣ своихъ придворныхъ и подумать объ отвѣтственности своихъ секретарей. Но еще лучшій свѣтъ на ея характеръ бросаютъ послѣднія порученія, данныя ею Лёвенвольду.

Шарлоттѣ пришлось вынести много страданій отъ супружескихъ отношеній и отъ неблагопріятной обстановки, среди которой она находилась. Она при жизни не скрывала этого отъ матери. Но ей не хотѣлось, чтобъ другіе знали о ея семейныхъ тайнахъ. Она предвидѣла, что ея смерть будутъ приписывать огорченіямъ, которыя она терпѣла, но она передъ смертью всѣхъ простила и потому хотѣла отнять у свѣта право обвинять кого бы то ни было въ этой смерти.

Вслѣдствіе этого она поручила Лёвенвольду написать объ обстоятельствахъ ея кончины къ ея матери и къ ея сестрѣ, германской императрицѣ. «Такъ какъ я при жизни имѣла несчастіе, говорила Шарлотта барону, что обо мнѣ было распространено много злоковарныхъ вымысловъ, то могутъ найтись люди, которые дерзнутъ объяснять мою смерть внутреннею печалью, а не болѣзнью, поэтому я прошу васъ написать моимъ родственникамъ, что я имѣла всѣ возможныя причины быть довольной и могу похвалиться милостью и любовью, оказанной мнѣ ихъ высочествами; не только все обѣщанное въ супружескомъ договорѣ было исполнено, но и сверхъ этого я пользовалась многими благодѣяніями»... Шарлотта при этомъ разсказывала, какъ она была тронута тѣмъ, что больной царь прислалъ ей всѣхъ своихъ медиковъ, и хотя медики ей не могли помочь, но ее утѣшало попеченіе, которое царь имѣлъ о ней до послѣдней минуты.

Кронпринцесса кромѣ того потребовала, чтобы Лёвенвольдъ отъ ея имени упросилъ ея мать и сестру возстановить полную дружбу между царемъ и императоромъ и поддерживать ее всѣми способами, такъ какъ, по ея мнѣнію, это было бы полезно обоимъ ея дѣтямъ.

Затѣмъ Шарлотта сказала, что у нея ничего болѣе на сердцѣ нѣтъ, и ласково простилась съ Лёвенвольдомъ.

Около полудня она послала за царемъ. Петръ былъ еще нездоровъ, но велѣлъ привезти себя къ ней въ креслѣ. Онъ старался утѣшить ее, а она повторила лично свои просьбы, трогательно поручила ему своихъ дѣтей и умоляла его, чтобы онъ оставилъ при нихъ двухъ женщинъ, ею указанныхъ. Царевичъ въ послѣдній день не отходилъ отъ жены, онъ былъ такъ огорченъ, что три раза падалъ въ обморокъ.

По удаленіи царя, Шарлотта позвала своихъ придворныхъ, которые громко рыдали, утѣшала и благословила ихъ и осталась наединѣ съ пасторомъ. Когда медики послѣ этого стали

убѣждать ее, чтобы она приняла еще новое лекарство, она бросила стаканъ на полъ и сказала: «не мучьте меня такъ, дайте мнѣ спокойно умереть; я не хочу болѣе жить». Долго она плакала, обнимая и цѣлуя свою маленькую дочь, а остальное время провела въ молитвѣ. Около полуночи, съ 21 октября на 22, она скончалась. Царевичъ схватилъ на руки малютокъ и унесъ ихъ въ свои комнаты [1]).

Шарлотта просила передъ смертью, чтобы ее не бальзамировали. Но такъ какъ приготовленія къ похоронамъ не могли быть скоро окончены, царь велѣлъ анатомировать ея тѣло на другой день послѣ кончины и самъ присутствовалъ при этомъ.

Самые похороны возбудили разныя затрудненія, такъ какъ Петръ желалъ при этомъ слѣдовать обычаямъ, принятымъ при иностранныхъ дворахъ, и нужно было достовѣрно освѣдомиться объ этихъ обычаяхъ. Характеристиченъ въ этомъ отношеніи случай, сообщенный Плейеромъ [2]).

Возникъ вопросъ, слѣдуетъ ли стрѣлять изъ пушекъ при погребеніи. Царь послалъ спросить у шведскаго графа Пипера, находившагося въ плѣну въ Петербургѣ, стрѣляютъ ли въ Швеціи изъ пушекъ при похоронахъ кронпринцессы, и если стрѣляютъ, то какъ велико число выстрѣловъ. Пиперъ отвѣтилъ, что въ Швеціи въ подобномъ случаѣ не стрѣляютъ изъ пушекъ. Но Лёвенвольдъ, часто бывшій по дѣламъ въ Швеціи, увѣрялъ, что при погребеніи королевы бываетъ 100 выстрѣловъ, а при погребеніи кронпринцессы 90. Петръ повѣрилъ барону и полагая, что графъ Пиперъ намѣренно и по злобѣ далъ ложное показаніе, послалъ къ нему Лёвенвольда и другого генерала, чтобы обличить его, спросить, ради чего онъ хотѣлъ скрыть отъ царя истину, и сдѣлать ему за это строгій выговоръ. Но передъ самымъ началомъ погребальнаго шествія Петръ подозвалъ къ себѣ австрійскаго резидента Плейера, а потомъ ганноверскаго секретаря Вебера и спросилъ ихъ, стрѣляютъ ли при ихъ дворахъ во время погребенія кронпринцессы. Оба отвѣтили, что при ихъ дворахъ этого не дѣлалось. Послѣ этого царь обра-

[1]) Сказавши въ текстѣ, что Шарлотта умерла въ полночь, Устряловъ сообщаетъ въ особомъ примѣчаніи: «Плейеръ донесъ, что она скончалась во второмъ часу по полуночи». Такая точность въ самыхъ мелочныхъ фактахъ поражаетъ читателя своими учеными пріемами. Но на этотъ разъ она основана на невѣрномъ переводѣ нѣмецкаго оригинала. У Плейера сказано: «съ перваго числа на второе (т.-е. новаго стиля), а не во второмъ часу. Но еще важнѣе, чѣмъ подобные недосмотры, та небрежность, съ которой напечатаны акты на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, приложенные къ сочиненію Устрялова. Текстъ ихъ наполненъ такими ошибками, которыя нерѣдко искажаютъ самый смыслъ.

[2]) См. донесенія Плейера и Вебера въ Verändertes Russland. I, 120.

тился съ такимъ же вопросомъ и къ другимъ дипломатамъ. Никто изъ нихъ не зналъ подобнаго случая, только саксонскій посланникъ указывалъ на примѣръ дрезденскаго двора. Тогда Петръ приказалъ, чтобы не стрѣляли.

Похороны кронпринцессы происходили 27 октября. Къ двумъ часамъ мужчины стали собираться у царевича, а дамы на другой половинѣ дворца, въ бывшихъ покояхъ Шарлотты, гдѣ ихъ принимала принцесса Остфрисландская. Убранство залы, гдѣ стояло тѣло покойницы, напоминало залу, гдѣ за четыре года передъ тѣмъ происходило ея вѣнчаніе, только вмѣсто краснаго цвѣта преобладалъ черный. Какъ и въ тотъ разъ, всѣ окна были завѣшаны сукномъ, а зала освѣщена многочисленными свѣчами въ 36-ти хрустальныхъ канделябрахъ. Не только стѣны, но и полъ и потолокъ были покрыты чернымъ сукномъ, а на этомъ фонѣ рѣзко выдавались гербъ и балдахинъ изъ краснаго бархата съ золотомъ. Въ 4 часа началось погребальное шествіе. Между двумя рядами гвардіи, офицеры и придворные вынесли тѣло покойной къ берегу Невы. За гробомъ шелъ царь и царевичъ, а за ними сенаторы, министры и дипломаты. За длиннымъ рядомъ мужчинъ слѣдовалъ длинный рядъ дамъ, во главѣ которыхъ шелъ маршалъ съ чернымъ жезломъ. Впереди другихъ дамъ шли царевна Наталья Алексѣевна и Маѳа Матвѣевна. Царицы не было на похоронахъ, такъ какъ она ожидала своего разрѣшенія.

На берегу Невы процессію ожидалъ обитый чернымъ фрегатъ; на этомъ фрегатѣ и другихъ судахъ всѣ переѣхали къ еще неотстроенному тогда Петропавловскому собору. Между берегомъ и соборомъ были разставлены солдаты, освѣщавшіе факелами темноту. Тѣло опустили въ могилу, при чемъ пасторъ сказалъ небольшую рѣчь. Такъ какъ гробъ оставили подъ открытымъ небомъ до окончанія свода, то къ могилѣ былъ приставленъ почетный караулъ, послѣ чего всѣ возвратились во дворецъ царевича, гдѣ былъ приготовленъ холодный ужинъ. На этотъ разъ никого не принуждали пить.

За ужиномъ многіе, особенно иностранные дипломаты, тихо бесѣдовали между собой о послѣднихъ минутахъ усопшей кронпринцессы и печальной судьбѣ ея. Разсказывали, что она не только не боялась смерти, но чрезвычайно желала умереть. Еще до родовъ она, будто бы, предсказывала свою кончину. Послѣ благополучнаго разрѣшенія она сердилась на тѣхъ, кто желалъ ей добраго здоровья и просила всѣхъ молиться, чтобы Богъ послалъ ей смерть. Она очень радовалась, что родила для Россіи царевича и выражала надежду, что теперь ей можно будетъ умереть. Въ первые дни послѣ родовъ она часто говорила, что на

этотъ разъ ея состояніе очень хорошо, но чтобы она предпочла дурной конецъ. Она часто съ нетерпѣніемъ и досадой требовала такой пищи, которая ей была запрещена медиками. Когда ей стало хуже, она сердилась на медиковъ за то, что они мучатъ ее своими средствами, тогда какъ ей хочется не жить, а умереть.

Послѣ ужина, около цесарскаго резидента Плейера столпились придворные Шарлотты. Они были въ большомъ безпокойствѣ относительно будущаго и выразили желаніе, чтобы императоръ Карлъ походатайствовалъ за нихъ передъ царемъ для того, чтобы тѣ изъ нихъ, которые бы не пожелали остаться въ Россіи, были отправлены, согласно условію, на родину.

Слухи, что молодая кронпринцесса желала умереть, заставили многихъ искать причину ея смерти не въ болѣзни, а въ горѣ и печали, которыхъ она сдѣлалась жертвой. Резидентъ Плейеръ писалъ къ своему двору: «Ея смерти много содѣйствовали разнообразныя огорченія, которымъ она постоянно подвергалась; деньги, назначенныя на ея содержаніе, выдавались послѣ долгихъ хлопотъ и такъ скудно, что она никогда не получала болѣе 500 или 600 руб. за разъ, такъ что она постоянно нуждалась и не была въ состояніи платить своимъ придворнымъ. Она и ея придворные задолжали у всѣхъ купцовъ. Она также замѣтила зависть со стороны царскаго двора, по случаю рожденія царевича и знала, что царица тайно старается ей повредить. Отъ всего этого она находилась въ постоянномъ огорченіи».

То, что́ Плейеръ сообщилъ своему двору посредствомъ тайнаго шифра, вскорѣ начали явно утверждать въ печатанныхъ книгахъ, при чемъ главнымъ виновникомъ огорченій Шарлотты стали выставлять ея супруга. Ганноверскій секретарь въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о Россіи сказалъ, что жизнь кронпринцессы была переполнена такихъ непріятностей, что объ этомъ нельзя вспомнить безъ горькаго сожалѣнія (bittere Wehmuth). Смерть же ея онъ приписалъ отчасти семейному горю, отчасти же небрежности бабокъ.

Сказанія о страданіяхъ несчастной кронпринцессы произвели такое впечатлѣніе, что даже подали поводъ къ легендѣ, распространившейся 50 лѣтъ послѣ ея смерти. Въ 1777 году вышла французская книга, въ которой было разсказано, что Шарлотта не умерла въ Россіи, но бѣжала въ Луизіану, которую тогда только-что начали населять европейцы. Тамъ она вышла замужъ за одного французскаго офицера, съ которымъ потомъ отправилась въ Парижъ, гдѣ ее узналъ Морицъ Саксонскій. Тогда она снова скрылась на островѣ Бурбонѣ, и только уже послѣ смерти мужа и дочери вернулась въ Европу. Она тайно жила въ Па-

рижѣ или Брюсселѣ, получала щедрую пенсію отъ Брауншвейгскаго двора и раздавала бѣднымъ большую часть своихъ денегъ.

Ученый Миллеръ въ свое время серьезно опровергалъ этотъ вздоръ, и даже еще недавно Устряловъ счелъ нужнымъ заявить, что «это сказка», и прибавилъ съ нѣкоторою торжественностью: «несомнительные акты удостовѣряютъ, что кронпринцесса скончалась 22 октября 1715 года въ С.-Петербургѣ и погребена въ Петропавловскомъ соборѣ».

Тяжело было умирать кронпринцессѣ, оставляя двухъ малолѣтныхъ сиротъ; но преждевременная смерть была благодѣяніемъ для нея, потому что судьба готовила ей много горя въ будущемъ. Нельзя думать, чтобы Шарлоттѣ удалось предохранить царевича отъ грозившей ему бѣды, а послѣ смерти Петра для нея возникли бы большія затрудненія изъ ея отношеній къ Екатеринѣ.

Историкъ петровской эпохи можетъ сожалѣть о томъ, что бракъ царевича не имѣлъ тѣхъ послѣдствій, которыхъ ожидалъ Петръ, и можетъ упрекнуть Шарлотту за то, что она оказала такъ мало вліянія на мужа, что она не примѣнилась къ его нравамъ, не вошла въ его интересы, не поспѣшила уничтожить всѣ препятствія, мѣшавшія сближенію—не удалила своихъ нѣмецкихъ придворныхъ и не приняла православнаго исповѣданія.

Такое сужденіе не было бы удивительнымъ, ибо потомство обыкновенно судитъ объ историческихъ лицахъ по результатамъ ихъ дѣятельности. Но историческія лица, какъ и всѣ другія, живутъ своею индивидуальной жизнью; они вносятъ въ свою дѣятельность собственную мѣрку, которая во многихъ отношеніяхъ не зависитъ отъ ихъ произвола, даже не отъ характера и умственнаго развитія ихъ, а есть не что иное, какъ результатъ другихъ историческихъ явленій. Историку нѣтъ дѣла до этой индивидуальной стороны, если онъ разсматриваетъ только смыслъ и общій ходъ описываемыхъ имъ явленій, но какъ скоро онъ произноситъ сужденіе о лицѣ, онъ долженъ оставить отвлеченную точку зрѣнія и говорить съ историческимъ лицомъ на понятномъ ему языкѣ. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ принцессой Шарлоттой не какъ съ мимолетнымъ явленіемъ, промелькнувшимъ въ эпоху великаго преобразованія и не оставившимъ въ ней никакого слѣда, но какъ съ живымъ лицомъ, сохранившимъ въ потомствѣ тѣ же самыя права, которыя оно могло предъявить при жизни.

При сужденіяхъ о Шарлоттѣ нужно прежде всего имѣть въ виду краткость времени, которое она провела въ Россіи.

прожила здѣсь только два съ половиною года, и въ это время почти постоянно хворала. Такого краткаго срока было совершенно недостаточно для молодой женщины съ робкой и болѣзненно-чувствительной натурой, чтобы сжиться съ новой, непривычной обстановкой, полюбить новыхъ людей съ чуждыми ей нравами и понятіями.

Препятствія, которыя нужно было въ этомъ отношеніи побороть Шарлоттѣ, были гораздо значительнѣе, чѣмъ можно себѣ представить въ настоящее время. Не слѣдуетъ забывать, что Россія и Западъ въ петровскую эпоху были похожи на два міра, которые приближаются другъ къ другу противоположными полюсами. Какъ поражаютъ насъ своею простодушной искренностью слова, написанныя Ржевской Петру, послѣ того, какъ она провела нѣсколько дней при дворѣ Шарлотты: «Только отъ великихъ куплиментовъ и отъ присѣданія хвоста и отъ нѣмецкихъ яствъ глаза смутились!» Какое наивное отвращеніе выражается здѣсь къ формамъ иностраннаго быта! Какъ условныя формы его казались смѣшны и нелѣпы непривычнымъ глазамъ русской боярыни!

Но естественно, что со стороны Шарлотты было такое же непониманіе быта и условныхъ формъ жизни. Какое изумленіе выражается въ словахъ Шарлотты, когда она описываетъ матери, какъ на святкахъ собирались гости у царевича и какъ она, въ качествѣ хозяйки, въ продолженіи всего пира—три съ половиною часа должна была сама ко всѣмъ подходить и всѣхъ угощать—les Russes appellent cela slaven. И ей эти условныя формы, неосмысленныя для нея жизнью и не согрѣтыя веселіемъ, должны были казаться только страннымъ, утомительнымъ обрядомъ.

Сближенію кронпринцессы съ другими членами царской семьи и съ придворною русскою аристократіей много, конечно, мѣшало то обстоятельство, что она была почти исключительно окружена иностранцами. Родственники Шарлотты, отпуская ее въ отдаленную и невѣдомую страну, настояли на сохраненіи при ней нѣмецкаго придворнаго штата, считая это утѣшеніемъ для себя и какъ бы гарантіей для принцессы. Это, конечно, было важною ошибкою, которая много повредила кронпринцессѣ. Но прежде, чѣмъ окружить себя русскимъ штатомъ, ей нужно было выучиться русскому языку и приглядѣться къ русской жизни,—а для этого потребовалось больше времени, чѣмъ было дано Шарлоттѣ. Впрочемъ, никакія старанія Шарлотты сблизиться съ супругомъ и другими русскими не привели бы ее къ желанной цѣли, пока она оставалась лютеранкой. А имѣемъ ли мы право ставить ей это въ укоръ?

Въ религіозныхъ вопросахъ нужно болѣе, чѣмъ во всякихъ

другихъ, брать въ разсчетъ духъ вѣка и индивидуальный характеръ лица. Въ вѣкъ же Шарлотты религіозность совпадала съ исключительною принадлежностью къ какому-нибудь исповѣданію [1]), и не многіе изъ самыхъ развитыхъ ея современниковъ поднимались на высоту философа Лейбница, который желалъ сліянія всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и видѣлъ въ нихъ только гармоническія формы проявленія одной существенной истины.

Конечно, и въ эпоху религіозной исключительности бывали случаи добровольнаго перехода въ другое исповѣданіе по безкорыстнымъ побужденіямъ и ради какой-нибудь благородной цѣли. Но люди, рѣшавшіеся на такой шагъ или отличались большою легкостью впечатлѣній, или обладали сильнымъ характеромъ и большимъ умомъ, который давалъ имъ возможность ясно понять свою цѣль и подчинить ей всѣ другія соображенія. Шарлотта же не принадлежала ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Трагичность ея положенія заключается въ томъ, что даже хорошія стороны ея характера послужили ей во вредъ. У нея была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя не легко доступны новымъ привязанностямъ и новымъ идеямъ, но за то если полюбили что-нибудь, или въ чемъ-нибудь убѣдились, то уже навсегда. Для такихъ людей невозможно оставить религію, въ которой они воспитывались, и чѣмъ слабѣе отпоръ, который они способны дать окружающей средѣ, тѣмъ болѣе они сосредоточиваютъ его на нѣкоторыхъ пунктахъ. Безъ сомнѣнія, Шарлотта приняла бы въ дѣтскомъ возрастѣ православіе съ такою же покорностью семьѣ, съ какою она дала свое согласіе на бракъ съ незнакомымъ ей царевичемъ. Точно также ея старшая сестра приняла католицизмъ, послѣ нѣкоторой борьбы съ дѣдомъ и съ искусными патерами. Но Шарлоттѣ дозволено было остаться лютеранкой; она считала эту уступку единственнымъ вознагражденіемъ за жертву, которую она принесла, по своему мнѣнію, единственною связью съ дорогимъ ей прошедшимъ, отъ котораго она навсегда отрывалась. Съ ученіемъ этого вѣроисповѣданія, внушеннымъ ей съ дѣтства, срослись лучшія стремленія ея души, и добровольное отреченіе отъ него она вѣроятно сочла бы непростительною слабостью, даже если бы она этою цѣною могла купить любовь и уваженіе мужа.

---

[1]) Какъ велика была еще въ началѣ прошлаго вѣка религіозная нетерпимость у большинства лютеранскаго духовенства, можно заключить, напримѣръ, изъ слѣдующаго случая. Когда принцессу Шарлотту выдали замужъ за царевича, брауншвейгскій суперинтендентъ Ничь сказалъ въ одной изъ своихъ проповѣдей: «одну принцессу мы отдали папистамъ, другую—язычникамъ; если завтра самъ чортъ явится въ качествѣ жениха, мы отдадимъ за него третью принцессу». Vehse: Gesch. d. Höfe d. H. Braunschw.

народныхъ произведеній для мыслящаго изслѣдователя протекшей и современной жизни народа опредѣляется преимущественно степенью и способомъ ихъ распространенности въ этомъ народѣ. Пѣсня народная тогда только для насъ получаетъ вполнѣ ясный смыслъ, когда намъ становится извѣстнымъ: въ какихъ мѣстностяхъ, при какихъ условіяхъ жизни и народнаго быта она является, сохраняется, расходится, видоизмѣняется и исчезаетъ. Только тогда мы изъ нея узнаемъ все то, что̀ она выражаетъ. Безъ этого—народное произведеніе часто дѣлается непонятнымъ, и мы, воображая себѣ, что намъ ясно въ сущности неясное, будемъ безпрестанно впадать въ двусмысленныя или ошибочныя заключенія. Кромѣ того, указанныя нами свойства народной поэзіи таковы, что, доставляя историку важные матеріалы для узнанія различныхъ сторонъ народной жизни и быта, эта поэзія всего болѣе важна и драгоцѣнна для него тѣмъ, что ея изученіе въ совокупности произведеній можетъ доставить ему возможность усвоить тотъ проникающій всѣ эти произведенія духъ народа, съ которымъ онъ увидитъ въ настоящемъ свѣтѣ понятія, чувствованія, воззрѣнія этого народа,—а затѣмъ, событія, повороты, перевороты и остановки на всѣхъ путяхъ народной исторіи станутъ для историка осмысленными до такой степени, какой онъ не въ силахъ достигнуть изученіемъ какихъ бы то ни было актовъ, записокъ и т. п. Взвѣшивая эти черты народной поэзіи, мы еще не видимъ въ нашей наукѣ средствъ, пособій и матеріаловъ, при которыхъ историкъ могъ бы достигнуть такого пониманія и усвоенія, и приходимъ къ неизбѣжному, вовсе неотрадному заключенію, что въ области знакомства нашего съ великорусскими простонародными пѣснями сдѣлано немного.

Мы никакъ не станемъ умалять заслугъ нашихъ почтенныхъ собирателей, обогатившихъ въ послѣднее время нашу литературу своими изданіями; но въ ихъ сборникахъ обращено преимущественно вниманіе на рѣдкія, обветшалыя и вымирающія въ народѣ явленія народной поэзіи, которыхъ, по причинѣ ихъ исчезновенія въ массѣ, приходилось отыскивать въ краяхъ, наиболѣе удаленныхъ отъ теченія жизни подъ современными условіями; таковы, такъ-называемыя, былины.

Съ нашей точки зрѣнія чрезвычайно важны пѣсни наиболѣе распространенныя, наиболѣе обычныя, наиболѣе оказывавшія вліянія въ той средѣ, гдѣ онѣ въ ходу, и наиболѣе дающія средствъ для узнанія разныхъ сторонъ повседневнаго народнаго быта и для уразумѣнія понятій, чувствованій и воззрѣній народа въ сферѣ его дѣйствительной жизни, какъ протекшей, такъ и настоящей. Сюда принадлежатъ пѣсни обрядныя, какъ относя-

щіяся къ различнымъ временамъ года, такъ и къ различнымъ случаямъ семейной жизни, пѣсни любовныя, семейныя, пѣсни рекрутскія, солдатскія, разбойничьи, казацкія, тюремныя и пр., всѣ вообще выражающія разныя положенія, въ которыхъ находился народный человѣкъ въ общественной сферѣ и въ семейномъ быту, однимъ словомъ, пѣсни бытовыя, и причисляемъ сюда также пѣсни о событіяхъ изъ народнаго быта и народной исторіи, возбуждавшихъ участіе народнаго чувства: эти пѣсни народъ иногда называетъ простыми, когда приходится отличать ихъ отъ духовныхъ стиховъ, былинъ или историческихъ пѣсенъ; собственно эти пѣсни преимущественно и заслуживаютъ названіе пѣсенъ, такъ какъ, напр., былины составляютъ особый отдѣлъ народной поэзіи, образующій переходъ отъ пѣсенъ къ сказкамъ, такъ что вопросъ о принадлежности былинъ къ пѣснямъ можетъ еще подвергаться изслѣдованію. Эти-то пѣсни, считаемыя нами чрезвычайно важными, подвергались замѣчательному невниманію со стороны собирателей и ученыхъ, такъ что желающій изучать по нимъ народную жизнь встрѣтитъ большой недостатокъ средствъ. Нѣкоторые изъ прежнихъ, наиболѣе важныхъ, сборниковъ такихъ пѣсенъ сдѣлались библіографическою рѣдкостью, какъ, напр., пѣсни Сахарова, которыя можно теперь пріобрѣсть развѣ за огромную цѣну, а важное изданіе пѣсенъ прошлаго столѣтія, сдѣланное Новиковымъ, едва ли отыщется и въ Публичной Библіотекѣ. Иныя собранія теряются въ періодическихъ изданіяхъ разныхъ годовъ. Въ настоящее время слѣдовало бы собрать воедино все это напечатанное и, сколько возможно очистивъ критикою, принять въ пособіе для будущаго изданія, а между тѣмъ предпринять новое, широкое, повсемѣстное собраніе пѣсенъ, уже соблюдая иной способъ и иные пріемы, а не тѣ, какими руководствовались въ былыя времена. Необходимо издать такой сборникъ, гдѣ явно оказывались бы отличія и сходства произведеній народной поэзіи во всѣхъ краяхъ Руси, гдѣ бы видно было, какія пѣсни поются въ одномъ краѣ, и не поются въ другомъ, какъ видоизмѣняются и передѣлываются пѣсни, сообразно различіямъ мѣстностей, языка и быта народа. Въ настоящее время, еслибы предложить такого рода вопросы: чѣмъ отличаются пѣсни внутреннихъ великорусскихъ губерній отъ пѣсенъ Поволжья, *или* пѣсни земледѣльческаго населенія отъ пѣсенъ промышленниковъ? какой взглядъ у русскаго народа на ту или другую сторону его жизни и быта?—то эти вопросы (какъ скоро надобно было браться за пѣсни) едва ли кѣмъ-нибудь изъ ученыхъ могли быть рѣшены съ подобающею точностью. Между тѣмъ такихъ и подобныхъ вопросовъ можетъ возникнуть цѣлый рядъ; никто не

будетъ сомнѣваться въ ихъ важности, но никто не будетъ въ состояніи дать на нихъ отвѣты.

Желаемое нами — и какъ мы смѣемъ думать, настоятельно необходимое для науки собраніе пѣсенъ, конечно не подъ силу частнымъ лицамъ, но у насъ есть ученыя общества, у насъ есть этнографическое отдѣленіе географическаго общества, которому, по его спеціальности, болѣе всего подобаетъ заняться такимъ дѣломъ.

Мы смѣемъ надѣяться, что и наше правительство, сознавъ важность такого предпріятія, не откажется пособить исполненію его и денежными средствами, но частныя лица должны постараться содѣйствовать ему какъ своею дѣятельностью, такъ и пожертвованіями. Было бы чрезвычайно полезно, еслибы кто-либо изъ нашихъ ученыхъ, кому спеціально близко изученіе русской народности, открылъ публичныя лекціи этнографіи съ цѣлью ознакомить публику какъ съ тѣмъ значеніемъ, какое признала за собраніями памятниковъ народной поэзіи европейская наука, такъ и съ этнографическою литературою у насъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ эти чтенія должны были бы возбудить участіе къ изученію народности вообще и указывать пути и средства для тѣхъ, которые начинаютъ трудиться на этомъ полѣ.

Но пока-то осуществятся наши желанія, а между тѣмъ на этомъ полѣ работаютъ съ постоянствомъ и безкорыстіемъ скромныя частныя лица, не ищущія ни громкаго имени, ни выгодъ, но оживленныя горячею любовью къ своему предмету. Не слѣдуетъ забывать ихъ, не слѣдуетъ и оставлять безъ вниманія и оцѣнки того, чтó они успѣли сдѣлать для науки.

Таковъ именно достопочтенный образчикъ этнографическаго труженичества—сборникъ великорусскихъ пѣсенъ, собранныхъ г. Шейномъ и напечатанный первоначально въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» [1]).

Мы считаемъ не лишнимъ сообщить нѣсколько словъ о самомъ собирателѣ, личности въ высокой степени замѣчательной.

Петръ Васильевичъ Шейнъ, родомъ еврей, въ молодости принялъ христіанство не изъ разсчета, какъ поступаютъ нерѣдко его соплеменники, а изъ убѣжденія, и съ тѣхъ поръ предался всею душею русскому народу, посвятивъ себя изученію его народности и собиранію его народныхъ поэтическихъ произведеній. Онъ исполнялъ свое дѣло съ рѣдкою страстною любовью и уди-

---

1) Въ настоящее время этотъ сборникъ существуетъ въ видѣ отдѣльной книги: «Русскія народныя пѣсни, собранныя В. Шейномъ. Часть первая. Изд. Имп. Общества Истор. и Древн. при Москов. Университетѣ».

вительнымъ постоянствомъ. Для этого дѣла, по его словамъ, отрекся онъ отъ эгоистическихъ видовъ въ жизни, остался до старости безсемейнымъ бобылёмъ и, находясь въ должности учителя разныхъ предметовъ, переходилъ изъ губерніи въ губернію, служилъ въ Тульской, Тверской, Симбирской,—домогаясь перевода съ мѣста на мѣсто, съ цѣлью ознакомиться съ русскимъ народомъ въ различныхъ краяхъ его неизмѣримаго отечества и какъ можно болѣе оразнообразить и обогатить свой сборникъ пѣсенъ, который онъ наполнялъ съ самою почтенною добросовѣстностью. Средства у него были самыя ограниченныя, какія только могутъ быть у бѣднаго учителя, и, при этихъ средствахъ, онъ отказывалъ себѣ во всемъ, чтобы имѣть возможность жертвовать на любимое свое предпріятіе. Въ настоящее время онъ находится въ Витебскѣ въ качествѣ учителя нѣмецкаго языка въ гимназіи, и перешелъ туда тоже не съ иною цѣлью, какъ съ желаніемъ изучить бѣлорусскую народность и собрать бѣлорусскія пѣсни, что̀ уже ему и удалось въ значительной степени. Первая часть его сборника великорусскихъ пѣсенъ, какъ мы уже сказали, напечатана, но у него готова вторая, по нашему мнѣнію, еще болѣе интересная, по крайней мѣрѣ болѣе рельефно высказывающая рѣзкія стороны народной дѣятельности, такъ какъ туда вошли пѣсни былевыя, разбойничьи, тюремныя, казацкія и другія. Этотъ второй томъ доставленъ былъ имъ въ географическое общество, и мы бы желали, чтобъ этнографическое отдѣленіе незамедлило познакомить цѣнителей народной поэзіи съ этимъ сокровищемъ.

Нельзя безъ сожалѣнія упомянуть о несчастіи, постигшемъ г. Шейна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, его предпріятіе. Почтенный собиратель отправилъ, какъ онъ самъ говорилъ, до двухъ сотъ пѣсенъ въ Московское Общество Исторіи и Древностей чрезъ московскій университетъ, и что же? Пѣсни эти получены въ университетѣ—и пропали! Собиратель, надѣясь на аккуратность и честность почтоваго вѣдомства, не могъ себѣ допустить и мысли о томъ, чтобъ его пѣсни, сохранившись на почтѣ, погибли въ храмѣ наукъ. Надобно видѣть, до какой степени это печальное происшествіе привело его въ горесть и уныніе. Тому уже прошло довольно времени, но г. Шейнъ не можетъ говорить объ этомъ несчастьи безъ сильнаго душевнаго потрясенія.

Такое лицо, свято и безкорыстно посвятившее себя прекрасному дѣлу, полезному для отечественной науки, достойно того, чтобы помочь ему, а помочь ему можно только однимъ—даровать ему средства и содѣйствіе къ продолженію своего дѣла. Этотъ человѣкъ весь преданъ ему, любитъ его болѣе всего въ

мірѣ и, несмотря на свои немолодыя лѣта и очень хилое здоровье, готовъ еще, и конечно можетъ сдѣлать болѣе десяти другихъ молодыхъ и здоровыхъ, съ его необыкновенною любовью и неутомимою дѣятельностью. Дай Богъ, чтобъ на Руси не переводились такіе почтенные труженики, которые, не возносясь высоко, не принимая на плечи свои тягости, которой они нести не могутъ, работаютъ скромно, но дѣлаютъ столько, сколько сдѣлать въ состояніи по своимъ способностямъ и обстоятельствамъ жизни.

Первая часть сборника г. Шейна представляетъ собою все теченіе жизни русскаго народа въ семейномъ быту его, начиная отъ колыбели и кончая могилою. Эта часть открывается дѣтскими пѣснями, заключается похоронными.

I.

Дѣтскія великорусскія пѣсни всѣ почти короткіе разговоры, въ которыхъ господствуетъ игра словъ и созвучій, часто при совершенной нелѣпости содержанія; иногда умышленно подбираются неестественныя и дикія положенія, сближенія и разсказы, иногда же набираются слова безъ всякой связи, въ родѣ:

Первый банъ,
На колодѣ барабанъ,
Пятьдесятъ судьевъ,
Пономарь ульевъ;
Пѣли, горѣли,
За морью полетѣли и пр.

Въ дѣтскихъ пѣсняхъ въ замѣчательномъ обиліи являются разные предметы природы, особенно животныя: *котикъ сѣренькій—хвостикъ бѣленькій, убаюкивающій ребенка;—кошка, у которой домъ загорѣлся; — коза-лубяные-глаза; — волкъ на работѣ;—пѣтухъ, подающій голосокъ на боярскій дворокъ;—козелъ бабушкинъ—хвастунъ, который хвалится поймать семь волковъ и убѣгаетъ отъ одного зайца;—сорока варитъ кашу;—сова выходитъ замужъ, то за князя-гуся, то за луня, — птицы пируютъ у ней на свадьбѣ;—заяцъ въ сафьянныхъ сапожкахъ;—лисичка-сестричка; — медвѣдь на рѣшеткѣ; — голуби, воробьи; курица печетъ лепешки, тараканъ дрова рубитъ, комаръ воду тащитъ,* и пр. Обращаются къ дождю, просятъ его пойти и обѣщаются за то дать ему похлебать гущи; обращаются къ солнцу, и говорятъ, что его дѣтки плачутъ—масло колупаютъ и раздаютъ собакамъ и кошкамъ. Сквозь эту дѣтскую болтовню

проглядываютъ слѣды древняго времени; въ одной, напримѣръ, дѣтской пѣсни встрѣчаемъ тіуна:

Куколка, куколка,
Боярыня куколка,
Зачѣмъ вечоръ не пришла?
Побоялась тивуна.
Тивунъ тебѣ не судья,
Судья тебѣ архирей!

Еще рѣзче даютъ о себѣ знать отдаленныя, давно протекшія времена въ одной извѣстной пѣснѣ, гдѣ описывается, какъ турки (въ другихъ извѣстныхъ намъ варіантахъ татары) берутъ въ плѣнъ старую женщину; она достается въ невольницы татарину или турку, у котораго женою дочь этой старухи. Эта пѣсня, собственно, однако, не дѣтская; она поется отдѣльно, какъ особая пѣсня, а сдѣлалась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣтскою оттого, что въ ней встрѣчается выраженіе: «ты баю, баю мое дитятко!» Вотъ примѣръ, какъ часто пѣсни измѣняютъ свое значеніе и по нѣкоторымъ частнымъ чертамъ принимаютъ иное примѣненіе.

За дѣтскими пѣснями у г. Шейна слѣдуютъ пѣсни хороводныя, которыя собиратель дѣлитъ на три вида: *наборныя*, — (у Сахарова нѣкоторыя изъ подобныхъ пѣсенъ отмѣчены именемъ сборныхъ) — *игровыя* и *разводныя*.

Къ первому отдѣлу г. Шейнъ причисляетъ такія, которыхъ содержаніе такъ или иначе заключаетъ въ себѣ приглашеніе къ хороводу, приготовленіе къ хороводному сбору и первое сближеніе молодца съ дѣвицею. Пѣсни эти вообще коротки.

Дѣвица ищетъ, ждетъ молодца, встрѣчаетъ молодца, молодецъ забирается къ дѣвицѣ, выбираетъ дѣвицу, ведетъ дѣвицу на игрище; цѣлая группа молодцовъ идетъ выбирать дѣвицъ; дѣвица работаетъ и хочется ей гулять; она находитъ себѣ молодца. Иногда подобная пѣсня говоритъ о предметѣ, повидимому, совсѣмъ не относящемся къ дѣлу, а въ концѣ является черта приготовленія къ хороводу; такъ, напримѣръ, въ одной пѣснѣ разсказывается, что мужья ушли молотить, а женъ своихъ уложили спать, а потомъ слѣдуютъ стихи:

Пожалуйте ручку,
Пойдемте въ хороводъ.

Во множествѣ пѣсенъ такого рода подобная фраза служитъ неизмѣннымъ типическимъ мѣстомъ, обыкновенно заканчивая пѣсню.

Символическаго отношенія къ природѣ здѣсь нѣтъ. Обра-

зовъ въ этихъ пѣсняхъ довольно; но они относятся къ внѣшнему виду молодцовъ и дѣвицъ, и при этомъ господствуютъ признаки новѣйшей жизни. Такимъ образомъ, въ описаніи наряда молодца встрѣчаются:

Сибирка въ обтяжкѣ,
Часы во карманѣ.

Является желѣзная дорога:

Полюбилъ парень дѣвочку,
Съ перевозу мѣщанинъ,
За ручку ухватилъ,
На машинку посадилъ.

Къ удивленію нашему мы наткнулись даже на газеты:

По дорожкѣ по большой
Бѣжитъ маленькій штафетъ:
Несетъ милому газетъ.
Мы газеты принимали,
Распечатали, читали.

Замѣчательно, какъ русское молодечество, которое высказывается въ образѣ добраго молодца, переходитъ и на дѣвицу. Дѣвицы хоровода представляются воинственными; онѣ идутъ по городу и несутъ на плечахъ ружья; генералъ, какъ увидѣлъ ихъ, то пожалѣлъ о томъ, что раньше женился на барынѣ, а то могъ бы взять себѣ въ жену одну изъ такихъ воиновъ въ юбкахъ.

Вообще форма этихъ пѣсенъ, какъ и большей части хороводныхъ — новая; старыя пѣсни безпрестанно подправляются, поновляются, передѣлываются, движутся вмѣстѣ съ жизнью, но черты глубокой древности проглядываютъ изъ-подъ новой оболочки: такимъ образомъ, рядомъ съ машинами и газетами, вы встрѣчаете разуваніе мужа, переносящее насъ прямо во времена Владиміра и Рогнѣды. Вотъ, напримѣръ, пѣсня, несомнѣнно старая:

На рѣчкѣ, на островкѣ,
На ракитовомъ на кустикѣ,
Не соловьюшка пѣсенку поетъ,
Молодой мальчикъ погуливаетъ,
Краснымъ дѣвушкамъ наказываетъ:
Вы гуляйте-ка дѣвицы,
Веселитеся красавицы,
Покуда воля-та батюшкина,
Небольшая нѣга матушкина,
Не въ равны вы люди выдите,
Не ровенъ женихъ навяжется.
Размолодчикъ молоденькій,
Бери дѣвицу хорошенькую.

Эта пѣсня съ своими дактилическими окончаніями, съ своими чертами стариннаго затворничества и невольничества женщины, словно столѣтняя старуха въ кругу молодежи, — между риѳмованными почти хореическими пѣснями, большею частью съ удареніемъ на окончаніи, вообще сбивающимися на литературность, въ родѣ слѣдующей:

Васинька, Васильюшка,
По что бранить, по что журить?
Не ты купилъ не ты дарилъ;
Мнѣ купили купцы
Подарили молодцы.
Носи, Машенька, капотъ,
Чтобы не было хлопотъ!
Если будешь хлопотать,
Тебѣ салопа не видать.

Если въ наборныхъ пѣсняхъ природа не играетъ никакой роли, то въ *игорныхъ* нѣкоторые предметы природы являются съ блѣдными признаками древняго символическаго значенія.

Таковы нѣкоторыя растенія. Вотъ ленъ: дѣвицы сѣютъ, растятъ его, а молодцы вытаптываютъ: это на пѣсенномъ языкѣ всѣхъ славянскихъ народовъ вообще означаетъ дѣвичество и первое знакомство съ любовью; хмѣль — символъ удалаго молодца, представленіе глубоко древнее, что̀ мы видимъ и въ пѣсняхъ малорусскихъ, польскихъ, словацкихъ; съ нимъ связывается образъ варенія пива, образъ радушія и веселости; потоптаніе травы — символическое выраженіе полового сближенія: то же въ пѣсняхъ другихъ славянъ и литовцевъ. Сѣяніе мака, ржи, проса — составляющее предметъ хороводныхъ игръ, очень близко къ подобнымъ образамъ у другихъ славянъ (южно-руссовъ, поляковъ и чеховъ), и вѣроятно эти игры не что иное, какъ обломки древняго языческаго освященія земледѣльческихъ работъ при началѣ лѣта. Изъ животныхъ — первое мѣсто занимаетъ хороводный заяцъ, «заинька сѣренькій», котораго дѣвицы загоняютъ въ «городъ», такъ что ему некуда выскочить, заяцъ, символизующій молодца, плѣнившагося дѣвицею.

Содержаніе хороводныхъ игровыхъ пѣсенъ главнымъ образомъ вращается около знакомства съ любовью и ожиданіемъ будущей брачной жизни. Молодецъ раздумываетъ—какую невѣсту ему взять; дѣвица — какой-то у нея будетъ свекоръ, или какъ мужъ будетъ учить жену; молодецъ выбираетъ себѣ дѣвицу — невѣсту, и это изображается въ различныхъ видахъ. Къ играмъ, выражающимъ этотъ же смыслъ, принадлежитъ «король», игра общая какъ великоруссамъ, такъ и другимъ славян-

скимъ народамъ, и безъ сомнѣнія чрезвычайно древняя. Король ищетъ себѣ невѣсты въ хороводѣ; въ другихъ варіантахъ вмѣсто короля — князь, и эта форма еще древнѣе; она болѣе туземная, такъ какъ въ великорусскихъ и малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ носитъ названіе князя, а невѣста княгини. Игра въ «короля» или «князя», видоизмѣняясь, выдѣлила изъ себя другую подобную игру съ хороводною пѣснею: «бояринъ и царевна»; но должно думать, что это выдѣленіе произошло во времена отдаленныя, а никакъ не въ московскій періодъ, и представленіе о царской семьѣ относилось еще къ Византіи. Это видно изъ соотвѣтствующей южнорусской игровой пѣсни, гдѣ къ царевнѣ пріѣзжаютъ съ свадебнымъ предложеніемъ гости изъ Кіева отъ царенка (царевича). Въ великорусской пѣснѣ царевичъ (вѣроятно прежде княжичъ) превратился въ боярина. Игровая пѣсня, въ которой изображается, какъ постылый мужъ умеръ, а потомъ ожилъ, несомнѣнно древнѣйшаго происхожденія; она имѣетъ себѣ варіантъ въ малорусской игрѣ, называемой «перепелка», въ которой изображается, что мужъ умеръ и жена надъ нимъ плачетъ, потомъ мужъ ожилъ и жена радуется; — а эта игра съ пѣснею представляетъ сходные признаки съ тою игрою, которая заключаетъ въ себѣ языческое изображеніе годичныхъ перемѣнъ въ видѣ смерти и возстанія миѳическаго существа, подъ именемъ Коструба, Костромы, Ярила и проч. Все это признаки, показывающіе, что великорусскія игры и соотвѣтствующія имъ игровыя хороводныя пѣсни, несмотря на всѣ подновленія и даже повидимому полную переработку формъ, сохранили въ себѣ достаточное количество такихъ чертъ, по которымъ можно видѣть ихъ древнее единство съ поэтическимъ міромъ другихъ славянъ. Есть однако въ великорусскихъ хороводахъ черты самобытныя до такой степени, что онѣ противорѣчатъ тому, что̀ мы видимъ у послѣднихъ. Такъ въ пѣсняхъ всѣхъ другихъ славянъ мы встрѣчаемъ вѣнокъ символическою принадлежностью дѣвицы, и никогда его не видимъ на молодцѣ; въ великорусской же хороводной пѣснѣ (№ 138) молодецъ «водилъ танокъ» и потерялъ вѣнокъ:

Молодецъ гулялъ,
Скакалъ, плясалъ,
Таночикъ водилъ,
Водилъ я таночикъ,
Сронилъ я вѣночикъ.

Онъ проситъ поискать его потерянный вѣнокъ, сначала обращаясь къ батюшкѣ, потомъ къ матушкѣ; ни батюшка, ни ма-

тушка не нашли вѣнка; наконецъ, онъ проситъ о томъ же дѣвушку и—

Красная пошла,
Вѣночикъ нашла,
Вся радость моя
И весельице.

Если бы въ этой пѣснѣ, при сохраненіи всѣхъ мотивовъ, вмѣсто молодца поставлена была дѣвица, то пѣсня эта могла бы занять приличное мѣсто въ ряду обрядныхъ пѣсенъ всѣхъ другихъ славянскихъ народовъ, но вѣнокъ на головѣ молодца такая же аномалія въ славянскомъ поэтическомъ міровоззрѣніи, какъ и веретено въ рукахъ молодца въ обыденной жизни. Между тѣмъ это произошло хотя случайно, но вполнѣ естественно. Дѣло въ томъ, что вѣнокъ потерялъ свое древнее значеніе для дѣвицы: его замѣнила лента. Вѣнокъ въ сознаніи великоруссовъ не имѣетъ ничего символическаго. На головѣ молодца онъ явился, какъ украшеніе, все равно какъ вѣтка или цвѣтокъ, и замѣняетъ въ пѣснѣ шапку или шляпу, а шапка, по общему славянскому міровоззрѣнію, служитъ такою же символическою принадлежностью молодца, какъ вѣнокъ дѣвицы. И дѣйствительно, въ другихъ подобныхъ же хороводныхъ пѣсняхъ мы находимъ, что молодецъ роняетъ съ головы шляпу, а дѣвушка поднимаетъ ее, и это служитъ значеніемъ ея склонности къ молодцу:

Съ молодца шляпа долой!
Ты, дѣвица, подыми,
Раскрасавица подай.
Я слуга, сударь, твоя,
Я слушаюсь тебя,
Черну шляпу подаю.
Онъ и радошенъ и веселъ,
Самъ засмѣялся и пошелъ! (№ 130)

По всему видно, понятіе о «веденіи танка» потерялось для великоруссовъ въ томъ древнемъ значеніи, въ какомъ оно еще сохранилось въ пѣсняхъ другихъ славянскихъ народовъ: танокъ вести могла только дѣвица, и очевидно, что образъ веденія танка зашелъ въ упомянутую пѣсню изъ какой-нибудь прежней, вѣроятно пропавшей пѣсни, гдѣ онъ принадлежитъ дѣвицѣ.

Мы распространились объ этомъ признакѣ именно потому, что онъ наглядно указываетъ намъ исторію народной пѣсенности. Древнія представленія смѣшивались, спутывались и, такимъ путемъ, подъ вліяніемъ съ одной стороны новыхъ условій жизни, а съ другой, при неясности старыхъ воспоминаній, составлялись образы, діаметрально противоположные древнимъ.

Но въ хороводныхъ пѣсняхъ выразилось не только извращеніе старыхъ образовъ на новый ладъ: цѣлыя событія новѣйшаго быта, которыя, по своему содержанію могутъ имѣть только очень далекое отношеніе къ хороводному міру, составляютъ предметъ хороводныхъ пѣсенъ..

Такъ, напр., генералъ Румянцевъ хочетъ жениться на нѣмецкой дѣвицѣ; она не хочетъ идти за него, а онъ принуждаетъ ее угрозами: пѣсня эта должно быть сложена и занесена солдатами, а сдѣлалась хороводною оттого, что здѣсь все-таки представляется выборъ невѣсты. Другая пѣсня изображаетъ разговоръ барыни съ «холуемъ», который сознается, что любитъ ея дочь. По нѣкоторымъ варіантамъ разговоръ оканчивается согласіемъ барыни отдать за него дочь.

Пѣсни, отнесенныя собирателемъ къ разряду *разводныхъ*— тѣ, въ которыхъ представляется окончаніе хоровода: обыкновенный признакъ этого разряда въ томъ, что молодецъ цѣлуетъ дѣвицу — главная цѣль (судя по пѣснямъ) участія молодца въ хороводѣ.

Хороводъ—одна изъ древнѣйшихъ стихій народной жизни. Это, безъ сомнѣнія, тѣ древнія игрища «межю селы», о которыхъ вспоминаетъ наша лѣтопись, повѣствуя о языческомъ бытѣ русскихъ славянъ. Несмотря на то, что христіанскіе блюстители нравственности вопіяли противъ такихъ игрищъ, сопровождаемыхъ дѣйствіями (сценическими представленіями) и проклятымъ плясаніемъ, они продолжали переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію, подчиняясь теченію жизни, и видоизмѣняясь подъ гнетомъ народной судьбы, но тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ, какъ мы указали, сохранили черты глубокой древности. Хороводы для нашего простого народа были тѣмъ же, чѣмъ балы для высшаго общества: средствомъ сближенія молодежи обоихъ половъ, мѣстомъ зарожденія взаимной склонности и будущихъ союзовъ. Важность ихъ очевидна. Г. Шейнъ первый подарилъ наукѣ такое обширное и стройное собраніе хороводныхъ пѣсенъ.

За хороводными пѣснями въ сборникѣ Шейна слѣдуютъ названныя имъ плясовыя и бесѣдныя пѣсни; различіе между ними черезчуръ тонкое, да притомъ названіе плясовыхъ едвали точно подходитъ ко всѣмъ тѣмъ, которыя помѣщены въ разрядѣ съ этимъ названіемъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстны были многія изъ такихъ плясовыхъ пѣсенъ, которыя однако мы слышали безъ всякой пляски. Намъ кажется было бы подручнѣе назвать и тѣ и другія, по народному способу выраженія, *гулевыми пѣснями*. Это вообще пѣсенное выраженіе на-

родной веселости и шутливости. Въ большей части господствуетъ риѳма или склонность къ риѳмѣ; стихъ сбивается на хореическій, хотя нельзя сказать, чтобы въ этомъ отношеніи пѣсни эти отличались правильностью. Содержаніе ихъ очень разнообразно, но вращается исключительно въ кругѣ семейной или сельской жизни, иногда, впрочемъ, забираясь въ городъ или барскій дворъ. На нѣкоторыхъ пѣсняхъ лежитъ еще очень замѣтный отпечатокъ глубокой древности. Къ такимъ принадлежатъ тѣ пѣсни, въ которыхъ представляются животныя съ человѣческими свойствами и занятіями. Такъ, напр.:

Воробей пиво варилъ,
Молодой гостей сзывалъ,
Ай люли, ай люли!
Молодой гостей сзывалъ
Воробей всѣхъ пташечекъ....
Совушка не спѣсива,
Савельевна не гордива,
Сама пришла незваная,
Середь полу на лапочки
Заиграла въ скрипочки.
Воробей пошелъ плясать
Молодой въ присядочку,
Отдавилъ совѣ ногу,
Савельевнѣ правую...

Въ другомъ варіантѣ:

Совушкѣ на ножку,сталъ
Савельевнѣ на правую.
Совушка разсердилася,
Савельевна возгордилася.
Она дверью хлопнула,
Воротами скрипнула;
Воробей пошелъ въ догóнъ
Молодой съ поклонами:
Воротись ты совушка,
Воротись Савельевна.
Я самъ вино курю,
Я самъ креcьтянъ держу.

Въ другомъ варіантѣ:

Не того я отчества
Чтобъ назадъ воротитися,
А я роду царскаго,
А лица дворянскаго.

Древность этой пѣсни доказывается несомнѣнно сходствомъ ея съ подобною пѣснею литовскою. (См. Rhesa Dainos, oder littuanische Volkslieder. Königsberg. 1826. 66.) Воробей пригла-

шаетъ къ себѣ на алусъ (пиво) птицъ: пришла сова; воробей танцуетъ съ нею и наступаетъ ей на ногу. Обиженная сова идетъ на него жаловаться въ судъ, а воробей улетаетъ на заборъ.

Подъ № 37 помѣщена пѣсня также старая, какъ это доказываетъ существованіе такой же пѣсни у червоноруссовъ и поляковъ.

Безъ сомнѣнія, къ пѣснямъ съ древнею основою причислить слѣдуетъ нѣсколько пѣсенъ (№№ 87, 88, 89, 83), въ которыхъ молодецъ загадываетъ дѣвкѣ-«семилѣткѣ» загадки, которыя она отгадываетъ:

Постой, дѣвка-семилѣтка,
Изволь, дѣвка, отгадати:
А что ростетъ безъ кореньевъ,
А что цвѣтетъ безъ алаго цвѣту,
А что шумитъ безъ буйнаго вѣтру?
Растетъ камень безъ кореньевъ,
Шумитъ вода безъ буйна вѣтру,
Цвѣтетъ сосна безъ алаго цвѣту.

Или, по другому варіанту пространнѣе и разнообразнѣе:

Загадать ли тебѣ, дѣвица, пять загадокъ?
Отгадаю, сынъ купеческій, отгадаю хоть десятокъ.
Ужъ и что это, дѣвица, краше лѣта?
Ужъ и что это, дѣвица, выше лѣса?
Ужъ и что это, дѣвица, чаще рощи?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ коренья?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ умолку?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ отвѣту?—
Краше лѣта, сынъ купеческій, красно солнце;
Выше лѣса, сынъ купеческій, свѣтелъ мѣсяцъ;
Чаще рощи, сынъ купеческій, часты звѣзды;
Безъ коренья, сынъ купеческій, крупенъ жемчугъ;
Безъ умолку, сынъ купеческій, течетъ рѣчка;
Безъ отвѣту, сынъ купеческій, судьба Божья.
Отгадала ты, дѣвица, отгадала,
Ужъ и быть за мною, быть моею женою!

Эта пѣсня представляетъ сходство съ малорусскою сказкою о дѣвкѣ-семилѣткѣ, которая отгадываетъ загадки, предложенныя паномъ своимъ подданнымъ съ обѣщаніемъ взять себѣ въ жены ту дѣвицу, которая отгадаетъ эти загадки. Одинаковое названіе «дѣвка-семилѣтка» какъ въ малорусской сказкѣ, такъ и въ великорусской пѣснѣ, показываетъ на ихъ древнее единство происхожденія. Кромѣ того, эта пѣсня представляетъ подобіе съ легендою о муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи, гдѣ послѣдняя своею природною мудростью отгадываетъ мудреныя загадки и чрезъ то дѣлается женою князя.

Въ № 85, молодецъ съ дѣвицею состязаются между собою въ остроуміи, задавая другъ другу работы одна другой невозможнѣе:

Душечка-дѣвица,
Сшей-ка мнѣ рубашку,
Не ткавши, не прявши,
Въ рукахъ не державши.
Душечка-молодчикъ,
Выстрой теремочикъ,
Безъ мху, безъ лѣсу,
Безъ бѣлаго тесу.
Душечка дѣвица,
Набери мнѣ ягодъ
Зимой о крещеньѣ,
А лѣтомъ объ Внесеньѣ (Вознесеньѣ).
Душечка молодчикъ,
Сшей-ка мнѣ башмачки
Со желтаго песочку.
Душечка дѣвица,
Напряди вервицы
Со чистой водицы.
Душечка молодчикъ,
Слей-ко перстенечикъ
Со краснаго солнца:
Гдѣ бъ я ни ходила—
Все бы я свѣтила.

По другому варіанту, молодецъ и дѣвица задаютъ иного рода работы другъ другу:

Напряди, милая, дратвы
Изъ дождевой капли,
И сшей, милая, халатикъ
Изъ булатной стали,
Сталь булатная картина,
Чтобы пуля не пробила,
Чтобы могъ ее носить.
Сруби, миленькій, мнѣ теремъ
Изъ маковыхъ зеренъ,
Чтобы были двери,
Двери, двѣ кроватки,
Чтобъ на той кроваткѣ
Я могла бы спати,
Чтобъ мнѣ снился
Милый сонъ. (№ 86)

Эта пѣсня сходна съ продолженіемъ той же южнорусской сказки о дѣвкѣ-семилѣткѣ: когда она отгадала загадку, предложенную паномъ, послѣдній, желая отъ нея отвязаться, задаетъ ей невозможныя работы, но дѣвка-семилѣтка соглашается исполнить ихъ съ условіемъ, чтобы панъ съ своей стороны сдѣ-

лалъ также невозможное, нужное для исполненія того, что приказываетъ онъ ей. Такимъ образомъ, панъ посылаетъ ей яицъ съ приказаніемъ высидѣть изъ нихъ до утра цыплятъ, и чтобъ эти цыплята поспѣли пану на обѣдъ. Дѣвка-семилѣтка отвѣчала, что исполнитъ это, но съ тѣмъ, чтобы панъ сдѣлалъ изъ однолѣтнихъ прутьевъ плугъ и, взоравъ поле, насѣялъ проса, чтобъ это просо выросло къ утру и можно было имъ кормить цыплятъ. Подобное и въ извѣстной муромской легендѣ: князь Петръ посылаетъ будущей женѣ своей льну и приказываетъ изготовить ему сорочку, порты и платокъ въ продолженіи короткаго времени, пока онъ будетъ въ банѣ. Дѣвица посылаетъ ему полѣно и приказываетъ сказать, чтобы князь приготовилъ изъ этого полѣна ткацкій станокъ, на которомъ она будетъ ткать ему одежды [1]).

Кромѣ этихъ пѣсенъ, несомнѣнно дышащихъ глубокою древностью, мы укажемъ также, какъ на пѣсню съ очень древнимъ мотивомъ, на № 34 бесѣдныхъ пѣсенъ: это пѣсня о дурындѣ: содержаніе все состоитъ въ томъ, что дуракъ куда ни пойдетъ, чтὸ ни сдѣлаетъ, всюду его бьютъ. Варіантъ этой пѣсни былъ уже нѣкогда напечатанъ въ собраніи древнихъ русскихъ стихотвореній Кирши Данилова. Тотъ же предметъ служитъ содержаніемъ народныхъ сказокъ: русскихъ, польскихъ, сербскихъ и нѣмецкихъ.

Большая часть пѣсенъ этого разряда съ очевидно новѣйшими пріемами относятся къ разнымъ видамъ семейной жизни. Нѣкоторыя представляютъ, какъ жена не любитъ и обманываетъ мужа (№№ 3, 7, 27, 28, 36, 49, 53, 60, 69, 74, 76, 83, бесѣд. 8); мужъ ненавидитъ жену и бьетъ ее (45, 53, 76, 79). Пѣсня (пляс. № 57) изображаетъ въ комическомъ и чрезвычайно грубомъ видѣ отношенія зятя къ тещѣ. Первый пріѣхалъ къ послѣдней въ гости:

Теща зятюшку подчиваетъ:
Сядь-ка-ся, ты зятюшка, покушай-ка!
Думала теща: пятерымъ пирогъ не съѣсть,
А зять-то сѣлъ да за присѣстомъ съѣлъ.
Теща по горинкѣ похаживаетъ,
Нехотя на зятя поглядываетъ,
Потихоньку зятюшку побраниваетъ:
Какъ тебя, зятюшка, не рóзорвало,
На семь частей не раздернуло?

---

[1]) О сходствѣ этихъ мотивовъ съ подобными у другихъ народовъ см. у Буслаева (Истор. Оч. I, 269—307); очень замѣчательно подобіе съ загадками въ апокрифическихъ сказаніяхъ о Соломонѣ (Веселовскаго, Слав. сказ. о Соломонѣ, стр. 89—90).

Зять за такой поминъ объ немъ обѣщается, пригласивъ тещу къ себѣ на масляницу, воздать ей подобающую честь, и потомъ исполняетъ обѣщаніе:

Зять услышалъ, на то тещѣ сказалъ:
Лучше разорви тебя, тещу мою,
Тещу мою да вмѣстѣ съ дочерью.
Знала бы ты, теща, не подчивала.
Сталъ потомъ зять тещу въ гости звать:
Приходи-молъ, теща, на масляницу,
Я тебя, матушка, одпочиваю,
Въ четыре дубины березовыя,
Пятый кнутъ по заказу свитъ.
Вырвалась теща изъ зятнинызъ рукъ,
Бѣжала домой безъ оглядки,
Прибѣжала домой, да на печку легла.
Вотъ погоди: стукъ! стукъ! у воротъ.
— Батюшки, ребятушки, не зятикъ ли мой?
Матушка родимая, зять идетъ!
Зять идетъ на похмѣльице зоветъ.
— Скажите ему: со вчерашняго больна,
Съ пива и съ вина да болитъ вся спина,
Съ мягкихъ блиновъ пораспёрло бока,
Со сладкаго меду я вся немогу.

Во всемъ отдѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, эта пѣсня едва ли не самая старая и сохранившаяся относительно въ своемъ старомъ видѣ болѣе, чѣмъ многія другія, хотя и не утратившія очевидныхъ слѣдовъ древней основы содержанія, но уже сильно подвергшіяся новой организаціи. Эта пѣсня не такова какъ послѣднія: ея дактилическія окончанія, ея чисто великорусскій стихъ, живой языкъ, оригинальное теченіе рѣчи,—все обличаетъ въ ней почти археологическій экземпляръ народной поэзіи. Древность ея содержанія подтверждаться можетъ тѣмъ, что у южноруссовъ и у поляковъ существуетъ подобная же пѣсня, показывающая единое глубоко древнее происхожденіе съ великорусскою, съ тою разницею, что въ пѣсняхъ южнорусской и польской менѣе грубости и нѣтъ той циничности, которою отличается великорусская. Въ южнорусской пѣснѣ все дѣло состоитъ въ томъ, что теща думала найти у зятя хорошій пріемъ, и вмѣсто того, когда воротилась, то разсказывала, что ей привелось у зятя глодать объѣдки, терпѣть суровое обращеніе и даже убѣгать отъ него поскорѣе, чтобы онъ не побилъ ее. Во всякомъ случаѣ это сходство указываетъ не только на древность изображаемой здѣсь черты семейныхъ отношеній, но и на то народное сознаніе этой черты, которое создало подобную пѣсню. И то и другое принадлежитъ издревле славянскому племени, а не одному великорусскому, хотя

въ великоруссвой пѣснѣ древніе общіе племенные мотивы приняли мѣстный характеръ.

II.

Мы были бы до крайности односторонни, еслибы цѣнили въ пѣсняхъ только ихъ относительную древность, мало давая цѣны новѣйшимъ пѣснямъ. Народная жизнь намъ дорога во всѣ свои моменты, и мы можемъ относиться съ одинаковымъ уваженіемъ ко всѣмъ народнымъ произведеніямъ, ее выражающимъ, какъ къ тѣмъ, которыя переживали многіе вѣка, такъ и къ тѣмъ, которыя передѣлались изъ старыхъ или вновь слагались на нашей памяти. Разбойники ли, плывущіе по матушкѣ по Волгѣ, на легкой лодочкѣ съ красной дѣвицей посрединѣ, или парень, сажающій на машинку красную дѣвицу,—образы, одинаково важные для безпристрастнаго цѣнителя народныхъ произведеній. Цѣнность пѣсни не должна опредѣляться ея древностью, еще менѣе тѣмъ, что она нравится намъ въ эстетическомъ отношеніи; извѣстная пѣсня можетъ быть цѣннѣе другихъ для изслѣдователя, во-первыхъ, по степени своей распространенности въ народѣ, во-вторыхъ, по относительной выпуклости въ изображеніи признаковъ народной жизни, открывающей намъ способъ народнаго міросозерцанія, который составляетъ душу народныхъ произведеній въ совокупности. Пѣсни, несомнѣнно древнія, дѣйствительно заключаютъ для насъ особенную важность, но не только потому что они древни, а болѣе потому, что самая древность ихъ можетъ, по крайней мѣрѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, служить доказательствомъ ихъ распространенности въ былыя времена, а слѣдовательно и важнаго ихъ значенія въ ряду произведеній народной поэзіи. Съ другой стороны, пѣсня, которую мы, сообразно съ нашимъ впечатлѣніемъ, назовемъ прекрасною, имѣетъ, какъ народное произведеніе, гораздо болѣе достоинствъ, когда не мы, а народъ любитъ ее. Наши понятія о достоинствѣ пѣсенъ часто идутъ въ разрѣзъ съ народными. Часто бываетъ, что люди, воспитанные въ иной средѣ понятій или среди иной народности, находятъ грубымъ и неизящнымъ то, чтó приводитъ въ восторгъ людей, чуждыхъ первымъ по воспитанію и народности. Чтобы изучать народныя произведенія съ разумною и научною цѣлью, добиваясь уразумѣть въ нихъ народную душу, народныя чувства, народныя воззрѣнія, народный вкусъ, не слѣдуетъ подводить этихъ произведеній подъ наши привычные взгляды, выработанные въ насъ знакомствомъ съ литературою, а не-

обходимо намъ самимъ стать на почву строгаго объективнаго воззрѣнія. Въ настоящее время русскимъ образованнымъ людямъ гораздо болѣе по вкусу старыя великорусскія пѣсни, чѣмъ новѣйшія; послѣднія нерѣдко пренебрегаются, какъ явленія чрезвычайно пошлыя и лишенныя эстетическихъ достоинствъ. Если собиратель станетъ руководствоваться такимъ взглядомъ, то онъ и самъ впадетъ и другихъ введетъ за собою въ обманъ. Что̀ въ самомъ дѣлѣ могутъ указать намъ такія пѣсни, которыя мы будемъ какъ драгоцѣнность отыскивать въ отдаленныхъ захолустьяхъ и записывать изъ устъ отживающихъ старцевъ и старицъ? Только то, что такія пѣсни существовали въ старину.

Археологическое и историческое, даже поэтическое значеніе ихъ можетъ быть очень важно; но если тотъ же собиратель, ограничиваясь подобными пѣснями, станетъ презирать тѣ, которыя онъ слышитъ въ устахъ молодежи и за работою, и на перекресткахъ и на пирушкахъ, то мы, воображая себѣ, что народъ поетъ тѣ пѣсни, съ которыми познакомить насъ захотѣлъ предпочтительно собиратель—будемъ по-неволѣ заблуждаться и приходить къ невѣрнымъ выводамъ, руководствуясь этими пѣснями. Народъ совсѣмъ не такъ относится къ произведеніямъ своей духовной дѣятельности, какъ мы относимся къ нимъ. Народъ забываетъ тѣ старыя пѣсни, которыя насъ плѣняютъ; онъ ихъ находитъ устарѣлыми; онѣ не удовлетворяютъ его духовнымъ потребностямъ; ихъ содержаніе уже не подходитъ къ тѣмъ условіямъ, которыми судьба окружила его жизнь въ настоящее время; въ этихъ пѣсняхъ для него оказываются многіе непонятные или переставшіе интересовать его предметы; — напротивъ, его чувство и воображеніе обращается къ такимъ сторонамъ и явленіямъ дѣйствительной жизни, какихъ онъ не находитъ въ своихъ старыхъ пѣсняхъ: и вотъ онъ или передѣлываетъ свои старыя пѣсни на новый ладъ, или складываетъ новыя, подчиняя свое вдохновеніе вліянію барскаго двора, фабрики, городского кабака или современнаго острога, подлаживаясь насколько умѣетъ къ вкусу той среды, которую считаетъ выше себя по образованію. Дактилическія окончанія старыхъ пѣсенъ уже не нравятся ему, хотя онъ не можетъ съ ними окончательно разстаться, но уже явно предпочитаетъ имъ ямбы и хореи, сплетаетъ риѳмы и насколько можетъ подбирается къ тоническому размѣру слышанныхъ имъ литературныхъ произведеній. Иначе не могло и не должно было происходить. Пѣсня слишкомъ близка душѣ народнаго человѣка и выражаетъ то, что̀ кроется въ глубинѣ этой души; но тамъ, въ этой душѣ остаются впечатлѣнія той живой дѣйствительности, среди которой народный

человѣкъ вращается и дѣйствуетъ. Какимъ становится народъ, такова его и пѣсня; она неизмѣнно вѣрно отражаетъ его душу, и въ этомъ ея высокое достоинство. Поэтому, никакъ не слѣдуетъ пренебрегать пѣснями новѣйшаго склада, или же носящими отпечатокъ новѣйшихъ передѣлокъ; если для нашего эстетическаго вкуса онѣ представляются уродливыми, пошлыми, даже циническими и лишенными всякой поэзіи, то для историка и мыслящаго наблюдателя человѣческой жизни онѣ все-таки драгоцѣнные памятники народнаго творчества. При этой точкѣ зрѣнія, видимая безсмыслица для насъ иногда не бываетъ лишена смысла.

Г. Шейнъ не пренебрегалъ такими пѣснями, хотя собралъ ихъ сравнительно немного. Нѣкоторыя изъ напечатанныхъ имъ въ отдѣлѣ плясовыхъ очень характеристичны по выраженію народныхъ воззрѣній и нравовъ. Вотъ, напр., нѣсколько (№№ 13, 14, 15, 16, 17, 18) варіантовъ пѣсни о томъ, какъ дочь толкуетъ съ матерью: за кого ей лучше выдти замужъ; и тутъ открывается народный взглядъ на сословныя и общественныя положенія. Дѣвушка не хочетъ идти за крестьянина: здѣсь мы встрѣчаемся съ чертою, нерѣдкою въ современномъ русскомъ человѣкѣ, когда онъ оказываетъ пренебреженіе къ тому, чтó не имѣетъ лоска образованности, когда онъ хочетъ показаться выше другихъ по своимъ понятіямъ; «крестьянинъ—невѣжа», говоритъ красна дѣвица; ей также не по вкусу и черный трудъ:

Съ крестьяниномъ жить — трудиться,
Рано встать, поздно ложиться,
Сѣно косить, жито жать.....

Черный трудъ отбиваетъ ее отъ кузнеца:

Кузнецъ въ кузницѣ куетъ,
Самъ онъ въ сажѣ чортъ какъ чортъ,
Часто въ кузницѣ бываетъ,
Неравно онъ замараетъ.

Сапожникъ ей представляется пьяницею (не даромъ и пословица: пьянъ какъ сапожникъ), буяномъ, жестокимъ, тираномъ:

Сапожникъ воръ, буянъ,
Съ утра до вечера пьянъ,
Жену моритъ голодомъ,
Заморозитъ холодомъ...

Солдатское житье, разумѣется, не привлекательно:

Будь онъ унтеръ, рядовой,
У него лишь хлѣбъ съ водой.

Духовное званіе тѣмъ не хорошо, что духовныхъ безпокоятъ по ночамъ:

Будь онъ дьяконъ или попъ,
Въ камилавкѣ протопопъ,
Съ требой ходитъ по ночамъ,
Не дастъ спать моимъ очамъ.

Купецъ, несмотря на то, что это такой человѣкъ, съ которымъ по обстановкѣ жизни, казалось, можно бы спокойнѣе ужиться, чѣмъ съ предыдущими, возбуждаетъ однако опасеніе. Предусмотрительная дѣвушка разсчитываетъ, что купецъ можетъ проплутоваться, сдѣлаться банкротомъ, а жена его останется послѣ него въ нищетѣ:

Купецъ гадкій воръ и плутъ,
Черезъ годъ будетъ банкрутъ,
Его посадятъ въ тюрьму,
А я по міру пойду...

Въ одномъ изъ варіантовъ упоминается штабъ-лекарь въ числѣ предполагаемыхъ жениховъ, но —

Съ нимъ веселья вовсе нѣтъ,
Смотри въ спиртъ или ланцетъ;
Онъ мнѣ рвотнаго прибавитъ,
На тотъ свѣтъ меня отправитъ [1]).

Выборъ останавливается на бояринѣ. По однимъ варіантамъ веселая боярская жизнь въ образѣ клубовъ, баловъ, театровъ совершенно очаровала дѣвицу. Пѣсня оканчивается такъ:

Иду, иду, маменька,
Замужъ за боярина,
Жизнь боярина, что твой рай,
То и дѣло, что гуляй.
Въ клубъ, на балъ, въ театръ катайся,
Или дома забавляйся.
Иду, иду, маменька!

Но въ другихъ варіантахъ бояринъ не удовлетворяетъ дѣвицы: онъ, во-первыхъ,—охотникъ, собачникъ; это ей не нравится:

Не йду, матушка,
Не йду, государыня,
Замужъ за боярина:
Бояринъ охотникъ,
Много собакъ держитъ,
Собаки борзые...

---

[1]) Этотъ варіантъ вѣроятно сложился въ мѣщанской средѣ, равно какъ и слѣдующій, гдѣ говорится о городскихъ увеселеніяхъ.

Во-вторыхъ, у него —

Холопы босые. (№ 17)

Видѣть предъ собою непріятныя сцены помѣщичьяго тиранства не хочетъ дѣвушка:

Какъ бояринъ крестьянъ бить,
А мнѣ милости просить...

Есть у ней вполнѣ подходящій идеалъ; это подъячій (по нашему образу выраженія — чиновникъ); съ нимъ житье лучше боярскаго, купеческаго, поповскаго; у него и денегъ много, и положеніе ей кажется безопаснымъ: соображая, что купецъ можетъ сдѣлаться банкротомъ, великорусская красавица не соображаетъ, что подъячій также можетъ попасть подъ судъ; видно, что въ глазахъ народа эти случаи казались черезъ-чуръ рѣдкими въ сравненіи съ успѣхами подъяческаго подвижничества. Съ полною рѣшимостью говоритъ дѣвица матери:

Иду, иду, матушка,
Иду, государыня,
Замужъ за подъячаго.
Ахъ, подъячій-то писать,
А я денежки считать:
Пусть худое говорятъ,
А мы будемъ обирать.

Доказательствомъ, что такой образъ воззрѣнія не есть какое-нибудь исключеніе, а широко распространенъ въ народѣ, служитъ то, что у Шейна помѣщено нѣсколько такихъ варіантовъ, въ которыхъ подъячему оказывается предпочтеніе, и притомъ эти варіанты изъ разныхъ мѣстъ, напр., изъ Тверской (№ 14) и изъ Тульской губ. (№ 16).

И вотъ народныя пѣсни открываютъ намъ, что идеаломъ для великорусскаго народа начиналъ дѣлаться подъячій, обирающій людей и наживающій деньги. По другимъ подобнымъ пѣснямъ идеалъ великорусской дѣвушки — собственная ея выгода, и этою выгодою измѣряется ея любовь: тотъ ей милъ, кто носитъ ей подарки, какъ проситель со взяткой милъ подъячему:

По улицѣ мостовой
На встрѣчу парень молодой;
Дѣвка парню говорила,
Во глаза его бранила:
Ты дуракъ, дуракъ, дуракъ,
Зачѣмъ къ дѣвкамъ ходишь такъ!
Ты поди-ка, понеси-ка,
Ты поздравствуйся:
Здравствуй Саша и Параша. (№ 22)

Форма пѣсни конечно сравнительно новая, но мотивъ ея старый, явившійся здѣсь только въ новой одеждѣ; рядомъ съ этою пѣснею другая — съ болѣе старыми признаками:

Дѣтинушка удалый молодецъ,
Онъ всю травушку, муравушку примялъ,
Всѣ лазоревы цвѣточки посорвалъ;
Онъ повадился ко дѣвушкѣ ходить,
Много злата, много серебра носить,
Безъ разсчета золотой казной дарить,
Безъ аршина камочки отдирать....

Въ № 25 представляется образчикъ обращенія молодца съ дѣвицею:

Что пошли наши ребята,
Да вдоль во кругу гулять,
Красныхъ дѣвокъ выбирать;
Выбиралъ, выбиралъ парень
Красну дѣвушку не-величку,
Не величку, ни малу;
Ни величка, ни мала,
На ней шубочка ала,
Душегрѣечка красна,
Молодцу сердце зажгла.
Какъ ударилъ парень дѣвушку
По бѣлому по лицу,
Онъ по бѣлому лицу,
По румяной по щекѣ,
По жемчужной по серьгѣ.
Какъ жемчужная сережка
Разсыпалась,
Передъ молодцомъ дѣвчонка
Расплакалась:
Ты не бей, не бей, невѣжа,
Не твоя, сударь, надежа,
Коли я буду твоя,
Буду слушаться тебя;
А теперь я не твоя —
Я не слушаюсь тебя.
Отойди ты прочь.
Отойди, шельма, отъ меня! (№ 25)

Дѣвушка протестуетъ противъ такого обращенія съ собою только до тѣхъ поръ, пока она не вышла за парня; послѣ замужества — дѣло иное, она будетъ его слушаться; онъ будетъ имѣть право бить ее. Рядомъ съ этою пѣснею (№ 26) помѣщается пѣсня, гдѣ изображается какъ бы продолженіе того, что̀ могло послѣдовать, когда дѣвушка (№ 25-го) выйдетъ за своего парня, заѣхавшаго ей въ физіономію:

Ужъ я полемъ шла,
Не шаталася,
Ко двору пришла,
Пошатнулася,
За верею̀шку съудержалася.
Верея-ль ты моя,
Ты верею̀шка,
Съудержи ты меня
Бабу пьяную,
Шельму хмѣльную:
Не видалъ бы меня
Свекоръ батюшка,
Не сказалъ бы онъ
Моему мужу.
Какъ и мой-то мужъ
Горькій пьяница;
Онъ вина не пьетъ,
Съ кабака нейдетъ,
Съ воды пьянъ живетъ,
Съ квасу бѣсится!

Далѣе описывается въ шуточномъ видѣ опрятность хозяйки и способъ приготовленія пищи:

Я порогъ мыла,
Во щи вылила,
Ужъ я полъ мыла,
Въ горохъ вылила;
Я полы скребла,
Пироги спекла,
Со начиночкой,
Со ветчиночкой.

III.

За отдѣломъ пѣсенъ, которыя г. Шейнъ означилъ названіемъ *плясовыхъ* и *бесѣдныхъ*, слѣдуетъ у него отдѣлъ называемыхъ *голосовыми* или *протяжными*; ихъ числомъ 99.

Нѣтъ ничего произвольнѣе и неточнѣе такой рубрики. Такимъ образомъ, если означать пѣсни по голосу, то къ этому разряду пришлось бы отнести множество пѣсенъ: былевыхъ, разбойничьихъ, рекрутскихъ, которыя поются протяжно, а между тѣмъ онѣ сюда не включены. Пѣсни, означенныя у г. Шейна названіемъ *голосовыхъ*, собственно бытовыя пѣсни, преимущественно семейныя и любовныя. Къ нимъ могли причислиться и такія, какія мы встрѣчаемъ между плясовыми, хоть бы, напр., № 95, гдѣ жена проводитъ стараго мужа.

Въ этомъ отдѣлѣ пѣсенъ замѣчательны черты, указывающія на сохранившіеся въ народной поэзіи остатки древняго символическаго отношенія къ природѣ. Для опредѣленія ихъ значенія въ этомъ смыслѣ, намъ болѣе всего поможетъ сравненіе съ подобными чертами у южноруссовъ. Такъ какъ поэзія южно-русская, сообразно долговременному, особому отъ великоруссовъ теченію народной жизни, приняла совсѣмъ иной складъ и характеръ, отличный отъ великорусской поэзіи, то мы полагаемъ, что сходство воззрѣній, образовъ, извѣстныхъ отношеній къ природѣ, можетъ служить признакомъ древности содержанія пѣсенъ. Разумѣется, отсюда слѣдуетъ исключить то, что̀ было плодомъ уже позднѣйшаго сближенія, такъ какъ очень много пѣсенныхъ мотивовъ входило изъ Великой Руси въ Южную и обратно; но, къ счастью, позднѣйшія перетасовки и заимствованія такъ явно выказываютъ свое недавнее происхожденіе, что только люди слишкомъ неопытные и неосвоившіеся съ духомъ и пріемами народной поэзіи могутъ ошибиться и принять новѣйшее заимствованіе за признаки стараго единства, такъ какъ во всѣхъ такихъ, близкихъ къ намъ по времени заимствованіяхъ, болѣе или менѣе удерживаются черты того пѣсеннаго склада, откуда взято заимствованіе. Нѣтъ ни одной великорусской пѣсни, перенятой малоруссами и распѣваемой народомъ, которая до того бы измѣнилась и перетворилась, чтобы невозможно было видѣть ея отличія отъ чисто малорусскихъ; то же самое и по отношенію къ пѣснямъ малорусскимъ, перенятымъ великоруссами. Мы считаемъ древними признаками только такія черты, которыя представляютъ сходство воззрѣній, образовъ, сказаній, при полномъ сохраненіи своеобразнаго великорусскаго или южнорусскаго пѣсеннаго склада. Такое сходство очень драгоцѣнно и на немъ можно смѣло основывать причисленіе къ области древняго міросозерцанія тѣ символическія отношенія къ природѣ, которыя мы замѣчаемъ въ пѣсняхъ. Само собою разумѣется, что сходство съ поэзіею другихъ славянскихъ народовъ, которыхъ жизнь еще болѣе удалялась отъ жизни великорусской, будетъ подтверждать древность этихъ чертъ.

Небесныя свѣтила и воздушныя явленія рѣдко и вскользь являются въ пѣсняхъ, разсматриваемыхъ нами. Съ солнцемъ сравниваются милыя сердцу особы (№ 12), но этотъ пріемъ слишкомъ общій каждой народной поэзіи, а потому мы и не станемъ давать ему значеніе въ смыслѣ особой характеристики. Подъ №№ 47 и 31 мы встрѣчаемъ обращеніе къ мѣсяцу: дѣвица проситъ его свѣтить милому, когда онъ пойдетъ, чтобъ было ей видно; подобный пріемъ находимъ мы въ галицкихъ и

малорусскихъ пѣсняхъ. Море является символомъ неизвѣстности и погибели: это древнее славянское представленіе; молодецъ, ненавидящій свою жену, изображаетъ свое желаніе избавиться отъ нея въ образѣ пусканія ея на кораблѣ въ море (№ 24); тотъ же образъ въ южнорусскихъ пѣсняхъ и притомъ въ различныхъ положеніяхъ. Замѣчательно, что вообще въ великорусскихъ пѣсняхъ вода во всѣхъ видахъ, — въ видѣ рѣки, ключа (№ 53), чаще, чѣмъ въ южнорусскихъ, имѣетъ печальное значеніе, хотя и послѣднія не чужды вовсе того же. Вода подмываетъ сучки, вѣточки, отростки рябины, сравниваемой съ дѣвицею (6); по водѣ прибываетъ горе къ дѣвицѣ (10); рѣкѣ отдаютъ горе, котораго она не хочетъ брать (ibid.); теченіе рѣки сопоставляется съ горькимъ житьемъ (69); вода, заливающая луга и болота, сравнивается со слезами (71).

Въ южнорусскихъ пѣсняхъ есть многіе и веселые образы воды, какихъ мы не встрѣчаемъ здѣсь. Быть можетъ, тутъ дѣйствовало обиліе воды, въ видѣ сѣверныхъ болотъ, служившихъ только помѣхою въ жизни, и это утвердило въ поэзіи мрачную сторону символическаго отношенія къ водѣ.

Изъ деревьевъ въ великорусскихъ пѣсняхъ рябина сопоставляется съ дѣвицею и вызрѣваніе рябиновыхъ ягодъ сравнивается съ «вызнаваніемъ» дѣвицы (31). Рябины, сколько намъ извѣстно, нѣтъ въ народныхъ пѣсняхъ другихъ славянъ. Это дерево исключительно великорусское, и кажется, замѣняетъ въ томъ же значеніи южнорусскую калину — частый и постоянный женскій символъ, хотя и калина не чужда вовсе великорусской поэзіи: на калинѣ сидитъ кукушка, сравниваемая съ дѣвицею (29), или соколъ—символъ молодца, (41) или соловей; съ калиною, рано расцвѣтающею, сопоставляется женщина, рано вышедшая замужъ: всѣ эти образы есть въ южнорусскихъ пѣсняхъ. Береза—также мѣстопребываніе птицъ (76). Въ одной пѣснѣ (46) въ грустномъ значеніи мы встрѣчаемъ ель—дерево грусти въ южнорусской поэзіи. Такое же значеніе имѣетъ ракита или ракитовъ кустъ, равнозначущій (хотя не всегда въ одномъ и томъ же значеніи) съ малорусскимъ яворомъ. Садъ вообще въ великорусской поэзіи, какъ и въ малорусской, сопоставляется съ милымъ человѣкомъ: садъ засыхаетъ, другъ отъѣзжаетъ (22). Изъ травъ замѣчательна полынь съ эпитетомъ злодѣй: онъ, какъ символъ горести, выростаетъ среди винограда; послѣдній въ южнорусской поэзіи постоянный символъ довольства и веселія; вѣроятно и здѣсь онъ приведенъ въ томъ же значеніи, тѣмъ болѣе, что въ другой пѣснѣ дѣвица кидаетъ милому изюмъ—виноградъ на кровать (№ 15); въ свадебныхъ пѣсняхъ виноградъ иногда появляется,

хотя рѣже, чѣмъ въ южнорусскихъ. Символическое значеніе птицъ высказывается яснѣе въ народной великорусской поэзіи, чѣмъ—растеній. Соколъ здѣсь, какъ и въ пѣсняхъ всѣхъ прочихъ славянскихъ народовъ, символъ молодца; летаніе сокола сравнивается съ разгуломъ молодецкимъ (29). Молодецъ скачетъ на своемъ конѣ словно соколъ летитъ (60); какъ отъ летанья у сокола крылья «примахались», такъ у молодца кудерышки завивались (57); символомъ влюбленнаго молодца служитъ голубь, а влюбленной дѣвицы — голубка (№№ 49, 50, 20). Молодецъ сынъ купеческій — по другимъ варіантамъ боярскій, убилъ голубку—это, какъ видно, образъ похищенія дѣвицы—образъ, который мы встрѣчаемъ въ южнорусскихъ и польскихъ пѣсняхъ и въ древнемъ чешскомъ стихотвореніи Збигонъ. Символами любовной четы являются также соловей и кукушка. Соловей одинъ самъ по себѣ — пѣвецъ веселья, онъ подаетъ дѣвицамъ голосъ къ пѣнію; онъ разгоняетъ тоску влюбленному молодцу (13); соловей является въ образѣ вѣстника: женщина посылаетъ его къ своимъ роднымъ (75). Кукушка вообще символъ женскій, преимущественно грустный, и потому ей придается обыкновенно эпитетъ горемычной. Пѣсня о превращеніи женщины въ кукушку (№№ 68, 69, 70), безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ старыхъ; въ южнорусской поэзіи есть подобная и очень распространенная; мы встрѣчаемъ отголоски этого въ сербской поэзіи. Извѣстно, что ни за одной птицей не остается столько глубоко-древняго значенія у всѣхъ народовъ арійскаго племени, какъ за кукушкою, а потому и не удивительно, что въ сборникѣ г. Шейна есть пѣсня о кукушечкѣ, сходная съ южнорусскою пѣснею и старочешскою въ Краледворской рукописи, — пѣсня, сохранившая слѣды того языческаго значенія, какое имѣла нѣкогда боготворимая кукушка [1]):

Долина-ль ты моя, долинушка,
Долина-ль ты широкая,
На той ли на долинѣ
Выростала калина,
На той ли на калинѣ
Кукушка вскуковала:
Ты объ чемъ моя кукушечко,
Объ чемъ кукуешь?
Ты объ чемъ, моя горемычная,
Объ чемъ горюешь.
Ужъ и какъ же мнѣ кукушечки,

[1]) Ср. старочешскую въ Polyglotta Kralodvorského rukopisu, vydani Václava Hanki. 1852, стр. 101;— и малорусскую въ Piésni ludu Ruskiego w Galycyi, zebrał Żegota Pauli, I, стр. 126.

Какъ не куковати.
Ужъ и какъ же мнѣ, горемычиной,
Какъ не горевати?
Одинъ былъ зеленый садъ,
И тотъ засыхаетъ,
Одинъ былъ у меня милый другъ,
И тотъ отъѣзжаетъ,
Одное меня младешеньку,
Одное меня покидаетъ!

Вообще такъ-называемыя у г. Шейна *голосовыя* пѣсни по своему содержанію могутъ быть раздѣлены на двѣ половины: на *любовныя* и *семейныя*.

Только немногія изъ любовныхъ пѣсенъ изображаютъ счастливыя и согласныя отношенія между молодцомъ и дѣвицею (№№ 1, 2, 3, 6, 7); большей части этихъ пѣсенъ содержаніе—тоска дѣвицы въ разлукѣ съ милымъ (№№ 9, 10, 11, 14, 17, 18, 19, 21, 26, 27, 28, 29, 30, 31); тоска молодца по дѣвицѣ (№№ 16, 27, 36, 37); измѣна молодца (№№ 12, 20, 22, 23, 38, 39, 40, 47); разгулъ молодца (№№ 32, 33, 34); отравленіе и приворотныя средства (№№ 54, 55, 56, 57). Изъ семейныхъ пѣсенъ нѣтъ ни одной, представляющей картину семейнаго благополучія: въ нихъ видимъ мы или недовольство замужней женщины своимъ положеніемъ (№№ 53, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 67, 68, 69, 70, 74, 75, 76), или мужа своею женитьбою (№№ 72, 73, 77, 78, 79, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 91, 93, 94; двѣ №№ 80 и 81 — представляютъ какъ жена помыкаетъ мужемъ. Цифры эти чрезвычайно краснорѣчивы сами по себѣ, какъ для изученія народной жизни, такъ и для ознакомленія съ народнымъ способомъ воззрѣнія на условія своей жизни; жаль только, что изъ сборника г. Шейна мы не знаемъ, какія пѣсни наиболѣе распространены.

Въ любовныхъ пѣсняхъ о разлукѣ и объ измѣнѣ, чувство женщины гораздо сильнѣе, чѣмъ чувство молодца, хотя вообще въ великорусскихъ пѣсняхъ любовное чувство не глубоко и часто пробивается тотъ практическій взглядъ, который составляетъ отличительную черту великорусскаго характера, качество, которое не допускаетъ до мечтательнаго бездѣйствія и упадка силъ подъ гнетомъ судьбы, и служитъ постояннымъ рычагомъ къ дѣятельности и терпѣнію, но которое также часто изсушаетъ въ душѣ поэзію и приводитъ къ грубѣйшему матеріализму. Вотъ, приходитъ молодецъ къ своей бывшей возлюбленной—объявить ей, что онъ хочетъ жениться на другой:

Я не гость пришелъ, не гостить къ тебѣ,
Я пришелъ у вашей милости доложитися,
Позволишь ли ты мнѣ женитися?

Сначала дѣвушка разражается гнѣвомъ и какъ будто отчаяніемъ:

Ты женись, женись, разбезсовѣстный,
Я не чаяла отъ тебя того,
Ты бъ сказалъ мнѣ такое словечушко,
Прострѣлилъ ты мое сердечушко:
Ты возьми, возьми саблю вострую,
Ты разрѣжь, разрѣжь мою бѣлу грудь,
Погляди ты мое ретиво сердце....

Молодецъ утѣшаетъ ее. Но чѣмъ? Онъ (женившись на другой!) не прерветъ съ нею прежней связи:

Не плачь, не плачь, раскрасавица,
Я ходить буду чаще этого,
И любить буду лучше прежняго!

Дѣвица утѣшается. Она зоветъ молодца въ садъ гулять, размѣняться подарочками:

Я возьму дружка за рученьку,
Поведу его въ зеленый садъ,
Мы по садику разгуляемся,
Мы подарочкомъ размѣняемся:
Ты возьми, возьми свой золотъ перстень,
Ты отдай, отдай мой тальянской платъ:
Тебѣ перстнемъ обручаться, другъ,
А мнѣ платочкомъ женишка дарить,
Женишка дарить, дружка прежняго...

Такимъ образомъ, оказывается, что у дѣвицы уже былъ другой другъ на запасѣ: стало быть, ея отчаяніе было не искреннее. Все обстоитъ благополучно. Есть надежда, что молодецъ, женившись на другой, будетъ продолжать свои любовныя отношенія съ прежнею, которая выйдетъ за другого; если она прежде надувала двухъ любовниковъ, почему-жъ ей не надувать мужа. Мы привели эту пѣсню изъ сборника Шейна потому, что знаемъ ее также не изъ этого сборника; пѣсня эта старинная и очень распространена въ разнообразныхъ варіантахъ; есть варіанты, которые не имѣютъ такого безнравственнаго смысла: дѣвица только желаетъ измѣннику счастія съ другою, и вѣроятно пѣсня эта, видоизмѣняясь, дошла до того образа, въ какомъ помѣщена въ сборникѣ Шейна, вмѣстѣ съ развитіемъ народныхъ нравственныхъ взглядовъ. Въ сущности та же мелкость чувства, тотъ же практическій взглядъ на жизнь отражаются въ пѣснѣ подъ № 12 (также, какъ намъ извѣстно, очень распространенной), гдѣ дѣвица съ молодцомъ находится въ самыхъ нѣжныхъ и любовныхъ отношеніяхъ, зная, что она себѣ выйдетъ замужъ, а онъ женится на другой:

Не свѣтелъ мѣсяцъ вдоль улицы свѣтилъ,
Заря бѣлый день въ окошечко,
Ко мнѣ Машенька сама въ гости пришла,
Всѣ забавы, всѣ утѣхи принесла,
Въ окошечко бѣлы руки подала,
По другіимъ увѣряла молодца,
Увѣрявши чернобровымъ назвала:
Чернобровый, черноглазый, милый мой,
Мнѣ не долго во любви пожить съ тобой,
Во любви пожить, въ согласьи погулять,
Тебя, молодца, женить скоро хотятъ,
Тебя женятъ, меня замужъ отдадутъ:
По дорожкѣ заѣзжай ко мнѣ, милой,
На послѣдки распростимся мы съ тобой!

Глубокая сердечная привязанность и тѣмъ болѣе мечтательность вообще чужды великорусской поэзіи; въ самыхъ лучшихъ, дѣйствительно исполненныхъ поэзіи, любовныхъ пѣсняхъ, свѣтится сильно чувственность; вотъ влюбленной дѣвушкѣ снится сонъ—хорошій сонъ:

Чуть заснула на первой зарѣ,
Хорошъ сонъ мнѣ младой видѣлся,
Будто миленькій ко мнѣ пришелъ,
По новымъ сѣнюшкамъ прошелъ,
Ко кроваткѣ подошелъ,
Раскрылъ бѣло полотно,
На бѣлыя груди палъ,
Крѣпко къ сердцу прижималъ,
Въ уста меня цѣловалъ.

И въ несчастной любви—дѣвушка томится на кровати, раскачиваясь, да съ подушкою обнимаясь:

Ты злодѣй-то лиходѣй удалъ добрый молодецъ
Изсушилъ ты, сокрушилъ мое сердце дѣвичье.
Долго ли моему сердцу будетъ ныть болѣть?
Ужъ пойду я съ горя лягу на кроватку,
На кроватушкѣ млада раскачуся,
По миленькомъ дружкѣ спохвачуся,
Горючими слезами зальюся.
Ужъ вы ночи мои, ночи, ночи долги темныя,
Надоѣли вы мнѣ ночи, надокучили,
Съ милымъ дружкомъ меня разлучили. (№ 8)

Тоска по миломъ проходитъ скоро, какъ и привязанность,—словно короткое сѣверное лѣто:

Ты трава-ль моя,
Ты шелковая,
Ты весной росла,
Лѣтомъ выросла,

Подъ осень, травка,
Засыхать стала,
Про мила дружка
Забывать стала. (№ 5)

Въ позднѣйшее время, въ народную поэзію вошла, однако, сентиментальность путемъ соприкосновенія съ литературными пріемами, такъ что народъ уже сталъ слагать свои пѣсни на манеръ тѣхъ, которыя доходили до его слуха изъ разныхъ пѣсенниковъ. Къ такимъ пѣснямъ принадлежатъ, напримѣръ, помѣщенныя у г. Шейна подъ №№ 26 и 28, гдѣ молодецъ хочетъ превратиться въ голубка, чтобъ ворковать на окошечкѣ своей возлюбленной, или, напримѣръ, такая пѣсенка:

Что ты, Саша, пріуныла,
Пригорюнившись, сидишь;
Прежде пѣла, говорила
Ко подруженькамъ своимъ:
Веселитесь вы, подружки,
Къ намъ весна скоро придетъ,
Весна придетъ, солнце взойдетъ,
Сгонитъ снѣги, весь морозъ,
Пріударитъ частый дождь,
Расцвѣтутъ въ полѣ цвѣточки,
Всѣ ракитовы кусточки. (№ 9)

Эта пѣсня сложилась очевидно тогда, когда самобытное, издревле установившееся въ извѣстномъ пошибѣ народное творчество подчинилось вліянію искусственности, навѣянной на народъ сверху. Подобное риторическое описаніе красотъ природы отнюдь невозможно въ первобытной безъискуственной поэзіи какого бы то ни было народа. Въ настоящее время, пѣсенъ въ такомъ тонѣ очень много, хотя у г. Шейна ихъ сравнительно мало; всѣ онѣ отпечатокъ современныхъ или близкихъ къ намъ по времени условій духовной жизни русскаго народа. Народъ слагаетъ ихъ, народъ ихъ любитъ гораздо болѣе, чѣмъ старыя пѣсни, сложенныя и завѣщанныя ему по наслѣдству прежними, уже давно отжившими поколѣніями. Но изъ нашихъ сборниковъ и въ томъ числѣ изъ сборника г. Шейна нельзя узнать этого обстоятельства. Изучая наши ученые сборники и зная русскія пѣсни только по сборникамъ, можно получить такой взглядъ: есть у народа пѣсни старыя, а есть пѣсни новѣйшія; всякъ поетъ себѣ какую вздумаетъ; между тѣмъ какъ иную поютъ человѣкъ десять, другую— сто; да и къ тѣмъ пѣснямъ, которыя въ данное время очень распространены, народъ не одинаково относится: иныя онъ поетъ съ особымъ участіемъ къ ихъ содержанію, другія нравятся ему только по голосу. Въ нашихъ ученыхъ сборникахъ этого всего

не обозначается, а потому-то изъ нихъ мы не въ состояніи узнать того, что́ для насъ составляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ народнаго творчества—мы не узнаемъ изъ нихъ исторіи народной поэзіи даже и въ сравнительно близкій къ намъ періодъ народной жизни. Между тѣмъ этотъ періодъ заключаетъ особенно интересныя стороны, потому что въ народной поэзіи совершается переворотъ, подобный тому, какой происходитъ въ самой жизни народа. Замѣчательно, что въ то время, когда пѣсни новаго пошиба творятся народнымъ первобытнымъ способомъ, то-есть, пѣсенные элементы, вращаясь въ народной массѣ, принимаютъ опредѣленныя формы въ разныхъ варіантахъ,—появляются пѣснотворцы, составляющіе разомъ готовыя пѣсни: иныя изъ этихъ пѣсенъ, будучи сложены поудачнѣе, входили въ народъ, но въ какой степени и какъ видоизмѣнялись онѣ въ народномъ обращеніи—мы не знаемъ и не имѣемъ источниковъ для составленія какихъ-либо заключеній, но были и такія пѣснопѣнія, которыя входили въ сборники народныхъ пѣсенъ, едва ли входивши въ народъ, по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ явились въ сборникахъ. И въ сборникѣ г. Шейна попалось кое-что въ такомъ родѣ; напримѣръ, пѣсня подъ № 20:

Не соколъ леталъ по поднебесью,
Не соколъ ронялъ сизы перышки, и проч.

—по нашему мнѣнію фальшивая, даромъ что значится записанною Тульской губерніи Епифанскаго уѣзда въ селѣ Сукромнѣ однимъ учителемъ. Хотя въ ней и есть подражаніе дѣйствительно-народнымъ пѣснямъ, но въ то же время натянутая правильность, искусственная разстановка словъ и выраженій и кавалерская чувствительность, совсѣмъ несродная русской поэзіи — обличаетъ ея поддѣлку. Пѣсня подъ № 51 также не народная, хотя въ ней цѣликомъ нанизаны стихи изъ народныхъ пѣсенъ.

IV.

Пѣсни, относящіяся, по своему содержанію, къ брачной и семейной жизни, представляютъ у г. Шейна мрачную и даже грязную картину; она была бы еще мрачнѣе и грязнѣе, еслибъ у г. Шейна было поболѣе пѣсенъ этого разряда. Уже дѣвица, вмѣсто того, чтобы плѣняться образомъ семейнаго счастія въ будущемъ замужествѣ, смотритъ на бракъ какъ на тягость и говоритъ своимъ подругамъ:

Погуляйте вы, дѣвушки,
Покуда вы у батюшки,
У родимой своей матушки!
Не ровенъ мужъ навалится,
Либо воръ, либо пьяница. (№ 78)

Въ другой пѣснѣ посылается проклятіе браку:

Пошла дѣвушка на кипучій ключь,
На ключѣ дѣвушка слезно плакала;
Проклинала это-то замужьице:
Распроклятая жизнь замужняя,
Расхорошее житье дѣвичье. (№ 58)

Въ драгоцѣнной пѣснѣ подъ № 64, изображаются въ короткой рѣчи отношенія замужней женщины къ семьѣ своего мужа и способъ обращенія съ самимъ своимъ супругомъ:

Какъ и свекоръ на палатѣ,
Точно кобель на канатѣ;
Какъ свекровушка на печи
Точно сука на цѣпи.
Вы деверья, вы деверья,
Вы—борзые кобеля;
У васъ жены таковы.
Вы золовки-колотовки,
Вамъ самимъ въ люди итить.
Ужъ вы, тетушки,
Не прогнѣвайтесь!
Я поставлю на порогъ,
Да въ три шеи за воротъ,
Мужъ на лавки сидитъ,
На жену косо глядитъ:
Ты косись, не косись,
Не боюся я тебя,
Не ударишь ты меня!
Мужъ руку отвелъ,
Жену по уху ощелъ,
Жена руку отвела,
По всей харѣ ощела.

Печальное состояніе женщины въ замужствѣ — древнѣйшій мотивъ славянской поэзіи вообще. Прекрасная пѣсня о превращеніи несчастной замужней женщины въ кукушку, прилетѣвшей въ видѣ этой птицы къ своей матери, помѣщена у г. Шейна въ двухъ варіантахъ (№№ 68, 69); пѣсня эта одна изъ самыхъ старинныхъ, и за ея древность ручается одинаковаго содержанія, какъ мы сказали, хотя въ иной формѣ, подобная же южнорусская пѣсня. Также на основаніи сходства съ южнорусскими, мы можемъ отнести къ древнимъ пѣснямъ тѣ, гдѣ замужняя женщина груститъ о разлукѣ съ родными и обращается къ нимъ за утѣ-

шеніемъ въ своемъ горѣ (№№ 67, 70, 74). Но замѣчательно, что у г. Шейна замужняя женщина въ пѣсняхъ почти не представляется терпящею отъ деспотизма мужа, что̀ такъ рѣзко высказывается въ южнорусскихъ пѣсняхъ, гдѣ безотвѣтная жертва горько плачетъ о своей судьбѣ и нерѣдко не находитъ другого исхода, кромѣ самоубійства. Намъ извѣстны въ подобномъ тонѣ и великорусскія пѣсни стараго пошиба, но у г. Шейна нѣтъ ихъ; въ пѣсняхъ, собранныхъ имъ и сравнительно новѣйшихъ, судя по ихъ настоящей редакціи, великорусская замужняя женщина представляется скорѣе бой-бабою, которая не слишкомъ-то готова съ терпѣніемъ сносить всякое насиліе и изливать свое горе слезами, а скорѣе сама склонна и провести мужа и поработить его. Достойно замѣчанія, между прочимъ, что пѣсня, по своимъ основнымъ чертамъ древняя, сходная съ подобною южнорусскою, отличается отъ послѣдней именно взглядомъ на положеніе замужней женщины. Въ южнорусской пѣснѣ замужнюю женщину свекровь посылаетъ по воду босикомъ; въ великорусской, по изданной въ сборникѣ Шейна — тоже примѣняется къ дѣвицѣ, у которой злая мачиха (93). Напротивъ, въ другой великорусской пѣснѣ (№ 65), когда лихая свекровь помыкаетъ невѣсткою, то послѣдняя пользуется посылками, которыя ей даютъ, для того, чтобъ потѣшиться съ Ванюшкою-Горюномъ:

....Посылаетъ все туда и сюда,
И туда и сюда и невѣдомо куда,
По утру рано на ключъ за водой,
Вечеромъ поздно скотину убирать.
Я пошла млада, замѣшкалася,
Сладкой водочки накушалася,
Мнѣ на встрѣчу младой Ванюшка-Горюнъ.
Вотъ какъ сталъ Ваня пошучивати,
За бѣлы груди похватывати,
Не шути ты, не шути, Ваня-Горюнъ:
Мое личко разгарчивое,
Свекровь матушка догадливая,
Ни съ чего догадается,
Съ чего лицо разгарается. (№ 65)

Вотъ примѣръ, какъ бойкая великорусская женщина расправляется съ своимъ мужемъ пьяницею и безобразникомъ — «дѣтинкою-невѣжею»:

На кабакъ идетъ невѣжа—скачитъ, пляшитъ,
Съ кабака идетъ невѣжа—кричитъ, лапитъ:
Ты жена-ль моя, жена молодая!
Отворяй-ка ты ворота становыя,
Встрѣчай мужа съ работы веселаго!
Какъ и я ли, молоденька, тороплию выходила,

За новыя за ворота становыя,
Я съ невѣжею смѣленько говорила:
Ты ночуй, ночуй, невѣжа за вратами,
Вотъ тебѣ, невѣжа, мягкая постеля,
Мягкая постеля—бѣлая пороша!
Вотъ тебѣ высоко возголовье—подворотня!
Вотъ тебѣ шитое одѣяло—часты звѣзды!
Ужъ и я ли невѣжу успросила:
Каково тебѣ, невѣжа, за вратами,
Таково-жъ мнѣ, невѣжа, за тобою,
За твоею дурацкою головою. (№ 80)

Изъ пѣсенъ оказывается, что тягость брака еще болѣе ненавистна мужу, чѣмъ женѣ, и онъ болѣе и глубже страдаетъ подъ его гнетомъ. Еще мальчикомъ женили его по неволѣ; онъ получилъ себѣ жену не по мыслямъ, тяжела ему жизнь:

Съ поневоли меня оженили,
Не по обычью мнѣ жану взяли,
Не по бичью, не по мыслямъ;
Я не буду съ ней въ люби жить,
Буду мальчикъ за рѣку ходить,
На свою жану буду смерти молить. (89)

И работа ему на умъ нейдетъ; все проклятой женѣ смерти онъ желаетъ:

Какъ за рѣкой-то, рѣкой,
Шелкову траву Ваня косилъ,
Онъ косилъ-то косилъ,
Косу въ сторону бросилъ:
Пропадай ты моя,
Безъукладная коса!
Ты умри, умри,
Распостылая жена. (83)

Всю молодость испортила ему жена, которой ласки для него ненавистны:

Охъ да ты молодость, моя молодость!
Ты когда младость прошля,
Когда мила прокатилася?
Я-де весной младость прошла,
Лѣтомъ-де прокатилася.
Охъ да не въ чести-де прошла,
Да и не въ радости,
Въ моемъ ли во моемъ горюшки,
Во моемъ горѣ во великоемъ.
Навязалась-отъ, братцы, на меня
Зла да худа жена,
Зла худа шельма жена
Больно некорыстна.
Она день-отъ меня журитъ, бранитъ,
Ночь уснуть не даетъ,

На рукѣ лежитъ,
Во глаза глядитъ,
Во глаза шельма глядитъ,
Цаловать велитъ;
Цаловать-то ее мнѣ, шельму, не хочется,
Ретивое сердечушко къ ней
Сердце не воротится. (86)

Молодецъ съ досады ищетъ себѣ утѣшенія—обращается къ чужой женѣ, на чужой сторонѣ:

Приневолила шататься по чужой сторонѣ,
Ты заставила любить чужу мужнину жену.
Какъ чужая-то жена—лебедь бѣлая моя,
А своя шельма жена—полынь горькая трава,
Полынь горькая трава, стрекучая крапива. (87)

Или же идетъ къ дѣвушкамъ (№№ 72, 83, 89, 90), иногда къ своей прежней сударушкѣ (№№ 73, 84); только и тутъ ему нѣтъ воли; жена подсматриваетъ за нимъ; дѣвушки, поэтому, не находятъ удобнымъ любить женатаго:

Уже нѣтъ того хуже женатаго любить!
Онъ женатый, распроклятый!
Его очень жизнь бѣдна:
Гдѣ ни ходитъ, ни гуляетъ,
А жена все за нимъ глядитъ. (89)

Да не только что жена; еще вся женина родня сторожитъ его. Вотъ онъ въ лѣсу; тамъ красна дѣвица-душа Машенька: она—

Со милымъ дружкомъ проаукалась:
Ты ау! ау! дружокъ миленькій!
Не далече ходишь, милый, не откликнешься!
Мнѣ нельзя тебѣ откликнуться,
Какъ за мною ходятъ трое сторожа,
Трое сторожи, трое грозные:
Первый сторожъ ходитъ—тесть батюшка,
Второй сторожъ—теща матушка,
Третій сторожъ—молода жена:
Мы его найдемъ, да на огнѣ сожжемъ,
На огнѣ сожжемъ, пустимъ въ быстру рѣченьку.
Ахъ ты возмой, возмой, туча грозная!
Убей моего тестя батюшку,
А стрѣлой застрѣли тещу матушку,
Сильнымъ дождичкомъ засѣки молоду жену,
Ты спаси, спаси красну дѣвушку,
Красну дѣвушку, прежнюю сударушку. (73)

Иногда же такой мужъ прибѣгаетъ для утоленія горя къ синему кувшину и, выпивши, желаетъ смерти женѣ:

Спасибо, спасибо, синему кувшину,
Размыкалъ онъ тоску мою кручину!
Не кручина меня сокрушила,
Сокрушила меня жена молодая,
И давно-ль жена не хворала,
Захворай же-ка, жена побольнѣе,
И умри поскорѣе,
И мнѣ будетъ жить повольнѣе. (№ 93)

И, однако, мало бываетъ ему утѣшенія, если жена умретъ. Вотъ сбываются его моленія:

Распрекрасна смерть идетъ,
Ужъ ты смерть моя прекрасная,
Воротися, смерть, назадъ,
Сокончай мою жену!
Не успѣлъ я слова молвить—
Начала жену кончать;
Не успѣлъ я оглянуться—
Накрылъ бѣлымъ полотномъ. (№ 90)

Молодецъ, теперь свободный—

Пріударилъ ее кулакомъ,
Самъ заплакалъ да пошелъ,
Къ короводу подошелъ,
Всѣ дѣвушки играютъ. (№ 89)

Теперь молодецъ хочетъ опять жениться:

Сыграю свадьбу веселую,
Возьму жену молодую...

Но какъ только свяжетъ онъ себя новымъ бракомъ—будетъ ему послѣдняя горше первыхъ. Отъ покойной жены у него остались дѣти; новая жена будетъ для нихъ—лихая мачиха; дѣти будутъ ее ненавидѣть и проклинать:

Малы дѣтушки по горенькѣ похаживаютъ,
Лиху мачиху проклинаютъ,
Родну матушку вспоминаютъ:
Ты сгори, наша горенька новая!
Встань, встань, наша матушка родная!

Такимъ образомъ—бракъ для него во всякомъ случаѣ горе, невыносимое бремя, отрава жизни.

Намъ извѣстны пѣсни, гдѣ описывается убійство жены мужемъ; у г. Шейна такихъ пѣсенъ нѣтъ, за то у него есть четыре нумера, представляющіе убійство мужа женою. Въ одной—жена зарѣзала (№ 96) мужа, въ другой — повѣсила на деревѣ и поругалась надъ нимъ:

Али ты сладкихъ яблокъ накушался,
Соловьиныхъ пѣсенъ наслушался. (№ 98)

Въ двухъ остальныхъ (№№ 95, 97) жена удавила стараго мужа петлею, при содѣйствіи любовника: она стала —

Петлюшку на шеюшку
Накидывати;
Своему милому конецъ подала:
Ты тяни, тяни милой,
Натягивай небось!
Новые гужи не сорвутся,
У стараго шея не оторвется.
Старый захрипѣлъ,
Будто спать захотѣлъ,
Вычалилъ глаза,
Будто сердится;
Высунулъ языкъ,
Будто Вася бузыкъ (пьяница).

или: (въ другомъ варіантѣ, № 95):

Ногами забилъ,
Будьто шутъ задавилъ,
Руки растопырилъ—
Плясать пошелъ,
Зубы оскалилъ —
Смѣяться сталъ!

Если только пѣсни вообще считать правдивыми выраженіями народной души, то омерзительная и грязная картина, въ которой великорусскій народъ самъ изображаетъ свою семейную жизнь, способна навести на самыя невыгодныя понятія о такомъ народѣ. Иное дѣло, еслибы подобныя черты составляли предметъ шуточныхъ пѣсенъ; въ минуты веселья и забавъ, часто человѣкъ нравственный въ своихъ поступкахъ дозволяетъ себѣ говорить или лучше сказать болтать то, чего не скажетъ въ правду. Пѣсни, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, никакъ не шуточныя; это именно такія пѣсни, въ которыхъ народъ выражаетъ свои задушевныя чувства, свои нравственныя взгляды. Иное дѣло было бы и тогда, когда бы черты, еще безнравственнѣе этихъ, мы встрѣтили въ пѣсняхъ былевыхъ, при описаніи какого-нибудь единичнаго событія; извѣстно, что человѣческое воображеніе тѣшится вообще необычнымъ; сцены пороковъ и злодѣяній могутъ нравиться тѣмъ, которые вовсе неспособны къ совершенію чего-нибудь преступнаго, — подобно тому, какъ любители сценическихъ представленій тѣшатся пожарами на сценѣ театра, хотя никто изъ нихъ неспособенъ самъ на поджигательство. Но въ пѣсняхъ, о которыхъ мы говоримъ, совсѣмъ не исключительные случаи, не единичныя событія: здѣсь — повседневная жизнь, всегда присущее народу чувство. Однако,

мы еще не рѣшимся обобщать этихъ чертъ и на основаніи ихъ дозволять себѣ какія-либо сужденія о нравственномъ упадкѣ всего народа, именно по причинѣ тѣхъ недостатковъ въ способѣ собиранія и изданія нашихъ народныхъ произведеній, отъ которыхъ не свободенъ еще ни одинъ сборникъ. У насъ, во-первыхъ, мало варіантовъ тѣхъ пѣсенъ, на основаніи которыхъ мы бы рѣшались дѣлать приговоры; еслибы у насъ варіантовъ было болѣе, мы бы узнали, вѣроятно, что содержаніе однѣхъ и тѣхъ же пѣсенъ не вездѣ одинаково понимается и выражается. И дѣйствительно,—пѣсня, которую мы приводили, какъ напечатанную въ сборникѣ г. Шейна подъ № 22, представляется намъ безнравственною: молодецъ, собираясь жениться, обѣщаетъ другой дѣвушкѣ, которая также выйдетъ замужъ за иного, быть съ нею въ любовной связи; эта пѣсня записана въ Новоторжскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, но у насъ есть варіантъ той же самой пѣсни изъ Саратовской губерніи, въ которомъ уже не только нѣтъ такого безнравственнаго смысла, но дѣвушка, которой измѣняетъ молодецъ, показываетъ въ отношеніи къ нему даже великодушіе и благородство. Во-вторыхъ—для того, чтобы на основаніи пѣсенъ произносить сужденія о народныхъ свойствахъ, необходимо знать степень распространенности въ народѣ этихъ пѣсенъ, а равнымъ образомъ и тѣхъ пѣсенъ, которыя изображали бы совсѣмъ иныя стороны народной духовной жизни и составляли имъ, такъ сказать, противовѣсъ. По этимъ-то недостаткамъ мы считаемъ до крайности легкомысленнымъ дозволять себѣ произносить какіе-нибудь роковые приговоры, тѣмъ болѣе, что и подъ тою оболочкою грязи и цинизма, которою покрывается народная жизнь въ приведенныхъ нами пѣсняхъ, нельзя, однако, не замѣтить и чертъ свѣтлыхъ—поразительной бодрости и крѣпости духа, отваги, отсутствія всякаго отчаянія, боязни предъ горемъ, живой дѣятельной натуры великорусскаго народа.

V.

Пѣсни, которыя мы приводили, носятъ на себѣ болѣе или менѣе близкую къ намъ по времени форму состава или пересостава ихъ. Но и въ такихъ пѣсняхъ, въ которыхъ несомнѣнны признаки отдаленной старины, мы видимъ тягость, которая лежала на семейной жизни издревле, хотя въ этихъ древнихъ пѣсняхъ терпящею представляется уже одна женщина. Мы говоримъ о пѣсняхъ обрядныхъ, которыя у г. Шейна слѣдуютъ за тѣмъ отдѣломъ, который у него названъ голосо-

выми или протяжными, и заключаютъ въ себѣ нѣсколько подраздѣловъ: колядныя, подблюдныя, святочныя игрища, волочебныя, весеннія, семицкія, жнивныя, толочныя, капустныя, масляничныя, свадебныя и похоронныя.

Вездѣ разсѣяны горькія жалобы женщины на замужнее положеніе. Въ игрѣ святочной, конечно старинной, плеть представляется символомъ брачнаго сожительства; женщина должна безропотно принимать этотъ символъ: такова ея судьба по естеству, что быть ей всегда подъ плетью. Молодецъ представляется ищущимъ невѣсты; онъ находитъ себѣ избранницу между дѣвицами; тогда ему поютъ:

Ты купи женѣ подарочикъ,
Что подарочикъ на шею жемчужку:
Принимай, жена, не гнѣвайся!
Молодая, не сердись на меня!
Поѣзжай, Борисъ, на рыпочикъ,
Ты купи жены подарочикъ,
Что подарочикъ ременну плеть:
Принимай жена, не гнѣвайся,
Молодая, не сердись на меня.

И при послѣднихъ словахъ молодецъ бросаетъ на полъ плеть; избранная его поднимаетъ этотъ знакъ брака: тогда они цѣлуются (стр. 387).

На тѣхъ же святочныхъ игрищахъ замужняя женщина поетъ о томъ, какъ мужъ обращается съ плетью, этимъ символомъ любви и брака:

Какъ не лютыя ли собаки заревѣли,
Не борзыя ли собаки завизжали,
Заревѣлъ-то мой старый старичище.
Слѣзаетъ старичище со печищи,
Онъ снимаетъ съ черна крюка плетище,
Онъ и бьетъ ли не бьетъ полегоньку,
Что на каждое мѣсто по десятку. (Стр. 383)

Въ другой пѣснѣ молодая женщина (стр. 383 — 394) жалуется, что въ то время, когда играютъ гусли, собирается игрище, свекоръ и свекровь не пускаютъ ее, томятъ работою; но бойкая великорусская женщина не слишкомъ терпѣливо несетъ надъ собою этотъ гнетъ: она грозитъ свекру изломать метлу, которою ее заставляютъ мести гумно, а свекрови изорвать полотно, которое ткать ее принуждаютъ.

Проходитъ зима; наступаетъ весна; собираются красныя дѣвицы на лугъ веселиться, какъ веселились ихъ прабабушки языческихъ временъ: встрѣчаютъ кукушку, птицу лѣта, божественную вѣстницу будущаго; вотъ несутъ онѣ вѣтку, обвитую лентами, украшенную цвѣтами: это называется у нихъ крестить

кукушку; какъ только услышатъ онѣ въ первый разъ кукушку, начинается скаканіе, пляска, пѣсни; но въ этихъ пѣсняхъ раздается тяжелая скорбь о несчастіи замужества:

Кабы знала я да вѣдала,
Молоденька чаяла
Свою горьку долю,
Несчастье замужество,
Замужъ не ходила бы,
Доли не теряла бы,
Пустила бы я долю
По чистому полю,
Пустила бъ красоту
По цвѣтамъ лазоревымъ. (Стр. 345)

И весна проходитъ; наступаетъ лѣто — пора страдная, какъ говорятъ поселяне, то-есть пора тяжелой работы; при уборкѣ хлѣба есть свои особыя обрядныя пѣсни, а въ этихъ пѣсняхъ опять та же скорбь о горькой судьбѣ замужней женщины; она терпитъ разомъ и отъ свекра и отъ самодура мужа, который и безъ вина дерется хуже пьянаго:

Я дорогою шла, я широкою,
Я пущу голосокъ черезъ темный лѣсъ,
Не заслышалъ бы мой лютый свекоръ,
Не сказалъ бы онъ мому мужу,
Мому мужу, свому сыну.
Какъ и мой мужъ горькій пьяница:
Енъ вина, пива не поетъ (не пьетъ)
Всегда пьянъ живетъ,
Енъ и боетъ (бьетъ) жену по напрасницу,
По чужимъ рѣчомъ, по моимъ плечомъ:
Не ходи, жена, ты на вулицу,
Не играй, жена, со ребятами,
Со ребятами неженатыми. (Стр. 40, пѣсня Псковск. губ.)

Другая пѣсня, помѣщенная собирателемъ въ числѣ толочныхъ (толоками называются сельскія работы по накладкѣ, свозкѣ и размѣсткѣ въ полѣ или огородѣ навоза, работы, отправляемыя, по приглашенію хозяина, сообща, нѣсколькими дворами или даже цѣлыми деревнями, при чемъ наградою за трудъ бываетъ приличное количество водки), изображаетъ грусть женщины, сравниваемой съ кукушкой, о своемъ замужествѣ; она чувствуетъ, что лучше бы ей было всю жизнь оставаться въ дѣвушкахъ; пѣсня, какъ показываетъ ея складъ, замѣчательно сохранилась въ старой редакціи, и, какъ можетъ видѣть читатель, имѣетъ особое эстетическое достоинство:

Дуброва моя, дубровушка,
Дуброва моя зеленая,

По тебѣ, моя дубровушка,
Дробныя пташки разлетались.
Одна пташка оставалася,
Горемышная кукушечка,
Куковала кукушечка день до вечера,
А со вечера до полуночи:
Кабы знала я, млада, вѣдала,
Про свое про горе про великое,
Про замужьице несчастливое,
Я бъ сидѣла вѣкъ во дѣвушкахъ,
Я бъ чесала буйну голову,
Я бъ плела свою русу косу,
Я бъ, плетучи, приговаривала:
Не доставайся, моя руса коса,
Что ни князю, ни боярину,
Ни мому мужу татарину. (Стр. 402)

Въ другой пѣснѣ, того же разряда, жена нѣжно проситъ своего супруга не бить ее безъ вины, позволяя, однако, бить себя за вину:

Я со миленькимъ дружочкомъ...
А я милому говорила:
Ты, мой миленькій дружочикъ,
Ты не бей жану безъ вины,
Ты бей жану за вину,
За великую за бѣду.
Мой батюшка далече,
Моя матушка дальше того,
Голосочка маво не слышить,
Горючихъ моихъ слезъ не видить. (Стр. 403, Пск. губ.)

А вотъ наступаетъ масляница, время разгула. Для нея есть у народа особыя пѣсни; казалось бы, чему быть въ этихъ пѣсняхъ, какъ не беззаботному, ничѣмъ несмущаемому веселью. Нѣтъ! и здѣсь мы встрѣчаемся со слезами замужней женщины, съ горемъ замужества:

Горе мое, гореванье,
Тяжело мое воздыханье,
На чужой дальней сторонкѣ,
У чужого батьки,
У чужой у матки:
Протекала рѣка слезовая.

Молодкѣ-невѣсткѣ хочется на «горушку», на катанье; лихой свекоръ ее не пускаетъ; невѣстка грозитъ послать своихъ пріятелей (куманей) воровъ сдѣлать покражу у свекра, слѣдовательно, въ своемъ же собственномъ хозяйствѣ. Какъ раба—она не смотритъ на достояніе той семьи, которой состоитъ членомъ, какъ на свое собственное:

Свекоръ батюшка лихой:
Енъ на горушку

Меня не кущають.
А я свекру угожу,
Три бѣды наряжу:
Подошлю воровъ,
Чтобъ покрали коровъ,
Подошлю людей,
Чтобъ покрали клѣтей,
Подошлю куманей,
Чтобъ покрали комоней (коней). (Стр. 408)

Тотъ же взглядъ на замужнюю жизнь прорывается и въ свадебныхъ пѣсняхъ. Когда женихъ съ своимъ поѣздомъ входитъ въ домъ родителей невѣсты, дѣвица пугается, прижимается къ родимой матушкѣ, словно, какъ будто ѣдутъ враги брать ее въ плѣнъ.—По дорожкѣ ѣдутъ! восклицаетъ она;—на дворъ въѣзжаютъ! Въ горницу входятъ!—Не отдамъ тебя въ чужіе люди, не бойся, не пугайся! говоритъ ей мать, обманывая ее (стр. 431, св. Тульск. губ., Новос. уѣзда). Въ свадебныхъ пѣсняхъ Псковской губерніи, когда женихъ входитъ, невѣста плачетъ, и тогда раздается такая пѣсня:

Не гости идутъ къ намъ и не пріятели,
Идутъ къ намъ злодѣи и разлучники,
Разлучаютъ меня съ отцемъ съ матерью,
Съ отцомъ съ матерью съ родомъ племенемъ,
И увозятъ меня невѣдомо куда. (Стр. 543)

Въ свадебныхъ пѣсняхъ просвѣчиваетъ то отдаленное время сѣдой древности, когда молодецъ насиліемъ похищалъ себѣ жену. Невѣста сравнивается съ лебедью, на которую нападаетъ сизый соколъ, ощипываетъ ей крылья, оббиваетъ крылышки, проливаетъ горячую кровь:

Какъ и ѣздилъ-то Захаръ князь
По Слопихину по селу,
Какъ искалъ-то искалъ князь
Красныхъ дѣвушекъ толпу.
Какъ нашелъ-то, нашелъ Захаръ князь
Красныхъ дѣвушекъ толпу;
Онъ всѣхъ дѣвушекъ толпу распустилъ,
Только ее одну ухватилъ,
Свѣтъ Акулинушку свою,
Тимоѳеевну свою.
Взмолилася Акулинушка,
Взмолилася Тимоѳеевна:
Ты пусти меня, пусти Захаръ князь. (Стр. 481, Тв. губ.)

Подобный же взглядъ въ свадебныхъ пѣсняхъ Псковской губерніи (стр. 551).

Съ развитіемъ большей гражданственности, вмѣсто насильнаго

похищенія, надобно было покупать дѣвицу, и этотъ періодъ отразился до сихъ поръ въ разныхъ обрядахъ. Такимъ образомъ, въ Тверской губерніи, когда свадебный поѣздъ съ женихомъ во главѣ, пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты, невѣста сидитъ забившись въ задній уголъ, окруженная дѣвицами. «Тысячскій» подходитъ къ дѣвкамъ и проситъ у нихъ невѣсты, но дѣвки не даютъ; тысячскій даетъ имъ денегъ; если мало дадутъ, дѣвки бросаютъ ихъ назадъ, а тысячскій съ ними торгуется и прибавляетъ денегъ; если мало дадутъ,— просятъ еще: потомъ невѣсту сдаютъ жениху, женихъ же, взявъ ее за руку, топчетъ ей три раза ногу, чтобъ не была сердита (стр. 476). Въ псковскихъ обрядахъ невѣста не забивается въ уголъ, а сидитъ подъ краснымъ окномъ, за столомъ, на лавкѣ. Сначала дружка невѣсты за порогомъ избы пьетъ съ дружкою жениха и какъ бы пропиваетъ невѣсту, потомъ жениховъ дружка, войдя въ избу, начинаетъ торговаться объ невѣстѣ съ ея подругами. «Вы, дѣвушки, опорожните мѣсто, выдайте намъ молодую!» Дѣвушки отвѣчаютъ:—У насъ молодая дорога: стóитъ сто тысяца!—«У насъ не за деньгами дѣло»—говоритъ дружка, а за тѣмъ вынимаетъ деньги и кладетъ на столъ.—Нѣтъ; этого мало! говорятъ дѣвушки. Дружка прибавляетъ денегъ; потомъ, когда торгъ окончится и дѣвицы уступаютъ невѣсту, дружка угощаетъ дѣвушекъ водкою и пряниками. Дѣвушки, взявши денегъ, обнимаютъ невѣсту, цѣлуютъ ее, поютъ и плачутъ, прощаются съ нею, наконецъ отходятъ въ сторону, а дружка усаживаетъ жениха съ невѣстою за столомъ на подушкахъ (стр. 547). Въ свадебныхъ обрядахъ Тульской губерніи сохранились черты, указывающія, какъ будто, на переходъ отъ древняго, насильственнаго похищенія, къ болѣе позднему способу пріобрѣтенія женщины—къ покупкѣ. Здѣсь сватъ, войдя въ домъ и окинувъ взоромъ дѣвицъ, подругъ невѣсты, грозно ударяетъ по столу кнутовищемъ и кричитъ во все горло: «Это что за народъ? Пошли вонъ изъ-за стола!» Но когда хозяинъ дома скажетъ ему, что лучше ихъ попросить поласковѣе и поторговаться, сватъ обращается къ дѣвушкамъ съ ласкательными эпитетами: «Красны дѣвицы, перпелицы, сладкія пѣвицы! Уступите намъ свои мѣста!» Дѣвицы торгуются съ нимъ и сторговываются. Сватъ даетъ имъ деньги, подноситъ вино, угощаетъ пирогами; онѣ удаляются, и тогда начинается церемонія сажанія жениха вмѣстѣ съ невѣстою (стр. 417). Примѣнительно къ этой-то продажѣ невѣсты, чего остатки въ разныхъ видахъ сохраняются повсюду, въ новгородскихъ свадебныхъ пѣсняхъ отъ лица невѣсты поется:

Какъ пріѣдутъ мои недруги,
Мои недруги, разлучники,

Не мечитесь вы, подруженьки,
Что на ихню золоту казну,
Не отдавайте меня, молодешеньку. (Стр. 500)

Вѣроятно, дѣвицы знаменуютъ родъ или вообще общество тѣхъ, которымъ принадлежала невѣста по происхожденію, и которые имѣли надъ нею право; они должны были защищать ее противъ чужихъ, какъ члена своего, они же могли и выпустить ее отъ себя, получивъ за то вознагражденіе. Въ иной формѣ мы видимъ семейное начало: невѣсту продаетъ братъ ея. Въ пѣсняхъ псковскихъ поется:

Не продавай, братецъ, дорогой сестры,
Проси за сестрицу и сто и тысячу. (Стр. 522)

или (когда уже братъ продастъ сестру дружкѣ):

Здравствуй, братъ дорогой,
Продавши сестру
За орѣшки-щелканцы,
За червивыя яблочки,
Со кривымъ конемъ,
Со дубиною. (Стр. 562. Пск. губ. Остр. уѣзда)

Эту черту мы встрѣчаемъ и въ южнорусскихъ пѣсняхъ свадебныхъ, хотя вообще по духу чрезвычайно отличныхъ отъ свадебныхъ великорусскихъ, такъ какъ тамъ взаимная любовь жениха и невѣсты играетъ главную роль, и свадебныя южнорусскія пѣсни имѣютъ колоритъ любовныхъ пѣсенъ, чего въ великорусскихъ совсѣмъ почти нѣтъ. Великорусская невѣста совершенно безгласная раба, только имѣющая право плакать и выть. Ее продавали и пропивали. Послѣднее выраженіе осталось до сихъ поръ въ народномъ языкѣ, и вмѣсто того, чтобъ сказать: «Мы сговорили дочь»,—великорусскіе поселяне говорятъ: «Мы пропили дочь». Сообразно этому и въ пѣсняхъ поется:

Пропила меня родима матушка,
Что за винную за чарочку. (Стр. 489, Новг. губ.)

Или:

Что были за гости, за пріятели?
Пропилъ ты меня, родный батюшка
За стаканъ пива пьянаго,
За рюмку вина зеленаго;
Продумалъ ты меня, родный батюшка,
Продалъ въ чужіе люди,
Въ чужіе люди незнакомые. (Стр. 483, Тв. губ.)

О сердечной склонности невѣсты нѣтъ и помина. Невѣста не знаетъ своего жениха:

Охъ, рожденна моя матушка,
Какъ на чужой дальней сторонушкѣ,
Налетятъ ли черны вороны,
Забодутъ быки некладеные,
Поутру станутъ будить ранешенько,
Въ вечеру будутъ класть позднешенько;
Я не знаю, молодешенька,
Ни обыча его, ни норову,
Ни ума его, ни разума. (Стр. 500)

А потому-то не добромъ, не ласкою встрѣчаетъ невѣста жениха своего. Мать говоритъ ей:

Ты привѣть-ко яснаго сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца пріѣзжаго!

Дѣвица отвѣчаетъ ей:

Мой языкъ не воротится,
Животъ кровью обольется,
Сердце камнемъ оборотится,
Рѣзвы ноги подломятся,
Бѣлы рученьки опустятся,
Изъ глазъ слезы покатятся. (Стр. 463)

Одно только хорошо извѣстно ей въ житьѣ съ будущимъ супругомъ — извѣстно, по семейнымъ нравамъ, то, что ее, во всякомъ случаѣ, не минуетъ мужнина плеть, эта неразлучная спутница супруга, этотъ какъ бы священный символъ брака въ старой московской Руси:

Ты не бойся, Дарьюшка, не бойся свово батюшки,
Ты не бойся, Дарьюшка, не тулися родной матушки,
Ты побойся молодца Ивана Васильевича.
Какъ и есть у меня, молодца, шелкова плёточка,
Шелковая плёточка, погрознѣй твово батюшки,
Потульнѣй твоей матушки. (Стр. 551)

И когда молодыхъ уводятъ въ клѣть на брачное ложе, супругъ спрашиваетъ молодую супругу:

Кто тебѣ, Авдотьюшка, изъ роду милъ?

Супруга отвѣчаетъ:

Милъ мнѣ милешенекъ батюшка,
Мила мнѣ милешенька матушка. (Стр. 429)

Здѣсь разительная противоположность съ южнорусскими пѣснями, въ которыхъ не разъ дѣлаются сопоставленія любви невѣсты къ отцу, матери, братьямъ, сестрамъ съ любовью къ жениху и всегда оказывается, что невѣстѣ всего милѣе избранный сердцемъ супругъ.

Вся семья будущаго мужа, а въ особенности свекоръ и свекровь, заранѣе представляются для невѣсты «врагами и злодѣями». Свекоръ называется «супостателемъ» (стр. 499). Свекровь не иначе какъ «люта свекровь» (стр. 463). Невѣстѣ передъ свадьбой снится символическій сонъ, и мать толкуетъ ей этотъ сонъ такъ, что всѣ члены семейства мужа изображаются въ самомъ дурномъ свѣтѣ: свекровь — лихучая, старый свекрище — какъ усатый котище, деверья — пересмѣшливые, золовки — щекатыя, только «бѣдныя невѣстки» возбуждаютъ сочувствіе (стр. 553). Свекоръ и свекровь будутъ для нея всегда чужіе: она для нихъ «дитя не милое, не роженное, не хоженное» (стр. 483); будутъ они томить ее работою не подъ силушку; не посмѣетъ она безъ ихъ спросу выходить на гулянье, не будетъ она знать какъ ей говорить, чтобъ угодить имъ:

На ступенку-то ступнёшь, оступишься,
Слово молвишь — обмолвишься. (Стр. 482)

И будетъ она постоянно обливаться горючими слезами (483). Незнакомая съ брачною жизнію, но уже воображающая ее въ ужасающемъ видѣ, невѣста спрашиваетъ у своихъ замужнихъ сестеръ (если онѣ есть) и проситъ научить ее, какъ ей жить «съ чужимъ чуженином у чужого отца съ матерью?» Замужнія сестры, сами испытавшія всю горечь брачной жизни, даютъ ей такой безотрадный, грустно-ироническій отвѣтъ:

Ты узнаешь, мила сестра,
Какъ поживешь сама съ ними.
Не держи, наша мила сестра,
Ни подружекъ, ни милыхъ сестеръ,
Какъ подруженьки и милы сестры
Поосудятъ и осмѣютъ тебя.
А коль задумаешь, мила сестра,
Крѣпку думушку подумати,
Ужъ ты выйди во чисто поле,
Припади ты къ бѣлу камушку:
Бѣлый камушекъ не просудливый,
Не просудливый, не насмѣшливый. (Стр. 489)

Во всемъ сборникѣ Шейна нѣтъ ни одной свадебной пѣсни, гдѣ бы для новобрачной рисовалась болѣе счастливая судьба; ей не дается даже никакого утѣшенія. Ее ожидаетъ полная безнадежность, полная невозможность благополучія и въ одной пѣснѣ, записанной въ Архангельской губерніи, пѣснѣ, сложенной тамошнимъ говоромъ, высказывается сознаніе безвыходности горькаго положенія замужней женщины въ такихъ выраженіяхъ:

Што житье бабье позорливое:
Оно позорливое житье бабье, попецальное,
Попецальное житье бабы, вѣковѣцное,
Оно на вѣкъ на меня навяжется;
Все я буду жить подъ грозою подъ великою,
Въ пецали житье пойдетъ не въ радости.
Што злодѣйка бабья красота,
Она сидитъ у матушки за пецьнымъ столбомъ,
Она сидитъ все и топорщится,
Роститъ крылья ястребиныя,
Роститъ когти совиные,
Налетѣти хоцетъ, напорхнути,
На мою на буйну голову,
Она вцѣпить хоцетъ когти вострые,
На мои русы волосы.
Да и охъ! Порудить хоцѣтъ дѣвью красоту!
Охти мнѣ, младой, тошнехонько!
Охъ на вѣкъ на меня навяжется,
Мнѣ куда теперь дѣватися. (Стр. 557)

Но не менѣе замѣчательною кажется намъ другая пѣсня—свадебная изъ Новгородской губерніи—гдѣ женщина тоскуетъ о вольной волѣ, но сознаетъ, что и для мужчинъ нѣтъ воли также, какъ и для женщинъ:

Охъ ты волюшка вольная!
Воля вольная, не заемная!
Не на вѣкъ ты намъ доставалася,
Краснымъ дѣвушкамъ до замужества.
Замужъ вышедши, ни въ чемъ воли нѣтъ,
Ни въ житьѣ бытьѣ, ни въ богатествѣ;
Только есть она въ тяжелой работушкѣ,
А одинокимъ добрымъ молодцамъ до женитьбы,
А женатымъ семейнымъ—до солдатчины. (Стр. 492)

Пѣсня эта сравнительно не старинная. Народная женщина уже не переноситъ безсмысленно своей обычной судьбы, она уже чего-то желаетъ, и то, чего она желаетъ, произноситъ неопредѣленнымъ, однако многозначительнымъ словомъ: воля. Но какой глубокій смыслъ получаетъ послѣдній стихъ этой прекрасной пѣсни, стихъ, указывающій на солдатчину! Пѣсня великорусской простолюдинки, выжатая изъ груди ея и чувствомъ собственнаго горя и привычкой видѣть вокругъ себя то же горе, безсознательно выражаетъ такую великую истину, до которой не додумались многіе книжники. Воля человѣческая разбивается о солдатчину: это правда; и пока человѣческое общество будетъ устроено такъ, что солдатчина дѣлается неизбѣжною, до тѣхъ поръ воля—какія бы ни выдумывали средства и формы для ея водворенія и охраненія — всегда въ сущности будетъ только

обольщеніемъ, и это всегда — то такъ, то иначе—будетъ отражаться въ нравахъ и складѣ семейной жизни!

Свадебныя великорусскія пѣсни носятъ на себѣ слѣды прожитой народомъ исторіи. Здѣсь вы увидите и обломки того отдаленнаго, потерявшагося въ мифическомъ туманѣ, періода, когда мужчина не зналъ иного способа доставать себѣ женщину или правильнѣе сказать самку, какъ похищеніемъ или насиліемъ, и обращался съ нею какъ съ животнымъ, самъ, по грубости чувствъ, мало чѣмъ отличаясь отъ животнаго, — и тѣ времена юной цивилизаціи, когда похищеніе стало смѣняться договоромъ и покупкою, но когда положеніе женщины стало, быть можетъ, еще тяжелѣе, такъ какъ понятіе о ней, какъ о вещи, оправдывалось уже законностью, — и времена удѣльныя, оставившія нашему времени имена князя, бояръ и дружекъ (дружины) въ свадебномъ чинѣ,—и періодъ московскій съ его ханженскимъ освященіемъ деспотизма старѣйшаго надъ младшимъ, съ тупою неподвижностью представленій и съ суевѣрнымъ уваженіемъ къ буквѣ чина и обряда,—и, наконецъ, запоздалое вліяніе на бѣдный народъ того удара, который нанесенъ былъ великимъ Петромъ азіатскому строю московской Руси. Въ одной свадебной пѣснѣ Тульской губерніи мы видимъ и послѣднее: пѣсня безъ сомнѣнія новѣйшаго склада, какъ показываютъ въ ней явленіе чая, кофе и конфектъ; здѣсь, въ противность тому отсутствію взаимности между женихомъ и невѣстою, которое господствуетъ во всемъ свадебномъ чинѣ съ принадлежащими къ нему пѣснями, молодецъ говоритъ такъ:

Другъ ты мой свѣтъ Марьюшка,
Радость моя Васильевна!
Ты меня состарила,
Безъ ума поставила,
Отца съ матерью забила,
Меня, молодца, полюбила,
Во высокъ теремъ водила,
Чаемъ, кофеемъ поила,
Всѣ конфекты становила,
Рубашечку подарила:
Рубашечка полотняна,
Моя Марьюшка молодая. (Стр. 447—448)

Вообще свадебныя великорусскія пѣсни, какъ это можно видѣть и изъ напечатанныхъ у г. Шейна, разнообразны; то же можно сказать и о свадебныхъ обрядахъ; въ разныхъ краяхъ Россіи можно встрѣтить различія, хотя въ главныхъ чертахъ и сохраняется между ними сходство. Поэтому, собраніе пѣсенъ этого рода будетъ полезно для науки, если будетъ продолжаться въ

разныхъ мѣстахъ, такъ какъ есть надежда, что откроются новыя стороны народныхъ понятій и слѣды старыхъ обычаевъ.

Изъ прочихъ обрядныхъ пѣсенъ, кромѣ тѣхъ чертъ, на которыя мы указали, какъ на объясняющія положеніе женщинъ, нѣкоторыя замѣчательны по своей глубокой древности, въ особенности святочныя, въ которыхъ очень много непонятнаго: на него слѣдовало бы давно обратить вниманіе спеціальнымъ изслѣдователямъ. У г. Шейна въ числѣ обрядныхъ означено два рода—колядныя и волочебныя: первыя поются на рождество, вторыя на пасху. Такъ какъ въ сборникѣ г. Шейна ихъ очень мало (колядныхъ собственно—2, а волочебныхъ—4) и всѣ онѣ записаны въ одномъ краѣ, именно въ Псковской губерніи,—мы не знаемъ, поются ли онѣ въ другихъ краяхъ великорусской земли; замѣчательно, что всѣ помѣщенныя здѣсь по содержанію почти варіанты подобныхъ пѣсенъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ, но мы не беремся рѣшить вопроса: зависитъ ли это сходство отъ глубоко-древней племенной связи, или же отъ болѣе поздняго заимствованія пѣсенныхъ элементовъ изъ Бѣлоруссіи, тѣмъ болѣе, что намъ неизвѣстны тонкости этнографическаго перехода къ великорусской народности признаковъ бѣлорусской народности со всѣми признаками, какъ ей исключительно принадлежащими, такъ равно и съ тѣми, которыя у ней общи съ малорусскими. Названіе волочебныхъ поражаетъ насъ. Обычай ходить по дворамъ, пѣть и выпрашивать подачки на праздникъ пасхи—обычай древній, теперь уже почти исчезаетъ и удерживается только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ югозападной Руси и въ Бѣлоруссіи. Нѣкогда онъ былъ распространенъ и соединялся съ разными обрядами, въ которыхъ благочестивые люди видѣли язычество, а потому и старались искоренить этотъ обычай. Монахъ аѳонскій, Іоаннъ изъ Вишни, писавшій въ обличеніе уніатовъ (сочиненіе его напечатано въ актахъ южной и западной Россіи) вооружается противъ «волочѣльнаго», отправлявшагося на праздникъ пасхи[1]), какъ равно противъ колядъ, щедраго вечера (подъ новый годъ), юрьевскихъ празднествъ, купала и обычая ставить качели въ день Петра и Павла.

Сборникъ г. Шейна, какъ мы сказали, оканчивается въ первой своей части похоронными пѣснями. Ихъ 12. Здѣсь точно также, какъ и въ южнорусскихъ пѣсняхъ, поражаетъ насъ отсутствіе всякаго намека на христіанское понятіе о будущей жизни. Только въ

---

[1]) Волочѣлное по Воскресеніи въ мѣстъ и зъ селъ выволокши утопѣте. Не хочеть бо Христосъ при своемъ славномъ воскресеніи того смѣху и руганія діавольскаго имѣти (А. Ю. и З. Росс. II, 223).

одной пѣснѣ, № 10, жена, плача по мужу, проситъ явиться къ ней и къ ея дѣтямъ въ видѣ яснаго сокола:

Не забывай меня, сиротинушку, съ своими бѣлыми лебедушками,
Что летай-ка ты къ намъ яснымъ соколомъ,
Что садись-ка ты передъ моимъ окошечкомъ,
А я буду узнавать тебя, сиротинушка,
Что не мой ли это милый батюшка.

Эти, такъ-называемыя, причитанья прилагаются особо къ смерти каждаго изъ членовъ семейства — отца, матери, дѣтей, мужа; причитаній мужа надъ женою нѣтъ и по всему видно, причитанья, по народному понятію, принадлежатъ исключительно женскому полу. Главная тема причитаній—свое собственное горе, котораго боится особа, произносящая причитаніе, вслѣдствіе смерти дорогого лица. Замѣчательно недовѣрчивое и какъ бы враждебное отношеніе къ оставшимся живымъ: дочь, плача по отцѣ, жалуется, что ее обижаетъ братъ и невѣстка:

Что какъ живу я, сиротинушка, съ братцомъ-соловьюшкомъ,
Что какъ живу я, сиротинушка, съ любимой невѣстушкой:
Обижаютъ они меня, сиротинушку,
Изнуряютъ они меня грубнымъ словечушкомъ,
Что не въ честь имъ моя скорая работушка,
Не придумаю я, сиротинушка,
Что куда приклонить мою буйную головушку. (№ 8)

Мать, плача о сынѣ, жалуется на невѣстку свою, вдову покойнаго:

Поразвѣяла твоя молода жена,
Что твоихъ-то родныхъ дѣтушекъ
По чужимъ-то сторонушкамъ.
Безъ тебя-то, чадо родное,
Ена не хотѣла ихъ поить, кормить...
Ты спроси-ка, мое родное,
Какъ живемъ мы, горьки сироты,
Кто насъ будетъ кормить, поить,
Безъ тебя, мое рожденное,
Не сожалѣла твоя молода жена,
Что твоихъ-то родныхъ дѣтушекъ,
Горькихъ сиротинушекъ:
Она ихъ кинула и бросила
На чужаго отца съ матерью.

Мы надѣемся возвратиться снова къ сборнику г. Шейна, когда будемъ имѣть удовольствіе увидѣть въ печати драгоцѣн-

ную вторую часть его, а въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ по поводу англійской книги Рольстона о русскихъ пѣсняхъ.

«Вѣстникъ Европы», въ апрѣльской книжкѣ нынѣшняго года, уже сдѣлалъ оцѣнку этого труда. Вполнѣ соглашаясь съ нею, мы считаемъ не лишнимъ прибавить только слѣдующее. Книга г. Рольстона, въ которой добросовѣстный и свѣдущій авторъ знакомитъ свою публику какъ съ русскими пѣснями, такъ еще болѣе съ изслѣдованіями русскихъ ученыхъ, написанными объ этихъ пѣсняхъ, преимущественно же о миѳологической сторонѣ ихъ содержанія, не произноситъ своихъ собственныхъ приговоровъ по разнымъ вопросамъ, касающимся этого обширнаго предмета, и почти не высказываетъ своихъ взглядовъ, а потому его книга не имѣетъ значенія собственно для насъ и не можетъ подвинуть впередъ нашей науки. Одно только мы можемъ извлечь изъ нея для себя съ пользою. Англійскій изслѣдователь руководствуется трудами нашихъ ученыхъ и заноситъ въ свою книгу не мало такого, что̀ не выдержало бы критики, если бы подвергнуть ей эти труды. Такимъ образомъ, между прочимъ, г. Рольстонъ во многомъ пользуется сочиненіемъ г. Терещенка: «Бытъ русскаго народа», и опирается на него. Александръ Власьевичъ Терещенко былъ добросовѣстный, почтенный и ревностный собиратель, но неосторожный и довѣрчивый; мы сами могли, по личному опыту, убѣдиться въ этомъ: одинъ изъ господъ, которые сообщали ему свѣдѣнія, самъ сознавался, насмѣхаясь и надъ нимъ и надъ его предпріятіемъ (котораго оцѣнить не былъ въ состояніи), что для забавы надѣлялъ его вымышленными извѣстіями. «Я — говорилъ онъ — нарочно несу ему всякую чепуху, а онъ записываетъ, да похваливаетъ, а потомъ все напечаталъ!» Подобное мы слыхали и относительно Снегирева и Сахарова. О послѣднемъ мы можемъ сообщить одно характеристическое событіе. Въ 1859-мъ году этотъ почтенный собиратель, уже пораженный болѣзнью и едва будучи въ силахъ говорить, показывалъ намъ былину объ Андреѣ Боголюбскомъ, увѣряя, что она народная и притомъ старой редакціи. Поддѣлка была черезъ-чуръ очевидною, однако г. Сахаровъ былъ очень недоволенъ и даже разгнѣвался, когда мы откровенно выразили ему свое мнѣніе. Это одно—кромѣ всѣхъ соображеній относительно многихъ помѣщенныхъ въ сборникѣ Сахарова пѣсенъ, возбуждающихъ сомнѣніе—побуждаетъ насъ смотрѣть на труды Сахарова, какъ на такіе, которыми не слѣдуетъ пользоваться слишкомъ довѣрчиво. Иностранцы, пользуясь тѣмъ, что̀ можемъ доставить имъ мы, русскіе, конечно не будутъ виноваты, когда станутъ знакомить Европу съ нашею народностью, допуская разныя укло-

ненія отъ истины. Замѣчательно, что г. Рольстонъ приводитъ у себя наивныя предположенія г. Терещенка о томъ, ктò бы могъ быть авторомъ такихъ хороводныхъ пѣсенъ, какъ «Сѣяніе проса»; русскій изслѣдователь полагаетъ, что такой авторъ, принадлежа къ земледѣльческому сословію, жилъ въ XVI-мъ вѣкѣ; англійскій же, справедливѣе русскаго, относитъ эту пѣсню къ древнѣйшимъ временамъ, но не опровергаетъ русскаго относительно возможности признавать какого бы то ни было автора за народною пѣснью, если только эта пѣсня дѣйствительно народная. Отличительное качество народной пѣсни въ томъ и состоитъ, что въ данной ея редакціи автора у ней не было: она создается цѣлою массою, иногда цѣлыми поколѣніями. Если бы у насъ была возможность добраться до появленія пѣсни, то навѣрное мы бы нашли, что первоначальный ея авторъ сложилъ, можетъ быть, только одинъ или два стиха, и очень часто въ существующей пѣснѣ нѣтъ ровно ничего принадлежащаго первоначальному автору, такъ что и тѣ два стиха или одинъ стихъ, подавшіе поводъ къ составленію пѣсни, давно уже передѣланы и измѣнены въ обращеніи между народомъ.

Н. Костомаровъ.

ВОЗСОЕДИНЕНІЕ УНІИ

Историческій очеркъ *).

III.

Проектъ возсоединенія уніи, составленный Сѣмашкою и найденный нами не безъ затрудненій, съ перваго раза поражаетъ своею практичностью, которая была плодомъ и результатомъ глубокаго знанія процесса развитія уніи, ея исторіи, тѣхъ силъ и средствъ, которыя создали ее, сохраняли и поддерживали ее. По всему видно, что его начертала мастерская и опытная рука знатока.

Сила уніи заключалась главнымъ образомъ въ базиліанскомъ орденѣ и высшей уніатской іерархіи, которая принадлежала къ монашеству и происходила отъ него; средствомъ для распространенія уніи было воспитаніе уніатскаго юношества въ духѣ католическомъ, противномъ духу православія; цѣль, къ которой направлены были всѣ силы и средства, есть совершенное сліяніе уніи съ католицизмомъ. Проектъ сильнымъ ударомъ сокрушаетъ орденъ базиліановъ, дѣлаетъ, такъ сказать, первое и стремительное нападеніе на эту силу уніи, отнимаетъ у этого ордена матеріальную поддержку, сокращая число монастырей и отнимая фундуши, запрещая принимать въ орденъ католиковъ,—и нравственную силу—исторгая у него право воспитанія духовнаго и свѣтскаго юношества. Чтобы имѣть, съ одной стороны, менѣе

---

*) См. выше: апр. 606 стр.

враговъ для дѣла возсоединенія въ средѣ высшей уніатской іерархіи, а съ другой, дать болѣе простора и силы друзьямъ возсоединенія, — проектъ сокращаетъ число унитскихъ архіереевъ до двухъ, тогда какъ оно предъ этимъ простиралось до четырехъ, поднимаетъ, возвышаетъ до самостоятельнаго значенія элементъ бѣлаго унитскаго духовенства, даетъ особенныя права унитскимъ консисторіямъ, поставляя ихъ во многихъ случаяхъ въ независимое положеніе отъ епархіальныхъ архіереевъ. Наконецъ, проектъ проводитъ самую рѣзкую грань между уніей и католичествомъ, на каждомъ шагу даетъ разумѣть, что унія есть исповѣданіе православное, греческое, а не западное латинское, а потому уничтожаетъ безпощадно всѣ тѣ обряды и обычаи, которые роднили ее съ католичествомъ и приближали ее къ католическому обряду, и съ необыкновенною настойчивостью вводитъ въ унитское богослуженіе обряды восточнаго исповѣданія и сливаетъ унію съ православіемъ. Осуществленіе этого проекта началось еще при Шишковѣ.

Еще въ 1827 году вслѣдствіе домашнихъ, такъ сказать, собесѣдованій Карташевскаго, Блудова и самого Шишкова съ Сѣмашкою, состоялся указъ о недозволеніи принимать въ греко-унитское монашество людей другого обряда. «До свѣдѣнія нашего дошло, говоритъ указъ, что греко-унитское монашество чина св. Василія Великаго, принимая въ свой орденъ людей, мало свѣдущихъ въ греческихъ обрядахъ богослуженія, отправляемаго въ уніи, также какъ и въ православной греко-россійской церкви, на языкѣ славянскомъ, уклоняется отъ первобытнаго учрежденія, которое и римскими папами торжественно въ древнихъ буллахъ объ уніи признано и отъ чуждаго вліянія и смѣшенія сохранено было. Происходящій отъ того несвойственный составъ сего монашества, преимущественно изъ людей римскаго обряда, имѣлъ еще и тѣ вредныя послѣдствія, что начальство монастырей, не занимаясь образованіемъ унитскаго юношества духовнаго званія на служеніе церкви, предпочтительно заводило свѣтскія училища болѣе для людей другого обряда, и что между бѣлымъ и монашествующимъ греко-унитскимъ духовенствомъ возникли несогласія и взаимное недовѣріе. Дабы предупредить на будущее время таковыя отступленія отъ правилъ греко-унитской церкви и утвердить въ оной древніе обряды богослуженія, народами русскаго имени свято почитаемые, повелѣваемъ: 1) подтвердить сдѣланные правительствующимъ сенатомъ въ IX и X пунктахъ указа 25-го октября 1807 года предписанія и строго надзирать за точнымъ оныхъ исполненіемъ; 2) сообразно съ тѣмъ не дозволять ни въ какомъ случаѣ принимать въ греко-унитское монашество людей

другого обряда и изъ самаго греко-унитскаго допускать къ произнесенью монашескихъ обѣтовъ только тѣхъ, коими будетъ доказано, что они имѣютъ достаточныя познанія въ языкѣ славянскомъ и чинѣ греческаго богослуженія, доводя до свѣдѣнія нашего чрезъ главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій о всѣхъ, кои на основаніи сихъ правилъ вступятъ въ греко-унитское монашество; 3) учредить, гдѣ нужно, училища для наставленія греко-унитскаго юношества духовнаго званія какъ въ правилахъ вѣры, такъ и въ обрядахъ богослуженія на языкѣ славянскомъ» [1]).

Этотъ указъ былъ смѣлымъ и удачнымъ введеніемъ къ умной, зрѣло обдуманной, твердой рѣчи; — такою рѣчью былъ указъ 1828 г. 22-го апрѣля. Въ этомъ послѣднемъ указѣ начертана полная система, стремящаяся оправославить, такъ сказать, унію, сгладить съ нея всѣ чуждыя ей черты латинства; этотъ указъ былъ основаніемъ и ядромъ всѣхъ послѣдующихъ дѣйствій нашего правительства по отношенію къ унитскому исповѣданію; изъ него, какъ изъ начала, истекали всѣ послѣдующіе указы и всѣ послѣдующія мѣры правительства по отношенію къ уніатамъ. Въ этомъ указѣ совершенно резюмируются всѣ предположенія и мысли приведеннаго нами проекта. Не безъ основанія онъ называется положеніемъ объ устройствѣ греко-унитской церкви. Указъ этотъ выражается такъ: «Желая дать высшему духовному управленію греко-унитской церкви въ Россіи образованіе, вполнѣ соотвѣтствующее какъ истиннымъ потребностямъ и пользамъ принадлежащихъ къ сему вѣроисповѣданію подданныхъ нашихъ, такъ и основнымъ положеніямъ сей церкви, а съ тѣмъ вмѣстѣ явить знакъ благоволенія нашего къ духовенству греко-унитскому вообще и къ достойному начальнику его, митрополиту Іосафату Булгаку, повелѣваемъ:

«I. Для дѣлъ греко-унитскихъ церквей въ Россіи учредить, подъ предсѣдательствомъ митрополита сихъ церквей, особую греко-унитскую духовную коллегію изъ одного епископа и одного архимандрита по назначенію нашему, и четырехъ протоіереевъ по избранію мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ и консисторій. Жалованье членовъ и канцеляріи сей коллегіи, а равно и суммы на прочіе оной расходы, опредѣляются штатомъ, у сего приложеннымъ. Греко-унитская духовная коллегія, завѣдывая дѣлами сей церкви въ Россіи, имѣетъ тщательно наблюдать, чтобы установленія оной, чинъ богослуженія и весь порядокъ церковнаго правленія былъ охраняемъ отъ введенія какихъ-либо

---

[1]) См. въ Собр. Зак. № 1449-й, г. 1827-й 9-го октября.

чуждыхъ, несвойственныхъ греческимъ обрядамъ обычаевъ, на точномъ основаніи положившихъ начало уніи грамотъ 1595 года.

«II. На покупку дома въ С.-Петербургѣ для приличнаго помѣщенія церкви и для жительства митрополита и прочихъ членовъ и чиновниковъ греко-унитской духовной коллегіи, употребить: 1) всемилостивѣйше пожалованные нами сей коллегіи 150,000 рублей; 2) деньги, собранныя для сооруженія греко-унитской въ С.-Петербургѣ церкви, и тѣ, кои будутъ выручены продажею на Васильевскомъ острову, въ 12-й линіи подъ № 390, принадлежащаго греко-унитскому департаменту дома. Для нужныхъ по сему распоряженій данъ нами отъ сего числа особый указъ главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

«III. Управленіе греко-унитскихъ церквей въ Россіи, подъ главнымъ вѣдѣніемъ коллегіи, предоставить двумъ епархіальнымъ начальствамъ, учредивъ при оныхъ каѳедральные соборы: 1) Бѣлорусскій въ городѣ Полоцкѣ, гдѣ пребываетъ полоцкій греко-унитскій архіепископъ; 2) Литовскій, Гродненской губерніи, Слонимскаго повѣта, въ Жировицкомъ греко-унитскомъ монастырѣ, обыкновенномъ мѣстопребываніи брестскаго епископа сего вѣроисповѣданія. При каждомъ имѣютъ быть: консисторія, семинарія и низшее духовное училище, а въ Полоцкѣ сверхъ того духовная греко-унитская академія. Штаты сихъ консисторій и училищъ, въ коихъ дѣти неимущихъ греко-унитскихъ священно- и церковно-служителей должны быть воспитываемы безъ платы, будутъ вслѣдъ за симъ изданы. Къ симъ каѳедральнымъ соборамъ, для отправленія торжественнаго богослуженія, для засѣданія въ консисторіяхъ и для исправленія должностей въ училищахъ, назначается по шести старшихъ и двѣнадцати младшихъ соборныхъ протоіереевъ. Въ сіе почетное званіе будутъ возведены изъ нынѣшнихъ капитульныхъ членовъ и вообще изъ бѣлаго греко-унитскаго духовенства достойнѣйшіе священнослужители, опытами доказавшіе преданность свою къ престолу и ревность къ пользамъ своей церкви; знакомъ отличія ихъ званія будетъ наперсный золотой крестъ, и всѣ протоіереи, какъ старшіе, такъ и младшіе, будутъ пользоваться особою пенсіею, сверхъ доходовъ, кои они могутъ получать отъ оставляемыхъ за ними приходовъ ихъ. О принятіи надлежащихъ мѣръ, а равно и времени для приведенія въ исполненіе воли нашей касательно учрежденія сихъ соборныхъ штатовъ, будетъ дано отъ насъ особое повелѣніе главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

«IV. Къ епархіи полоцкаго греко-унитскаго архіепископа причислить:

1) смежные съ Бѣлоруссіею повѣты Минской губерніи: Дисненскій, Борисоглѣбскій, Игуменскій, Бобруйскій, Речицкій, Мозырскій; 2) прилегающіе къ послѣднимъ двумъ повѣтамъ въ Волынской губерніи Овручьскій, и въ Кіевской Радомысльскій; и 3) сопредѣльный же съ Бѣлоруссіею въ Курляндской губерніи Зельбургскій округъ, гдѣ находится шесть церквей греко-унитскихъ. Литовскую же греко-унитскую епархію составить изъ Гродненской и Виленской губерній, Бѣлостокской области и греко-унитскихъ церквей сѣверныхъ повѣтовъ Волынской губерніи. О церквахъ сего вѣроисповѣданія, находящихся въ другихъ повѣтахъ сей губерніи, а равно и въ Кіевской и въ другихъ, греко-унитская духовная коллегія имѣетъ сдѣлать особое подробное положеніе, дабы начальство каждой епархіи съ точностію знало кругъ своего вѣдомства. Сія коллегія имѣетъ также постановить правила для передачи дѣлъ изъ существовавшихъ донынѣ греко-унитскихъ консисторій, луцкой и виленской, по принадлежности въ консисторіи литовскую или бѣлорусскую, и представить на разсмотрѣніе главнаго управленія духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій о назначеніи викарныхъ епископовъ по епархіямъ. Всѣ находящіеся въ обѣихъ греко-унитскихъ епархіяхъ базиліанскіе монастыри подчиняются мѣстнымъ епархіальнымъ начальствамъ и консисторіямъ. Провинціалы базиліанскіе не иначе могутъ дѣлать распоряженія по управленію ввѣренными ихъ вѣдѣнію обителями, и производить визитаціи оныхъ, какъ съ вѣдома и разрѣшенія сихъ начальствъ. Настоятели монастырей назначаются и смѣняются съ утвержденія греко-унитской коллегіи.

«V. Въ каждой епархіи, кромѣ семинаріи и училищъ при каѳедральныхъ соборахъ, учредить низшія духовныя училища въ базиліанскихъ монастыряхъ, имѣющихъ достаточные для сего фундуши, о чемъ и будетъ дано особое повелѣніе главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, на основаніи мнѣнія, греко-унитскимъ департаментомъ представленнаго.

«VI. На содержаніе семинарій съ предположенными при нихъ двумя низшими духовными училищами, на учрежденіе въ Полоцкѣ духовной академіи и на прибавочные по штатамъ консисторій расходы, заимствовать способы отъ слѣдующихъ фундушей, остающихся безъ назначенія, или доходами своими превышающихъ потребности онаго: 1) отъ фундуша, предоставленнаго указомъ 16-го декабря 1806 г. греко-унитской полоцкой каѳедрѣ; 2) отъ фундуша, которымъ до нынѣ содержалась

упраздняемая виленская консисторія съ ея суффраганомъ; 3) отъ фундуша, которымъ содержалась упраздняемая луцкая консисторія съ ея суффраганомъ; 4) отъ фундушей жировицкаго и овручьскаго монастырей, въ коихъ оставляется нужное число монаховъ,—въ первомъ для церковной службы, а при второмъ и для исправленія должностей въ находящемся тамъ свѣтскомъ училищѣ и въ духовномъ, которое имѣетъ учредиться.

«О порядкѣ управленія сими фундушами и о распредѣленіи доходовъ ихъ, главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, по собраніи надлежащихъ подробныхъ свѣдѣній, представить на усмотрѣніе наше [1]).»

Указъ этотъ встрѣченъ былъ бѣлымъ унитскимъ духовенствомъ съ восторгомъ: говорились рѣчи, служились молебны за здравіе государя императора. Прелатъ Тупальскій, по прочтеніи вышеупомянутаго указа въ церкви, обратился къ своимъ слушателямъ съ такими словами: «Вамъ даровано новое бытіе; отрите слезы, нищетою исторгаемыя: отнынѣ дѣти ваши и дѣти служителей церкви будутъ прилично воспитываемы на иждивеніи, всемилостивѣйше дарованномъ; отнынѣ будете вы имѣть правителей, которые не потребуютъ отъ васъ иного, кромѣ рачительнаго исполненія обязанностей вашего сана и соблюденія основныхъ обрядовъ вашей вѣры [2])». Брестская консисторія дала предписаніе подвѣдомому ей духовенству, какъ бѣлому такъ и черному, чтобы оно ревностно исполняло обязанности своего обряда, показывало вѣрность и преданность престолу, а виленская назначила повсемѣстное молебствіе за здравіе государя императора [3]). Одинъ только полоцкій епископъ Мартусевичъ и его консисторія не отозвались признательностью на апрѣльскій указъ 1828-го года, а то вообще дѣйствіе этого указа было самое благопріятное на все болѣе греко-унитское духовенство. Государь радовался еще болѣе унитскаго духовенства, видя такіе результаты своего указа и писалъ на доклады Блудова: «Радуюсь душевно, что намѣреніе мое принято хорошо [4]), совершенно согласно съ долгомъ ихъ и моимъ ожиданіемъ [5])».

Но обнародованіемъ указа объ устроеніи правленія греко-унитской церкви и закончилась дѣятельность Шишкова въ качествѣ главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣ-

---

1) См. Собр. Зак. г. 1828-й, мѣсяцъ апрѣль 22-го числа, № 1977-й.

2) См. въ департ. иностр. исповѣд. м. в. д. доклады Блудова за 1828-й годъ записку 1-ю.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же № 1-й.

5) Тамъ же докладъ 27-го ноября.

даній. На другой день обнародованія вышеупомянутаго указа, 22-го апрѣля 1828 года, Шишковъ былъ уволенъ отъ должности министра народнаго просвѣщенія и главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій; на мѣсто его, указомъ 25-го апрѣля того же 1828 года, назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія генералъ отъ инфантеріи князь Ливенъ. Новый министръ народнаго просвѣщенія былъ протестантъ, а слѣдовательно ему чужды были интересы православной церкви, и было бы не совсѣмъ практично ввѣрить ему дѣло приготовленія возсоединенія уніатовъ съ православною церковью. Тогда государь призналъ за лучшее сдѣлать Блудова исправляющимъ должность главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, но съ оставленіемъ его въ должности товарища министра народнаго просвѣщенія[1]).

Закипѣла работа, все зашевелилось и пришло въ движеніе въ средѣ греко-унитской, тучею полетѣли къ государю отъ Блудова всеподданнѣйшіе доклады о приведеніи въ исполненіе разныхъ мѣръ по греко-унитскому вѣдомству. Блудовъ работалъ неутомимо. Карташевскій скоро оставилъ министерство народнаго просвѣщенія, стѣсняясь отношеніями къ своему помощнику Вигелю, который былъ товарищъ и другъ Блудова, но не всегда аккуратный и дѣятельный исполнитель приказаній своего директора, и отправился въ Бѣлоруссію на должность попечителя бѣлорусскаго округа. Мѣсто его заступилъ Вигель.

Въ помощь Блудову и Вигелю судьба послала человѣка, который при самомъ усидчивомъ трудолюбіи отличался многостороннимъ знаніемъ прошедшаго и настоящаго не только унитской церкви въ Россіи, но и латинской, который самъ получилъ воспитаніе въ полоцкой іезуитской академіи, былъ прокуроромъ въ католической коллегіи, а потомъ сдѣлался начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ иностранныхъ исповѣданій— это былъ Ивановъ.

Но, конечно, было бы слишкомъ самонадѣянно со стороны Блудова и его помощниковъ думать, что они одни только одними административными мѣрами, силою правительственной власти и департаментскими предписаніями могутъ повести унитское дѣло такъ, чтобы оно кончилось соединеніемъ уніатовъ съ православною церковью. Правительственный и государственный тактъ Блудова внушилъ ему, что главная сторона его задачи заключается въ томъ, чтобы имѣть себѣ пособниковъ и сторонниковъ на высшихъ ступеняхъ унитской іерархіи, чрезъ нихъ дѣйство-

---

[1]) См. въ канц. оберъ-прокур. св. син. дѣло изъ греко-унитск. арх. подъ № 137-мъ, г. 1828-й, 2-го мая.

вать на унитское духовенство, а чрезъ послѣднее и на все унитское народонаселеніе; чтобы унитская коллегія, унитскія каѳедры, консисторіи наполнились людьми, проникнутыми мыслями и намѣреніями правительства, и эти мысли передали и перелили въ подвѣдомственное ему духовенство. Но старое духовенство унитское слишкомъ сроднилось съ латинствомъ, а потому правительство, не прекращая своей работы надъ измѣненіемъ образа мыслей стараго унитскаго духовенства, главнымъ образомъ сосредоточило вниманіе свое на созданіе новаго унитскаго духовенства посредствомъ воспитанія юношества его въ новыхъ семинаріяхъ, образованныхъ по образцу православныхъ русскихъ семинарій. Но и образованіе пособниковъ и сторонниковъ правительства въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ съ православною церковью и созданіе унитскаго духовенства съ новымъ духомъ и направленіемъ возможны были только тогда, когда ослаблено будетъ уніатское монашество, или базиліане, и приведено будетъ въ невозможность вредить правительству. А потому Блудову на первыхъ же порахъ его управленія духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій предстояло сокрушить это враждебное для православія общество, поднять на мѣсто его элементъ бѣлаго духовенства, взять изъ рукъ базиліанъ воспитаніе унитскаго юношества, уменьшить число базиліанскихъ монастырей и уничтожить самостоятельность ихъ управленія. Вотъ на какіе предметы главнымъ образомъ устремлено было вниманіе Блудова въ первые годы его управленія духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Внѣшнія особенныя обстоятельства иногда облегчали, а иногда замедляли намѣренія правительства въ уніатскомъ вопросѣ.

Относительно реформъ въ высшей уніатской іерархіи мысль правительства устремлена была на то, чтобы епископскія мѣста, должности членовъ унитской коллегіи, унитскихъ консисторій, должности ректоровъ семинарій, каѳедральныхъ протоіереевъ заняты были лицами бѣлаго духовенства, а не монахами, воспитанниками главной виленской семинаріи, но не базиліанъ. Обстоятельства внѣшнія весьма много помогли нашему правительству въ этомъ дѣлѣ. До указа 22-го апрѣля 1828-го года существовало четыре греко-унитскихъ епархіи: литовско-виленская, называемая митрополичьей, полоцкая, луцкая, брестская. Указъ 22-го апрѣля 1828-го года засталъ такой составъ наличныхъ унитскихъ архіереевъ: 1) митрополитъ Іосафатъ Булгакъ, управляющій двумя епархіями: литовско-виленскою и брестскою, 2) епископъ Мартусевичъ, завѣдывающій полоцкой епархіей, 3) епископъ Сѣроцинскій, управляющій луцкою епархіей.

У митрополита было два суффрагана или викарныхъ епископа— по литовско-виленской митрополіи епископъ оршинскій Адріанъ Головня, по брестской епископіи Левъ Яворскій, епископъ владимирскій. У полоцкаго епископа не было суффрагана, потому что его викарій, Кириллъ Сѣроцинскій, епископъ пинскій, сдѣланъ былъ управляющимъ луцкою епархіею. Итакъ, всѣхъ греко-унитскихъ архіереевъ было въ 1828-мъ году пять человѣкъ. Всѣ они, какъ выразился Шишковъ, мало пеклись о соблюденіи чистоты греческихъ обрядовъ, потому что почти всѣ вышли изъ базиліанскаго ордена [1]), были по духу латиняне. Исключеніе изъ этого вывода можно бы сдѣлать только въ пользу одного Булгака, который хотя и получилъ воспитаніе въ Римѣ, былъ по происхожденію полякъ и принадлежалъ къ польской аристократіи, но любилъ обряды и чинъ греческой церкви. Справедливость однако требуетъ сказать, что расположеніе Булгака къ чистотѣ греко-унитскаго обряда и ограничивалось только этимъ, не шло далѣе этого и не простиралось до чувства потребности измѣненія самаго догмата или принципа, составляющаго душу уніи. Булгакъ готовъ былъ согласиться на всѣ перемѣны, возстановлявшія чистоту греко-унитскаго обряда, но не на уничтоженіе уніи чрезъ соединеніе ея съ православіемъ. Онъ былъ уступчивъ, даже гибокъ и придворноуслужливъ и угодливъ предъ правительствомъ, любилъ щеголять и красоваться своими вѣрноподданническими чувствами, былъ весьма не равнодушенъ къ орденамъ, но уступчивость его не шла, опять повторяемъ, далѣе обряда и не могла поддаться на пожертвованіе догматомъ. Истинная заслуга Булгака въ дѣлѣ возсоединенія уніатъ съ православною церковію состоитъ въ томъ, что онъ не противодѣйствовалъ реформамъ нашего правительства въ дѣлѣ уніатскомъ, и когда эти реформы привели уже уніатскую церковь къ тому концу, который имѣло въ виду правительство, т.-е. къ моменту возсоединенія уніатовъ, Булгакъ умеръ. Характеръ его дѣятельности въ унитскомъ вопросѣ былъ таковъ, что и православные были отчасти правы, почитая его по смерти чуть не православнымъ и погребая его въ православномъ монастырѣ—Сергіевской около Петербурга пустыни, и католики имѣютъ поводъ считать его своимъ, зная образъ мыслей его. Жизнь можетъ быть обнаружила бы его истинныя чувства, но смерть опустила темную завѣсу на душу Булгака и оставила нерѣшеннымъ вопросъ: гдѣ бы сталъ Булгакъ въ моментъ возсоединенія уніатовъ съ пра-

[1]) См. въ архивѣ департ. иностр. испов. мин. вн. д. докладъ Шишкова государю императору отъ 27-го окт. 1828-го года.

вославною церковію—на сторонѣ ли Сѣмашко, или Игнатовича? Что же касается до остальныхъ четырехъ епископовъ, то они всѣ не только въ душѣ были латиняне, но и враги Россіи; нѣкоторые изъ нихъ явно обличены были въ прямыхъ преступленіяхъ, другіе подали поводъ подозрѣвать себя въ нихъ. Такъ Головня извѣстенъ былъ тѣмъ, что принималъ участіе въ дѣлахъ учрежденнаго въ Вильнѣ французами въ 1812-мъ году комитета [1]); на Сѣроцинскаго взводимо было тяжкое обвиненіе въ отравленіи имъ архіепископа полоцкаго Красовскаго [2]). Правительство наше радо было избавиться отъ такихъ іерарховъ. Указъ 22-го апрѣля уничтожилъ существованіе унитской епископіи въ Луцкѣ, а потому Сѣроцинскій, управлявшій этою епархіею, остался за штатомъ. Чтобы, по выраженію его, можно было ему гдѣ-нибудь прикрыть голову, а по намѣреніямъ правительства, чтобъ лучше наблюдать за нимъ, Сѣроцинскій вызванъ былъ въ Петербургъ и сдѣланъ членомъ греко-унитской коллегіи [3]), а потомъ опредѣленъ членомъ жидичинской коммиссіи, и въ этомъ званіи онъ кончилъ дни свои [4]).

Яворовскій и Головня хотя и оставались викаріями у митрополита Булгака, но они почти были удалены отъ епархіальныхъ дѣлъ, частію по болѣзни, какъ, напримѣръ, Яворовскій [5]), частію по старости, какъ Головня [6]), и оба они жили въ своихъ монастыряхъ—одинъ въ Супраслѣ, другой въ Вильнѣ, гдѣ и скончались. Мартусевичъ былъ одного духа съ Сѣроцинскимъ, Головнею и Яворовскимъ, но онъ чувствовалъ себя одинокимъ, по удаленіи отъ управленія епархіею Сѣроцинскаго, Головни и Яворовскаго,—и безсильнымъ, когда дали ему, въ 1829-мъ году, въ викарные Сѣмашко, который былъ и надзирателемъ за дѣйствіями Мартусевича. Такимъ образомъ, уже на другой годъ за-

---

[1]) См. въ арх. департ. ин. исп. м. в. д. докладъ Блудова отъ 27-го февраля 1831-го года.

[2]) См. въ св. син. дѣло изъ уніат. арх. подъ № 47-мъ 1829-й г. по сообщенію волынскаго губернскаго правленія касательно разсмотрѣнія слѣдственнаго дѣла о умершемъ архіепископѣ Красовскомъ.

[3]) Въ св. син. дѣло изъ уніат. арх. подъ № 68-мъ 1828-го г. по указу правительств. сената о высоч. повелѣн. епископу Кириллу Сѣроцинскому присутствовать въ унитской коллегіи.

[4]) Въ арх. деп. ин. исп. м. в. д. докладъ Блудова отъ 14-го апрѣля 1831-го года о смерти Сѣроцинскаго, скончавш. 6-го марта 1831-го года.

[5]) Въ арх. деп. ин. исп. м. в. д. докладъ Блудова отъ 22-го февраля 1830-го года и въ Синод. Арх. дѣло 1830-го года подъ № 26-мъ, по прошенію епископа Яворовскаго объ увольненіи его за границу для излеченія болѣзни.

[6]) См. въ арх. деп. ин. исп. м. в. д. докладъ Блудова 27-го февраля 1831-го года.

думаннаго проекта о возсоединеніи уніатовъ съ православной церковью, правительство имѣло въ рядахъ высшей унитской іерархіи одного члена, самаго преданнаго его интересамъ и самаго дѣятельнаго и умнаго, а другого пассивно слѣдующаго за указаніями перваго, и на другой же годъ уменьшило ряды своихъ противниковъ въ средѣ высшей унитской іерархіи и ослабило силу и вліяніе ихъ противодѣйствія. Коллегія наполнилась также по большей части сторонниками правительства: тутъ засѣдали, кромѣ Булгака и Сѣмашки, душа ея и главный совѣтникъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ [1]), Антоній Зубко, Маркевичъ, Пильховскій. Консисторіи имѣли предсѣдателями и членами людей вполнѣ преданныхъ правительству, какъ, напримѣръ, Сѣмашко, Тупальскій, Шелепинъ и другіе. Въ коллегіи и консисторіяхъ сталъ преобладать элементъ бѣлаго духовенства надъ чернымъ—базиліанами. Мало того, консисторіи получили нѣкоторую самостоятельность и независимость отъ своихъ епархіальныхъ архіереевъ. Блудовъ, 17-го октября 1828-го года, такъ докладывалъ государю о необходимости преобразовать унитскія консисторіи:

«Греко-унитскія консисторіи составлялись, какъ и католическія, изъ оффиціаловъ или генеральныхъ викаріевъ, съ званіемъ предсѣдателей, изъ вице-викаріевъ и трехъ ассессоровъ, всѣ они избирались на три года изъ бѣлаго духовенства, и епископъ имѣетъ право смѣнять ихъ по прошествіи сего срока, назначая, какъ новаго предсѣдателя, такъ и всѣхъ новыхъ членовъ, хотя онъ самъ не присутствуетъ въ консисторіи, не вмѣшивается въ дѣла ея, и жалобы и аппелляціи на рѣшенія сего духовнаго суда поступаютъ не къ нему, а въ коллегію. Такой составъ консисторій и порядокъ назначенія въ члены оныхъ едва ли можетъ быть оставленъ безъ перемѣны въ настоящемъ положеніи дѣлъ церкви греко-унитской. Бывшій главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ отъ 28-го февраля 1828-го года, объ устройствѣ сей церкви предполагалъ, между прочимъ, съ одной стороны, дать консисторіямъ больше вліянія на дѣла церковнаго управленія, потому что нынѣшніе уніатскіе епископы почти всѣ вышли изъ базиліанскаго ордена, преданнаго католи-

[1]) См. въ Арх. Деп. Ин. Исп. М. В. Д. докладъ Блудова отъ 20-го февраля 1830-го года, гдѣ говорится: «хотя совѣты епископа Сѣмашко нужны и въ дѣлахъ коллегіи греко-унитской, особенно въ важнѣйшихъ, но я смѣю думать, что присутствіе его, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, также необходимо и въ епархіи бѣлорусской.

цизму, и сколько можно было замѣтить, мало пекутся о соблюденіи чистоты греческихъ обрядовъ, а бѣлое духовенство по всей вѣроятности, при вниманіи и поощреніяхъ правительства, скорѣе и успѣшнѣе будетъ содѣйствовать его видамъ; съ другой же, подчинить монашество епархіальнымъ епископамъ и консисторіямъ, какъ оно подчинено въ греко-россійской церкви, какъ было и въ уніатской церкви сперва, отъ времени присоединенія Бѣлоруссіи. Сіи предположенія удостоены высочайшаго одобренія и послѣднее приведено въ дѣйство постановленіемъ IV-й статьи указа 22-го апрѣля. Но какъ донынѣ базиліане управлялись почти независимо отъ общаго епархіальнаго начальства, то казалось неудобно вдругъ уничтожить ихъ орденское правленіе, и вашему величеству благоугодно было оставить на нѣкоторое время такъ-называемыхъ провинціаловъ. Въ дополненіе къ сему, какъ я смѣю думать, слѣдуетъ еще назначить имъ обыкновенное мѣстопребываніе тамъ же, гдѣ учреждены греко-унитскія каѳедры, чтобы, такимъ образомъ, поставить ихъ подъ непосредственный надзоръ консисторій.

«Между тѣмъ какъ чрезъ сіе распространяется кругъ дѣйствій и вліянія консисторій, то необходимо и тщательнѣе наблюдать за свойствомъ поступающихъ въ сіи мѣста членовъ и усугубить старанія, дабы обезпечить на предбудущее время хорошій оныхъ выборъ. Я поспѣшилъ обратить вниманіе коллегіи на сей важный предметъ, тѣмъ болѣе, что въ нынѣшнемъ году наступаетъ срокъ новыхъ выборовъ.

«Вслѣдствіе моего предположенія она предначертала слѣдующія правила:

«1) Отнынѣ впредь до новыхъ по сему распоряженій члены консисторій греко-унитскихъ будутъ смѣняемы не всѣ въ одно время, а по очереди, т.-е. по одному ежегодно, такимъ образомъ, чтобы впослѣдствіи каждый членъ оставался въ своей должности не менѣе 4-хъ лѣтъ, и консисторія никогда не была составлена вся изъ новыхъ членовъ, на первые три раза въ нынѣшнихъ консисторіяхъ очередь должна быть употреблена по жребію.

«2) Избраніе кандидатовъ на мѣста членовъ консисторій, по два на каждое, за исключеніемъ предсѣдателей, кои всегда будутъ назначаемы съ утвержденія государя императора, предоставляется также впредь до усмотрѣнія самимъ консисторіямъ.

«3) Кандидаты должны быть избираемы преимущественно изъ соборныхъ протоіереевъ, и только въ случаѣ недостатка духовныхъ сего званія, изъ другихъ достойнѣйшихъ, извѣстныхъ консисторіи по способностямъ, нравственнымъ достохвальнымъ ка-

чествамъ и точному соблюденію въ совершенной чистотѣ какъ догматовъ, такъ и обрядовъ церкви греко-унитской.

«4) Епископы имѣютъ право не только утверждать одного изъ представляемыхъ консисторіею кандидатовъ, но и отвергать обоихъ, объясняя побуждающія ихъ къ сему причины въ предложеніяхъ своихъ о новыхъ выборахъ. Ежели вслѣдствіе сего и по двукратномъ возобновленіи выбора епископъ еще будетъ несогласенъ съ мнѣніемъ консисторіи, то онъ представляетъ о семъ греко-унитской духовной коллегіи, именуя всѣхъ предназначенныхъ консисторіею и не утвержденныхъ имъ кандидатовъ, и сіе представленіе съ мнѣніемъ коллегіи поступаетъ на разсмотрѣніе главнаго управленія духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

«5) Сверхъ предсѣдателя и четырехъ членовъ изъ бѣлаго духовенства, въ консисторіи помѣщается еще членъ изъ ордена базиліанъ (Сѣмашко настаивалъ на этомъ); назначеніе онаго равномѣрно на 4 года предоставляется епархіальному архіерею, съ утвержденія коллегіи; епископъ избираетъ сихъ членовъ отъ монашества изъ тѣхъ настоятелей, кои наиболѣе отличаются преданностью къ постановленіямъ церкви, строго соблюдаютъ въ ввѣренныхъ имъ монастыряхъ чинъ греческаго богослуженія и уже на опытѣ доказали свое радѣніе о благосостояніи управляемыхъ ими обителей. Они не лишаются своего названія настоятелей и соединяемыхъ съ ними правъ отъ поступленія въ консисторіи, и могутъ, наравнѣ съ другими, обращая на себя вниманіе правительства усердною въ оной службою, удостоиваться возведенія на степень архимандритовъ или иныхъ свойственныхъ сану ихъ награжденій. Голосъ члена отъ монашества имѣетъ такую же силу, какъ голоса прочихъ членовъ; мѣсто его, если онъ изъ архимандритовъ, назначается послѣ предсѣдателя, если же онъ изъ простыхъ іеромонаховъ, то послѣ вице-предсѣдателя, съ младшими протоіереями, по старшинству посвященія.

«6) Первое назначеніе сихъ членовъ отъ монашества имѣетъ быть, когда епархіальные начальники посредствомъ личнаго, тщательнаго осмотра монастырей удостовѣрятся въ свойствахъ и способностяхъ настоятелей, дотолѣ мѣста ихъ въ консисторіяхъ при разсмотрѣніи дѣлъ, касающихся до монашества, долженствуютъ занимать провинціалы базиліанскаго ордена, каждый по принадлежности, съ обязанностью представлять на общее разсужденіе консисторіи все, что̀ они признаютъ нужнымъ для лучшаго устройства и для утвержденія благосостоянія обителей ихъ округа. Греко-унитская коллегія имѣетъ означить въ точ-

ной и подробной инструкціи провинціаламъ какъ предметы, такъ и порядокъ ихъ представленій, предписавъ съ симъ вмѣстѣ нужныя мѣры, дабы отнынѣ всѣ дѣла по управленію монастырями были присоединены къ прочимъ дѣламъ консисторій[1])».

Наконецъ, правительство наше въ половинѣ 1833-го года не имѣло уже ни одного врага, ни явнаго, ни тайнаго, на высшихъ ступеняхъ унитской іерархіи. Въ 1831-мъ году, скончались Головня и Сѣроцинскій[2]), а въ 1833-мъ году Мартусевичъ и Яворовскій[3]). Правительство избавилось ихъ, какъ людей, стоявшихъ поперегъ дороги и связывавшихъ ему руки, да и они сами тяготились своимъ положеніемъ и явно были недовольны своею участью, а потому они то сказывались больными, то просились за границу подъ предлогомъ болѣзни, то апатично и машинально сидѣли въ присутствіяхъ коммиссій или коллегіи. Нѣкоторые изъ нихъ напрасно думали иногда прибѣгать къ заискиваніямъ передъ правительствомъ и предложеніямъ своего усердія, — правительство оставалось холодно, недовѣрчиво къ нимъ, даже иногда строго-придирчиво, какъ, напримѣръ, къ Мартусевичу, и во всѣхъ оффиціальныхъ бумагахъ выражало явное недовѣріе къ нимъ[4]). Но смерть четырехъ унитскихъ епископовъ не только избавила правительство отъ враговъ въ средѣ высшей унитской іерархіи, но и усилила его сторонниковъ и пособниковъ, потому что дала ему возможность помѣстить на вакантныхъ каѳедрахъ лицъ, преданныхъ ему и раздѣлявшихъ его намѣренія. Вмѣсто Головни, Сѣроцинскаго, Яворовскаго сдѣланы были викарными епископами у митрополита Булгака и епископа Іосифа Сѣмашки, Антоній Зубко, Василій Лужинскій и Іосафатъ

---

[1]) См. въ арх. департ. ин. исп. м. в. д. докладъ Блудова отъ 27-го сентября 1828-го года, также въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло подъ № 871-мъ, г. 1828-й, о порядкѣ выбора членовъ въ греко-унитскія консисторіи и о составѣ ихъ засѣданій.

[2]) Въ арх. св. син. дѣла изъ греко-унитскихъ арх., г. 1831-й, №№ 28 и 50-й.

[3]) Тамъ же, г. 1833-й, №№ 4 и 107.

[4]) Тамъ же, г. 1829-й, № 8-й, о назначеніи соборнаго протоіерея Іосифа Сѣмашко викарнымъ епископомъ бѣлорусскимъ, гдѣ Блудовъ, между прочимъ, докладываетъ государю, «что по многимъ причинамъ, важнымъ для успѣха видовъ правительства, нужно имѣть между греко-унитскими епископами человѣка совершенно надежнаго, по образу мыслей и преданности къ державѣ россійской». Далѣе Блудовъ продолжаетъ: «съ каждымъ днемъ увеличивается надобность дать полоцкой епархіи въ помощь управляющему оной епископу Мартусевичу благонадежнаго викарнаго, а полученныя изъ Рима, въ февралѣ сего года, извѣстія, доказываютъ необходимость мѣръ предосторожности, о коихъ я нерѣдко упоминалъ въ словесныхъ докладахъ моихъ вашему величеству...»

Жарскій [1]). Въ то же время митрополитъ Булгакъ занялъ каѳедру полоцкую, а Іосифъ литовскую [2]).

Конечно, всякій согласится съ тѣмъ, что одно высшее духовенство, какъ бы оно ни было расположено къ интересамъ правительства, какъ бы оно ни было одушевлено стремленіями къ уничтоженію уніи, какимъ бы оно ни обладало запасомъ воли, энергіи и авторитета,— не могло бы ничего сдѣлать безъ содѣйствія и подмоги низшаго духовенства, подчиненнаго ему. Эта помощь со стороны низшаго духовенства, впрочемъ, могла быть оказана только тогда, когда оно настолько было бы развито, чтобы могло понимать свое положеніе, размышлять о предметахъ вѣроисповѣдныхъ, различать историческую и догматическую истину и ложь, однимъ словомъ, чтобы оно было мало-мальски развито и воспитано въ новыхъ воззрѣніяхъ и новыхъ правилахъ. Отсюда самъ собою вытекаетъ вопросъ о преобразованіи унитскихъ семинарій, о введеніи въ нихъ новаго духа, новаго направленія, новой жизни. Мѣстами воспитанія греко-унитскаго юношества были: 1) епархіальныя семинаріи при унитскихъ каѳедрахъ; 2) базиліанскіе монастыри; 3) такъ-называемая главная семинарія при виленскомъ университетѣ, и 4) заведенія учебныя въ Римѣ.

По уставу каждая каѳедра епископская должна была имѣть епархіальную семинарію. Такимъ образомъ, по числу уніатскихъ каѳедръ должно быть 4 епархіальныхъ семинаріи, да кромѣ того, при базиліанскихъ монастыряхъ должны быть низшія духовныя училища. Содержаніе на семинаріи шло изъ суммъ, опредѣленныхъ на содержаніе епархіальной каѳедры и взимаемыхъ по большей части съ фундушевыхъ имѣній. Въ этомъ-то послѣднемъ пунктѣ и заключается весь вредъ для уніатскихъ семинарій. Унитскіе архіереи, происходя изъ польской аристократіи или шляхты, любя разгулъ и жизнь вообще католическаго развратнаго духовенства, не много оставляли изъ суммъ, назначенныхъ для епархіальныхъ семинарій, для воспитанія унитскаго юношества, а большею частью истрачивали эти суммы на роскошныя попойки пановъ и польской шляхты. Слѣдствіемъ этого было то, что при нѣкоторыхъ унитскихъ каѳедрахъ совсѣмъ уничтожены были епархіальныя семинаріи, какъ, напримѣръ: при брестской каѳедрѣ, гдѣ вмѣсто семинаріи существовало низшее духовное училище при лавритовскомъ базиліанскомъ монасты-

---

[1]) Въ арх. св. синода дѣло грек.-унит. г. 1833-й, №№ 31-й и 32-й.

[2]) Тамъ же и подъ тѣмъ же годомъ, № 124-й, о бытіи соборнымъ протоіереямъ Лужинскому и Зубко и архимандриту Жарскому викарными епископами.

рѣ [1]), при луцкой каѳедрѣ, гдѣ—мы будемъ говорить языкомъ оффиціальныхъ бумагъ,—по неполученію доходовъ изъ имѣющихся семинарскихъ фундушей, не имѣется точной семинаріи, а только при жидичинскомъ монастырѣ содержится епархіальная школа, въ которой приготовляемые въ священники кандидаты, по предварительномъ окончаніи свѣтскихъ наукъ въ повѣтовыхъ публичныхъ училищахъ, обучаются нравственной богословіи, церковнымъ обрядамъ, уставу, ирмосному пѣнію и проч., а курсъ продолжается обыкновенно 2 года, кандидаты содержатся на своемъ иждивеніи [2]). При литовской каѳедрѣ хотя и существовала семинарія на 12 унитскихъ учениковъ [3]), но до 1830 года мы не видимъ, чтобы кто-нибудь въ ней окончилъ курсъ. Собственно говоря, для образованія унитскаго юношества была одна епархіальная семинарія,—это при полоцкой каѳедрѣ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, она болѣе другихъ приближалась къ обыкновеннымъ духовнымъ семинаріямъ. Она раздѣлялась на 3 отдѣленія: въ 1-мъ преподавались науки классическія, т.-е. соотвѣтствующія уѣзднымъ свѣтскимъ училищамъ или гимназіямъ округа виленскаго университета; во 2-мъ предметы философскіе и богословскіе, какъ-то: каноническое право, логика, метафизика, догматическое богословіе, нравственное, физика, астрономія, архитектура; въ 3-мъ отдѣленіи или ставленическомъ приготовлялись къ священству. Число учителей простиралось до десяти (10), число учениковъ до 40, а при Красовскомъ доходило до 80-ти; въ эпоху же ближайшую къ реформамъ унитской церкви, до 60 человѣкъ, именно: 30 въ 1-мъ отдѣленіи, 20 во 2-мъ, и 10 въ 3-мъ или ставленическомъ отдѣленіи. На содержаніе семинаріи полоцкой назначено было изъ базиліанскихъ фундушей 55,402 руб. 42 коп. [4]).

---

[1]) См. краткую вѣдомость, показывающую распредѣленіе базиліанскихъ монастырей и фундушей, также въ арх. Св. Синода вѣдомость о числѣ кончившихъ курсъ воспитанниковъ бывшихъ греко-унитскихъ семинарій: литовской и бѣлорусской, съ 1824 г. по 1843-й, также Annales Ecclesiae Ruthenae, Harasiewiez, § 34-й стр. 873—876-й.

[2]) Число учениковъ Жидичинскаго училища не восходило свыше 17 человѣкъ; учителей было не болѣе двухъ; въ 1821-мъ году учителями были въ немъ *Сѣмашко* и священникъ Сушкевичъ (см. въ арх. канц. оберъ-прокур. Св. Синода дѣло подъ № 20-мъ г. 1822-й, по рапортамъ, съ приложеніемъ вѣдомостей о семинаріяхъ и училищахъ и состоящихъ въ оныхъ профессорахъ, учителяхъ и ученикахъ.

[3]) См. Annales Ecclesiae Ruthenae, стр. 873, гдѣ говорится: «Seminarium hujus Dioecaeseos habet pristinam suam fundationem pro 12 Clericis»; также вышеприведенную вѣдомость о числѣ кончившихъ курсъ воспитанниковъ бывшихъ греко-унитскихъ семинарій: литовской и бѣлорусской съ 1824 по 1843 годъ.

[4]) Въ арх. канц. об.-прокур. Св. Синода дѣло подъ № 259-мъ г. 1828-й о уставѣ для Полоцкой семинаріи.

Иногда архіепископъ полоцкій носилъ названіе и ректора полоцкой семинаріи, какъ, напримѣръ, архіепископъ Красовскій, и тогда у него бывалъ вице-ректоръ. Кромѣ этихъ лицъ, начальство семинаріи состояло изъ префекта, а иногда двухъ префектовъ, духовника и эконома [1]). Профессоры и учители полоцкой семинаріи состояли изъ воспитанниковъ или главной семинаріи, для которыхъ признано было обязательнымъ прослужить въ учительскомъ званіи, по окончаніи курса, по крайней мѣрѣ 4 года [2]).

Здѣсь, въ ближайшую къ намъ эпоху были профессорами: Игнатовичъ, Томковидъ, Заблоцкій, Слонимскій, Лужинскій, Шеленинъ, Щесновичъ-Мальчевскій и другіе.

Чтобы ясно видѣть, какъ мало унитскія семинаріи удовлетворяли нуждамъ епархіальнымъ, мы обратимъ только вниманіе на то, что въ 1827-мъ году выпущено было два кандидата на священническія мѣста, а между тѣмъ число унитскихъ церквей простиралось до 1700; въ 1825-мъ, 1826-мъ, 1827-мъ не было ни одного кандидата на священническія унитскія мѣста [3]). При такомъ несоотвѣтствіи числа кандидатовъ на священническія мѣста съ числомъ приходовъ унитскихъ, естественно происходило то, что или многія унитскія церкви должны были оставаться вовсе безъ священниковъ и обращаться за удовлетвореніемъ своихъ духовныхъ нуждъ въ католическіе костелы, или къ унитскимъ церквамъ опредѣлялись чистые католики, или, наконецъ, люди едва научившіеся читать въ низшихъ базиліанскихъ училищахъ, или въ своихъ домахъ отъ своихъ отцовъ. Другой вредъ, происходившій отъ устройства унитскихъ семинарій для унитской паствы, былъ тотъ, что духъ и направленіе въ преподаваніи наукъ былъ совершенно не восточный, а римскій, самое преподаваніе всѣхъ предметовъ происходило на латинскомъ языкѣ или польскомъ, а не на русскомъ. Самъ епископъ Мартусевичъ долженъ былъ сознаться, что даже богословіе догматическое и нравственное преподается въ полоцкой семинаріи на польскомъ языкѣ, и что нѣтъ тамъ особаго класса для обученія обрядамъ греко-восточнаго богослуженія, и что большая часть предметовъ преподается на латинскомъ языкѣ и по руководствамъ латинскимъ [4]).

---

[1]) Тамъ же, дѣло подъ № 20-мъ г. 1822-й.

[2]) Вышеприведенное дѣло подъ № 259-мъ.

[3]) См. вышеприведенную вѣдомость и дѣло въ канц. оберъ-прокурора Св. Синода, г. 1826 № 53-й о суммахъ на кременецкую гимназію, назначенныхъ изъ доходовъ нѣкоторыхъ (5) базиліанскихъ монастырей.

[4]) Вышеприведенное дѣло подъ № 20-мъ г. 1822-й, по рапортамъ, съ приложеніемъ вѣдомостей о семинаріяхъ.

Результатомъ такого воспитанія въ унитскихъ семинаріяхъ было то, что греко-унитское юношество выходило изъ своихъ училищъ или вовсе необразованное, неразвитое, неумѣвшее различать вѣроисповѣдныхъ разностей между римскимъ и православнымъ исповѣданіемъ, или пропитанное насквозь понятіями, враждебными унитскому обряду.

Если въ епархіальныхъ унитскихъ семинаріяхъ приготовляемое юношество не удовлетворяло нуждамъ греко-унитской церкви и было даже враждебно интересамъ ея, то ученіе въ базиліанскихъ или монастырскихъ унитскихъ школахъ было не только чисто римское, но и іезуитское. Базиліане совершенно наслѣдовали духъ и направленіе іезуитовъ; извѣстно, что еще въ 1621-мъ г. они заключили братскій союзъ съ іезуитами, назвались ихъ братьями [1]) усвоили ихъ испанскій костюмъ, и даже называли себя іезуитами [2]).

Подражая во всемъ іезуитамъ, они явились ихъ точными послѣдователями и въ дѣлѣ воспитанія, они открыли школы при своихъ монастыряхъ для свѣтскаго юношества, а не для духовнаго, и преимущественно для зажиточнаго или вліятельнаго по своимъ общественнымъ условіямъ, одѣли своихъ воспитанниковъ, по образцу іезуитовъ, въ плащи съ капюшонами и украшенные красными ленточками. До какой степени духъ базиліанскаго воспитанія былъ чисто іезуитскій, мы ссылаемся на польскихъ писателей, принадлежащихъ къ римской, а не къ православной церкви.

Кондратовичъ (Сырокомля) въ исторіи польской литературы, т. II, стр. 239, пишетъ: «Когда брестская унія раздѣлила польскихъ подданныхъ восточной церкви на уніатовъ и не-уніатовъ, тѣ и другіе стали у себя заботиться о воспитаніи юношества,

---

[1]) См. доставленную мнѣ г. Кояловичемъ рукопись, носящую такое заглавіе: «Конгрегація вторая 1621 г. о стоварищенюся учиненным 3 отцами Езуитами»; также «Obraz Litwy, Jaroszewicza, стр. 227, примѣч. 107, «De societate facta cum P. P. Societatis».

[2]) См. другую рукопись, доставленную мнѣ также г. Кояловичемъ, въ которой говорится, что Базиліане названы іезуитами въ анонимномъ письмѣ, писанномъ въ 1829 или въ 1829-мъ годахъ на французскомъ языкѣ и посланномъ въ Варшаву къ цесаревичу Константину Павловичу, и имъ передано государю Николаю Павловичу. Это письмо направлено противъ реформы Іосифа Сѣмашки; въ немъ говорится, что дѣйствія духовенства бѣлаго противъ базиліанъ не что иное, какъ враждебная съ ихъ стороны интрига; что базиліане суть двигатели просвѣщенія, и вообще служатъ для унитской церкви тѣмъ же, чѣмъ были іезуиты. См. также Hugona Kołłątaja stan oswiccenia w Polsce w ostatnich latach panowania Augusta III, tom 1, pag. 109, 110; также Annales Ecclesiae Ruthenae, Горясевича, стр. 863: «Etiam vestimenta sua mutabant Basiliani in talia, qualia Jesuitae gestant».

по крайней мѣрѣ того, которое должно было посвятить себя духовному званію. Первые имѣли нѣсколько школъ базиліанскихъ, устроенныхъ совсѣмъ на манеръ іезуитскихъ, и наконецъ получили открытый доступъ въ школы іезуитскія и заграничныя».

Замѣчателенъ также тотъ фактъ, что базиліанскіе богатые монастыри жертвовали значительныя суммы на училища чисто свѣтскія и притомъ польскія. Въ архивѣ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода находится письмо митрополита Кохановича къ бывшему министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князю Голицыну: «Крайняя необходимость принуждаетъ меня утруждать высокую вашего сіятельства особу пространнымъ описаніемъ дѣла, которое Жидичинскій и другіе луцкой епархіи архимандричьи монастыри навлеченными покойнымъ г. Чацкимъ на оные отягощеніями приводитъ въ разореніе, что ваше сіятельство изволите усмотрѣть изъ сего объясненія, которое въ покорности представляю. 1799-го года блаженныя памяти императоръ Павелъ I-й эмигрантамъ французской націи, монахамъ de la Trappe, дозволивъ пребываніе въ Россіи, повелѣлъ помѣстить ихъ въ католическихъ монастыряхъ; вслѣдствіе того повелѣнія заняли они Могилевской губерніи въ городѣ Оршѣ бернардинскій, а монахини — тринитарскій монастыри, и дерманскій монастырь былъ для нихъ же назначенъ. Въ 1800 г. государь императоръ соизволилъ повелѣть трапистамъ выступить изъ Россіи, за границу, а доходами римско-католическихъ монастырей, употреблявшимися на трапистовѣ ежегодно по 14,000 руб., учредить школы для бѣдныхъ дѣтей. Таковое повелѣніе, хотя не относилось къ унитскимъ монастырямъ, а прямо къ римско-католическимъ, кои отъ сей тягости остались и остаются свободными, однакожъ, исполняя предписаніе его высокопреосвященства митрополита Сестренцевича, Корсакъ учредилъ въ Жидичинѣ для бѣдныхъ дѣтей училище и содержалъ на монастырскомъ иждивеніи учителей и учениковъ чрезъ три года, а дерманскій архимандритъ дѣтей женскаго пола. Чацкій склонилъ присоединить училища къ луцкой гимназіи и платить 9,000 злотыхъ ежегодно, а дерманскому архимандриту 5,000 злотыхъ. Но жидичинская архимандрія впослѣдствіи сдѣлалась пребываніемъ суффрагана луцкаго, слѣдовательно не могла платить, а гимназія все-таки вынуждала. Овручьскій монастырь платилъ 3,500 злотыхъ, а потомъ прекратилъ, за что Чацкій взялъ 5 монастырскихъ деревень, насчитавъ долгу 21 т. злотыхъ. Вотъ какъ объяснялись архимандриты касательно беззаконныхъ этихъ поборовъ: вельможество по роду, достоинство по чину тайнаго совѣтника и визитатора школъ, софистическое велерѣчіе г-на Чац-

каго, а больше всего угрожающее предложеніе: «ежели васъ не истребило православіе, то моя философія васъ искоренитъ», было для насъ довольнымъ убѣжденіемъ и принужденіемъ согласиться на его предложеніе [1])».

Такимъ образомъ, хотя число училищъ при базиліанскихъ монастыряхъ было довольно значительно [2]), но они не приносили никакой пользы для греко-унитовъ, потому что или были совершенно недоступны для дѣтей духовныхъ, по большей части бѣдняковъ, или же попавшему туда унитскому мальчику сообщали самое ничтожное для будущаго его сана образованіе, и притомъ въ духѣ не только римскомъ, но совершенно іезуитскомъ. О характерѣ и направленіи образованія въ главной семинаріи при виленскомъ университетѣ мы уже говорили выше, а потому здѣсь не будемъ повторять сказаннаго. Почитаемъ нужнымъ замѣтить только здѣсь одну особенность, что нѣкоторые базиліанскіе монастыри обязаны были вносить въ виленскій университетъ извѣстную сумму, для воспитанія при тамошней главной семинаріи дѣтей греко-унитскихъ духовныхъ. Такъ одинъ изъ провинціаловъ базиліанскихъ монастырей доносилъ нашему правительству, «что Бѣлорусская провинція вноситъ ежегодно въ главную виленскую семинарію на содержаніе 6-ти клириковъ 1,564 руб. сер., а потому въ этой провинціи особыхъ училищъ для юношества бѣлаго духовенства устроено и не было, ибо не было на то высочайшаго повелѣнія [3]). Но и другіе провинціалы также ежегодно вносили съ своихъ провинцій извѣстную сумму въ главную семинарію; такъ провинціалъ русской базиліанской провинціи представлялъ ежегодно 2,082 руб. сер., а литовскій—1,265 руб. сер. [4]). На этомъ основаніи провинціа-

---

[1]) См. въ арх. канц. оберъ-прокурора Св. Синода дѣло подъ № 53-мъ, г. 1826, о суммахъ на кременецкую гимназію, назначенныхъ изъ доходовъ нѣкоторыхъ (5) базиліанскихъ монастырей.

[2]) Базиліанскія училища заведены были при 18-ти монастыряхъ, именно: Каневскомъ, Уманскомъ, Лисянскомъ, Жировецкомъ, Барскомъ, Почаевскомъ, Владимірскомъ, Любарскомъ, Овручьскомъ, Березвицкомъ, Ляденскомъ, Лавритовскомъ, Витебскомъ, Верболовскомъ, Тологинскомъ, Брестскомъ, Борунскомъ, Подубинскомъ (см. краткую вѣдомость, показывающую распредѣленіе базиліанскихъ монастырей и фундушей ихъ), также Historya szkół w Kownie, w wielkiem Księstwie Litewskiem, przez Józefa Łukaszewicza, tom. 4, 262—276. Впрочемъ мы беремъ эпоху 30-хъ годовъ, а до того времени ихъ было болѣе (см. въ Св. Синодѣ дѣло подъ № 41-мъ, г. 1832-й, по рапорту базиліанскаго провинціала Левицкаго).

[3]) Въ арх. канц. об.-прок. Св. Синода дѣло подъ № 34-мъ, г. 1827-й по высоч. указу о запрещеніи принимать католиковъ въ греко-унитское монашество и объ учрежденіи училищъ для наставленія унитскаго юношества.

[4]) См. въ арх. Св. Синода дѣло 1824 г. 8-го ноября, по требованію главнаго

хи базиліанскіе почитали себя свободными отъ обязанности содержать при своихъ монастыряхъ училища для греко-унитскихъ дѣтей и отвѣчали правительству, «что для греко-унитскихъ священно- и церковно-служительскихъ сиротъ не находится ни въ какомъ монастырѣ фундушей, а налагать же на монастыри новыя тягости считаютъ они себя не имѣющими права, а потому весьма много сиротъ (унитскихъ духовныхъ) не токмо безъ просвѣщенія, но безъ всякаго способа къ пропитанію находится по епархіи, и нѣкоторые изъ такихъ сиротъ, по достиженіи совершеннолѣтій, наиболѣе желаютъ вступать въ духовный санъ, не получивъ приличнаго воспитанія [1])». Нормальное число унитскихъ клириковъ, воспитывавшихся ежегодно въ главной семинаріи, простиралось до 50, и на содержаніе ихъ каждогодно истрачивалось до 15,000 руб. сер. [2]). Кромѣ того, Булгакъ даромъ уступилъ виленскому университету зданія [3]). Наконецъ нѣкоторые изъ унитскихъ юношей посылались даже въ Римъ для образованія себя. Число ихъ иногда достигало до 4-хъ человѣкъ, а иногда до 6-ти. Здѣсь они воспитывались въ двухъ папскихъ семинаріяхъ, именно такимъ образомъ: два или три человѣка въ одной семинаріи, подъ названіемъ Collegium de propaganda fide, а два или три въ другой, называвшейся «греческая коллегія при церкви св. Аѳанасія». Эти юноши высылались въ Римъ чрезъ всякое трехлѣтіе провинціалами базиліанскихъ монастырей. Фундушъ на содержаніе молодыхъ греко-унитовъ былъ папскій и состоялъ въ вѣдомствѣ кардиналовъ конгрегаціи о распространеніи вѣры. Кромѣ того былъ въ Римѣ еще домъ, принадлежащій нашимъ базиліанамъ; домъ этотъ былъ подаренъ имъ кардиналомъ изъ фамиліи князей Барбарино, при домѣ находилась небольшая унитская церковь. Въ домѣ жилъ іеромонахъ, носившій названіе прокуратора, онъ былъ повѣреннымъ и ходатаемъ по дѣламъ базиліанскаго ордена. Впослѣдствіи въ помощь прокуратору данъ былъ другой іеромонахъ, носившій названіе ризничаго. Оба іеромонаха содержались на фундушъ, получаемый отъ отдачи дома орденскаго въ наемъ; кромѣ того прокураторъ получалъ какое-то жалованье изъ папской казны.

управленія Дух. Дѣлъ Иностранныхъ исповѣданій о увѣдомленіи, сколько который монастырь вноситъ денегъ въ складку на содержаніе виленской главной семинаріи.

[1]) См. въ Св. Синодѣ дѣло подъ № 61-мъ г. 1822-й, о упраздненіи базиліанскихъ монастырей.

[2]) Тамъ же.

[3]) См. въ арх. Св. Синода въ греко-унитскомъ отдѣлѣ дѣло 1809-го г. № 21-й по предложенію министра юстиціи, князя Лопухина, о сдѣланіи выговора Бржескому епископу Булгаку за уступку церкви виленскому университету.

По окончаніи курса, продолжавшагося 3 года, унитскіе юноши возвращались на родину въ тѣ монастыри, которые посылали ихъ, снабженные аттестатами на ученыя степени и выдержавши экзаменъ по академическимъ уставамъ, существующимъ въ папскомъ государствѣ [1]). Нужно ли много распространяться о томъ, что воспитаніе римское окончательно портило греко-унитскихъ юношей, преобразуя ихъ въ совершенныхъ латинянъ и іезуитовъ! Притомъ же римскія семинаріи были доступны юношамъ, предназначавшимъ себя не къ бѣлому духовенству, а къ черному.

Преобразованіе воспитанія греко-унитскаго юношества должно было, по идеѣ нашего правительства, состоять въ томъ, чтобы оно развивало умъ и мышленіе будущихъ пастырей, но въ духѣ совершенно противоположномъ латинству, т.-е. чтобы постепенно сближало и роднило ихъ съ церковью православною. Съ этою цѣлью положено было не только прекратить посылку греко-унитскихъ юношей въ главную семинарію при виленскомъ университетѣ, но немедленно отозвать всѣхъ, находившихся тамъ воспитанниковъ, и только представленіе Блудова сдѣлало то, что 9-ти унитскимъ юношамъ позволено было докончить курсъ въ главной семинаріи [2]). Въ повелѣніи, прекращающемъ посылку унитскихъ юношей въ главную семинарію, прямо сказано, «что это сдѣлано на тотъ конецъ, дабы духовное юношество сего обряда отнынѣ съ самыхъ низшихъ классовъ получало образованіе, болѣе соотвѣтствующее его назначенію и въ кругу своихъ единовѣрцевъ, не смѣшиваясь съ принадлежащими къ обряду латинскому [3])».

Посылка унитскихъ клириковъ въ Римъ также прекращена; принадлежащая греко-унитскому базиліанскому ордену въ Римѣ церковь и заведеніе della Madona del Pascalo со всѣми ея принадлежностями отдана была нашимъ правительствомъ папѣ римскому въ собственное его распоряженіе, и въ то же время запрещено было посылать изъ имперіи россійской и изъ царства польскаго греко-унитскихъ духовныхъ въ званіи прокураторовъ или ректоровъ [4]).

---

1) См. въ арх. Св. Синода дѣло подъ № 54-мъ, г. 1822-й, дѣло по запросу департамента Дух. дѣлъ прислать свѣдѣнія о находящемся въ Римѣ домѣ съ папскимъ фундушемъ, принадлежащемъ базиліанскому ордену.

2) См. арх. мин. внутр. дѣлъ, въ департ. иностр. исповѣданій докладъ 1830-го № 9-й.

3) Тамъ же, 1828-й, докладъ 26-го мая.

4) См. въ арх. канц. об. прок. св. синода дѣло подъ № 80-мъ, г. 1830-й, также въ арх. св. синода дѣло подъ № 89-мъ г. 1830-й по предложенію главноуправля-

При базиліанскихъ монастыряхъ стали открывать духовныя училища съ спеціальною цѣлью приготовлять знающихъ православные обряды унитскихъ клириковъ, а свѣтскія училища, содержимыя базиліанами, или вовсе закрывали, или же подчиняли ихъ надсмотру попечителя бѣлорусскаго округа [1]).

Что касается до унитскихъ епархіальныхъ семинарій, теперь ограниченныхъ числомъ до 2-хъ именно: бѣлорусской, находившейся въ Полоцкѣ, и литовской помѣщенной въ жировицкомъ монастырѣ, въ Слонимскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи, то, истинное преобразованіе ихъ въ духѣ чисто русскомъ началось не съ открытія ихъ въ 1828-мъ году, и не со времени назначенія туда профессоровъ русской словесности и исторіи изъ студентовъ с.-петербургской духовной академіи [2]) а съ эпохи обревизованія ихъ Іосифомъ Сѣмашко въ 1830-мъ году. Ревизія эта имѣла такое важное вліяніе на судьбу унитскихъ семинарій, что мы по необходимости должны остановиться на донесеніяхъ Іосифа о результатахъ произведенной имъ ревизіи.

Іосифъ отправился на ревизію, снабженный инструкціей, гдѣ выразился взглядъ нашего правительства на характеръ и способъ преобразованія унитскихъ учебныхъ заведеній. Инструкція, данная Іосифу, внушала слѣдующее: 1-е) Главнымъ наставленіемъ и руководствомъ для визитатора по возложенному на него порученію обозрѣть епархіальныя семинаріи: бѣлорусскую и литовскую, будутъ правила, означенныя въ уставѣ дух. академій. 2-е) На основаніи сихъ правилъ онъ повѣритъ съ надлежащею точностію дѣйствія правленій семинарскихъ съ ихъ уставомъ, тщательно вникая, исполняются ли начертанныя въ ономъ правила, и если въ чемъ отъ оныхъ правленіе уклоняется, то по какимъ причинамъ. 3-е) Визитаторъ войдетъ въ надлежащее соображеніе нынѣшняго помѣщенія семинарій съ потребнымъ для полнаго числа учениковъ, по штату предположенному греко-унитскою коллегіею. 4-е) Обозрѣватель вникнетъ, какіе способы доставляются нынѣ для содержанія семинарій отъ

ющаго о непосыланіи въ Римъ ни изъ имперіи россійской, ни изъ царства польскаго греко-унитскихъ духовныхъ.

[1]) См. въ синод. арх. дѣло подъ № 15-мъ, г. 1830-й по предложенію главноуправляющаго касательно зависимости начальниковъ публичныхъ училищъ при базиліанскихъ обителяхъ отъ попечителя бѣлорусскаго учебнаго округа.

[2]) См. въ синодѣ дѣло подъ № 30-мъ г. 1829-й, изъ котораго видно, что первыми учителями русской словесности и исторіи въ унитскихъ семинаріяхъ были воспитанники с.-петербургской духовной академіи Кушинъ и Смирновъ, но они были не долго, а на мѣсто ихъ назначены были Горбачевскій и Скворцовъ (см. въ синод. арх. дѣло подъ № 114-мъ г. 1830-й).

предназначенныхъ для нихъ фундушей, и какіе, по соображенію съ мѣстными обстоятельствами, могутъ быть приняты благонадежныя мѣры къ умноженію способовъ и для улучшенія положенія семинарій и увеличенія числа учащихся. 5-е) Войдетъ въ разсмотрѣніе, не принимаются ли въ противность предписаній греко-унитской коллегіи отъ 17-го іюля минувшаго 1829 года на полное семинарское содержаніе дѣти такихъ священниковъ, кои имѣютъ возможность давать имъ отъ себя содержаніе. 6-е) Удостовѣрится на опытѣ въ прилежаніи какъ учащихся, такъ и самихъ учащихъ въ основательномъ изученіи русскаго языка и словесности, и въ успѣхахъ по симъ предметамъ тѣхъ и другихъ. 7-е) Въ бытность свою въ Жировицахъ войдетъ въ надлежащее разсмотрѣніе распоряженій правленія семинарскаго касательно учрежденія уѣзднаго духовнаго училища при греко-унитскомъ базиліанскомъ монастырѣ въ Кобринѣ, и если замѣтитъ какіе недостатки, то предложитъ о исправленіи ихъ соотвѣтственно разуму даннаго для сихъ училищъ устава и предположеннаго образованія греко-унитскаго духовнаго юношества. 8-е) Предоставляется визитатору, буде позволитъ время, осмотрѣть кобринскую обитель и производящіяся въ ней работы при построеніи особаго дома для помѣщенія уѣзднаго духовнаго училища, и въ случаѣ надобности сдѣлать нужныя распоряженія къ усовершенію и пользѣ сего дѣла. 9-е) Визитаторъ обязывается войти въ надлежащія соображенія касательно помѣщенія въ зданіяхъ полоцкой каѳедры предположенной тамъ духовной академіи и какія именно нужно будетъ произвести необходимыя пристройки и передѣлки. Для ближайшаго понятія о сихъ зданіяхъ визитаторъ представитъ въ коллегію планы и фасады онымъ строеніямъ, за подписаніемъ мѣстнаго архитектора. 10-е) По недавнему заведенію семинаріи литовской, равно какъ и недавнему же введенію новыхъ правилъ въ семинаріи бѣлорусской, долгомъ визитатора будетъ, при обозрѣніи на мѣстѣ сихъ учебныхъ заведеній, тщательно вникнуть во всѣ обстоятельства и причины, кои могутъ содѣйствовать благу сихъ разсадниковъ просвѣщенія духовнаго греко-унитскаго юношества, и какія причины противоборствуютъ сему. Въ важнѣйшихъ случаяхъ, требующихъ неотлагательнаго распоряженія или исправленія, предоставляется визитатору, не ожидая окончанія возложеннаго на него порученія, представлять особо греко-унитской коллегіи. Впрочемъ, о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ визитаторъ представитъ коллегіи обстоятельное донесеніе въ свое время [1]).

---

[1]) См. въ арх. канц. об.-прок. св. син. дѣло подъ 18-мъ г. 1830-й, по уваженію

Представимъ теперь донесеніе Іосифа о состояніи греко-унитскихъ семинарій и о произведенныхъ имъ въ нихъ реформахъ.

«По силѣ штатовъ, доносилъ онъ коллегіи, положено содержать на фундушевомъ иждивеніи въ бѣлорусской семинаріи 120, а въ имѣющемся при оной уѣздномъ училищѣ 20-ть учениковъ. Между тѣмъ нынѣ имѣется въ семинаріи сей на фундушевомъ иждивеніи только 56-ть семинаристовъ, въ низшемъ же училищѣ 39-ть, да изъ сихъ послѣднихъ 12-ть обучаются исключительно наукамъ, въ приходскихъ училищахъ преподаваться долженствующимъ, каковаго училища при семинаріи по штату не назначено.

«Замѣчая, что приниманіе въ семинарію воспитанниковъ, неимѣющихъ еще первоначальныхъ познаній въ чтеніи и чистописаніи, необходимо должно замедлять успѣхъ сего заведенія, и сему особенно приписывая, что въ теченіи послѣднихъ 10-ти лѣтъ было едва 41 ученикъ изъ кончившихъ курсъ наукъ въ бѣлорусской семинаріи, равно признавая, что духовное юношество болѣе имѣетъ способовъ пріобрѣсть дома или въ ближайшихъ училищахъ первоначальныя познанія въ наукахъ, да и предстоящее открытіе низшихъ училищъ доставитъ оному вящщія въ семъ отношеніи облегченія, то, дабы большему количеству дух. юношества доставить средства къ высшему образованію окончаніемъ полнаго курса семинарскихъ наукъ, а тѣмъ самымъ соотвѣтствовать намѣреніямъ благодѣтельнаго правительства, пекущагося о просвѣщеніи вообще духовенства, по силѣ 461-го пункта устава дух. академій и на временнаго, высочайше утвержденнаго штата греко-унитскимъ семинаріямъ, предложилъ я правленію семинаріи: 1) дѣтей неимѣющихъ познаній, кои должны быть пріобрѣтаемы въ приходскихъ училищахъ, въ число учениковъ здѣшней семинаріи, особенно на фундушевое содержаніе, не принимать. Но какъ христіанскій законъ въ домашнемъ воспитаніи, и даже въ училищахъ, не всюду съ надлежащимъ раченіемъ изучается: то, изъ уваженія сего, оставивъ пространный катихизисъ для втораго отдѣленія низшаго училища, въ первомъ преподавать впредь до усмотрѣнія краткій катихизисъ, по уставу для приходскихъ духовныхъ училищъ назначенный; 2) пріемомъ учениковъ на фундушевое содержаніе въ уѣздное, при семинаріи состоящее, духовное училище, также воздержаться, пока число оныхъ неограничится соотвѣтственно штату 20-ю учениками; 3) вмѣсто того усилить пріемъ въ семинарію на

коллегія объ отправленіи викарнаго епископа Іосифа Сѣмашко, для обозрѣнія греко-унитскихъ семинарій бѣлорусской и литовской.

фундушевое содержаніе учениковъ, кончившихъ воспитаніе въ другихъ училищахъ и за дальностію мѣстопребыванія неимѣющихъ способовъ проходить ученіе въ семинаріи на собственномъ иждивеніи; 4) въ случаѣ недостатка сихъ послѣднихъ учениковъ, принимать и въ низшее духовное училище сверхъ положеннаго въ томъ комплекта».

Но самое важное изъ распоряженій Сѣмашко касалось способовъ преподаванія наукъ въ унитскихъ семинаріяхъ и руководствъ по этимъ наукамъ. Вотъ его распоряженія по этому предмету:

«Во время производившихся испытаній, писалъ онъ коллегіи, ученикамъ бѣлорусской семинаріи, замѣтилъ я: 1) что богословскія науки преподаются въ оной въ той обширности и по тѣмъ же книгамъ, какъ въ виленскомъ университетѣ; хотя сюда поступаютъ ученики самые отличнѣйшіе, по большей части курсъ семинарскихъ наукъ совершенно кончившіе; 2) что въ особенности книга исторіи церковной Даненмайера можетъ быть полезна слушателямъ университетовъ, словесными лекціями профессоровъ вполнѣ пользоваться могущимъ, но не воспитанникамъ семинаріи, начинающимъ только знакомиться съ историческими науками: она писана тяжело латынью, на факты болѣе намекаетъ, нежели оные представляетъ; 3) что толкованіе священнаго писанія преподается не по славянской библіи, а по латинской вульгатѣ, и 4) что пространный катихизисъ преподается въ нисшемъ училищѣ по сочиненію Альбетранди, писанному безъ всякаго порядка, заключающему множество предметовъ, къ катихизису не принадлежащихъ, исполненному понятій и опредѣленій отвлеченныхъ, къ богословскому ученію относящихся, а для воспитанниковъ низшихъ училищъ неудобопонятныхъ.

«На основаніи 461 пункта устава духовныхъ академій, предложилъ я правленію семинаріи: 1) въ преподаваніи богословскихъ наукъ сообразоваться по возможности со временемъ, для изученія сихъ наукъ въ семинаріи по уставу предназначеннымъ; 2) вмѣсто исторіи Даненмайера избрать другую учебную книгу; я внушилъ, что болѣе другихъ было бы соотвѣтственною исторія церковная Иннокентія, какъ по удобопонятности оной и обилію опредѣлительными фактами, такъ и потому, что богословское отдѣленіе имѣло бы случай къ дальнѣйшему усовершенствованію себя въ русскомъ языкѣ. Кромѣ жъ того, семинарія имѣетъ уже довольное количество экземпляровъ сей исторіи; 3) распорядиться, дабы толкованіе священнаго писанія на будущее время было преподаваемо по славянской библіи, какъ потому, что она ближе къ подлиннику, такъ и потому, что славянскій языкъ есть

въ нашемъ обрядѣ богослужебный, и духовному юношеству необходимо научаться оному заблаговременно въ самомъ чистѣйшемъ и необходимѣйшемъ источникѣ; 4) вмѣсто катихизиса Альбетранди ввести пространный катихизисъ, по высочайшему новелѣнію въ 1828-мъ году для училищъ изданный, такъ какъ я лично удостовѣрился, что краткій катихизисъ, по высочайшему повелѣнію также изданный, преподается въ низшемъ отдѣленіи семинаріи съ видимымъ успѣхомъ. Впрочемъ, я вмѣнилъ въ обязанность правленію руководствовать учителя своимъ наставленіемъ въ изложеніи нѣкоторыхъ мѣстъ означеннаго катихизиса, съ ученіемъ нашей церкви нѣсколько несходныхъ».

Послѣдняя оговорка Іосифа показываетъ, что преобразованія его въ системѣ воспитанія унитскаго юношества были такъ смѣлы, такъ радикальны, такъ, если можно выразиться, проникнуты руссизмомъ и православіемъ, что онъ самъ испугался ихъ и нашелъ нужнымъ оговориться, чтобы не взволновать умы и совѣсть унитской коллегіи и унитскаго духовенства. Затѣмъ росписаніе учебныхъ часовъ, составъ и способъ управленія семинарскаго правленія, по предложенію Іосифа, введены были въ унитскія семинаріи совершенно сообразно уставу нашихъ православныхъ семинарій.

Говоря о помѣщеніи бѣлорусской семинаріи и способахъ ея содержанія, Іосифъ замѣчаетъ: «1) что каѳедральныя бывшія монастырскія базиліанскія строенія въ Полоцкѣ, при занятіи оныхъ разными вѣдомствами, не только недостаточны для полнаго комплекта семинаріи 140 учениковъ, но и нынѣшнимъ 95-ти доставляютъ довольно стѣснительное помѣщеніе; 2) что въ теченіи цѣлаго года изъ имѣющагося въ управленіи преосвященнаго Мартусевича фундуша поступило въ вѣдѣніе правленія семинаріи денегъ и припасовъ всякаго рода безъ малаго на 29 тысячъ. Но изъ сего имѣлъ также содержаніе столомъ и помѣщеніемъ весь консисторскій и каѳедральный штатъ, и дѣлаемы были угощенія завтракомъ или обѣдомъ гостей иногда довольно многочисленныхъ, прибывающихъ съ поздравленіемъ къ архіерею во время праздничныхъ и табельныхъ дней.... Итакъ, нельзя съ точностію опредѣлить, какіе способы доставляются нынѣ для содержанія бѣлорусской семинаріи отъ предназначеннаго для оной фундуша. До окончательнаго утвержденія постановленія государственнаго совѣта о фундушевыхъ имѣніяхъ унитскаго духовенства, всякое распоряженіе начальства, клонящееся къ улучшенію состоянія бѣлорусской семинаріи на счетъ фундуша, въ управленіи епископа Мартусевича имѣющагося, не можетъ имѣть точнаго основанія, и по крайней мѣрѣ можетъ показаться ему,

епископу, отяготительнымъ. Справедливость требуетъ сказать, что онъ и такъ доставляетъ на содержаніе семинаріи способы едва не вдвое значительнѣе своихъ предмѣстниковъ. При митрополитѣ Лисовскомъ число семинарскихъ воспитанниковъ не доходило до 50-ти; при архіепископѣ Красовскомъ оно не превышало 75-ти, при настоящемъ преосвященномъ оно постоянно годъ отъ году увеличивается отъ 80 до 95-ти. Кромѣ того, онъ содержитъ въ Струнѣ на фундушевомъ иждивеніи 14 сиротствующихъ духовнаго званія дѣтей, обучающихся подъ особымъ учителемъ первоначальнымъ наукамъ. Учителей вмѣстѣ съ членами правленія нынѣ 14, тогда какъ за покойнаго архіепископа ихъ было не болѣе 10-ти, и они пользуются (какъ оказалось изъ распросовъ) гораздо значительнѣйшимъ противу прежняго жалованьемъ. По увѣренію членовъ правленія и учителей, содержаніе также семинаріи нынѣ безъ всякаго сравненія лучше, нежели при покойномъ архіепископѣ. Сверхъ того, нельзя упустить изъ виду, что припасы всякаго рода покупаются дороже въ Полоцкѣ, нежели въ Судиловичахъ, гдѣ помѣщалась прежде семинарія». Но несмотря на такія похвалы Мартусевичу, Іосифъ писалъ коллегіи, что не всѣ правила семинарскаго устава могутъ быть въ точности исполняемы семинарскимъ правленіемъ отъ раздѣленія предметовъ, подлежащихъ его управленію, между имъ и архіереемъ. «Я замѣтилъ, пишетъ Іосифъ, нѣкоторыя болѣе или менѣе вредныя послѣдствія сего раздѣленія. Правленіе по естественному ходу вещей часто деликатится въ отношеніи своего пастыря, а сей, обремененный дѣлами, не всегда можетъ во время имѣть въ виду нужды семинаріи, а потому экономическая часть еще находится въ состояніи, требующемъ усовершенствованія».

Представивши свои соображенія относительно поправокъ и передѣлокъ зданія бѣлорусской семинаріи, Сѣмашко, наконецъ, излагаетъ причины, противодѣйствовавшія или замедлявшія преуспѣяніе бѣлорусской семинаріи. «Причины эти относятся, пишетъ онъ, или къ малому, обширности епархіи несоотвѣтствующему числу семинаристовъ, или къ недостатку пособій, необходимыхъ для полнаго успѣха въ наукахъ. Малое число учениковъ происходитъ: а) отъ неимѣнія никакихъ распоряженій, понуждающихъ духовенство къ отдачѣ дѣтей своихъ въ семинаріи; b) отъ недостатка въ семинаріи классовъ. Науки преподаются въ тѣхъ же комнатахъ, въ коихъ живутъ семинаристы. Здѣсь, по большей части, вмѣсто скамей служатъ семинарскія кровати, вмѣсто столовъ — собственныя колѣни учениковъ. Кромѣ того, тѣснота, тяжелый воздухъ и самое неприличіе помѣщенія должны

устранять отъ семинаріи желающихъ помѣстить дѣтей своихъ въ оной на собственномъ иждивеніи, и даже затруднять само правленіе въ принятіи оныхъ; с) и болѣе всего отъ отдаленности, для бо́льшей части духовенства, мѣстопребыванія епархіальной семинаріи, такъ что оно находитъ выгоду въ воспитаніи дѣтей своихъ въ близлежащихъ свѣтскихъ училищахъ. Первое устранилось бы воспрещеніемъ посвящать къ приходамъ перваго и втораго класса тѣхъ, кои неокончили полнаго курса наукъ, въ семинаріи преподающихся. Второе — приведеніемъ въ дѣйство предположенной епископомъ Мартусевичемъ постройки особаго каменнаго двухъ-этажнаго дома съ 8-ю залами на классы, для коего матеріалы отчасти уже приготовлены, а отчасти приготовляются. Третье — открытіемъ низшихъ духовныхъ училищъ въ мѣстахъ, болѣе уніатами заселенныхъ и отъ мѣстопребыванія епархіальной семинаріи отдаленныхъ. Недостатокъ пособій, необходимыхъ для полнаго успѣха въ наукахъ, состоитъ: а) въ недостаткѣ нужнаго числа книгъ, такъ что многіе изъ учениковъ должны терять время на отяготительную переписку; b) недостаткѣ машинъ и аппаратовъ, необходимыхъ для успѣшнаго преподаванія физическихъ и математическихъ наукъ; с) въ томъ, что не всѣ учители достаточно приготовлены: они назначаются по необходимости изъ только окончившихъ ученіе въ главной, или епархіальной семинаріи, и едва пріобрѣвши нѣкоторую опытность, увольняются къ приходамъ, замѣняемые новыми, равно неискусными. По первому предмету, я предложилъ семинарскому правленію войдти съ представленіемъ въ коллегію. Вторый я отношу на начальничье благоусмотрѣніе оной же коллегіи, въ полномъ уповаціи, что она не оставитъ устранить сей недостатокъ, около тысячи рублей требующій. Третье исправитъ только время и улучшеніе содержанія учителей, чѣмъ они могутъ быть постояннѣе привязаны къ исполненію своихъ должностей. Къ причинамъ препятствующимъ преуспѣянію бѣлорусской семинаріи, можно отнести также систему преподаванія въ оной богословскихъ наукъ и самый языкъ, на которомъ оныя изучаются. Сіи науки преподаются здѣсь въ томъ пространствѣ и по тѣмъ же книгамъ, какъ и въ виленскомъ университетѣ, не обращая вниманія ни на приготовленіе уніатовъ, ни на краткость времени, для сихъ наукъ въ семинаріи предопредѣленнаго, и я удостовѣрился на опытѣ, что мимо прилежнаго изученія латинскаго языка въ бѣлорусской семинаріи, изъ 14-ти воспитанниковъ оной, къ богословскому классу принадлежащихъ, едва 4 или 5 съ успѣхомъ могутъ продолжать на семъ языкѣ ученіе. Къ несчастію недостатокъ книгъ, коими бы можно замѣнить нынѣ употребляе-

мыя, и вѣками вкоренившееся мнѣніе, по коему латинскій языкъ считается для богословскихъ наукъ нужнымъ, еще надолго замедлять, хотя отчасти, полезное въ семъ отношеніи преобразованіе».

О преподаваніи и изученіи русскаго языка Іосифъ писалъ, что «изученіе его идетъ въ бѣлорусской семинаріи съ хорошимъ успѣхомъ. За малымъ исключеніемъ, какъ учащіе, такъ и учащіеся знаютъ оный, ежели не совершенно, то по крайней мѣрѣ достаточно, такъ что науки могутъ быть съ успѣхомъ на семъ языкѣ преподаваемы. И дѣйствительно почти всѣ предметы въ низшемъ училищѣ, а многіе и въ самой семинаріи, преподаются уже на русскомъ языкѣ».

О семинаріи литовской Іосифъ представилъ слѣдующія замѣчанія: «Семинарія литовская начала образовываться подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и распоряженіемъ греко-унитской коллегіи по новому уставу, коего правила, введенныя въ употребленіе съ самаго открытія оной, въ точности соблюдаются; недостаетъ только навыка, который пріобрѣтается временемъ. Хотя по учебной части и находятся еще нѣкоторые недостатки, но оные необходимы по мѣстнымъ обстоятельствамъ и новому образованію семинаріи, а потому временемъ только и перемѣною обстоятельствъ могутъ быть исправлены, въ чемъ можно совершенно положиться на благоразуміе и усердіе ректора съ прочими членами правленія и учителями семинаріи. Юношество литовскихъ губерній вообще мало знакомо съ русскимъ языкомъ, а потому поступающіе въ семинарію только почти начинаютъ оному обучаться. Сіе причиною, что въ высшихъ отдѣленіяхъ семинаріи, куда поступали воспитанники, продолжавшіе науки уже въ свѣтскихъ училищахъ, имѣютъ малое позианіе въ русскомъ языкѣ, но за то уѣздное духовное училище, при семинаріи состоящее, превзошло мои ожиданія. Я нашелъ здѣсь самые отличные, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, успѣхи. Сами учители, имѣвъ слабое только познаніе въ русскомъ языкѣ, съ прилежаніемъ и учатъ и изучаются оному. Положеніе литовской семинаріи есть самое благопріятное. Она находится почти въ срединѣ епархіи, что облегчаетъ содержаніе своекоштныхъ воспитанниковъ. Всѣ препятствія, полагаемыя и новостью заведенія и мѣстными обстоятельствами, устранены или, по крайней мѣрѣ, ослаблены ревностнымъ, но вмѣстѣ и благоразумнымъ усердіемъ предсѣдателя тамошней консисторіи, Тупальскаго и ректора семинаріи Зубко. Въ настоящемъ году имѣлось уже 180 воспитанниковъ семинаріи, изъ нихъ 80 были на фундушевомъ содержаніи. Кромѣ сихъ значительныхъ успѣховъ литовской семинаріи, я замѣтилъ въ оной особенное рвеніе, такъ сказать, весь жаръ

рождающагося института. Учители, почти безъ исключенія, отличаются образованностью, примѣрнымъ поведеніемъ и усердіемъ къ исполненію своего долга, а ученики — благонравіемъ и прилежаніемъ въ наукахъ. Отдавая справедливость учащимъ и учащимся, я нахожу себя обязаннымъ представить благосклонному вниманію начальства главныхъ виновниковъ благоустроеннаго состоянія недавно открытой литовской семинаріи: предсѣдателя литовской консисторіи Тупальскаго и ректора семинаріи Зубко. Денегъ и припасовъ всякаго рода поступило отъ коммиссіи въ правленіе семинаріи въ теченіи года на 6,588 р. 51 коп. сер. Но здѣсь нельзя упустить изъ виду, что коммиссія Жировицкая до сихъ поръ получала малозначущіе доходы отъ имѣній, бывшихъ въ вѣдѣніи епископа Головни; что она должна была даже вспомоществовать онымъ имѣніямъ изъ остальнаго фундуша, и что опою произведены значительныя починки и передѣлки бóльшей части каѳедральныхъ строеній. Изъ осмотра частей, еще непочиненныхъ, я заключаю, сколь велики были издержки и старанія въ возобновленіи сихъ запущенныхъ прежнею небрежностью зданій. За всѣми однакожъ сими издержками, коммиссія имѣетъ еще въ остаткѣ наличными около 1,700 руб. сер., изъ коихъ она будетъ въ состояніи продолжать дальнѣйшія необходимыя починки каѳедральныхъ строеній и самой каѳедры. Совершенно можно положиться на усердіе и способности членовъ Жировицкой коммиссіи въ изысканіи благонадежныхъ мѣръ къ умноженію способовъ для содержанія семинаріи отъ фундуша, въ ея управленіи состоящаго; она предположила съ 1-го будущаго сентября содержать полный, по штату назначенный, комплектъ 140 семинаристовъ на фундушевомъ иждивеніи, отчасти полномъ, а отчасти столомъ и помѣщеніемъ. Строенія жировицкой каѳедры, по окончаніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдѣлки, которою нынѣ коммиссія занимается, будутъ достаточны для помѣщенія полнаго комплекта семинаріи. Касательно открытія съ 1-го сентября при кобринскомъ монастырѣ уѣзднаго духовнаго училища, я, бывъ лично въ городѣ Кобринѣ, сдѣлалъ нужныя распоряженія о постройкѣ дома на помѣщеніе означеннаго училища. Кобринскій архимандритъ Слободскій обѣщалъ кончить постройку къ означенному сроку. Впрочемъ, еслибы сверхъ чаянія помянутый домъ не могъ быть конченъ къ 1-му числу сентября, то правленіе имѣетъ распорядиться о наймѣ помѣщенія для фундушныхъ воспитанниковъ на счетъ монастыря, такъ что, во всякомъ случаѣ, кобринское уѣздное духовное училище будетъ открыто съ 1-го сентября сего года» [1]).

[1]) См. вышеприведенное дѣло подъ № 18-мъ, годъ 1830-й. По уваженію коллегіи

Читая отчетъ Сѣмашки о двухъ обревизованныхъ имъ унитскихъ семинаріяхъ, всякій легко замѣтитъ особенную его симпатію къ литовской или жировицкой семинаріи. Причина такого особеннаго расположенія Сѣмашки къ этой семинаріи можетъ объясняться тѣмъ, что въ ней вѣялъ совершенно новый духъ; здѣсь всѣ начальники и наставники были люди одинакихъ убѣжденій и стремленій съ Іосифомъ; здѣсь не было противодѣйствія развитію этихъ стремленій ни со стороны старыхъ формъ и традицій, которыя вліяли на семинарію бѣлорусскую, ни со стороны главнаго епархіальнаго начальника, ни со стороны плотно окружающаго и давящаго католицизма. Въ жировицкой семинаріи, стоящей въ уединенномъ мѣстѣ, спокойно и вольно развивался новый духъ, стремившійся къ уничтоженію уніи, проникалъ умы начальниковъ и наставниковъ, и отъ нихъ передавался воспитанникамъ, а этими послѣдними своимъ отцамъ. Жировицкая семинарія была главною мастерскою и главнымъ центромъ развитія духа православно-русскаго. Пріѣзжающіе сюда духовные для посѣщенія своихъ дѣтей и по дѣламъ оффиціальнымъ слышали здѣсь новыя рѣчи, видѣли новую жизнь и новыя стремленія. Она, наконецъ, была главнымъ осуществленіемъ мыслей Іосифа, его любимымъ дѣтищемъ: вотъ почему къ ней всѣ симпатіи Іосифа, вся любовь его.

Всѣ враги православія въ западныхъ губерніяхъ понимали такое важное значеніе жировицкой семинаріи и всячески старались вредить ей.

Преосвященный Антоній въ своей статьѣ о греко-унитской церкви пишетъ, что «во время польскаго мятежа 1830-го года было сдѣлано усиліе закрыть жировицкую новоучрежденную семинарію. Всѣ зданія семинарскія, по указанію предводителя дворянства и чиновниковъ изъ поляковъ, были заняты русскимъ военнымъ госпиталемъ, хотя были въ городѣ Слонимѣ монастыри римско-католическіе (Жировицы въ 9-ти верстахъ отъ Слонима), а также вблизи былъ Бышенскій базиліанскій монастырь съ огромными зданіями,—и вотъ жировицкая семинарія была закрыта. Несмотря на то, что вскорѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе о немедленномъ вынесеніи изъ Жировицъ госпиталя, повелѣніе это не было исполнено до окончанія мятежа [1])».

объ отправленіи викарнаго епископа Іосифа Сѣмашко для обозрѣнія греко-унитскихъ семинарій.

[1]) См. въ «Вѣстникѣ Зап. Россіи, г. 1865, мѣсяцъ ноябрь, статью пр. Антонія: «О греко-унитской церкви въ Западной Россіи».

Недовольствуясь преобразованіемъ унитскихъ семинарій въ духѣ чисто православномъ, правительство возымѣло мысль, чтобы лучшіе изъ унитскихъ семинаристовъ познакомились съ русскимъ духомъ въ высшихъ православно-духовныхъ заведеніяхъ. Предлогомъ къ такому дѣйствію было то, что правительство не могло осуществить своей формально выраженной мысли объ основаніи греко-унитской академіи въ Полоцкѣ, частію по недостатку денежныхъ средствъ, частію по недостатку кандидатовъ изъ унитскихъ семинаристовъ, достойно приготовленныхъ для такого высшаго заведенія. Въ самомъ дѣлѣ, откуда можно было взять кандидатовъ между унитскими семинаристами для унитской академіи, когда, напр., въ 1831-мъ году всѣхъ въ обѣихъ семинаріяхъ окончившихъ курсъ семинаристовъ было два человѣка, а въ 1833-мъ—4-е [1]). Въ оффиціальныхъ бумагахъ инициатива этого дѣла приписывается унитской коллегіи, но по секретнымъ дѣламъ видно, что это была мысль Блудова, а можетъ быть и Сѣмашки, который былъ душею и главнымъ движителемъ коллегіи [2]). Какъ бы то ни было, только 25-го февраля 1830 года греко-унитская коллегія имѣла такое разсужденіе, что открытіе въ Полоцкѣ греко-унитской духовной академіи можетъ замедлиться еще нѣсколько лѣтъ, какъ по причинѣ неимѣнія въ виду достаточнаго числа нужныхъ для оной профессоровъ и учителей, такъ по недостатку помѣщенія и даже средствъ для надлежащаго содержанія сего высшаго учебнаго заведенія; съ другой стороны, что съ прекращеніемъ воспитанія греко-унитскаго духовнаго юношества въ главной семинаріи при виленскомъ университетѣ прекратился источникъ, доставлявшій для сего обряда небольшое число лицъ, съ высшими науками познакомившихся; а желая при этомъ имѣть постоянно достаточное число лицъ высшаго образованія для замѣщенія многочисленныхъ мѣстъ по епархіальному управленію и воспитанію духовнаго юношества какъ въ уѣздныхъ училищахъ, такъ и въ семинаріяхъ и предположенной въ Полоцкой академіи, она рѣшилась просить состоящаго въ должности главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій объ исходатайствованіи дозволенія, дабы, до открытія духовной академіи въ Полоцкѣ, греко-унитское духовное юношество, кончившее науки въ семинаріяхъ, могло быть посылаемо для дальнѣйшаго усовершенствованія въ здѣшнюю

---

[1]) См. Вѣдомость о числѣ кончившихъ курсъ воспитанниковъ бывшихъ греко-унитскихъ семинарій: литовской и бѣлорусской, съ 1827, по 1843-й годъ.

[2]) См. секретную записку для предварительнаго прочтенія гг. членамъ.

с.-петербургскую духовную академію, такъ, чтобы въ началѣ слѣдующаго учебнаго года приняты были въ оную по два воспитанника изъ обѣихъ греко-унитскихъ семинарій, ибо, она, коллегія, отъ образованныхъ въ сей академіи духовныхъ греко-унитскаго обряда надѣется имѣть то особенное преимущество предъ воспитывающимися въ главной семинаріи, что они изучатся основательно русскому языку, и впослѣдствіи не будетъ нужды воспитывать для греко-унитскихъ семинарій учителей сторонняго вѣдомства [1]). Плату за воспитаніе въ духовной академіи унитскихъ семинаристовъ коллегія приняла на себя. Блудовъ конечно легко испросилъ у государя позволеніе привести въ исполненіе это намѣреніе унитской коллегіи. Сѣмашкѣ, какъ ревизору, велѣно было избрать кандидатовъ изъ унитскихъ семинаристовъ для поступленія въ с.-петербургскую духовную академію. Избранные Іосифомъ студенты были: изъ бѣлорусской семинаріи Иванъ Симборскій и Стефанъ Васильевскій,—литовской Ильдефонсъ Говорскій и Феликсъ Лукашевичъ. Но какъ новый учебный курсъ въ академіи начинается съ 15-го августа, а не съ февраля, то, чтобы избранные студенты не потратили напрасно и безъ пользы для себя время отъ февраля до августа, коллегія нашла полезнымъ помѣстить ихъ, до открытія учебнаго года въ петербургской духовной академіи, въ петербургскомъ университетѣ, съ платою за содержаніе ихъ по положенію изъ суммы, пожалованной государемъ на заведеніе академіи въ Полоцкѣ [2]). Такимъ образомъ, унитскіе клирики докончили свое воспитаніе въ двухъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но посылка Говорскаго, Лукашевича, Симборскаго и Васильевскаго въ петербургскую духовную академію не была единственнымъ и одиночнымъ явленіемъ; нѣтъ, напротивъ, съ этого времени начался непрерываемый рядъ посылокъ студентовъ унитскихъ семинарій не только въ петербургскую духовную академію, но и въ московскую, также въ университеты петербургскій, московскій и медико-хирургическую петербургскую академію. При такой системѣ воспитанія унитскаго юношества уже представлялось неразумнымъ допускать и позволять дѣтямъ греко-унитовъ получать образованіе въ католическо-польскихъ свѣтскихъ заведеніяхъ. Мало того: обращено было вниманіе правительства и на свѣтское унитское юношество, образующееся въ свѣтскихъ католическихъ заведеніяхъ.

---

[1]) См. въ арх. канц. об.-прок. св. синода дѣло подъ № 181-мъ г. 1830-й по разсужденію коллегіи о помѣщеніи въ здѣшней дух. академіи четырехъ греко-унитскихъ клириковъ для усовершенствованія въ наукахъ.

[2]) См. въ арх. канц. об.-прокур. св. синода дѣло подъ № 131-мъ г. 1830.

Въ 1834-мъ году генералъ-губернаторъ смоленскій, витебскій и могилевскій представилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ губерній бѣлорусскихъ, гдѣ есть ученики греко-униты, законъ Божій преподаютъ имъ римско-католическіе священники вмѣстѣ съ прочими питомцами римско-католиками по катихизисамъ сей церкви, на языкѣ польскомъ.

Князь Хованскій прибавилъ къ этому, что онъ удостовѣрился изъ многихъ дѣлъ своего управленія, что всѣ почти уклонившіеся въ латинство униты, суть воспитанники или римско-католическихъ духовныхъ, или хотя греко-унитскихъ священниковъ, но питомцевъ іезуитскихъ и бывшей главной римско-католической семинаріи въ Вильнѣ. Дабы положить преграды дальнѣйшему совращенію уніатовъ, онъ требовалъ отъ администратора могилевской римско-католической епархіи, епископа Каміонко, предписанія подвѣдомственнымъ ему духовнымъ—отнюдь не преподавать ученикамъ греко-унитскаго исповѣданія законъ Божій по римско-католическимъ катихизисамъ и вообще не дѣлать внушеній, несообразныхъ съ духомъ и постановленіями церкви восточной. Съ тѣмъ вмѣстѣ князь Хованскій относился къ бывшему попечителю бѣлорусскаго учебнаго округа, прося его имѣть наблюденіе за духовными учителями римско-католическаго исповѣданія, и въ случаѣ нарушенія ими правилъ вѣротерпимости, доводить о семъ до свѣдѣнія главнаго мѣстнаго начальства, для поступленія съ виновными по законамъ. Князь Хованскій сообщилъ при томъ попечителю, не признаетъ ли онъ возможнымъ воспретить начальникамъ училищъ его вѣдомства принимать учениковъ греко-унитскаго исповѣданія въ тѣ училища, гдѣ законоучители по необходимости должны быть римско-католическіе духовные, а находящихся въ оныхъ греко-унитовъ перемѣстить въ другія училища, гдѣ они могли бы учиться закону Божію отъ своихъ или православныхъ священниковъ. Епископъ Каміонко въ отвѣтѣ своемъ губернатору изъяснилъ, что греко-униты съ римско-католиками имѣютъ одни и тѣ же правила вѣры и догматы, и все различіе состоитъ лишь въ томъ, что одни совершаютъ богослуженіе на славянскомъ, а другіе на латинскомъ языкѣ, и притомъ униты держатся обрядовъ церкви восточной, которымъ и долженствуютъ слѣдовать; что при такомъ понятіи о греко-унитахъ, римско-католическіе духовные не имѣли надобности внушать своимъ воспитанникамъ особенныхъ правилъ римско-католической церкви, совращать же ихъ въ свой обрядъ не могли вопреки существующимъ постановленіямъ церкви римской. При всемъ томъ онъ воспретилъ

духовнымъ своего вѣдомства, занимающимъ учительскія должности, преподавать ученикамъ греко-унитскаго исповѣданія законъ Божій по книгамъ, содержащимъ правила римско-католической вѣры, и вообще дѣлать имъ внушенія, несообразныя съ духомъ и постановленіями восточной церкви, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности по законамъ. Бывшій попечитель бѣлорусскаго учебнаго округа съ своей стороны отозвался, что министръ народнаго просвѣщенія, желая, дабы впредь вѣротерпимость въ точности была соблюдаема, предупрежденъ ропотъ и всякое стѣсненіе совѣсти, вмѣнилъ въ обязанность начальству бѣлорусскаго учебнаго округа касательно учениковъ греко-унитскаго исповѣданія, находящихся въ училищахъ, гдѣ нѣтъ священниковъ сего обряда, наблюдать, чтобъ порученіе преподавать имъ законъ божій греко-россійскимъ или римско-католическимъ священникамъ долженствуетъ согласоваться съ желаніемъ ихъ родителей и родственниковъ, и что училищное начальство обязано лишь наблюдать, чтобы преподаваніе закона божія происходило не иначе, какъ по катихизису, правительствомъ одобренному; а потому и въ настоящемъ случаѣ попечитель призналъ только себя въ правѣ подтвердить дирекціямъ витебской и могилевской о непремѣнномъ исполненіи предписаннаго министерствомъ народнаго просвѣщенія правила. Что касается до перемѣщенія учениковъ греко-унитскаго исповѣданія въ такія училища, гдѣ бы они могли слушать законоученіе отъ своихъ, или православныхъ священниковъ, то попечитель замѣтилъ, что по существующему издавна порядку училищное начальство предоставляетъ всѣмъ на волю избирать для воспитанія своихъ дѣтей то изъ публичныхъ учебныхъ заведеній, какое признаютъ они для себя удобнѣйшимъ.

Въ продолженіи переписки по сему дѣлу, князь Хованскій увѣдомилъ, что два ученика греко-унитскаго исповѣданія, обучающіеся закону божію въ гимназіи при монастырѣ доминикановъ, въ Забялахъ, прислуживали въ ихъ церкви при латинскомъ богослуженіи, исповѣдывались у сихъ монаховъ, и одинъ изъ сихъ учениковъ пріобщенъ св. тайнъ по римско-католическому обряду.

Принимая въ соображеніе какъ это обстоятельство, такъ и вообще вредъ, происходящій отъ допущенія римско-католическихъ священниковъ преподавать законъ божій ученикамъ греко-унитскаго исповѣданія, князь Хованскій просилъ министерство, чтобъ оно распорядилось, чтобъ въ тѣхъ бѣлорусскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ коихъ учители закона божія исключительно римско-католическіе духовные, а ученики бываютъ, кромѣ рим-

скихъ католиковъ, и уніаты, эти послѣдніе отнюдь не обучались закону божію у римско-католическихъ священниковъ, но чтобъ училищное начальство старалось назначать въ такія учебныя заведенія законоучителей греко-унитовъ или ихъ обряда священниковъ, или православныхъ. Но если бы это оказалось неудобнымъ или затруднительнымъ въ исполненіи, въ такомъ случаѣ предлагать родителямъ, особенно имѣющимъ достатокъ, отдавать своихъ дѣтей въ такія училища, въ которыхъ законоучители греко-унитскіе или православные священники. Тутъ же Хованскій доставилъ такого рода свѣдѣнія, что въ 17-ти училищахъ губерній Витебской и Могилевской, въ коихъ нѣтъ законоучителей греко-унитовъ, было въ 1834 году 55 учениковъ сего обряда разнаго званія. Министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ унитской коллегіи, по внимательномъ соображеніи, сдѣлать надлежащее распоряженіе касательно наставленія юношей греко-унитовъ въ законѣ божіемъ по свойственному имъ обряду.

Коллегія предписала обѣимъ греко-унитскимъ консисторіямъ и правленіямъ епархіальныхъ семинарій сдѣлать распоряженіе и строго наблюдать, чтобы всѣ дѣти священно- и церковно-служителей греко-унитскаго вѣдомства воспитывались непремѣнно въ духовныхъ училищахъ уѣздныхъ и семинаріяхъ и отнюдь не были бы отдаваемы въ свѣтскія. Но какъ духовное греко-унитское начальство, писала коллегія, по обширности епархій, не имѣетъ средствъ само собою наблюдать съ полнымъ успѣхомъ за точнымъ исполненіемъ настоящихъ распоряженій, то она проситъ, дабы со стороны министерства народнаго просвѣщенія рѣшительно воспрещено было принимать въ гимназіи и низшія свѣтскія училища священно- и церковно-служительскихъ дѣтей греко-унитскаго исповѣданія, да и въ высшія учебныя заведенія принимать греко-унитовъ духовнаго происхожденія не иначе, какъ по увольненіи епархіальными начальствами.

Что касается до учениковъ греко-унитскаго исповѣданія, къ другимъ званіямъ принадлежащихъ, то коллегія, не имѣя ни средствъ назначить для нихъ особыхъ законоучителей, ни права обязать родителей сихъ учениковъ воспитывать своихъ дѣтей въ духовныхъ греко-унитскихъ училищахъ, ходатайствуетъ о назначеніи содержанія такимъ законоучителямъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ это окажется нужнымъ и возможнымъ.

Хотя мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ не совсѣмъ сходилось съ мнѣніемъ коллегіи касательно способа воспитанія унитскихъ юношей свѣтскаго званія въ латинскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а именно онъ утверждалъ, что за сдѣланными уже распоряже-

ніями коллегіи касательно недопущенія греко-унитскому юношеству духовнаго званія воспитываться не въ своихъ, но въ посторонних свѣтскихъ училищахъ, остается только министерству предписать по его вѣдомству воспретить на будущее время принимать дѣтей греко-унитовъ духовнаго званія въ свѣтскія среднія и низшія училища, да и въ высшія училища допускать лишь только тѣхъ, кои представятъ увольнительные изъ духовнаго состоянія виды отъ епархіальныхъ своихъ начальствъ; что же касается до греко-унитскаго свѣтскаго званія, то какъ всѣ они, кромѣ небольшого числа бывшей шляхты и мѣщанъ, суть крестьяне помѣщичьи или казенные, которыхъ дѣти въ самомъ маломъ числѣ поступаютъ въ свѣтскія низшія учебныя заведенія, можно бы впредь до усмотрѣнія оставить этимъ людямъ на волю учиться, гдѣ они пожелаютъ и гдѣ для нихъ удобнѣе, хотя бы и желательно было, чтобы имъ преподаваемъ былъ законъ божій греко-унитскими духовными по катихизисамъ, изданнымъ отъ св. Синода: однако же правительство почло нужнымъ измѣнить и дополнить мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ нѣкоторыми особенными правилами.

Совершенно одобряя мнѣніе унитской коллегіи о непринятіи дѣтей унитскихъ духовнаго званія въ свѣтскія училища безъ увольненія отъ духовнаго начальства, оно разрѣшило принимать дѣтей унитскихъ духовныхъ въ русскія православныя духовныя училища; мало того: разрѣшило и дѣтамъ свѣтскихъ унитскихъ родителей обучаться въ греко-россійскихъ духовныхъ училищахъ, гдѣ нѣтъ по близости свѣтскихъ собственно русскихъ по языку и по господствующему религіозному направленію училищъ. А относительно небольшого числа дѣтей свѣтскихъ унитскихъ родителей, обучавшихся въ свѣтскихъ училищахъ, для которыхъ назначать особыхъ законоучителей съ жалованьемъ изъ греко-унитскаго духовенства дѣйствительно неудобно, предоставлено унитскому духовному начальству располагать и родителей этихъ дѣтей, и мѣстныхъ унитскихъ священниковъ, чтобы наставленіе въ законѣ божіемъ получали эти дѣти отъ сихъ священниковъ, хотя приватно, а не отъ латинскихъ.

Наконецъ, министру внутреннихъ дѣлъ велѣно было секретно отнестись къ министру народнаго просвѣщенія о секретномъ предписаніи начальникамъ тѣхъ свѣтскихъ училищъ, въ которыхъ обучаются дѣти унитскихъ родителей, чтобы въ случаѣ недостатка законоучителя изъ греко-унитскаго духовенства старались давать этимъ дѣтямъ такое направленіе, чтобы они слушали законъ божій у греко-россійскаго законоучителя по русскому катихизису, принятому и для греко-унитовъ, преимуще-

ственно предъ законоучителемъ латинскимъ, преподающимъ не на природномъ русскомъ языкѣ [1]).

Около того времени коллегія, узнавши о воспитывающихся въ свислочской гимназіи Гродненской губерніи дѣтяхъ нѣкоторыхъ греко-унитскихъ священниковъ, предписала литовской консисторіи распорядиться объ отдачѣ ихъ въ епархіальную семинарію, или уѣздныя духовныя училища. Въ это же время она отклонила домогательство директора луцкой гимназіи продолжать въ ней ученіе сыну одного греко-унитскаго священника и другимъ ученикамъ унитскаго обряда, хотя они обучались закону божію у православнаго священника, замѣтивши, что дѣтямъ унитскихъ духовныхъ воспрещено учиться въ свѣтскихъ училищахъ не потому только, что они обучались тамъ закону божію у латинскихъ духовныхъ, но потому особенно, что они въ училищахъ свѣтскихъ не могутъ получать воспитанія, соотвѣтственнаго званію, къ которому готовятся [2]).

Понимая всю важность воспитанія духовнаго греко-унитскаго юношества, Сѣмашко постоянно слѣдилъ за нимъ и принималъ на себя трудъ лично обозрѣвать его семинаріи въ извѣстный періодъ времени. Такъ, въ 1834-мъ году Сѣмашко снова обозрѣвалъ унитскія семинаріи и снова произвелъ въ нихъ реформы и уничтожилъ въ нихъ послѣдніе остатки латинства и іезуитизма. Замѣтивши уклоненіе семинарскаго бѣлорусскаго правленія отъ нормы, положенной для пріема воспитанниковъ на казенное содержаніе, Сѣмашко доносилъ, что «въ 1834-мъ году успѣхи воспитанниковъ въ преподаваемыхъ по семинаріи наукахъ *вообще удовлетворительны, но особенное преуспѣяніе замѣчено* по всѣмъ отдѣленіямъ и уѣзднаго при ней училища въ знаніи русскаго языка». Но для навыка въ правильномъ произношеніи, Іосифъ нашелъ полезнымъ выписать для бѣлорусской семинаріи еще нѣсколькихъ учителей, получившихъ воспитаніе въ духовныхъ академіяхъ, кои были бы руководствомъ въ семъ отношеніи какъ для воспитанниковъ семинаріи, такъ и для самихъ нынѣшнихъ ихъ наставниковъ. «Но было бы, продолжаетъ Іосифъ, весьма полезно, еслибъ русскіе учители были уроженцы западныхъ губерній, такъ какъ преимущество ихъ предъ уроженцами внутреннихъ губерній имперіи, по обстоятельствамъ греко-унитскаго обряда, рѣшительно уже замѣчено. Греко-унитское духовное юношество должно быть воспитываемо въ совер-

---

[1]) См. имѣющуюся въ св. синодѣ записку для прочтенія членамъ комитета по унитскимъ дѣламъ, и засѣданія этого комитета.

[2]) Тамъ же.

шенной увѣренности, что русскій языкъ есть для онаго отечественный. Между тѣмъ польскій языкъ слишкомъ еще здѣсь почитается важнымъ, чтобы таковая увѣренность могла укорениться, а потому я считаю весьма нужнымъ прекратить по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ преподаваніе по семинаріи польскаго языка и его словесности, тѣмъ болѣе, что въ языкѣ семъ слишкомъ малая предстоитъ надобность въ Бѣлоруссіи, гдѣ знаніе русскаго языка вообще уже распространено даже между высшимъ классомъ общества. Еще болѣе нужнымъ кажется ввести въ употребленіе русскій языкъ для проповѣдыванія слова Божія при здѣшнемъ греко-унитскомъ каѳедральномъ соборѣ. Одна только привычка можетъ уменьшать странность и неприличіе проповѣдей, говоренныхъ въ семъ соборѣ воспитанниками и учителями семинаріи, а также прочимъ духовенствомъ, на языкѣ польскомъ, котораго греко-унитскій народъ почти не понимаетъ. По давнишнему обыкновенію, воспитанники бѣлорусской семинаріи слушаютъ ежедневно читанную мшу. Сіе нѣмое богослуженіе не можетъ приносить важной душевной пользы, но напротивъ частымъ повтореніемъ ослабляетъ спасительное впечатлѣніе, долженствующее быть послѣдствіемъ самаго важнѣйшаго церковнаго служенія. Кромѣ того, мши сіи приводятъ въ забвеніе торжественныя литургіи по обряду греко-восточныя нашея церкви и не доставляютъ воспитанникамъ возможности пріучаться къ обрядамъ и церковному пѣнію, къ которому они вовсе недостаточно по семинаріи приготовляются. Для сего я полагаю нужнымъ отмѣнить здѣсь ежедневное слушаніе читанной мши, съ тѣмъ, чтобы воспитанники семинаріи всякое воскресенье и праздничный день присутствовали у особой для нихъ совершаемой торжественной литургіи и сами оную пѣли, такъ какъ сіе заведено уже съ прошлаго года въ семинаріи литовской. По предмету сему сдѣлано мною надлежащее внушеніе правленію семинаріи. Наконецъ, я считаю не излишнимъ обратить вниманіе коллегіи на оставшееся еще по бѣлорусской семинаріи обыкновеніе отъ господствовавшаго нѣкогда въ сихъ странахъ іезуитизма—это длинные сюртуки съ красными сверху до самого низу пуговками, въ которые здѣсь одѣваютъ семинаристовъ, на казенномъ содержаніи состоящихъ, между тѣмъ какъ по уставу назначены для нихъ сюртуки и халаты, которые и употребляются всѣми по литовской семинаріи». Наравнѣ съ учебною частью, Сѣмашко замѣтилъ значительное улучшеніе противу прошлаго года и по частямъ нравственной и экономической. «Вездѣ, писалъ онъ, видно болѣе порядка, болѣе опрятности, болѣе довольства, и нѣтъ причины сомнѣваться, чтобы

бѣлорусская семинарія, слѣдуя по нынѣшнему часъ отъ часу къ лучшему, не дошла вскорѣ до соотвѣтствующаго своему назначенію полнаго усовершенствованія. Желательно только, чтобы мелочные элементы, оставшіеся здѣсь отъ долговременнаго чуждаго вліянія, могли быть вскорѣ искоренены и не смущали уже на будущее время юныхъ сердецъ противоположными чувствованіями. Не сомнѣваясь въ благонамѣренности просвѣщеннаго и во многихъ отношеніяхъ достойнаго ректора бѣлорусской семинаріи Михаила Шелепина, я полагаю его неспособнымъ дать твердое, новое направленіе общему духу воспитанія. Его характеръ соотвѣтствуетъ болѣе уединеннымъ занятіямъ ученаго, нежели дѣятельнымъ трудамъ духовнаго сановника, которому предстоитъ произвесть важныя преобразованія»[1]).

Наконецъ, унитскія духовныя училища до такой степени были преобразованы и до того уподоблялись православнымъ духовнымъ заведеніямъ, что признано было возможнымъ подчинить ихъ, наравнѣ съ православными, коммиссіи духовныхъ училищъ. Болѣе смѣлаго шага сдѣлать было нельзя; болѣе тѣснаго союза между унитскимъ и православнымъ воспитаніемъ представить невозможно. Основаніемъ для такой мѣры служили такія обстоятельства: а) греко-унитской коллегіи съ занятіями, собственно ей принадлежащими по судебной и управительственной частямъ, неудобно соединять столько дѣятельности и столько вниманія къ подробностямъ по дѣламъ училищнымъ, сколько нужно, дабы поставить училища въ положеніе, соотвѣтственное предназначенной цѣли; б) подобное обстоятельство встрѣтилось и по управленію духовными дѣлами греко-россійскаго исповѣданія, такъ что необходимымъ признано дѣла училищныя отдѣлить отъ св. синода и на сей конецъ учреждена коммиссія духовныхъ училищъ, для которой опытъ указалъ уже лучшій способъ управленія; в) духовныя училища греко-унитскаго исповѣданія постановлено образовать совершенно одинаково съ греко-россійскими духовными училищами и на основаніи одного и того же устава, какъ имѣющихъ одну цѣль и пріуготовляющихъ воспитанниковъ къ проповѣданію слова божія и христіанскихъ истинъ на одномъ и томъ же языкѣ; г) соединеніе дѣйствій начальствующихъ лицъ греко-унитскаго духовенства и членовъ высшаго управленія греко-россійскихъ училищъ полезно будетъ въ томъ отношеніи, что мѣстныя свѣдѣнія первыхъ и опыты послѣднихъ въ семъ родѣ управленія могутъ доставлять наибольшее удобство

---

[1]) См. въ св. синодѣ совѣщанія комитета по унитскимъ дѣламъ.

по дѣламъ греко-унитскихъ духовныхъ училищъ [1]). Такимъ образомъ, въ засѣданіяхъ православной коммиссіи духовныхъ училищъ вмѣстѣ съ православными іерархами стали являться и греко-унитскій митрополитъ Булгакъ и епископъ Іосифъ Сѣмашко. Это былъ послѣдній актъ преобразованія унитскихъ учебныхъ заведеній и первый—публичнаго соединенія унитской церкви съ православною.

Мы уже говорили о тойролѣ, которую играли греко-унитскіе монахи, извѣстные подъ именемъ базиліанъ, въ унитскомъ вопросѣ. Въ этомъ орденѣ былъ центръ и душа антагонизма соединенію уніатовъ съ православною церковью. Правительство не могло не знать силы этого своего врага, и не могло не обратить на него своего энергическаго и зоркаго вниманія. Въ разсматриваемую нами эпоху этотъ орденъ и по внутреннему своему духу, и по внѣшнимъ формамъ, почти ничего не имѣлъ восточнаго, но совершенно походилъ на одинъ изъ римскихъ монашескихъ орденовъ, съ тѣмъ развѣ только различіемъ, что въ немъ къ латинскому фанатизму, неотъемлемому и всегдашнему признаку и свойству латинства вообще и всѣхъ монашескихъ его орденовъ въ частности, примѣшивался еще фанатизмъ польско-политическій. Такимъ образомъ, базиліане были душою и главною силою всего антиправославнаго и антирусскаго. Всѣхъ базиліанскихъ монастырей, за исключеніемъ женскихъ, которыхъ было немного, было въ разсматриваемое нами время 83. Число монашествующихъ восходило до 800 слишкомъ человѣкъ. Всѣ эти монастыри раздѣлялись на три базиліанскія провинціи: бѣлорусскую, русскую и литовскую. Бѣлорусская провинція заключала въ себѣ монастыри, находящіеся въ губерніяхъ Витебской и Могилевской именно: витебскій, борисоглѣбскій, сиротинскій, махировскій, тадулинскій, доброгорскій, умацкій, вержболовскій, безвоздицкій, пустынскій, бѣлоцерковскій, маривильскій, онуфріевскій, аршанскій, толочинскій. Русская провинція, или иначе называемая южная, состояла изъ монастырей, находящихся въ епархіяхъ кіевской, подольской и полынской, именно: каневскаго, уманьскаго, лисянскаго, борскаго, поддубецкаго, почаевскаго, кременецкаго, дубенскаго, шильчанскаго, дорогобужскаго, гоцанскаго, луцкаго, жидичинскаго, бѣлостокскаго, туминскаго, владимірскаго, загоровскаго, мелецкаго, пучинскаго, верховскаго, любарскаго, тригорскаго и овручьскаго. Литовская базиліанская провинція содержала монастыри, находящіеся въ губерніяхъ Минской, Гродненской, Бѣлостокской области, Ви-

[1]) См. въ св. синодѣ засѣданія секретнаго комитета по унитскимъ дѣламъ.

ленской и Курляндской. Монастыри эти были слѣдующіе: березвицкій, поставскій, раковскій, сверженскій, ляденскій, казимировскій, логойскій, лещинскій, касушскій, суховицкій, селецкій, гродненскій, черліонскій, глушнянскій, бытенскій, жировицскій, рожанскій, лысковскій, новогродскій, лавришовскій, вольнянскій, мирскій, даровскій, усперскій, кобринскій, торованскій, антопольскій, хомскій, новоселецкій, брестскій, троцкій, супрасльскій, кузницкій, дрогичинскій, виленскій, борунскій, сутковскій, подубискій, брословскій, геліановскій, иллукшанскій и якубштадтскій. Провинціалами базиліанскихъ монастырей въ разсматриваемую эпоху были: — бѣлорусской провинціи Іосафатъ Мудровичъ, русской—Семенъ Бѣлиневичъ, литовской—Іосафатъ Жарскій. Первый находился въ мѣстечкѣ Вержболовѣ, второй въ Кременцѣ, а третій въ городѣ Вильнѣ [1]). Начиная съ званія и имени провинціаловъ, всѣ должности и названія этихъ должностей въ базиліанскомъ орденѣ были латинскія и польскія, какъ-то: генеральный викарій, генеральный прокураторъ, суперіоръ, президентъ, вице-президентъ, депозитаріумъ, магистръ новиціевъ, pater spiritualis, префектъ, janitor, казнодзей, консульторъ и т. п. Монастыри были совершенно изъяты изъ-подъ начальства архіерейскаго; деморализація, бродяжество, самовольство достигли крайней степени въ базиліанскихъ монастыряхъ. Провинціалы ихъ были какими-то независимыми и неограниченными царьками. Злоупотребленіе церковнымъ имуществомъ, обращеніе этого имущества въ свою частную пользу или своихъ родныхъ, продажа ихъ евреямъ—были явленіемъ самымъ обыкновеннымъ въ исторіи настоятелей и провинціаловъ базиліанскихъ монастырей. А между тѣмъ въ рукахъ этого фанатическаго, развратнаго и опаснаго ордена были голова, сердце и совѣсть унитскихъ христіанъ западнаго нашего края. Правительство начало свое воздѣйствіе на базиліанскій орденъ подчиненіемъ его власти епархіальныхъ архіереевъ и епархіальныхъ консисторій, и призваніемъ провинціаловъ базиліанскихъ монастырей какъ бы къ участію въ епархіальномъ управленіи чрезъ производство въ члены епархіальныхъ консисторій, а на самомъ дѣлѣ поставивши ихъ подъ ближайшій и непосредственный надзоръ епархіальныхъ архіереевъ и епархіальныхъ консисторій [2]).

По предложенію Блудова, коллегія унитская должна была составить особенную инструкцію для базиліанскихъ провинціа-

[1]) См. вѣдомость, показывающую распредѣленіе базиліанскихъ монастырей и фундушей, также въ канц. оберъ-прокур. св. синода дѣло подъ № 4-мъ, г. 1827-й.
[2]) См. въ мин. вн. дѣлъ докладъ Блудова 17-го октября 1828-го года.

ловъ. Въ этой инструкціи говорилось, что «отнынѣ, во-1-хъ, всѣ дѣла по управленію монастырями присоединяются къ дѣламъ консисторіи; во-2-хъ, провинціалу надлежитъ вѣдать, что бѣлое и монашеское духовенство, соединяясь нынѣ подъ одно епархіальное начальство, долженствуетъ составлять одно тѣло, движимое духомъ усердія къ благу церкви греко-унитской и къ ревностному исполненію благодѣтельныхъ предначертаній правительства; въ-3-хъ, на семъ основаніи провинціалъ, какъ членъ консисторіи, пользуется высочайше предназначеннымъ ему правомъ представлять на общее разсужденіе консисторіи все, что онъ признаетъ нужнымъ для лучшаго устройства и для утвержденія благосостоянія обителей его округа; въ-4-хъ, провинціалу, долженствующему имѣть вѣрныя и подробныя свѣдѣнія о нуждахъ, порядкѣ, устройствѣ и вообще о состояніи монастырей своего округа, надлежитъ представлять на общее разсужденіе консисторіи: а) о принятіи на законномъ основаніи и о поставленіи монаховъ, имѣющихъ достаточныя познанія въ языкѣ славянскомъ и чинѣ греческаго богослуженія; б) о перемѣщеніи монашествующихъ изъ одного монастыря въ другой; в) объ опредѣленіи ихъ къ какимъ-либо должностямъ въ монастыряхъ; г) о награжденіи монаховъ, отличившихся особенными заслугами и ревностью къ благу церкви греко-унитской; д) объ исправленіи монашествующихъ; е) о настоятеляхъ и другихъ лицахъ, кои будутъ замѣчены въ нерадѣніи ввѣренными имъ обителями; ж) объ искорененіи безпорядковъ въ монастыряхъ; з) объ утвержденіи въ обителяхъ въ совершенной чистотѣ какъ догматовъ, такъ и обрядовъ церкви греческой, и объ уничтоженіи всѣхъ чуждыхъ, несвойственныхъ основнымъ законоположеніямъ церкви греческой обрядовъ; и) объ охраненіи фундушей монастырскихъ и происходящихъ по сему предмету процессахъ; і) о постройкахъ и значительныхъ починкахъ въ монастыряхъ; к) объ употребленіи фундушевыхъ доходовъ; л) объ учрежденіи заведеній для греко-унитской церкви и государства полезныхъ, словомъ, представлять обо всемъ, что можетъ споспѣшествовать къ достиженію цѣли, предназначенной благодѣтельнымъ и попечительнымъ правительствомъ, и требовать содѣйствія, поощренія или исправленія, и въ чемъ провинціалъ имѣетъ уже точныя свѣдѣнія, или удостовѣрится во время осмотра монастырей, когда будетъ производить осмотръ онымъ съ дозволенія консисторіи; въ-5-хъ, представленія свои провинціалъ, въ случаяхъ маловажныхъ, можетъ дѣлать словесно, въ присутствіи консисторіи, но въ дѣлахъ важнѣйшихъ обязанъ входить съ представленіями письменными; въ-6-хъ, сіи представленія греко-унитская

духовная консисторія разрѣшаетъ на точномъ основаніи государственныхъ и церковныхъ законоположеній, а въ случаяхъ, превышающихъ ея власть, представляетъ греко-унитской духовной коллегіи; въ-7-хъ, впрочемъ, само собою разумѣется, что обязанность провинціала входить съ представленіями въ консисторію не лишаетъ оную права по прошеніямъ монаховъ, донесеніямъ настоятелей монастырскихъ и собственному ея усмотрѣнію дѣлать постановленія и распоряженія въ разсужденіи монастырей и монашествующихъ, которые, на основаніи высочайшихъ его императорскаго величества указовъ, подчиняются и консисторіямъ; въ-8-хъ, какъ при нѣкоторыхъ монастыряхъ базиліанскихъ имѣются греко-унитскіе приходы, для управленія коими назначаются монахи, и какъ особыя по сей части представленія монастырскихъ настоятелей могутъ излишне затруднять консисторіи, то поставить непремѣннымъ правиломъ, чтобы имѣющіеся при монастыряхъ приходы и монахи, оными управляющіе, подлежали, наравнѣ съ бѣлымъ духовенствомъ вѣдѣнію и визитаціямъ мѣстныхъ декановъ, какъ сіе и нынѣ во многихъ мѣстахъ наблюдается; въ 9-хъ, коллегія надѣется, что провинціалы, движимые чувствами радѣнія о пользѣ и благѣ своей церкви и государства, постояннымъ усердіемъ и ревностнымъ служеніемъ потщатся оправдать оказанную имъ довѣренность и тѣмъ заслужить вниманіе начальства и одобреніе всѣхъ благомыслящихъ [1])».

Провинціалы понимали, что этими распоряженіями правительство сокрушаетъ ихъ власть, а потому прибѣгали къ протестамъ, но этимъ еще болѣе усиливали мѣры правительства противъ себя и вызывали его еще къ дальнѣйшимъ, болѣе строгимъ и болѣе тонкимъ мѣрамъ. Такими протестами отличались особенно два изъ базиліанскихъ провинціаловъ: бѣлорусскій Мудровичъ и литовскій Жарскій — двѣ горячія и рѣшительныя головы, но вмѣстѣ съ тѣмъ честолюбивыя и трусливыя.

Мудровичъ обидѣлся новыми отношеніями къ нему консисторіи и жаловался на то, что полоцкая унитская консисторія обращается съ нимъ непочтительно. Вотъ что̀ писалъ Мудровичъ по этому случаю: «Полоцкая унитская консисторія, со времени присоединенія бѣлорусскаго края къ Россіи, сносилась всегда съ базиліанскимъ провинціаломъ сообщеніями до 1815-го года, а въ томъ году, по предложенію покойнаго архіепископа Красовскаго, данному ей во время нетрезвой его жизни, безъ вся-

---

[1]) Въ канцеляріи об.-прокурора св. синода дѣло подъ № 371-мъ, г. 1828-й, о порядкѣ выбора членовъ въ греко-унитскія консисторіи и о составѣ ихъ засѣданій.

каго законнаго основанія, по одной только ненависти къ бывшему провинціалу Смыковичу, начала посылать вмѣсто сообщеній указы наравнѣ съ настоятелями и простыми монахами, не взирая на то, что орденскіе начальники утверждаются высочайшею властью, и неподвластны епархіальнымъ епископамъ, а тѣмъ менѣе консисторіямъ, продолжаетъ доселѣ ту же форму сношенія и съ нимъ, Мудровичемъ. И хотя онъ на сіе двукратно жаловался полоцкому епископу Мартусевичу и лично объяснялся съ предсѣдателемъ консисторіи, но представленія его остались безъ уваженія. А потому онъ проситъ: 1-е, учинить распоряженіе, дабы полоцкая консисторія сносилась съ нимъ такъ, какъ было до 1815-го года, сообщеніями, а не указами, и 2-е, рѣшить обстоятельство сіе въ главномъ управленіи, не отсылая на разсмотрѣніе въ коллегію, гдѣ присутствуютъ засѣдателями изъ бѣлаго духовенства, непріязненные монахамъ [1])». Къ этому Мудровичъ присоединилъ еще такое обстоятельство, что полоцкая консисторія съ семинаріей содержатся на фундушъ полоцкаго базиліанскаго монастыря, обращенный на этотъ предметъ, по ложному также представленію покойнаго митрополита Лисовскаго. За этотъ протестъ Мудровича коллегія положила отставить его отъ должности, отослать въ полоцкую каѳедру подъ строгій присмотръ мѣстнаго архіерея и консисторіи, впредь до усмотрѣнія, а на его мѣсто выбрать другого [2]). Только членъ коллегіи отъ монашества не согласился съ этимъ опредѣленіемъ, но это обстоятельство дало поводъ коллегіи и правительству нашему тѣмъ настойчивѣе и энергичнѣе дѣйствовать противъ силы и притязаній базиліанскихъ провинціаловъ. Но видно было, что власть базиліанскихъ провинціаловъ была уже поколеблена, и Мудровичъ крайне испугался своей горячей выходки, и писалъ Шишкову такое письмо: «Министръ! сенаторъ! адмиралъ! прости мнѣ великодушно, раскаявшемуся маленькому вѣрноподданному величайшаго во вселенной государя! Или смягчи ударъ, можетъ быть, висящій надъ моею головою [3])». Если мѣры правительства казались тяжелыми для честолюбія одного изъ провинціаловъ базиліанскаго ордена, то у другого онѣ затрогивали чувство корыстолюбія и наносили вредъ и ударъ самоуправству и безконтрольному распоряженію провинціаловъ

---

[1]) См. въ канц. об.-прок. св. синода дѣло подъ № 348-мъ, г. 1827-й, о жалобѣ базиліанскаго провинціала Мудровича на бѣлое духовенство и о неприличныхъ противъ онаго выраженіяхъ.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

фундушами базиліанскаго ордена. Провинціалъ литовской провинціи базиліанской, Жарскій, подалъ, 18-го марта 1828-го года, въ коммиссію прошеній на имя государя императора жалобу на мѣры, предположенныя правительствомъ въ разсужденіи фундушей базиліанскаго ордена. Просьба Жарскаго, конечно, оставлена была государемъ безъ уваженія, о чемъ дано было знать Жарскому и унитскимъ консисторіямъ [1]). Обстоятельства политическія и поведеніе монаховъ базиліанскаго ордена въ польскій мятежъ какъ бы силою влекли правительство къ принятію самыхъ рѣшительнѣйшихъ мѣръ противъ этого ордена вообще и противъ его провинціаловъ въ частности. Дѣло состояло въ томъ, что во время польскаго мятежа не только базиліане, но и провинціалы ихъ не могли внушить своимъ поведеніемъ довѣрія къ нимъ нашему правительству. Жарскій, какъ болѣе другихъ горячая голова, болѣе другихъ дѣйствовалъ неосторожно въ это время: безъ всякаго позволенія ѣздилъ онъ въ Варшаву [2]), неблагоразумно повторялъ публично нелѣпые слухи, разсѣеваемые тогда въ западномъ краѣ разными людьми неблагонамѣренными и легкомысленными [3]),—и вотъ, 1-го апрѣля 1831-го года, графъ Чернышевъ объявилъ Блудову высочайшее повелѣніе такого рода: чтобы Блудовъ, не упуская времени, подъ благовиднымъ предлогомъ, вызвалъ въ Петербургъ Жарскаго. Унитская коллегія сдѣлала немедленное распоряженіе о вызовѣ Жарскаго, будто бы для объясненій по дѣламъ, касающимся базиліанскаго ордена [4]). Жарскій понялъ опасность, сказался больнымъ лихорадкою и затверденіемъ печени и подъ этимъ предлогомъ отказывался ѣхать въ Петербургъ. Слонимскій уѣздный лекарь Пучковскій далъ свидѣтельство Жарскому, удостовѣряющее въ дѣйствительности его болѣзни. Правительство давало видъ, что оно вѣритъ болѣзни Жарскаго и оставляетъ его въ покоѣ, а въ то же время предписываетъ главнокомандующему резервной арміей и временному виленскому губернатору учредить тайный надзоръ за дѣйствіями Жарскаго [5]). Но наконецъ Жарскій прибылъ [6]) въ

---

[1]) См. въ синод. арх. дѣло изъ унитск. архива подъ № 85-мъ, объ оставленіи безъ уваженія прошенія провинціала Жарскаго въ разсужденіи фундушей базиліанскаго ордена.

[2]) Тамъ же.

[3]) Въ синод. арх. дѣло изъ унитск. арх. подъ № 112-мъ, г. 1828-й, по разсужденію коллегіи о истребованіи отъ провинціала объясненія, по чьему дозволенію онъ отлучался въ Варшаву.

[4]) Въ мин. вн. дѣлъ докладъ за 1831-й годъ, № 17-й, 25-го іюля.

[5]) Тамъ же докладъ 1-го августа 1831-го года.

[6]) Докладъ подъ № 17-мъ, 1831-го года, 25-го іюля.

Петербургъ. Теперь онъ находился совершенно въ рукахъ правительства, а потому съ нимъ стѣсняться было нечего — положено было уничтожить въ орденѣ базиліанскомъ званіе провинціаловъ, какъ несвойственное для восточнаго монашескаго ордена, тѣмъ болѣе, что теперь это званіе носилъ только одинъ Жарскій, такъ какъ Мудровичъ и Бѣлинкевичъ померли. Чтобы позолотить и подсластить эту горькую для него и всего базиліанскаго ордена пилюлю, правительство показывало Жарскому, что оно вполнѣ ему довѣряетъ и принимаетъ его услуги. Жарскій теперь былъ совершенно одураченъ: онъ думалъ сразу, какъ говорятъ, убить двухъ зайцевъ, но опустилъ обоихъ — онъ думалъ еще спасти привилегію своего ордена и въ то же время поддѣлаться къ правительству, но не достигъ ни того, ни другого. Въ Петербургѣ Жарскій скоро почувствовалъ, что здѣсь не Вильна; что здѣсь не мѣсто протестаціямъ, а нужно какъ-нибудь снискать благосклонность правительства и дѣйствіями въ видахъ правительства заставить забыть свое прошедшее и пріобрѣсть себѣ задатки успѣховъ въ будущемъ. Но прерогативы власти провинціаловъ были для него такъ обаятельны и имѣли столько въ себѣ прелести, что хотѣлось бы хотя въ нѣкоторой мѣрѣ сохранить ихъ и удержать для себя. Подъ вліяніемъ такихъ чувствованій Жарскій пишетъ письмо къ князю А. Н. Голицыну, гдѣ говоритъ, что желаніе блага своему ордену и совершенное убѣжденіе, что предположенія его касательно устройства на предбудущее время сего сословія, согласны съ совѣстью и пользою государства, побудили его раскрыть мысли предъ правительствомъ со всею откровенностью. Не объясняя въ письмѣ своемъ и запискѣ, при немъ приложенной, въ чемъ заключаются его предположенія, онъ изъяснялъ только, что нужно его назначить визитаторомъ всѣхъ трехъ базиліанскихъ провинцій и принять слѣдующія мѣры: 1) чтобы, до окончанія визитаціи, коллегія греко-унитская и консисторіи ея вѣдомства не только не перемѣняли настоятелей, не перемѣщали монаховъ, имѣющихъ иныя должности, но остановили всѣ распоряженія касательно монастырей базиліанскихъ; если же визитаторъ найдетъ нужнымъ сдѣлать какія-либо перемѣны, то ему сіе предоставить, кромѣ назначенія настоятелей, о перемѣнѣ коихъ обязанъ онъ представлять на разрѣшеніе коллегіи; 2) визитаціи произвести въ скорѣйшемъ, по возможности, времени и на счетъ доходовъ, кои для сего обыкновенно были употребляемы провинціалами трехъ провинцій ордена базиліанскаго; 3) визитаторъ, обязываясь представить о всѣхъ обстоятельствахъ, которыя могутъ быть полезны ордену базиліановъ и государству, считаетъ нуж-

нымъ во время визитаціи: а) вникнуть въ монашескую дисциплину, соблюдается ли она въ точности съ постановленіями, данными ордену, и если найдетъ упущенія, обязывается раскрыть причины и принять мѣры къ исправленію безпорядковъ; б) разсмотрѣть въ подробности, соблюдаются ли въ точности обряды церкви восточной, и если окажутся какія-либо отступленія, узнать причину оныхъ и вмѣстѣ изыскать способъ привести все въ надлежащее первоначальное устройство; в) войти въ ближайшее разсмотрѣніе состоянія каждаго монастыря, принадлежащихъ оному имѣній, капиталовъ и въ особенности обратить вниманіе на дѣйствія настоятелей въ употребленіи ими доходовъ монастырскихъ; г) какъ изъ неоднократнаго возвращенія базиліановъ изъ своего ордена въ римско-католическій обрядъ, изъ коего они происходятъ, видно, что къ сему переходу ведетъ ихъ не внутреннее убѣжденіе, а пустые предлоги, или ложное толкованіе распоряженій правительства, посему, съ назначеніемъ нынѣшняго визитатора, переходъ или возвращеніе базиліановъ въ римскій обрядъ допускать не иначе, какъ съ его разрѣшенія, по предварительномъ изслѣдованіи причинъ, и притомъ въ такой орденъ, коего правила болѣе строги, нежели въ базиліанахъ; д) по окончаніи визитаціи, мнѣніе о лучшемъ устройствѣ ордена базиліанскаго визитаторъ имѣетъ доставить сюда для представленія на высочайшее благоусмотрѣніе [1]).

Голицынъ представилъ письмо и записку Жарскаго государю императору; Блудову высочайше повелѣно было составить свое заключеніе о предположеніяхъ Жарскаго. Мнѣніе Блудова такъ замѣчательно, что мы приведемъ его здѣсь цѣликомъ. «Не касаясь того, докладывалъ государю Блудовъ, въ какой степени можно имѣть довѣренность къ человѣку, котораго поступки и дѣйствія съ одной стороны ознаменованы легкомысліемъ и опрометчивостью, а съ другой двусмысленнымъ, неосторожнымъ поведеніемъ въ минувшее время волненій въ Литвѣ, я нахожу нужнымъ довести до высочайшаго свѣдѣнія вашего императорскаго величества, что съ самаго того времени, когда по вашимъ указаніямъ приняты мѣры, чтобъ уменьшить вредное на унію вліяніе монашескаго базиліанскаго ордена, въ который допускались, и всегда къ важнѣйшимъ должностямъ, люди римско-католическаго исповѣданія, наиболѣе распространявшіе и укоренявшіе духъ и правила онаго между унитами, архимандритъ Жарскій не переста-

---

[1]) Изъ бумагъ Иванова — о предположеніяхъ провинціала ордена базиліановъ Жарскаго.

валъ домогаться, чтобъ было возстановлено прежнее господство и вліяніе сего ордена на унію.

Представленія и жалобы его по высочайшей волѣ вашего императорскаго величества были оставлены безъ уваженія. Видя неудачу и безуспѣшность своего противодѣйствія основательнымъ, твердымъ и благоразумнымъ распоряженіемъ коллегіи греко-унитской, Жарскій, какъ видно, дабы поддержать клонящійся къ совершенному упадку орденъ базиліановъ, свою въ ономъ значительность и выгоды, изыскивалъ разные способы и, наконецъ, остановился на мысли сохранить его существованіе присоединеніемъ условнымъ къ православію, или, по крайней мѣрѣ, къ вѣдѣнію россійскаго святѣйшаго синода. Съ одной стороны, существенная польза государства допускаетъ принять предлагаемыя Жарскимъ услуги, въ надеждѣ чрезъ сіе если не достигнуть, то хотя приблизиться къ предположенной цѣли, несмотря на сомнительность успѣха, съ другой—однакожъ нельзя не замѣтить, что слухъ о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ Жарскаго, какъ довѣреннаго отъ правительства человѣка, въ обителяхъ базиліанскихъ, находящихся во всѣхъ западныхъ губерніяхъ, можетъ произвести неблагопріятное впечатлѣніе на многочисленное бѣлое греко-унитское духовенство, которое въ принятыхъ доселѣ мѣрахъ видитъ залогъ своего благоденствія. Нельзя не замѣтить также, что визитація всѣхъ безъ изъятія монастырей базиліанскихъ, разсѣянныхъ въ десяти губерніяхъ, и особливо входя во всѣ подробности, какъ онъ предполагаетъ, потребовала бы весьма много времени. Изыскивая вѣрнѣйшія, по моему мнѣнію, средства, дабы успѣхъ предполагаемыхъ Жарскимъ мѣръ былъ менѣе сомнителенъ и чтобы отклонить по возможности неудобства, съ предположеніями его неразлучныя, и даже самый вредъ, который можетъ произойти отъ неудачи неумышленной или и умышленной его дѣйствій и переговоровъ я полагалъ бы:

«1) Архимандрита Жарскаго теперь же назначить членомъ въ греко-унитскую коллегію на мѣсто архимандрита мѣлецкаго монастыря Быстраго, который болѣе года находится въ отпуску въ Волынской губерніи и по преклоннымъ своимъ лѣтамъ проситъ увольненія; о чемъ ходатайствуетъ и коллегія греко-унитская въ полученномъ мною только сего дня представленіи.

«2) Съ назначеніемъ архимандрита Жарскаго членомъ коллегіи, можно будетъ привести въ исполненіе удостоенное уже высочайшаго одобренія вашего императорскаго величества предположеніе упразднить, какъ ненужную и несогласную съ правилами церкви восточной, должность провинціала базиліанскихъ монастырей въ Литвѣ, которую Жарскій одинъ только имѣетъ

по смерти двухъ другихъ провинціаловъ, бѣлорусскаго и русскаго, называемыхъ такъ по прежнему раздѣленію монастырей базиліанскихъ на три отдѣльныя провинціи. Такое распоряженіе не будетъ препятствовать отправленію Жарскаго для визитаціи монастырей, но не всѣхъ, а важнѣйшихъ, коихъ число можно опредѣлить, равно какъ и окончательный для визитаціи срокъ, если сіе предположеніе удостоится одобренія и утвержденія вашего императорскаго величества.

«Онъ будетъ производить сію визитацію въ качествѣ члена коллегіи съ особенною инструкціею, въ коей помѣстить §§ 2, 3, 4, 5 и 6. Что касается до § 1 проекта архимандрита Жарскаго, онъ, какъ мнѣ кажется, не можетъ войти въ инструкцію; но для успокоенія его можно будетъ ему объявить, что во время его визитаціи коллегія и министерство не будетъ дѣлать никакихъ перемѣнъ въ составѣ и образованіи базиліанскихъ обителей.

«Всеподданнѣйше представляя сіи замѣчанія и предположенія на усмотрѣніе вашего императорскаго величества, считаю долгомъ присовокупить, что если вамъ благоугодно будетъ одобрить вышеозначенное предположеніе объ отправленіи Жарскаго для визитаціи, то во всякомъ случаѣ кажется необходимо нужно сообщить главнымъ начальникамъ западныхъ губерній, имѣть тайное наблюденіе за его поступками, хотя я и не надѣюсь вполнѣ на успѣхъ сей мѣры, ибо тамошнія обители недоступны для надлежащихъ наблюденій полиціи и въ оныхъ, какъ опытъ удостовѣряетъ, производились скрыто многіе вредные замыслы, обнаруженные уже впослѣдствіи и случайно.

«При семъ считаю долгомъ всеподданнѣйше вашему императорскому величеству донести, что Жарскій, который въ письмѣ своемъ признаетъ необходимымъ скрывать его намѣренія отъ бѣлаго греко-унитскаго духовенства, самъ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, по легкомыслію или хвастливости не могъ утаить предъ нѣкоторыми членами коллегіи своихъ видовъ, обнаруживая, хотя впрочемъ только намеками, предполагаемую перемѣну въ устройствѣ правленія монастырей базиліанскихъ [1])».

Государь утвердилъ предположенія Блудова 16-го февраля 1832 года, и того же числа послѣдовалъ на имя Блудова указъ объ уничтоженіи званія провинціаловъ въ базиліанскомъ орденѣ. «Постановивъ указомъ нашимъ, гласилъ указъ, даннымъ правительствующему сенату 22 апрѣля 1828 года, главныя основанія устройства правленія церкви греко-унитской, мы, сообразно съ

---

[1]) См. вышеприведенную бумагу изъ бумагъ Иванова.

оными, по особому повелѣнію нашему 17 октября того-жъ года повелѣли: къ дѣламъ консисторій греко-унитскихъ присоединить всѣ тѣ, кои касаются монашескаго провинціальнаго управленія, и для лучшаго разсмотрѣнія сихъ дѣлъ предназначили къ засѣданію въ консисторіяхъ допустить членовъ отъ монашества, предоставляя, впредь до выбора и опредѣленія сихъ особыхъ членовъ, вмѣсто ихъ участвовать въ совѣщаніяхъ консисторій бывшимъ тогда тремъ базиліанскимъ провинціаламъ. Нынѣ, за кончиною двухъ изъ сихъ провинціаловъ и съ назначеніемъ послѣдняго изъ нихъ, архимандрита Іосафата Жарскаго, членомъ греко-унитской духовной коллегіи, признавая ненужнымъ сохранять въ церкви греко-унитской сіе несвойственное монашеству чина св. Василія Великаго званіе провинціаловъ, повелѣваемъ оное навсегда отмѣнить и приступить къ избранію членовъ отъ монашества, имѣющихъ засѣдать въ консисторіяхъ, на основаніи указа нашего 17 октября 1828 года [1])».

Интересы Жарскаго, такимъ образомъ, были разобщены съ интересами ордена; въ коллегіи онъ долженъ былъ волею-неволею слѣдовать общему движенію членовъ ея, чтобы не скомпрометтировать себя предъ правительствомъ, т.-е. отказаться и отречься отъ интересовъ своего ордена и его тенденцій, а идти путемъ, указаннымъ ему правительствомъ и обѣщающимъ въ будущемъ много выгодъ для его честолюбивой головы. Дѣйствительно, въ скоромъ времени мы видимъ Жарскаго уже викарнымъ унитскимъ епископомъ, идущимъ вмѣстѣ съ Сѣмашко, Зубко, Лужинскимъ и другими къ той цѣли, къ какой направляло ихъ правительство. Съ Жарскимъ кончилось званіе базиліанскихъ провинціаловъ и отнята была у этого ордена одна изъ могущественныхъ враждебныхъ силъ правительству, или лучше, эта сила поставлена была теперь такъ, что она была не противъ насъ, а за насъ.

Еще до уничтоженія званія провинціаловъ въ базиліанскомъ орденѣ замѣнены были католическія званія другихъ должностей въ этомъ орденѣ восточно-православными; въ 1829-мъ г., по предложенію Блудова, греко-унитская коллегія положила, чтобы отнынѣ никто изъ духовныхъ въ базиліанскихъ монастыряхъ не осмѣливался именоваться несвойственно для монашества заимствованнымъ званіемъ президентовъ и вице-президентовъ, но чтобы повсюду въ обителяхъ употребляемы были званія, согласныя съ уставами греко-унитской церкви и государственными законо-

[1]) Въ Св. Синодѣ въ греко-унитскомъ отдѣлѣ дѣло 1832 года по указу правительствующаго сената объ отмѣнѣ въ греко-унитскомъ монашествѣ званія провинціаловъ и о избраніи членовъ изъ сего монашества для засѣданія въ консисторіяхъ.

положеніями. Этимъ же предложеніемъ запрещалось употреблять слово «Опатъ» вмѣсто названія архимандритъ и игуменъ, которое совершенно вышло изъ употребленія въ базиліанскомъ орденѣ [1]). Но вышеприведенныя мѣры правительства по отношенію къ базиліанскому ордену были еще мягки сравнительно съ тѣми, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе.

Польскій мятежъ 1830 года обнаружилъ всю мѣру зла, вмѣщаемаго въ себѣ базиліанскимъ орденомъ; это былъ орденъ, какъ обнаружилось изъ его поступковъ во время польскаго мятежа, не только фанатически враждебный православію, но и нашему правительству. Базиліанскіе монахи оставляли свои монастыри и бѣжали въ польскія шайки, сражались въ рядахъ мятежниковъ съ нашими войсками, говорили возмутительныя рѣчи, распускали самые нелѣпые слухи о Россіи, печатали мятежническіе манифесты въ своихъ типографіяхъ, нѣкоторые изъ нихъ съ шайками мятежниковъ нападали на свои монастыри и грабили ихъ [2]). Напрасны были воззванія унитскаго митрополита Булгака, который писалъ по случаю польскаго мятежа такое окружное посланіе: «Іосафатъ Булгакъ, митрополитъ греко-унитскихъ церквей духовенству бѣлому и монашествующему, также всѣмъ вѣрнымъ паствы нашей миръ и архипастырское благословеніе. Всѣмъ уже извѣстны плачевныя происшествія въ царствѣ польскомъ. Народъ, возрожденный, устроенный, облагодѣтельствованный Александромъ и Николаемъ, вовлеченъ въ дѣйствія самой ужасной неблагодарности. Народъ, славившійся вѣрностью къ своимъ монархамъ, очерненъ измѣною. Народъ, коего благополучію еще недавно завидовали, стоитъ надъ пропастью бѣдствій. Насъ только утѣшаетъ надежда, что виновники настоящихъ происшествій составляютъ самую незначительную часть польскаго народа. Нѣсколько людей безъ вѣры и чести, подвизавшихся въ ужасахъ французской революціи; нѣсколько честолюбцевъ, все приносящихъ въ жертву своему высокомѣрію, нѣ-

---

[1]) Въ синод. арх. отд. грек.-унит. дѣло 1829 года по усмотрѣнію коллегіи о неупотребленіи въ обителяхъ базиліанскихъ монастырей названія настоятелей президентами и вице-президентами.

[2]) Въ Св. Син. грек.-унитск. отд. дѣло 1831 года по рапорту литовской консисторіи о причиненныхъ іеромонахомъ Вишневскимъ съ шайкою мятежниковъ Гельяновскому монастырю убыткахъ; дѣло 1831 года по рапорту литовской консисторіи о донесеніи главноуправляющему касательно взятія подъ арестъ іеромонаха Кучинскаго;—дѣло 1831 года по рапорту епископа Мартусевича о принужденіи мятежниками священниковъ греко-унитскихъ провозглашать всеобщее возстаніе и о присоединеніи къ нимъ священника Еленскаго; дѣло 1832 года по предложенію министра в. д. о монахѣ ордена базиліановъ Сенкевичѣ, принимавшемъ участіе въ возмущеніи.

сколько легкомысленныхъ юношей, ни причинъ, ни послѣдствій непонимающихъ; нѣсколько расточителей, надѣющихся въ общихъ бѣдствіяхъ спасти себя отъ конечнаго разоренія, вооруживщихъ чернь варшавскую, присвоивъ права законной власти, страхомъ и злыми навѣтами влекутъ соплеменный намъ польскій народъ къ погибели и посрамленію. Въ сію годину печали и искушенія долгъ попеченія о благѣ ввѣренной намъ отъ Бога паствы заставляетъ насъ обратиться къ греко-унитскому духовенству словами Спасителя, къ возлюбленнымъ ученикамъ своимъ изреченными: бдите и молитеся, да не внидите въ напасть! Бдите, да злые навѣты не достигнутъ въ сердцахъ вашей паствы; да сѣятели лжи не найдутъ пути къ ослѣпленію оной. Молитесь, да Всевышній просвѣтитъ омраченныхъ, вразумитъ заблудшихъ, сокрушитъ закоснѣвшихъ въ злоумышленіи; да ободритъ и утвердитъ всѣхъ благомыслящихъ, и усиліями ихъ да отвратится всякое зло отъ любезнаго отечества нашего. Боже всемогущій! не допусти, чтобы греко-унитская церковь, попеченіемъ Николая I-го, устрояемаго въ премудрыхъ его начертаніяхъ къ славѣ и благоденствію назначенная, была осквернена хотя однимъ измѣнникомъ и клятвопреступникомъ; воздвигни всѣхъ членовъ и пастырей въ оной къ единодушному усердію быть поборниками мира и тишины, къ нарушенію коихъ стремятся злоумышленники. Не отвержи моего прошенія; у гроба уже стоя, молю тебя, Боже всемогущій [1])». Ниже помѣчено: «Воззваніе сочинялъ Сѣмашко, а на польскій языкъ перевелъ его Лужинскій». Напрасно также правительство обнародовало законъ, по которому всѣ духовные, приличившіеся въ измѣнѣ, были судимы по полевому уголовному положенію; монахи базиліанскаго ордена наравнѣ съ римско-католическими духовными безстрашно принимали участіе въ мятежѣ. Особенною ревностью къ польскому дѣлу отличались монахи двухъ знаменитыхъ базиліанскихъ монастырей — овручьскаго и почаевскаго [2]). Викарій перваго изъ этихъ монастырей Барчинскій участвовалъ самъ лично въ мятежѣ; враждебное свое чувство къ правительству обнаружилъ даже въ донесеніи своемъ, въ которомъ старался очернить дѣйствія войскъ

---

[1]) Въ М. Вн. Д. книга докладовъ за 1830-й годъ.

[2]) Въ М. Вн. Д. докладъ Блудова 1831 года 11 сентября, о монахахъ овручьскаго монастыря, принимавшихъ участіе въ мятежѣ.—Докладъ того же года 14 сентября, о конфискаціи имѣній римско-католич. и унитск. монастырей, коихъ члены всѣ или большею частью изобличаются въ явномъ содѣйствіи преступнымъ замысламъ мятежниковъ польскихъ, и обращенія самыхъ обителей въ вѣдомство духовенства православной церкви.

русскихъ, уничтожившихъ скопища мятежниковъ, и ходатайствовалъ объ освобожденіи тѣхъ монаховъ, коихъ участіе въ мятежѣ подтверждается собственнымъ ихъ признаніемъ. Овручьскіе монахи вмѣстѣ съ членомъ овручьской административной коммиссіи, каноникомъ Сѣроцинскимъ, выходили встрѣчать мятежниковъ при вступленіи ихъ въ Овручь; сами присягали имъ и приводили къ присягѣ другихъ; служили молебны объ успѣхахъ бунтовщиковъ, отбившихъ рекрутскую партію. Каноникъ Сѣроцинскій предписывалъ эконому имѣній монастырскихъ доставить въ помощь мятежникамъ 150 вооруженныхъ крестьянъ и 10 лучшихъ лошадей, угрожая за неисполненіе строгою отвѣтственностью предъ начальниками народнаго возстанія. Монахъ Дверницкій разъѣзжалъ съ мятежниками съ крестомъ и пистолетомъ въ рукахъ; онъ взятъ былъ въ сраженіи и въ повозкѣ его найдено семь ружей. Монахъ Дидковскій также находился вооруженный среди мятежниковъ, ночевалъ при устроенныхъ ими орудіяхъ, и двухъ русскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ, склонялъ къ присягѣ мятежникамъ, приставя къ груди пистолетъ. Монахъ Стрѣльбицкій вырѣзалъ для мятежниковъ на мѣди печать съ одноглавымъ орломъ и занимался устроеніемъ привезенныхъ ими заклепанныхъ орудій; словомъ, каждый изъ упомянутыхъ въ донесеніи Бучинскаго монаховъ болѣе или менѣе принималъ участіе въ бунтѣ, а потому или содержался подъ стражею, или находился подъ присмотромъ полиціи. Монахи почаевскаго монастыря показали себя такими же, какъ и овручьскіе. Почаевскіе базиліане торжественно встрѣчали одного изъ предводителей мятежниковъ польскихъ, Дверницкаго, при вступленіи его въ Почаевъ, совершали молебствіе о его успѣхахъ и допустили напечатать въ своей типографіи, или, какъ вѣроятно, сами напечатали возмутительныя воззванія къ жителямъ; наконецъ, при удаленіи Дверницкаго, восемь членовъ обители, кромѣ значительнаго числа монастырскихъ служителей, присоединились къ скопищу мятежниковъ.

Главнокомандующій первой арміей графъ Сакенъ и генералъ-адъютантъ Левашевъ, ближайшіе и непосредственные свидѣтели всѣхъ поступковъ католическаго и унитскаго монашества во время польскаго бунта, первые высказали мысль закрыть тѣ монастыри, въ которыхъ монахи изобличены въ участіи въ мятежѣ, и такимъ образомъ первые подали правительству нашему мысль предпринять тѣ мѣры противъ базиліанскихъ монастырей, которыя предприняты были впослѣдствіи. Левашевъ выражался самымъ энергическимъ образомъ по этому случаю и доносилъ,

что «при общемъ взглядѣ на всѣ поступки римско-католическихъ и унитскихъ монаховъ, обнаруженные доселѣ, въ дѣлахъ о мятежникахъ, нельзя не убѣдиться, что отступленіе ихъ отъ принятыхъ ими обѣтовъ и нарушеніе вѣрноподданнической присяги происходитъ отъ глубокаго непріязненнаго ихъ чувства къ правительству русскому и отъ гнусной неблагодарности къ благодѣтельнымъ его объ нихъ попеченіяхъ; что сіи, подъ личиною смиренія исполненные духа вражды, изступленные фанатики, ищущіе господства своего вѣроисповѣданія надъ всѣми другими, по высшей степени образованія и по избытку достоянія монастырскаго овладѣвъ умами своихъ единовѣрцевъ, имѣютъ всѣ способы воспламенять къ крамольнымъ замысламъ, распространять ихъ и содѣйствовать ихъ исполненію; что предоставленное симъ монахамъ воспитаніе юношества усиливаетъ средства разсѣевать и вкоренять враждебныя къ правительству чувства; что почти всѣ монастыри римско-католическіе были главнѣйшимъ гнѣздищемъ мятежа, средоточіемъ совѣщаній, источникомъ вспомогательныхъ средствъ всякаго рода; что самыя каѳедры монаховъ даютъ имъ средства направлять народъ къ понятіямъ, сообразнымъ съ злонамѣренными видами и стремить умы къ пагубнымъ предпріятіямъ. А потому отобраніе въ вѣдомство духовенства православной церкви римско-католическихъ и унитскихъ монастырей, коихъ монашествующіе изобличаются въ участіи и содѣйстіи мятежникамъ, совершенно необходимо, какъ для сохраненія правосудія, сообразно съ указомъ 6-го мая и правиломъ о конфискаціи имѣній, принадлежащихъ мятежникамъ, такъ и для уменьшенія на предбудущее время способовъ нарушать въ семъ краѣ народное спокойствіе [1])». Блудовъ, докладывая мнѣніе Левашева государю, прибавилъ отъ себя, что «мнѣніе Левашева заслуживаетъ особенное вниманіе, и что недовольно удалить злонамѣренныхъ римско-католическихъ монаховъ изъ сего края искони русскаго (губерній Кіевской, Волынской и Подольской) въ коемъ почти нѣтъ унитовъ и римско-католики только въ высшемъ классѣ, должно стараться учредить, такъ сказать, разсадники православія; но исполненіе сей важной политической мысли представляетъ многія трудности и требуетъ не только тщательнаго, постояннаго попеченія нашихъ духовныхъ начальствъ, но и необыкновеннаго искусства. Чтобы положить, по крайней мѣрѣ, лучшіе, по возможности, въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ способы водворить въ оставляемыхъ преступными монахами римско-

---

[1]) Въ м. в. д. докладъ Блудова 1831-го года, сентября 11-го № 25.

католическихъ и унитскихъ обителяхъ иноковъ церкви православной, я считалъ бы необходимымъ предварительно войти о семъ въ сношеніе съ членами св. синода [1])». Государь на докладѣ Блудова написалъ такое повелѣніе: «Увѣдомить министра финансовъ, что я приказалъ нынѣ же взять въ казну имѣнія овручьскія; монастырское зданіе, кромѣ церкви, сдать въ завѣдываніе главнаго штаба военнаго поселенія, о чемъ увѣдомить генералъ-адъютанта Клейнмихеля, а церковь обратить въ православную. Нынѣ князю Мещерскому назначить самаго надежнаго священника и прочій причетъ по его собственному выбору, опредѣливъ содержаніе изъ доходовъ имѣнія и совершенно безбѣдное».

За овручьскимъ монастыремъ слѣдовало закрытіе почаевскаго монастыря, одного изъ самыхъ важнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ въ базиліанскомъ орденѣ. Блудовъ, въ докладѣ своемъ государю о закрытіи этого монастыря, сказавши объ участіи его монаховъ въ польскомъ мятежѣ, прибавляетъ:

«Какъ по симъ причинамъ, такъ и особенно потому, что монастырь почаевскій находится на самой границѣ Галиціи и по весьма возвышенному своему мѣстоположенію представляетъ всѣ удобства для сигналовъ и слѣдственно неблагонадежнымъ всегда можетъ дать средства способствовать крамольнымъ замысламъ для возмущенія спокойствія обитателей Волыни, генералъ-адъютантъ Левашевъ, а съ нимъ и главнокомандующій 1-ю арміею графъ Сакенъ полагаютъ мнѣніемъ возвратить обитель почаевскую, согласно первоначальному ея назначенію, въ вѣдомство духовенства православной греко-россійской церкви со всѣмъ имуществомъ, составляющимъ монастырскую принадлежность, и со всѣми обязанностями, на имѣніи его лежащими, переведя остающихся въ обители монаховъ въ другіе монастыри ихъ ордена. Что касается до настоятеля монастыря, почаевскаго архимандрита Скивскаго и 10-ти другихъ іеромонаховъ (Гратіанъ Крупскій, Ѳома Сивицкій, Павлинъ Коминскій, Пантелеймонъ Цехуцкій, Ѳедоръ Постанкевичъ, Петръ Стародубовскій, Нилъ Подолинскій, Ярославъ Новицкій, Ѳеодосій Козачевскій, іеродіаконъ Никифоръ Кулаковскій), изъ коихъ одни изобличаются, другіе сильно подозрѣваются въ содѣйствіи мятежникамъ, и кои всѣ находятся съ іюня мѣсяца въ кіевской крѣпости, графъ Сакенъ и генералъ-адъютантъ Левашевъ полагаютъ, освободивъ сихъ, размѣстить по другимъ обителямъ, навсегда лишить права на-

---

[1]) Тутъ же.

чальствовать въ какомъ-либо монастырѣ. Находя съ своей стороны, что сіе мнѣніе о пользѣ или лучше сказать о необходимости обратить монастырь почаевскій въ вѣдомство духовенства православнаго сообразно какъ съ видами здравой предусмотрительной политики, такъ и съ самою справедливостью, ибо почаевская обитель около двухъ столѣтій принадлежала монашеству православному и лишь не весьма давно, уже въ XVIII-мъ столѣтіи, вѣроятно не безъ насильства, отдана уніатамъ, я считаю долгомъ при семъ случаѣ представить вашему императорскому величеству и о прежнихъ предположеніяхъ касательно сей обители. Св. синодъ неоднократно ходатайствовалъ о возвращеніи оной въ лоно церкви православной. Блаженныя памяти государь императоръ Александръ Павловичъ не изъявилъ согласія на сію просьбу св. синода, хотя оный испрашивалъ лишь возвращенія самой обители съ ея святынею, оставляя весь фундушъ унитамъ. Предъ новымъ устройствомъ церкви греко-унитской, вашему императорскому величеству благоугодно было обратить особенное вниманіе и на мысль объ отдачѣ монастыря почаевскаго православному духовенству; но потомъ вы соизволили высочайше повелѣть отложить сіе дѣло, какъ по обстоятельствамъ тогдашняго времени, такъ и потому, что именемъ въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра было до нѣкоторой степени обѣщано базиліанамъ и митрополиту Булгаку оставить сей монастырь въ уніи. Нынѣ отношенія правительства къ монахамъ почаевскимъ сдѣлались совершенно иныя: они сами, нарушивъ долгъ вѣрности и присягу, даютъ случай и поводъ или лучше сказать принуждаютъ въ предполагавшейся и прежде перемѣнѣ, и я осмѣливаюсь, исполняя впрочемъ и изъявленную мнѣ высочайшую волю вашу, представить на усмотрѣніе вашего величества мысли мои о слѣдующихъ къ принятію при семъ мѣрахъ. Оныя въ главнѣйшихъ чертахъ сходны съ означенными во всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ 8-го октября 1827-го года.

«Я полагалъ бы:

«1) Находящихся нынѣ въ обители почаевской монаховъ (по послѣднимъ свѣдѣніямъ, представленнымъ коллегіею греко-унитскою, въ Почаевѣ находится нынѣ іеромонаховъ, за исключеніемъ 11-ти, содержащихся въ Кіевѣ, 21 и новиціевъ 13), равно какъ и тѣхъ, кои содержатся въ кіевской крѣпости, по освобожденіи ихъ изъ оной вмѣстѣ съ архимандритомъ Скивскимъ, немедленно перевести въ другіе монастыри, по назначенію коллегіи греко-унитской.

«2) Обитель почаевскую со всею церковною принадлежностью

и капиталами (капитала обозначеннаго на имѣніи разныхъ помѣщиковъ 182,125 р. с., крестьянъ 235 душъ), кои нужны для содержанія обители съ обширными зданіями, передать въ вѣдомство греко-россійскаго духовенства, а недвижимое имѣніе, исключая потребное для монастыря количество угодій, взять въ казенное управленіе, обращая доходы онаго на улучшеніе православнаго духовенства въ томъ краѣ, особливо же на учебныя заведенія для воспитанія греко-россійскаго духовнаго юношества.

«3) Учредить въ Почаевѣ, какъ св. синодъ въ 1823-мъ году предполагалъ, епархіальное управленіе съ учебными заведеніями, для чего обширныя зданія обители весьма удобны; при семъ однако же кажется необходимо, чтобы и монастырь почаевскій, куда доселѣ стекались для моленія въ большомъ числѣ не только униты и римско-католики, но и православные даже изъ мѣстъ отдаленныхъ и изъ-за границы, не измѣнялъ своего первоначальнаго назначенія; чтобы онъ остался обителью иноковъ, и продолжалъ привлекать набожныхъ своею святынею; св. синодъ безъ сомнѣнія употребитъ возможное стараніе, дабы назначить въ Почаевъ монашествующихъ, понимающихъ высокость своего, не только небеснаго, но въ семъ случаѣ и земнаго предназначенія,— такихъ, кои могли бы примѣрнымъ житіемъ, кротостію, радѣтельностію и просвѣщеннымъ усердіемъ къ вѣрѣ поддержать и утвердить столь давно угнетаемое и разрушаемое въ семъ краѣ православіе.

«4) Какъ въ Почаевѣ почти всегда бываетъ большое стеченіе народа, и базиліане крестьянъ своихъ и нѣкоторыхъ другихъ близкихъ къ монастырю удержали въ уніи, то, дабы не послѣдовало какого безпорядка при вводѣ туда греко-россійскаго духовенства, обратить на сіе особенное вниманіе волынскаго временнаго военнаго губернатора; нужно будетъ такъ распорядиться, чтобы тѣ, кои должны оставить монастырь, выѣхали изъ онаго заранѣе и безъ всякихъ изъявленій сѣтованія предъ народомъ, безъ особенныхъ по сему случаю молебствій, сходбищъ и проч.; а поступающіе на мѣсто базиліанъ, по прибытіи своемъ нашли обитель уже свободною; чрезъ сіе устранится поводъ къ непріятнымъ объясненіямъ и ссорамъ (можно будетъ на нѣсколько времени оставить тѣхъ монаховъ базиліанъ, которые завѣдываютъ типографіею, монастырскимъ хозяйствомъ, или имѣютъ на рукахъ церковную утварь и архивъ).

«5) Божественной службы, буде можно, не прерывать, несмотря на предполагаемую перемѣну; отправлять оную до пріѣзда православныхъ іеромонаховъ, тѣмъ изъ греко-унитовъ, кои будутъ

оставлены въ монастырѣ для храненія церковныхъ вещей и архива.

«6) Внимательно наблюдать, чтобы церковныя вещи, служащія къ украшенію храма, паникадила и проч., также св. иконы, равно почитаемыя греко-унитами и православными, не были вывезены; впрочемъ отъ усмотрѣнія греко-россійскаго духовнаго начальства будетъ зависѣть передать въ вѣдѣніе духовенства унитскаго тѣ церковныя вещи или облаченія, кои не употребляются въ церкви православной.

«7) Какъ находящаяся въ Почаевѣ базиліанская типографія снабжала книгами почти всѣ церкви и монастыри унитскіе, и кромѣ еще одной небольшой при монастырѣ базиліановъ въ Вильнѣ, униты не имѣютъ другихъ для печатанія своихъ церковныхъ книгъ, то перевести сію типографію изъ Почаева въ Полоцкъ, гдѣ предположено учредить духовную греко-унитскую академію. На нужныя при семъ издержки, равно какъ и на выводъ монаховъ, можно употребить суммы изъ монастырскихъ доходовъ, имѣющихся въ наличности; а если оныхъ окажется не довольно, то заимствовать отъ казны на счетъ фундуша обители почаевской, или же, буде сей дальній перевозъ登 становъ и прочихъ типографскихъ принадлежностей, какъ и полагать должно, представится неудобнымъ, то и типографію отдать греко-россійскому епархіальному начальству съ нѣкоторымъ отъ щедротъ вашего величества вознагражденіемъ, или пособіемъ, для усиленія полоцкой уніатской. Съ симъ вмѣстѣ можно передать въ вѣдѣніе греко-унитскаго духовенства всѣ церковныя и богослужебныя унитскія книги, какъ находящіяся въ самой обители, такъ и въ типографіи, и для духовенства православнаго ненужныя.

«8) Сдачу утвари, церковныхъ капиталовъ и прочаго монастырскаго имущества, также бумагъ и документовъ, за исключеніемъ недвижимаго имѣнія, въ вѣдомство греко-россійскаго духовенства, поручить тѣмъ лицамъ, у коихъ все сіе въ завѣдываніи находилось, въ присутствіи чиновниковъ, коимъ предоставленъ надзоръ за пріемомъ конфискованныхъ имѣній.

«9) Сдачу недвижимаго имѣнія и документовъ къ оному принадлежащихъ произвести тѣмъ же порядкомъ въ вѣдѣніи чиновниковъ, кои будутъ назначены для того отъ министерства финансовъ.

«10) Сдачу всего движимаго и недвижимаго имущества произвести по описямъ и инвентарямъ. Одинъ экземпляръ оныхъ долженствуетъ быть представленъ въ главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

«11) Что касается до лежащихъ на монастырѣ и фундушѣ его духовныхъ обязанностей, отправленія панихидъ, заупокойныхъ обѣденъ или молебствій предъ чудотворною иконою Богоматери и проч. и проч., то разсмотрѣвъ тщательно, которыя изъ обязанностей возложены на обитель православными, и которыя напротивъ уніатами, раздѣлить оныя по принадлежности между возвращаемымъ православію монастыремъ почаевскимъ и тѣми, кои будутъ изъ него переведены монахи базиліане».

На докладѣ Блудова государь далъ такую резолюцію: «Увѣдомить князя Мещерскаго о сей важной мѣрѣ; сообщить ему записку сію, которую я утверждаю; войдите съ нимъ въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ тѣхъ мѣръ, кои вамъ обоюдно еще нужными покажутся. Князю Мещерскому избрать архимандрита, извѣстнаго умомъ, кротостію нрава и строгими правилами; къ нему придать 12 монаховъ самаго отличнаго поведенія и хорошо образованныхъ, и о всемъ томъ представить журналъ на мое утвержденіе за общимъ вашимъ подписаніемъ, тогда уже можно приступить къ исполненію» [1]).

М. Морошкинъ.

---

[1]) Докладъ Блудова отъ 14-го сентября 1831-го года.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ

Былина.

1.

Ѣдетъ Вольга̀ богатырь на конѣ,
Ѣдетъ съ дружиной хороброю;
Молвитъ онъ: — «Вишь мы въ какой сторонѣ:
Не съ кѣмъ здѣсь будетъ потѣшиться мнѣ,
Смѣряться силушкой доброю.

2.

«Видно, что впрямь тутъ мужичья земля:
Тянутся черныя пажити,
Въ ширь и въ раздолье ложатся поля....
Вотъ гдѣ татаръ, шелепугой валя,
Могъ бы Вольга̀ разуважити!

3.

«Мѣсто раздольно, да нѣту врага:
Встрѣчу все ратаи съ сохами.
Ѣдешь безъ дѣла, дорога долга....»
Смолкъ и поникъ головою Вольга̀,
Грудь поднимается вздохами.

4.

Кровь разыгралася въ жилахъ ключомъ,
  Силушка въ немъ расходилася;
Кажется молодцу все ни почемъ:
Землю бы съ мѣста подвинулъ плечомъ—
  Пусть бы земля сторонилася!

5.

Землю бы сдвинулъ, да не на комъ вотъ
  Свѣдать — попробовать силушку....
Ѣдетъ Вольга̀, закручинясь, впередъ,
Видитъ онъ: ратай съ сохою идетъ,
  Самъ понукаетъ кобылушку.

6.

Сошка у ратая — струганый кленъ,
  Рало у сошки золочено;
Съ края до края вдоль пашенки онъ
Ходитъ надъ сошкой тяжелой склоненъ,
  Думой лицо озабочено.

7.

Пашню оретъ онъ, лишь сошка скрипитъ:
  Пни вырываетъ дубовые,
Въ борозду страшные камни валитъ....
«Вотъ такъ дѣтина — Вольга́ говоритъ:
  Взялъ бы въ дружину такова я.»

8.

Тронулъ Вольга́ тутъ коня за узду,
  Быстро подъѣхалъ онъ къ ратаю:
«Богъ тебѣ въ помощь! вали въ борозду

Дубья, каменья: мужичью труду
  Нива дастъ плату богатую.

9.

«Только, скажу я, не гоже орать
  Съ этакой, молодецъ, силушкой.
Лучше пошелъ бы ты въ Вольгину рать
Княжюю дань съ мужиковъ обирать:
  Чтó тутъ возжаться съ кобылушкой?»

10.

Очи сокольи на Вольгу поднявъ,
  Ратай промолвилъ съ усмѣшкою:
—«Радъ бы къ тебѣ я—сговорчивъ мой нравъ—
Какъ же уйти мнѣ, сохи не убравъ?
  Съ сошкой я въ полѣ замѣшкаю.»

11.

—«Сошку убрать не великъ будетъ трудъ,
  Справится съ сошкой дружинушка:
Пять молодцовъ твою сошку возьмутъ,
Выдернутъ разомъ и разомъ махнутъ
  Въ кустикъ ракитовъ, дѣтинушка.»

12.

—«Ну, инъ, убрать мою сошку вели:
  Въ службу сряжуся я новую....»
Пять молодцовъ тутъ къ сохѣ подошли,
Стали тащить, да поднять отъ земли
  Сошку не могутъ кленовую.

13.

Смотритъ Вольгà и промолвилъ, дивясь:

«Вотъ не видалъ чудеса-то я!»
Десять онъ мблодцевъ кликнулъ заразъ:
Взялись за сошку — да, нѣтъ, не сдалась
Сошка тяжелая ратая.

14.

Смотритъ Вольга̀ и промолвилъ опять:
«Дивное диво во бчію!»
Кличетъ онъ всю тутъ дружинушку - рать:
Стала дружинушка сошку пытать,
Лишь надсадилася мочью.

15.

Духъ занялся въ богатырской груди—
Самъ тутъ Вольга̀ собирается:
Сошку за обжи схватилъ спереди,
Силушкой двинулъ — да, нѣтъ, погоди:
Сошка стоитъ — упирается.

16.

Сошка стоитъ, ровно въ землю вросло
Рало ея золоченое....
— «Что, богатырь, не идетъ, тяжело?
То-то мужичье-то вотъ ремесло
Дѣло выходитъ мудреное.

17.

«Княжія дани сбирай ты, Вольга̀,
Палицей бей стопудовою,
Гдѣ повстрѣчаешь лихова врага;
Мнѣ же работа моя дорога
Съ сошкой моею кленовою.

18.

«Ржи напашу я, въ скирды намечу,
Съ поля скирды уберу я,
Дома цѣпами я рожь смолочу,
Пива сварю, мужиковъ залучу:
Пить позачнемъ мы, пируя!»

19.

Слышитъ Вольга̀ и промолвилъ онъ тутъ:
— Силушка ты непочатая!
Дай я тебѣ поклонюсь за твой трудъ—
Какъ тебя звать? — «А Микула, зовутъ,
Сынъ Селяниновичъ, ратай я».

В. Буренинъ.

ПЕЩЕРНЫЕ ГОРОДА
КРЫМА

Путевыя впечатлѣнія.

Многократныя поѣздки по горному Крыму и мое прежнее знакомство съ историческою литературою полуострова побудили меня предпринять описаніе пещерныхъ его городовъ, — этихъ въ высшей степени интересныхъ памятниковъ древности. Европа, сколько мнѣ извѣстно, не имѣетъ ничего подобнаго высокой оригинальности крымскихъ пещерныхъ городовъ. Къ сожалѣнію, однако, наша публика почти незнакома даже съ самымъ фактомъ существованія ихъ. Въ спеціальныхъ сочиненіяхъ о крымской археологіи, большею частью иностранныхъ, большею частью давно вышедшихъ изъ обращенія, — разбросаны скудные матеріалы, касающіеся этого предмета, но до сихъ поръ нѣтъ ни одной книги, ни одной цѣлой статьи, посвященныхъ исключительно ихъ описанію. Даже, стыдно сказать, крымскіе жители образованныхъ классовъ слушаютъ разсказы о пещерныхъ городахъ, какъ неожиданную для нихъ новинку; туристы же, ограничиваясь легкодоступнымъ обзоромъ южнаго берега, рѣдко рѣшаются предпринимать поѣздку внутрь горъ. Я съ намѣреніемъ сохранилъ въ своей статьѣ тѣ живые элементы крымской природы и жизни, при которыхъ я самъ знакомился съ пещерными городами, и безъ которыхъ описаніе ихъ было бы слишкомъ мертвенно и неполно. Гораздо легче знакомишься съ пылью

архивовъ и камнями развалинъ, когда встрѣчаешь ихъ въ разнообразіи путевыхъ впечатлѣній; къ тому же страна пещерныхъ городовъ и окружающая ихъ природа въ высшей степени характерны, и сами по себѣ уже стоютъ вниманія.

I.

Перевалъ черезъ Яйлу. — Ночлегъ въ Татаріи. — Мангупскій Авраамъ. — Мангупъ-Кале, древняя Манкопія; его памятники и историческія воспоминанія.

Участниковъ предпринятаго нами похода въ крымскія горы оказалось пятеро, не считая неизбѣжнаго и незамѣнимаго Бекира, который, по своей должности фактотума, обязанъ былъ вести нашъ караванъ. Выражаясь по-крымски, Бекиръ становился нашимъ *суруджи* (таково татарское названіе швейцарскихъ фюреровъ и гидовъ).

Неустрашимая амазонка, принимавшая участіе въ прежнихъ нашихъ горныхъ странствованіяхъ, опять съ нами.

Приготовленіе къ пятидневному походу въ нѣдра крымскихъ горъ по необходимости коротко: горный татаринъ, которому мы невольно должны теперь подражать, замѣняетъ всѣ вализы и чемоданы перекиднымъ мѣшкомъ съ широкими карманами по обѣимъ сторонамъ, по-татарски *саква*. Эти сàквы — спасенье въ горныхъ поѣздкахъ. Ихъ привязываютъ сзади сѣдла и кладутъ въ нихъ, что влѣзетъ: ячмень для лошади, бутылки съ виномъ, чай и сахаръ, жареную птицу, пирожки, бѣлье. Поверхъ саквы привязываютъ бурку или теплое пальто на случай дождя и холода — и вотъ вы совсѣмъ готовы, оснащены на борьбу съ стихіями, а вашъ обозъ у васъ же за спиною.

Татары, хозяева лошадей, ждутъ насъ на солнечномъ припекѣ, терпѣливо присѣвъ на корточки. Бекиръ командуетъ, ищетъ, носитъ, укладываетъ, перетягиваетъ подпругу у лошади нашей *ханымъ* (*госпожа*, такъ татары постоянно чествуютъ нашихъ барынь). Всѣ высыпаютъ насъ проводить. Дѣтямъ особенно завидно. — Скоро воротитесь? Когда васъ ждать?

— «Не скажи, ханымъ, сказать нельзя! Можетъ два, можетъ пять день, какъ Аллахъ покажетъ», серьезно вразумляетъ Бекиръ, подсаживая свою ханымъ.

Перевалъ черезъ Яйлу въ самой высокой области ея!—мнѣ такъ давно хотѣлось испытать его. Бекиръ выбралъ для перевала Біюкъ-Узенбашъ-Богазъ, т.-е. проходъ.

Большой Узенбашъ—одинъ изъ самыхъ крутыхъ и трудныхъ, но за то самый близкій. Поднялись изъ нашего пустыннаго, заснувшаго надъ моремъ Магарача, въ пеструю и шумную Ялту, полную петербургскихъ туристовъ, промчались по ея парадной набережной и повернули на Дерской, на Ай-Василь, прямо къ титаническому амфитеатру Яйлы, которой темная лѣсистая синева охватываетъ кругомъ весь горизонтъ и чуть не половину небеснаго свода. Поразительно хорошъ этотъ амфитеатръ въ яркій солнечный день, когда на его туманно-синемъ фонѣ вырѣзаются милые, какъ игрушки, новенькіе домики Ялты съ своими кипарисами и цвѣтущими садами.

Дорога, конечно, сейчасъ же пошла рѣчкою; иныхъ дорогъ не бываетъ въ крымскихъ горахъ. Груды камней, натасканныя сверху и насыпанныя выше береговъ, и между ними нѣсколько жиденькихъ ниточекъ журчащей воды, съ трудомъ пробирающейся между каменьевъ — вотъ хорошая крымская рѣчка въ іюлѣ. Такихъ впрочемъ мало, потому что въ бо̀льшей части ихъ не наберете въ серединѣ лѣта стакана воды.

Безъ конца кругомъ сады раскидистыхъ грецкихъ орѣховъ, сливы, груша, смоковница. Подъ орѣхами всегда зеленая трава и всегда татарчата. У татарскихъ ребятишекъ на южномъ берегу и въ горахъ — превыразительныя лица. Глазенки черные, большіе, смотрятъ на васъ съ наивнымъ изумленіемъ, какъ глаза красиваго дикаго звѣрька; черты строгаго греческаго типа.

Дерской кончился, потянулся Ай-Василь, разбросанный по лѣсистой подошвѣ горы; стало круто, узко, но за то такая тѣнь! Ѣдешь по зеленымъ корридорамъ, едва успѣвая уклоняться отъ могучихъ, далеко вытянутыхъ сучьевъ орѣшника. Татарскія хаты здѣсь лѣпятся особенно живописно. Съ высоты сѣдла смотришь имъ прямо въ безобразныя ихъ трубы. На плоскихъ земляныхъ кровляхъ толпы ребятъ глазѣютъ на насъ, раскрывъ рты. Это еще старинныя, вѣковѣчныя гнѣзда грековъ, итальянцевъ, можетъ быть, еще го̀товъ.

За Ай-Василемъ горы дѣлаются совсѣмъ серьезными; подъемъ начинается очень рѣзко; лошади тяжело дышатъ, въ поту, такъ что саквы промокли. Мы почти на шеяхъ у лошадей. Скалистая, усыпанная камнями дорога сбиваетъ подковы. Мало-по-малу насъ все тѣснѣе охватываетъ сосновый лѣсъ, тотъ самый, который издали, изъ Ялты и Магарача, казался намъ простымъ слоемъ моха на скалахъ. Сосны громадной высоты, прямыя и голыя какъ стрѣлы, съ широкою плоскою кроною на самомъ верху,— обстали кругомъ. Это чистая итальянская пинія. Освѣщенные солнцемъ красивые стволы, густо-синіе просвѣты неба, капризно-

изогнутыя угловатыя вѣтви — переносятъ фантазію въ картинамъ римской Кампаньи. Лѣсъ этотъ прекрасенъ самъ по себѣ; но когда мы въѣхали на половину горы и взглянули назадъ сквозь эти полчища исполиновъ, въ глубокую и далекую бездну, въ которой остались за нами море и берегъ съ своей Ялтой, съ своими дачами и деревнями, — тогда мнѣ все это представилось какою-то несбыточною, сказочною декораціею. Море открывалось прямо предъ нами во всей могучей своей широтѣ, въ обхватѣ непривычномъ для глаза. А справа и слѣва поднимались бѣлыя горныя громады, обрывались горныя пропасти, заполоненныя такими же полчищами сосенъ. Никакихъ мелкихъ деталей, ничего милаго, ласкающаго. Одна грозная, величественная, неотразимая красота; громадная картина, написанная смѣлымъ взмахомъ чудной кисти.

Маленькая крымская лошадь, терпкая и безропотная какъ ея хозяинъ, — свыклась съ крымскою ѣздою, съ крымскою дорогой. Подкованная сплошною желѣзною подковою на всѣ четыре ноги, она твердо ступаетъ на известковый камень, карабкаясь съ своею тяжелою и неудобною ношею по скату, на которомъ едва держится человѣкъ. Чувствуя свое безсиліе вытянуть прямо на гору, умныя животныя, одно за другимъ, словно по сговору, начинаютъ пересѣкать зигзагами дорогу, поворачивая то направо, то налѣво, и уменьшая для себя такимъ образомъ крутизну подъема. Подумаешь, что ими правитъ человѣкъ, — такъ правильно и увѣренно они исполняютъ эти повороты.

Мы всѣ, всадники, въ сосредоточенномъ молчаньи. Грозное великолѣпіе горъ и лѣса оковываетъ насъ; да теперь и не до болтовни. Какъ бы только усидѣть, не полетѣть назадъ вмѣстѣ съ лошадью.

Нѣсколько разъ Бекиръ останавливалъ свой караванъ у горныхъ ручьевъ и поилъ лошадей. Они пили жадно, трясясь всѣмъ тѣломъ. Крымскій магометанинъ, подобно всѣмъ магометанамъ Востока, устраиваетъ фонтаны даже въ пустынѣ. Высоко на горахъ, въ глубинѣ лѣсовъ, мы находили фонтаны, высѣченные изъ бѣлаго камня, съ арабскими украшеніями, съ благочестивыми надписями и всегда съ именемъ устроителя. Бекиръ съ неподдѣльнымъ благоговѣніемъ передавалъ намъ исторію святого хаджи, который остатокъ дней своихъ посвятилъ на дѣла добра и усѣялъ фонтанами тропинки Яйлы, на пользу людямъ и во славу Аллаха. Путникъ, утолившій въ лѣтній зной свою жажду этой чистою струею, напоившій у нея утомленнаго коня, дѣйствительно благословитъ отъ всего сердца имя добраго человѣка, вырѣзанное на камнѣ фонтана.

А подъемъ дѣлается все хуже и хуже. Лѣса кончились, тропинка исчезла. Мы лѣзли уже по острымъ гребнямъ камней, по кучамъ щебню, по скользкому плитняку. Подковы то и дѣло срывались и скользили какъ по льду.

Было уже далеко за полдень, когда мы взъѣхали на темя Яйлы. Равнина, безконечная въ длину и не болѣе полуверсты шириною, составляетъ это темя, этотъ гребень Яйлы.

На сѣверъ отъ нея видны горы и степи Крыма, на югъ— глубоко внизу — море съ лентою южнаго берега. Ай-Петри, такая страшная снизу, отсюда кажется небольшою скалою, потому что надъ нами только одинъ верхій пикъ ея; въ ея зубцы запутались стада облаковъ, бѣлыхъ какъ молоко; они поочередно срываются и несутся на насъ, застилая глаза сырымъ туманомъ, словно хотятъ сдуть насъ прочь изъ своего царства.

У нашихъ ногъ была живая рельефная карта всего Крымскаго полуострова. Ясный день не утаивалъ, не затушевывалъ ничего. Не было той картинной красоты, которою мы любовались въ сосновомъ лѣсу, не доставало для этого перваго плана и яркости красокъ; но за то зрѣлище было ново и грандіозно. Душа исполнялась особеннымъ чувствомъ отъ этого созерцанія земли въ ея цѣлости съ поднебесныхъ высей. Казалось, этотъ взглядъ былъ объективнѣе, чѣмъ въ обычныхъ условіяхъ зрѣнія; казалось, онъ проникалъ вѣрнѣе и глубже. Что-нибудь подобное испытываетъ человѣкъ на воздушномъ шарѣ, отдѣляясь вдругъ отъ своей планеты и созерцая ее въ первый разъ независимо, извнѣ, какъ-бы съ поверхности другой планеты.

Спускъ съ Яйлы значительно легче подъема. Съ сѣверной стороны, Яйла не обрывается такою стѣною, какъ съ морской. Гряды горъ бѣгутъ параллельно ей, дѣлаясь все ниже къ сѣверу, къ степи. Это ступени для схода съ Яйлы.

Запутанная плетеница горъ, долинъ, скалъ и ущелій, то бѣгущихъ рядомъ, то пересѣкающихся подъ разными углами, составляетъ внутреннее ядро крымской Татаріи, гнѣздо всякаго крымскаго звѣря и логовище всѣхъ почти рѣкъ южнаго Крыма. Это же и цѣль нашего похода. Горная страна, ограниченная съ западу большою дорогою изъ Симферополя черезъ Бахчисарай въ Севастополь, а съ востока долиною Алушты, и прорѣзающая ее большою дорогою изъ Алушты въ Симферополь, отдѣлена отъ южнаго берега сплошною стѣною Яйлы въ 5 и 4,000 футовъ высоты. Со стороны обѣихъ большихъ дорогъ до-

ступъ въ эту сердцевину горнаго Крыма не труденъ; но съ южнаго берега въ нее можно проникнуть только черезъ нѣсколько *«богазовъ»*, переваловъ, подобныхъ тому, который мы теперь осилили съ такимъ трудомъ.

— Когда-жъ наконецъ будетъ этотъ проклятый Узенбашъ! начинаютъ кричать самые нетерпѣливые изъ всадниковъ, видя, что солнце уже дѣлается багрянымъ, и бѣлыя известковыя скалы начинаютъ вспыхивать розовымъ огнемъ.

Хочется смерть чаю; еще больше хочется долой съ сѣдла, которое особенно мучительно при многочасовомъ спускѣ. Бекиръ съ презрѣніемъ смотритъ на насъ и не отвѣчаетъ.

— Бекиръ! далеко ли еще? кричитъ кто-то изъ насъ, безпокойно ёрзая на сѣдлѣ.

— Твой бы дома сидѣлъ! дерзко отвѣчаетъ Бекиръ. Конь не птица, конь усталъ, твой коня не любитъ, твой чай любитъ! Не видишь? — вонъ тебѣ и Узенбашъ! прибавилъ онъ, въ видѣ милости, указывая нагайкою въ широкую лѣсную долину, въ пасть которой мы начинали уже спускаться.

Біюкъ-Узенбашъ, потонувшій въ лѣсахъ, въ садахъ протянувшейся по всѣмъ изгибамъ рѣчки, — лежалъ у нашихъ ногъ, ярко освѣщенный закатомъ. Тополи и минареты его мечетей, живописно торчавшіе надъ массою сплошной зелени и сплошныхъ плоскихъ кровель, горѣли особенно весело.

Проѣхали сады орѣховъ, подковы стучатъ по каменистой улицѣ.

Надо большое воображеніе, большую силу отвлеченія, чтобы повѣрить, будто мы все еще находимся въ православной россійской имперіи, подъ охраною всесильной власти станового пристава, подъ покровительствомъ XV-ти томовъ свода законовъ.

Еслибы это было на Кавказѣ, я не сомнѣвался бы, что мы просто-на-просто въѣхали въ аулъ горныхъ хищниковъ, гдѣ смѣшно уповать на XV-й томъ, гдѣ вмѣсто всякихъ уѣздныхъ, земскихъ, словесныхъ и уголовныхъ судовъ знаютъ твердо одинъ судъ подъ старымъ дубомъ, подъ однимъ изъ тѣхъ историческихъ дубовъ, которые имѣютъ удобное качество служить двумъ цѣлямъ разомъ: шатромъ для судей, висѣлицею для осужденнаго.

Вонъ, вѣроятно, и самъ верховный дубъ; на этотъ разъ онъ замѣненъ маститымъ орѣхомъ, подобнаго которому трудно встрѣтить другой разъ; подъ его вѣтвями, толщиною въ огромное

дерево, вытянутыми горизонтально шаговъ на 20 отъ ствола и густо затканными крупнымъ жесткимъ листомъ — въ самомъ дѣлѣ, цѣлое населеніе.

Сѣдые старики въ бѣлыхъ чалмахъ — все истые хаджи—съ строгимъ и важнымъ взглядомъ, съ неподвижными, глубоко-вырѣзанными чертами лица, сидятъ у самаго пня, въ позахъ, исполненныхъ достоинства, поджавъ подъ себя ноги, и куря изъ длинныхъ чубуковъ. Кругомъ нихъ сидитъ и стоитъ въ самомъ живописномъ разнообразіи цвѣтная толпа татаръ въ чалмахъ, въ бараньихъ шапкахъ, съ лоснящимися бритыми головами,— все только муэзины. За то оглянитесь налѣво — тамъ большой каменный фонтанъ въ арабскомъ вкусѣ, съ длиннымъ стихомъ корана.

Фонтанъ, какъ пчелами, осыпанъ женщинами. Почтенныя матроны укутаны въ широкія бѣлыя простыни до самыхъ пятокъ и выказываютъ изъ-подъ своихъ савановъ только пару черныхъ глазъ, едва видныхъ сквозь узенькую щель, да желтыя заостренныя туфли, которыхъ никакъ не спрячешь при ходьбѣ. Молоденькихъ дѣвчоновъ, къ счастію, еще не считаютъ нужнымъ обращать въ величественныя статуи, въ которыхъ не разберешь ни одного члена, ни одного движенія. Они разцвѣчены до-нельзя и обтянуты до-нельзя. Волосы заплетены въ десятки мелкихъ длинныхъ косъ, окрашенныхъ почти въ огненную краску—точь-въ-точь семья красныхъ змѣй вьется по плечамъ. Эта краска, подновляемая каждую недѣлю, съ лѣтами обратится въ черную какъ смоль, и изъ огненнорыжихъ дѣвочекъ образуетъ глубокихъ брюнетокъ. Красная кругленькая шапочка съ золотомъ на головѣ у всякой; малороссіяне очень мѣтко прозвали: *«татарками»* красныя колючія растенія въ родѣ артишока, покрывающія степи иногда на большое пространство. Издали это чисто толпа татарскихъ дѣвушекъ въ ихъ типичныхъ красныхъ шапочкахъ. Бешметъ съ открытой грудью, узкій въ плечахъ, съ непомѣрно длинными и узкими рукавами, всегда очень цвѣтной, портитъ естественныя формы тѣла; у пояса онъ обвязанъ еще однимъ или двумя цвѣтными платками на подобіе юбки, и изъ-подъ платковъ этихъ видны только нижнія складки очень широкихъ и тоже цвѣтныхъ шароваръ, стянутыхъ надъ самою ступнею.

Самая крошечная, двухъ-лѣтняя дѣвчонка, возившаяся въ пыли, одѣта почти также; у каждой своя крошечная шапочка, у каждой свой бешметикъ по мѣркѣ, — это добрый обычай, не часто встрѣчаемый въ семьѣ русскаго простолюдина; онъ свидѣтельствуетъ объ инстинктивномъ признаніи человѣческаго до-

стоинства, человѣческихъ правъ даже въ ребенкѣ. Этотъ обычай мнѣ особенно кидался въ глаза, по противуположности съ нашимъ русскимъ, въ германской и швейцарской деревнѣ. Тамъ вы уже не встрѣтите крошечнаго мальчишку, завернутаго въ отцовскій тулупъ или въ дѣдовской шапкѣ, нахлобученной на носъ, босого и въ одной рубашкѣ.

Толпа женщинъ вокругъ фонтана, съ своими бѣлыми чадрами, съ маковымъ цвѣтомъ дѣвичьихъ нарядовъ, съ кувшинами и кружками восточной формы, у кого по-итальянски на головѣ, у кого въ рукахъ, — движущаяся, шумящая, переливающая цвѣтами — способна приковать артиста на многіе часы своею поразительною картинностью; особенно, когда, въ параллель ей, взору его открылась бы съ другой стороны важная группа, безмолвно курившая въ тѣни стараго орѣшника.

Дерево, фонтанъ—естественные центры первобытной жизни, еще не доросшей до необходимости клубовъ, пассажей, кофеенъ съ пѣніемъ и безъ пѣнія и тому подобныхъ пріютовъ цивилизованнаго бездѣлья. Тѣнистый дубъ — это прототипъ нашего жилища, естественный шатеръ, давшій человѣку первую мысль объ убѣжищѣ. Въ пустынной мѣстности онъ—красота, разнообразіе, жизнь. Путникъ благословляетъ его какъ привалъ, указанный природою, гдѣ онъ остынетъ отъ своего путевого пота, гдѣ онъ насытится и уснетъ, не палимый больше полуденными лучами. Кочевникъ разбиваетъ подъ дубомъ свою палатку и принимаетъ своихъ гостей. Дубъ — издавна и межевая грань у народовъ, и указатель пути. Даже лѣсной житель соображаетъ мѣстность по большимъ вѣковымъ дубамъ, которыхъ физіономія выдѣляется своеобразно изъ безконечнаго и безразличнаго древеснаго моря. Оттого дубъ и сталъ издревле деревомъ гостепріимства, деревомъ геройскихъ подвиговъ, деревомъ суда и мудрости, деревомъ неразгаданныхъ тайнъ и религіознаго обожанія. Эпосъ древняго міра, сказка, пѣсня, легенда — сама исторія — сохранили намъ память объ этомъ многообразномъ и глубокомъ значеніи дуба, коренящемся въ первобытныхъ условіяхъ человѣческой жизни и сдѣлавшемъ изъ этого видового названія почти родовое имя для дерева вообще. Въ библіи Авраамъ не даромъ встрѣчаетъ неземныхъ путниковъ въ дубравѣ мамврійской; богатыри нашихъ былинъ отдыхаютъ и умираютъ подъ дубами; подъ дубами находятъ чудные доспѣхи; вѣщія птицы сидятъ всегда на дубахъ; всѣ клады подъ дубами. Таинственный шелестъ дубовъ разгадывался первобытными оракулами Греціи. Въ древней Германіи, въ Галліи — дубъ былъ святилищемъ, средоточіемъ общественныхъ собраній. Еще Лудо-

викъ Святой въ XIII-мъ вѣкѣ сохранялъ патріархальный обычай суда подъ венсенскимъ дубомъ.

Какъ дубъ, дерево — естественный центръ общественной, религіозной, героической, то-есть вообще мужеской жизни первобытнаго человѣка, — такъ фонтанъ, колодезь — исконное поле чувственной, то-есть женственной стороны той же жизни. Первобытное хозяйство тѣхъ маловодныхъ странъ, откуда, по всѣмъ вѣроятіямъ, разселилось племя человѣка, — было такъ тѣсно связано съ водой фонтана, что фонтанъ могъ стать почти его символомъ. Напоить людей и скотъ, вымыть свое тѣло и свои одежды — можно только у фонтана. Сначала фонтанъ, потомъ уже домъ, хозяйство, женская забота. Вечеромъ у фонтана вѣчная работница, вѣчная домосѣдка—женщина встрѣчалась съ мужчиною, который цѣлый день при стадѣ или на охотѣ. Вечеръ, — отдыхъ отъ трудовъ, часъ покоя, досуга и наслажденій. Вечеромъ естественное пробужденіе потребностей менѣе суровыхъ, менѣе обязательныхъ, потребностей бесѣды, общепья и любви. Въ вечерней прохладѣ, подъ звонкой струей фонтана легче всего возникали первыя сердечныя отношенія между работающимъ юношествомъ первобытныхъ обществъ, какъ легко они возникаютъ теперь среди нашей свѣтской молодежи подъ звуки оркестра въ ярко освѣщенныхъ бальныхъ залахъ. Тишина и простота въ младенческую эпоху человѣка были необходимыми условіями тамъ, гдѣ теперь необходимымъ условіемъ сталъ неестественный шумъ, неестественный свѣтъ и поддѣльная красота. Женщину, будущую подругу свою, человѣкъ естественной жизни оцѣнивалъ во время ея работы, гдѣ ему открывалась ея умѣлость, ея сила и дѣятельность. Когда библейская Ревекка или Гётевская Доротея собственноручно тянули изъ колодца бадью съ водой или отворачивали тяжелый камень, ихъ рабочая грація, ихъ «volle Gesundheit der Glieder», дѣлались вполнѣ очевидными для здоровыхъ трудолюбивыхъ юношей, на нихъ любовавшихся. Только въ рабочемъ деревенскомъ быту — и нашемъ русскомъ, и болѣе всего въ восточномъ — колодезь, фонтанъ сохранили доселѣ свое древнее значеніе мѣста сближенія двухъ половъ, мѣста зарожденія сердечныхъ драмъ.

Вечеръ падаетъ; на небѣ становится розово, и деревья освѣщаются тѣмъ же пламенемъ; все въ воздухѣ стихаетъ и замираетъ въ той особенной нѣгѣ, которая свойственна крымскому лѣтнему вечеру. Послѣдніе звуки дня явственнѣе слышатся въ этой тишинѣ.

Бекиръ устроилъ нашъ ночлегъ у одного изъ почетнѣйшихъ хаджей Узенъ-Баша, не допуская въ насъ и мысли о возможности довольствоваться первой попавшеюся саклей. Преважно подбоченясь, въѣхалъ онъ на дворъ и двумя-тремя полусловами объяснилъ по-своему хозяину, кто мы и кáкъ насъ нужно принять.

Тохтаръ-эффенди вышелъ къ намъ за ворота, худой, съ строгимъ взглядомъ, исполненный непоколебимаго достоинства, и привѣтствовалъ насъ по восточному, указывая рукою на свой домъ. Мы, кажется, спутали всѣ его понятія о нашемъ величіи, расположившись до ночи прямо на улицѣ, подъ старымъ орѣхомъ, чтобы налюбоваться на окружавшую насъ Татарію и на чудный вечеръ. Вокругъ насъ уже протолкнуться нельзя: пріѣздъ нашъ былъ событіемъ въ Біюкъ-Узенъ-Башѣ; даже татарскія матроны позабыли правила мусульманскихъ приличій и пробирались къ изумившей ихъ амазонкѣ. Дѣти вскарабкались на сучья, на мажары, на плетни. Глянешь кругомъ — всюду бѣлые, сверкающіе зубы, тѣсные и крѣпкіе какъ у звѣрковъ, и черные воспламененные глазенки: и зубы, и глаза, все въ нихъ смѣется отъ радостнаго изумленія, рты раскрыты въ недоумѣньи и жадномъ любопытствѣ.

Женщины съ какимъ-то азартомъ наперерывъ хватаютъ и ощупываютъ каждую бездѣлицу, надѣтую на амазонкѣ нашей, хихикаютъ и шепчутся другъ съ другомъ изъ-подъ своихъ покрывалъ. Только старые татары сохраняютъ невозмутимое спокойствіе и, кажется, заняты только однимъ соображеніемъ, куда это и зачѣмъ Богъ несетъ насъ?

Бекиръ съ хозяйскими работниками таскаетъ между тѣмъ дрова и воду, развьючиваетъ лошадей. Вотъ начали вынимать изъ саквовъ нашу провизію и разныя принадлежности пути;— любопытство женщинъ и дѣтей достигаетъ своихъ предѣловъ; воспользовавшись ихъ углубленнымъ вниманіемъ, я сѣлъ за стволъ орѣшника и сталъ исподтишка набрасывать въ путевой альбомъ нѣкоторыя фигуры; молодой татаринъ не разъ ловилъ мой воровской взглядъ и выслѣдилъ движенія моего карандаша. Также незамѣтно какъ я рисовалъ, подкрался онъ сзади меня и нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ черезъ голову мою на непонятную для него работу, на это быстрое мельканье крашеной палочки, изъ-подъ которой какимъ-то чудомъ выростали знакомыя ему черты, знакомые наряды.

Я замѣтилъ его уже тогда, когда онъ, будучи не въ силахъ долѣе сдерживаться, съ громкимъ смѣхомъ сказалъ что-то по-татарски. Вся его фигура широко расцвѣла удовольствіемъ и

удивленіемъ. Вдругъ, все, что было въ толпѣ женщинъ и дѣвочекъ, брызнуло въ разсыпную, закрываясь рукавами и неистово хихикая. Нужно было перенести карандашъ и глаза на мальчиковъ. Но тревога уже была подана: взглядъ мой ловился со всѣхъ сторонъ — большими и дѣтьми.

Какъ ни хитрилъ я — ничего не могъ сдѣлать. Только-что взглянешь хоть разъ на кого-нибудь—онъ тотчасъ ухмыльнется, пробормочетъ своимъ что-то по-татарски и отойдетъ себѣ въ сторону, съ глазъ долой.

Темнота загнала насъ въ домъ хаджи.

Гостинная Тохтаръ-эффенди довольно нарядна для простого татарина — потолокъ съ бахчисарайской рѣзьбой, на полкахъ ярко вычищенная посуда и нѣсколько рукописныхъ магометанскихъ книгъ; деревянное мелкорѣшетчатое окошко на турецкій манеръ, а ужъ ковровъ, подушекъ и тюфяковъ — счету нѣтъ! Мы сидимъ на коврахъ, поджавъ подъ себя ноги вокругъ татарскаго столика настоящаго арабскаго рисунка.

Тохтаръ-эффенди въ своей бѣлой чалмѣ и полосатомъ халатѣ, придающемъ ему видъ муллы, стоитъ у порога, не зная прилично ли ему будетъ сѣсть съ нами. Собственно, на насъ онъ не обращалъ никакого вниманія, для него важенъ только одинъ изъ насъ, котораго онъ исключительно считаетъ гостемъ своимъ. Бекиръ въ своемъ татарскомъ соображеніи рѣшилъ, что одинъ изъ нашихъ спутниковъ, одѣтый въ кавказское платье, въ черкескѣ съ кинжаломъ, не можетъ быть ничѣмъ другимъ кромѣ князя; смуглый восточный типъ лица и наѣздническая ловкость кавказскаго барина окончательно убѣдили его въ этомъ. Заручившись такимъ убѣжденіемъ, Бекиръ торжественно объявилъ хаджи и всѣмъ спрашивавшимъ его, что пріѣхалъ «князъ» съ Кавказа; мы, мирные граждане безъ патроновъ и кинжаловъ, были такимъ образомъ отодвинуты на задній планъ и, кажется, почитались за свиту «кназа». Оттого-то и раздумывалъ хаджи, приличествуетъ ли ему, хотя и хозяину, сидѣть на одномъ коврѣ съ такимъ знатнымъ гостемъ.

Вѣсть о пріѣздѣ къ хаджи кавказскаго князя пронеслась по всему Узень-Башу. Нѣсколько важныхъ, бородатыхъ фигуръ появились въ дверяхъ, и эффенди черезъ Бекира просилъ у князя впустить почетныхъ гостей, которые пришли привѣтствовать князя. Одинъ за однимъ, съ серьезнымъ и церемоннымъ видомъ, подходятъ гости къ мнимому князю, прикладываютъ руку къ сердцу, говорятъ что-то покачивая головами, потомъ опускаютъ у ногъ князя разныя приношенія, кто сухой изюмъ

ерикъ (родъ мелкой сливы), кто груши, кто даже кислое овечье молоко.

Откланяется, съ достоинствомъ пожметъ руку и опустится себѣ на коверъ около князя, поджавъ ноги. Вотъ всѣ усѣлись кружкомъ и закурили длинныя трубки.

Ни одинъ почти гость ни слова по-русски, бѣдный кавказскій «князъ» ни слова по-татарски. Однако бесѣда идетъ, важная, длинная, неспѣшная восточная бесѣда, очень напоминающая наше европейское молчаніе. Сидятъ, уставивъ глаза въ трубки, и торжественно выпускаютъ облака дыма — изрѣдка только смуглые костлявые пальцы, сложенные въ щепотку, протягиваются къ столу, на которомъ стоятъ сласти; а то вдругъ сосѣдъ нагнется къ «князю», возьметъ его кинжалъ и станетъ вертѣть кругомъ, любуясь серебряною чеканкою и тавлинскимъ лезвіемъ; налюбуется и съ короткимъ одобреніемъ передаетъ его другому. Всякій гость поочередно пощупаетъ, повертитъ, понюхаетъ кинжалъ, покачаетъ съ удовольствіемъ головою и передаетъ сосѣду. «Карошъ кинжалъ! якши!» скажетъ кто-нибудь князю, торжествуя знаніемъ русскаго языка. И опять молчаніе на много минутъ, опять неподвижное насасываніе трубокъ. Кто-нибудь опять очнется, сочтетъ приличнымъ заговорить: «богато грошей далъ? — Двадцать рублей! — «Це.... це.... це....» прищолкнутъ языкомъ всѣ собесѣдники, съ сожалѣніемъ покачивая головою, и всѣ, словно по сговору, устремляютъ глаза на кинжалъ еще съ бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ прежде. И опять длинное молчаніе. Потомъ наступаетъ очередь черкески, щупаютъ сукно, смотрятъ его на свѣтъ, трутъ между пальцами. «Карошъ архалукъ, князъ; богато грошей?» И опять удивленье, покачиванья и одобренья. Отъ черкески къ поясу, отъ пояса къ папахѣ, къ башлыку; весь князь, всякая его пуговка, всякій позументикъ ощупаны и опробованы.

«Гдѣ купилъ, князъ? — Въ Стамбулѣ! — «О, Стамбулъ якши!» Всѣ бѣлые зубы съ удовольствіемъ осклабляются, сверкая изъ чащи бородъ, — и мнимая стамбульская покупка, словно что-то особенно хрупкое, переносится въ крѣпко сложенныхъ пригоршняхъ отъ однихъ восторженныхъ глазъ къ другимъ, съ такою благоговѣйною бережностью, какъ-будто эти грубые пальцы сами чувствуютъ все неумѣніе и все недостоинство свое держать драгоцѣнную вещь.

Еще разъ то же степенное молчаніе, но уже теперь всѣ эти серьезныя лица свѣтятся совершенно дѣтскимъ удовольствіемъ.

Жолтый морщинистый старикъ съ длинными сѣдыми бровями гладитъ князя по плечу и по колѣнамъ: «Твой, князъ, болшой

султанъ!» — «Кназъ — болшой султанъ!» — важно подтверждаетъ вся компанія, одобрительно кивая головами.

Желтый старикъ, по-имени Меметъ-Эманъ, встаетъ, — всѣ встаютъ. Опять пожимаютъ руку князя, опять прижимаютъ свои руки къ сердцу; желтый старикъ проситъ князя завтра утромъ къ себѣ на кофей. Двое другихъ пристаютъ съ тѣмъ же, а князь, для поддержанія своей роли, одариваетъ своихъ гостей разными бездѣлушками въ отвѣтъ на гостинцы ихъ. Гости уходятъ, сверкая отъ радости и глазами, и зубами.

Рано поднялись въ путь. Какъ ни изломала насъ ѣзда верхомъ по горамъ и камнямъ, однако ночлегъ въ повалку на открытой галереѣ и на войлокахъ гостинной не особенно нѣжилъ. Бекиръ ранехонько раздобылся ячменю и подкормилъ коньковъ. Мы тронулись со двора какъ разъ съ первымъ крикомъ мазина. Его тощая фигура была видна съ балкончика сосѣдняго минарета, откуда онъ протяжно и пронзительно гнусилъ на всѣ стороны свѣта обычный стихъ Алкорана.... Пожилые татары уже двигались по направленію къ мечетямъ. Вѣжливо, но съ большою серьезностью привѣтствовали они насъ, когда случалось съ ними равняться.

Яркое и тихое утро сіяло надъ этимъ живописнымъ азіатскимъ уголкомъ, потонувшимъ въ сплошныхъ садахъ въ глубокой впадинѣ горъ. Сіяло оно съ тою же радостною свѣжестью и торжественностью и въ нашей груди. Утреннее безмолвіе, утренняя трезвость жизни охватили и нашу беззаботную кавалькаду; всѣ ѣхали тою спорою дѣловою рысцею, которая обѣщаетъ долгій безостановочный путь. Дороги въ горномъ Крыму устроены природою и сохранили на себѣ дѣвственную грубость ея характера. Ручьи, сбѣгающія со склоновъ, потомъ рѣчки, въ которыя стекаются эти ручьи,—вотъ единственные пути горнаго сообщенія. Сообщеніе между бассейнами двухъ сосѣднихъ рѣчекъ, какъ бы ни близко протекали они, очень затруднительно. Ихъ водораздѣлъ обыкновенно такъ обрывистъ и крутъ и такъ волнообразенъ, что перевалъ черезъ него даже верхомъ требуетъ особенной привычки: ежеминутные спуски и подъемы по каменистымъ обрывамъ, по кучамъ камней, почти всегда безъ яснаго слѣда тропы—вотъ этотъ перевалъ. Послѣ него покажется шоссейною дорогою даже рѣчная дорога; — поэтому въ горныхъ странствованіяхъ только при крайней необходимости сворачиваютъ съ долинъ ручьевъ и рѣчекъ, хотя по долинамъ всегда приходится дѣлать большой крюкъ.

Если вы знаете теченіе крымскихъ горныхъ рѣчекъ — вы знаете крымскія горныя дороги, и наоборотъ, если вы знакомы съ направленіемъ дорогъ—вы знаете тѣмъ самымъ теченіе рѣкъ. Крымская горная дорога, или, что тоже, крымская горная рѣчка—требуетъ отъ путешественника большой привычки.

Лѣтомъ, какъ я уже говорилъ выше, это—вьющаяся лента валуновъ разной величины, разбросанныхъ во всю ширину долины, между которыми кое-гдѣ сочится ниточка воды. Иногда и этой ниточки вы не видите на цѣломъ десяткѣ верстъ. Щебенистый грунтъ русла, наваленный въ толщину нѣсколькихъ аршинъ, служитъ настоящею цѣдилкою, каменнымъ ситомъ, сквозь которое рѣчка, усохнувшая отъ лѣтнихъ жаровъ, уходитъ подъ свое собственное дно и пробирается тамъ невидимкою до тѣхъ мѣстечекъ, гдѣ невозможно укрываться, и гдѣ она выступаетъ опять наружу.

Татарскія деревни лѣпятся только по берегамъ этихъ капризныхъ змѣистыхъ рѣчекъ, которыя порою такъ сухи, что на ихъ горячихъ камняхъ едва яицъ не сваришь; порою заливаютъ хаты до крышъ, сносятъ деревья, скотъ, и ворочаютъ цѣлые утесы. Если гдѣ-нибудь на вершинѣ горъ внезапно упадутъ большіе дожди или растаетъ масса снѣга, вода сбѣгаетъ внизъ страшною лавиною и причиняетъ тѣмъ бóльшія бѣдствія, что предвидѣть ихъ нѣтъ возможности.

Альма унесла разъ цѣлую партію солдатъ, которые сочли ея сухіе камни за безопаснѣйшее мѣсто ночлега, снесла большой каменный мостъ на почтовой дорогѣ.

Салгиръ почти на моихъ глазахъ, среди сухого лѣта, вдругъ залилъ цѣлую деревню Мамудъ-Султанъ, такъ что почтовая станція наполнилась водою по окна, и ямщики плавали по двору, спасая лошадей.

Мы спускались по одной изъ такихъ рѣчекъ-дорогъ, по рѣчкѣ Узень-Башу, которая вмѣстѣ съ своей дружкой Біюкъ-Узенбашъ составляетъ верховье исторической теперь рѣки Бельбека.

Съ ранняго утра до вечерень, мы не слѣзаемъ съ лошадей, заинтересованные прелестною мѣстностью, веселою болтовнею и еще болѣе веселыми перегонками по каменистой дорогѣ. Долина рѣки Узенбаша забирала все сильнѣе и сильнѣе на западъ и наконецъ упала въ долину Бельбека, съ которой мы повернули къ сѣверо-западу. Спускъ дѣлался мягче. Проѣхавъ Фотисалу—цѣлый рядъ деревень, осыпавшій рѣчку—мы должны были покинуть Бельбекъ и совершить одинъ изъ тѣхъ досадныхъ переваловъ, о которыхъ я говорилъ.

Первая цѣль нашего странствія былъ Мангупъ-Кале, а онъ

лежитъ у верховья средняго притока Бельбека — Кара-Илеза; спускаться по Бельбеку до устья Кара-Илеза, и потомъ подниматься вверхъ по Кара-Илезу до Мангупа, было бы дѣломъ слишкомъ долгимъ. Всаднику нечего стѣсняться крутизнами, и туристу не лишнее ознакомиться своими ребрами съ красотами горъ. Бекиръ командуетъ намъ налѣво, а насъ манитъ такъ впередъ, гдѣ уже открылась передъ нами живописнѣйшая часть чуть ли не самой живописной въ Крыму Бельбекской долины.

Одинъ изъ насъ уже набрасываетъ, не слѣзая съ сѣдла, оригинальный разрѣзъ скалъ Топчю, которыхъ круглыя сплошныя башни провожаютъ рѣчку справа.

Но Бекиръ тянетъ насъ лѣсами и оврагами на иной путь.

Я совѣтовалъ взять проводника въ Фотисалѣ, потому что по опыту зналъ, какъ труденъ съ этой стороны подъѣздъ къ Мангупу. Но Бекиръ презрительно относился къ моимъ увѣщаніямъ, хвастаясь, что онъ знаетъ въ горахъ всѣ тропинки.

Мы сбились уже черезъ полчаса.

Въ лѣсистыхъ холмахъ, черезъ которые пробирались мы, было столько колевинъ, пробитыхъ мажарами, столько тропъ, протоптанныхъ скотомъ, что только мѣстные дровосѣки могли помнить, куда ведутъ они. Бекиръ нѣкоторое время скрывалъ свое смущеніе и притворялся вѣрующимъ въ истинность пути, которымъ онъ насъ велъ. Но я обличилъ его сейчасъ же неопровержимыми доводами. Напрасно мучили мы своихъ коней, прорѣзаясь сквозь колючую чащу, спускаясь въ глубокія лѣсныя балки, карабкаясь на крутые скаты; напрасно смущенный Бекиръ злился на своего коня и лупилъ его нагайкою черезъ голову, снуя по этимъ дебрямъ, какъ гончая, отыскивающая упущенный слѣдъ. Горы и деревья заслоняли даль, и сообразить по окрестности было невозможно, хотя Бекиръ раза два взлѣзалъ съ этою цѣлью на дубы. Особенно доставалось амазонкѣ и ея длинному хвосту. Рѣшено было спѣшиться и позавтракать, пока Бекиръ добудетъ слѣда. Вотъ усѣлись на лужайкѣ, бутылки и закуски живо полѣзли изъ вмѣстительныхъ саквовъ; веселый говоръ и смѣхъ, звонъ стакановъ, голодное чмоканье губъ—оживили непривычною картиною совершенно пустынный лѣсъ. Ауканье Бекира переносилось поочереди отъ одной стороны свѣта къ другой, и мы дружно отвѣчали ему. Пронзительный голосъ его долеталъ до насъ то съ макушки какого-нибудь холма, то словно изъ подземной норы; скоро его не стало вовсе слышно, и мы начали думать, что онъ заѣхалъ Богъ-знаетъ куда. Однако черезъ часокъ онъ вернулся съ какимъ-то пастушенкомъ, и мы выбрались на настоящую дорожку.

Мангупъ-Кале открылся намъ въ большомъ величіи и неожиданно. Изъ моря лѣсныхъ холмовъ, какъ островъ, возвышается его обрывистая столовая гора, и на плоской макушкѣ ея изъ большой дали видны, какъ на ладони, остатки стѣнъ, башенъ, зàмковъ стараго Мангупа. Это очень обманываетъ путника, которому кажется, что вотъ сейчасъ онъ будетъ у подошвы горы. А дорожка между тѣмъ еще долго дѣлаетъ петли кругомъ столовой горы, приближаясь сквозь тѣснину къ тому единственному мѣсту, съ котораго есть возможность вскарабкаться на этотъ титаническій каменный столъ. Видъ на Мангупъ изъ этой тѣснины, пробирающейся съ сѣверной стороны его между нимъ и сплошною стѣною сосѣднихъ горъ—самый полный, отчетливый, и притомъ поразительной оригинальности. Столовая гора съ отвѣсными обрывами выступаетъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ четырьмя такими же высокими скалистыми мысами—настоящими природными бастіонами, а между этими выступающими твердынями лѣсные скаты, по которымъ, хотя съ огромными затрудненіями, можно добраться до вершины. Носы этихъ выступовъ, когда проѣзжаешь какъ разъ подъ ними, кажутся гигантскими обелисками удивительной красоты. Снизу вамъ видно, что высоко въ воздушной синевѣ лента зубчатыхъ стѣнъ и башенъ, гдѣ разрушенная, гдѣ еще существующая, отрѣзаетъ эти выступы отъ главной площади Мангупа и преграждаетъ доступъ по лѣснымъ скатамъ своими воротными башнями и бойницами.

Пока наши альбомы наполнялись эскизами этихъ развалинъ и этихъ скалъ, невѣдомо откуда нанеслись страшныя грозовыя тучи, и полился по-истинѣ тропическій дождь.

Всѣ бросились на вскачь по тѣнистой лѣсной дорожкѣ, надѣясь на скорый пріютъ. Дождь сѣкъ какъ розгами, и если бы не кавказская бурка—наша амазонка очутилась бы въ самомъ жалкомъ положеніи. Наконецъ доскакали до Каджа-Сала, деревеньки подъ самой подошвой Мангупа; Каджа-Сала—старинное помѣстье князей Балатуковыхъ, принадлежитъ теперь зятю княгини Балатуковой Абдураманчину, которому принадлежитъ, кажется, и самъ Мангупъ.

Я уже ночевалъ разъ съ изряднымъ комфортомъ въ *кунацкой* одного мурзы и обнадеживалъ теперь своихъ измокшихъ спутниковъ перспективою татарскаго гостепріимства.

Каджа-Сала превратился въ грязный потокъ; по щотки въ водѣ добрались наши кони до двора мурзы.

Все заперто, и дворъ гарема, и кунацкая. Обошли кругомъ, постучали, покричали подъ неудержимымъ ливнемъ: никто не отозвался. Бѣда дѣлалась серьезною—куда дѣться? Пока Бе-

киръ ѣздилъ по деревнѣ за языкомъ, мы себѣ мокли да мокли; Бекиръ возвратился съ вѣстью, что почти всѣ хаты пусты, потому что теперь татары въ лѣсу, но что эффенди согласился пустить насъ къ себѣ. Копыта опять зашлепали по лужамъ, и никто даже не спросилъ, къ какому это эффенди.

Въ концѣ деревни, совсѣмъ пріосѣненный грозными тѣнями мангупскихъ твердынь, среди персиковъ, орѣховъ и грушъ, ютился крѣпко огороженный дворикъ эффенди, съ совершенно восточными плоскокрышными домиками, съ балкончиками и рѣшетками вмѣсто оконъ. Ворота растворились настежъ при нашемъ приближеніи, и высокій величественный старецъ въ бѣлой чалмѣ и бѣломъ халатѣ, съ бѣлою, какъ снѣгъ окладистою бородою, съ строгими и почтенными чертами лица, показался у воротъ, приложивъ руку къ сердцу, и показывая намъ другою на свой дворъ. Это былъ истый библейскій Авраамъ, принимающій странниковъ подъ дубравой мамврійской. Дворъ и домики эффенди были необыкновенно чисты, и въ каждомъ деревцѣ видна была заботливая хозяйская рука.

Видя насъ въ такой грязи, эффенди не рѣшился пустить насъ обутыми въ свою опрятную кунацкую, устланную хорошенькими войлочками и ковриками. По требованію его, сапоги были сброшены, и волей-неволею кавалеры очутились въ однихъ чулкахъ, что совершенно, впрочемъ, подобало въ татарской кунацкой. Въ кунацкой было двѣ комнаты, такъ что мы могли кое-какъ прибраться и посушиться. Пока намъ готовили кофе и жарили куръ, эффенди пределикатно ухаживалъ за нашею амазонкою, которой печальное состояніе, а можетъ быть и милыя черты тронули его патріаршее сердце. Онъ даже дошелъ до того, что, какъ настоящій свѣтскій кавалеръ, просилъ позволенія курить. Оказалось, что мы въ гостяхъ у Хаджи-Абдула-Кадира Акъ-муллы, бывшаго имама изъ Орта-Каралеза, по-русски сказать, у отставного благочиннаго протоіерея. Я не хотѣлъ упустить случая обогатить свой путевой альбомъ такою характерною ветхозавѣтною фигурою; но помня, что коранъ запрещаетъ правовѣрнымъ изображенія человѣка, и чтя въ своемъ хозяинѣ блюстителя правовѣрія, я заслонился своими спутниками и старался тайкомъ набросать саповитыя черты имама. Имамъ однако совершенно изумилъ меня. Онъ сейчасъ замѣтилъ мои эволюціи, потребовалъ альбомъ, улыбнулся и тотчасъ же вышелъ. Я-было думалъ — уйдетъ, а онъ вернулся сіяющій счастьемъ, переодѣтый въ парадный полосатый балахонъ.

— Вотъ такъ дѣлай! такъ якши! говорилъ онъ мнѣ, садясь

въ особенно важную позу. Не успѣлъ я сдѣлать двухъ штриховъ, какъ имамъ опять вскочилъ на ноги.

— Постой, такъ нельзя!

Онъ полѣзъ на полочки, что́ лѣпятся по стѣнамъ каждой татарской гостинной, снялъ оттуда серебряные часы и повѣсилъ ихъ себѣ прямо на грудь, потомъ поставилъ въ уголъ маленькую трубочку, которую онъ курилъ и взялъ въ ротъ длинную-предлинную.

Мы едва держались отъ хохота, забавляясь на это дѣтское малодушіе величественнаго эффенди. Онъ разсѣлся какъ турецкій султанъ, поджавъ ноги, вытянувъ трубку, съ самымъ торжественнымъ выраженіемъ лица. Портретомъ моимъ хаджи остался до-нельзя доволенъ; смотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, улыбаясь указывалъ пальцемъ на часы, на трубку, на полосы халата; эти подробности, кажется, особенно убѣждали его въ сходствѣ; наконецъ онъ попросилъ позволенія показать портретъ женамъ и бережно унесъ мою книжку въ гаремъ. Возвратясь, хаджи пригласилъ нашу амазонку сдѣлать визитъ его дамамъ, которыя, какъ всѣ заключенницы, страстно охочи до новыхъ лицъ, до неожиданныхъ происшествій. Женщины Хаджи-Абдула побросали свое тканье, свое вышиванье серебромъ и встрѣтили русскую гостью, стоя врядъ; быстро прикладывали онѣ свои руки сначала ко лбу, потомъ къ сердцу, также быстро поклонились ей въ ноги, вскочили, обняли, поцѣловали, потомъ съ какимъ-то лихорадочнымъ восхищеніемъ ощупали и обнюхали всякую подробность незнакомаго имъ туалета и чинно разсѣлись себѣ на диванахъ напротивъ своей гостьи, уже не шевелясь, не сгибаясь. Хаджи велъ за нихъ бесѣду.

Мы славно отдохнули и поѣли въ домикѣ мангупскаго Авраама. Кто предпочелъ выспаться, а я все время слушалъ разсказы хаджи и любовался чисто восточною обстановкою всей его жизни. Его маленькая кунацкая была отдѣлана затѣйливою деревянною рѣзьбою, кое-гдѣ раскрашенною съ наивною азіатскою пестротою. Сбоку былъ устроенъ альковъ съ такою же рѣзною дверочкою, въ которомъ хаджи совершалъ свои омовенья. На полочкахъ лежали въ необыкновенной опрятности разныя цѣнныя вещи и много такихъ же опрятныхъ рукописныхъ книгъ. Мангупскій Авраамъ еще не признавалъ изобрѣтенія майнцскаго нѣмца и не хотѣлъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ не пользовался пророкъ. Коврики и подушки были новенькіе, отлично выбитые, и самъ хаджи сидѣлъ на нихъ съ чисто вымытыми босыми ногами, съ бородою, въ которой былъ тщательно расчесанъ каждый волосокъ, самъ бѣлый, весь въ бѣломъ, — точно какой-то

кроткій столѣтній младенецъ. Онъ очень мало зналъ русскихъ словъ, я еще меньше татарскихъ, однако мы понимали существенное содержаніе нашего разговора. Хаджи былъ въ Меккѣ, въ Мединѣ, хаджи 22 года былъ имамомъ. Онъ непоколебимо вѣрилъ въ святость своего сана, во власть своей молитвы надъ силами судьбы и природы, въ талисманство каждаго слова корана. Его принципы жизни были опредѣленны, просты и тверды, какъ пріосѣнявшая дворъ его скала Мангупа. Хаджи очень пострадалъ въ крымскую кампанію и вспоминалъ о ней съ большимъ горемъ. Каралезская долина была въ рукахъ нашихъ, и у Мангупа стояли на баттареяхъ русскія пушки. Непріятели доходили до Мангупа съ южной стороны по рѣкѣ Шумо, черезъ Ай-Тодоръ, изъ Балаклавы. Русскіе солдаты все отняли у хаджи: ячмень, корову, 2000 рублей денегъ, срубили подъ корень садъ хаджи. Меншиковъ говорилъ солдатамъ: «валяй, ребята!» «Меншиковъ—яманъ-ага!» «Горшаковъ—якши-ага!» Самъ хаджи бѣжалъ въ Мархуръ, въ глубинѣ горъ. На три года войску досталъ бы Крымъ, коли-бъ не грабили, а такъ и на три мѣсяца не досталъ. Другіе получили потомъ отъ царя, а хаджи сказали, срокъ пропустилъ. «Комитатъ 25 рублей просилъ; дали-бъ и ему вознагражденье, а то подожди. А Хаджи-Абдулъ 22 года падишаху служилъ», говорилъ имамъ съ плачевными жестами и плачевнымъ голосомъ.

Къ вечеру совсѣмъ разъяснилось; лошади подкормились, и мы рѣшились подняться на Мангупъ, не откладывая до завтра. Воды не было слѣда: она вся ушла также разомъ какъ пришла. На улицахъ всѣ камушки были обмыты и уже просушены крымскимъ солнцемъ. Все глядѣло послѣ дождя особенно весело и ярко.

На Мангупъ-Кале можно взобраться двумя путями; одинъ долгимъ объѣздомъ изъ Ай-Тодорской долины, оврагомъ Альмалыкъ-Дере, черезъ развалины главныхъ крѣпостныхъ воротъ; это единственная дорога для мажаръ. Другая, верховая тропа идетъ прямо надъ Коджа-Сала по страшной крутизнѣ. Мы предпочли этотъ короткій путь. Крайній западный выступъ столовой горы татары называютъ *Чамнукъ-бурунъ*, «мысъ сосенъ»; между нимъ и «жидовскимъ мысомъ» (*Чуфутъ-бурунъ*) идетъ *Табана-дере*, «оврагъ кожевниковъ», по которому мы должны были подниматься. За Чуфутъ-буруномъ, между нимъ и «мысомъ вѣтровъ», *Гелли-буруномъ*, тянется второй лѣсной спускъ, подъ названіемъ «оврагъ бань», *Гаманъ-дере*, а за Гелли-буруномъ

послѣдній скатъ, самый доступный, «оврагъ воротъ», *Капу-дере*. Онъ замыкается съ востока крайнимъ и самымъ неприступнымъ выступомъ Мангупа — *Тешкли-буруномъ*, «мысомъ щели». Стихіи просверлили каменный носъ этого выступа огромнымъ окошкомъ, которое снизу и издали свѣтится словно игольное ушко; эта дыра и дала названіе мысу.

Съ первыхъ же шаговъ мы усумнились, возможно ли продолжать путь на лошадяхъ. Сначала шла гора такого рыхлаго щебню, который сыпался изъ-подъ копытъ, какъ колотый сахаръ, и не представлялъ никакого упора; потомъ поползла по косогористымъ краямъ обрывовъ капризно вьющаяся пѣшая тропка, скользкая и въ сухое время, а послѣ ливня сдѣлавшаяся невозможною. Наконецъ пришлось продираться черезъ низкоствольный колючій лѣсъ, котораго почва была сплошь засыпана огромными камнями. Лошади должны были переступать черезъ нихъ, какъ черезъ пороги и карабкаться по обваламъ, какъ по ступенькамъ лѣстницы. Все это нужно было дѣлать на подъемѣ подъ угломъ 45°, на каждомъ шагу извиваясь то направо, то налѣво. Какъ ни привычна крымская лошадь къ горнымъ тропинкамъ, но тутъ и она почти отказывалась. Жалко было слушать это тяжелое болѣзненное дышанье ихъ легкихъ, смотрѣть на эти взопрѣвшіе бока, вздувавшіеся быстро и сильно какъ мѣхи кузницы. А татары и въ усъ не дуютъ! Колотятъ себѣ палками бѣдную животину и никому не позволяютъ спѣшиться, да, признаться, сомнительно, чтобы и пѣшкомъ было лучше. На половинѣ пути мы встрѣтили еще уцѣлѣвшую передовую стѣну, преграждавшую оврагъ поперегъ, отъ Чамнукъ-буруна до Чуфутъ-буруна. Тамъ, гдѣ эта стѣна примыкаетъ къ скаламъ Чуфутъ-буруна, мы осмотрѣли весьма любопытную трехъ-ярусную пещеру изъ 4-хъ келій, соединенныхъ другъ съ другомъ каменными лѣстницами. Очевидно, это была сторожевая башня своего рода, бойница и казарма вмѣстѣ. За стѣною потянулось обширное караимское кладбище, древніе памятники котораго частью вросли въ скалу, частью разбросаны по лѣсу; впрочемъ множество еще не тронуто съ мѣста. Ихъ форма и надписи совершенно тѣ же, что въ Іосафатовой долинѣ близъ Чуфута: двурогія, однорогія, плоскія. Неизвѣстно въ точности, когда караимы поселились въ Мангупѣ. Въ XIII-мъ столѣтіи они жили здѣсь несомнѣнно, какъ это видно по надгробнымъ памятникамъ. По всей вѣроятности, они были и послѣдними жителями его; Палласъ въ своемъ путешествіи говоритъ про Мангупъ: «Сыромятники евреи пріѣзжаютъ сюда въ лѣтнее время изъ Чуфутъ-Кале» (въ Чуфутѣ же, какъ извѣстно, всегда жили евреи караимской сек-

ты) «и употребляютъ для выдѣлки кожъ обрѣтаемыя при этой горѣ во множествѣ дубильныя растенія (Rhus coriandria и Cotinus), при чемъ и вода здѣшняя почитается весьма способною для такой работы». Теперь уже и слуху нѣтъ объ этомъ промыслѣ, и на всей Мангупской горѣ я не могъ найти ни одного стебля Rhus coriandria или Rhus cotinus, которыя между тѣмъ встрѣчалъ въ окрестныхъ лѣсахъ. Все заполонилъ теперь травянистый бузынникъ. Табана́-дере на вершинѣ своей преграждается, какъ и другіе всходы, стѣною и круглыми зубчатыми башнями. Подъ стѣнами еще замѣтны ключи, копани и бассейны изъ известняка, въ которыхъ караимы мочили свои кожи. Около ключей также видна большая пещера. Стѣна и башня съ этой стороны подверглись большому разрушенію. При входѣ съ Мангупской плоскости на выступъ Чамнунъ-буруна стоялъ за́мокъ въ видѣ отдѣльнаго форта, защищавшій западный край горы. Отъ него остался теперь одинъ обглоданный остовъ, не дающій понятія ни о размѣрѣ, ни о формахъ его. Неподалеку же видны развалины караимской синагоги. Въѣздъ на плоскую вершину Мангупъ-Кале, черезъ осыпи обвалившейся стѣны—очень труденъ. За стѣною открывается широкая ровная площадь, занимающая все темя горы.

Здѣсь когда-то стоялъ большой и цвѣтущій городъ, славный въ исторіи Крыма. Теперь вы догадываетесь о его существованіи только по безчисленнымъ кучамъ мусора, покрывающимъ пастбища Мангупской горы. Лошади и коровы коджасальскихъ татаръ привольно пасутся теперь на мѣстѣ многолюдныхъ улицъ, безопасные за этими стѣнами.

Остатки древности исчезаютъ годъ за годомъ, и очень можетъ быть, что черезъ два года путешественникъ уже не найдетъ тѣхъ башенъ, которыя я еще видѣлъ. При Мартинѣ Броневскомъ въ XVI-мъ столѣтіи «Мангупъ имѣлъ два за́мка, драгоцѣнные греческіе храмы и зданія». Палласъ въ концѣ XVIII-го столѣтія видѣлъ въ Мангупѣ синагогу и нѣсколько домовъ, въ которыхъ обитали еврейскіе кожевники; въ развалинахъ двухъ христіанскихъ церквей онъ могъ еще разглядѣть византійскіе образа, писанные al fresco, между прочимъ образъ Богоматери въ восточномъ углу храма; а татарская мечеть сохранилась до его времени еще лучше христіанскихъ храмовъ. Теперь же съ трудомъ можно отыскать сами развалины синагоги, церкви и мечети. Никѣмъ не оберегаемыя, разрушаемыя стихіями и невѣжествомъ, эти древніе памятники стираются одинъ вслѣдъ за другимъ съ лица земли, погребая подъ собою исторію и лишая

прекрасныя мѣстности Крыма ихъ живописнѣйшаго и интереснѣйшаго украшенія.

Въ Мангупѣ теперь сколько-нибудь сохранились только стѣны и башни, отрѣзающія съ южной стороны всходы и буруны, тѣ самыя, что̀ мы видѣли снизу, отъ дороги. Лучше всѣхъ уцѣлѣла та часть ихъ, которая сбѣгаетъ довольно глубоко въ круглую лощину Гамамъ-дере; здѣсь еще видно въ нихъ много зубцовъ, бойницъ, и нѣкоторыя круглыя башни почти нетронуты. Толщина крѣпостныхъ стѣнъ болѣе аршина, а высота доходитъ до двухъ саж. Съ внутренней стороны этихъ стѣнъ, въ вершинѣ оврага, нѣсколько обширныхъ пещеръ, которыми скотъ пользуется теперь какъ убѣжищемъ отъ непогоды. Въ глубинѣ одной изъ этихъ пещеръ замѣтенъ ключъ и пробитый къ нему колодезь; проводники объяснили намъ, что это были древнія бани, отъ которыхъ и оврагъ прозвался *Гамамъ-дере*. Для татаръ Каджа-Сала этотъ ключъ въ горномъ пастбищѣ сущій кладъ. При Палласѣ на этомъ мѣстѣ былъ оправленный фонтанъ съ изсѣченною татарскою надписью 953 года геджры, т.-е. 1546 г. Броневскій также упоминаетъ о прекрасной водѣ Мангупа, о «нѣскольких ручьяхъ, стекающихъ со скалы, чистыхъ и удивительныхъ.»

Довольно полно сохранились также воротныя и другія башни, замыкающія вершину послѣдняго оврага—Капу-дере; а также отдѣльный за̀мокъ при входѣ на восточный выступъ—Тешкли-бурунъ. За̀мокъ этотъ — главная замѣчательность Мангупа и, повидимому, служилъ центромъ его жизни и его укрѣпленій. На восточномъ фасѣ его сохранилась очень хорошо красивая каменная рѣзьба около оконъ, которую одни считаютъ восточнаго, другіе греческаго рисунка. По-моему, она напоминаетъ точно также и готическія украшенія. Нижній этажъ сдѣланъ сводомъ и сквозь него проѣздъ готической формы на Тешкли-бурунъ. Въ стѣнахъ узкія амбразуры для ружей. Развалины христіанской церкви и мечети, о которыхъ говорятъ Палласъ и Кеппенъ, находятся недалеко, противъ передняго (западнаго) фасада за̀мка. Многіе считаютъ этотъ за̀мокъ греческой архитектуры; но Богушъ-Сестренцевичъ въ одномъ мѣстѣ своей исторіи Тавріи, увѣряетъ, что старинные греки называли Мангупъ-Кале *Кастронъ-Готиконъ*, «Готическимъ за̀мкомъ»; и дѣйствительно, за̀мокъ производитъ нѣкоторое впечатлѣніе готическаго зданія. Безъ сомнѣнія, это тотъ самый за̀мокъ, въ которомъ, по словамъ Мартина Броневскаго, по варварской ярости хановъ содержались въ жестокомъ заключеніи московскіе послы. По свидѣтельству нашихъ крымскихъ дѣлъ, былъ, напримѣръ, заклю-

ченъ въ Мангупѣ посолъ Іоанна Грознаго Аѳанасій Нагой со всѣми спутниками своими; тамъ же пять лѣтъ сряду просидѣлъ Василій Грязной, взятый въ плѣнъ татарами на рѣкѣ Молочной, или Молочныхъ водахъ.

«Не у браги увѣчья добывъ и не съ печи убившись», Грязной, по его собственнымъ словамъ, приводимымъ Карамзинымъ, содержался татарами очень худо; «и толькобъ не государская милость застала душу въ тѣлѣ, ино было съ голоду и съ наготы умерети», писалъ этотъ царскій любимецъ изъ своего плѣна царю Іоанну Грозному.

Но во всякомъ случаѣ замокъ этотъ теперь далеко не то, что онъ былъ при Броневскомъ, который видѣлъ въ немъ «отличныя ворота, украшенныя греческими надписями и многимъ мраморомъ.»

Характеръ цитадели, крѣпости въ крѣпости — очень ясенъ, когда вы входите на выступъ Тешкли-буруна, защищаемый этимъ замкомъ. Въ Тешкли-бурунѣ несомнѣнно была тюрьма, казарма. Каменныя нѣдра Тешкли-буруна съ юга и сѣвера изрыты пещерами въ нѣсколько ярусовъ. Въ иныя уже пройти нельзя, другія мы подробно осмотрѣли: цистерны, ясли, столбы для привязи, заваленки, альковы, вьющіяся каменныя лѣсенки — уцѣлѣли во многихъ изъ нихъ; всѣ онѣ висятъ надъ страшнымъ обрывомъ и спускаться въ нихъ небезопасно.

Но всѣхъ поразительнѣе «Барабанъ-пещера», *Даулджи-коба*. Носъ Тешкли-буруна, пробитый на вылетъ, служитъ крайне живописнымъ сходомъ въ эту пещеру. Лѣстница то спускается подъ треснувшимъ сводомъ этой огромной щели, то лѣпится совсѣмъ съ боку скалы, вися какъ гнѣздо ласточки надъ пропастью. Отъ ограды остались одни только ямки въ камнѣ, сами ступени слизаны и обглоданы временемъ, такъ что нѣкоторыхъ не видать. Не всякая голова въ состояніи прогуляться по этой лѣстницѣ; за то съ разныхъ поворотовъ ея виды внизъ и вдаль поразительнаго эффекта.

Барабанъ-пещера названа такъ потому, что отъ удара кулакомъ въ толстый известковый столбъ, поддерживающій сводъ ея главной залы, раздается сильный звукъ, напоминающій барабанъ. Очевидно, это была тюрьма. Изъ главной залы низенькіе проходы въ цѣлый рядъ келій; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣчены пробои въ каменныхъ столбахъ для цѣпи или веревокъ.

Мы покончили поздно съ осмотромъ Мангупскихъ развалинъ. Уже розовый закатъ обливалъ небо, и мы, съ нашего подоблачнаго плоскогорья, озирали кругомъ весь горный Крымъ, освѣщенный насквозь огнями этого заката. Ярко-синее море подни-

малось высоко на западномъ горизонтѣ, и на немъ съ необыкновенною отчетливостью вырѣзались бѣлыя точки парусовъ, бѣлые мѣловые обрывы севастопольскаго берега. Константиновская баттарея выползла далеко въ море и прилегла тамъ, какъ стоглазая сторожевая собака, сверкая на послѣднихъ лучахъ солнца. Еще огнистѣе сверкаютъ бѣлые маяки надъ бухтою и на Макензіевой горѣ—эта пара ночныхъ глазъ Севастополя, направляющая сквозь опасные туманы запоздавшія суда. Волны горъ лежатъ на югъ, на востокъ, на сѣверъ. Въ ихъ провалы сгущается дрожащій золотисто-розовый паръ, оттѣняющій всѣ степени дали, и сообщающій необъятной панорамѣ, обставшей кругомъ насъ, тотъ фантастическій, мечтательный тонъ, которымъ дышатъ ландшафты Клодъ-Лореня. Палласъ, суровый натуралистъ, называетъ *«неизъяснимо-прелестнымъ»* видъ, открывающійся съ вершины Машука; а Кларке, во 2-й части своего путешествія по Россіи, Татаріи и Турціи, отзывается о Мангупѣ еще восторженнѣе: *«Ничто, въ какой бы то ни было части Европы, не превосходитъ ужасной величественности этого мѣста.* Хотя я и навыкъ глядѣть на подобныя картины, однако же у меня едва достало равнодушія на то, чтобы набросить на бумагу этотъ удивительный видъ.»

Стоя на вершинѣ Мангупской горы, вы просто ощущаете необыкновенныя выгоды его стратегическаго положенія. Мангупъ видѣнъ издалека съ моря, съ западнаго берега и со всѣхъ горныхъ пунктовъ. Съ Мангупа видны всѣ пути въ горы юго-западнаго Крыма. Башни Мангупа могли всегда служить сигнальными маяками для вереницы укрѣпленій, которыя были въ древности разсыпаны отъ севастопольской бухты до Чатырдага. Это буквально владычествующій городъ. Въ темные вѣка только тотъ былъ самъ безопасенъ, только тотъ былъ господиномъ другого, кого нельзя было достать, кто могъ, какъ хищная птица, сторожить съ недоступной высоты довѣрчивыхъ и слабыхъ. Мыши, насѣкомыя—все тó, чтó составляетъ добычу другихъ—прячутся въ норахъ, въ трещинахъ, прилегаютъ къ землѣ. Орелъ, кобчикъ—торчатъ на верхушкахъ, парятъ подъ облаками. Такъ и въ человѣческомъ обществѣ, пока въ немъ цивилизація еще не обезпечила правъ каждаго. Крестьянинъ издавна привыкъ прятать свою хатку въ какую-нибудь балку, на берегъ рѣчки; баронъ строилъ себѣ зáмокъ на пикѣ скалы, а помѣщичьи хоромы непремѣнно на холмѣ; непремѣнно господствуютъ кругозоромъ надъ укрывшеюся у ногъ ихъ деревнею.

Оттого Мангупъ,—или по другому произношенію, Манкупъ, Манкопія, Мангутъ, — съ незапамятныхъ временъ, какъ только появилось въ исторіи его имя, играетъ роль средоточія мѣстной жизни. Онъ постоянно главнымъ городомъ чего-нибудь, — то цѣлаго народа, то княжества, то области. Горы, степь и берегъ моря у него одинаково въ рукахъ.

Намъ не только неизвѣстно, въ какомъ вѣкѣ, но даже и какимъ народомъ былъ построенъ Мангупъ-Кале.

Караимскій раввинъ изъ Чуфутъ-Кале, Мортхай Султаньскій передавалъ въ 1833-мъ году академику Кеппену, что въ то время еще оставалось въ живыхъ три человѣка, когда-то обитавшихъ въ Мангупѣ, хотя при Кеппенѣ они уже жили въ Евпаторіи и Бахчисараѣ. Эти старики слышали отъ предковъ своихъ, что караимы переселились въ Крымъ вмѣстѣ съ татарами изъ Персіи, Бухаріи и Черкезіи. Кромѣ того въ Мангупѣ поселились впослѣдствіи выходцы изъ Стараго Крыма. Вмѣстѣ съ ними караимовъ въ Мангупѣ было до 300 семействъ; но ко времени присоединенія Крыма къ Россіи въ 1783-мъ году число это, по разнымъ причинамъ, уменьшилось до 70-ти семействъ. Въ 1791-мъ году и эти разсѣялись по разнымъ мѣстамъ; мангупская земля поступила во владѣніе бывшаго хазнадара, отца Адильбея Балатукова, въ семействѣ котораго остается до сихъ поръ. Въ числѣ памятниковъ мангупскаго кладбища есть памятникъ Моисея Исаакова сына, относящійся къ 1278-му году; стало быть, существованіе Мангупа и пребываніе въ немъ караимовъ въ XIII-мъ столѣтіи—несомнѣнно. Но, сколько помню, знаменитый караимскій археологъ Фирковичъ говорилъ мнѣ о гораздо древнѣйшихъ надписяхъ мангупскаго кладбища. Если принять во вниманіе, что преданіе связываетъ поселеніе въ Мангупѣ съ переселеніемъ караимовъ изъ Азіи, то это событіе должно относиться къ глубокой древности. Фирковичъ доказываетъ, на основаніи одной приписки къ древнему пятикнижію, что соплеменники его поселились въ Крыму въ IV-мъ вѣкѣ до Р. Хр.

Въ Іосафатовой долинѣ Чуфутъ-Кале, ученый этотъ откопалъ древній гробъ, почти ушедшій въ землю, и прочелъ на немъ надпись одного изъ самыхъ первыхъ годовъ перваго вѣка нашей эры, чуть-ли не 6-го года по Р. Хр. Сверхъ того, онъ нашелъ въ томъ же кладбищѣ гробницу караимскаго раввина, обратившаго хазаръ въ іудейскую вѣру въ VII-мъ столѣтіи. Всѣ эти обстоятельства, а равно необыкновенное сходство Чуфута съ Мангупъ-Кале и ихъ близкое сосѣдство, заставляютъ вѣрить, что Мангупъ былъ древнѣйшимъ мѣстожительствомъ крымскихъ

караимовъ. Глядя на Столовую гору и на гробницы Мангупа, вы легко можете вообразить себя въ Чуфутѣ, и трудно думать, чтобы эти два родственные и сосѣдніе города населились неодновременно.

Во всякомъ случаѣ поселеніе караимовъ въ Мангупѣ не можетъ служить къ объясненію времени основанія его. Никто не приписывалъ караимамъ постройки Мангупа, уже по той простой причинѣ, что караимы никогда не вели самостоятельнаго политическаго существованія.

Всего вѣроятнѣе, что Мангупъ основанъ готами, которые поселились въ Крыму частью во II-мъ, частью въ IV-мъ столѣтіи нашей эры. Многіе старые писатели говорятъ о Манкупѣ или Манкопіи, какъ столицѣ готовъ. Краковскій каноникъ Матвѣй изъ Мѣхова, жившій на переломѣ XV-го и XVI-го столѣтій, въ своемъ описаніи страны сарматовъ, говоритъ, что татары вошли черезъ сѣверныя ворота Тавриды (т.-е. Перекопъ) и заняли всѣ ея города, селенія и земли, такъ что *одинъ только замокъ Манкупъ остался за владѣльцами манкупскими, которые были родомъ готы и говорили по-готски*. Мухамедъ же, когда завладѣлъ Кафою и привелъ въ зависимость перекопскихъ татаръ со всѣмъ полуостровомъ, убилъ двухъ братьевъ и владѣльцевъ манкупскихъ, *послѣднихъ готовъ*, когда-либо бывшихъ въ Сарматіи, Италіи, Испаніи и Франціи, и овладѣлъ Манкупомъ.

Такое обстоятельное и рѣшительное извѣстіе имѣетъ большое значеніе въ устахъ человѣка, бывшаго современникомъ Магометова завоеванія.

Это подтверждаетъ и Бержеронъ, говоря, что *готы*, тѣснимые гуннами, перешли частью во Ѳракію, Болгарію и далѣе въ Италію, *частію въ Тавриду*, гдѣ, послѣ изгнанія ихъ татарами, *нѣкоторые остались въ Манкупѣ и другихъ мѣстахъ.*

Бузбекъ, нѣмецкій посолъ въ Константинополѣ, разспрашивалъ въ XVI-мъ столѣтіи о крымскихъ готахъ людей, бывавшихъ въ Крыму. Они передавали ему о воинственномъ характерѣ готовъ и о томъ, что у нихъ *главные города Манкупъ* и Scikarin. Стало быть, во время Бузбека готы еще жили въ Крыму, какъ отдѣльная національность.

Также опредѣленно выражается Тунманъ, котораго обстоятельное сочиненіе о Крымѣ помѣщено въ 1787-мъ году въ Бюшинговой географіи. Упомянувъ, что греческія владѣнія въ Крыму съ 1204-го года сами себѣ избирали правителей или подпали подъ власть особыхъ князей, онъ добавляетъ, что два

такихъ княжества существовали до покоренія этихъ мѣстъ турками: Өеодорійское (Инкерманское) и *Готское (Мангупъ)*.

По увѣренію Тунмана, уже въ 754-мъ году въ Мангупѣ былъ *готскій епископъ*, и готы жили въ немъ еще въ 1560-мъ году. Главными городами ихъ Тунманъ, вѣроятно со словъ Бузбека, называетъ также Мангупъ и мѣстечко неподалеку оттуда, по имени Schuren или Schikarin; не трудно угадать въ этомъ послѣднемъ нынѣшній *Сюйрень* на Бельбекѣ, въ сосѣдствѣ съ Мангупомъ; въ немъ дѣйствительно видны развалины сильнаго укрѣпленія.

Литовскій митрополитъ Богушъ-Сестренцевичъ, современникъ присоединенія Крыма къ Россіи, лично посѣщавшій Крымъ и знакомый со всею древнею литературою о Крымѣ, самымъ положительнымъ образомъ говоритъ о Мангупѣ, какъ о столицѣ Готіи:

«Въ 7′ отъ Инкермана гора Баба, отдѣленная, покрытая лѣсомъ, съ остроконечною скалою на вершинѣ.... Гора сія составляетъ почти равносторонній треугольникъ съ тѣми, на коихъ находится Инкерманъ и Балаклава. Она приступна съ одной стороны черезъ отлогій скатъ. Въ прочихъ же мѣстахъ пресѣкается оное пропастьми неизмѣримой взоромъ глубины. Ея внутренность содержитъ великія изсѣченныя въ камняхъ пещеры. Вершина ея есть пространная, прямая и плодовыми деревьями покрытая равнина, въ срединѣ коей видны *развалины пространнаго города, нѣкогда бывшаго мѣстомъ пребыванія готовъ, которые назвали его Мангупомъ, а греки Кастронъ-Готиконъ*».

Въ другихъ мѣстахъ своей Исторіи Тавріи, составленной по Геродоту, Берозу, Діодору и пр., особенно же по византійскому историку Прокопію, Сестренцевичъ говоритъ:

«Въ срединѣ II-го вѣка готы покорили тавровъ, коихъ имя почти истребили. Въ концѣ IV-го вѣка другое колѣно готовъ, гонимое гуннами, проникло сквозь неприступныя тѣснины горъ и основало въ оныхъ республику, послѣ извѣстную подъ именемъ *княжества трапезитскихъ готовъ, государи коихъ жили въ Мангупѣ*. Готы названы были греками — трапезитами, потому что *жили на Столовой горѣ южнаго берега* (Синабдагѣ) параллельно южному берегу. По готскому произношенію страна эта называлась Доріе (Тауріе) и Готія. *Столицею былъ Мангупъ*». Трудно думать, чтобы готы жили именно на Яйлѣ, которую Сестренцевичъ называетъ Синабдагомъ, и которая не сохранила на себѣ никакихъ слѣдовъ общественной жизни. Не вѣроятнѣе ли подразумѣвать подъ Столовыми горами дѣйствительные трапезусы, скалистые столы Мангупа, Эски-Кермена и

др., которые нѣкоторыми даже позднѣйшими писателями (можетъ быть, по причинѣ сосѣдства своего съ моремъ) считались на морскомъ берегу.

Сестренцевичъ, посѣтивъ Мангупъ, былъ пораженъ чертами лица и нарѣчіемъ его обитателей. Онъ нашелъ въ Мангупѣ «нѣсколько ветхихъ строеній, обитаемыхъ неимущими жителями. Они происходятъ отъ древняго народа, какъ то можно заключить по мѣстоположенію, особымъ ихъ чертамъ и нарѣчію, совершенно отличному отъ языка сосѣдей». Впрочемъ очень вѣроятно, что почтенный прелатъ изумлялся ничему иному, какъ особенностямъ типа тѣхъ караимскихъ сыромятниковъ, которыхъ почти въ его же время встрѣтилъ въ Мангупѣ натуралистъ Палласъ.

Историки свидѣтельствуютъ, что «татары оставили стариннымъ христіанамъ гористыя и лѣсистыя части страны, гдѣ города Манкупъ, Каѳа и др.»; но въ концѣ XV-го столѣтія турки, овладѣвъ приморскими городами Крыма, завладѣли и Мангупомъ. Польскій посолъ Мартинъ Броневскій, о которомъ такъ часто приходится мнѣ упоминать, говоря о древностяхъ крымскихъ городовъ, видѣлъ Мангупъ въ 1578-мъ году, и оставилъ намъ такое описаніе его:

«Г. Манкопъ лежитъ между горами и лѣсами, далеко отъ моря. Здѣсь было два зàмка, построенныхъ на обширной и высокой скалѣ, великолѣпныя греческія церкви, домы и много ручейковъ, свѣжихъ и чистыхъ, вытекавшихъ изъ скалы. Но потомъ онъ былъ взятъ турками, а еще позже, спустя 18 лѣтъ, по сказанію христіанскихъ грековъ, совершенно былъ уничтоженъ внезапнымъ страшнымъ пожаромъ. Поэтому въ немъ нѣтъ ничего замѣчательнѣе верхняго зàмка, въ которомъ есть ворота, испещренныя греческими надписями, и высокій каменный домъ. Нерѣдко случается, что ханы, взбѣшенные противъ пословъ московскихъ и водимые варварскимъ обычаемъ, затворяютъ ихъ въ этомъ домѣ и строго содержатъ. Теперь остались тамъ только греческая церковь св. Константина и другая святого Георгія, совершенно ничтожныя. Тамъ живетъ только 1 грекъ, да нѣсколько евреевъ и турокъ; прочее все приведено въ ужасное разореніе и забвеніе. Нѣтъ даже никакихъ письменныхъ памятниковъ ни о вождяхъ, ни о народахъ, которые владѣли этими огромными зàмками и городами.

«Я съ величайшимъ стараніемъ и трудомъ отыскивалъ ихъ слѣды на каждомъ мѣстѣ. Но я узналъ отъ одного священника, грека, старика честнаго и умнаго, что незадолго до осады этого города турками, жили здѣсь какіе-то два греческіе князя, дѣдъ

и внукъ, которые вѣрно происходили отъ крови константинопольскихъ или трапезунтскихъ государей. Греки-христіане довольно долго въ этомъ городѣ обитали. Но вскорѣ потомъ, невѣрный и варварскій народъ, турки, нарушивъ данное слово, захватили его. Тѣ константинопольскіе князья уведены оттуда живые, и такимъ образомъ были умерщвлены турецкимъ султаномъ Селимомъ за 110 лѣтъ предъ симъ. На стѣнахъ греческихъ храмовъ видны изображенія, представляющія родословную государей и государынь, отъ которыхъ они, кажется, происходили».

Извѣстіе о кончинѣ вождей Мангупа согласуется съ разсказомъ каноника Матвѣя. Если греческій священникъ, передававшій Броневскому исторію своего города, и считалъ послѣднихъ вождей Мангупа за своихъ соплеменниковъ-грековъ, то это не можетъ еще опровергнуть свидѣтельства Матвѣя о томъ, что они были родомъ готы. Очень можетъ быть, что въ то время бо̀льшая часть го̀товъ уже слились съ греками и, продолжая быть готами по крови и языку, назывались иногда общимъ именемъ грековъ, къ политическому строю и религіи которыхъ они принадлежали, иногда своимъ родовымъ именемъ; точно такъ, какъ различныя племена, вошедшія въ составъ нашего государства, могутъ называться то общимъ именемъ русскихъ, то отдѣльными именами своихъ прежнихъ національностей.

Въ нашихъ «Крымскихъ Дѣлахъ» Мангупъ упоминается поздно, только съ 1474 г. Въ 1475 г. по свидѣтельству этихъ «Дѣлъ», передаваемому Карамзинымъ, въ Мангупѣ былъ князь Исайко, который черезъ московскаго посла боярина Никиту Беклемишева предлагалъ свою дочь въ замужство великому князю Іоанну Іоанновичу, сыну Ивана Васильевича III-го, и Иванъ III-й поручалъ своему другому послу, Алексѣю Старкову, развѣдать черезъ каѳинскаго богатаго еврея, Хози-Кокоса, сколько тысячъ золотыхъ Исайко готовитъ въ приданое за своею дочерью. Исайко этотъ въ одномъ генуэзскомъ документѣ 1472 года названъ Signore del Theodoro, «владѣтель Ѳеодоро». Это дало поводъ нѣкоторымъ ученымъ признать, что Теодори, Ѳедоро, Лотодеро, упоминаемый весьма часто въ исторіи Крыма, какъ значительный городъ и даже отдѣльное княжество, былъ не Инкерманъ, какъ до сихъ поръ думаютъ — а именно Мангупъ-Кале.

Турецкіе султаны иногда посылали въ Россію послами князей мангупскихъ, которые были родомъ греки. Такъ въ 1512 году султанъ Селимъ посылалъ въ Москву посломъ *Ѳеодорита*,

князя Мангупскаго, Кемала; а въ 1522 г. султанъ Солиманъ посылалъ къ намъ *Скандера князя Мангупскаго.*

Въ XIV-мъ столѣтіи Мангупъ, повидимому, попалъ подъ власть генуэзцевъ, потому что турки отняли его не у грековъ, а у генуэзцевъ. Сестренцевичъ, на основаніи, кажется, итальянскихъ источниковъ, такъ передаетъ намъ о паденіи Мангупа: После того, какъ турки взяли Каѳу, Судакъ, Балаклаву, Инкерманъ, Херсонесъ, Керчь и пр., Мангупъ «называемый стальнымъ, поелику никакія стрѣлы не могли долетать до него, и который почитали неприступнымъ, тѣмъ менѣе колебался въ защищеніи себя, что былъ усиленъ множествомъ бѣглыхъ генуэзцевъ».

Ахметъ-паша рѣшился взять его голодомъ. Но по оплошности своей начальникъ города былъ нечаянно захваченъ турками въ ту минуту, какъ онъ выѣзжалъ на охоту. Городъ былъ взятъ. Генуэзцы бѣжали въ противуположныя ворота. Бо́льшая часть жителей была побита, остальные отосланы въ плѣнъ въ Царьградъ. Эти подробности подтверждаются у Карамзина и исторіею крымскихъ хановъ, изданною въ Казани.

Бопланъ, французскій инженеръ, посѣтившій Мангупъ въ XVII стол., то-есть уже послѣ разрушившаго его пожара, отзывается о немъ, какъ о незначительномъ мѣстечкѣ:

«Манкупо—дрянной за̀мокъ на горѣ Баба̀, въ этомъ за̀мкѣ всѣ жители — евреи, и въ немъ не можетъ быть болѣе 60 дымовъ».

Впрочемъ, значеніе Мангупа, какъ центральнаго административнаго и военнаго пункта, повидимому, не утратилось еще долго. При турецкомъ владычествѣ онъ остался главнымъ городомъ цѣлаго кадалыка. Палласъ сохранилъ намъ списокъ селеній, принадлежавшихъ туркамъ, составленный для потребностей фиска при ханѣ Шагинъ-Гиреѣ. Изъ списка этого видно, что мангупскій кадалыкъ былъ самый обширный и занималъ весь нынѣшній Ялтинскій уѣздъ и часть Симферопольскаго. Балаклава, Инкерманъ, Ялта, Ахтіаръ (теперешній Севастополь) — принадлежали къ нему. Вообще къ нему было приписано 89 мѣстечекъ. Всѣ крымскія горы до Алушты и Демерджи, и весь южный берегъ входили въ составъ мангупскаго кадалыка.

Мангупъ въ этомъ спискѣ Шагинъ-хана (значитъ, въ самомъ концѣ XVIII стол.) продолжаетъ называться городомъ, хотя Инкерманъ, Балаклава и пр. старинные города перечисляются въ этомъ спискѣ въ качествѣ простыхъ деревень. Голландецъ Витсенъ говоритъ, что крымскіе ханы въ смутныя времена поль-

зовались мангупскою крѣпостью, въ которой они укрывались сами и прятали свои богатства.

Французскій посланникъ Пейсонель, бывшій въ Крыму около полустолѣтія до Палласа (1753), въ своемъ трактатѣ о черноморской торговлѣ также свидѣтельствуетъ объ административномъ значеніи Мангупа: «Манкупъ, говоритъ онъ, старая крѣпость; ея власть (собственно, за juridiction) простирается на 74 деревни».

Военное значеніе Мангупа могло усиливаться еще тѣмъ обстоятельствомъ, что мимо него былъ проходъ изъ внутренности горъ, къ западному берегу Крыма и въ степь.

Инженеръ Вассаль въ 1834 г. видѣлъ еще остатки двухъ стѣнъ, преграждавшихъ у западнаго подножія Мангупа дорогу изъ Ай-Тодора въ Каралезы. Существованіемъ здѣсь важнаго прохода въ горы объясняютъ и названье *Богазъ-Сала*, подъ которымъ при Палласѣ была извѣстна деревня Каджи-Сала (*богазъ*—по-татарски проѣздъ).

И во время крымской кампаніи русскіе инженеры воспользовались стратегическимъ положеніемъ Мангупа. Мангупъ былъ вооруженъ пушками, а въ томъ ущельи, въ которомъ Вассаль нашелъ слѣды стѣнъ, устроены были баттареи, преграждавшія непріятелю движеніе на Каралезы и Бельбекъ.

Но обратимся отъ историческихъ воспоминаній о древней судьбѣ крымскихъ горъ къ современности.

Евг. Марковъ.

Симферополь, 1871.

ДѢТСТВО И МОЛОДОСТЬ ДИККЕНСА

The Life of Charles Dickens, by John Forster. Tauchnitz Ed. 1, 2 Vols.

Можно, кажется, сказать, что нѣтъ ни одного романиста, который пользовался бы такой всемірной популярностью, какъ Чарльзъ Диккенсъ, если только подъ словомъ «популярность» разумѣть нѣчто болѣе общеизвѣстности. Такихъ романистовъ, которые имѣли милліоны читателей, есть нѣсколько, кромѣ Диккенса. Но различіе его съ ними, то, что въ то время, какъ нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли общеизвѣстность легкостью, забавностью, анекдотичностью своихъ произведеній, онъ сталъ всемірно популярнымъ въ высшемъ смыслѣ этого слова: кто его читалъ, не забываетъ его, сживается съ его типами, какъ съ живыми знакомыми людьми, и ощущаетъ навсегда вліяніе на свой умъ этого великаго писателя. Другая особенность популярности Диккенса та, что хотя онъ, какъ разскащикъ, строго устранялъ изъ своихъ произведеній собственную личность, стараясь не становиться между читателемъ и дѣйствующими лицами даже и для поясненія ихъ характеровъ и намѣреній, предоставляя имъ пояснять самихъ себя, но при всемъ томъ рѣдко читатели такъ тѣсно сближались именно съ личностью самого автора, такъ сильно привязывались къ нему, какъ то было съ Диккенсомъ. Это явленіе было обусловлено особенностями какъ его таланта, такъ и его намѣреній. Какъ ни устраняетъ себя Диккенсъ со сцены сво-

ихъ разсказовъ, но въ самой манерѣ его такъ много оригинальности, въ изложеніи столько задушевности, что часто мы менѣе интересуемся развязкою дѣйствія, чѣмъ чудесными свойствами того стеклышка, которое даетъ намъ этотъ авторъ и сквозь которое мы разсматриваемъ людей. А сверхъ того, мы хотя и не открываемъ у него никакой преднамѣренности, но выносимъ изъ его разсказовъ такое впечатлѣніе, что онъ возлюбилъ «труждающихся и угнетенныхъ», и въ особенности дѣтей, что онъ глубоко сочувствуетъ горю и всю силу своего таланта посвящаетъ этому горю бѣдныхъ и слабыхъ, отстаиваетъ человѣчность въ сферахъ самаго порока и преступленія, будитъ самодовольное общество воплями тѣхъ мученій, которыхъ оно не хотѣло бы знать. Преднамѣренность скрыта не только объективностью его разсказа, но и разнообразіемъ его пріемовъ. Онъ одинъ изъ первыхъ обличителей общественнаго зла въ романѣ; и несмотря на то, что послѣ него явилось много подобныхъ обличителей, они устарѣли, а не онъ, потому что они были болѣе рутинны, чѣмъ онъ. Дѣло въ томъ, что онъ не ограничивается обличеніемъ и не только не выступаетъ прямо въ такомъ качествѣ, но скрываетъ его другимъ пріемомъ: разрывая эти слои, уличающіе самодовольное общество въ эгоизмѣ, онъ въ то же время, указываетъ посреди нихъ на такія чистыя, непорочныя натуры, иногда на такой истинный героизмъ какого-нибудь несчастнаго ребенка или убогой старухи, которые еще усиливаютъ обличеніе, а вмѣстѣ и разнообразятъ ту картину, которая иначе утомила бы читателя. Онъ какъ-бы указываетъ цвѣтки въ открытой имъ ямѣ, и эти цвѣтки не заслоняютъ яму, напротивъ, сравнительно съ ними она выдается еще рельефнѣе; но они такъ подкупаютъ читателя своей художественностью, что онъ, испытывая на себѣ все впечатлѣніе, преднамѣренное авторомъ, только самаго преднамѣренія-то и не замѣчаетъ.

Другъ слабыхъ, защитникъ дѣтей, умѣющій вызывать въ умѣ нашемъ самыя сокровенныя, полусознанныя представленія и приводить въ движеніе самыя чувствительныя, такъ сказать интимныя струны души, пользуется во всемъ свѣтѣ сочувствіемъ столь же глубокимъ, какъ велико удивленіе къ его тонкому и увлекательному юмору. Но до сихъ поръ было неизвѣстно, что Диккенсъ самъ, лично, испыталъ часть того горя, которое онъ описываетъ, что онъ съ нищетою самъ нѣкогда стоялъ лицомъ къ лицу. Вотъ главный, существенный фактъ, впервые раскрытый книгою его друга Форстера. Форстеръ написалъ біографію Диккенса по смерти его, согласно выраженному имъ не разъ желанію. Съ этой цѣлью, Диккенсъ вручилъ своему другу въ раз-

ныя времена нѣсколько автобіографическихъ отрывковъ. Сверхъ того, у Форстера сохранились всѣ письма, полученныя имъ отъ Диккенса въ теченіи долговременнаго знакомства; сами по себѣ, собственныя воспоминанія Форстера о Диккенсѣ, его трудахъ, нравѣ и привычкахъ имѣли бы уже большое значеніе, такъ какъ изъ писемъ, приводимыхъ въ книгѣ, видно, что Диккенсъ совѣтовался съ нимъ о всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, просилъ его посредничества въ дѣлахъ, наконецъ считалъ его ближайшимъ повѣреннымъ своихъ мыслей, посылалъ ему до напечатанія все что̀ писалъ, и въ бесѣдахъ съ нимъ дополнялъ устными разсказами то, что̀ не было ясно изъ автобіографическихъ отрывковъ.

Сочиненіе Форстера еще не кончено; но въ той части, которая вышла въ свѣтъ, уже заключается все что намъ наиболѣе любопытно знать о Диккенсѣ, именно, какъ онъ изъ заброшеннаго, почти уличнаго мальчика сдѣлался тѣмъ, чѣмъ мы его знаемъ; какъ онъ работалъ, и какъ относился къ людямъ и учрежденіямъ. Единственный упрекъ, какой можно сдѣлать Форстеру, это тотъ, что онъ приводитъ иногда изъ имѣющагося у него матеріала — писемъ Диккенса, такіе отрывки, которые не заключаютъ въ себѣ почти ничего, кромѣ изліяній дружбы къ нему, Форстеру; иногда же пропечатываетъ такія фразы Диккенса, которыя тотъ хотя и могъ произнести въ фамильярномъ, необдуманномъ разговорѣ, но вѣроятно ни за что не согласился бы признать въ самомъ дѣлѣ за выраженіе своихъ мнѣній. Такъ, напр., Диккенсъ шутилъ, будто онъ влюбленъ въ молодую королеву Викторію, и когда на жизнь ея въ первый разъ было сдѣлано покушеніе, то онъ выразился при Форстерѣ, что виновника слѣдовало бы «задушить перинами» для устрашенія подражателей. Очевидно, что если такое шекспировское воспоминаніе и не было шуткой со стороны Диккенса, то во всякомъ случаѣ оно не выражало серьезнаго убѣжденія его, а было просто фразою, брошенною на вѣтеръ. Повторять такія фразы въ печати черезъ тридцать лѣтъ, влагая ихъ въ уста человѣку, который уже имѣетъ всемірное значеніе, значитъ поступать слишкомъ нераціонально. Мало ли какая глупость могла сорваться съ языка у величайшаго генія. Все что Диккенсъ хотѣлъ *сказать* обществу, онъ сказалъ ему въ своихъ произведеніяхъ, а въ нихъ никогда и не звучало ничто, похожее на эту уродливую шутку. Въ этомъ же смыслѣ и изъ частныхъ писемъ Диккенса изъ Америки, во время первой его поѣздки туда (на этой поѣздкѣ оканчивается извѣстная намъ часть труда Диккенса). Форстеру слѣдовало выбирать поосмотрительнѣе, чѣмъ онъ сдѣлалъ.

что̀ онъ хотѣлъ дать, какъ свое мнѣніе объ американцахъ, то онъ тогда же далъ въ своихъ замѣткахъ объ Америкѣ (American Notes). Многія мѣста изъ своихъ писемъ Форстеру онъ самъ помѣстилъ въ эту книгу. Остальное, стало быть, онъ не хотѣлъ выдавать за свое мнѣніе, и Форстеру теперь слѣдовало не смѣшивать пустяковъ съ дѣломъ и не воспроизводить того, что̀ могло быть капризомъ или шуткой, въ видѣ мнѣній великаго писателя. Такъ, напр., въ письмахъ Диккенсъ могъ много смѣяться надъ «плеваньемъ» американцевъ, гораздо больше, чѣмъ захотѣлъ бы заниматься печатно такимъ вздоромъ. Такъ, въ одномъ письмѣ онъ говоритъ, что ни за что не согласился бы, не могъ бы жить въ Америкѣ, и самъ не объясняетъ почему: «слишкомъ много причинъ, чтобы излагать ихъ здѣсь», говоритъ Диккенсъ. А Форстеръ теперь это печатаетъ, и выходитъ, какъ будто Диккенсъ не могъ бы жить въ Америкѣ потому, что былъ аристократъ въ душѣ. Впрочемъ медвѣжьи услуги въ родѣ сейчасъ указанныхъ почти всѣ біографы, пользующіеся «частнымъ» матеріаломъ, оказываютъ своимъ героямъ. Біографъ еще въ бо̀льшей степени, чѣмъ переводчикъ, traduttore, бываетъ—traditore.

За этой оговоркой относительно послѣдней вышедшей части книги Форстера, мы и не будемъ возвращаться къ ней, и обратимся прямо къ тому, что̀ въ ней новаго, существеннаго, къ свѣдѣніямъ о дѣтствѣ и первыхъ работахъ Диккенса.

I.

Чарльзъ Диккенсъ родился въ Портси 7-го февраля 1812-го года. Отецъ его былъ незначительный чиновникъ въ казначействѣ морского вѣдомства; его мать была изъ той же среды мелкаго чиновничества. Изъ семерыхъ братьевъ и сестеръ его, теперь жива только одна сестра. Мальчикъ онъ былъ слабый и хилый, особенно въ раннемъ дѣтствѣ, такъ что чтеніе очень рано замѣняло ему игру съ товарищами. Охота къ чтенію развита была въ немъ матерью, которая не только обучила его грамотѣ, но какъ то обыкновенно бываетъ въ небогатыхъ семействахъ въ Англіи, дала ему все первоначальное образованіе, включая сюда разумѣется и основанія латинскаго языка. Лѣтъ шести-семи отъ роду, Чарльзъ уже перечиталъ нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ были Донъ-Кихотъ, Жиль Блазъ, Робинсонъ Крузо, Вэкфильдскій священникъ, арабскія сказки и т. д. Необыкновенная наблюдательность и сила воображенія проявля-

ются во всѣхъ отрывкахъ, гдѣ Диккенсъ самъ говоритъ о своемъ дѣтствѣ. Изъ этихъ воспоминаній тотчасъ убѣждаешься, что въ немъ и въ самомъ раннемъ возрастѣ проявлялась не одна только впечатлительность, общая всѣмъ дѣтямъ, но именно способность такъ сказать тотчасъ «причитать» къ впечатлѣнію — какую-нибудь идею, и тѣмъ самымъ закрѣпить это впечатлѣніе въ умѣ навсегда; и также, только наоборотъ—внутреннія понятія тотчасъ сопрягать съ вещественнымъ представленіемъ, съ образомъ, или звукомъ, или запахомъ, а при чтеніи все происходящее въ книгѣ тотчасъ переносить въ реальную область ближайшей, окружающей себя сферы. Такъ Диккенсъ помнилъ, какъ его учили азбукѣ, потому что помнилъ, какъ «добродушны» ему показались O и S посреди другихъ буквъ. Онъ читаетъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался англійскій мореплаватель среди дикихъ, и нѣсколько дней ходитъ въ квартирѣ вооруженный колбалкой; въ то время какъ онъ читаетъ, что матросъ лезетъ на мачту, онъ видитъ образъ человѣка, лѣзущаго на шпиль знакомой ему колокольни.

Изъ этой способности сопрягать мысль съ образомъ, и наоборотъ, естественно вытекала потребность собственнаго творчества. И вотъ, ребенкомъ, Диккенсъ уже написалъ трагедію «Миснаръ, султанъ индійскій».

До 9-го года Диккенсъ жилъ въ Чатамѣ и ходилъ тамъ въ начальную школу. Онъ отлично помнилъ разныя дѣйствительныя и воображаемыя происшествія, которыхъ свидѣтелемъ былъ лугъ, служившій ученикамъ мѣстомъ игры. Но въ то же время у него не менѣе крѣпко запечатлѣлся въ памяти такой чисто-отвлеченный фактъ, какъ сообщеніе ему, на этомъ же лугу, однимъ изъ товарищей, сыномъ чиновника поважнѣе, что на свѣтѣ существуютъ *радикалы*. Товарищъ объяснилъ ему, что есть «нѣкая ужасная шайка, называемая *радикалы*, которой принципы состоятъ въ томъ, что принцъ-регентъ носитъ корсетъ, что никто не имѣетъ права на жалованье, и что армію и флотъ слѣдуетъ отмѣнить»,— ужасы, которые тревожили его въ постели, такъ что онъ молился, чтобы «радикалы» были скорѣе взяты и повѣшены. Изъ воспоминаній его дѣтства многое совершенно точно разсказано имъ въ «Давидѣ Копперфильдѣ»; тамъ же перечислены и книги, которыя любилъ читать Давидъ Копперфильдъ, то-есть Чарльзъ Диккенсъ: Roderick Random, Peregrine Pickle, потомъ тѣ, которыя уже названы выше и еще нѣсколько сборниковъ. Въ описаніи дѣтства Копперфильда вошли многіе отрывки изъ собственныхъ воспоминаній Диккенса, и кажется начальныя буквы имени

Давида Копперфильда не безъ намѣренія тѣ же, какъ Чарльза Диккенса (С. D.).

Чарльзу только-что пошелъ десятый годъ, когда отца его перевели на службу въ Лондонъ. Мальчикъ долженъ былъ распрощаться со школой, товарищами, съ почти деревенской жизнью, съ Эхтемомъ, гдѣ была «родина его фантазіи». Его отправили въ Лондонъ въ дилижансѣ, одного. Запахъ сырой соломы, служившей подстилкою въ дилижансѣ, навсегда оставался въ его памяти связаннымъ съ пріѣздомъ въ Лондонъ. «Кромѣ меня, внутри дилижанса, не было никого, одиноко поѣдалъ я мои бутерброды, и все время шелъ дождь, и жизнь показалась мнѣ грязноватѣе, чѣмъ я ожидалъ». Въ Лондонѣ Диккенсы тотчасъ попали въ крайне-стѣсненное положеніе, въ которомъ и оставались до тѣхъ поръ, пока Диккенсъ-отецъ не бросилъ ремесло чиновника и не сдѣлался газетнымъ стенографомъ. Постоянныя денежныя затрудненія, частыя сдѣлки съ кредиторами, нищета, а наконецъ и тюрьма за долги, и все это при невозмутимой безпечности и добродушіи отца Диккенса, послужили канвой для знаменитаго изображенія супруговъ Микоуберъ, которые постоянно переселяются изъ угла въ уголъ, и при томъ все утѣшаются надеждою на нѣчто могущее «представиться» (something turning up) и выручить ихъ изъ бѣды; которые пишутъ отчаянныя письма, съ прощаньями на вѣки, какъ будто «на этотъ разъ» небо уже окончательно рухнуло надъ ними, а между тѣмъ, когда придешь провожать ихъ, то они сидятъ на верху дилижанса, улыбаются и грызутъ орѣхи.

Bayham-street въ то время (1821—22) была одна изъ бѣднѣйшихъ, отдаленныхъ мѣстностей Лондона. Узкая квартирка, съ несчастнымъ садикомъ, выходившимъ на грязный дворъ; рядомъ сосѣдка—прачка; сосѣдъ, напротивъ—полисменъ. Мальчиковъ, товарищей не было; совершенное уединеніе, но безъ природы, уединеніе на грязной улицѣ, среди нищеты—вотъ та обстановка, въ какую попалъ мальчикъ Диккенсъ. Горько ему было, что все хорошее, то-есть и луга, и близость моря, и паркъ, и книги, осталось далеко, въ Чатамѣ; горько было, что нельзя было учиться, что его не посылали въ школу. «Но», замѣчаетъ отъ себя Форстеръ, «онъ не зналъ, что въ дѣйствительности онъ поступилъ въ иную школу. Безсознательно, наблюдая окружающую нищету, и самоучкою додумываясь до вѣрной оцѣнки поступковъ окружавшихъ его взрослыхъ людей, онъ учился въ то время именно тому, что ему необходимо было знать, чтобы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался впослѣдствіи». Форстеръ для объясненія того, какимъ образомъ мальчикъ остался нѣкоторое

время безъ воспитанія и безъ присмотра, какъ бы заброшенный, приводитъ со словъ Диккенса слѣдующій портретъ отца его: «Отецъ мой одинъ изъ самыхъ сердечно-добрыхъ и великодушныхъ людей, какіе когда-либо бывали на свѣтѣ. Все, что я только могу припомнить себѣ изъ его поведенія относительно жены его, или дѣтей, или друзей, въ болѣзни и печали,—выше всякой похвалы. Когда я, будучи ребенкомъ, хворалъ, онъ день и ночь, безъ устали, наблюдалъ за мной, терпѣливо просиживалъ подлѣ меня многіе дни и многія ночи. Всякое дѣло, порученіе или довѣренность, за какія онъ только принимался, онъ всегда исполнялъ усердно, добросовѣстно, аккуратно, честно. Трудолюбіе его всегда было безгранично. Онъ и гордился мною, по-своему, и особенно любовался моимъ умѣньемъ исполнять комическія пѣсни. Но природная его легкость характера (Диккенсъ не хотѣлъ сказать: безпечность, а называлъ это близко подходящими словами: the ease of his temper) и потомъ ограниченность его средствъ произвели то, что въ это время онъ повидимому совсѣмъ утратилъ мысль о доставленіи мнѣ вообще какого бы то ни было воспитанія, и о томъ, что на немъ лежала какая бы то ни было обязанность въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ, я мало-по-малу былъ обращенъ къ чисткѣ его и своихъ сапоговъ по утрамъ, къ разнымъ домашнимъ работамъ, къ нянчанью своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ (всѣхъ насъ было тогда шестеро) и къ побѣгушкамъ такого рода, какой соотвѣтствовалъ нашей бѣдности».

Изъ этихъ побѣгушекъ, многія, какъ оказывается, имѣли цѣлью букиниста, скупавшаго книги. Представьте себѣ десятилѣтняго мальчика, который приходитъ къ букинисту съ книгой, и съ нетерпѣніемъ ждетъ отъ него нѣсколькихъ шиллинговъ, такъ необходимыхъ дома; а букинистъ, между тѣмъ, пропьянствовавъ ночь, по обыкновенію, ругается съ женой, ищетъ деньги по карманамъ своего платья, и наконецъ даетъ, но не все, что слѣдуетъ по его же оцѣнкѣ! Остальное дополняетъ уже въ другой комнатѣ его жена. Этотъ мальчикъ — Диккенсъ. Родители его придумывали разныя комбинаціи, чтобы выпутаться изъ своего положенія, но всѣ эти комбинаціи, по очевидной безпечности ихъ—хотя Диккенсъ и Форстеръ не говорятъ этого—не удавались. Въ числѣ ихъ было основаніе школы, въ которой г-жа Диккенсъ хотѣла обучать дѣтей, присылаемыхъ въ Англію изъ Ост-Индіи, для воспитанія. Чарльзъ Диккенсъ разнесъ множество экземпляровъ объявленій объ этой школѣ. Но повидимому все основаніе ея состояло въ томъ, что пріискана была квартира нѣсколько получше прежней, и на двери вывѣшена

была бронзовая доска съ надписью: Mrs. Dickens's Establishment. Предполагалось конечно, что они скоро разбогатѣютъ отъ индійскихъ доходовъ, и самъ Чарльзъ впередъ утѣшалъ себя мыслью, что тогда ему можно будетъ учиться. «Но никто не явился въ нашу школу, говоритъ Диккенсъ, и я даже не помню, чтобы кто-нибудь, когда-либо, заявилъ желаніе поступить въ нее, или чтобы когда-либо дѣлались, какія бы то ни было приготовленія для пріема кого-нибудь въ нее». Понятно, что такимъ путемъ «школа» вмѣсто обогащенія привела совсѣмъ къ иному результату, а именно къ тюрьмѣ за долги. Со слезами бѣгалъ мальчикъ изъ дому къ отцу, когда тотъ былъ арестованъ, но еще не посаженъ въ тюрьму. Когда же, наконецъ, ворота тюрьмы приняли Диккенса старшаго и онъ сказалъ сыну: «теперь для меня зашло солнце навѣки», то мальчикъ былъ пораженъ глубокимъ горемъ и искренно принялъ такой исходъ за финальную катастрофу. Но очень скоро оказалось, что отецъ зажилъ въ тюрьмѣ съ обычною веселостью и беззаботностью, совершенно какъ мистеръ Микоуберъ. Вообще отношеніе Микоубера къ превратностямъ судьбы и самыя сцены, происходящія въ тюрьмѣ въ «Давидѣ Копперфильдѣ», были списаны съ натуры, изъ воспоминаній о томъ, какъ онъ мальчикомъ посѣщалъ отца и мать въ тюрьмѣ Маршэльси. и былъ тамъ «представленъ» ими другимъ заключеннымъ. Но испытанія мальчика не кончились тѣмъ, что домъ его былъ перенесенъ въ тюрьму. Ему предстояло испытаніе иного рода, именно паденіе до степени простого чернорабочаго мальчика. Диккенсъ крайне тяготился впослѣдствіи воспоминаніемъ объ этомъ времени своей жизни, и именно для «облегченія» себя отъ боли, какую оно ему причиняло сперва, разсказалъ эти обстоятельства въ письмѣ къ своему другу Форстеру, а потомъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, предпринялъ описать вообще свое дѣтство въ романѣ, что и послужило основою для «Копперфильда». Но и Форстеру онъ не при самомъ началѣ своей дружбы съ нимъ сдѣлалъ эти признанія. а сдѣлалъ ихъ онъ, между прочимъ, и съ той цѣлью, чтобы Форстеръ огласилъ ихъ въ біографіи, по смерти Диккенса, что Форстеръ теперь и исполнилъ. Обстоятельства, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, относятся къ 1822-му году.

Въ то время славилась *вакса* Уоррена—Warren's Blacking. 30, Strand—таковы были и названія этого знаменитаго продукта, и его адресъ. Нѣкій родственникъ Роберта Уоррена, эксплуататора этой ваксы, Джонатанъ Уорренъ заявлялъ претензію, что настоящимъ изобрѣтателемъ «ваксы Уоррена» былъ онъ, и что Робертъ Уорренъ, устранивъ отъ дѣла законнаго отца этой ваксы,

эксплуатировалъ ее въ свою пользу. Весьма дальній родственникъ Диккенсовъ, Джоржъ Лемертъ купилъ у этого обиженнаго Уоррена его рецептъ и имя, за пожизненную ренту, и открылъ близъ того же Strand лавку «настоящей» уорренской ваксы. Адресъ его былъ: 30, Hungerford-stairs, Strand, при чемъ, для вѣрнѣйшей конкурренціи цифра 30 и названіе Strand, которые были одинаковы съ адресомъ Роберта Уоррена, печатались на объявленіяхъ крупно, а имя самаго мѣста, Hungerford-stairs, какъ неподходящее къ дѣлу, печаталось мелкимъ шрифтомъ. Въ это-то коммерческое предпріятіе мальчикъ Диккенсъ былъ отданъ своими беззаботными родителями. Ихъ прельстило, что ему назначалось жалованье, которое составляло сперва шесть, потомъ семь шиллинговъ въ недѣлю. Диккенсъ въ одномъ изъ автобіографическихъ отрывковъ, которые онъ далъ Форстеру, такъ говоритъ объ этомъ рѣшеніи: «мнѣ удивительно, какъ могли меня такимъ образомъ бросить на произволъ судьбы въ такомъ возрастѣ. Я не понимаю, какъ никто не имѣлъ достаточно жалости къ ребенку замѣтныхъ способностей, понятливому, прилежному, слабому, такому, котораго легко было обидѣть физически и нравственно, — и не заикнулся, что слѣдовало найти какія-нибудь средства — невозможно это не было — чтобы опредѣлить меня въ какую-нибудь школу. Должно быть, друзья наши уже устали помогать намъ; ни одинъ изъ нихъ не откликнулся. Отецъ мой и мать были совершенно довольны, такъ довольны моей судьбой, какъ будто бы мнѣ было двадцать лѣтъ, и я, съ отличіемъ окончивъ средній курсъ, поступалъ въ кэмбриджскій университетъ».

Складъ ваксы помѣщался въ старомъ, полуразрушенномъ домѣ, выходившемъ на Темзу и наполненномъ крысами. Диккенса посадили сперва въ особую каморку въ томъ этажѣ, гдѣ помѣщалась контора. Работа его состояла въ томъ, чтобы обвязывать банки съ ваксою. Банки онъ долженъ былъ сперва покрыть сверху бумагой, пропитанной масломъ, потомъ синей бумагой, обвязать покрышку шнуркомъ, обрѣзать вокругъ бумагу, и когда такимъ образомъ было готово нѣсколько «гроссовъ» банокъ, — наклеивать на каждую печатный ярлыкъ. Въ первый же день, къ нему въ каморку явился мальчикъ въ разорванномъ передникѣ и бумажномъ колпакѣ, чтобы показать ему, какъ это дѣлается; мальчикъ этотъ назывался Bob Fagin; его имя впослѣдствіи дано было Диккенсомъ одному изъ лицъ «Оливера Твиста».

Родственникъ Диккенса намѣревался сперва учить его чему-нибудь во время обѣда, каждый день; но конторскія занятія

мѣшали исполненію этого намѣренія, которое и было скоро оставлено. Вмѣстѣ съ тѣмъ Диккенсъ перешелъ изъ своей отдѣльной каморки въ общую комнату, гдѣ еще нѣсколько мальчиковъ занимались тѣмъ же самымъ дѣломъ, какъ и онъ. «Нѣтъ словъ», говоритъ Диккенсъ въ своей запискѣ, «чтобы выразить ту скрытую муку, какой подверглась моя душа, когда я палъ до этого положенія и этого общества, сравнивалъ моихъ новыхъ товарищей съ друзьями моего ранняго дѣтства, и почувствовалъ, что всѣ мои надежды стать, выросши, образованнымъ и почтеннымъ человѣкомъ, были сокрушены. Я не могу теперь выразить съ достаточной силой моихъ тогдашнихъ чувствъ: сознанія, что я совершенно заброшенъ и лишенъ всякой надежды, стыда, внушеннаго мнѣ моимъ положеніемъ, горя, съ какимъ мое юное сердце чувствовало, что вотъ день за днемъ во мнѣ изглаживается, улетаетъ отъ меня навсегда все то, чему я учился, о чемъ думалъ, чѣмъ наслаждался, что̀ возвышало и воображеніе мое и мое стремленіе къ развитію. Вся моя природа до того была насквозь проникнута горемъ и униженіемъ всѣхъ этихъ соображеній, что я даже теперь, несмотря на то, что извѣстенъ, обласканъ, счастливъ, иногда забываю въ своихъ грёзахъ, что у меня есть любимыя мною жена, дѣти, забываю даже, что я взрослый человѣкъ, и снова мысленно брожу въ томъ времени моей жизни». Диккенсъ въ это время жилъ, то-есть спалъ, дòма, у родителей; обѣдъ онъ или бралъ съ собой, или покупалъ гдѣнибудь въ лавкѣ, по близости къ складу своего хозяина, кусокъ хлѣба и сыру или говядины. По субботамъ ввечеру, получивъ свои шесть шиллинговъ, онъ забывалъ горе, и идя домой съ удовольствіемъ останавливался передъ окнами лавокъ, думая о томъ, что̀ можно купить на эту сумму. Онъ обыкновенно покупалъ себѣ Hunt's roasted corn (жжаной кофе), «британскій и патріотическій продуктъ, замѣняющій кофе», и дешевый листокъ періодическаго изданія.

Но родители Диккенса, продолжая свое «микоуберовское» житье, довольно часто должны были переѣзжать съ квартиры на квартиру. Когда̀ это случилось съ ними вновь, въ первый разъ послѣ того какъ Диккенсъ былъ «пристроенъ» въ ваксѣ, то, чтобы ему не было слишкомъ далеко ходить на работу, они помѣстили его къ старушкѣ, содержавшей нѣчто въ родѣ пріюта, то-есть квартиру, гдѣ помѣщалось нѣсколько дѣтей за плату. За исключеніемъ платы за квартиру и одежды, Чарльзъ Диккенсъ въ это время содержалъ себя совершенно самъ, то-есть кормился исключительно на свои 6 или 7 шиллинговъ въ недѣлю. «Я не имѣлъ ни указанія, ни совѣта, ни одобренія, ни

утѣшенія, ни поддержки ни отъ кого, Богъ мнѣ въ томъ свидѣтель», пишетъ самъ Диккенсъ. Но надо привесть нѣсколько чертъ изъ тогдашней его жизни въ собственномъ его описаніи.

«Я былъ еще такой ребенокъ и такъ мало способенъ заботиться о всемъ моемъ существованіи, что поутру, идя къ Hungerford-stairs, я не могъ иногда устоять противъ соблазна при видѣ черстваго пирожнаго, выставленнаго у дверей пирожныхъ лавокъ въ Тоттенгамъ-Кортѣ; и часто я издерживалъ на это пирожное тѣ деньги, которыя должны были служить мнѣ на обѣдъ. Тогда я такъ и оставался безъ обѣда, или покупалъ булку, или ломоть пуддинга. Были двѣ лавки, торговавшія пуддингомъ, между которыми я дѣлалъ выборъ, смотря по состоянію своихъ финансовъ. Одна была на дворѣ, вблизи церкви св. Мартина; ея теперь нѣтъ слѣда. Тамъ продавался пуддингъ съ коринками, пуддингъ особаго сорта; но онъ былъ дорогъ: на два пенни его давали не больше, чѣмъ можно было имѣть обыкновеннаго пуддинга на одинъ пенни. Хорошій обыкновенный пуддингъ продавался въ другой лавкѣ, на Страндѣ, гдѣ-то тамъ, гдѣ теперь Лаутерова аркáда. Это былъ плотный, здоровый, тяжелый пуддингъ, съ большими изюминами, воткнутыми въ цѣломъ видѣ, но на большихъ разстояніяхъ одна отъ другой. Онъ являлся горячимъ около полудня, ежедневно, и много, много разъ имъ и ограничивался мой обѣдъ. Полчаса намъ давалось на чай. Когда денегъ у меня было довольно, я ходилъ въ кофейню и бралъ порцію кофе, съ ломтемъ хлѣба съ масломъ. Когда денегъ не было, я ходилъ на (цвѣточный) рынокъ въ Ковент-Гарденѣ, и тамъ глядѣлъ на ананасы. Одну изъ кофеенъ, въ которыя я ходилъ, помню и теперь, то-есть помню только, что она была близко церкви св. Мартина, и что у ней въ двери было овальное стекло, на которомъ была накрашена надпись Coffee-room, обращенная къ улицѣ. Во мнѣ и теперь, если, зайдя въ совсѣмъ иную кофейну, я замѣчу на стеклѣ такую же надпись, и прочитаю ее на выворотъ: moor-eeffoc (какъ я тогда часто дѣлалъ въ печальномъ раздумьѣ), во мнѣ и теперь какъ будто содрогается кровь».

Диккенсъ-старшій въ тюрьмѣ сохранялъ свое жалованье; жена его жила съ нимъ тамъ же, и они держали при себѣ маленькую служанку, которая, впрочемъ, имѣла ночлегъ не въ тюрьмѣ, а по близости къ ней, въ наемномъ углу. Диккенсы жили въ тюрьмѣ съ бóльшимъ комфортомъ, чѣмъ когда-либо прежде на свободѣ. Чарльзъ, вставъ утромъ, отправлялся завтракать домой, то есть въ тюрьму, и туда же приходилъ ужинать, а возвращался на свою квартирку въ девять часовъ вечера, такъ

какъ въ десять часовъ ворота тюрьмы запирались. Отъ своихъ товарищей по ваксильному дѣлу онъ хранилъ въ тайнѣ горькій фактъ, что настоящій домъ его въ тюрьмѣ. Разъ съ нимъ въ складѣ случился припадокъ спазмъ, которымъ онъ страдалъ съ первыхъ лѣтъ жизни. Къ вечеру, хотя онъ поправился, его не хотѣли отпустить домой безъ провожатаго, и одинъ изъ мальчиковъ, старше его, по имени Бобъ Фагинъ (имя это встрѣчается въ «Оливерѣ Твистѣ») взялся проводить его. Надо было идти ужинать: куда?—въ тюрьму. Поэтому Чарльзъ на дорогѣ всячески старался отвязаться отъ своего провожатаго, но тотъ не оставлялъ его. Такимъ образомъ, они пришли къ соутворкскому мосту. Здѣсь Диккенсъ остановился у одного дома, и распрощался съ Бобомъ Фагинымъ, оставляя его при мысли, что онъ, Диккенсъ, живетъ въ этомъ домѣ. «Для бóльшей же вѣрности, разсказываетъ онъ, на случай, если бы мой провожатый обернулся посмотрѣть на меня, я постучалъ въ дверь этого дома, и когда мнѣ отворила женщина, то я спросилъ у нея, не здѣсь ли живетъ мистеръ Робертъ Фагинъ?»

«Нисколько не преувеличиваю, ни намѣренно ни ненамѣренно, того недостатка средствъ и тѣхъ трудностей къ существованію, какими я былъ обставленъ въ то время. Достовѣрно, что если мнѣ кѣмъ-нибудь дарился шиллингъ, то я издерживалъ его на прокормленіе, чтобы пообѣдать или напиться чаю. Достовѣрно, что я работалъ съ утра до ночи, оборваннымъ ребенкомъ, вмѣстѣ съ грубыми людьми и дѣтьми. Достовѣрно, что я безуспѣшно пробовалъ не издерживать впередъ части своего заработка, такъ чтобы онъ кормилъ меня всю недѣлю; съ этой цѣлью я раздѣлялъ свои деньги на равныя части въ шесть пакетиковъ, и держалъ ихъ такъ въ ящикѣ, который былъ у меня въ конторѣ; на каждомъ пакетикѣ былъ написанъ день. Достовѣрно, что я блуждалъ по улицамъ голодный или худо накормленный. Достовѣрно, что если бы меня не охраняло одно Провидѣніе, я легко могъ сдѣлаться воришкой и бродягой, до такой степени обо мнѣ мало заботились».

II.

Чарльзъ Диккенсъ и впослѣдствіи, въ зрѣломъ возрастѣ, не только горевалъ надъ первой порой своей жизни, какъ временемъ утраченнымъ для умственнаго развитія, но, очевидно, и стыдился его, стыдился что въ дѣтствѣ былъ чернорабочимъ. Это ясно уже изъ того, что разсказъ его объ этомъ Фóрстеру

имѣлъ именно характеръ открытія глубокой тайны, факта, о которомъ онъ дотолѣ не проговорился ни словомъ никому, даже женѣ, и изъ того, что фактъ этотъ впервые дѣлается общеизвѣстнымъ только теперь, уже послѣ смерти великаго писателя. Но въ извиненіе Диккенса можно привесть ту особенность именно англійскаго общества, что въ немъ гранямъ между различными слоями придается значеніе неподвижныхъ, безусловныхъ. Въ противоположность американскимъ условіямъ, въ Англіи какъ бы предполагается, что рабочій родился рабочимъ и долженъ умереть рабочимъ. Для сына чиновника сдѣлаться чернорабочимъ было паденіе не только въ отношеніи матеріальной обстановки, но и въ отношеніи «порядочности». И хотя теперь соотечественники Диккенса, узнавъ, что онъ когда-то перевязывалъ банки съ ваксой, конечно не уменьшатъ своего уваженія къ нему, а напротивъ, какъ и естественно, будутъ еще болѣе уважать его геній, пробившійся сквозь такую тяжелую обстановку, но такое раціональное отношеніе возможно теперь потому, что Диккенса нѣтъ въ живыхъ. А когда онъ при жизни былъ предметомъ почитанія въ обществѣ лордовъ и богачей, то если бы кто нибудь шепнулъ въ то время, что рука, пожимаемая милордомъ такимъ-то, когда-то была «запачкана» ваксой, — то еще спрашивается, не нашлись ли бы и такіе highly respectable люди, которые были бы смущены этимъ обстоятельствомъ. Таковъ исторически обусловленный складъ англійскаго общества; онъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе измѣняется, это правда, но ни въ сороковыхъ годахъ, когда Диккенсъ впервые получилъ извѣстность, ни даже теперь, унаслѣдованныя воззрѣнія далеко еще не исчезли окончательно. Прибавимъ, что всего тверже они держатся именно въ сословіи высшей, богатой, наслѣдственной буржуазіи. Фабрикантъ мистеръ Домби гораздо непреклоннѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ сами потомки сподвижниковъ Вильгельма Нормандійскаго.

Форстеръ пробуетъ опредѣлить тѣ выгоды и невыгоды, какія извлекъ характеръ Диккенса изъ той тяжелой, почти нищенской обстановки, чрезъ какую онъ прошелъ въ дѣтствѣ. Одна выгода очевидна, именно — близкое знакомство съ тѣми страданіями бѣднѣйшихъ классовъ, и особенно принадлежащихъ къ нимъ дѣтей, которыя онъ потомъ описывалъ съ такой громадной силой при всей простотѣ пріема, обусловленной объективностью разсказа. Другая выгода заключалась въ томъ, что характеръ нервнаго, добросердечнаго мальчика до нѣкоторой степени закалился въ борьбѣ за собственное существованіе и вмѣстѣ въ сознаніи претерпѣнныхъ униженія и несправедливости. Форстеръ разсказы-

ваетъ, что иногда въ Диккенсѣ, съ которымъ онъ состоялъ въ непрерывной дружбѣ тридцать лѣтъ, вдругъ выступали такія особенности характера, которыхъ въ обыкновенное время никто не подозрѣвалъ въ этомъ чувствительномъ, мягкомъ, добродушномъ, до крайности впечатлительномъ человѣкѣ, именно какая-то жесткая рѣшимость, даже суровость и непреклонность воли. Невыгода же воспоминаній о пережитомъ въ дѣтствѣ, по словамъ Форстера, заключалась отчасти и въ нѣкоторой самонадѣянности, которую Диккенсъ какъ-бы воспитывалъ въ себѣ, для того чтобы сдерживать овладѣвавшее имъ порою, при мысли о прежнемъ положеніи, чувство неловкости и уклончивости. Отъ этого чувства неловкости онъ страдалъ сознательно, но отъ преувеличенія самонадѣянности, которою онъ старался побѣдить это чувство, онъ иногда несознательно впадалъ въ затрудненіе, то-есть слишкомъ легко принималъ на себя тяжелыя обязательства, въ надеждѣ на свою непобѣдимую волю, и притомъ на рѣшеніяхъ своихъ, принятыхъ даже иногда слишкомъ поспѣшно, настаивалъ иногда даже съ нѣкоторой запальчивостью.

Конецъ его занятіямъ въ школѣ ваксы былъ положенъ случайностью. Отецъ его, который по безпечности допустилъ сына до такого положенія, самъ однакожъ не могъ не считать это положеніе унизительнымъ. И вотъ, онъ однажды разсердился на хозяина своего сына, какъ Диккенсъ-младшій догадывался, за то собственно, что хозяинъ приказалъ мальчику работать *у окна*, для свѣта. «У окна» — значитъ на виду прохожихъ. Онъ послалъ съ сыномъ письмо, которое разсердило хозяина, и вслѣдствіе этой ссоры мальчикъ былъ взятъ назадъ, причемъ получилъ отъ хозяина отличный аттестатъ.

Сомнительно впрочемъ, чтобы этотъ аттестатъ по полученіи его когда-либо видалъ свѣтъ божій, такъ какъ изъ словъ Диккенса видно, что и отецъ и мать его впослѣдствіи ни словомъ не поминали прошлое, имѣвшее связь съ ваксою, не только при комъ-либо изъ постороннихъ, но даже и передъ сыномъ; молчали о томъ времени, какъ будто его никогда не бывало. Двадцать пять лѣтъ Диккенсъ не слыхалъ объ этихъ фактахъ ни слова, до тѣхъ поръ, когда самъ разсказалъ ихъ другу своему Форстеру. «До тѣхъ поръ, когда Hungerford-stairs не былъ уничтоженъ», писалъ онъ въ своемъ признаніи, «и видъ всей мѣстности не измѣнился окончательно, у меня не хватало мужества сходить туда, гдѣ началось мое рабство. Такъ, оставивъ это мѣсто, я уже никогда и не видалъ его. Я не былъ въ состояніи даже приблизиться къ нему. Впродолженіи многихъ лѣтъ я, идя по Стрэнду, когда проходилъ мимо лавки Роберта Уор-

рена, — переходилъ на другую сторону улицы, чтобы не услыхать нѣкотораго запаха цемента, которымъ заливается пробка на банкахъ ваксы; запахъ этотъ напоминаетъ мнѣ, чѣмъ я былъ когда-то. Долго я не могъ подниматься вверхъ по Чандосъ-Стриту, а завидѣвъ старую дорогу, по которой я тогда хаживалъ домой, я плакалъ въ то время, когда мой старшій ребенокъ уже умѣлъ говорить». Конкурренція Роберту Уоррену окончилась впослѣдствіи тѣмъ, что Робертъ Уорренъ купилъ складъ своего конкуррента.

Мать Диккенса старалась уладить ссору, такъ чтобы мальчикъ остался при работѣ, но отецъ рѣшительно воспротивился возвращенію его туда, и помѣстилъ его въ школу, гдѣ Чарльзъ провелъ затѣмъ два года (1824 — 26), въ качествѣ полупансіонера. «Знаю», пишетъ Диккенсъ въ своемъ «признаніи»,—потому что разсказъ его о пребываніи въ черной работѣ былъ обставленъ такъ, какъ бываетъ представлено признаніе въ тяжкой винѣ, недающей покою совѣсти,—«что всѣ эти вещи сдѣлали меня тѣмъ что я есть; но все-таки, я впослѣдствіи никогда не забылъ, никогда не забуду, не въ состояніи забыть, что моя мать жарко отстаивала мысль о возвращеніи меня въ работу». Въ школѣ, впрочемъ, Диккенсъ научился немногому, да въ ней, судя по отзывамъ старыхъ товарищей Диккенса, помѣщеннымъ въ книгѣ Форстера, и нельзя было многому научиться. Диккенсъ занимался тамъ болѣе сочиненіемъ повѣстей и драматическихъ пьесъ, которыя представлялись учениками, и изобрѣтеніемъ особаго «иностраннаго языка», посредствомъ вставокъ между слогами англійскихъ словъ, какого-нибудь одного, вѣчно повторяющагося слога. Мальчики ходили по улицѣ, громко разговаривая на этомъ языкѣ, и были очень довольны, когда прохожіе принимали ихъ за иностранцевъ. Но когда, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, Диккенсъ-старшій съ успѣхомъ принялся за ремесло газетнаго стенографа и уже сидѣлъ въ галереѣ палаты общинъ, то молодой Диккенсъ рѣшился самъ озаботиться о томъ, чтобы пріобрѣсть такое образованіе, которое дало бы ему возможность современемъ приняться за то же ремесло. Съ этой цѣлью онъ сталъ усердно посѣщать публичную библіотеку въ британскомъ музеѣ, и всѣ свои книжныя познанія онъ тамъ и пріобрѣлъ. Въ 1828 и 1829 годахъ онъ, изучивъ съ необыкновенной легкостью стенографское искусство, работалъ въ разныхъ судахъ, въ видѣ приготовленія къ записыванью парламентскихъ преній. Среди всѣхъ этихъ усиленныхъ работъ его поддерживала любовь; онъ былъ влюбленъ въ дѣвушку, которая по положенію стояла гораздо выше его, влюбленъ безнадежно. Ее онъ изо-

бразилъ въ Копперфильдѣ въ увлекательномъ образѣ Доры. Но его Дора въ дѣйствительности не умерла въ молодости. Когда ему было уже 44 года, онъ опять встрѣтился съ этою живою Дорою, и даже сдѣлалъ ей визитъ со своей женой. Когда младшему Диккенсу наконецъ открыли доступъ въ галерею палаты общинъ, въ качествѣ рипортера газеты «True Sun», ему было 19 лѣтъ (1831). Потомъ онъ работалъ для газеты «Mirror of Parliament» и наконецъ для «Morning Chronicle». О стенографской его дѣятельности намъ незачѣмъ распространяться. Скажемъ только, что безпрестанныя поѣздки, связанныя съ этой должностью, разумѣется, обогатили сферу его наблюденій, а изученіе парламентскихъ обычаевъ и языка дало ему новый источникъ для юмора, который отразился въ запискахъ «Пиквикскаго клуба».

III.

Первый литературный опытъ Диккенса, явившійся въ печати, былъ разсказъ «A Dinner at Poplar Walk», который онъ отправилъ въ редакцію журнала «Monthly Magazine». Когда онъ, купивъ нумеръ журнала, увидѣлъ въ немъ свою статью «во всемъ печатномъ величіи ея», то спрятался поскорѣе съ улицы въ вестминстерскій залъ, потому что у него потемнѣло въ глазахъ отъ радости и отъ слезъ. Разсказъ былъ, разумѣется, отданъ даромъ. За нимъ въ теченіи двухъ лѣтъ послѣдовали еще пять, которые всѣ были напечатаны, и всѣ даромъ. Когда же Диккенсъ затѣмъ явился къ редактору для договора о гонораріѣ за будущую работу въ томъ же родѣ, то редакторъ, за неимѣніемъ средствъ, долженъ былъ отказаться отъ предложенія молодого писателя. Послѣдніе изъ этихъ разсказовъ появились уже съ подписью столь знаменитаго впослѣдствіи псевдонима Boz. Происхожденіе этого псевдонима объясняется ребяческою шуткой. Младшаго брата своего Августа, любимца семейства Диккенсовъ, Чарльзъ называлъ именемъ, взятымъ изъ «Векфильдскаго священника» Мозесъ, и въ сокращеніи «Мозъ». Мальчика дразнили тѣмъ, что произносили это прозвище зажавъ носъ; выходило «Бозъ». Boz такъ и сдѣлалось фамильярнымъ прозваніемъ маленькаго Августа. Этимъ именемъ Диккенсъ и подписывалъ свои «Очерки» (Sketches, by Boz). Эти очерки стали являться въ вечернемъ изданіи «Morning Chronicle», которое выходило подъ титуломъ «Evening Chronicle». Сохранивъ свою работу для утренняго изданія въ качествѣ рипортера, Диккенсъ давалъ

свои очерки для вечерняго изданія, и за это ему прибавлено было жалованья, а именно вмѣсто прежнихъ пяти гиней, онъ сталъ получать семь гиней (около 50 рублей) въ недѣлю. Право отдѣльнаго изданія «Очерковъ» въ двухъ томахъ, въ 1836 году, онъ продалъ книгопродавцу Макрону, за 150 фунтовъ. Въ этомъ же году Диккенсъ женился на Катеринѣ Гогартъ, дочери другого рипортера газеты «Chronicle», и началъ писать первое свое произведеніе, получившее огромную извѣстность, а именно «Пиквикъ». Книгопродавцы Чапманъ и Голль, заручившись сотрудничествомъ хорошаго рисовальщика, предприняли издавать мѣсячными выпусками, цѣною по шиллингу, какія-нибудь сцены изъ лондонской жизни, съ рисунками. Такимъ образомъ и возникли «Посмертныя записки пиквикскаго клуба, изданныя Бозомъ». Издатели предполагали, что главное дѣло будетъ состоять именно въ рисункахъ, а не въ текстѣ, и предлагали Диккенсу устроить текстъ на манеръ того, какъ въ старину писались либретто для итальянскихъ оперъ, то-есть, что текстъ долженъ служить предлогомъ для рисунковъ, и приноровляться къ нимъ. Въ особенности предполагалось представлять разныя случайности «спорта», то-есть верховой ѣзды, охоты, рыбной ловли и т. д. Но Диккенсъ съ самаго начала объявилъ, что онъ не властенъ надъ своими мыслями, и что лучше будетъ если рисунки обусловятся текстомъ, а не текстъ рисунками. Впрочемъ, именно со спеціальной цѣлью дать просторъ карандашу рисовальщика сценъ спорта, онъ вставилъ въ свой разсказъ столь извѣстную фигуру мистера Винкля, который слыветъ отчаяннымъ спортсменомъ, но на дѣлѣ всегда оказывается плохъ. Съ концомъ 1836-го года, онъ прекратилъ свои стенографическія занятія, и въ то же время написалъ, по особымъ случаямъ, фарсъ и текстъ для оперы; обѣ пьесы имѣли успѣхъ.

Нѣтъ надобности излагать по книгѣ Форстера полную біографію Диккенса, да впрочемъ въ біографіи Диккенса и нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ того, что́ уже изложено выше съ подробностью, то-есть, кромѣ того факта, что человѣкъ безъ средствъ, безъ помощи, безъ систематическаго образованія сдѣлался *Диккенсомъ*. Остальное время его жизни можно передать въ нѣсколькихъ словахъ: писалъ, получалъ большія деньги, пріобрѣлъ громадную популярность, ѣздилъ два раза въ Америку, издавалъ журналъ, давалъ публичныя чтенія, наконецъ умеръ. Для насъ не такъ важна, какъ для англійскихъ читателей, и хронологія его произведеній, и описаніе людей, съ которыми онъ былъ въ дружбѣ. Но намъ, почти такъ же какъ и англичанамъ, интересно знать: какой человѣкъ былъ Диккенсъ,

какъ онъ писалъ, какая была главная его цѣль, его убѣжденія; наконецъ, какимъ образомъ онъ распоряжался своей работой, и какую цѣнность на деньги представляютъ въ Англіи литературныя произведенія первостепеннаго свойства.

Характеръ Диккенса какъ человѣка отчасти уже обрисованъ. Возьмемъ у Форстера описаніе наружности. Черты лица его были очень хороши; славный лобъ, твердо очерченный носъ, съ широкими ноздрями; глаза горѣли умомъ и были переполнены юмора и веселости, ротъ нѣсколько выдавался и былъ отмѣченъ сильной чувствительностью (?). Очертаніе головы было правильное, и держалъ онъ ее всегда прямо, съ особенной бодростью. Волосы въ молодости были русые, густые и длинные; усовъ, бороды и бакенбардовъ онъ долго не носилъ, запустилъ бороду уже на второй половинѣ жизни. То выраженіе лица, которое не измѣнилось и съ годами, Форстеръ опредѣляетъ такъ: «каждая черта этого лица выражала быстроту соображенія, проницательность и практическую силу, дышала энергіею и жаждою дѣятельности, однимъ словомъ, нѣчто говорившее менѣе о человѣкѣ, посвятившемъ себя изученію чего-либо или о писателѣ, чѣмъ о человѣкѣ дѣйствія, о «дѣловомъ» свѣтскомъ человѣкѣ. Лицо это сверкало свѣтомъ и движеніемъ. «Оно было какъ-бы изъ стали», сказала г-жа Карлейль.

«Очерки» Боза имѣли большой успѣхъ, когда вышли въ отдѣльномъ изданіи; они были болѣе замѣчены, чѣмъ первый выпускъ «Пиквика»; но «Пиквикъ» скоро затмилъ ихъ и далъ автору сразу необыкновенную популярность. Успѣхъ Пиквика сталъ сказываться при выходѣ 4-го и въ особенности 5-го выпуска, въ которомъ является извѣстный слуга мистера Пиквика, Самъ Уэллёръ, и тогда къ Диккенсу явился уже другой книгопродавецъ Бэнтли. Диккенсъ заключилъ съ нимъ довольно стѣснительныя для себя условія относительно предоставленія издателю также помѣсячно другой повѣсти въ то время, когда еще Пиквикъ далеко не былъ оконченъ. Такимъ образомъ, Диккенсъ писалъ для Чапмана и Голля «Пиквика», и для Бэнтли въ то же самое время писалъ «Оливера Твиста». Тотъ и другой романъ Диккенсъ писалъ въ видѣ сценъ или отрывковъ, самъ не зная, чтó будетъ впереди, то-есть имѣя идею, но рѣшительно никакой опредѣленной заранѣе программы.

Чтобы показать, какую цѣну имѣли уже въ то время работы Диккенса «на рынкѣ», приведемъ слѣдующій примѣръ. Выше сказано, что право отдѣльнаго изданія своихъ «Очерковъ» Диккенсъ продалъ книгопродавцу Макрону за 150 фунтовъ. Когда сталъ уясняться успѣхъ «Пиквика», купленнаго Чапманомъ

и Голлемъ, Макронъ придумалъ выпустить «Очерки» вторымъ изданіемъ въ точно такомъ видѣ, въ какомъ выходилъ «Пиквикъ». Диккенсъ пришелъ въ негодованіе, что такимъ образомъ старому произведенію придается видъ новаго, и убѣдилъ Чапмана и Голля перекупить у Макрона «Очерки». Макронъ не согласился продать ихъ дешевле двухъ тысячъ фунтовъ. Чапманъ и Голль заплатили эту сумму, и все-таки впослѣдствіи имѣли барышъ на самыхъ «Очеркахъ», а Макронъ, заплатившій за нихъ всего 150 фунтовъ, получилъ такимъ образомъ, сверхъ всего своего барыша отъ перваго изданія, еще 2,000 фунтовъ, то-есть болѣе 14 тыс. рублей. Что касается «Пиквика», то его успѣхъ былъ колоссальный. Первый выпускъ разошелся на первый разъ въ 400 экземплярахъ; пятнадцатый же выпускъ печатался уже въ болѣе 40 тысячахъ экземпляровъ.

Въ то время Диккенсу было 25 лѣтъ отъ роду и живая природа его не переносила слишкомъ долгой, усидчивой работы. Отдыхалъ же онъ отъ нея — верхомъ. Тогда онъ еще «не хозяйственно» распоряжался своей работой; работалъ поздно вечеромъ, иногда ночью, и работалъ нѣсколько дней къ ряду усиленно, такъ что наконецъ не могъ выдержать долѣе, и тогда писалъ Форстеру самыя убѣдительныя просьбы «отправиться отдохнуть» съ нимъ. Отправиться отдохнуть, это значило, что они утромъ встрѣтятся въ татерсаллѣ, и выѣдутъ, часовъ въ 11-ть, верхомъ на прогулку верстъ въ 25-ть, то-есть часовъ на семь, такъ какъ по дорогѣ они останавливались завтракать, а въ 6-ть часовъ обѣдали вдвоемъ, въ какомъ-нибудь ресторанѣ. Подъ старость Диккенсъ замѣнилъ верховую ѣзду ходьбою, но всегда разумѣлъ отдохновеніе отъ усиленной работы въ такомъ смыслѣ, чтобы побѣдить усталость ума усталостью физическою. Форстеръ говоритъ, что и ходилъ онъ «слишкомъ много». Диккенсъ любилъ ходить ночью по Лондону, и посѣщать разныя мѣста, памятныя ему съ дѣтства. Вообще къ воспоминаніямъ изъ дѣтства онъ всегда былъ привязанъ необыкновенно, какъ будто дѣтство было «главною» эпохой его жизни. Старинный домъ Gad's-Hill, близъ Чатама, о которомъ онъ слышалъ, что тамъ жилъ Фальстафъ, и оттуда нападалъ на проѣзжихъ, имѣлъ для него въ дѣтствѣ нѣчто особенно привлекательное. Разъ отецъ сказалъ ему, указывая на этотъ домъ: «если будешь сильно работать, то можетъ быть и самъ будешь жить въ такомъ домѣ». Диккенсъ купилъ впослѣдствіи этотъ домъ.

Въ первыхъ контрактахъ своихъ съ издателями Диккенсъ, не выговоривъ себѣ никакой преміи, никакой доли въ барышахъ, соотвѣтственно числу продаваемыхъ экземпляровъ, и въ то же

время слишкомъ понадѣявшись на свои силы, принималъ на себя слишкомъ стѣснительныя условія относительно сроковъ окончанія работъ. Такъ, мы видѣли, что онъ одно время имѣлъ три помѣсячныхъ работы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи сама физическая невозможность легко должна была повесть къ измѣненію условій, такъ какъ въ интересѣ самыхъ издателей не могло быть настаивать на всѣхъ срокахъ ко вреду достоинства работы. Но въ первомъ отношеніи, то-есть въ томъ, что касалось платы, издатели воспользовались вначалѣ безпрепятственно неопытностью молодого писателя, закабалили и эксплуатировали его, какъ итальянскіе импрессаріи дѣлаютъ съ начинающими пѣвцами. По словамъ Форстера, Диккенсъ за «Пиквика», самое популярное въ Англіи изъ всѣхъ его произведеній, получилъ *всего* 2,500 фунтовъ. По нашимъ условіямъ, и эта сумма (около 20 т. р. по нынѣшнему) довольно почтенна. Но вѣдь при продажѣ 40 тысячъ экземпляровъ одного выпуска, по шиллингу, Чапманъ и Голль получали за *одинъ выпускъ* «Пиквика» около 12 тысячъ рублей!

Сознаніе, что онъ работаетъ не для себя, что онъ обезпечиваетъ будущность не своего семейства, а первыхъ книгопродавческихъ фирмъ Лондона, погружало его иногда въ уныніе. Но работы, принятыя на старыхъ условіяхъ, надо было оканчивать на старыхъ условіяхъ и быть осторожнѣе впередъ. Когда же, по окончаніи «Пиквика», Чапманъ и Голль обратились къ нему съ новыми предложеніями, и онъ обѣщалъ имъ романъ «Nicholas Nickleby», то Диккенсъ выговорилъ себѣ уже слѣдующія условія: романъ онъ обязывался доставлять въ частяхъ помѣсячно (для изданія опять выпусками), и послѣдній доставить въ двадцатый мѣсяцъ; за каждую часть онъ долженъ былъ получать по 150-ти фунтовъ, всего 3 тысячи фунтовъ, но только за право изданія втеченіи пяти лѣтъ, по прошествіи которыхъ романъ становился собственностью автора. Въ этихъ условіяхъ и былъ написанъ и доставленъ съ апрѣля 1838-го года по октябрь 1839-го года романъ «The Life and Adventures of Nicholas Nickleby».

И работа, въ это время, производилась уже болѣе «хозяйственнымъ образомъ», то-есть по утрамъ, а не ночью, и притомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы быть постоянно впереди типографіи на пол-выпуска или на выпускъ, чего прежде никогда не бывало. Диккенсъ разсчитывалъ впередъ: такого-то числа онъ сдѣлаетъ пять «лоскутковъ», такого-то восемь, а иногда и пятнадцать. Но всякъ, кто занимался литературной работою, знаетъ, что такія механическія условія къ ней примѣнимы далеко не

безусловно, хотя и то мнѣніе, что будто работу слѣдуетъ откладывать до «священныхъ» часовъ охоты или вдохновенія, основано отчасти на лѣности. Охота часто тотчасъ придетъ, когда работникъ только прикоснется къ занимающему его сюжету; но иногда мысль дѣйствительно какъ-бы возстаетъ противъ призыва по заказу, и тогда дѣло не идетъ на ладъ. Особенно трудно разсчитать впередъ работу для беллетриста. Но мы видимъ, что Диккенсъ разсчитывалъ ее, а вѣдь самый характеръ его изложенія и вся прелесть его письма заключались именно въ оттушевкѣ каждаго слова. У него нѣтъ ни пространныхъ разсужденій на одну тему, ни длинныхъ описаній, которыя можно было бы дѣлать «во всякое время», и безусловно нѣтъ общихъ мѣстъ. Мало того, что типы его очевидно были уже готовы во всей полнотѣ, во всей реальности жизни, когда онъ касался ихъ первымъ же словомъ въ изложеніи, вся манера его, совершенно устраняющая разсказщика, заставляющая людей и вещи самихъ раскрывать свой смыслъ и обрисовывать себя»просто тѣмъ, что они постепенно выдвигаются впередъ какъ-бы изъ тумана, вся эта манера, казалось бы, исключала возможность скорой, заказной работы. И однакожъ онъ работалъ скоро, по заказу, къ мѣсячнымъ срокамъ, съ учетомъ впередъ количества ежедневной производительности. Но естественно, что иногда мысль его не отвѣчала на призывъ. «Вчера до обѣда я все думалъ объ Оливерѣ», пишетъ онъ Форстеру; «и только-что впился въ него зубами и когтями, какъ вдругъ меня позвали къ Катѣ; однако мнѣ удалось сдѣлать восемь лоскутковъ, а сегодня утромъ надѣюсь дополнить ихъ до пятнадцати». Жена его родила за три дня передъ тѣмъ, и потому его работа въ эти дни, разумѣется, прерывалась. А вотъ на слѣдующей недѣлѣ онъ опять пишетъ Форстеру: «сидѣлъ терпѣливо дома и все ожидалъ *Оливера Твиста*, который такъ и не пришелъ». Это значитъ, что несмотря на намѣреніе писать, онъ ничего не могъ написать.

Имѣя цѣлью только сообщить изъ книги Форстера нѣсколько чертъ для характеристики личности Диккенса, мы должны оставить въ сторонѣ критическое отношеніе къ нему какъ къ писателю, которое завело бы насъ далеко отъ Форстера. Самъ Форстеръ, впрочемъ, оцѣниваетъ и общественное и литературное значеніе главныхъ произведеній своего друга, но оцѣнка его держится въ узкихъ предѣлахъ непосредственныхъ *результатовъ* дѣятельности Диккенса. Съ этой точки зрѣнія, очевидно, менѣе другихъ вещей имѣетъ значеніе «Пиквикъ»; но только съ этой точки зрѣнія. Какъ картина нравовъ, какъ мѣткая, порою ядовитая сатира самодовольства «почтенныхъ

классовъ», Пиквикъ значитъ очень много. Но этой стороны Форстеръ вообще не касается. Вотъ почему для него «Пиквикъ» имѣетъ только то общественное значеніе, что романъ этотъ обратилъ вниманіе на неудовлетворительное устройство мѣстъ заключенія для несостоятельныхъ должниковъ. «Оливеру Твисту» и «Никлеби» Форстеръ приписываетъ болѣе значенія, потому что непосредственные результаты ихъ были важнѣе: «Твистъ» повелъ къ преобразованію приходскихъ попечительствъ о бѣдныхъ, а «Никлеби» положительно стеръ съ лица земли отвратительныя йоркширскія школы, гдѣ господствовали страшныя злоупотребленія, невѣжество и жестокость. Изъ книги Форстера мы узнаемъ, что Диккенсъ, когда писалъ «Никлеби», прямо и имѣлъ въ виду такой результатъ. О йоркширскихъ школахъ онъ слышалъ еще въ дѣтствѣ, и разсказы о нихъ глубоко запали въ его душу, какъ все горе бѣдности, вынесенное имъ изъ дѣтства. Потомъ, онъ нарочно ѣздилъ осматривать школы въ Йоркширѣ, чтобы обличить ихъ предъ всѣмъ свѣтомъ.

Въ 1840-мъ году, Диккенсъ раздѣлался со своими тягостными первоначальными контрактами тѣмъ, что онъ былъ освобожденъ издателемъ Бэнтли отъ поставки ему еще одной повѣсти (Barnaby Rudge) съ тѣмъ, что Диккенсъ купилъ отъ Бэнтли право дальнѣйшихъ изданій «Оливера Твиста», и все количество еще нераспроданныхъ въ то время экземпляровъ за 2,250 фунтовъ. Еще до окончанія «Никлеби», Диккенсъ заботился «пріискать ему преемника», иными словами помышлялъ и разсуждалъ съ Форстеромъ о томъ, какимъ образомъ ему работать дальше, то-есть когда «Никлеби» будетъ оконченъ. Ему пришло въ мысль издавать нѣчто въ родѣ дешеваго беллетристическаго журнала, котораго главнымъ сотрудникомъ былъ бы онъ самъ, а другихъ сотрудниковъ онъ бы выбиралъ по усмотрѣнію. Этотъ журналъ былъ бы нѣчто въ родѣ беллетристическаго фельетона, такъ что въ немъ, въ формѣ связныхъ разсказовъ, появлялись бы и отголоски по текущимъ явленіямъ общественной жизни и разнообразные общественные типы, при чемъ, для сохраненія нѣкоторой нити между отдѣльными разсказами, предполагалъ употреблять нѣкоторыя изъ извѣстныхъ своихъ лицъ въ качествѣ часто возвращающихся свидѣтелей происходящаго, такъ именно самого мистера Пиквика и Сама Уэллера. Форстеръ былъ его посредникомъ въ переговорахъ съ издателями, и условія, на которыхъ Диккенсъ взялся за эту работу, были уже совсѣмъ не похожи на прежнія. Они были таковы, что издатели несли весь рискъ, а барыши дѣлили съ авторомъ, который въ счетъ ихъ получалъ и опредѣленный за-

работокъ, и по прошествіи пяти лѣтъ дѣлался положительнымъ собственникомъ изданія.

Названіе для этого сборника Диккенсъ придумалъ такое: «Master Humphrey's Clock». Первый разсказъ, написанный для этого предположеннаго сборника, былъ «Лавка Древностей» (the Old Curiosity Shop), которая должна была появляться только въ числѣ другихъ составныхъ частей сборника. Но начавъ писать этотъ разсказъ, Диккенсъ тотчасъ увлекся имъ, сжился со своими лицами, и вышло, что выпуски сборника такъ и состояли исключительно изъ этого разсказа Диккенса. Вотъ нѣсколько словъ изъ того, что̀ онъ писалъ Форстеру, когда кончилъ этотъ разсказъ (1841): «Вчера, когда вы ушли, я взялъ свой рабочій ящикъ и пошелъ работать наверхъ; я писалъ до 4 часовъ утра и кончилъ эту старую повѣсть. Мнѣ теперь грустно при мысли, что всѣ эти люди потеряны для меня навсегда, и я чувствую, какъ будто никогда не буду въ состояніи пристраститься къ новому кругу дѣйствующихъ лицъ».

Диккенсъ по какому-то капризу или предразсудку всегда уѣзжалъ за-городъ наканунѣ выхода въ свѣтъ перваго выпуска каждаго изъ своихъ произведеній; ему какъ будто казалось, что будучи внѣ Лондона, онъ и услышитъ опять, что первый день продажи представилъ успѣхъ, какъ то было съ Пиквикомъ и Никлеби. Такъ онъ уѣхалъ и передъ первымъ выпускомъ сборника. На другой день Форстеръ пріѣхалъ къ нему въ Ричмондъ съ извѣстіемъ, что въ день были распроданы всѣ 60 тысячъ наличныхъ экземпляровъ и получено еще заказовъ на 10 тысячъ.

Затѣмъ въ сборникѣ стала являться повѣсть Barnaby Rudge, давно задуманная и нѣсколько разъ откладываемая. Barnaby Rudge долженъ былъ состоять изъ десяти-мѣсячныхъ выпусковъ такого же объема, въ какихъ выходили «Пиквикъ» и «Никлеби». За продажу этихъ выпусковъ и право изданія въ теченіи всего 6 мѣсяцовъ еще, Диккенсъ получилъ уже три тысячи фунтовъ. Такимъ образомъ, десятимѣсячная работа его въ это время уже оплачивалась дороже чѣмъ 20-ю тысячами рублей, и сверхъ того, изданіе въ томъ же году возвращалось въ его собственность и могло быть продаваемо вновь. На Barnaby Rudge предположенный сборникъ такъ и прервался. Условія, заключенныя имъ съ издателями на слѣдующее произведеніе (которымъ оказался впослѣдствіи Martin Chuzzlewit), были уже таковы: двадцать выпусковъ, за каждый ему помѣсячно по 200 фунтовъ, т.-е. всего 4,000 фунтовъ, и сверхъ того $^{3}/_{4}$ всего барыша ему, и только $^{1}/_{4}$ издателямъ. Въ счетъ этихъ $^{3}/_{4}$, издатели обязались платить ему до начала книги, впередъ 150 фунтовъ помѣсячно,

въ теченіи года. Пользуясь этимъ годомъ отдыха, Диккенсъ и отправился въ Америку.

Диккенсъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ былъ радикалъ. Къ парламенту онъ питалъ мало уваженія и въ «Пиквикѣ» довольно насмѣялся надъ самодовольствомъ тѣхъ классовъ, которые были въ то время представляемы въ парламентѣ, и надъ самими парламентскими правами и парламентскимъ краснорѣчіемъ. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, онъ слишкомъ хорошо былъ знакомъ съ тѣми бѣдствіями, которыхъ въ то время еще не касалась парламентская дѣятельность; а во-вторыхъ, съ тѣми условіями, какія существовали тамъ, гдѣ парламентовъ не бывало, онъ вовсе знакомъ не былъ. Въ Америкѣ первая поѣздка Диккенса была настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Въ каждомъ штатѣ его встрѣчали почетныя лица, въ театрахъ давали особыя представленія и брали баснословныя цѣны, когда онъ обѣщалъ показаться тамъ народу; при входѣ его въ театръ вставали и т. д. Рѣчи Диккенса въ защиту правъ англійскихъ издателей противъ американской контрафакціи отчасти охладили этотъ энтузіазмъ, и вызвали брань на него въ американскихъ газетахъ, однимъ словомъ, испортили отчасти и его впечатлѣнія въ этой странѣ. Но никто не опредѣлилъ лучше всего значенія Диккенса, какъ знаменитый Даніэль Уэбстеръ, который сказалъ, что «Диккенсъ сдѣлалъ для улучшенія положенія бѣдныхъ въ Англіи болѣе, чѣмъ всѣ политическіе люди, какихъ Англія когда-либо назначала въ свой парламентъ».

Л. П.

ДИЛЕТТАНТЫ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ*).

I.

Въ кабинетѣ.

Послѣ того, какъ всѣ разъѣхались въ Желѣзновкѣ, прошло шесть мѣсяцевъ.

Тотчасъ же по возвращенiи изъ деревни въ городъ, Софья Николаевна подъ-рукою стала искать себѣ уроковъ, и благодаря крайне скромнымъ условiямъ, ей дѣйствительно удалось найти трехъ учениць: одну по части фортепьянной игры и двухъ (дочерей небогатаго купца), которыя должны были ходить къ ней на домъ, для обученiя грамотѣ, письму, молитвамъ и ариеметикѣ. Затѣмъ, когда уже все было подготовлено, она сообщила роднымъ свое намѣренiе, какъ совершившiйся фактъ, надѣясь встрѣтить меньше сопротивленiя, или по крайней мѣрѣ въ себѣ самой найти больше твердости: она сожгла корабли.

Соня ожидала великихъ бурь. Но, къ радости ея и удивленiю, у нея нашелся совершенно неожиданный, очень сильный союзникъ. Братъ Аня — тотъ самый Андрей, котораго она всѣхъ больше опасалась — поговорилъ съ нею наединѣ, выспросилъ,

---

*) См. выше: апр. 534; май, 93 стр.

чего она хочетъ, зачѣмъ, какимъ образомъ это пришло ей на мысль, и потомъ вдругъ сдѣлался самымъ горячимъ ея защитникомъ. Вдвоемъ уже легко было побѣдить предубѣжденіе стариковъ, особенно когда Соня рѣшилась объявить имъ, что, въ случаѣ несогласія, пойдетъ въ гувернантки. Другіе братья, Владиміръ и Борисъ, узнавъ изъ писемъ въ чемъ дѣло, посмотрѣли на него легко, какъ на простительную блажь скучающей дѣвушки, и только съ разными шуточками предсказывали сестрѣ, что очень скоро «пылъ ея къ усовершенствованію человѣчества» простынетъ самъ собою.

Такимъ образомъ, дѣло уладилось гораздо проще и спокойнѣе, чѣмъ воображала Софья Николаевна. За то она исполнилась самой горячей благодарности и удивленія къ вѣрному своему союзнику Анѣ. Онъ поступалъ такъ осторожно, умно и деликатно въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, такъ усердно сглаживалъ всякія препятствія и непріятности, предстоявшія сестрѣ, такъ хорошо наконецъ понялъ ея стремленіе, что Софья Николаевна стала относиться къ нему съ особеннымъ довѣріемъ, уваженіемъ и вмѣстѣ страхомъ — страхомъ, который невольно чувствуетъ человѣкъ передъ натурой болѣе крѣпкой и не совсѣмъ понятной. Чѣмъ пристальнѣе потомъ вглядывалась Софья Николаевна въ брата — тѣмъ больше расли въ ней эти чувства. Между ними установилась наконецъ самая прочная, самая лучшая дружеская связь — лучшая потому, что болѣе сильная натура Андрея Николаича не явилась преобладающей въ этомъ союзѣ, какъ бы слѣдовало ожидать и какъ это обыкновенно бываетъ. Вслѣдствіе ли своей неизмѣнной сдержанности или по какому-нибудь разсчету, Андрей Николаичъ никогда не навязывалъ Сонѣ своихъ идей, даже не любилъ высказываться передъ нею. Каждый изъ нихъ оставался самимъ собой. Но сестра знала, что ей есть на кого опереться въ трудную минуту, въ комъ найти совѣтъ и широкую, надежную помощь. А братъ понималъ, что есть мягкое и любящее сердце, которое во всякую минуту готово радоваться его радостью и плакать его слезами. Для Софьи Николаевны въ немъ были тайны ума, но не тайны чувства — и въ этомъ, можетъ быть, самая прекрасная черта ихъ отношеній.

Разумѣется, такія отношенія установились не вдругъ; они были послѣдствіемъ многихъ незамѣтныхъ причинъ и событій — тѣхъ причинъ и событій, изъ которыхъ въ дѣйствительности слагается жизнь и личность человѣка...

Между тѣмъ дѣла Софьи Николаевны мало-по-малу подвигались впередъ. Зимой у нея вмѣсто одного урока на форте-

пьяно явилось ихъ пять, и вмѣсто двухъ ученицъ на дому — четырнадцать, то-есть цѣлая маленькая школа. Софья Николаевна входила въ славу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и денежныя средства ея усилились до такой степени, что она наконецъ попросила Андрея Николаича объясниться съ отцомъ на счетъ того, что она желала бы вносить свою часть за квартиру, столъ и другіе домашніе расходы. Но Андрей Николаичъ уговорилъ ее не дѣлать этого; во-первыхъ, потому, что она слишкомъ бы огорчила и обидѣла стариковъ, а во-вторыхъ, потому, что все-таки не была бы въ состояніи платить дѣйствительную свою часть такой сравнительно дорогой жизни, что вышла бы слѣдовательно просто недостойная игра и потѣха изъ серьезнаго дѣла, и что, наконецъ въ сущности, самостоятельность не въ томъ состоитъ, чтобъ жить такъ или иначе, а въ способности существовать когда нужно собственнымъ трудомъ. Софья Николаевна согласилась съ доводами брата, и рѣшено было, чтобы она только одѣвалась на свой счетъ, а остальныя деньги откладывались покуда въ сторону.

Но настоящій заработокъ еще не удовлетворялъ Софьи Николаевны. Мечтой ея было достигнуть бóльшаго искусства въ швейномъ мастерствѣ.

— Ты только подумай — говорила она брату — какая это выгода, если, давая уроки, я въ то же время стану заниматься еще какимъ-нибудь машинальнымъ, но прибыльнымъ дѣломъ!

— Ну, отъ этого уроки пострадаютъ! возражалъ онъ, качая головой.

— Посмотримъ. А можетъ быть и нѣтъ. Если не за уроками — такъ я могу шить въ другое, свободное время. А во всякомъ случаѣ ручное мастерство гораздо прочнѣе и независимѣе этой бѣготни по урокамъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется.

Много газетной бумаги изрѣзано было по этому поводу. Изъ различныхъ вѣдомостей сшиты платья на кухарку, на горничную....

Уроки однако продолжались не менѣе усердно, и даже зимняя вьюга не останавливала Соню...

— Сумасшедшая! встрѣтилъ однажды Андрей Николаевичъ свою сестру, возвратившуюся поздно вечеромъ въ жестокую метель. Ты выходила въ такую погоду?!

— А что же мнѣ было дѣлать? Ночевать, что ли, у Мясоѣдовой?

— Разумѣется, ночевать. Не разорялась бы дать тебѣ постель.... Ты вѣдь знаешь, что у насъ нѣтъ теперь лошадей; а извощика гдѣ достать по такой погодѣ? Не посылать же еще дворника за двѣ версты.

— Да она предлагала, только....

— Здравствуйте, Софья Николаевна, наше вамъ почтенье-съ! вдругъ заговорилъ кто-то у нея съ боку сладкимъ-сладкимъ голосомъ.

Она быстро обернулась и тутъ только замѣтила, что у брата былъ гость — человѣкъ среднихъ лѣтъ и средняго роста, гладко выбритый, пухленькій, лоснящійся, улыбающійся, съ пріятными лучистыми морщинками возлѣ глазъ, и очень чисто одѣтый, хотя по-купечески; въ длинномъ сюртукѣ и высокихъ поверхъ панталонъ лаковыхъ сапогахъ.

Этотъ человѣкъ, не разгибаясь, стоялъ передъ нею въ положеніи самаго почтительнаго поклона, и точно весь таялъ въ сладостномъ сіяніи.

— Здравствуйте, Меркулъ Иванычъ! сухо сказала Соня.

— Здоровьечко ваше, барышня прекрасная?

— Благодарю васъ.

— Хорошѣете вы все да разцвѣтаете, словно роза алая — тятенькѣ съ маменькой на утѣху-съ!

Соня, не отвѣчая, повернулась къ брату.

— Ты скоро свободенъ?

— Скоро, скоро-съ, сосѣдушка-красавица! опять вмѣшался Меркулъ Иванычъ. Хе, хе, хе! Вѣдь сосѣди мы.... Я задерживать не стану, потому — дѣла кончены.

— Какое задерживать! Пожалуйте вмѣстѣ чаю напиться, добродушно предложилъ Андрей Николаичъ.

— Нѣтъ-съ! Нѣтъ-съ! Покорно васъ благодарю и чувствую — очень чувствую! прижалъ онъ руку къ сердцу, съ умиленіемъ склонивъ голову на бокъ. Одначе сегодня не могу.... Признаться сказать, у меня дома кое-кто дожидаютъ-съ.

— Неужто вы не боитесь такой погоды?

— Помилуйте! Для чего же намъ ея бояться-съ? Намъ и въ полѣ, можно сказать, не разъ доставалось ее видѣть; одначе Богъ миловалъ. А тутъ-съ! Да и переходъ-те до дому не великъ: есть ли шаговъ сотня.

— Ну, какъ знаете. А жаль. Чаю бы напились....

— Не чаю жаль. Бесѣды съ разумнымъ да душевнымъ человѣкомъ жаль. Ну, а что дѣлать-съ!...

Помолчали.

— Затѣмъ прощенья просимъ, счастливо оставаться.

Меркулъ Иванычъ обѣими руками, горячо, но вмѣстѣ какъ-то особенно осторожно и почтительно схватилъ руку Андрея.

— Прощайте, Меркулъ Иванычъ, до свиданія..

— Такъ ужъ я могу быть въ надеждѣ?

— Будьте спокойны. Что только отъ меня зависитъ, я сдѣлаю и душевно былъ бы радъ поскорѣе видѣть удачу. А если что еще понадобится — разсчитывайте на меня смѣло; я всегда готовъ помочь, чѣмъ только могу.

И Андрей пожалъ купцу руку.

— Богъ васъ за то не оставитъ! вдругъ перешелъ Меркулъ Иванычъ въ слезливый тонъ. Не я васъ благодарю.... Что я? Вы, можетъ, на меня и плевать-то не захотѣли бы.... Жена и дѣти малыя должны за васъ Богу молиться. Ихъ-то молитва-съ дойдетъ!

Онъ вытеръ глаза рукою.

— Это ужъ лишнее, Меркулъ Иванычъ. Услуга моя небольшая, молиться тутъ не за что; а дѣлаю я по-сосѣдски. Случится надобность, и вы мнѣ поможете.

— Я-то? Андрей Николаичъ! Скажу вамъ прямо: я такой человѣкъ, что могу послѣднюю рубаху съ себя снять. Меня за это ужъ и жена сколько ругала, и сродственники корили. «Безпутный ты, говорятъ, человѣкъ, Меркулъ Ивановъ! Вѣдь у тебя дѣти пойдутъ за Христа-ради!» Ей Богу-съ! Вотъ провалиться мнѣ, если лгу... А я имъ говорю: долженъ я чувствовать, кто есть мой благодѣтель — али нѣтъ? Не то чтобы тамъ что-нибудь такое, а прикажите мнѣ: «Меркулъ Ивановъ! Бросься въ воду!» И въ воду готовъ! Какъ передъ истиннымъ Богомъ....

Соня, глядя въ сторону, сдѣлала презрительную гримасу. Лицо Андрея Николаича оставалось неизмѣнно-спокойнымъ и равнодушнымъ.

— Этого я не стою, сказалъ онъ очень просто. А за дружбу благодарю.

— Кто же и стóитъ-то, если не вы! вздохнулъ Меркулъ Иванычъ.

— Софья Николаевна! барышня прекрасная-съ! До пріятнаго свиданія! Онъ быстро оборотился къ Сонѣ.—Пошли вамъ, Господи, веселья дѣвичьяго, здоровья некрушимаго, женишка молодого, красиваго да богатенькаго — и всего, что только сами себѣ пожелаете....

И послѣ еще нѣсколькихъ поклоновъ да приговоровъ, Меркулъ Иванычъ исчезъ.

— Господи! Что за гадость этотъ Рылейщиковъ! вскрикнула

Соня. Скажи ты мнѣ, пожалуйста, Аня: какъ ты можешь его переносить? Да еще помогать ему въ чемъ-то затѣялъ!

Андрей Николаичъ улыбнулся.

— А ты мнѣ лучше скажи, какъ ты можешь переносить вотъ это? спросилъ онъ, указывая на полъ. Видишь, куда ни ступила — мокрый слѣдъ. Однако сядь прежде всего.

— Зачѣмъ?

— Да ужъ садись.

Соня повиновалась; а братъ сталъ передъ нею на колѣни и принялся стаскивать сапожки.

— Ахъ, Аня! Я сейчасъ сама....

— Чортъ знаетъ что такое! Мокрые, хоть выжми! съ неудовольствіемъ проворчалъ Андрей Николаичъ.

Потомъ изъ какого-то шкапчика досталъ онъ спиртъ и подалъ сестрѣ.

— Все-таки ты не отвѣчалъ мнѣ на вопросъ! вдругъ сказала она. Зачѣмъ ты добръ къ Рылейщикову? Вѣдь ты знаешь, что онъ—дрянь, мошенникъ, человѣкъ уже ославленный. Стóитъ ли послѣ этого быть порядочнымъ и честнымъ, если къ мерзавцамъ будутъ относиться такъ же хорошо?... Наконецъ, даже въ манерахъ этого Рылейщикова есть какая-то особенная, отвратительная подловатость, такъ что съ нимъ непріятно говорить. Какая же охота связываться?

— Я смотрю на дѣло съ другой точки зрѣнія.

— Изученіемъ вредныхъ насѣкомыхъ занимаешься, что ли?... Ну, послушай: развѣ онъ честный человѣкъ?

— Нѣтъ.

— Развѣ онъ всякаго, и тебя въ томъ числѣ, не готовъ продать за грошъ?

— Можетъ быть.

— Развѣ его пошлая лесть и ложь не противны?

— Очень.

— Ну, такъ зачѣмъ же?...

— Затѣмъ, что (не удивляйся!) въ одномъ отношеніи онъ все-таки хорошій и даже рѣдкій человѣкъ.... Какъ сапожки-то отдѣлала! сказалъ Андрей Николаичъ, съ жалостью осматривая совершенно мокрую обувь сестры. Вотъ пять рублей и ухнули изъ капитала!

«Нѣтъ!» думалось Сонѣ, «вѣдь и добрый, и умный, и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ — ужъ совсѣмъ не чета другимъ! а тоже подверженъ общей слабости. Любитъ лесть, самую пошлую, самую явную! Самъ себѣ не смѣетъ въ этомъ сознаться — а любитъ!... И какъ имъ не противно, Господи».

— Ну, вотъ что ты надѣлала, Соня! — говорилъ между тѣмъ Андрей Николаичъ.—Заработала какихъ-нибудь пятьдесятъ копѣекъ, а испортила вещь совсѣмъ новенькую въ пять рублей. Какъ ты думаешь, выгодная это афера? И ради чего — ради каприза! Не скоро ты этакъ будешь годиться для самостоятельной жизни!

— Къ чему же хитрости? весело заговорила Соня. — Вѣдь тебѣ собственно досадно то, что я ноги промочила? Ну, такъ бы и говорилъ! А то...

— Нѣтъ, Соня. Я говорю именно то, что думаю, повѣрь мнѣ! Ты взялась за серьезное дѣло; ты для него многимъ пожертвовала... Да! многимъ, очень многимъ! Ты думаешь, я понимаю тутъ только твой трудъ или мелкую домашнюю борьбу? Нѣтъ, это пустяки! Ты пошла гораздо дальше: ты отрѣзала себя отъ огромнаго большинства въ своемъ обществѣ. Изо ста человѣкъ для девяносто девяти ты теперь чужая, звѣрь иной породы. Нечего ждать тебѣ отъ нихъ не только сочувствія, или поддержки, или единомыслія—но даже помощи въ бѣдѣ, даже простого состраданія. Тебя несла огромная волна привычки и готовыхъ идей, а ты вздумала стать на собственныя ноги. Ну, такъ и умѣй же на нихъ держаться! Коли ты взялась за серьезное дѣло — дѣлай его серьезно, а не какъ баринъ-аматеръ, не знающій что̀ ему выдумать со скуки. Съ этой точки зрѣнія пять рублей очень много значатъ!... Ты, должно быть, еще не замѣтила, что воздухъ кругомъ тебя измѣнился; однако, повѣрь мнѣ, замѣтишь очень скоро.

— Ну, я постараюсь быть серьезнѣе, отвѣчала Софья Николаевна; а я бѣжала къ тебѣ такая веселая, Аня! Оттого и усидѣть не могла у Мясоѣдовой. Сегодня для меня великій день! Во-первыхъ, вотъ тебѣ десять рублей за уроки, и слѣдовательно капиталъ теперь—ровно полтораста. Во-вторыхъ—угадай Аня!

— Ну?

— Я наконецъ получила работу по швейной части: Ольга Сергѣевна дала мнѣ сшить платье, завтра пришлетъ матерію. Два съ полтиной за фасонъ, не считая отдѣлки и приклада... Теперь, если мнѣ удастся — конецъ! Я вышла въ люди.. Душенька Аня! Помоги дома-то, чтобъ не слишкомъ огорчались.

Андрей Николаичъ покачалъ головой. Онъ сѣлъ къ столу и, положивъ лобъ на ладони обѣихъ рукъ, долго молчалъ.

— Думаю—поднялъ онъ наконецъ голову, и складка возлѣ губъ стала какъ-то еще рѣзче—думаю, что надо дѣлать то, что̀ справедливо, и до чего человѣкъ самъ дошелъ по чувству или

убѣжденію... Помни только, Соня, что у тебя всегда есть другъ! и онъ привлекъ ее къ себѣ нѣжнымъ движеніемъ.

Ее тронула и смутила эта небывалая ласка.

— Не забуду! вскрикнула она, бросившись на шею къ брату.

— Такъ-то лучше! нахмурился Андрей Николаичъ. — Дѣло, которое дается пбтомъ да слезами, крѣпче того, что смѣшкомъ да игрой... Ну, полно! полно!

II.

У Сивониныхъ.

Отшумѣла вьюга. Ночь медленно проволкла свои темные покровы куда то дальше, и надъ Сыродольскомъ зажглось ясное, солнечное утро, когда сугробы дѣвственнаго снѣга со всѣхъ сторонъ сверкаютъ на васъ милліонами алмазныхъ искръ, полозья скрипятъ по свѣже-укатанной дорогѣ, дымъ бодро подымается изъ трубъ высокими прямыми столбами, морозъ, несмотря на совершенное безвѣтріе, игриво щиплетъ васъ за уши и точно обжигаетъ щеку, а Реомюръ показываетъ двадцать-три — ниже нуля.

Въ квартирѣ Петра Васильевича Сивонина, совѣтника палаты въ Сыродольскѣ, семейство сидѣло за чаемъ.

Самъ Петръ Васильичъ, въ пестромъ ваточномъ халатѣ, какъ полагаютъ, передѣланномъ изъ стараго женскаго платья, и съ трубкою въ рукахъ, помѣщался бокомъ къ самовару, а лицомъ къ окну, такъ что легко было во всей подробности разсмотрѣть его плотное тѣлосложеніе, большой ротъ, нѣсколько тронутыя оспой щеки, мутные глаза, рыжіе бакенбарды и такіе же рыжіе, слегка кудрявые волосы. Рядомъ съ нимъ разливала чай теща его, Анна Ѳедоровна — болѣзненно-бѣлая, блѣдная, высокаго роста, но тщедушная и на взглядъ совершенно безличная старушка. Дальше, съ боку, помѣщались двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка. Наконецъ, спиною къ свѣту, сидѣли двѣ... Да, — какъ ни покажется это страннымъ — но положительно сидѣли двѣ Вѣры Александровны Траумъ. Та же стройная талья, тѣ же подстриженные, вьющіеся волосы, тотъ же очеркъ головы, плечъ, шеи, та же манера держаться... Однимъ словомъ, еслибъ правая Вѣра Александровна не была одѣта въ заношенную немного, но прекрасную утреннюю блузу изъ плотной шерстяной матеріи, а лѣвая, совсѣмъ не по сезону,

въ очень дешевый и очень старенькій ситецъ—всякій, право, легко могъ бы подумать, не двоится ли, чего добраго, въ глазахъ.

Къ счастью отворилась дверь, вошелъ палатскій разсыльный съ какими-то бумагами, правая Вѣра Александровна обернулась къ нему—и все очарованіе мигомъ исчезло. Ротъ у нея блѣдный, поджатый, съ тонкими губами и непріятный; цвѣтъ лица утомленный и неровный; лобъ низкій, непріятной формы; глаза масляные, то тупо холодные, то вдругъ какъ-то непріятно ласковые; наконецъ, ей очевидно всѣ тридцать лѣтъ.

Это не Вѣра Александровна. Это сестра ея—Любовь Александровна Сивопина, супруга Петра Васильича.

Настоящая же Вѣра Александровна сидѣла молча, не двигаясь и совершенно углубившись въ свою чашку, даже не поднимая головы, чтобъ избѣгнуть всякихъ встрѣчъ глазами и всякихъ поводовъ къ разговору.

Она все та же, что̀ и прежде. То же неправильное, но неотразимо привлекательное личико. Только на немъ лежала теперь какая-то несвойственная ему тѣнь сосредоточенной серьезности и принужденія. Видно было, что Вѣрѣ Александровнѣ какъ-то не свободно дышется.

Любочка и Вася, дѣти Петра Васильича, что-то болтали между собою. Старшіе молча прихлебывали изъ чашекъ.

Первое слово сказано было Любовью Александровною.

—Когда-же тебя ждать сегодня? вдругъ обратилась она къ мужу, поднимая опущенную голову, и точно связавши этотъ вопросъ съ теченіемъ собственныхъ мыслей.

— Я сказалъ: между двѣнадцатью и часомъ.

— Хорошо.

Вѣра Александровна не сдѣлала ни малѣйшаго движенія, однимъ словомъ, точно не слыхала сказаннаго; однако подумала про себя:

— Что же это значитъ? Зачѣмъ въ такое неуказное время?

Петръ Васильевичъ по службѣ былъ точенъ, и цѣлые годы возвращался домой аккуратно въ три часа и пятнадцать-восемнадцать минутъ, употребляя эти пятнадцать-восемнадцать минутъ на передвиженіе изъ присутственныхъ мѣстъ въ собственный домикъ на Кожинской улицѣ. Такимъ образомъ, недоумѣніе Вѣры Александровны имѣло достаточную причину.

Однако бесѣда на томъ и стала.

За то Вѣрѣ Александровнѣ суждено было другое, еще бо̀льшее недоумѣніе.

Когда она допила чай и поднялась изъ-за стола, чтобы увести

дѣтей въ особую комнату, гдѣ ей вмѣнялось въ обязанность до извѣстнаго срока учить ихъ складамъ и чтенію молитвъ на память—Любовь Александровна вдругъ остановила ее.

— Погоди, Вѣрочка. Ныньче такой морозъ, что, кажется, и въ комнатахъ довольно холодно. Не выпьешь ли ты еще чашку чаю? По крайней мѣрѣ согрѣлась бы... Куда спѣшить!

Вѣру Александровну изумилъ ласковый тонъ. Чаю ей вовсе не хотѣлось. Но зная по опыту, что отказываться отъ великодушныхъ предложеній сестры не слѣдуетъ, подъ страхомъ цѣлаго града ѣдкостей и даже просто брани—она опять сѣла къ столу, заставивъ себя улыбнуться и проговорить, какъ можно любезнѣе:

— Да, таки-довольно холодно.

— Маменька! обратилась та къ старухѣ. — Не пригодится ли Вѣрушкѣ мой старый мериносовый капотъ, какъ вы думаете? Для дома все-таки теплѣе.

— Отчего не пригодиться! отвѣчала Анна Ѳедоровна съ колебаніемъ.—Только капотъ-то хорошій, почти новый... Можетъ быть, ты бы сама еще поносила.

— Нѣтъ, зачѣмъ же! У меня, слава Богу, довольно есть. Такъ ты возьми себѣ, Вѣрушка, носи на здоровье.

Еще не успѣла Вѣра Александровна поблагодарить, какъ сестра уже поражала ее новымъ великодушіемъ:

— А гостей принимать я отдаю тебѣ мое сѣрое, гроденаплевое.

Любовь Александровна наскоро допила чашку и вышла въ другую комнату.

— Надо распорядиться тамъ... неопредѣленно объяснила она нѣсколько измѣнившимся голосомъ.

— Ну такъ и я пойду! и Петръ Васильичъ тяжело поднялся.— Пора на службу. А ты, Вѣрочка, къ двѣнадцати-то часамъ, какъ я вернусь, надѣнь новое платье. Хочу посмотрѣть, какъ на тебѣ будетъ... да, можетъ быть, и гостя приведу съ собой.

Онъ вышелъ.

— Ну, Вѣрка! строго заговорила наконецъ мать, перемывая и перетирая чашки.—Я съ тобою хитрить не стану. А знай ты прямо, что сегодня Петръ Васильичъ приведетъ жениха. Такъ ты ухо держи востро. Понимаешь? Чтобы у меня фанаберіи этихъ не было. И свадьба скоро; потому—женихъ служитъ въ уѣздѣ, а здѣсь только на побывкѣ, значитъ, волочить-то ему некогда.

«Вотъ въ чемъ дѣло!» вдругъ все объяснилось Вѣрѣ Александровнѣ—и блѣдная, она почти упала на стулъ.

— Господи! Господи! Господи! только шептала она безсвязно.

Еще гораздо прежде не разъ думала она о возможности такого обстоятельства, разбирала всѣ его послѣдствія; толковала о немъ съ Соней. Такъ что теперь, когда это обстоятельство явилось въ дѣйствительности — она разомъ поняла весь ужасъ своего положенія, картина будущихъ страданій разомъ встала передъ нею; и пораженная, уничтоженная, какъ ударомъ грома, не умѣя связать двухъ мыслей, она только шептала дрожащими губами:

— Господи! Господи! Господи!

— Надѣнь гроденаплевое платье, да брошку я тебѣ дамъ свою коралловую, наставляла между тѣмъ Анна Өедоровна. — Да не гляди букой-то! мужчины этого не любятъ. А ты будь повеселѣй, поразговорчивѣй. А то вдругъ опусти глаза, какъ будто застыдилась... Платье вырѣзное, такъ ты манишку надѣнь потоньше. Ну, да я ужо сама посмотрю...

— Маменька! Пощадите меня хоть вы! и Вѣра Александровна заплакала.

— Какія тутъ пощады? Что тебя, на казнь что ли посылаютъ? Человѣкъ, правда, жалованье получаетъ небольшое — за то по мѣсту доходовъ имѣетъ тысячи двѣ слишкомъ. Ну, и не старый, не пьющій... Такъ это для тебя счастье!... Вѣрка! смотри ты у меня! вдругъ разсердилась Анна Өедоровна. — Не дури! Слышишь? Или хочешь вѣкъ свой промаяться, какъ я съ отцемъ твоимъ сумасшедшимъ промаялась?... Я тебя научу сестры-то не слушаться!

И выходя, она сердито хлопнула дверью.

Вѣра Александровна не помнила, какъ прошли для нея слѣдующіе часы.

По старой привычкѣ она увела дѣтей въ свою комнату, достала азбуку, что-то они ей читали; потомъ прошло время урока, дѣти съ крикомъ и смѣхомъ убѣжали къ матери, горничная Агаөья принесла капотъ и гроденаплевое платье, и что-то сказала, положивъ ихъ на постель; потомъ прошелъ еще одинъ-другой часъ—Вѣра Александровна все сидѣла на томъ же стулѣ, все такъ же сложивъ руки на колѣняхъ, и все упорно глядя на одну и ту же пустую стѣну. Въ головѣ ея не было ни мыслей, ни плановъ, ни намѣреній. Только одно сознавала она ясно, и повторяла себѣ въ тысячный разъ и на тысячу ладовъ: «Не надо выходить, не надо одѣваться... Я не выйду, не надѣну этого платья, не покажусь жениху, не стану никого

слушаться... Пусть хоть весь міръ на меня обрушится и раздавитъ! Мнѣ все равно. Мнѣ ужъ не жить больше».

Боря! Боря! Боря! шумѣло у нея въ ушахъ.

«Что они со мной сдѣлаютъ?» вдругъ задавала она себѣ вопросъ — и не могла составить никакого опредѣленнаго представленія. Только чувствовала, что тутъ будетъ что-то ужасное, невѣроятное, неслыханное...

«Пусть дѣлаютъ!» думала она опять. «Мнѣ все равно. Мнѣ ужъ не жить больше... Я не выйду, не надѣну этого платья, не покажусь...» И опять тотъ же кругъ мыслей — однообразныхъ, неопредѣленныхъ и томительныхъ, какъ шумъ морского прибоя.

Иногда, словно нѣсколько опомнившись, Вѣра Александровна пугливо взглядывала на часы: безжалостная стрѣлка быстро ползла къ роковому полудню.

Наконецъ пробило половину двѣнадцатаго. Дверь шумно отворилась.

— Ахъ! чуть слышно вскрикнула или почти подумала Вѣра Александровна.

Вошла мать.

Весь угаръ, въ которомъ столько часовъ сряду просидѣла Вѣра Александровна, разсѣялся мигомъ. Рѣшимость ея исчезла вмѣстѣ съ угаромъ.

А Анна Ѳедоровна такъ и всплеснула руками.

— Что-жъ ты это, мать моя? задребезжала она своимъ старческимъ голосомъ, и по безцвѣтному лицу ея даже какъ будто скользнула тѣнь румянца.—Ты еще не изволила одѣться—даже не начинала!... Да что жъ это такое! Сказано тебѣ было, или нѣтъ? Или, можетъ быть, у васъ самихъ ручки отвалятся, принцесса вы самаркандская? Фрейлинъ своихъ ожидаете?

Вѣра Александровна, сама того не замѣчая, дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Какъ же Боря? думалось ей вовсе не въ отвѣтъ на рѣчь матери. — Неужто я?... Нѣтъ! не стану одѣваться — пусть хоть...

Но вопросъ о томъ, что будетъ за этимъ *пусть* — вдругъ разбивалъ всю ея рѣшимость, и она готова была на всякое немедленное истязаніе, лишь бы только не ожидать этихъ будущихъ, неопредѣленныхъ ужасовъ.

Анна Ѳедоровна нѣсколько мгновеній молча и широко открытыми глазами смотрѣла на дочь, которая со своей стороны хотѣла опустить глаза, но не въ силахъ была свести ихъ съ удивленнаго и все болѣе хмураго лица старухи. Такъ дѣти ночью въ темной комнатѣ не сводятъ глазъ съ бѣлой простыни,

которая кажется имъ привидѣніемъ и заставляетъ замирать ихъ маленькое сердце.

— Да что-жъ это? разразилась наконецъ Анна Өедоровна, подступая къ дочери. — Тебѣ я говорю, или стѣнамъ? Господи! что это за дура уродилась! И какъ ты смѣла до сихъ поръ не одѣваться, а? Вставай, сейчасъ! схватила она ее за руку. — Поворачивайся! Ну? Живо!

Но Вѣра Александровна продолжала сидѣть неподвижно, только блѣдная какъ полотно.

— Стану молчать! думала она, стиснувши зубы. —Пусть они что хотятъ...

— Ты это противъ матери-то такъ? Ну, погоди же! Я тебя уйму,—такъ уйму, что и до новыхъ вѣниковъ не забудешь... Господи! Наказалъ ты меня за грѣхи! Вся въ отца! Цѣлый вѣкъ мнѣ съ вами мучиться, что ли? Тотъ въ сумасшедшій домъ угодилъ —и ты туда же собираешься? Хоть бы ужъ скорѣе спятила — одинъ конецъ, по крайней мѣрѣ!... Вѣрка! начала она изо всѣхъ силъ трясти дочь за руку.—Тебѣ я говорю, что ли?...

Но чахоточная старуха быстро утомилась своей яростью.

— Постой! говорила она, запыхавшись и опуская руки, но еще дрожащимъ отъ злобы голосомъ.—Постой! Я сюда Любочку позову!

И она двинулась-было изъ комнаты.

— Маменька! простонала Вѣра Александровна.

Страхъ новыхъ ужасовъ, ожидаемыхъ, опять всталъ передъ нею во всей своей силѣ и грозной таинственности. Вѣра Александровна невольно вспомнила бывалыя сцены, перенесенныя ею обиды и страданія живо, точно вчера было, воскресли въ ея воображеніи. «Если такъ было тогда, что-жъ будетъ теперь?» подумала она съ ужасомъ, и простонала вслѣдъ Аннѣ Өедоровнѣ:

— Маменька! Я сейчасъ одѣнусь.

Нервы Вѣры Александровны не выдержали. Она залилась слезами, и вся какъ-то вдругъ свяла, точно стебелекъ подкошеннаго растенія.

— Ага! Теперь одѣнешься? Нѣтъ, погоди, погоди! прошипѣла старуха скорѣе про себя.

— Маменька!...

— Старшая сестра ей милости оказываетъ! и Анна Өедоровна бросила завистливый взглядъ на постель.—Вонъ какой капотъ подарила! Ты думаешь, у кого ты капотъ-то отняла? вдругъ накинулась она опять на дочь, какъ-то визжа и съ дрожащимъ отъ злобы подбородкомъ. — Вѣдь онъ бы мнѣ достался! Мнѣ

тоже зимой-то холодно... тоже! тоже!... Змѣя!... Ну, погоди, погоди! забормотала она потомъ, точно успокоиваясь.—Пусть Любовь Александровна посмотритъ, кому она милости оказываетъ... Такой теплый, мякенькій... Она мать промѣняла на дѣвчонку... Пусть посмотритъ! Пусть, пусть!

Анна Өедоровна двинулась къ двери.

— Маменька! Возьмите вы себѣ этотъ капотъ, Бога ради! Только не ходите, не сердитесь.

— Возьмите себѣ? Ишь, какая щедрая, когда знаетъ, что нельзя взять!... Да погоди, погоди!

— Боже мой, Господи! Что же это такое наконецъ?

Вскрикъ дочери звучалъ такъ болѣзненно, и на лицѣ ея, когда оглянулась Анна Өедоровна, было написано такое страданіе, такое отчаяніе, что даже у старухи что-то шевельнулось въ груди.

— Ну, ну! забормотала она почти сконфуженнымъ тономъ.—Я не пойду, не пойду! Только ты одѣвайся поскорѣе.

И она стала вынимать изъ комода разныя вещи, необходимыя для туалета.

— Глаза-то и лицо вымой холодной водой, чтобъ знаковъ не было.

Вѣра Александровна машинально повиновалась теперь всѣмъ приказаніямъ матери, и эта вдругъ перешла въ слезливый тонъ и начала причитывать, пока та одѣвалась.

— Вѣдь вотъ ты теперь думаешь, что я злая, скверная, что я тебя не люблю—дѣтище-то свое не люблю!... А я для кого же бьюсь-то? для кого я мыкаюсь? День и ночь только мнѣ и думки, какъ бы Вѣрушу свою пристроить, какъ бы женишка ей найти повиднѣе да повыгоднѣе! Пытаю, бѣгаю, Господа молю со слезами, къ Петру Васильичу пристаю—а ты вѣдь знаешь, какой онъ у насъ... Все думаю, думаю... И вдругъ ты меня этакимъ манеромъ... Богъ съ тобой! всхлипнула старуха.—Куда это юбка шитая запропастилась?... Ты подумай, Вѣруша: что же съ тобой будетъ-то? Какъ тебѣ безъ мужа прожить? Еще еслибъ свой достатокъ былъ—ну, другое дѣло, перебиться можно... Да и то нѣтъ! Все-таки вѣдь тошно безъ мужчины. Я тебѣ зная говорю. Ужъ какой былъ твой отецъ—вонъ и теперь въ желтомъ домѣ сидитъ; самый ужъ пустой человѣкъ... А все мужъ! Бывало, грызешь его, грызешь, проходу ему нѣтъ, а потомъ и приласкаешься... Гдѣ же манишка-то? Постой, постой! Ты вотъ такъ надѣнь, посвободнѣй... Достатковъ у тебя нѣтъ, отецъ хоть и надворный совѣтникъ—да что въ его чинѣ, коли онъ въ желтомъ домѣ сидитъ? И по службѣ кромѣ жалованья ничего не имѣлъ. Только и прибыли,

что тебя на казенный счетъ въ институтѣ взяли. А что съ этого института?... Теперь вотъ докторъ говоритъ: «Вѣра Александровна у васъ нервная; я даже думаю—говоритъ — что это у нея наслѣдственное, отъ отца»... И то правда, что ты вся въ него удалась... «Берегите же—говоритъ—ее какъ можно, пуще всего не раздражайте, не перечьте, не давайте горе узнать. Пусть бы даже со стороны поменьше смотрѣла на слезы и страданія». Ишь ты, какъ славно росписалъ! А на какія это деньги я тебѣ горято не дамъ узнать? Милліоны что ли у меня спрятаны?... Ну вотъ теперь находится человѣкъ почтенный, съ достаткомъ, солидныхъ лѣтъ, не пьяница, не вѣтрогонъ... Чинъ у него правда не большой, да мѣсто доходное—а это получше чина. Вонъ твой отецъ надворный совѣтникъ—и что съ его надворнаго совѣтничества?... Такъ какого-жъ тебѣ жениха надо?... А ты меня, старуху, этакимъ манеромъ!—Она опять всхлипнула.—На, вотъ рукавчики... Что не такъ-то онъ молодъ, да не такъ-то изъ себя красивъ—это еще и лучше, Вѣруша. Молодой да красивый тебя цѣнить не будетъ, затѣмъ что ему и на сторону легко пойти. А вотъ этакого-то, если вздумаетъ привередничать да забываться— ты придержи денекъ-другой, будь съ нимъ строго—и посмотри, какой шелковый сдѣлается, въ одну минуту! Потому — куда же ему помимо тебя идти? кому надобенъ?... Это я тебѣ зная говорю. Чтó молодой? Такъ, мнѣніе одно, что вотъ молодъ — а между прочимъ совершенно все равно... Я тебѣ добра желаю, изъ любви говорю—а ты капотъ отняла, да еще на меня этакимъ манеромъ... Богъ съ тобой!

Анна Ѳедоровна совсѣмъ разнюнилась.

Нѣсколько развлеченная механическимъ занятіемъ одѣванья и подъ вліяніемъ однообразнаго, тягучаго, съ большими разстановками шамканья старухи, Вѣра Александровна успѣла хоть немного придти въ себя, опомниться, и даже вернуться къ прежнему теченію мыслей. На минуту у нея явилась твердость — твердость труса, который, зная, что затѣваетъ подвигъ не по силамъ, самъ себѣ отрѣзываетъ отступленіе и уже потомъ—по необходимости, съ закрытыми глазами, ни живой, ни мертвый— бросается въ опасность, заранѣе обрекши себя на погибель.

Вѣра Александровна составила слѣдующій планъ: «Выйду къ жениху и сдѣлаю такъ, чтобы онъ убѣжалъ отъ меня, какъ отъ чорта. А потомъ пусть какъ хотятъ... Ужъ вернуть нельзя будетъ, хоть бы я и струсила... Я думаю, я умру. Ну, и что-жъ? Боря по крайней мѣрѣ узнаетъ, что я его въ самомъ дѣлѣ любила и по крайней мѣрѣ пожалѣетъ... И всему конецъ!»

— Вѣрочка готова? спросила за дверью Любовь Александровна.

— Готова, готова! Войди, кралечка моя писаная, солнышко ясное! съ подобострастіемъ бросилась къ ней старуха. Войди, полюбуйся своимъ платьицемъ на Вѣрушкѣ-то. Вѣдь ты всѣмъ намъ благодѣтельница!

И Анна Өедоровна поцѣловала старшую дочь въ плечо.

Любовь Александровна вошла съ милостивой улыбкой, оглядѣла сестру со всѣхъ сторонъ, заставивъ ее повернуться и направо, и налѣво, собственноручно что-то обдернула, поправила, и наконецъ осталась довольна нарядомъ.

— Точно на тебя шито! сказала она. Узнать нельзя въ шелковомъ-то платьѣ: откуда красота берется! Ну, да Богъ дастъ, теперь и тебѣ ужъ не долго ждать — будешь хоть по полдюжинѣ туалетовъ въ годъ дѣлать... Леонтій Михайлычъ и такъ мѣсто имѣетъ прекрасное—тысячи три вѣрныхъ, въ уѣздномъ городкѣ! Первой тамъ будешь... А мой Петръ Васильичъ обѣщалъ ему еще кое-что выхлопотать. Ужъ дѣло совсѣмъ на мази. Пусть только женится—сейчасъ и представимъ!

— Ангелъ небесный! умилилась Анна Өедоровна, молитвенно сложивши руки. Ни обидъ, ни зла не помнитъ. Заботится, точно дочь ея родная!

— А развѣ она мнѣ чужая, маменька? развѣ не сестра? Только вѣдь одна и есть. И про какія вы обиды говорите? Обѣ мы иной разъ грѣшили—значитъ, и вспоминать нечего. Можетъ, я, дура старшая, еще виноватѣе была!

— Ангелъ, ангелъ небесный! совсѣмъ расчувствовалась старуха.

— Петръ Васильичъ пріѣхалъ! вскрикнула Любовь Александровна, подбѣгая къ окну.

III.

Леонтій Михайлычъ.

Госпожа Сивонина уже томно полулежала въ углу большого дивана и на первомъ попавшемся мѣстѣ раскрыла какой-то французскій романъ, который нарочно для этой цѣли уже болѣе полугода сохранялся на сосѣднемъ столикѣ. Вѣру Анна Өедоровна толкнула за пяльцы; а сама сѣла на кресло — прямо, точно солдатъ на часахъ, не горбясь, не прислоняясь къ спинкѣ и съ неизмѣннымъ вязаньемъ въ рукахъ.

Все это, разумѣется, произошло въ гостинной. А гостинная представляла квадратную комнату средней величины, оклеенную голубою бумагой со множествомъ сѣровато-бѣлыхъ лиръ, перевитыхъ такими же сѣровато-бѣлыми вѣнками, обставленную мебелью дешеваго издѣлія, но довольно фасонистой, съ пунсовою шерстяною обивкой весьма крупнаго рисунка, и наконецъ украшенную разными сборными картинками на стѣнахъ. Надъ диваномъ на почетномъ мѣстѣ висѣли хромолитографированные портреты изъ царской фамиліи, затѣмъ разныя фотографическія карточки въ деревянныхъ или картонныхъ рамкахъ, раскрашенныя литографіи, рисунки изъ «Художественнаго Листка» Тимма, и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Петръ Васильичъ былъ необыкновенно въ духѣ. Еще изъ передней доносились его громкій говоръ и смѣхъ, да чье-то тихое, неясное мурлыканье — точно жирнаго кота, довольнаго своей судьбою.

— ...Однако не откажетесь?... слышался широкій возгласъ Петра Васильевича, котораго впрочемъ тоже можно было понимать только урывками.

— Гр-гр-гр... отвѣтило мурлыканье.

— Да, зимой-то... Пріятно когда этакъ... Не худо, а?

Опять кто-то замурлыкалъ въ передней.

— Ха, ха, ха, ха! Ха, ха, ха! Вотъ такъ экономія по части отопленія, настоящая хозяйская! Ха, ха, ха, ха! Сейчасъ супругѣ доложу.

Послѣдняя фраза сказана была на ходу, и вслѣдъ за нею появился въ дверяхъ самъ Петръ Васильичъ, съ подозрительно румянымъ лицомъ и блестящими глазами — обнимая одной рукою привезеннаго имъ гостя, а другой высоко надъ головою махая запндевѣлой шапкой, вѣроятно въ знакъ торжества.

— Любовь Александровна! провозгласилъ онъ, не хуже иного протодіакона. Се веду къ тебѣ особу изъ многоизвѣстнаго, многообильнаго и многодоходнаго града Молхова — да почіетъ надъ нимъ благость божія! — сей же подвѣдомственной намъ губерніи. Особа оная, не мня довольнаго себѣ счастія въ сердцахъ уѣздныхъ, рѣшилась обрѣсти таковое въ незыблемости и большемъ изяществѣ чувствъ губернскаго издѣлія. Того для мы днесь достолюбезно раскрываемъ ей наши братскія объятія.

Петръ Васильичъ въ самомъ дѣлѣ облапилъ гостя своими длинными руками.

А гость этотъ былъ очень небольшой человѣчекъ лѣтъ сорока слишкомъ, во фракѣ, въ желтыхъ перчаткахъ и съ глянцовитой визитной шляпой въ рукѣ. Одѣтъ онъ былъ безукориз-

ненно, насколько можно безукоризненно одѣваться въ Сыродольскѣ; только гладко причесанные, замѣтно порѣдѣвшіе волосы были припомажены чѣмъ-то ужъ слишкомъ пахучимъ. Лицо довольно моложавое, какъ почти у всѣхъ блондиновъ, съ мелкими и незначительными чертами: жизнь ему давали только черные, необыкновенно живые и постоянно бѣгающіе глазки.

Высвободившись изъ объятій Петра Васильича, онъ подошелъ къ Любовь Александровнѣ, бойко, но очень почтительно раскланялся, и сказалъ ей:

— Въ лицѣ Леонтія Михайлыча Займитова позвольте представить вамъ одного изъ самыхъ горячихъ вашихъ почитателей.

Вѣра, до тѣхъ поръ неподвижная, бросила искоса взглядъ на своего суженаго.

А суженый продолжалъ говорить тихо, какъ-то немного наклонивъ голову и на́ бокъ, и внизъ. Голосъ его и манера произносить даже теперь, вблизи, живо напоминали мурлыканье благодушествующаго кота.

— Эй, Леонтій Михайлычъ! Да ты, братецъ, совсѣмъ не туда адресуешься! вдругъ захохоталъ во все горло Сивонинъ, выпучивъ на гостя свои немного посоловѣвшіе глаза. На этой вѣдь ужъ нельзя жениться: занята квартира. А ты вотъ куда смотри! повернулъ онъ его своей геркулесовской силой къ пяльцамъ, надъ которыми, не поднимая глазъ, работала Вѣра Александровна.

— Вѣрочка! Рекомендую! Сей есть искатель священнаго амура — дворянинъ, ибо даже служилъ въ гусарахъ; бывшій фабрикантъ и заводчикъ; ходатай по дѣламъ и проч., и проч.; на бильярдѣ — чортъ! Сейчасъ онъ мнѣ въ «Вѣнѣ» такія штуки показывалъ, что Данилка-маркеръ даже креститься началъ со страху... Парле-ву-франсе, какъ будто въ Парижѣ родился; острякъ, комплиментистъ, шаркунъ — однимъ словомъ, на все собаку съѣлъ. Разсчетъ понимаетъ самый тончайшій! Вотъ еще въ передней онъ объяснялъ: «Я, говоритъ, зачѣмъ женюсь? Чистая выгода! Изъ экономіи!» — Ну, вы тутъ объясняйтесь. А вамъ, маменька, ради сегодняшняго торжественнаго случая, я фунтикъ конфетъ пріобрѣлъ-съ. Бонбошки ахтительныя! Извольте получить-съ.

— Ахъ, Петръ Васильичъ! взвизгнула старуха, даже зардѣвши отъ такого вниманія.

— Вѣра Александровна! замурлыкалъ между тѣмъ Займитовъ, ни мало не сконфузясь отъ велерѣчія и комплиментовъ своего пріятеля. Я знаю, какъ вы теперь на меня смотрите и должны смотрѣть. Я понимаю всю мѣру своей дерзости... Не имѣя

счастья быть сколько-нибудь вамъ извѣстнымъ, не обладая никакими талантами для того, чтобы нравиться женщинамъ, — я все-таки смѣлъ явиться претендентомъ на такое счастье, на такое блаженство. Нѣтъ! Позвольте мнѣ лучше не говорить объ этомъ! остановился онъ какъ-бы въ волненіи, и въ самомъ дѣлѣ переводя духъ. Вѣра Александровна! Я знаю свою вину. Теперь только, увидавши васъ близко, а не благоговѣя издали, какъ прежде—я понялъ всю ея мѣру, а еще болѣе—всю безнадежность моихъ притязаній. Я почти отказываюсь отъ васъ. Но мнѣ дорого объяснить вамъ, что я не такъ виноватъ, какъ вы, можетъ быть, полагаете, что я — не то, что другіе...

Онъ многозначительно остановился.

Вѣра молчала. Ей чудился полупьяный уѣздный чиновникъ въ зеленомъ форменномъ фракѣ, съ громкимъ говоромъ, съ неприличнымъ смѣхомъ и пошлыми шутками—а этотъ какъ-будто хотѣлъ что-то сказать.

— Вѣра Александровна! Вы молчите?... грустно началъ опять Займитовъ. Вы правы. Я этого стою и по дѣломъ наказанъ.

Не успѣвъ еще хорошенько опомниться, не вполнѣ сознавая всѣ послѣдствія своего подвига, Вѣра вдругъ подняла голову и сказала громко, съ рѣшительнымъ видомъ:

— Леонтій Михайлычъ! Я очень благодарна за честь, которую вы мнѣ дѣлаете своимъ предложеніемъ; но принять его не могу ни въ какомъ случаѣ — ни теперь, ни послѣ—потому что вы мнѣ не нравитесь, и я давно люблю другого.

Всеобщее замѣшательство.

— Ахъ! вскрикнула Любовь Александровна.

— Что-о? заревѣлъ Петръ Васильичъ, вскакивая съ дивана, но тотчасъ опомнился. — Не слушайте, Леонтій Михайловичъ; знаемъ мы этотъ вздоръ; лучше пойдемте со мною въ кабинетъ, поговоримъ толково.

Любовь Александровна пошла-было за ними; но мужъ сдѣлалъ ей чуть замѣтный знакъ глазами — и она еще по дорогѣ скрылась въ боковую дверь.

— Садитесь! предложилъ Петръ Васильичъ, показывая рукою на клеенчатое кресло.

Винный румянецъ, добытый за завтракомъ, сбѣжалъ у него съ лица, глаза потускнѣли и приняли холодное, непроницаемое выраженіе, добродушная веселость исчезла — однимъ словомъ, слегка выпившій человѣкъ мигомъ превратился въ трезваго и осторожнаго дѣльца. Отъ недавней попойки даже слѣдовъ не осталось.

Гость, перебывавшій въ короткое время добрымъ малымъ съ

душой на распашку, дамскимъ угодникомъ, задумчивымъ несчастливцемъ и восторженно-нѣжнымъ поклонникомъ — теперь тоже сѣлъ на кресло съ любознательнымъ и серьезно почтительнымъ видомъ дѣлового человѣка, который приготовился выслушать своего глубоко уважаемаго и во всѣхъ отношеніяхъ старшаго товарища.

Молча и почтительно уперся онъ въ Петра Васильевича ожидающимъ взглядомъ, размышляя про себя: — что-то онъ послѣ этого скажетъ!

— Леонтій Михайловичъ! началъ тотъ, дѣлая недовольную гримасу.—Мнѣ очень жаль, что я подвергнулъ васъ такому... можно сказать, непріятному пассажу... Повѣрьте, я никакъ не думалъ, чтобы... чтобы...

Онъ пріостановился, разсчитывая на помощь Займитова. Но Займитовъ все также молча и съ тѣмъ же почтительнымъ ожиданіемъ смотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Я никакъ не думалъ, чтобы могла выйти подобная штука... И теперь, разумѣется, вы имѣли бы право... То-есть, мнѣ конечно чрезвычайно жаль, и я могу поручиться, что эта, такъ сказать, прискорбная выходка юной особы есть только слѣдствіе ея разстроенныхъ нервовъ. Черезъ какіе-нибудь два-три дня она сама будетъ горько сожалѣть и каяться въ своемъ необдуманномъ поступкѣ... Я бы даже могъ проучить ее, если вы того пожелаете?...

Онъ опять пріостановился—и опять встрѣтилъ тотъ же ожидающій, невозмутимо-почтительный взглядъ.

— Но, разумѣется, вы имѣете полное право... полное право перемѣнить... то-есть, да! перемѣнить свое намѣреніе...

Опять небольшая остановка.

— Конечно, Вѣра Николаевна не имѣетъ никакого состоянія... и та услуга, которую я... гм! гм!... готовъ былъ предложить вамъ, какъ бы за нею въ приданое... можетъ быть, не кажется вамъ теперь желательною... или, такъ сказать, достаточнымъ вознагражденіемъ... Однимъ словомъ, я покорнѣйше прошу васъ объяснить мнѣ, какъ располагаете вы поступить при настоящихъ, можно сказать, неопредѣленныхъ обстоятельствахъ?

И, сказавъ послѣднюю фразу рѣшительнымъ тономъ, Петръ Васильевичъ въ свою очередь твердо уперся взглядомъ въ Займитова.

— Петръ Васильичъ! началъ тотъ очень тихо и медленно. — Меня нѣсколько удивляетъ вашъ вопросъ... Конечно, онъ только слѣдствіе вашего доброжелательства и, можно сказать, необыкновенной деликатности... Но все-таки, если дѣло идетъ о

серьезномъ и солидномъ уговорѣ между серьезными и солидными людьми — какое же значеніе, позвольте васъ спросить, можетъ тутъ имѣть вспышка молодой дѣвицы?

У Сивопина слегка дрогнули вѣки.

— Ну, въ такомъ случаѣ и я съ своей стороны могу вамъ поручиться, что завтра же объ ея упорствѣ даже помину не будетъ... Позвольте мнѣ еще разъ обнять васъ, будущій дорогой родственникъ!

— А мнѣ поблагодарить за великую честь.

Они подержали другъ друга въ объятіяхъ и три раза звучно поцѣловались, причемъ маленькій Займитовъ становился на цыпочки, а Петръ Васильевичъ нѣсколько присѣдалъ. Затѣмъ ледъ былъ пробитъ, и бесѣда приняла болѣе теплый, дружескій оттѣнокъ.

Займитовъ подвинулъ свое кресло ближе къ Сивопину, и началъ говорить тихо, съ какой-то особенной сердечностью въ тонѣ и съ честнымъ, довѣрчивымъ взглядомъ.

— Петръ Васильичъ! Въ виду возникшаго-было между нами недоумѣнія, позвольте мнѣ выразить вамъ кое-что откровенно, какъ будущему уважаемому старшему брату... Притомъ, — онъ улыбнулся конфузливо и сталъ смотрѣть себѣ на ноги, — съ человѣкомъ, который все равно видитъ тебя насквозь, точно стекляннаго — даже глупо скрытничать: только внушаешь не полное къ себѣ довѣріе.

У Сивопина опять дрогнули вѣки.

«Врать будетъ!» подумалъ онъ. — Ну?

«Не вѣритъ, проклятая лисица!» въ то же время блеснуло у Займитова, который повидимому не подымалъ глазъ съ кончика своего праваго сапога.

— Петръ Васильичъ! вдругъ поднялъ онъ глаза на Сивопина. — Я не мальчикъ, и понимаю, какъ слѣдуетъ жить серьезному человѣку, понимаю, чего долженъ онъ искать, напримѣръ, въ супружествѣ. Вы упомянули о приданомъ... Конечно, отъ приданаго никто не прочь. Но вѣдь и приданыя бываютъ разныя. Вотъ вы изволили мнѣ обѣщать весьма важное для меня содѣйствіе — это ужъ много; а кромѣ того молодая и красивая жена, въ рукахъ у опытнаго человѣка — Займитовъ опять взглянулъ, точно всего обдалъ взглядомъ, прямо на Петра Васильича — сама по себѣ составляетъ капиталъ.

— Гм! крякнулъ Сивопинъ, нѣсколько поднявъ брови.

«Что за чортъ! подумалъ онъ. — Вѣдь онъ, кажется, того... въ самомъ дѣлѣ откровенничаетъ!

«Ага, подѣйствовало!» улыбнулся про себя Займитовъ.

— Петръ Васильичъ! Вы меня извините, если я, можетъ быть, слишкомъ рѣзокъ въ своей откровенности... Но мнѣ дорого объяснить вамъ истинную причину, почему я такъ дорожу Вѣрой Александровной. Притомъ же, съ вами ли мнѣ считаться мудростью? Я еще вамъ сапоги чистить долженъ!... Да, приданое Вѣры Александровны хоть и не видное, однако позначительнѣе иного виднаго. Я это понимаю, Петръ Васильичъ, и повѣрьте, противъ васъ не буду неблагодарнымъ.

«Ну, это онъ вретъ!» не сморгнувъ, подумалъ Сивонинъ.— «Ишь расчуствовался! Таковскій, держи карманъ! Къ чему только онъ клонитъ?»

«Эхъ, опять фальшивую ноту взялъ!» подумалъ и Займитовъ. — «Ну, да онъ, кажется, не замѣтилъ. Однако все-таки лучше, на всякій случай... Да! Поддамъ еще жару!»

— Петръ Васильичъ! Я вообще, знаете, не изъ благодарныхъ. Да и какая на свѣтѣ благодарность? За что? Если кто сдѣлалъ мнѣ одолженіе, или помогъ, или подарилъ—такъ вѣдь это почему? Потому что я же ловко къ нему подъѣхалъ: выплакалъ, наобѣщалъ, въ душу влѣзъ. Ну, значитъ, я самъ съ собой и цѣлуйся, самъ себя благодари. А другого за что? За то, что дуракъ развѣ?

«Гм! Дьяволъ этотъ Займитовъ!» опять поднялъ брови Петръ Васильичъ.—«Чортъ его знаетъ, какъ и понимать, къ чему это онъ гнетъ?»

«Раскуси, раскуси, рыжая лисица! Хитеръ ты больно — да противъ Займитова партія тебѣ тяжела».

— Другое дѣло съ вами, Петръ Васильичъ! началъ громко Займитовъ. — Васъ я теперь прямо прошу, готовъ на колѣнки стать.... Поэтому ваша милость — будетъ истинно милостью и благодѣяніемъ... Тутъ мы касаемся главнаго пункта. Не столь для меня важна красота Вѣры Александровны и даже обѣщанное вами содѣйствіе въ извѣстномъ случаѣ, сколь важно вообще породниться и сойтись съ вами. У меня есть нѣкоторыя предпріятія, могу сказать, довольно значительныя... Вы, можетъ быть, изволили слыхать? пріостановился онъ на минуту.

— Говорили... неопредѣленно кивнулъ головою Петръ Васильичъ.

— Предпріятія весьма значительныя! ударялъ Займитовъ.— Поэтому мнѣ необходимо имѣть поддержку въ губернскомъ городѣ. Между тѣмъ куда я сунусь, позвольте васъ спросить? Къ Христолюбцеву этому что ли пойду? А что такое Христолюбцевъ? Человѣкъ, которому дурацкое счастье везетъ—и больше ничего. Есть ли въ немъ благородная смѣлость и настоящее умѣнье? Ни

въ какомъ случаѣ! Сидитъ на превосходномъ мѣстѣ, гдѣ богатство само въ карманъ ползетъ—и подбираетъ копѣйки. На это всякаго дурака хватитъ. Нѣтъ! А ты изобрѣти, вникни, разработай въ потѣ лица твоего—да тогда и пользуйся! Вотъ какъ по-моему поступаетъ благородный человѣкъ... Кто же еще? Облѣпихинъ—ничтожество, Старовцевъ—трусъ и мямля. Не только поддержки другому, но даже собственной своей выгоды они понять не могутъ... И вдругъ я соединяюсь родственными узами съ человѣкомъ, которому, можно сказать, еще не видѣлъ равнаго! Я могу удвоить, утроить свои операціи: знаю, что за этимъ человѣкомъ, какъ за каменной стѣной, я защищенъ отъ всякихъ, даже сильнѣйшихъ бурь! Петръ Васильичъ! Теперь дѣло ясно: я прошу вашего союза, вашихъ совѣтовъ и вашей поддержки. Это для меня важнѣйшая статья въ приданомъ Вѣры Александровны...

Сивопинъ слегка повернулся на своемъ креслѣ.

— Не думайте—поспѣшилъ Займитовъ—не думайте, чтобъ я надѣялся на помощь вашу безвыгодно для васъ. Нѣтъ! Дружба дружбой, а служба службой—я это, повѣрьте, хорошо понимаю. Да и предпріятія мои, какъ вамъ можетъ быть извѣстно, такого рода, что на обоихъ хватитъ.... Во всякомъ случаѣ я теперь вполнѣ и откровенно объяснилъ вамъ, почему Вѣра Александровна имѣетъ для меня особую цѣну. Не такой же я дуракъ въ самомъ дѣлѣ, чтобъ изъ-за пустяковъ, изъ-за каприза или какой-нибудь тамъ скоропреходящей склонности молодой дѣвицы, отказаться отъ своего великаго счастья, да еще когда оно само въ руки ползетъ! Итакъ, что̀ вы рѣшите, Петръ Васильевичъ?

Сивопинъ слушалъ молча, не спуская глазъ съ Займитова, теперь уже явно слѣдившихъ за каждымъ его взглядомъ или движеніемъ мускула въ лицѣ. Но и тотъ съ своей стороны, не сморгнувъ, просто, прямо и открыто смотрѣлъ на Петра Васильича, ожидая его отвѣта.

Нѣсколько мгновеній оба молчали.

— Леонтій Михайлычъ! медленно и вѣско заговорилъ наконецъ Сивопинъ.—За откровенность и я съ вами буду откровененъ. Конечно, помочь вамъ въ дѣлахъ, насколько возможно, я всегда готовъ съ радостью; готовъ буду, при случаѣ, и предпринять что-нибудь вмѣстѣ. Вѣрочка, можно сказать, выросла у меня въ домѣ; она для меня все равно, какъ дочь родная, и слѣдовательно все, что отъ меня зависитъ... Ну, да это само собой разумѣется, и толковать нечего.

Займитовъ внутренно улыбнулся отъ жалости.

«Какъ это грубо!» подумалъ онъ.—«Нашелъ, съ чѣмъ подъ-

ѣхать! Всѣ они дальше рутины ни на шагъ. А еще этотъ побойчѣе другихъ... Однако остороженъ, чортъ его побери! Остороженъ, какъ дьяволъ! Просто не знаешь, съ которой стороны взять... Неужто я еще не подѣйствовалъ? Это-жъ съ ума сойти надо, съ проклятой лисицей!»

— Но съ другой стороны, Леонтій Михайлычъ, мнѣ довольно извѣстенъ вашъ характеръ — и я прямо говорю вамъ: не зарывайтесь! Леонтій Михайловичъ! Не губите вы сами себя... все надо въ мѣру. У старой княгини Зыковой конечно сильная рука; я тоже, сколько могу, готовъ служить вамъ, какъ дорогому брату... Однако вспомните вы хоть свои прежнія времена; вѣдь вы могли, такъ сказать, пріобрѣсти опытность... Вспомните исторію на золотомъ пріискѣ, или съ Криворотовымъ, или съ оренбургскими купцами...

Займитовъ опустилъ голову.

— Эхъ, Леонтій Михайлычъ! вдругъ съ искреннимъ чувствомъ заговорилъ Сивонинъ. Вѣдь съ вашими способностями теперь бы надо было Богъ-знаетъ гдѣ сидѣть—въ министрахъ, можетъ быть, да! и Богъ-знаетъ какое имѣть состояніе. А гдѣ все это? Сами вы себя погубили, и опять погубите. Что у васъ за жадность, Леонтій Михайлычъ? Нельзя, голубчикъ вы мой, все разомъ да разомъ. И Москва вѣдь не одинъ день строилась... Остерегитесь, Леонтій Михайлычъ! по-дружески вамъ говорю. Зачѣмъ торопиться? Исподоволь да исподоволь, потихоньку да помаленьку — а все вмѣстѣ выйдетъ гораздо значительнѣе, чѣмъ если разомъ цапнуть и отойти всторону со скандаломъ... Леонтій Михайлычъ, пожалѣйте вы сами себя, пожалѣйте свои способности! Что-жъ, вы развѣ удержаться не можете? Горькій пьяница—и тотъ, коли нужно, отъ вина отстанетъ. А это не вино! Это не болѣзнь какая-нибудь, и въ нашихъ рукахъ. Мало ли что видитъ око, да зубъ неймётъ! Вы посмотрите куда угодно: кто вамъ здѣсь подъ пару въ цѣлой губерніи? Законникъ вы, можно сказать, единственный; про умѣнье—и говорить нечего! Подстроить, подвести, пронюхать, вытянуть—это ужъ ваше дѣло! Вы тамъ сообразите, гдѣ другому даже и не приснилось бы... И кромѣ того еще связи у васъ есть, и человѣкъ вы ловкій; вы вонъ и по-французски, и расшаркаться, и комплиментецъ какой-нибудь отпустить; вы съ князьями да графами за своего человѣка... Господи! Что же вы сдѣлать-то могли бы? Гдѣ бы вамъ сидѣть теперь? И все погубила жадность проклятая! Тысячу рвете, а десять упускаете. Вспомните золотой пріискъ, вспомните елецкое дѣло... Чтó бы это теперь было, еслибъ вы тогда не погорячились?

Леонтій Михайлычъ слегка застоналъ.

— Не говорите, Петръ Васильичъ! Не мучьте вы меня пыткой огненной! вскрикнулъ онъ. Неужто вы думаете, я самъ себя не понимаю? Скотина я, сумасшедшій! Я самъ себѣ первый врагъ и мучитель. Меня въ желтый домъ запереть надо!

Онъ опять застоналъ.

— Сколько я давалъ зароковъ, сколько я на себѣ волосъ вырвалъ! Повѣрите ли, я разъ цѣлую недѣлю сухимъ хлѣбомъ питался, чтобъ только себя усмирить. Не помогаетъ, ничего не помогаетъ! Какъ случится, что можно бы кушъ хорошій сорвать—тутъ я самъ на себя не похожъ дѣлаюсь: ѣсть не могу, спать не могу, думать не могу, въ головѣ какъ будто туманъ какой; одно только передо мною и стоитъ, вотъ какъ чортъ передъ пьяницей въ бѣлой горячкѣ... Тогда ужъ меня хоть руками бери!

Онъ всѣ десять пальцевъ запустилъ себѣ въ волосы.

— Леонтій Михайлычъ! Леонтій Михайлычъ! Успокойтесь! уговаривалъ его Сивонинъ.

— Петръ Васильичъ! почти закричалъ Злймитовъ отчаяннымъ голосомъ. Теперь я совсѣмъ проговорился, противъ васъ не скроешься! Теперь вы сами знаете, чего мнѣ нужно. Не столько поддержки, не столько защиты я ищу, сколько совѣтовъ, палки вашей надо мною! Вы—единственный человѣкъ, котораго я уважаю, котораго готовъ признать своимъ учителемъ. Ругайте же меня, сѣките, бейте въ морду — но сдѣлайте человѣкомъ! Я васъ какъ отца прошу.

Онъ чуть не опустился на колѣни.

— Согласитесь мнѣ содѣйствовать, будемте работать вмѣстѣ—и я ни на шагъ не выйду изъ вашей воли. Чтó было, то прошло. Видите, вонъ ужъ я полысѣлъ, ужъ не такой же я заносчивый мальчикъ, какъ прежде. Пора образумиться, остепениться—и при вашей помощи, при вашихъ совѣтахъ и подъ вашей командой дѣло пойдетъ на ладъ. А что мы вдвоемъ можемъ надѣлать, настроить... ухъ! даже духъ захватываетъ!... Сами вы говорите, что у меня есть способности; а какъ еще васъ присоединить... Боже, Боже мой! Вся губернія наша... Петръ Васильичъ! Вотъ я весь передъ вами—рѣшите же мою судьбу!

— Успокойтесь, успокойтесь, Леонтій Михайлычъ! Я надѣюсь, что мы сойдемся... Вы меня теперь немножко растревожили... Да и голова у меня послѣ «Вѣны» не свѣжая... А вотъ пожалуйте завтра; я пока обдумаю... Поговоримъ подробно о

вашихъ предпріятіяхъ, и вообще на что-нибудь рѣшимся... Утро вечера мудренѣе.

— Какъ вамъ угодно. Не смѣю настаивать, хотя все сердце у меня изноетъ... А до тѣхъ поръ не удостоите ли отобѣдать со мною въ «Вѣнѣ?»

— Нѣтъ ужъ, покорно васъ благодарю... Вѣдь у меня еще домашнія хлопоты есть. Да, признаться, и сытъ совсѣмъ послѣ давешняго.

— Ну, какъ угодно. Не смѣю настаивать... А то вѣдь домашнія-то хлопоты можно бы и отложить? Дѣло не звѣрь, не бѣгаетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Право не могу.

— Ну, такъ до завтра.

— До завтра. А про Христолюбцева вы это прекрасно сказали... Ха, ха, ха!... Очень, очень вѣрно!

Они опять три раза поцѣловались на прощанье.

Проводивъ гостя, Петръ Васильичъ долго смотрѣлъ вслѣдъ ему на притворенную дверь.

— Да, хорошо бы... задумчиво бормоталъ онъ. Выгоды конечно огромныя... Построили бы мы это дѣло, соорудили бы! Ну, и отвѣтственность можно бы, въ случаѣ чего, всю на Займитова свалить: человѣкъ онъ горячій, къ деньгѣ алчный—можно бы такъ подстроить... Онъ же меня вонъ и почитаетъ, слушаться хочетъ... Да! хорошо бы... Ну, а съ другой стороны, осторожность съ нимъ главное дѣло: опасный и тончайшій человѣкъ!... Гм! Чортъ знаетъ, какъ поступить въ этихъ обстоятельствахъ... Пожалуй, иначе Вѣрку не возьметъ... Ну, это конечно вздоръ: можно для вида и согласиться съ нимъ, а потомъ, какъ женится — ищи вѣтра въ полѣ!... Гм! гм!... Трудное дѣло!... Не поговорить ли съ женой?... Посмотримъ... А покуда надо прежде всего проучить эту госпожу. Будетъ она у меня помнить!

И Петръ Васильичъ, со внезапно разгорѣвшимся лицомъ, съ налитыми кровью глазами, торопливо вышелъ изъ кабинета.

Вскорѣ за тѣмъ послѣдовала дѣйствительно бурная сцена, которая не прошла даромъ для здоровья Вѣры.

IV.

Въ классной.

Софья Николаевна только-что успѣла распустить свою маленькую школу и усердно приводила въ порядокъ классную комнату. Все это до того поглотило ея вниманіе, что она даже не замѣтила, какъ на порогѣ ея комнаты вдругъ выросла чья-то человѣческая фигура.

Гость, впрочемъ, съ своей стороны не нашелъ нужнымъ выступить далѣе, или какъ-нибудь иначе извѣстить о своемъ присутствіи, и нѣсколько секундъ молча слѣдилъ за всѣми движеніями дѣвушки.

Это былъ господинъ средняго роста, или даже ниже средняго, худощавый, съ цѣлымъ лѣсомъ растрепанныхъ черныхъ волосъ на головѣ и съ усами несомнѣнно гражданскаго происхожденія, ибо носимы они были кое-какъ и видимо не пользовались особливымъ вниманіемъ со стороны своего обладателя. Одѣтъ онъ былъ хорошо, но небрежно: галстухъ полуразвязанный, сюртукъ дня два не чищенъ, воротнички тонкой рубахи смяты и очень старой формы.

— Никаноръ Сергѣичъ! Здравствуйте. Какъ это вы подкрались? Неужто у васъ сегодня и въ самомъ дѣлѣ не скрипятъ сапоги?

Гость взглянулъ себѣ на ноги.

— Нѣтъ, скрипятъ. Что-жъ я буду дѣлать съ сапожниками? Не драться же.... Но вы такъ углубились въ *усердное исполненіе даже самаго неважнаго долга*, и такъ прислушивались къ *голосу совѣсти, повелѣвающей трудиться*, что за этимъ, разумѣется, могли не замѣтить сапожнаго скрипа.

Подчеркнутое гость произнесъ съ нѣкоторымъ насмѣшливымъ паѳосомъ.

— Ну, ну, здравствуйте.

— Здравствуйте, отвѣтилъ Никаноръ Сергѣичъ. Но лицо его вдругъ затуманилось.

— А вѣдь я къ вамъ по дѣлу.... по непріятному дѣлу.

— Непріятному! Чтó такое?

— Непріятному для меня, а не для васъ; значитъ, не безпокойтесь.

— Непріятное для васъ—и для меня то же.

— Добрая вы, очень добрая.... на словахъ! пробормоталъ онъ полусердито, полунѣжно.

— А чѣмъ вы докажете, что не на дѣлѣ? строго опросила она глазами.

— Ну, ну! за доказательствами не далеко бы ходить....

— Однако?

— Ужъ оставимъ это, Богъ съ вами.

— Малодушный вы человѣкъ! махнула она рукой немного презрительно. Разсказывайте лучше о дѣлѣ.

Гость нахмурился и нѣсколько мгновеній пожевалъ губами.

— Я къ вамъ съ просьбою о помощи.... Съ серьезной просьбою.... Хотя, собственно говоря, дѣло конечно обезпеченное....

Онъ замолчалъ.

Софья Николаевна уставилась въ гостя глазами.

— Ну?

— Ну, мнѣ нужно денегъ.

— Денегъ? Такъ я-то гдѣ же ихъ возьму? Вѣдь вамъ не полтораста рублей нужно?

— Послушайте.... Я знаю, что у Андрея Николаича въ настоящее время есть деньги, и хотѣлъ бы взять ихъ подъ залогъ дома.

— Почему же вы не обратитесь къ нему?

— Скажу вамъ прямо: Андрей Николаичъ прекрасный человѣкъ, и я его глубоко уважаю; но онъ довольно тяжелъ по характеру.... съ нимъ какъ-то трудно поговорить отъ души.

— Съ нимъ!... Чего же вы хотите?

— Чтобы вы поговорили за меня.

— Послушайте, Никаноръ Сергѣичъ, я слышала.... Да что тутъ! Аня мнѣ сказывалъ, а онъ въ этомъ знаетъ толкъ; такъ онъ сказывалъ, будто ваши дѣла не хорошо идутъ. Можно ли спросить васъ....

— Да вѣдь я обезпечиваю залогомъ дома.

Софья Николаевна вспыхнула.

— Я съ вами говорю какъ другъ, а не какъ барышникъ.

— Что же вы хотите знать?

— Правда ли, что ваши дѣла плохи, и на что вамъ деньги?

— Хочу пуститься въ торговлю.

— Послушайте: вѣдь вы продали имѣнье за пятьдесятъ пять тысячъ?

— Да.

— А новый домъ вашъ не стоитъ и двадцати. Гдѣ же остальныя деньги?

— Да развѣ я такъ прямо на тѣ деньги и купилъ домъ!

Вѣдь домъ-то купленъ въ прошломъ году, а имѣнье ужъ восемь лѣтъ какъ продано.... Эхъ вы, дѣловая!

— Чѣмъ же не дѣловая? Положимъ, что восемь лѣтъ прошло — да что же это, объясненіе, что ли? Деньги-то все-таки куда дѣвались? Пятьдесятъ пять тысячъ и двадцать — разница большая.

— Куда дѣвались! Разумѣется, неудачныя операціи.... Да что объ этомъ говорить: вѣдь ужъ не воротишь.

Софья Николаевна покачала головой.

— Васъ вѣрно обманываютъ.

— Никто меня не обманываетъ, да и не такъ-то это легко; а просто не везетъ. Мнѣ однѣ эти проклятыя машины тысячъ десять стоили.

— Машины! Отъ которыхъ вы когда-то были въ такомъ восторгѣ?

— Ну, и былъ. Всякій можетъ ошибаться.

Софья Николаевна опять покачала головой.

— Что же вы теперь затѣваете?

— Продаю домъ, и на эти деньги завожу чайную торговлю en grand. А покуда займу подъ залогъ, такъ какъ это легче и чтобы не терять времени. У меня теперь случай начать дѣло, какой уже не повторится; я могу смѣло получить на свой капиталъ пятнадцать или даже двадцать процентовъ въ годъ. Ну, поговорите вы съ братомъ?

— Разумѣется, поговорю, если нужно. Да вы увѣрены ли въ барышахъ-то?

— Совершенно увѣренъ. А если Андрей Николаичъ мнѣ не дастъ, я, признаться, не знаю, къ кому и обратиться. Другой съ меня и сдеретъ, и надуетъ, пожалуй.

— Послушайте, Никаноръ Сергѣичъ, позвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ откровенно.

— Ну?

— Восемь лѣтъ тому назадъ у васъ были очень значительныя средства, такъ что вы могли прекрасно жить безъ всякихъ спекуляцій. Но вы промѣняли имѣніе на заводъ, заводъ на подряды, подряды на машинный складъ и наконецъ машины на домъ — все это, надо вамъ сказать, къ общему недоумѣнію дѣловыхъ людей, и при твердой увѣренности съ вашей стороны, что великія выгоды такъ на васъ и посыплются. Вышло однако совсѣмъ не по-вашему: изъ хорошаго состоянія у васъ едва-едва осталось чѣмъ жить. Ну, а что если вы обочтетесь еще разъ? Случалось это и прежде, слѣдовательно можетъ еще разъ случиться. Но этотъ разъ рискуете вы необходимымъ! Послушай-

-тесь дружескаго совѣта, бросьте вы вашу затѣю, живите на то, что̀ еще есть.

Софья Николаевна сказала это очень тепло, и даже взяла гостя за руку.

— А ваша проповѣдь о необходимости труда?

— И трудитесь. Только оставьте въ сторонѣ ваши деньги.

— Ну, послушайте, чтобы уничтожить всякія сомнѣнія, я вамъ скажу — что на чайной операціи я буду имѣть огромную выгоду, и даже, можетъ быть, съ-разу поправлю свои дѣла. Тутъ не нужно большихъ разсчетовъ, тутъ просто дважды два — четыре. Да наконецъ....

Никаноръ Сергѣичъ понизилъ тонъ.

— Я во всякомъ случаѣ долженъ продать домъ и поскорѣе достать денегъ: черезъ недѣлю срокъ моему векселю на пять тысячъ.

— Векселю на пять тысячъ!

Софья Николаевна всплеснула руками.

— Откуда у васъ еще это?

— Все съ подрядовъ....

Онъ опустилъ голову.

Съ минуту помолчали.

— Ну, Софья Николаевна?... Вѣдь это для меня спасеніе.

— Попрошу и, надѣюсь, выпрошу; по крайней мѣрѣ сдѣлаю все возможное. Но вѣдь Анѣ черезъ пять - шесть мѣсяцевъ самому понадобятся деньги. Онъ хочетъ начать что-то новое.

— Да и мнѣ на этотъ срокъ нужно. Ужъ у меня есть надежда продать домъ въ самомъ скоромъ времени. Приторговываются....

Въ это время изъ сосѣднихъ комнатъ послышалась чья-то тяжелая походка и пѣніе или, вѣрнѣе сказать, ворчаніе про себя, по глубочайшимъ басомъ:

Громъ побѣды, раздавайся!
Веселися, храбрый Россъ!

Шелъ, значитъ, Андрей Николаичъ, и притомъ крайне озабоченный или множествомъ дѣла, или даже какими-нибудь непріятностями.

При первыхъ звукахъ его голоса гость Сони сталъ торопливо прощаться.

— Куда же вы? попробовала она было удержать его.

— Нѣтъ, нѣтъ, у меня еще много дѣла впереди.

— Соня! позвалъ Андрей Николаевичъ, и вслѣдъ затѣмъ самъ показался на порогѣ, съ бровями, нахмуренными болѣе

обыкновеннаго, и губами, какъ-то особенно крѣпко сжатыми — что и означало: «заработался до чортиковъ»!

— Никаноръ Сергѣичъ! здравствуйте.

— Здравствуйте и прощайте, Андрей Николаичъ! и торопливо подавъ руку, Никаноръ Сергѣичъ скользнулъ мимо. Я очень спѣшу.

— Соня! Отъ Сивониныхъ прислали сказать, что Вѣра Александровна опасно заболѣла. Жаръ у нея, бредъ, мечется по постели, и все стонетъ да приговариваетъ что-то безсвязное.

— Господи! Когда же она успѣла?

— Со вчерашняго дня, говорятъ.

— Я бѣгу, Аня.

Софья Николаевна быстро накинула на себя первый попавшійся подъ руку бурнусъ, схватила шляпку и, надѣвая ее на походѣ, уже изъ третьей комнаты крикнула брату:

— Объясни нашимъ, если я не вернусь.

— Хорошо.

V.

Открытіе.

Сивонины послали за Сонею не спроста. Попытка Петра Васильевича «проучить» Вѣру подѣйствовала на нее ужасно: она серьезно заболѣла.

Пользуясь безпамятствомъ Вѣры и отсутствіемъ мужа, который вечеромъ по обыкновенію ушелъ куда-то изъ дому, Любовь Александровна рѣшила пересмотрѣть всѣ ящики и комоды въ комнатѣ своей жертвы, надѣясь отыскать какіе-нибудь слѣды ея сношеній съ неизвѣстнымъ обожателемъ, или, пожалуй, при удачѣ даже имя этого обожателя. Любовь Александровна твердо была увѣрена по себѣ, что «есть же какія-нибудь записочки, не безъ того!»

Поиски Любовь Александровны увѣнчались полнымъ успѣхомъ: послѣднее письмо Бориса Смурова, съ которымъ Вѣра все еще носилась, хотя оно и получено было уже болѣе двухъ недѣль тому назадъ—нашлось очень легко: въ карманѣ ея повседневнаго ситцеваго платьица.

Любовь Александровна прочла:

«Милый и сердитый другъ!

«Получилъ я три твоихъ письма съ такими горячими упреками и даже съ угрозою, въ послѣднемъ, прекратить со мною

всякую переписку. А и весь-то сыръ-боръ загорѣлся только изъ-за того, что я не писалъ — *цѣлый мѣсяцъ*. Какое, подумаешь, ужасное преступленіе! А не соблаговолите ли вы, милостивая государыня Вѣра Александровна, принять во вниманіе, что при нашей службѣ очень часто по мѣсяцу и дома не бываешь. А ѣзда по непролазнымъ дорогамъ? а безконечные толки съ мужиками, съ башкирами и со всякимъ людомъ? а огромнѣйшая казенная переписка? а пребываніе во всевозможныхъ курныхъ хатахъ, при крайне неудовлетворительномъ продовольствіи, и происходящее отъ сего состояніе духа?... Тебѣ бы пожалѣть меня слѣдовало, Вѣрочка, а не браниться. Притомъ же, позволь тебя спросить: о чемъ могу я писать изъ этой трущобы, хотя бы и самому лучшему своему другу? Свое душевное состояніе, свои мечты и надежды я расписывалъ тебѣ когда-то чуть не каждый день и на многихъ листахъ; слѣдовательно, повторять ихъ еще и теперь, въ сто первый разъ—не стóитъ. А событій гдѣ взять? Или, можетъ быть, прикажешь подробно извѣщать тебя о плутняхъ какого-нибудь исправника? о цѣломъ проголодавшемся селѣ? Предметъ, право, неинтересный и давно набившій оскомину. Я же лично здоровъ, кажется, преуспѣваю по службѣ (по крайней мѣрѣ получаю разные весьма лестные знаки вниманія отъ начальства), и все. такой же какъ прежде: даже ни бороды, ни усовъ не запустилъ».

«Полно сердиться, мой хорошенькій другъ! Между такими друзьями, какъ мы, по настоящему не должно быть никакихъ счетовъ; я по крайней мѣрѣ не ожидалъ ихъ встрѣтить. И выйдетъ, пожалуй, на повѣрку, что желѣзновскія-то воспоминанія немножко разлюбилъ—не я».

«На вторую часть твоего письма не отвѣчаю. Неужто ты не понимаешь, что самому мнѣ до смерти тошно не видѣться съ тобою такъ долго; конечно, я на этотъ счетъ дѣлаю еще больше отчаянныхъ восклицаній, чѣмъ ты, хотя для краткости и не прописываю ихъ въ письмахъ. Но какіе же у меня могутъ быть планы? Никакихъ нѣтъ и не будетъ, это совершенно ясно. Я связанъ по рукамъ и по ногамъ, все зависитъ отъ службы, отъ удачи—просто отъ судьбы. Жду и покоряюсь, какъ ни болитъ сердце».

«Прощай же, моя милая Вѣрочка, и не жалуйся на то, что письмо этотъ разъ нѣсколько короче прежнихъ: я очень усталъ, не совсѣмъ здоровъ, а тутъ еще дѣлъ—по уши. — Всегда твой Б. Смуровъ».

Письмо это заставило Любовь Александровну призадуматься.

— Такъ вотъ что! Что-жъ, вѣдь это.... Ахъ ты тихоня! Ска-

жите, пожалуйста: мя-мя-мя—а знала же небось кого поддѣпить. Чортъ знаетъ, какое счастье! молодой, красивый, на дорогѣ... и безъ всякаго приданаго!

Любовь Александровна еще разъ перечитала письмо.

— Да не возьметъ онъ ее! вдругъ сказала она громко и съ злою улыбкой. Врешь, Вѣрка! Даже по письму видно, что только за носъ водитъ. Много ихняго брата такихъ, что поамурничать готовы, а жениться—шалишь! не на таковскаго напала... Пусть выйдетъ за Займитова, по крайней мѣрѣ передъ старшей сестрой чваниться не будетъ.

Любовь Александровна порѣшила даже не говорить мужу о своемъ открытіи, чтобъ и толковъ лишнихъ не заводить: есть одинъ женихъ—и баста.

Но рѣшеніе пришлось измѣнить на слѣдующій же день, когда Петръ Васильичъ, съ озабоченнымъ видомъ, на отрѣзъ объявилъ женѣ, что «Займитовъ на Вѣркѣ не женится».

— Почему? испугалась она.

— А потому!... Это такой человѣкъ, что съ нимъ прямо къ чорту въ лапы угодишь, пропадешь ни за копѣйку. Ну, да вѣдь и я травленый волкъ! Пусть кого поглупѣе сыщетъ... Однимъ словомъ, я тебѣ говорю, о Займитовѣ нечего и думать.

— Ахъ, Боже мой! Да развѣ ты не могъ пообѣщать ему все, чтó угодно. Кто-жъ тебѣ потомъ велитъ...

Сивонинъ искоса посмотрѣлъ на жену.

— Умна ты очень! Поучи меня еще... А слыхала ты, чтó значитъ подписаться на бумагѣ съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей?

— Разумѣется, не подписывайся, обѣщай на словахъ.

— Такъ поди-жъ ты сама обѣщай; можетъ, Займитовъ передъ тобой расчувствуется и повѣритъ. Уговори его хорошенько.

Оба замолчали.

— Теперь одно! вдругъ рѣшительно заговорилъ Петръ Васильевичъ. Надо узнать, съ кѣмъ она тамъ связалась, да за того и спихнуть поскорѣе. Все равно.

— Я знаю.

Сивонинъ поднялъ брови.

— О! Съ кѣмъ же?

Любовь Александровна показала ему письмо.

Сивонинъ прочиталъ его съ очевиднымъ изумленіемъ и удовольствіемъ.

— Молодецъ-дѣвка! Вотъ ужъ отъ нея-то не ожидалъ. Такъ

чего же лучше, чего ты молчала до сихъ поръ? Разумѣется, ей и не резонъ идти за Займитова.

— Эхъ ты, тюлень! Много ты понимаешь въ этихъ дѣлахъ! Прочти письмо-то хорошенько да раскуси его. Чорта съ два онъ тебѣ женится на Вѣркѣ, не такой дуракъ тоже!

— Не женится, такъ женимъ. Самъ виноватъ. Да мы его съ этими письмами по цѣлому городу разславимъ. Ну, онъ-то, положимъ, далеко, ему ничего—а семья что̀ скажетъ? а Сонька эта ихняя? Вѣдь она съ нашей по цѣлымъ днямъ сидитъ... Небось, женится!

— Что-жъ, мы и будемъ ждать еще десять лѣтъ, пока они соизволятъ?

— Не десять, а сколько надо. Отчего и не подождать, коли знаешь, что дѣло устроено!

— Какъ же ты это знать-то будешь?

— А вотъ мы сейчасъ всѣ эти письма ловкимъ манеромъ по городу распустимъ. Видишь, онъ тутъ пишетъ, что на цѣлыхъ листахъ распространялся. И прекрасно! Мы эти листы сыщемъ; можетъ, по нимъ его еще и законнымъ образомъ къ браку принудить можно. А между тѣмъ всѣмъ такъ прямо и будемъ говорить, какъ будто по секрету, по дружбѣ, что вотъ молъ Вѣрка-то наша невѣста, такъ и такъ. Когда выздоровѣетъ, мы еще ее самое заставимъ про себя разславить. Волей-неволей придется Смурову себя объявить, и родные вѣдь къ нему пристанутъ: «какъ-де намъ въ этомъ случаѣ поступать? ставишь-де насъ въ недоумѣніе!» Ну, и конецъ, не отвертится.

— А если все-таки ничего не выйдетъ?

— Ну, что-жъ... Поговорятъ, поговорятъ — и перестанутъ. Намъ-то что? Зачѣмъ спѣшить? Дѣвочка хорошенькая, можетъ кто и получше возьметъ. Все-таки не съ какой-нибудь шушерой породнишься, что потомъ отбоя не будетъ отъ однихъ просьбъ. Ну, и по дому дѣвочка на что-нибудь годится: вонъ дѣтей учитъ....

Супруги совѣщались еще долго относительно всѣхъ подробностей задуманнаго плана, и однимъ изъ результатовъ этой бесѣды было, между прочимъ, извѣщеніе Софьи Николаевны о болѣзни Вѣры.

VI.

Никчемный.

Софья Николаевна вернулась домой только на другой день, блѣдная и измученная. На нѣсколько минутъ зашла она къ отцу и къ матери, разсказать имъ что́ дѣлается съ Вѣрой, которую старики очень любили, и затѣмъ сейчасъ же отправилась въ кабинетъ къ брату.

Андрей Николаичъ, сидя передъ конторкой съ перомъ въ рукѣ, по привычкѣ напѣвалъ что-то, и когда на шумъ шаговъ обернулся къ сестрѣ, то не только брови его были нахмурены и губы сжаты, но въ глазахъ замѣчалась какая-то тусклость, а блѣдное лицо было блѣднѣе обыкновеннаго. Софья Николаевна, озабоченная своими мыслями, не замѣтила этихъ признаковъ, которые въ другое время выдавали ей безсонныя ночи брата, проведенныя за работой.

— Здравствуй, Аня! почти не глядя на него, опустилась или, скорѣе, упала она въ кресло.

— Здравствуй. Ну что? какъ Вѣра Александровна?

— Худо.

Онъ искоса посмотрѣлъ на сестру.

— А я встрѣтилъ Котинскаго и... за исходъ нельзя ручаться.

— Знаю. Я съ нимъ говорила.

— А! гм...

— Я къ тебѣ по дѣлу.

— Ну?

— Нещенный, Никаноръ Сергѣичъ, проситъ у тебя денегъ, десять тысячъ, подъ залогъ дома.

— Нещенный! А зачѣмъ?

— У него есть въ виду вѣрная операція: хочетъ открыть чайную торговлю, и имѣетъ для этого какой-то случай, который, по его словамъ, не скоро повторится.

— Я не могу дать.

— Вѣдь ему только на полгода.

— Все-таки не могу.

— Почему же?

— Потому, что нѣтъ причины давать. Я дѣйствительно могъ бы взять свои деньги у Ховалкина, и Нещенный конечно далъ бы мнѣ тѣ же проценты. Но зачѣмъ я буду затруднять Ховалкина, зачѣмъ выну капиталъ изъ полезнаго предпріятія, и навяжу еще себѣ новыя хлопоты на шею?

— А все-таки, Аня, надо дать! мягко сказала Софья Николаевна. Надо, потому что для Нещеннаго это — вопросъ о спасеніи. Понимаешь ты? У него еще на дняхъ срокъ векселю въ пять тысячъ.

Андрей Николаичъ какъ-то присвистнулъ, и безнадежно махнулъ рукой.

— Ну, такъ дашь?

— Нѣтъ.

— Однако это странно, и даже... на тебя не похоже! Пойми, что здѣсь дѣло идетъ о помощи человѣку, который легко можетъ погибнуть, а тебѣ стóитъ только руку ему протянуть.

— Больно ужъ много такихъ людей.

— Такъ это и резонъ махнуть на нихъ?

— Смотря по человѣку. А на всѣхъ одного не хватитъ.

Софья Николаевна какъ-то метнулась впередъ, хотѣла что-то сказать, но видимо переломила себя.

— Такъ ты рѣшительно не дашь? спросила она сдержаннымъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Рѣшительно.

— А если я прошу? Я обѣщала сдѣлать все возможное.

— Ты меня только напрасно измучаешь.

Софья Николаевна покраснѣла до ушей.

— Такъ я тебѣ скажу..... я должна тебѣ сказать кое-что очень жесткое.

— Скажи.

— Ты говоришь, надо помогать, смотря по человѣку. И что же? Ты помогъ этому Рылейщикову — я вѣдь знаю, что ты далъ ему три тысячи — а Нещенный, добрый и честный — у тебя не человѣкъ, заслуживающій помощи. Хочешь знать, почему? Да просто потому, что Рылейщиковъ тебѣ льститъ, пресмыкается предъ тобою, а Нещенный для этого слишкомъ гордъ и благороденъ. Поглядись-ка въ зеркало: хорошъ ты?

— Не очень.

— Ну?

— Чтò ну?

— Такъ ты дашь?

— Нѣтъ.

Софья Николаевна молча пошла къ двери.

— Куда-жъ ты?

— Теперь ужъ я такъ и буду знать, что ты даже не удостоиваешь объясниться со мною.

— Соня! Соня! торопливо остановилъ ее Андрей Николае-

вичъ. Такъ не уходятъ отъ человѣка, который готовъ душу за тебя отдать.

Это было сказано горячо, любящимъ, мягкимъ голосомъ, и до того выходило изъ привычекъ Андрея Николаевича, что Соня остановилась, совсѣмъ пораженная.

— Такъ что же ты, Аня? проговорила она сконфуженнымъ тономъ. Объяснись, по крайней мѣрѣ, почему ты такъ дѣлаешь?

— Эхъ, Соня! Разсказать въ двухъ словахъ не легко, а лекціи читать—и не охотникъ я, да и время ли теперь? Ты посмотри-ка на меня, хоть и безъ зеркала—онъ улыбнулся слабо —хорошъ я тебѣ покажусь?

— Ахъ, Боже мой, и въ самомъ дѣлѣ! всплеснула руками Софья Николаевна, теперь только вглядѣвшись въ брата. Ты опять, Аня...

— Ну, ну, небольшая важность. Такъ слушай, я съ тобой объяснюсь коротко и, можетъ быть, тебѣ не совсѣмъ непонятно, только чтобъ ты видѣла, что у меня во всякомъ случаѣ есть другіе резоны, кромѣ лести Рылейщикова. Рылейщиковъ, какъ бы то ни было, очень сметливъ въ дѣлахъ; да не по дѣдушкину примѣру, а самъ, своимъ умомъ сметливъ. Онъ надуетъ, это правда, если только представится случай; но въ то же время онъ и дѣло сдѣлаетъ, съумѣетъ одной копѣйкой повернуть за двѣ, и безполезную вещь сдѣлать полезной. Вотъ хоть теперь: ему удалось за ничто купить огромное болото, и за самыя ничтожныя, сравнительно, деньги превратить это болото въ прекраснѣйшую землю. Болото, кромѣ вреда, никому ничего не приносило; теперь же оно сотни лѣтъ будетъ кормить хлѣбомъ сотни людей. Сегодня, положимъ, владѣетъ имъ недостойный Рылейщиковъ, а завтра болото, можетъ быть, станетъ кормить самаго добродѣтельнаго героя... Да и сегодня оно уже броситъ на рынокъ новую массу хлѣба, которая хоть сколько-нибудь удешевитъ этотъ продуктъ для многихъ добродѣтельныхъ и полуголодныхъ людей. Рылейщикову я себя надуть не дамъ; мои три тысячи совершенно обезпечены. Помочь *хорошему дѣлу*, кто бы его ни дѣлалъ, дрянной или достойный человѣкъ—я считаю своей обязанностью, если только могу... Теперь, что же такое Нещённый? Ужъ именно Никчёмный, какъ прозвалъ его Борисъ. Онъ, да, честный человѣкъ, но за свою жизнь только и сдѣлалъ, что разбросалъ на вѣтеръ сорокъ или пятьдесятъ тысячъ — то-есть такую сумму чужого труда (не самъ же онъ ее заработалъ), которой хватило бы на пропитаніе десятковъ бѣдныхъ семействъ. И хоть бы онъ самъ насладился при этомъ! Гадко бы это было, недостойно развитаго человѣка, но до извѣстной степени оправ-

дывалось бы страстью, неодолимостью влеченья, передъ которыми спасовалъ слабый умъ. Нѣтъ! Твой Никаноръ Сергѣичъ просто пустилъ дымомъ значительныя деньги, разбросалъ ихъ ни себѣ, ни людямъ на пользу; цѣнность, накопленную кровавымъ трудомъ и лишеніями многихъ рабочихъ силъ—превратилъ въ никуда негодное тряпье, забракованное пріемщиками и сгнившее потомъ въ кладовыхъ, въ никому ненужныя машины, которыя такъ и пошли на дрова да на желѣзо въ ломъ, и т. п. Вѣдь онъ тоже надуваетъ всѣхъ для удовлетворенія своего самодурства? На что деньги Нещенному теперь? Сдѣлаетъ онъ на нихъ что-нибудь полезное, нужное людямъ? Онъ, видите ли, еще одинъ чайный магазинъ откроетъ. Мало ихъ, должно быть, у насъ въ городѣ, чаю купить негдѣ! И еслибъ еще можно было ожидать, что онъ своимъ появленіемъ въ чайной торговлѣ хоть на гривенникъ съ фунта сбавитъ цѣнность товара—ну, другое дѣло. Но, скажи сама: можно ждать этого отъ Никчемнаго.

Софья Николаевна молчала.

— Ну, Соня, я не знаю, ясно ли ты меня поняла; тутъ конечно слѣдовало бы сказать еще очень многое. Но во всякомъ случаѣ ты видишь, что я поступаю вовсе не изъ пустого упрямства. Съ твоей стороны даже не хорошо было подумать, что я рѣшусь огорчить тебя безъ надобности, въ такое время когда ты и безъ того огорчена.

— Ради Бога, Аня! не работай по ночамъ, сказала вдругъ Соня, чтобъ покончить съ дѣломъ Нещеннаго.

— Ничего, ничего! Сегодня я надѣюсь все кончить.

— Ну, прощай.

— Прощай. Пришлешь сказать, если тебѣ тамъ что-нибудь понадобится.

— Да.

VII.

Запутанное положеніе.

Въ болѣзни Вѣры Александровны случился крутой переломъ. Нѣсколько дней сряду считали ее безнадежной. Анна Өедоровна совсѣмъ растерялась, и даже самъ господинъ Сивонинъ смутился.

— Все таки оно... того... неловко вышло, говорилъ онъ Любови Александровнѣ въ супружескомъ tête-à-tête. Неловко... какъ бы то ни было, сестра... дѣвушка молодая... у самихъ дѣти есть.

Любовь Александровна хотя исполняла свои обязанности относительно больной сестры, какъ слѣдуетъ, то-есть положила ее въ удобной, теплой комнатѣ, даже потѣснила ради этого Петра Васильевича, не пожалѣла и нѣкоторыхъ расходовъ, пригласивъ самаго извѣстнаго изъ городскихъ врачей, Котинскаго—но затѣмъ оставалась совершенно спокойной и холодной, нисколько не смущаясь какими бы то ни было соображеніями.

— Все отъ насъ зависящее сдѣлано, утѣшала она своего супруга. А затѣмъ какъ Богу угодно.... Даже, можетъ быть, и лучше, если Онъ ее приберетъ.

— Гм... приберетъ! возражалъ господинъ Сивонинъ. Все-таки поводъ, такъ сказать... Ну!

Онъ махалъ рукой и начиналъ говорить о чемъ-нибудь постороннемъ.

Однако въ самый разгаръ болѣзни, и во время наибольшаго смущенія домочадцевъ Вѣры Александровны, когда дѣло казалось уже окончательно потеряннымъ—болѣзнь вдругъ отхлынула съ такою же внезапностью и стремительностью, съ какими когда-то начиналась. Послѣ ужасныхъ, почти судорожныхъ припадковъ бреда и изступленія, продолжавшихся двое сутокъ къ ряду, и раза три прерванныхъ только совершеннымъ истощеніемъ силъ, и то не надолго — вдругъ наступилъ пятнадцатичасовой, спокойный сонъ. Больная проснулась въ испаринѣ, очень слабая, но въ полномъ сознаніи. А затѣмъ Вѣра Александровна начала оправляться такъ быстро, что это скорѣе походило на чудо, чѣмъ на естественный исходъ тяжелой болѣзни. Одно только явленіе оказывалось неблагопріятнымъ, и даже съ каждымъ днемъ становилось все значительнѣе: чѣмъ больше крѣпла Вѣра Александровна физически, тѣмъ больше какъ-то путались и затемнялись ея мысли. Не то, чтобы это можно было назвать помѣшательствомъ, или даже отупѣніемъ; нѣтъ, но дѣвушка стала отличаться нѣкоторыми странностями, разсѣянностью, неожиданными скачками мысли, а иногда и совсѣмъ заговаривалась.

Софья Николаевна просидѣла у своей подруги почти безвыходно двѣ недѣли, отлучаясь только въ случаяхъ самой крайней надобности и на самое короткое время.

Послѣ одной изъ такихъ отлучекъ, больная, которой дозволялось уже посидѣть иногда въ спокойномъ креслѣ—встрѣтила Софью Николаевну, стоя посереди комнаты, въ необыкновенномъ волненіи, съ какимъ-то сіяющимъ и вмѣстѣ таинственнымъ ви-

домъ. Быстро схватила она Соню за руку, отвела въ уголокъ, хотя въ комнатѣ никого не было, и тамъ шепнула:

— Я ему пишу!

— Кому?

— Ты ушла, а я написала!

— Да кому же?

— Кому? Ну, разумѣется, Борѣ. Смотри!

Вѣра Александровна вынула изъ кармана нѣсколько скомканный листикъ почтовой бумаги.

— Читай, и скажи, когда намъ лучше выѣхать.

Письмо начиналось:

«Милый, дорогой, безцѣнный Боря!

«Не стóитъ ждать. Пока тамъ вздумаютъ дать тебѣ хорошее мѣсто, или я не знаю, чего ты еще хочешь—можéтъ пройти очень долгое время, и вдругъ я тѣмъ временемъ умру! Не глупо ли это? Ужасно глупо, просто смѣхъ беретъ! Я тебя люблю, ты меня любишь—и умереть! Ты знаешь, я вѣдь чуть-было и въ самомъ дѣлѣ не умерла? Вотъ бы хорошо вышло! Впрочемъ мнѣ грѣшно надъ этимъ смѣяться, даже низко: мнѣ бы слѣдовало подумать, каково тебѣ узнать о моей смерти. Бѣдненькій! Ахъ, слава Богу, что я еще жива! И какіе мы съ тобой странные люди, Боря: придумали же такой вздоръ! Всѣ станутъ смѣяться, если узнаютъ. Но никто не узнаетъ, потому что зачѣмъ разсказывать? Ты ко мнѣ не пріѣхалъ, тебя вѣрно не пускаютъ; но это тоже вздоръ; я сама къ тебѣ пріѣду, вмѣстѣ съ Соней. Сивонинныхъ я знать не хочу. Что мнѣ Сивонины? Они меня обидѣли. Я теперь не помню чѣмъ, только очень-очень обидѣли. А ты меня любишь. Какое же сравненіе!» и т. д.

Письмо было написано безъ всякихъ точекъ, запятыхъ, или иныхъ знаковъ препинанія; вмѣсто нихъ вездѣ употреблены были только длиннѣйшія тире.

— Ну, что ты думаешь, когда намъ лучше выѣхать? заторопилась Вѣра Александровна, когда Соня, дочитавъ, опустила руки, нѣсколько ошеломленная.—Я ему припишу объ этомъ въ письмѣ. Видишь, я нарочно мѣсто оставила.

— Вѣрочка! Ты вѣдь мнѣ ничего не разсказывала о своихъ отношеніяхъ къ Борису.

— Онъ не хотѣлъ; онъ ни за что не хотѣлъ... Но теперь это все глупости. Когда же мы поѣдемъ? Чтобы намъ видѣться, часто видѣться, каждый день, для этого надо жить въ одномъ городѣ... Ну, Соня, Соня, Соня! Когда же мы поѣдемъ? Скорѣе!

— Ты сама говоришь, что не надо умирать; а хочешь ѣхать больная.

— Я? Развѣ я больная? Смотри...

Вѣра Александровна стала танцовать, подпѣвая себѣ слабымъ голосомъ.

— Сумасшедшая! кинулась-было къ ней Соня.

Но въ эту минуту кто-то осторожно постучалъ въ дверь, и обѣ разомъ остановились.

— Котинскій! вскрикнула Вѣра Александровна. Ну, вотъ мы его сейчасъ спросимъ.

Въ комнату дѣйствительно вошелъ Котинскій.

— Э, госпожа образцовая сидѣлка! шутливо обратился онъ къ Сонѣ. Начинаете портиться. Паціенткѣ еще рано разгуливать по комнатѣ. Въ кресло, сударыня! А еще лучше на диванъ, прилягьте-ка да отдохните.

Онъ осторожно, но настойчиво уложилъ Вѣру Александровну, которая вздумала-было отговариваться, и набросилъ ей на ноги большой шерстяной платокъ, кстати случившійся подъ рукою.

— Такъ, сударыня! Извольте лежать.

— Сергѣй Александрычъ, когда мнѣ можно будетъ пуститься въ дорогу? то-есть въ большую дорогу, верстъ за тысячу?

— Въ дорогу? Ну, о дорогѣ еще погодите разговаривать.

— Значитъ, не скоро? Черезъ недѣлю, а?

— Да куда вы собрались-то въ этакую пору? Вѣдь теперь мартъ мѣсяцъ; черезъ два-три дня, можетъ быть, и по Сыродольску проѣзда не будетъ, оба моста сорветъ. А вы въ большую дорогу собираетесь!

— Такъ когда же можно?

— Въ маѣ, въ іюнѣ.

— Въ маѣ?!...

Вѣра Александровна повернулась лицомъ къ стѣнѣ и замолчала.

— Это Люба его подъучила! догадалась она про себя. Она ему за визиты деньги даетъ.

Котинскій внимательно разспросилъ у Софьи Николаевны, какъ чувствовала себя больная со вчерашняго дня, далъ подробныя наставленія на счетъ пищи, занятій, температуры и освѣженія воздуха въ комнатѣ, и наконецъ откланялся.

Софья Николаевна, какъ-бы провожая доктора, вышла за нимъ въ сосѣднюю комнату.

— Сергѣй Александрычъ! Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! Что прикажете?

— Вы конечно замѣтили, что Вѣра.... не можетъ привести

въ порядокъ свои мысли.... Она даже какъ будто все больше путается..

— Замѣтилъ-съ.

— Что же это... временное слѣдствіе болѣзни, или... она такъ и останется?

Котинскій сдѣлалъ серьезное лицо.

— Изволите видѣть, Софья Николаевна.... Я очень радъ между прочимъ, что вы сами рѣшились завести рѣчь; иначе, я думалъ, по обязанности врача... Ну, да теперь не въ томъ дѣло. Такъ изволите видѣть: покуда это явленіе временное, по крайней мѣрѣ я такъ надѣюсь, и черезъ мѣсяцъ или два больная оправится во всѣхъ отношеніяхъ. Но все-таки я беру смѣлость попросить васъ, чтобы вы *серьезно* посовѣтовали братцу на будущее время поосторожнѣе выражаться въ письмахъ. Если въ самомъ дѣлѣ обстоятельства вынуждаютъ его отложить свадьбу на такое неопредѣленное время, такъ пусть ужъ онъ лучше обманываетъ Вѣру Александровну ложными обѣщаніями. Пусть тянетъ съ мѣсяца на мѣсяцъ, даже съ недѣли на недѣлю.... Мало ли найдется предлоговъ! Но писать такъ прямо, что о свадьбѣ, молъ, и помышлять еще нечего — это, при крайней впечатлительности субъекта, очень рискованно. Впрочемъ вы и сами могли убѣдиться. Я только долгомъ своимъ почитаю объяснить вамъ, что въ излеченіи Вѣры Александровны я не при чемъ; природа вылечила; я же напротивъ твердо былъ увѣренъ въ неблагопріятномъ исходѣ.

Софья Николаевна слушала, совершенно сбитая съ толку.

— Про какія письма вы говорите?

Котинскій улыбнулся.

— Извините, Софья Николаевна! Насъ, медиковъ, поневолѣ приходится иногда посвящать въ семейныя тайны. Это ужъ такъ водится, и мы часто даже сами настаиваемъ на своемъ правѣ, повѣрьте, не изъ празднаго любопытства. Долженъ же я былъ узнать истинную причину болѣзни Вѣры Александровны, тѣмъ болѣе, что и болѣзнь-то, явное дѣло, была только слѣдствіемъ сильнаго моральнаго потрясенія... Ну, Петръ Васильичъ былъ такъ добръ, что объяснилъ мнѣ всѣ обстоятельства, и даже показалъ послѣднее письмо вашего братца... Вы знаете, докторъ и священникъ—одинаково молчаливы.

— Ради Бога, Сергѣй Александрычъ! Какія обстоятельства? какое письмо? вѣдь я рѣшительно ничего не знаю.

— Не знаете? Въ самомъ дѣлѣ не знаете? удивился Котинскій. Это очень странно... А я, признаться, думалъ, что и ваше усердіе, какъ образцовой сидѣлки, между прочимъ объяс-

няется... гм! да! Ну... Однако объ отношеніяхъ вашего братца къ Вѣрѣ Александровнѣ вы вѣдь все-таки знаете?

— Не знаю.

— Ааа!... протянулъ докторъ. Ну, въ такомъ случаѣ... Все-таки я не думаю, что дѣлаю нескромность, говоря съ вами; наконецъ я долженъ просить васъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, написать братцу, предупредить его... Видите ли, Софья Николаевна: свадьба Бориса Николаича и Вѣры Александровны рѣшена, такъ сказать, только въ принципѣ; но на дѣлѣ осуществленіе ея встрѣчаетъ, кажется, весьма серьезныя препятствія. По крайней мѣрѣ Борисъ Николаичъ въ письмѣ своемъ даетъ понять, что не только нѣтъ возможности назначить какой-нибудь опредѣленный срокъ, да и вообще-то дѣло затягивается еще очень надолго. Это извѣстіе было ближайшею причиною болѣзни Вѣры Александровны, или по крайней мѣрѣ толчкомъ къ развитію того, что, можетъ быть, и прежде давно уже крылось въ ея организмѣ. Пожалуйста, не думайте, будто я обвиняю вашего братца; въ письмѣ его нѣтъ ничего жосткаго или грубаго, и всякая другая дѣвушка, я увѣренъ, можетъ быть, поплакала бы, да и только. Что же дѣлать въ самомъ дѣлѣ? Нельзя и нельзя. Но Вѣра Александровна такъ предрасположена къ болѣзненной воспріимчивости нервовъ... Гм! гм!.. Вы знаете исторію ея отца?... Съ нею нужна особливая, чрезвычайная осторожность. Даже именно всѣ настоящія обстоятельства показываютъ, до какой степени необходима эта осторожность. Я по крайней мѣрѣ, по праву врача, положительно совѣтую вамъ написать къ Борису Николаичу.

— Сергѣй Александрычъ, вы сами видѣли письмо?

— Самъ-съ. Мнѣ показывалъ Петръ Васильичъ, съ согласія Любови Александровны.

— Не пишетъ ли братъ, по какимъ причинамъ онъ откладываетъ свадьбу?

— Опредѣленнаго ничего нѣтъ... Пишетъ, сколько помню, о своей полной зависимости отъ службы... Даже именно о свадьбѣ не упоминаетъ ни слова — извините, это и мнѣ показалось немножко страннымъ — а говоритъ только о свиданіи. Не это ли и поразило Вѣру Александровну до такой степени?... Вообще по письму всего вѣроятнѣе, что братецъ вашъ не считаетъ себя достаточно обезпеченнымъ службой, для того, чтобы рискнуть на женитьбу.

— Ну-съ, еще одинъ вопросъ: съ Вѣрой Александровной можетъ случиться то же, что случилось съ ея отцомъ?

— Можетъ, конечно... Да вѣдь этому болѣе или менѣе вся-

кій подверженъ... Никто не застрахованъ... Но безъ какихъ-нибудь особенныхъ, наталкивающихъ причинъ обыкновенно не бываетъ... Вообще сколько-нибудь опредѣленный отвѣтъ труденъ...

Докторъ схватился за часы.

— Имѣю честь кланяться. Извините меня, пожалуйста: сегодня очень много работы.

— Прощайте, Сергѣй Александрычъ.

Котинскій уже успѣлъ выдти въ переднюю, надѣть шубу, сѣсть въ сани и уѣхать—а Софья Николаевна все еще стояла на томъ же мѣстѣ и даже въ той самой позѣ, раздумывая о слышанномъ.

Соню вывело изъ забытья только появленіе Любови Александровны.

— А что сказалъ докторъ? Вы какъ будто разстроены?

— Нѣтъ, ничего. Все, слава Богу, Вѣра поправляется.

И она, опустивъ голову, поплелась въ комнату больной.

Тамъ уже ее съ нетерпѣніемъ ожидала Вѣра Александровна.

— Соня! Соня! это онъ все вретъ. А мы лучше не будемъ ждать, пока растаетъ. Поѣдемъ завтра, а? Ѣдемъ?

— Постой... дай опомниться... Ну, куда ты поѣдешь?

— Въ Оренбургъ. Я уже все придумала, не безпокойся. Чтобы не простудиться—послѣ болѣзни все-таки рискъ—я возьму свой ватный бурнусъ. А если окажется мало, можно по дорогѣ тулупъ купить, просто овчинный тулупъ. Чтожъ такое? У тебя много денегъ, Соня? Однако, главное, когда мы выѣдемъ? Рѣшай поскорѣе. Вѣдь мнѣ еще приписать надо. Да ну же, Соня! Когда?

— Ты слышала, чтó сказалъ докторъ?

— Докторъ? Какой докторъ? Ахъ да, Котинскій! Въ маѣ или въ іюнѣ! Стану я ждать до мая! А знаешь что? Я сама рѣшила. Мы выѣдемъ во вторникъ. Вторникъ для меня дорогой день. Во вторникъ я съ нимъ первый разъ встрѣтилась, и во вторникъ же узнала, что онъ меня любитъ. Отлично! Я сейчасъ припишу.

И она вскочила съ дивана.

— Да лежи ты, сдѣлай милость! бросилась къ ней Соня.

— Отчего?

— Оттого, что этакъ тебѣ и въ маѣ неудастся поѣхать, не то что во вторникъ.

— Ну, такъ нà, припиши сама. Постой, я тебѣ продиктую.

Софья Николаевна почувствовала, что ей надо собраться съ мыслями и повнимательнѣе обсудить положеніе дѣлъ. Какъ себя

вести относительно Вѣры, Бориса и особливо своихъ стариковъ? Смолчать передъ стариками, или разсказать всѣ подробности? И вообще что предпринять? Потому что предпринять что-то слѣдуетъ, это очевидно; но что именно? Все это были вопросы, точно выросшіе изъ-подъ земли, и однако настойчиво требовавшіе немедленнаго разрѣшенія. А вмѣстѣ съ тѣмъ къ этому немедленному разрѣшенію надо было приступать съ большой осторожностью.

Уговоривъ кое-какъ Вѣру снова лечь на диванъ, и взявши съ нея слово не вставать до вечера, она чуть не бѣгомъ отправилась домой.

Аня въ эту пору должно быть дома. А у нея въ послѣднее время вошло въ привычку во всѣхъ сколько-нибудь затруднительныхъ случаяхъ адресоваться прямо къ Анѣ.

— Гдѣ братъ? на ходу окликнула она горничную, отворившую ей дверь.

— Они-съ въ кабинетѣ у стараго барина.

Еще за двѣ комнаты до кабинета, Софья Николаевна услыхала взволнованный, сердитый говоръ отца, оханья матери и обычно-спокойный голосъ брата.

— Господи! Тутъ еще что творится? подумала она.

— А, Соня! Вотъ очень кстати! встрѣтилъ ее отецъ. Хоть ты, можетъ быть, съумѣешь объяснить намъ, что это за исторія.

— Какая исторія?

— Представь себѣ, иду я сегодня по Московской, вдругъ на встрѣчу мнѣ Срывинъ, Иванъ Сергѣичъ. А что, говоритъ, тебя, кажется, можно поздравить?—Съ чѣмъ это?—Хе, хе, хе! Вишь, какой агнецъ невинный! А съ новой-то дочкой?—Съ какой такой новой дочкой? Кажется, говорю, моя Настасья Андревна... — Ну, съ невѣстушкой, коли хочешь. Да полно тебѣ скрываться-то! Вѣдь я, кажется, не кто другой, довольно знакомы, лѣтъ должно быть двадцать съ хвостикомъ набѣжитъ. Такъ ужъ грѣшно бы! — Да ей-Богу же, говорю, даже не могу понять, о чемъ ты толкуешь! Онъ разсердился.—Не можешь понять? говоритъ.—Не могу.—Ну, такъ мнѣ Сивонинъ самъ и письма показывалъ отъ Бориса Николаича къ Вѣрѣ Александровнѣ. А тебѣ стыдно! Я какъ Ашеньку свою за Пукатова выдавалъ, такъ съ тобою съ первымъ подѣлился. А ты.... Ну, и Богъ съ тобой. Прощай. Впередъ умнѣе будемъ.—Да постой! кричу, Иванъ Сергѣичъ! Постой же!—Нѣтъ, съ тѣмъ и ушелъ. А теперь вотъ Андрей говоритъ, что онъ тоже нѣсколько дней тому назадъ слышалъ, будто Сивонинъ какія-то Борины письма показываетъ и

чуть не открыто называетъ его женихомъ Вѣры Александровны. Что-жъ это все значитъ? Объясни, ради Бога, если можешь.

— Кажется, Борисъ дѣйствительно сдѣлалъ Вѣрочкѣ предложеніе...

— А ты молчишь и ни слова не скажешь! Старикъ даже побагровѣлъ.

— Какъ было сказать, если до сихъ поръ я и сама не знала.

— Не знала? Ну? Да говори же ты толкомъ: какъ? что? когда? откуда?

Софья Николаевна подробно передала всѣ сообщенія Вѣры Александровны и свой разговоръ съ Котинскимъ. Затѣмъ она сѣла и, сложивши руки, молча стала наблюдать, что изъ этого выйдетъ.

— Прекрасно! разразился старикъ, весь багровый и съ дрожащими губами.—Этого еще не доставало! Господи! Чего я всегда опасался, о чемъ предупреждалъ, молилъ...

— Ох-хо-хо! вздыхала Настасья Андреевна.

— Нѣтъ-таки, не послушалъ! Нашелъ подругу жизни! и вдобавокъ полоумную! Да нѣтъ же, вздоръ! не бывать этому! Онъ-то вѣдь еще не полоумный! Я напишу ему, объясню; все-таки я отецъ... Я наконецъ просто не позволю ему, не дамъ благословенія, прокляну его...

— Что ты, что ты! опомнись! вскрикнула Настасья Андреевна. Что ты такое говоришь? Христосъ съ тобой!

— Впрочемъ, не безпокойся, до этого не дойдетъ. За нѣсколько мѣсяцевъ онъ тамъ въ Оренбургѣ вѣрно поохладился и пойметъ резонъ... Я увѣренъ, самъ будетъ радъ случаю отвязаться. А тутъ родители не позволяютъ — чего же лучше? Отличнѣйшій предлогъ! Не ссориться ему въ самомъ дѣлѣ съ нами, стариками, изъ-за полупомѣшанной дѣвчонки! Всякій пойметъ.

— Папà, вы забываете, какъ Вѣра Александровна любитъ Бориса! тихо вступился Андрей Николаичъ. Она вонъ чуть не умерла только отъ того, что свиданіе съ нимъ пришлось отложить на неопредѣленное время.

— Не свиданіе, а свадьбу. Это разница. И наконецъ, чѣмъ же тутъ виноватъ Борисъ? Сумасшедшей взбредетъ въ голову сумасшедшая фантазія—а Борисъ отвѣчай? Топи карьеру, связи, спокойствіе, все на свѣтѣ — только женись на Вѣрѣ Александровнѣ Траумъ, потому что имъ такъ угодно! Этакихъ то охотницъ, пожалуй, много найдется.

— Не одной Вѣрѣ Александровнѣ угодно. Предложеніе сдѣ-

лалъ Борисъ, вѣроятно не по ея требованію, а по собственному желанію.

— Почему я знаю! грубо отвѣчалъ старикъ. Можетъ быть, и по ея требованію. Всяко бываетъ.

— А если по ея требованію, спокойно возразилъ Андрей Николаичъ, мелькомъ взглянувъ на сестру, — то Борису тѣмъ болѣе необходимо жениться, и о разрывѣ даже думать нельзя.

— Что-о? Нельзя? И какая это такая «необходимость тѣмъ болѣе». Конечно, то братъ женится, это легче, чѣмъ на собственный счетъ великодушничать. На собственный счетъ мы даже рады, когда сестра можетъ три лишнихъ копѣйки заработать, и ради этого готовы всѣмъ ея дуростямъ поблажать... Что это за «тѣмъ болѣе» проклятое, спрашиваю я тебя? Въ свѣтѣ забрешутъ, что ли? Такъ это вздоръ. Во-первыхъ, Борису на сыродольскій брехъ наплевать, пó вѣтру разнесетъ: а во-вторыхъ, чѣмъ ты докажешь, что онъ къ чему-нибудь обязывался? Можетъ быть, Вѣра Александровна, съ большого-то ума, сами все изволили выдумать? Да я прямо буду объявлять всѣмъ и каждому, что напротивъ, все наше семейство всегда считало Вѣру Александровну вѣтренной, пустой и даже ненадежной дѣвчонкой; слѣдовательно, о сватовствѣ никакого разговора никогда не было, да и быть не могло. Вотъ всякій будетъ знать, чтó ему думать объ этой исторіи.

Андрей Николаичъ улыбнулся и спокойно возразилъ:

— Но во-первыхъ, Сивонинъ показываетъ письма; а во-вторыхъ, эта «ненадежная» уже три года чуть не живетъ въ нашемъ семействѣ, и даже теперь, въ самое послѣднее время, Соня просидѣла надъ нею двѣ недѣли, какъ надъ родной сестрою.

— Кто тебя проситъ туда шляться? накинулся Николай Николаичъ на дочь. И что это за глупая дружба, скажи пожалуйста?

Соня раскрыла-было ротъ.

— Позвольте, папа! опять вступился Андрей Николаичъ. Мы всѣ здѣсь толкуемъ, горячимся — и забыли самое главное. Мнѣ кажется, прежде всего надобно спросить Бориса: дѣйствительно ли онъ сдѣлалъ предложеніе? желаетъ ли, несмотря на ваше несогласіе, жениться? и, въ виду разнесшихся по городу слуховъ, мотивированныхъ его собственными письмами, какъ прикажетъ поступать намъ? А до полученія отвѣта, не лучше ли оставить все по прежнему, какъ было? Такимъ образомъ мы, по крайней мѣрѣ, не будемъ сами, безъ надобности и ничего навѣрное не зная, увеличивать непріятную сплетню.

Николай Николаичъ, взволнованно ходившій по комнатѣ, даже остановился на мѣстѣ, такъ поразила его эта мысль.

— А въ самомъ дѣлѣ! воскликнулъ онъ. Кто мнѣ поручится, что Сивонинъ не вретъ? что все это не подвохъ какой-нибудь? Если даже и есть нѣчто подобное, то развѣ долго сдѣлать изъ мухи слона? Почему Сивонинъ даже показываетъ письма Бориса, слѣдовательно имѣетъ ихъ въ рукахъ, а я не знаю ни пол-слова? Правда твоя, Андрюша, и большое тебѣ спасибо! Немножко утѣшилъ старика... Прежде всего надо написать къ Борису, а потомъ посмотримъ... Но если онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшился на такую глупость, тайкомъ рѣшился (видно понимаетъ же, какъ это геніально!) я его...

— Николай Николаичъ! опомнись! Что ты въ самомъ дѣлѣ, рехнулся что ли? вскинулась Настасья Андреевна.

— Ну... рехнешься, матушка, поневолѣ.

На порогѣ явилась горничная.

— Баринъ! вотъ-съ, почтальонъ письмо принесъ.

— Отъ Бориса! воскликнулъ Андрей Николаичъ, мелькомъ взглянувъ на адресъ. — Вотъ кстати.

— Отъ Бориса? Ну, слава тебѣ, Господи! Читай скорѣе, авось хоть узнаемъ что-нибудь, разъяснится...

Всѣ жадно насторожились.

Андрей Николаичъ сталъ читать, со значительными разстановками, такъ какъ Борисъ писалъ крайне неразборчиво:

— «Милые papa и maman!

«Спѣшу извѣстить васъ о важной перемѣнѣ въ моей жизни...»

— Ну, такъ и есть! воскликнулъ старикъ, ударивъ себя руками по бедрамъ.

— ...«перемѣнѣ, которая конечно васъ очень порадуетъ».

— Порадуетъ! Слышите? порадуетъ! Удружилъ!

Онъ махнулъ рукой, и безнадежно опустился въ кресло.

— «Смѣло могу сказать, что я сдѣлалъ такой удачный шагъ, который не только послужитъ залогомъ всѣхъ моихъ будущихъ успѣховъ, но даже и въ настоящее время до извѣстной степени гарантируетъ мнѣ счастливое, спокойное существованіе».

Николай Николаичъ развелъ руками.

— «Въ двадцать пять лѣтъ отъ роду не всякому удается такъ себя устроить».

— Ужъ именно! Не всѣ дураки.

— «Однимъ словомъ, меня назначаютъ NN—скимъ вице-губернаторомъ, съ производствомъ въ чинъ колежскаго ассесора».

— Что-о? чуть не закричалъ Николай Николаичъ, вскакивая съ мѣста.

Андрей Николаичъ невозмутимо повторилъ послѣднюю фразу.

— Не можетъ быть!

— Посмотрите сами.

Съ минуту всѣ помолчали.

— Однако объ Вѣрѣ Александровнѣ онъ все-таки не упоминаетъ ни слова, поспѣшилъ замѣтить старикъ.

— Не безпокойтесь, не женится! усмѣхнулся Андрей Николаичъ.

— А ты почему знаешь? вдругъ разсердился отецъ. Самъ-то ты что за св. Тихонъ? На словахъ можно пересудачить кого угодно. Только не зависть ли дѣйствуетъ? Конечно, сыродольскій прикащикъ купца Петрова и NN-скій вице-губернаторъ....

Старикъ закашлялся и сталъ ходить по комнатѣ.

— Во всякомъ случаѣ, спокойно замѣтилъ Андрей Николаичъ:—Борисъ такой человѣкъ, который очевидно самъ знаетъ, какъ ему быть, и едва ли послушается чьихъ-нибудь увѣщаній. Слѣдовательно все-таки самое лучшее написать ему обо всемъ подробно, да и ждать отвѣта.

Дверь еще разъ отворилась.

— Любовь Александровна! доложила горничная.

Въ комнату влетѣла расфранченная и сіяющая madame де Сивонина.

VIII.

Визитъ.

— Здравствуйте, Николай Николаичъ! Здравствуйте, Настасья Андреевна! Здравствуйте! Здравствуйте! перецѣловалась она со старухой и Соней, крѣпко до боли сжала руку Андрея Николаича, и чуть не бросилась на шею къ старику Смурову.

Она порхала, смѣялась, что называется, ногъ подъ собою не слышала.

— Вѣроятно, я первая успѣю поздравить васъ съ великой радостью. Какъ только принесли съ почты — я, даже не переодѣвшись, въ чемъ была, такъ къ вамъ и полетѣла.... Ахъ, вы, дорогіе мои!...

Сивонина опять кинулась цѣловаться.

— Съ какой радостью, Любовь Александровна? степенно и хмуро спросилъ Николай Николаичъ.

— Ахъ, Боже мой! Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, вы, можетъ быть даже не знаете еще.... Я сама только-что прочла въ газетахъ... Борисъ Николаичъ назначенъ NN-скимъ вице-губернаторомъ.

Любовь Александровна сказала это эффектно, съ нѣкоторымъ даже трескомъ.

— Такъ ужъ объ этомъ есть и въ газетахъ?

— Знаютъ! подумала она съ досадой.

— Какъ-же! Какъ-же! Вотъ я и листокъ съ собой захватила.

Старикъ торопливо взялся за газету и напялилъ очки.

— Ну-съ, Настасья Андреевна! обратилась между тѣмъ Сивонина къ старухѣ. Это для насъ всѣхъ большой праздникъ. Теперь наконецъ и моя бѣдная Вѣрочка будетъ счастлива; нѣтъ больше препятствій.

— Какъ такъ? покраснѣла и растерялась Настасья Андреевна.

Николай Николаичъ разомъ опустилъ газету и насторожился.

— Вы меня ужъ извините, что я такъ прямо брякнула! весело, почти по-дѣтски разсмѣялась Любовь Александровна. Право, отъ радости иной разъ дурѣешь. Притомъ же мы скоро будемъ такими близкими родными.... Не стóитъ секретничать и таиться, когда всѣ препятствія устранены. Надѣюсь — ха, ха, ха!—что NN-скій вице-губернаторъ достаточно обезпеченъ, чтобы не бояться женитьбы.... Позвольте же мнѣ безъ лишнихъ церемоній обнять васъ, дорогая Настасья Андреевна! И васъ, голубчикъ Николай Николаичъ!

Совершенно смущенные неожиданностью и откровенною смѣлостью объясненій Любови Александровны, старики, почти безъ всякаго протеста съ ихъ стороны, были обняты и расцѣлованы. Николай Николаичъ проговорилъ правда что-то въ родѣ «па-а-звольте....», и даже хотѣлъ-было уклониться отъ объятій, но восторженная Сивонина этого не замѣтила.

— Борисъ вѣрно раньше писалъ къ вамъ о своемъ назначеніи вице-губернаторомъ? совершенно спокойнымъ тономъ вступился Андрей Николаичъ.

— Ахъ, нѣтъ! Это такой пріятный сюрпризъ! Я только сейчасъ вычитала изъ газеты.... А вы развѣ давно знали?

— Мы тоже только сейчасъ получили письмо съ этимъ извѣстіемъ.... Но Петръ Васильичъ уже болѣе недѣли тому назадъ разсказывалъ по городу о предстоящей свадьбѣ Бориса и Вѣры Александровны; такъ вотъ я и полагалъ, что ему раньше было извѣстно объ устраненіи препятствій.

— Ахъ, знаете, насъ такъ поразила внезапная болѣзнь Вѣрочки, что передъ близкими знакомыми мы даже не съумѣли

скрыть настоящую ея причину. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, когда опасность велика, поневолѣ теряешь голову.... Впрочемъ теперь, такъ какъ вы говорите, что препятствія уже устранены....

— Позвольте! улыбнулся Андрей Николаичъ. Я ничего не говорю, я только повторяю ваши слова. Мы вѣдь, знаете ли, вообще находимся въ престранномъ положеніи. Борисъ почему-то не вздумалъ удостоить насъ такимъ же довѣріемъ, какъ васъ, и мы—подобно другимъ—только по слухамъ знаемъ, что Вѣра Александровна сдѣлала ему честь принять его предложеніе.

— Неужто?

— Совершенно такъ.

— Каковы скрытные! Значитъ, еслибъ не болѣзнь Вѣрочки—до сихъ поръ никто ни о чемъ бы не догадывался.... Мы вѣдь тоже, представьте себѣ, и не воображали!

— Какъ же потомъ объяснилось?

— Ахъ, знаете, это было ужасно! вдругъ сдѣлала серьезное лицо и закатила глаза Любовь Александровна. До сихъ поръ не могу вспомнить, такъ сердце и сожмется.... Приноситъ почтальонъ письма, одно къ Вѣрочкѣ. Вдругъ слышимъ: «Опять, опять откладываніе! Онъ меня не любитъ, онъ меня не понимаетъ! Я этого не перенесу!» (Сивонина даже взвизгнула на послѣднемъ словѣ, изображая чувства Вѣрочки.) «Не перенесу! Не перенесу!»—и бацъ на землю, безъ памяти! Мы повскакали: что такое? что такое? Въ рукѣ письмо.... Ну, тутъ эта страшная болѣзнь, бредъ.... Все объяснилось.... Сознайтесь однако, неостороженъ-таки вашъ братецъ. Мужчины не понимаютъ женскаго сердца! Да, много, бѣдная, она выстрадала. За то теперь узнаетъ и счастье!... Ну-съ, пишетъ же онъ, когда думаетъ пріѣхать къ намъ?

— Нѣтъ! вступился Николай Николаичъ. И вообще о Вѣрѣ Александровнѣ не пишетъ ни слова.

— Ахъ, вѣтренникъ! Вѣрно хочетъ поразить насъ неожиданностью. Ну, не удалось!... А вѣдь я, признаться, къ вамъ съ просьбою, Настасья Андреевна, и къ вамъ тоже, Софья Николаевна.

— Что-жъ такое?

— Надѣньте-ка шубы, да поѣдемте со мной.

— Куда?

— Секретъ. По дорогѣ скажу. Предупреждаю только, что задержу васъ не мало. А оттуда поѣдемъ прямо ко мнѣ обѣдать. Вотъ отличная мысль! Пожалуйте и вы, Николай Николаичъ, и вы, будущій сватъ. Обѣдъ-то у меня не Богъ-знаетъ

какой, будничный; ну, да надѣюсь, теперь вы позволите быть съ вами безъ церемоній. Одѣвайтесь, одѣвайтесь, Настасья Андреевна! Вы мнѣ поможете! Сама-то я, по этой части, еще не очень смекаю.

— Некогда бы мнѣ сегодня....

— Ну, для такого случая!... Ѣдемъ приданое невѣстѣ выбирать! шепнула Любовь Александровна. Только не говорите имъ, мужчинамъ.

— Приданое! Какъ, приданое! громко воскликнула растерявшаяся Настасья Андреевна. Да я не знаю.... вотъ, Николай Николаичъ....

— Ну, выдали меня!

— Позвольте, Любовь Александровна! опять вступился Андрей. Тутъ выходитъ, кажется, маленькое недоразумѣніе.... Я вамъ говорилъ уже, что Борисъ не сообщилъ намъ ровно ничего о своихъ отношеніяхъ къ вашей сестрицѣ. Слѣдовательно *мы*—ровно ничего и не знаемъ. А въ такихъ обстоятельствахъ, согласитесь, матушкѣ неловко было бы какъ бы признать Вѣру Александровну невѣстой Бориса. Неловко и вообще всѣмъ намъ, въ виду разнесшихся, къ сожалѣнію, слуховъ и ничего не зная навѣрное, поддерживать слишкомъ дружескія, какъ бы родственныя отношенія къ вашему семейству. Что если какъ-нибудь произошла ошибка, недоразумѣніе?... Вообще позвольте спросить васъ: на какомъ основаніи полагаете вы несомнѣннымъ, что Вѣра Александровна и Борисъ связали другъ друга словомъ?

— Какъ, на какомъ основаніи! На словахъ Вѣрочки, на собственныхъ письмахъ вашего брата, да на всемъ, Господи! Что жъ, я развѣ сумасшедшая!... Вообще, извините, мнѣ немного странны ваши сомнѣнія. Послѣ того какъ.... Впрочемъ, если вы сами не замѣчаете неловкости и даже.... безтактности....

Любовь Александровна приняла оскорбленно-высокомѣрный видъ. Она ожидала, что Смуровы будутъ смущены, станутъ извиняться, послѣдуетъ примиреніе, и тогда конечно легко будетъ все устроить по желанію. Но Андрей Николаичъ очень хладнокровно попросилъ:

— Еслибъ вы потрудились показать намъ эти собственноручныя письма?

— Показать письма? вспыхнула Сивонина. Вы сомнѣваетесь? Да что же это такое наконецъ, позвольте васъ спросить? Николай Николаичъ, Настасья Андреевна, вамъ тоже угодно видѣть письма? Или это только господинъ молодой человѣкъ.... Впрочемъ, извольте-съ, съ удовольствіемъ! перебила она сама себя, замѣтивъ, что старый Смуровъ готовится отвѣтить

что-то съ довольно холоднымъ видомъ. Вотъ-съ, послѣднее письмо даже случайно при мнѣ. Если вашъ братецъ—честный человѣкъ, то, кажется ясны отношенія его къ дѣвушкѣ, которой онъ пишетъ *ты*, и которая заболѣваетъ нервной горячкой при одномъ извѣстіи, что не скоро удастся свидѣться. Вотъ письмо. Извольте прочесть вслухъ; потому что все-таки, я полагаю, не вы, а родители ваши тутъ старшіе.... Хотя, признаться, можно подумать совсѣмъ другое....

— Хорошо, что вы поспѣшили пріѣхать къ намъ не переодѣвшись! улыбнулся Андрей Николаичъ. А то вѣрно въ торопяхъ забыли бы письмо въ карманѣ платья.

Сивонина покраснѣла и гнѣвно вскинула глазами, сообразивъ колкость замѣчанія и собственную оплошность. Она вообще начала теряться. А Андрей Николаичъ окончательно убѣдился, что во всемъ дѣлѣ «что-то не такъ, есть странности». Любовь Александровна—разсуждалъ онъ—съ самаго появленія своего очевидно играетъ заранѣе придуманную роль, такъ какъ въ новомъ своемъ восторженномъ видѣ она ни капельки не похожа на прежнюю, давно знакомую Любовь Александровну. Кромѣ того, зачѣмъ ей торопиться покупкой приданаго, когда срокъ свадьбы во всякомъ случаѣ никому не извѣстенъ, даже хотя приблизительно? Къ чему въ особенности понадобилось ей пригласить на помощь мать и сестру? Сама она несравненно больше знаетъ толкъ въ нарядахъ, умѣетъ и торговаться поупорнѣе.... Зачѣмъ же? Скупая Сивонина могла бы разчесть, что при матери и сестрѣ жениха ей все-таки придется покупать щедрѣе. Если же она рѣшается на лишній расходъ—она, скупая и, какъ извѣстно, очень нерасположенная къ сестрѣ— то чтó это значитъ? Не ясно ли, что такой покупкой приданаго, такимъ семейнымъ приглашеніемъ на обѣдъ, ей только хочется подтвердить распространенные ею же, или ея мужемъ слухи, выставить на видъ доброе соглашеніе двухъ семействъ, и придать всему дѣлу видъ, такъ сказать, окончательно порѣшеннаго. Но если ей это нужно—значитъ, сама-то она еще сомнѣвается, точно ли дѣло рѣшено? А письмо Бориса, это «вещественное доказательство», такъ кстати оказавшееся въ карманѣ? И предупредительное объясненіе Сивониной, что Борисъ пишетъ Вѣрѣ Александровнѣ на *ты*? Можетъ быть, посильнѣе и подоказательнѣе этого *ты* ничего въ письмѣ и не имѣется?... Хотя конечно самое *ты* уже довольно экстраординарно....

Всѣ эти мысли, съ быстротою именно мыслей, промелькнули въ головѣ Андрея Николаича, въ то время, какъ онъ полубезсознательно прочитывалъ первыя строки поданнаго ему листка:

«Милый и сердитый другъ! Получилъ я три твоихъ письма съ такими горячими упреками....»

— Надо быть осторожнѣй, да хорошенько сообразить всѣ обстоятельства, думалъ въ это время Андрей Николаичъ, и уже затѣмъ сталъ читать съ полнымъ вниманіемъ.

Чтеніе не прервано было ни однимъ словомъ, ни однимъ замѣчаніемъ съ чьей-либо стороны. Звучалъ только густой голосъ Андрей Николаича, произносившаго какъ-то особенно вразумительно, медленно и отчетливо, точно взвѣшивая каждое слово.

— «Прощай же, моя милая, милая Вѣрочка!» дочиталъ онъ наконецъ: «и не жалуйся на то, что письмо этотъ разъ нѣсколько короче прежнихъ: я очень усталъ, не совсѣмъ здоровъ, а тутъ еще дѣлъ—по уши. Всегда твой Б. Смуровъ!»

Онъ даже такъ и произнесъ: Б, а не Борисъ Смуровъ.

У всѣхъ вырвался вздохъ, какъ это обыкновенно случается, когда вниманіе, слишкомъ напряженное, заставляетъ безсознательно сдерживать дыханіе.

— Это и есть послѣднее письмо, вслѣдствіе котораго заболѣла Вѣра Александровна? спросилъ Андрей.

— Да-съ. Изволили вы теперь убѣдиться?

— Я совершенно убѣдился, что былъ правъ, совѣтуя матушкѣ и сестрѣ быть осторожнѣе, хладнокровно, какъ бы ничего не замѣчая, пояснилъ Андрей Николаичъ. Въ этомъ письмѣ—прошу извинить меня, Любовь Александровна—я не вижу ничего, что бы оправдало ваши предположенія. Конечно, въ немъ очень ясно выражены дружескія отношенія Вѣры Александровны и Бориса; очень вѣроятно, что дружба эта можетъ превратиться, или даже превратилась уже въ болѣе сильное чувство; очень вѣроятно и то, что изъ такихъ отношеній выйдетъ современемъ счастливый супружескій союзъ; можетъ быть, онъ даже порѣшенъ уже; можетъ быть, онъ осуществится на дняхъ.... Но *мы-то съ вами* все-таки ничего покуда не знаемъ; приданое покупать все-таки слишкомъ рано.... Впрочемъ, кромѣ этого письма, у васъ, можетъ быть, есть какія-нибудь другія основанія такъ утвердительно предполагать, что Вѣра Александровна и Борисъ дали другъ другу слово?

— Мнѣ кажется, и этого письма очень достаточно! гнѣвно возразила она. Развѣ нарочно закрыть глаза да не хотѣть понимать.... Наконецъ мы слишкомъ горды и благородны, чтобъ навязываться и утверждать, чего не было.... Сестра моя лгать не станетъ, да и къ чему ей лгать?

— Вѣра Александровна сама говорила вамъ, что Борисъ сдѣлалъ ей предложеніе?

— Разумѣется.

— Въ такомъ случаѣ отецъ и матушка вѣроятно попросятъ ее лично передать имъ всѣ подробности дѣла.... Хотя—не могу скрыть отъ васъ — при настоящемъ болѣзненно-возбужденномъ состояніи Вѣры Александровны и собственное ея подтвержденіе едвали можетъ считаться вполнѣ доказательнымъ.

— А кто виноватъ въ этомъ болѣзненно-возбужденномъ состояніи? запальчиво вскинулась Любовь Александровна.

— Да вотъ тутъ есть еще одно маленькое недоразумѣніе, которое пріятно было бы уяснить, холодно усмѣхнулся Андрей Николаичъ. Вѣра Александровна заболѣла 24-го февраля, письмо помѣчено девятымъ числомъ января; если предположить, что оно, вмѣсто обычныхъ трехъ недѣль, даже цѣлый мѣсяцъ находилось въ дорогѣ—все-таки Вѣра Александровна должна была получить его недѣли за двѣ до болѣзни.

Сивонина даже покраснѣла.

— Что-жъ, я лгу по вашему? Кажется, извѣстна исправность нашихъ почтъ.... Впрочемъ я теперь очень хорошо понимаю, въ чемъ дѣло. Пусть такъ! Но пусть же господа Смуровы знаютъ и то, что такія штуки не пройдутъ имъ даромъ. Честность и благородство ихъ поступковъ мы постараемся разблаговѣстить по всему городу.

Старикъ Смуровъ, весь красный, поднялся съ мѣста.

— Мы только-что рѣшили, сударыня—заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ—написать Борису о распущенныхъ вами слухахъ, и спросить его, должны ли мы принимать Вѣру Александровоу, какъ его невѣсту. Честнѣе и благоразумнѣе поступить нельзя. Если слухи—вздоръ, пусть бѣдная дѣвушка пеняетъ на тѣхъ, кто поторопился распустить ихъ.

Сивонина попыталась-было возражать, но Андрей Николаичъ вѣжливо, но рѣшительно попросилъ ее удалиться.

— Имѣю честь кланяться! проговорилъ онъ, притворяя за нею дверь.

IX.

Конецъ начала.

Зима ушла. По грязнымъ улицамъ Сыродольска текли потоки мутной воды, и только кое-гдѣ, словно оазисы, выглядывали изъ всеобщей грязи небольшія пространства просохшей мостовой. Солнце весело сіяло съ неба, чувствительно пригрѣвая спину сквозь легкое, весеннее пальто. Всѣ и все высыпало на улицу, на вольное солнышко. Тутъ народъ двигается гуще обыкновеннаго; тутъ же и кошка усердно моется, сидя на заборѣ, лохматый дворовый пёсъ съ наслажденіемъ растянулся на припекѣ, стаи голубей и галокъ выказываютъ непомѣрную оживленность. На Сырчикѣ поснесило мосты, какъ быть слѣдуетъ, и заходили середь города паромы.... Словомъ, было десятое апрѣля.

Но несмотря на солнце, на живительное вліяніе ранней весны и на ласковый вѣтерокъ, проникавшій въ комнату, вмѣстѣ съ уличнымъ шумомъ и звономъ колоколовъ, сквозь въ первый разъ открытое окно—Андрей Николаичъ уныло сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, положивъ локти на письменный столъ, и подперевъ голову обѣими руками.

— Аня! можно къ тебѣ? постучалась въ дверь Софья Николаевна.

Онъ вздрогнулъ, поднялъ голову, и разомъ, точно по волшебству, съ лица его исчезло всякое выраженіе задумчивости; губы сложились въ обычныя строгія, но спокойныя складки; глаза какъ-то вдругъ померкли, и стали глядѣть своимъ невозмутимымъ, нѣсколько холоднымъ взглядомъ.

— Можно, отвѣтилъ онъ, самъ отворяя дверь сестрѣ.

— Аня! знаешь что?! стремительно начала-было Софья Николаевна. Но вслѣдъ за нею, почти по ея слѣдамъ, вбѣжала Вѣра.

— Вѣрочка! Вѣра Александровна! въ одинъ голосъ вскрикнули Смуровы.

— Она и есть. Здравствуйте. Здравствуй Соня.

Послѣ неудачнаго визита Любови Александровны, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль и въ ожиданіи письма отъ Бориса, ни Софья Николаевна не была ни разу у Сивопиныхъ, ни Вѣра у Смуровыхъ. Софья Николаевна уступила въ этомъ случаѣ положительному требованію отца и совѣтамъ брата; а Вѣру не пускали Петръ Васильичъ и Любовь Александровна, учредившіе за

ней самый строгій надзоръ. Послѣднимъ обстоятельствомъ впрочемъ Смуровы остались крайне довольны, такъ какъ первое время, опасаясь посѣщеній Вѣры Александровны, они рѣшительно недоумѣвали, какъ имъ слѣдуетъ держать себя относительно бѣдной дѣвушки. Положеніе являлось тѣмъ болѣе щекотливымъ, что Вѣра Александровна, судя по слухамъ и по записочкамъ, которыми она успѣвала украдкой мѣняться съ Софьей Николаевной—совершенно оправилась не только въ физическомъ, но и въ умственномъ отношеніи, поступала и говорила совершенно сознательно, знала притомъ всѣ подробности о визитѣ Любови Александровны къ Смуровымъ, о послѣдовавшемъ затѣмъ разрывѣ—и все-таки ни единымъ словомъ, ни единымъ намекомъ не пожелала распутать дѣло. Въ своихъ довольно многочисленныхъ запискахъ она не называла себя невѣстой Бориса, даже не упоминала о немъ, но и не говорила, что претензія Любови Александровны — чистѣйшій вздоръ. Сохранялось, однимъ словомъ, условленное молчаніе, довольно необыкновенное для характера Вѣры. Молчаніе это могло казаться тѣмъ болѣе загадочнымъ, что Сивонины добросовѣстно исполнили свою угрозу, и ругали всѣхъ Смуровыхъ чуть ли не на всѣхъ перекресткахъ, разсказывая дѣло съ приличными случаю украшеніями. Николай Николаевичъ, съ своей стороны и въ огражденіе, встрѣчному и поперечному, кто только слушать хотѣлъ, разсказывалъ, какъ было дѣло въ дѣйствительности. И вышла, разумѣется, колоссальная городская сплетня, служившая нарочитой потѣхой всѣмъ досужимъ любителямъ зубоскальства. Внести свѣтъ въ это темное дѣло могла только Вѣра. Софья Николаевна, взволнованная и встревоженная натянутымъ положеніемъ, посовѣтовала-было своимъ прямо спросить Вѣру, давала ли она слово Борису Николаичу, и сколько вообще правды въ заявленіяхъ ея сестрицы. Старый Смуровъ и согласился-было на это предложеніе. Но Андрей Николаичъ поставилъ ему на видъ, что потерпѣть до полученія отвѣтнаго письма отъ Бориса уже не долго; а между тѣмъ можетъ выдти совсѣмъ чортъ знаетъ что́, если Вѣра Александровна отвѣтитъ утвердительно, будетъ принята въ домѣ, какъ будущая невѣстка, а Борисъ объявитъ, что ничего-молъ подобнаго у него и въ головѣ не было. Соображеніе Андрея Николаича подѣйствовало на всѣхъ, и рѣшили до времени предоставить все судьбѣ.

Послѣ этого понятно то удивленіе, съ которымъ встрѣтили вошедшую Вѣру.

Андрей Николаичъ даже смутился.

За то Вѣра смотрѣла такъ, какъ будто ничего особеннаго и не случилось: развязная и сіяющая, какою бывала въ прежніе безмятежные дни.

— Соня, я совсѣмъ къ тебѣ. Ты ужъ, какъ хочешь, пріюти меня.

— То-есть, какъ совсѣмъ?

— Такъ! Я наконецъ послушала твоего совѣта. Помнишь? Ну, вотъ я бросила господъ Сивониныхъ, и надѣюсь нога моя никогда больше не будетъ въ ихъ домѣ. Пріюти же меня хоть на первое время.

— Вѣра! могла только сказать Софья Николаевна.

И она, и братъ ея были поражены окончательно.

— Какъ же тебя отпустили?

— Просто ушла, не сказавшись.

Вѣра Александровна усмѣхнулась какой-то недоброй улыбкой.

— Впрочемъ я теперь много измѣнилась, Соня, ты меня не узнаешь; и повѣрь, никакая Любовь Александровна въ свѣтѣ не удержитъ меня тамъ, гдѣ я не захочу.

— Вы разошлись по какому-нибудь особенному случаю? спросилъ Андрей Николаичъ, со слабой надеждой, что, можетъ быть, тутъ еще все уладится, Вѣру Александровну сыщутъ, и она дастъ себя уломать.

Но лицо дѣвушки вдругъ приняло такое, повидимому невозможное для него, выраженіе дикой, неумолимой ненависти, и все оно такъ исказилось, что Софья Николаевна съ испугомъ бросилась впередъ. Ей представилось, будто Вѣру надо поддержать, будто ей дурно.

— Что ты? осадила ее пріятельница уже холоднымъ и спокойнымъ взглядомъ.—Разошлись, потому что давно пора было, договорила она, обращаясь затѣмъ къ Андрею Николаичу.

Тотъ понялъ, что дѣло безповоротное.

— Впрочемъ, коли хотите, и стычка была.

Андрей Николаичъ и Соня слушали, опустивъ руки.

— Вѣра! не выдержала наконецъ Софья Николаевна. Скажи ты мнѣ, ради Бога, давала ты слово Борису?

— Нѣтъ. Да и зачѣмъ? Онъ безъ словъ знаетъ.

— Значитъ, между вами ничего рѣшительнаго не было?

— То-есть, какъ?

— Ахъ, Боже мой! Ну, однимъ словомъ, что̀ ты такое Борису? въ какихъ вы отношеніяхъ? невѣста ты, или нѣтъ?

Вѣра Александровна усмѣхнулась.

— Какъ ты спрашиваешь! Ну, разумѣется, Борисъ мнѣ не

говорилъ: «Я на васъ, сударыня, женюсь безпремѣнно»; и я ему не отвѣчала: «А я за васъ, сударь, выйду замужъ». Дня и часа другъ другу не назначали, и даже кольцами не обручались. Да и какое-жъ давать слово, если Борисъ даже не зналъ, чтó и когда будетъ возможно! Но что мы любимъ другъ друга — объ этомъ мы давно другъ другу сказали, а, кàжется, это только и нужно для брака.

Соня посмотрѣла на Андрея Николаича. Тотъ молча пожалъ плечами.

— Я не помѣшала ли вамъ? Можетъ быть, вы были чѣмъ-нибудь заняты? спросила Вѣра послѣ нѣкоторой паузы.

— Нѣтъ.

— А то я, пожалуй, пойду въ твою комнату, Соня; вы здѣсь кончите....

— Вѣра Александровна! рѣшился наконецъ заговорить Андрей Николаичъ. Не примите, ради Бога, въ дурную сторону того, чтó я вынужденъ сказать вамъ. Повѣрьте, только странное стеченіе обстоятельствъ, въ которое мы всѣ поставлены...

— Ну-съ? и она недовѣрчиво и съ какимъ-то вызывающимъ взглядомъ окинула ихъ глазами.

— Вы конечно знаете о томъ, какого содержанія письмо послано нами къ Борису, послѣ извѣстныхъ выходокъ Любови Александровны?

— Знаю.

— Ну-съ, извините меня.... отецъ съ матушкой, какъ ни рады были бы принять васъ у себя при всякихъ другихъ обстоятельствахъ — на этотъ разъ, до полученія извѣстій отъ Бориса, едва ли могутъ позволить себѣ это.... Не говоря уже о скандалѣ, на который очень способны рѣшиться Сивонины, вмѣшавъ въ дѣло полицію, — вы вѣдь, по закону, несовершеннолѣтняя... Да и для васъ самихъ подобное гостепріимство можетъ имѣть очень непріятныя послѣдствія.

— Это почему? То-есть, для меня-то?

— Представьте себѣ — замялся Андрей Николаичъ — что какія-нибудь неизвѣстныя намъ обстоятельства заставятъ Бориса надолго отказаться...

Вѣра Александровна вспыхнула, какъ порохъ.

— Какое же право имѣете вы говорить подобныя вещи? На родного брата! Стыдитесь!

— Впрочемъ позвольте! вдругъ схватила она за руку Андрея Николаича, сверкнувъ глазами. Надѣюсь, вы описали ему всѣ случившіяся здѣсь гнусности, какъ слѣдуетъ? Вы объяснили

ему, на сколько я въ нихъ участвовала? Соня, ты мнѣ ручаешься?

Андрей Николаичъ хладнокровно подошелъ къ своему письменному столу.

— Съ подобныхъ очень важныхъ писемъ я всегда сохраняю копіи, объяснилъ онъ, подавая Вѣрѣ Александровнѣ книгу довольно большихъ размѣровъ.

Она быстро пробѣжала глазами открытую страницу.

— Вы позволите мнѣ, Вѣра Александровна, похлопотать для васъ о квартирѣ, покуда? Развязки ждать во всякомъ случаѣ теперь уже не долго, не больше недѣли.

— Сдѣлайте милость, мнѣ все равно. Лишь бы я была увѣрена, что Борисъ знаетъ всю правду. А если онъ найдетъ, что вы поступили со мною не такъ—это ваше дѣло.

Андрей Николаичъ разсчиталъ вѣрно. Ровно черезъ недѣлю получено было письмо отъ Бориса, слѣдующаго содержанія:

«Спѣшу отвѣтить вамъ, любезные друзья мои въ Сыродольскѣ, еще не совсѣмъ опомнившись отъ изумленія, которое вы произвели во мнѣ послѣднимъ письмомъ съ допросными пунктами. Ради самого Создателя, что̀ у васъ тамъ дѣлается? Помѣшалось ли все достопочтенное семейство Сивонинныхъ съ Вѣрой Александровной во главѣ — или я самъ рехнулся? Что-нибудь одно изъ двухъ, такъ какъ я рѣшительно ничего не понимаю. Чего такого отъ меня хотятъ? Кому, когда и какія я дѣлалъ предложенія? Ради Аллаха, попросите пылкую Вѣру Александровну найти такое мѣсто въ моихъ четырехъ или пяти письмахъ, гдѣ бы я просилъ ее осчастливить меня своей рукой. Спросите ее по совѣсти: дѣлалъ-ли я ей подобное предложеніе хоть на словахъ? Что я пользовался дружескимъ расположеніемъ Вѣры Александровны (безукоризненно платоническаго свойства!) и что я старался заслужить это расположеніе—нисколько не спорю. Кто изъ молодыхъ людей не дѣлалъ того же? И неужели я обязанъ жениться на всѣхъ пылкихъ дѣвицахъ? Слуга покорный! Говорю вамъ по совѣсти: не только я никогда не разсчитывалъ жениться на достойной Вѣрѣ Александровнѣ, но даже во всей исторіи, которая у васъ разыгралась, рѣшительно ничего не понимаю. Это какое-то безуміе, женихобѣсіе! Если у васъ тамъ еще не образумились и не опомнились, то прошу васъ, сообщите это письмо всякимъ претендентамъ и претенденткамъ. Авось оно по-

дѣйствуетъ, и на будущее время мономаны оставятъ меня въ покоѣ. Мнѣ право не до нихъ, дѣлъ и. такъ много»...

Прочтя письмо, Андрей Николаевичъ взглянулъ пристально на отца, но тотъ нахмурился, быстро отвернулся и сталъ шагать по комнатѣ въ раздумьѣ, а за тѣмъ вдругъ, неожиданно для всѣхъ, самъ отправился на квартирку Вѣру Александровны, нанятую для нея Андреемъ, и умолялъ ее сдѣлать ему честь, поселиться въ его домѣ, на правахъ родной дочери.

Содержаніе письма хотѣлъ онъ-было передать ей на словахъ, какъ можно мягче. Но съ Вѣрой Александровной стало трудно ладить. Дрожащимъ голосомъ, она вытребовала подлинникъ, прочла—и только молча закусила губы.

Старикъ такъ и ушелъ отъ нея, не добившись ни слова.

Но черезъ три часа какой-то мальчикъ принесъ ему коротенькую записку.

«За предложеніе жить у васъ — благодарю: я принимаю ваше предложеніе, принимаю. Я нищая, и церемониться нечего—ни со мной, ни мнѣ. В. Т.»

Ѳ. Ромеръ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

30-го мая, 1872.

Государственныя идеи Петра Великаго и ихъ судьба.

Россія празднуетъ двухсотлѣтній юбилей одного изъ величайшихъ событій своей исторіи; она празднуетъ годовщину 30-го мая 1672-го года, день рожденія Петра Великаго. Преклоняясь предъ торжествомъ этого знаменательнаго дня, мы не можемъ сказать большинству нашихъ читателей ничего такого, что̀ могло бы увеличить ихъ уваженіе и удивленіе къ величайшему изъ дѣлъ Петра: преобразованію, обновленію Россіи. Какую перемѣну произвелъ въ Россіи Петръ, чѣмъ онъ представляется въ нашей исторіи сравнительно со своими предшественниками—хорошо извѣстно всѣмъ и каждому. Но большинству гораздо менѣе извѣстенъ онъ съ другой стороны, а именно, какъ первый правитель европейской Россіи, какъ организаторъ ея системы управленія, однимъ словомъ — по сравненію не съ предшествующимъ ему, а съ послѣдовавшимъ послѣ него періодомъ, съ тѣмъ періодомъ, который по времени продолжалъ дѣло реформы, но притомъ, собственно въ развитіи учрежденій государства, сдѣлалъ и немаловажныя отступленія отъ первоначальныхъ мыслей преобразователя.

Мы хотимъ взглянуть на Петра съ этой именно стороны, взглянуть, какія учрежденія думалъ онъ заложить у насъ, и поставить его лицомъ къ лицу не съ его предшественниками, а съ его преемниками.

Геніальная личность Петра отмѣчаетъ собою въ нашей исторіи рубежъ между полуазіатскою и европейской жизнью. Рубежъ этотъ намѣченъ Петромъ, и его личность стоитъ на этой грани, какъ межевой знакъ, какъ нѣкій богъ Терминъ, величественный памятникъ, указывающій рубежъ и перепутье. Здѣсь Петръ стоитъ одиноко, рѣзко отличаясь и отъ предшественниковъ, и отъ преемниковъ своихъ. Чѣмъ

онъ отличается отъ своихъ предшественниковъ—это достаточно ясно для каждаго; онъ отличается отъ нихъ именно тѣмъ, что сталъ преобразователемъ. Но и отъ преемниковъ своихъ, по крайней мѣрѣ ближайшихъ, Петръ отличается не менѣе рѣзко. Отъ нихъ онъ отличается тѣмъ, что былъ истинно-*народнымъ человѣкомъ*, человѣкомъ *своего* народа и человѣкомъ *всего* народа. Вотъ источникъ громадной его силы, громадной его популярности въ свое время, несмотря на непопулярность его мѣръ. Такое невѣроятное усиліе надъ самимъ собою, какое сдѣлалъ русскій народъ въ лицѣ Петра и по его знаку, было бы совершенно невозможно, еслибы представителемъ и орудіемъ великой реформы явился человѣкъ чужой русскому народу, или хотя бы человѣкъ чуждый всему народу, живущій и замыкающійся въ одной высшей средѣ. Лицо, извѣстное подъ именемъ перваго Самозванца, погибло при первыхъ попыткахъ коснуться однихъ только наружныхъ обычаевъ, не потому только, что Самозванецъ не имѣлъ генія Петра, но потому, главнымъ образомъ, что русскій народъ чуялъ въ немъ чужого. Петръ III, за пристрастіе къ иноземцамъ и реформистскія попытки, проявленныя въ несравненно слабѣйшей степени, и когда старина уже была сокрушена могущественной рукою Петра Перваго, утратилъ власть, потому что не имѣлъ всенародной силы, жилъ и замыкался въ придворномъ кружкѣ.

Петръ I могъ предпринять небывалое въ исторіи преобразованіе потому, что геній его указывалъ ему необходимость такого переворота для Россіи въ тотъ моментъ исторіи; но совершить это преобразованіе онъ не могъ бы, еслибы не былъ свой человѣкъ народу, коренной русскій человѣкъ по рожденію, образованію, вѣрованіямъ, нравамъ и привычкамъ, и еслибы не былъ одинаково близокъ всѣмъ слоямъ народа, и боярамъ, и крестьянамъ, и духовенству, и солдатамъ. И вотъ, въ этомъ-то заключается весьма рѣзкое отличіе его отъ преемниковъ, по крайней мѣрѣ ближайшихъ. Онъ не былъ отчужденъ отъ Россіи образованіемъ, фамильными преданіями и нравами; а этикетъ, церемоніалы, формы, даже династическія предусмотрѣнія, однимъ словомъ, все, что могло отдѣлять его отъ народной массы, все, что́ дѣлало бы его обыкновеннымъ властителемъ, а не мастеромъ великаго строительства на пользу народа, онъ сломалъ, отбросилъ, уничтожилъ. Вмѣсто того, чтобы царствовать, по восточному, онъ сталъ *служить*: пошелъ въ солдаты, бомбардиры, шкипера, плотники. Онъ до такой степени исключительно былъ преданъ своей службѣ, своему народному строительству, что отрицалъ все, становившееся преградою на этомъ пути, въ томъ числѣ и самое династическое начало, будущность своей династіи. „Я за отечество и за подданныхъ моихъ“, писалъ онъ сыну, „жизни не жалѣлъ и не жалѣю, то неужели пожалѣю тебя? Лучше будь чужой добрый, чѣмъ свой негодный.“ И вотъ, указомъ 1721-го

года, Петръ возвелъ въ законъ прямое отрицаніе династическаго начала, объявивъ, что россійскій государь имѣетъ право назначать своимъ наслѣдникомъ кого ему угодно, и однажды назначеннаго наслѣдникомъ отрѣшать отъ престола въ случаѣ его неспособности,—неспособности *къ службѣ* конечно, ибо неспособности къ пользованію династическимъ правомъ не можетъ быть при законности наслѣдника. До такого самопожертвованія, до отрицанія самого династическаго права не доходилъ ни одинъ владѣтель, и вся жизнь, вся дѣятельность Петра Великаго показываетъ намъ въ немъ настоящаго *народнаго диктатора*, человѣка изъ народа, облеченнаго неограниченной властью, и неуступающаго ни на волосъ этой власти, а напротивъ пользующагося ею даже деспотически, но не для личныхъ или династическихъ цѣлей, а единственно для того, чтобы весть народъ къ однажды сознанному идеалу, чтобы осуществить идею блага народа, независимо отъ какихъ-либо преданій и отсталыхъ желаній самого народа, въ силу одного личнаго убѣжденія, угадавшаго истинный смыслъ исторіи и ту высшую волю всѣхъ поколѣній этого народа, которая выразилась во всей совокупности его историческихъ стремленій. Петръ насиловалъ привычки своего народа, это правда; но всѣ великіе моменты нашей исторіи до Петра вели именно къ тому, чтобы явился наконецъ такой дѣятель, какъ онъ, и потому можно сказать, что не онъ насиловалъ волю русскаго народа, а самъ народъ русскій, въ лицѣ Петра, совершилъ великое усиліе надъ самимъ собою, воспрянулъ отъ сна и невѣжества, обусловленныхъ причинами второстепенными, и пошелъ за нимъ туда, куда звали его величайшія изъ собственныхъ прежнихъ дѣлъ его: принятіе христіанства, разрушеніе бича Европы — монгольства, заложеніе Кіева, Новгорода, Юрьева, дѣла Владиміра, Ивана III, Рюрика и первыхъ его потомковъ въ восточной и западной Руси.

Упомянувъ о различіи между Петромъ и ближайшими его преемниками, въ его личномъ взглядѣ, въ его сознаніи, мы вскорѣ найдемъ важныя различія и въ томъ, какихъ принциповъ онъ держался въ устройствѣ управленія. Несомнѣнно, что Петръ, какъ и они, не думалъ ограничивать своей власти. Петру болѣе, чѣмъ кому-либо изъ ближайшихъ преемниковъ, нужно было именно полновластіе; для преобразованія всей жизни государства ему необходимъ былъ размѣръ власти даже болѣе широкій, чѣмъ тотъ, какой былъ достаточенъ для продолженія московской внутренней политики. Но изъ дѣлъ Петра мы усматриваемъ, что онъ, дѣйствуя самымъ неограниченнымъ, даже деспотическимъ образомъ, какъ настоящій диктаторъ, собственно для совершенія преобразованія, вовсе не заботился о томъ, чтобы въ учрежденіяхъ, какія онъ считалъ пригодными для Россіи, систематически стянуть все къ одному источнику, устраняя все, что могло бы получить жизнь самостоятельную. Иными словами, нисколько не поступаясь своимъ полновластіемъ,

необходимымъ для преобразователя, Петръ вовсе не хотѣлъ, даже и самъ, дѣлать все исключительно одинъ, быть единственнымъ источникомъ всего, а напротивъ, охотно призывалъ себѣ въ помощь весьма самостоятельныя, по его мысли, учрежденія. Тѣмъ менѣе думалъ онъ подготовлять для ближайшихъ своихъ преемниковъ такую систему, въ которой бы они являлись единственнымъ источникомъ всего происходящаго въ государствѣ, однимъ словомъ, нисколько не предначертывалъ для Россіи системы централизаціи и всепоглощающей бюрократіи, которая и образовалась впослѣдствіи, совершенно даже вопреки начинаніямъ Петра, прямо въ противоположность тѣмъ учрежденіямъ, къ какимъ онъ уже въ свое время считалъ Россію способною.

Послѣ-петровскій періодъ не разъ называли у насъ бюрократическимъ, централизаторскимъ, „петербургскимъ" періодомъ русской исторіи. Въ этомъ опредѣленіи есть доля правды, насколько „петербургскій періодъ" противополагается древней, вѣчевой Руси, а отчасти даже и московскому государству, заглушившему вѣче, но сохранившему еще преданіе о земскомъ выборномъ началѣ. Но въ этомъ смыслѣ несправедливо весть „петербургскій періодъ" отъ Петра и видѣть именно въ немъ творца централизаціи и бюрократіи, какъ то дѣлали нѣкоторые старовѣры. Введеніе системы централизаціи и поглощеніе земскаго элемента бюрократіею были не послѣдствіями учрежденій Петра, а напротивъ—уклоненіямъ отъ нихъ, и видѣть въ водвореніи у насъ впослѣдствіи такихъ началъ—именно результаты петровской реформы, можно развѣ на основаніи правила: post hoc, ergo propter hoc. Это уклоненіе произошло впослѣдствіи, при преемникахъ Петра, и явилось какъ подражаніе французскимъ *формамъ*, при значительномъ различіи духа, какой влагался въ эти формы во Франціи и у насъ. У насъ въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, въ эти формы безусловной централизаціи и всепоглощающей бюрократіи влитъ былъ тотъ духъ военно-экзерцирной команды и плацпараднаго „единообразія", который былъ заимствованъ уже при Петрѣ III изъ первыхъ дней жизни прусскаго королевства, и затѣмъ въ Пруссіи давно уже замкнулся въ свою надлежащую сферу—казарму, когда у насъ при дальнѣйшихъ преемникахъ Петра III онъ составилъ мало-по-малу коренной принципъ всего внутренняго управленія, проникая всюду, господствуя и во всѣхъ отрасляхъ администраціи, и въ самой школѣ. Однимъ изъ крайнихъ выраженій этого духа былъ Аракчеевъ. Понятно, во что должна была обратиться французская форма централизаціи при такомъ духѣ. Во Франціи централизація и могущество бюрократіи никогда не могли получить такое значеніе уже потому, что духъ, воплощавшійся тамъ въ этой системѣ въ разныя времена, былъ весьма различенъ. При послѣднихъ Людовикахъ централизація, установленіе всемогущества, всеобъемлемости королевской власти представ-

ляло не что иное, какъ побѣду въ борьбѣ съ феодализмомъ. Въ эпоху революціи, централизація обратилась въ могущественное орудіе духа общественнаго переворота. При Наполеонѣ—завершителѣ и окончательномъ законодателѣ централизаціи, тотъ же духъ всепроникающаго милитаризма, какой мы видѣли у себя, быть можетъ и установился бы во Франціи, если бы Наполеонъ царствовалъ долѣе и оставилъ послѣ себя наслѣдниковъ, которые бы непрерывно поддерживали его дѣло. Но этого не случилось, и начиная съ реставраціи до второй имперіи централизація и полновластіе бюрократіи были все-таки подчинены земскому выборному элементу въ важнѣйшихъ, законодательныхъ, парламентскихъ дѣлахъ. У насъ же эти заимствованныя изъ Франціи начала прочно прониклись тѣмъ духомъ, который наконецъ выразился въ Аракчеевѣ. Какъ извѣстно, и послѣ паденія Аракчеева система продолжала существовать, даже развиваться, и вела насъ уже совершенно въ сторону отъ Европы, назадъ, въ направленіи прямо противоположномъ исходной точкѣ Петра Великаго; мы уже переставали учиться, начинали отрицать пользу ученья у Европы, начали провозглашать ее „гнилою", и воздвигать китайскую стѣну, чтобы заложить знаменитое Петровское „окно въ Европу".

Положить начало такой системѣ не могъ желать Петръ Великій: она была отрицаніемъ основного его принципа, и если „петербургскій періодъ" разумѣть въ смыслѣ развитія этой системы, то очевидно, что никакъ не Петръ былъ иниціаторомъ этого періода. Онъ совсѣмъ не предпринималъ централизаціи; въ его время и во Франціи централизація еще только-что установилась. Но Петръ—и это замѣчательно—не хотѣлъ ничего заимствовать отъ Франціи. Его нисколько не соблазнилъ примѣръ страны, гдѣ царствовалъ le roi - soleil, источникъ жизни своихъ подданныхъ: онъ обратился за примѣрами къ такимъ странамъ, въ которыхъ не было ничего подобнаго системѣ Людовика XIV—къ Голландіи, Англіи, Даніи, Швеціи, и изъ этихъ странъ выписывалъ не только мастеровъ и учителей, но и самихъ членовъ и „шрейберовъ" для своихъ коллегій. Уложеніе, т.-е. гражданскіе законы онъ хотѣлъ перенять у Швеціи; а изъ Даніи выписывалъ чиновниковъ, снабжая ихъ толмачами.

Петръ дѣйствовалъ иногда совершенно деспотически; но деспотическій характеръ имѣли его чрезвычайныя мѣры, а не его *законоположенія*; крутую реформу онъ не могъ совершить иначе, какъ дѣйствуя деспотически; но это былъ деспотизмъ въ смыслѣ временной необходимости, деспотизмъ диктатора, спасающаго отечество, а не система, подготовляемая для будущности страны. Многочисленныя казни, устраненіе сына отъ престола и мѣры, предшествовавшія преданію царевича суду, способъ заселенія и построенія Петербурга, да и всѣ мѣры ко внезапной „европеизаціи" государства по наружности,—были

именно деспотическаго, диктаторскаго свойства. Насильственный наборъ молодыхъ дворянъ для „смотра" и отсылки въ ученье, наборъ мастеровыхъ для постройки Петербурга, переселенія, повинность, возложенная на сановниковъ, дворянство и купечество строиться въ Петербургѣ, а на купечество еще спеціальная повинность по постройкѣ флота, запрещеніе бороды и пошлина на нее при въѣздѣ въ города, запрещеніе русскаго платья, — всѣ такія мѣры относятся къ этой же категоріи. Мѣры эти были не только диктаторскія по самому существу, но и деспотическія по наказаніямъ, положеннымъ за ихъ нарушеніе. Слишкомъ медленно, для нетерпѣливаго дѣятеля, идетъ постройка Петербурга! Чтó же дѣлаетъ Петръ, чтобы ускорить ее? Онъ запрещаетъ производить какую бы то ни было каменную постройку во всемъ государствѣ! Указъ 9-го октября 1714-го года гласитъ: „понеже здѣсь каменное строеніе зѣло медленно строится".... „того ради запрещается во всемъ государствѣ на нѣсколько лѣтъ (пока здѣсь удовольствуются строеніемъ) всякое каменное строеніе, какого-бъ имени ни было, подъ разореніемъ всего имѣнія и ссылкою". Русское платье все еще держится, и вотъ Петръ вновь запрещаетъ торговать русскимъ платьемъ, „подъ жестокимъ наказаніемъ и каторгою", и конфискаціею имѣній виновныхъ. И изъ указа 29 октября 1714-го года мы узнаемъ что такіе люди, которые торговали русскимъ платьемъ въ противность прежнему указу, въ Петербургѣ, дѣйствительно были биты кнутомъ и сосланы въ каторгу.

Сверхъ такихъ чрезвычайныхъ мѣръ по особымъ случаямъ, необходимо оговорить еще, что вообще Петръ не думалъ нисколько поступаться своей верховной властью. Полновластіе ему было совершенно необходимо, и потому понятно, что онъ даже озаботился устранить всякую возможность оппозиціи себѣ, съ той именно стороны, откуда она могла направиться противъ главнаго его дѣла, то-есть противъ реформы. Съ этой цѣлью, какъ извѣстно, онъ не назначилъ патріарха, замѣнивъ самое учрежденіе патріаршества учрежденіемъ синода. Въ духовномъ регламентѣ 25 января 1721 года, онъ открыто высказалъ свою мысль, т.-е. опасеніе совмѣстнаго существованія въ глазахъ народа двоихъ владыкъ или государей, одного—свѣтскаго, другого—духовнаго, говоря, что народъ мнитъ, будто патріархъ есть „второй государь, самодержцу равносильный или и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и се самъ собою народъ тако умствовать обыклъ. Что же егда еще и плевелныя властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хврастію огнь подложатъ?"

Итакъ, Петръ прозорливо оберегалъ свое полновластіе, хотя, какъ мы видѣли, и не былъ династическимъ политикомъ, и это естественно: онъ предпринялъ при помощи этого полновластія переродить по своему убѣжденію все государство. Но нисколько не поступаясь своей

верховной властью, онъ вовсе не думалъ осуществлять ту систему исключительной бюрократической централизаціи, по которой монархъ долженъ поглощать собою все, быть единственнымъ источникомъ всего происходящаго въ государствѣ, не допуская внѣ своей власти никакой жизни, ни независимыхъ общественныхъ учрежденій, и не давая тѣни самостоятельности даже и какому-либо изъ органовъ правительственныхъ. Несмотря на свое самовластіе, даже деспотизмъ, Петръ не предпринималъ ввесть ничего подобнаго. Онъ вовсе не думалъ сдѣлаться единственнымъ источникомъ всего сущаго, единственнымъ животворящимъ центромъ, однимъ словомъ, не считалъ себя королемъ-солнцемъ, какимъ признавалъ себя Людовикъ XIV. Напротивъ, его убѣжденіе было прямо противоположно пресловутому—l'Etat c'est moi. Онъ за все брался своими руками потому, что иначе все осталось бы лежать въ прежнемъ, полуазіатскомъ видѣ, но принимался за всякое дѣло онъ не такъ, чтобы тотчасъ поглотить его собою и чтобы въ этомъ дѣлѣ затѣмъ ничего и не дѣлалось иначе какъ имъ самимъ, а напротивъ такъ именно, чтобы служить этому дѣлу, чтобы двинуть его, а тамъ пусть само идетъ. Онъ съ радостью встрѣчалъ помощниковъ себѣ, одѣлялъ ихъ полнымъ довѣріемъ, всегда признавалъ ихъ заслуги, никогда не завидовалъ ихъ успѣхамъ. Великій монархъ, онъ любилъ около себя людей умныхъ, а не окружалъ себя ничтожествомъ, наконецъ сносилъ противорѣчіе и уважалъ прямодушныхъ совѣтниковъ, чему примѣромъ служитъ Долгоруковъ. Въ ошибкахъ своихъ онъ сознавался публично въ указахъ. Такъ, опредѣливъ сперва президентамъ коллегіи быть членами сената, который за ними же наблюдалъ, онъ, 12-го января 1722-го года, объявляетъ что такое постановленіе „учинено было неосмотря"; онъ хотѣлъ, чтобы члены сената „смотрѣли-бъ надъ коллегіями, яко свободные отъ нихъ; а нынѣ сами будучи въ оныхъ, какъ могутъ сами себя судить?"

Выше всего онъ ставилъ самое дѣло; лишь бы дѣло дѣлалось, строеніе строилось, установлялся порядокъ, развивалась жизнь — онъ готовъ былъ принесть этому всякую жертву, даже и династическій интересъ; тѣмъ менѣе могъ онъ преднамѣренно подготовлять „бюрократическій петербургскій періодъ" русской исторіи. Напротивъ, Петръ былъ человѣкъ одинаковаго воспитанія со своимъ народомъ, и преданія, хранившіяся еще въ душѣ народа, не могли быть ему чужды. Въ дѣтствѣ Петръ съ учителемъ своимъ, дьякомъ Зотовымъ, ничему болѣе и не учился, какъ чтенію св. писанія и смыслу историческихъ „книгъ съ кунштами", въ коихъ, по словамъ Крекшина, изображено было: „о блаженныхъ дѣлахъ родителя его, царя Алексѣя Михайловича и царя Ивана Васильевича, храбрыя ихъ и военныя дѣла и дальные нужные походы, бои, взятье городовъ, и колико претерпѣвали нужду и тяготу больше простого народа, и тѣмъ коликія благополучія государству

пріобрѣли и государство россійское распространили;... дѣла в. князя Дмитрія Донскаго и дѣла князя Владиміра и Александра Невскаго и о прочихъ.“ До знакомства съ иностранцами Петръ и учился, кромѣ св. писанія, только русской исторіи. Живя одной жизнью съ народомъ, онъ помнилъ и выборныя преданія, державшіяся еще и въ московскомъ государствѣ. Да и могъ ли онъ не помнить этихъ преданій, когда самъ дѣдъ его былъ избранъ на престолъ выборнымъ земскимъ соборомъ. Еще при Иванѣ IV была созвана земская дума для разсмотрѣнія судебника; при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ Романовыхъ земскій соборъ созывался въ случаяхъ особой важности, напр. для дарованія чрезвычайныхъ денежныхъ средствъ на войну. При Михаилѣ созывались въ Москву изъ каждаго города по одному человѣку изъ духовенства, по два изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, по два изъ посадскихъ людей, для приведенія въ ясность обидъ, претерпѣваемыхъ гражданами и для совѣщанія о мѣрахъ къ устройству государства послѣ разоренья. При Алексѣѣ былъ созванъ земскій соборъ для разсмотрѣнія „уложенія“. При Ѳедорѣ на усмотрѣніе земскаго же собора былъ внесенъ вопросъ о мѣстничествѣ.

Проектъ новаго уложенія, которымъ Петръ хотѣлъ замѣнить уложеніе своего отца, не былъ оконченъ, и потому неизвѣстно, предложилъ ли бы Петръ новое уложеніе земскому собору, или воздержался бы отъ такой мѣры. Очень могло быть, что онъ и не принялъ бы ея, потому что новое уложеніе составлялось при немъ по шведскому образцу, и стало быть могло не встрѣтить сочувствія со стороны народнаго собранія. Но приведенные сейчасъ факты должны были обусловливать взглядъ самого Петра на систему правленія, и дѣйствительно, изъ нѣкоторыхъ дѣлъ и многихъ начинаній его мы убѣждаемся, что хотя съ уничтоженіемъ царской думы отмѣнилась и формула указовъ: „великій государь указалъ и бояре приговорили“, однако Петръ не только допускалъ самостоятельность учреждаемыхъ имъ „правительствъ“, но и весьма дорожилъ земскимъ выборнымъ принципомъ, что̀ совершенно отдѣляетъ его отъ всѣхъ его преемниковъ, за исключеніемъ настоящаго царствованія.

Деспотическій въ своихъ временныхъ мѣрахъ, Петръ является у насъ первымъ европейскимъ государемъ уже потому, что первый признаетъ нѣчто высшее своей воли, а именно—*законъ*. Правда, онъ самъ утверждаетъ этотъ законъ, но весьма важно уже то, что въ законѣ, однажды состоявшемся, онъ видитъ уже не свой указъ, свою волю, а именно законъ, связующій его самого, ограничивающій и его волю. Къ закону онъ исполненъ уваженія и старается вселить это уваженіе всѣмъ слугамъ государства, которые еще привыкли видѣть въ законѣ только ярлыкъ, указъ, обходимый милостью и силою. На столы всѣхъ присутственныхъ мѣстъ онъ кладетъ указы о точномъ и непремѣнномъ

соблюденіи законовъ: „понеже всуе есть законы писать, если ихъ не исполнять". Верховнымъ принципомъ онъ ставитъ законъ, а о себѣ Петръ понимаетъ, что онъ *служитъ* государству. Уже это одно воззрѣніе рѣзко отдѣляетъ Петра, какъ отъ его предшественниковъ, видѣвшихъ въ государствѣ свою вотчину, такъ и отъ нѣкоторыхъ его преемниковъ, проникнутыхъ системою произвола, принципомъ Людовика XIV—l'Etat c'est moi.

Въ такомъ же смыслѣ Петръ понималъ и самостоятельность учрежденнаго имъ „правительствующаго" сената. Правда, сенаторовъ онъ назначалъ самъ, и сенатъ издавалъ указы отъ его имени. Но сенатъ по мысли Петра, былъ уже нѣчто болѣе самостоятельное, чѣмъ прежняя царская дума. Дума была не болѣе какъ совѣтъ, въ который цари вносили дѣла по своему усмотрѣнію; самостоятельнаго значенія и собственной дѣятельности дума—исключая чрезвычайныхъ случаевъ, какъ-то несовершеннолѣтія царя или междуцарствія—не имѣла. Сенатъ же Петра былъ постоянно наблюдающее, собственной своей властью, за всѣмъ управленіемъ государства, учрежденіе, высшее правительство, законодательное мѣсто и верховный судъ, однимъ словомъ, самодѣйствующая государственная власть. Учредивъ первоначально сенатъ при отъѣздѣ за границу, Петръ далъ ему, указомъ 2-го марта 1711-го года, почти царскую власть, повелѣвъ повиноваться указамъ сената, какъ указамъ самого государя, подъ страхомъ жестокаго наказанія, даже смерти; но оставилъ право челобитья на сенатъ. Впослѣдствіи, въ 1722-мъ году онъ учредилъ должность генералъ-прокурора при сенатѣ, „яко око наше и стряпчаго о дѣлахъ государственныхъ"; но Петръ тѣмъ не менѣе сохранилъ до конца свой взглядъ на сенатъ и свое уваженіе къ этому учрежденію. Онъ запретилъ даже и челобитье на рѣшенія сената, указомъ 22-го декабря 1718-го года: „въ случаѣ же, которой можетъ свыше чаянія припасть, что оные-жъ неудовольствованные челобитчики отъ своей неразумной продерзливости и онаго Сената правосудіемъ не удовольствуются, потомъ имъ уже больше никуда своего челобитья не имѣть; понеже тотъ вышній Сенатъ отъ Его Царскаго Величества высокоповѣреннымъ есть, и въ особахъ честныхъ и знатныхъ состоитъ, которымъ не только челобитчиковы дѣла, но и правленіе государства повѣрено есть, и кто дерзнетъ о томъ Его-жъ Величеству бить челомъ, и тотъ смертному осужденію будетъ повиненъ".

Давая сенату такой высокій авторитетъ въ государствѣ, Петръ тѣмъ самымъ удостовѣрялъ, что взгляды его на нормальный способъ управленія государствомъ, на лучшія основы для устройства будущности государства, были свойства иного, чѣмъ тѣ временныя диктаторскія мѣры, какія онъ принималъ противъ всего, что̀ стояло преградой его реформѣ. Какъ послѣднія носили очевидно деспотическій

характеръ, такъ первыя, наоборотъ, были прямо противоположны деспотизму, были направлены къ ограниченію произвола и къ устройству прочнаго порядка въ государствѣ на основаніи *закона*, уважаемаго и самой верховной властью. Уваженіе Петра къ сенату истекало изъ того же взгляда, какъ и уваженіе его къ закону, и по мысли Петра, выраженной въ указѣ 1718-го года, главная обязанность сената и состояла въ наблюденіи за исполненіемъ законовъ: „ибо какъ можетъ государство управлено быть, егда указы дѣйствительны не будутъ: понеже презрѣніе указовъ ничѣмъ рознится съ измѣною, и не точію равномѣрно бѣду принимаетъ государство отъ обоихъ, но отъ сего еще вящще, ибо услышавъ измѣну, всякъ остережется, а сего никто вскорѣ почувствуетъ, но мало по малу все разорится и люди въ непослушаніи останутся; чему ничто иное, токмо общая погибель слѣдовать будетъ, какъ то о греческой монархіи явный примѣръ имѣемъ." Современные французы свою вторую имперію, царство произвола, неуваженіе къ закону, фаворитизма, прозвали empire bysantin, Bas-Empire. Любопытно, что Петръ Великій указывалъ прямо на византійскую имперію, какъ на такой примѣръ, которому никакъ подражать не слѣдуетъ.

Такъ и въ учрежденіи коллегій, вмѣсто прежнихъ приказовъ, вообще въ самой мысли о коллегіальномъ устройствѣ мѣстъ управленія высказалось убѣжденіе Петра, что соблюденіе законности, устраненіе произвола въ дѣлѣ постояннаго управленія важнѣе даже, чѣмъ быстрота дѣйствія и строгая дисциплина въ административной арміи. Что каждый членъ даже высшихъ управленій есть только орудіе, вполнѣ зависящее отъ своего начальника, что губернаторъ есть *хозяинъ* губерніи, что всѣ сословія народа должны быть только тѣнями предъ всемогуществомъ бюрократіи, не имѣя ни легальныхъ средствъ защиты даже противъ ея злоупотребленій, ни возможности привлекать ее къ отвѣтственности, хотя бы передъ высшимъ начальствомъ — все это такіе принципы, которыхъ не только не раздѣлялъ Петръ, но которые установились впослѣдствіи, прямо въ противоположность всѣмъ его начинаніямъ. Онъ именно заботился не о дисциплинѣ и безотвѣтственности бюрократіи, а напротивъ хотѣлъ окружить ее условіями отвѣтственности и съ этой цѣлью ввелъ учрежденіе „фискаловъ", то-есть областныхъ прокуроровъ, которые должны были тайно слѣдить за дѣйствіями администраціи и обличать виновныхъ передъ сенатомъ. Притомъ такихъ фискаловъ онъ хотѣлъ имѣть не полицейскаго свойства, а именно изъ мѣстныхъ жителей, пользующихся общимъ уваженіемъ, какого бы ни было *чина*, то-есть сословія, а въ особенности изъ купечества; онъ много заботился объ этомъ учрежденіи и нѣсколько разъ предписывалъ, чтобы при выборѣ фискала прежде всего руководствоваться пріисканіемъ „добраго" человѣка. Въ какой мѣрѣ

позднѣйшая практика управленія отступила отъ основныхъ мыслей Петра—это видно хотя бы уже изъ того, какой смыслъ общество должно было придать слову „фискалъ" впослѣдствіи, между тѣмъ какъ первоначально это названіе (отъ fiscus, казна) означало только блюстителя государственнаго интереса. Онъ заботился создать въ государствѣ сословія самостоятельныя: дворянство посредствомъ майоратовъ, и въ особенности купечество и городское сословіе, посредствомъ дарованія этому сословію собственнаго управленія и суда, и полнаго изъятія его отъ власти бюрократіи не только по дѣламъ сословнымъ, какъ то допустила и Екатерина II-я, но по всякимъ гражданскимъ и даже уголовнымъ дѣламъ. Управленіе и провинціею, и городами Петръ хотѣлъ отдать въ руки этихъ сословій: благоустройство провинцій — въ руки дворянства, благоустройство городовъ — въ руки городского сословія, предоставляя ему самому учреждать городскую полицію и вполнѣ ею завѣдывать.

Вотъ тѣ основанія для нормальнаго управленія государствомъ, какія Петръ считалъ пригодными для Россіи уже въ свое время. Совокупность ихъ не только не представляетъ системы централизаціи и бюрократіи, но напротивъ, заключаетъ въ себѣ многія сѣмена сознательно-подготовляемой прямо-противоположной системы. Людямъ, которые имѣютъ только смутное понятіе о дѣлахъ Петра и его намѣреніяхъ, разумѣется, достаточно вспомнить про казни и про учрежденіе табели о рангахъ, чтобы Петръ являлся имъ представителемъ деспотизма и основателемъ бюрократизма. Но кто сколько-нибудь вникалъ въ дѣятельность преобразователя, тотъ усматривалъ въ ней двѣ стороны: одну временныхъ мѣръ, внушенныхъ необходимостью и суровостью нравовъ, другую — мѣръ постоянныхъ, организаторскихъ, которыя съ бюрократизмомъ не имѣли ничего общаго. Табель о рангахъ сама по себѣ не создавала сословія. Напротивъ, предполагалось, что служить будутъ преимущественно дворяне, которые и были обязаны вѣчною службой, а сословіе дьяковъ, подъячихъ и т. д. существовало и прежде. Табель о рангахъ была съ одной стороны послѣднимъ ударомъ мѣстничеству, а съ другой—она только освящала прежнее начало, что нѣтъ знатности наслѣдственной, знатности внѣ службы и пріобрѣтаемаго ею почета. И боярская знатность давала дѣтямъ бояръ только право на пріобрѣтеніе въ свою очередь почета службою; а тѣ роды, которые переставали служить „молодали" и „худали", и обращались въ массу народа. Табель о рангахъ не вводила иного принципа, какъ только этотъ же самый, пригодившійся Петру именно для созданія образованнаго служилаго сословія. Дворяне обязаны были учиться грамотѣ, счету и геометріи и служить; кто не учился и стало быть не могъ быть годнымъ на службу, тому прямо запрещено было жениться, такъ чтобы внѣ службы и образованія

дворянство совсѣмъ не могло и существовать. Все новое, чтó заключалось въ табели о рангахъ, было установленіе почетныхъ титуловъ гражданскихъ, морскихъ и горныхъ, соотвѣтственныхъ военнымъ и придворнымъ, то-есть единственнымъ существовавшимъ до того времени. А между тѣмъ, табель о рангахъ давала возможность нѣсколько ограничить фаворитизмъ въ раздачѣ мѣстъ, о чемъ Петръ также заботился, грозя въ генеральномъ регламентѣ коллегій „галерной работою“ за назначеніе изъ дружбы и корысти недостойнаго или неискуснаго человѣка на „упалое“, вакантное мѣсто. Съ этой цѣлью, Петръ при помощи табели о рангахъ, могъ ввесть къ намъ шведское начало, еще теперь отчасти дѣйствующее въ Финляндіи о баллотированіи чиновниковъ. Въ чины онъ позволилъ производить безъ баллотировки только до коллежскаго совѣтника, а выше не иначе какъ баллотировкою въ сенатѣ. А такъ какъ чину первоначально строго соотвѣтствовало опредѣленное мѣсто, то развитіемъ такого порядка назначенія можно было достигнуть многого, чтó совершенно устранилось при послѣдующихъ ближайшихъ царствованіяхъ, когда все было основано на фаворитизмѣ.

Итакъ, Петръ впервые создалъ у насъ такой высшій правительственный авторитетъ въ государствѣ, который, будучи подчиненъ самодержавной власти, дѣйствовалъ и внѣ ея, какъ самостоятельный, высшій органъ управленія, соединяя въ себѣ аттрибуціи нынѣшнихъ государственнаго совѣта, комитета министровъ и судебнаго сената. Своему сенату Петръ поручилъ самодѣятельную власть, какой не имѣла царская дума, велѣлъ только важнѣйшія дѣла представлять на утвержденіе государя, съ мнѣніемъ, а прочія рѣшать окончательно, и въ этомъ смыслѣ назвалъ его „правительствующимъ“; запретилъ жаловаться на рѣшенія сената и предоставилъ сенату обсужденіе и обнародованіе утвержденныхъ государемъ законовъ и указовъ, какъ государевыхъ, данныхъ сенату, такъ и сенатскихъ, даваемыхъ всѣмъ прочимъ мѣстамъ, повелѣвъ сенату печатать и разсылать указы. Такимъ образомъ, законодательство впервые становилось гласнымъ. Въ прямомъ подчиненіи сенату находились всѣ отрасли управленія; во главѣ каждой изъ нихъ стояло коллегіальное мѣсто. Послѣ Петра, какъ сейчасъ увидимъ, сенатъ вскорѣ утратилъ это всеобъемлющее значеніе и никогда не получилъ его вновь. А въ свое время учрежденіе такого органа въ государствѣ представляло такой шагъ, съ которымъ не можетъ сравниться ни одно изъ послѣдовавшихъ когда-либо послѣ Петра преобразованій въ сферѣ высшаго управленія государствомъ. Правда, императоръ Александръ I-й учредилъ государственный совѣтъ и комитетъ министровъ, съ министерствами, подчиненными этимъ установленіямъ, чтó, отчасти, соотвѣтствовало мысли Петра. Но, во-первыхъ, этотъ шагъ, въ началѣ XIX-го столѣтія, не былъ уже такъ

новъ и такъ значителенъ, какъ шагъ, сдѣланный Петромъ цѣлымъ вѣкомъ раньше, въ учрежденіи сената. Во-вторыхъ, совокупность учрежденій императора Александра все-таки существенно отступала отъ мысли Петра: государственный совѣтъ, правда, сталъ подчиненнымъ государю законодательнымъ собраніемъ, каковъ былъ сенатъ Петра; сверхъ того, государственному совѣту поручено было разсматривать смѣты высшихъ управленій и финансовые отчеты, что тоже соотвѣтствовало мысли Петра. Но этимъ и ограничивается сходство. Государственный совѣтъ не получилъ никакой самодѣйствующей власти, ему не было предоставлено полагать никакихъ собственныхъ рѣшеній, а только представлять мнѣнія на утвержденіе верховной власти; сенату Петръ прямо подчинилъ коллегіи, и хотѣлъ, чтобы сенатъ наблюдалъ за ними и судилъ ихъ дѣйствія, не только вслѣдствіе обжалованія частными лицами, но въ видѣ постояннаго административнаго надзора, въ смыслѣ не судебномъ только, но и правительственномъ; однимъ словомъ, онъ установлялъ отвѣтственность коллегій передъ сенатомъ. Государственному же совѣту такой власти вовсе предоставлено не было, и дѣйствія министровъ вовсе не были подчинены ему, за исключеніемъ внесенія проектовъ законовъ и годовыхъ финансовыхъ отчетовъ и бюджетовъ. Правда, въ случаѣ возбужденія вопроса объ отвѣтственности министра, вопросъ этотъ, по волѣ верховной власти, можетъ быть переданъ въ государственный совѣтъ на разсмотрѣніе, на основаніи учрежденія этого мѣста. Но самъ государственный совѣтъ такого вопроса возбудить не можетъ, и законъ, исчисляя способы, какими можетъ открыться незаконное дѣйствіе министровъ, именно о государственномъ совѣтѣ и не упоминаетъ. Административнымъ надзоромъ государственный совѣтъ облеченъ не былъ, и высшимъ административнымъ мѣстомъ сдѣланъ былъ не онъ, а другое учрежденіе, именно комитетъ министровъ. Но и комитетъ министровъ, по отношенію къ министрамъ, поставленъ былъ совсѣмъ въ иное положеніе, чѣмъ сенатъ Петра къ его коллегіямъ: комитету министровъ не было дано иниціативы въ возбужденіи вопросовъ о дѣйствіяхъ отдѣльныхъ управленій, развѣ только при разсмотрѣніи отчетовъ, и сверхъ того, комитетъ министровъ былъ составленъ изъ самихъ же министровъ, между тѣмъ какъ сенатъ, по мысли Петра, долженъ былъ состоять изъ лицъ свободныхъ отъ дѣлъ управленія, а не изъ главъ его, потому что—вопрошалъ онъ: „какъ могутъ сами себя судить?" Правда, Петръ дважды приказывалъ все-таки президентамъ коллегій сидѣть въ сенатѣ, но именно только „за малолюдствомъ", и это было только отступленіемъ, которое нисколько не нарушало весьма ясно выраженной имъ мысли о томъ, чѣмъ сенату слѣдовало быть. Наконецъ, и самый составъ министерствамъ былъ данъ не коллегіальный, а бюрократическій; коллегіальный принципъ въ учреж-

деніи министерствъ является только на второмъ пла
подчиненіи принципу бюрократическому. Итакъ, учре
менѣе полноправныхъ, менѣе самостоятельныхъ учр
дѣляя между ними тѣ аттрибуціи, какія имѣлъ сен
императоръ Александръ I и въ началѣ XIX-го вѣка не
учрежденія равносильнаго, равнозначущаго тому, какое создалъ
Петръ въ началѣ XVIII-го столѣтія.

Присмотримся теперь ближе къ той организаціи, какую Петръ I-й имѣлъ въ виду для управленія мѣстнаго, и посмотримъ, въ какое отношеніе онъ предпринялъ поставить органы этого управленія къ обществу. Здѣсь, въ этой сферѣ, еще болѣе, чѣмъ гдѣ-либо выказывается полнѣйшее различіе взглядовъ Петра со взглядами всѣхъ его преемниковъ, до настоящаго царствованія исключительно. Для устройства мѣстнаго управленія Петръ въ весьма значительной степени разсчитывалъ на общественный, т.-е. на сословный элементъ; преемники же его, не исключая и Екатерины II-й, къ управленію государствомъ этотъ элементъ не привлекали вовсе. Это различіе можетъ быть объяснено уже тѣмъ, что Петръ былъ геній, произведенный русскою землей, а не умъ, воспитанный на понятіяхъ, чуждыхъ народнымъ преданіямъ.

Быть можетъ, видя участіе выборнаго, земскаго элемента въ провинціальномъ управленіи въ нѣкоторыхъ странахъ на Западѣ, Петръ и не возъимѣлъ бы мысли перенесть въ нашу губернію шведскую ландратскую коллегію. Но такъ какъ преданіе объ участіи земскаго элемента въ мѣстномъ управленіи еще держалось въ московскомъ государствѣ, такъ какъ еще Грозный до нѣкоторой степени воскресилъ древнее славянское начало въ губныхъ управленіяхъ, старостахъ и цѣловальникахъ, то тѣмъ ближе могла быть Петру мысль объ устройствѣ мѣстнаго управленія именно на этомъ началѣ. Въ томъ видѣ, какъ онъ это первоначально сдѣлалъ, онъ не только не отступалъ назадъ отъ мысли Ивана IV-го, но напротивъ, давалъ ей болѣе общее и широкое примѣненіе. Въ самомъ дѣлѣ, выборное губное управленіе ограничивало власть воеводъ собственно только по судебнымъ и денежнымъ дѣламъ; Петръ же основалъ все управленіе губерніею на выборномъ началѣ. Учреждая губерніи, раздѣленныя потомъ на провинціи, Петръ поставилъ во главѣ губерніи ландратскую коллегію, которая и должна была рѣшать всѣ дѣла, такъ что губернаторъ безъ нея не могъ рѣшать ничего, точно также какъ президентъ коллегіи не могъ ничего рѣшать безъ коллегіи. Указомъ 20-го января 1714-го года онъ велѣлъ „ландратовъ выбирать въ каждомъ городѣ или провинціи *всѣми дворяны* за ихъ руками". По указу 24-го апрѣля 1713, велѣно было „учинить ландратовъ въ большихъ городахъ по 12, въ среднихъ по 10, въ меньшихъ по 8; дѣло ихъ то, что они всѣ дѣла

съ губернаторомъ дѣлать и подписывать, и губернаторъ у нихъ *не яко властитель*, но яко президентъ, и имѣть оному только два голоса, а прочимъ по одному, и *никакою дѣла безъ оныхъ не дѣлать*". При этомъ, дѣла посадскихъ людей, т.-е. собственно городского сословія, были съ самаго начала изъяты изъ вѣдѣнія ландратской коллегіи, и оставлены въ вѣдѣніи выборныхъ бурмистерскихъ управленій. Вотъ какое устройство Петръ первоначально хотѣлъ дать губернской администраціи. Но учрежденіе это не удалось, оттого ли что Петръ „не нашелъ людей", какъ вообще думаютъ, или оттого, что его взглядамъ на лучшее, нормальное устройство управленія должно было мѣшать исполненіе главной его задачи—реформы и государства и общества. По убѣжденію, въ теоріи, Петръ склонялся къ привлеченію общества въ дѣло управленія и, какъ видно изъ учрежденія ландратскихъ коллегій, хотѣлъ дать губернскому управленію выборный, хотя и сословный характеръ. Но какъ авторъ реформы, которая въ обществѣ встрѣчала сопротивленіе или хотя бы только апатію, онъ долженъ былъ на практикѣ убѣждаться, что еще нельзя было разсчитывать на содѣйствіе реформѣ со стороны того общества, которое было нерасположено къ ней, было до нѣкоторой степени даже возмущено ею. Достаточно указать на одинъ примѣръ: кáкъ могли ландраты, выбранные дворянами, исполнять приказаніе о переписи молодыхъ дворянъ и о высылкѣ ихъ на смотръ, для отправленія въ ученье, а потомъ на службу, когда сами дворяне смотрѣли на отправленіе молодыхъ людей за границу, какъ на обреченіе ихъ душевной и тѣлесной погибели? Правда, ландратами могли быть только такіе дворяне, которые сами бывали на службѣ; но бывъ избраны своимъ сословіемъ, они все-таки должны были отражать въ своихъ дѣйствіяхъ расположеніе этого сословія.

Вотъ почему въ губернскомъ учрежденіи, съ 1720-го года, губернаторъ является уже безъ коллегіи, и начальникъ провинціи, воевода, вмѣстѣ съ губернаторомъ являются обыкновенными намѣстниками верховной власти; затѣмъ элементъ земскій заключенъ былъ только въ сферу сборовъ податей, и такимъ образомъ ограничивъ губернаторовъ и воеводъ только въ сферѣ финансовой—земскими камерирами и рентмейстерами, и въ сферѣ судебной — учрежденіями нижнихъ и надворныхъ судовъ, а въ остальномъ сдѣлавъ ихъ полновластными, Петръ возвратился въ сущности къ той самой организаціи, какая существовала, хотя и въ иной формѣ, но съ тѣмъ же смысломъ, уже до него въ московскомъ государствѣ. Впрочемъ, такъ какъ суды онъ не успѣлъ ввести вездѣ, то губернаторы во многихъ мѣстностяхъ сохранили и судебную власть. Но такое отступленіе отъ первоначальной мысли нисколько не измѣняетъ факта, что, по убѣжденію Петра,

идеаломъ мѣстнаго управленія должно было служить управленіе выборное, хотя и сословное.

Еще съ большею ясностью и полнотою это убѣжденіе Петра проявилось въ его стараніяхъ создать независимое городское сословіе и въ его попеченіяхъ о томъ, чтобы предохранить это сословіе, которому онъ придавалъ великое значеніе, отъ произвола административныхъ властей. Съ этой цѣлью онъ рѣшился изъять купеческое и вообще городское сословіе вовсе изъ вѣдѣнія губернаторовъ и воеводъ, и образовать изъ него настоящій status in statu, при чемъ первое status слѣдуетъ понимать въ смыслѣ сословія совершенно самостоятельнаго и самоуправляющагося. Въ 1720 году Петръ учредилъ въ наиболѣе значительныхъ городахъ магистраты, изъ избираемыхъ городскимъ сословіемъ членовъ (бурмистровъ) и президентовъ. Но этого было мало; Петръ хотѣлъ сплотить все городское сословіе государства въ одно цѣлое, и съ этой цѣлью подчинилъ всѣ магистраты другихъ городовъ главному магистрату, въ Петербургѣ, который былъ вмѣстѣ и петербургскій магистратъ и состоялъ наполовину изъ иностранцовъ. Петръ, очевидно, надѣялся, что такимъ образомъ принципъ городской сословной независимой дѣятельности привьется русскимъ городамъ именно при участіи этихъ иностранцовъ. Оберъ-президента главнаго магистрата, то-есть, какъ бы предводителя всего средняго въ государствѣ сословія, назначалъ самъ государь, и первымъ такимъ оберъ-президентомъ былъ назначенъ кн. Трубецкой. Этотъ главный магистратъ былъ необходимъ уже какъ высшая инстанція суда для городскихъ жителей, такъ какъ магистраты вѣдали городское сословіе во всѣхъ отношеніяхъ, т.-е. и въ промыслахъ, и въ городскомъ благоустройствѣ, и въ гражданскихъ и уголовныхъ судебныхъ дѣлахъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ городское сословіе было совершенно изъято изъ-подъ власти коронной администраціи, и подчинялось въ высшей инстанціи центральному городовому учрежденію, именно главному магистрату, который принималъ мѣры для развитія промысловъ и торговли и разсматривалъ приговоры прочихъ магистратовъ и вообще наблюдалъ за ихъ дѣйствіями. Главный магистратъ не былъ подчиненъ даже и коллегіямъ а непосредственно сенату. Регламентъ главнаго магистрата, изданный 16-го января 1721 года, повелѣвалъ, чтобы главный магистратъ „вѣдалъ всѣхъ людей купецкихъ судомъ и о нхъ дѣлахъ доносилъ сенату, и сію (всего россійскаго купечества) разсыпанную храмину паки собралъ“. Главный магистратъ долженъ былъ учредить магистратъ во всѣхъ городахъ, снабдить его уставомъ, учредить добрую полицію, размножить купечество и мануфактуры. На первый разъ, въ Петербургѣ, члены магистрата были опредѣлены правительствомъ, а потомъ велѣно постепенно въ магистраты выбирать изъ гостей и гражданъ; выборы про-

изводились созваніемъ во всякомъ городѣ бурмистровъ и первыхъ мірскихъ людей. Такимъ образомъ, городъ самъ избралъ магистратъ, который былъ и судъ городского сословія, и вмѣстѣ „начальство, правленіе“ города.

Мотивъ къ изъятію всего городского сословія отъ власти воеводъ и вообще коронной администраціи, вполнѣ ясно высказанъ въ томъ же регламентѣ при опредѣленіи судебнаго значенія магистратовъ: „хотя судныя дѣла во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ въ смотрѣніи и вѣденіи подлежатъ въ Юстицъ-Коллегіи; однакожъ понеже купецкіе и ремесленные тяглые люди во всѣхъ городахъ обрѣтаются не токмо въ какомъ призрѣніи, но паче ото всякихъ обидъ, нападковъ и отягощеній несносныхъ едва не всѣ разорены, отъ чего оныхъ весьма умалилось, и уже то есть не безъ важнаго государственнаго вреда. Того ради, милосердуя его царское величество объ оной, яко разсыпанной храминѣ, указалъ: всѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ людей во всѣхъ дѣлахъ судомъ и расправою и татиными, и разбойными и убивственными дѣлами вѣдать (кромѣ великихъ государственныхъ дѣлъ) въ главномъ магистратѣ“. Благоустройство въ городахъ, то-есть полиція въ обширномъ и въ тѣсномъ смыслѣ этого слова поручалась магистратамъ, и только для установленія новыхъ порядковъ или правилъ имъ предписывалось сноситься съ подлежащими коллегіями. Всѣмъ и въ настоящее время извѣстно опредѣленіе полиціи, сдѣланное Петромъ I, именно, что она всякіе порядки устраиваетъ, всякіе безпорядки отсѣкаетъ или отгоняетъ, но далеко не всѣмъ извѣстно, что въ этомъ опредѣленіи Петръ разумѣлъ полицію не въ тѣсномъ, а въ обширномъ смыслѣ слова; это опредѣленіе существа полиціи находится въ регламентѣ главнаго магистрата, и означаетъ вовсе не то, что Петръ всѣ порядки отдавалъ въ распоряженіе полицейскихъ чиновъ, состоящихъ въ вѣдѣніи администрація; опредѣленіе полиціи онъ сдѣлалъ тамъ въ смыслѣ благоустройства, а все попеченіе о благоустройствѣ въ городахъ онъ поручилъ магистратамъ, которые сами должны были учредить полицію и завѣдывать ею—постановленіе чрезвычайно важное, которое послѣ Петра исчезло безслѣдно, и не было возстановлено никогда. Только въ обѣихъ столицахъ Петръ учредилъ коронную полицію, подчиненную полицмейстерскимъ канцеляріямъ. Вообще же власть магистратовъ опредѣлена была такъ: „понеже магистратъ, яко глава и начальство есть всему гражданству, то онаго должность состоитъ въ томъ, еже судить гражданъ, содержати въ своемъ смотрѣніи полицію, положенные съ нихъ доходы сбирать и отдавать по указамъ и учреждать всю экономію города“. Магистраты относились только къ главному магистрату, и губернаторамъ и воеводамъ въ городскихъ дѣлахъ и городскомъ хозяйствѣ и судѣ подчинены не были. „Также не подлежитъ“, говоритъ регламентъ, „ни

гражданскому, ни военному начальнику гражданина къ своему суду (въ канцелярію) позывать; но надлежитъ на такого (мѣщанина) въ магистратъ бить челомъ".

Итакъ, вотъ общія черты управленія государствомъ по первоначальной мысли Петра Великаго: подъ верховной властью самостоятельный высшій правительственный авторитетъ въ государствѣ, представитель закона — сенатъ; центральныя управленія съ коллегіальнымъ устройствомъ подъ прямымъ и постояннымъ надзоромъ сената; выборной принципъ отчасти уже на высшихъ степеняхъ администраціи предоставленіемъ сенату баллотировать кандидатовъ въ чины, начиная съ коллегіи совѣтника; все управленіе губерніями въ рукахъ коллегіи, избранной дворянами, съ президентами отъ правительства; наконецъ, городское управленіе въ рукахъ выборныхъ городскихъ магистратовъ, съ подчиненіемъ ихъ особому высшему мѣсту, главному магистрату, и съ изъятіемъ всего купеческаго и ремесленнаго сословія отъ вѣдѣнія бюрократіи, для сохраненія его „яко разсыпанной храмины" и соединеніемъ въ одно цѣлое въ государствѣ. Это ли творецъ системы централизаціи и бюрократіи? Замѣтимъ еще, что началу выборному, общественному, Петръ давалъ такую цѣну, что внесъ его въ сферу наименѣе доступную этому началу, а именно — въ армію. Онъ установилъ производство въ оберъ-офицерскіе чины не иначе какъ по выбору и засвидѣтельствованію всѣхъ офицеровъ полка, а въ штабъ-офицерскіе чины — по выбору и засвидѣтельствованію генераловъ и штабъ-офицеровъ всей дивизіи, „что той шаржи достоинъ". При томъ же (указъ 14 апрѣля 1714 г.) предписывалось, „чтобы выбирали ни для какой страсти, но правдою".

Дворянство Петръ принуждалъ служить, но все-таки хотѣлъ, чтобы изъ этого, прошедшаго службу, а стало быть пріобрѣтшаго начальное образованіе, дворянства образовалось самостоятельное сословіе, для чего и придумалъ ввесть учрежденіе майората, но не въ видѣ особыхъ разрѣшеній нѣкоторымъ родамъ, по особой милости, а въ видѣ общей мѣры съ тою именно цѣлью, чтобы облегчить тягость крѣпостныхъ, и чтобы создать самостоятельное сословіе вліятельныхъ дворянъ. Мысль эта, правда, была весьма нераціональна; но во всякомъ случаѣ и она свидѣтельствуетъ, что Петръ вовсе не былъ расположенъ ко всеуравнивающей, всесглаживающей системѣ бюрократіи, а ожидалъ развитія государства отъ созданія въ немъ крѣпкихъ, самостоятельныхъ сословій. Такая мысль не могла придти ни Павлу Петровичу, ни Александру I, не потому одному что была нераціональна, но потому, что не подходила подъ тотъ взглядъ, который уже установился въ ихъ время.

Правда, среди великихъ преобразованій Петра является важный пробѣлъ; онъ ничего не сдѣлалъ для освобожденія массы народа, для

отмѣны крѣпостного права. Напротивъ, онъ неоднократно дѣлалъ распоряженія о возвращеніи бѣглыхъ къ ихъ помѣщикамъ, и такія распоряженія сопровождались обычной его суровостью; бѣглые были наказываемы кнутомъ и возвращаемы подъ воинскимъ конвоемъ. Но отмѣна крѣпостного права, освобожденіе народа было бы само по себѣ такимъ радикальнымъ переворотомъ въ установившихся уже условіяхъ народной жизни, что едва ли Петръ и могъ предпринять его одновременно со всѣми другими преобразованіями. Чтобы только приступить къ тому чтó онъ сдѣлалъ, онъ долженъ былъ подавить нѣсколько мятежей, рискуя жизнью. Возможно ли было ожидать, чтобы онъ усложнилъ свою непосредственную задачу такимъ дѣломъ, которое очевидно должно было стать задачею будущаго, и это когда же: въ то время, когда и во Франціи и въ особенности въ Германіи крѣпостная зависимость крестьянъ еще существовала. Вспомнимъ, что Пруссія окончательно покончила съ этимъ дѣломъ не ранѣе, какъ послѣ наполеоновскаго погрома. Въ оправданіе Петра можно по крайней мѣрѣ сказать, что онъ не расширилъ вновь области, въ которой уже существовала язва рабства, между тѣмъ какъ Екатерина II ввела крѣпостное право въ Малороссію, и тысячи вольныхъ людей обратила въ крѣпостныхъ въ изъявленіе своей милости къ разнымъ лицамъ. Но что Петръ лично не считалъ наше „домашнее учрежденіе" чѣмъ-либо неприкосновеннымъ, что онъ понималъ его злоупотребленія и желалъ облегчить положеніе несчастнаго народа, это видно изъ фактовъ. Въ указѣ 1714-го года объ учрежденіи майоратовъ говорится, что „фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе домы", а младшіе сыновья „не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, *торгами* и прочимъ". Первымъ мотивомъ приведенъ тотъ, что крестьяне особенно отягощены именно у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, и что тотъ сынъ, которому по избранію отца оставлено будетъ все имѣніе нераздѣльно „можетъ лучше льготить подданныхъ, а не разорять". Указомъ же 1721-го года Петръ принялъ такую мѣру, которая осталась впослѣдствіи неисполненною, и была осуществлена не ранѣе, какъ въ прошлое царствованіе, и то только рядомъ постепенныхъ ограниченій; онъ повелѣвалъ „продажу людей пресѣчь; а если нельзя ужъ совсѣмъ, то продавать цѣлыми семьями, а не порознь, чего во всемъ свѣтѣ не водится".

Ломка учрежденій, предначертанныхъ великимъ преобразователемъ, началась очень скоро. Она не потребовала много времени, такъ какъ Петръ, имѣя на рукахъ громадную работу по всѣмъ отраслямъ жизни государства, не успѣлъ дать надлежащей прочности учрежденіямъ, и въ томъ, чтó касалось губернскаго управленія, какъ мы видѣли, самъ уклонился отъ первоначальной своей мысли. Первое, чтó не по-

нравилось преемникамъ Петра это было именно полновластіе сената, который, находясь въ подчиненіи у одной только верховной власти, рѣшалъ всѣ государственныя дѣла, частью самостоятельно, частью съ утвержденія государя, но соединяя всѣ эти дѣла въ себѣ. Ближайшіе преемники Петра отнимали у сената участіе именно въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, сосредоточивая ихъ въ придворномъ, чисто-совѣщательномъ учрежденіи, которое напоминало отчасти прежнюю царскую думу, и стояло выше сената. Уже Екатерина I-я учредила въ этомъ смыслѣ верховный тайный совѣтъ. Сенату она уже указала дѣлать по опредѣленнымъ дѣламъ „представленія" въ верховный тайный совѣтъ. Анна Іоанновна сперва возстановила права сената, но затѣмъ учредила для вѣдѣнія всѣхъ дѣлъ, восходившихъ къ верховной власти, „кабинетъ ея величества". Елисавета опять возвратила сенату прежнее значеніе, при чемъ неодобрительно отозвалась о предшествовавшемъ ограниченіи его правъ, говоря, что это сдѣлалось „вслѣдствіе происка нѣкоторыхъ", но вскорѣ и сама сдѣлала тоже самое, учредивъ „конференцію при высочайшемъ дворѣ". Петръ III отмѣнилъ эту конференцію, и передалъ административныя дѣла ея въ сенатъ, но тотчасъ учредилъ „совѣтъ при высочайшемъ дворѣ", которому и поручилъ важнѣйшія дѣла. Екатерина II также возстановила сенатъ въ правахъ, дарованныхъ ему Петромъ I, но учредила опять „совѣтъ при высочайшемъ дворѣ" и далеко не имѣла того уваженія къ сенату, какое имѣлъ Петръ, чему въ примѣръ можно привесть указъ 1763-го года. Наконецъ, съ образованіемъ при императорѣ Александрѣ государственнаго совѣта, комитета министровъ и министерствъ, сенатъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ оставался до преобразованія его отчасти въ кассаціонный судъ, судебными уставами. Что государственный совѣтъ, комитетъ министровъ и сенатъ, существуя совмѣстно, не были сдѣланы и въ совокупности своей равносильными петровскому сенату, это уже объяснено выше.

Всѣ великія мысли Петра I: предоставленіе полной самостоятельности городскому сословію и врученіе мѣстной администраціи коллегіямъ изъ выборныхъ лицъ, были совершенно устранены его ближайшими преемниками, а Екатериною II были осуществлены въ самыхъ узкихъ предѣлахъ, въ то самое время, какъ она ввела новое положеніе о губерніяхъ, которое установляло именно систему всемогущества бюрократіи и подготовило государство къ той полной системѣ бюрократической централизаціи, какую создалъ императоръ Александръ I учрежденіемъ министерствъ. Уже при Екатеринѣ I, верховный тайный совѣтъ, возникнувъ самъ въ противность мысли Петра о высшемъ управленіи государствомъ, предпринялъ сломать все его дѣло въ устройствѣ мѣстнаго самоуправленія и самоуправленія городского сословія. Подъ предлогомъ обременительности для народа слишкомъ боль-

шого числа присутственнымъ мѣстъ, конторъ и канцелярій, верховный совѣтъ съ утвержденія императрицы отмѣнилъ, конечно не себя, хотя стоилъ государству дороже всѣхъ конторъ и канцелярій, но именно всѣ тѣ присутственныя мѣста въ губерніяхъ, которыя ограничивали власть губернаторовъ и воеводъ; весь судъ и расправа были предоставлены губернаторамъ и воеводамъ, а городскіе магистраты были подчинены имъ. Итакъ, вмѣсто такой независимости для городского сословія, что воевода на мѣщанина „билъ челомъ" въ магистратѣ, а у магистрата былъ высшій заступникъ въ Петербургѣ въ лицѣ главнаго магистрата, подчиненнаго только сенату, тотъ же воевода сталъ прямымъ и безусловнымъ повелителемъ городскихъ выборныхъ властей, причемъ и полицейская власть въ городѣ, разумѣется, отошла въ полное вѣдѣніе воеводы. Меншиковъ, глава верховнаго тайнаго совѣта при Екатеринѣ I, при Петрѣ II уничтожилъ и главный магистратъ въ Петербургѣ.

Екатерина II была основательницею нашего сословнаго самоуправленія, въ томъ размѣрѣ, какъ оно существовало до земскихъ учрежденій. Какъ извѣстно, она издала учрежденіе о губерніяхъ и городовое положеніе, въ которыхъ допущенъ былъ въ извѣстной мѣрѣ элементъ выборный; сверхъ того, и до сихъ поръ большинство не безъ нѣкотораго самодовольства вспоминаетъ, что Екатерина созывала выборныхъ отъ всего государства для участія въ составленіи уложенія. Но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что Екатерина II именно и разрушила окончательно тѣ выборныя преданія, которыя существовали еще въ московскомъ государствѣ, и въ основаніе своего мѣстнаго управленія положила систему совершенно несходную съ мыслями Петра. Древнія выборныя преданія у насъ и согласныя съ ними убѣжденія Петра Великаго разумѣли выборное начало въ примѣненіи не къ тѣсному кругу внутреннихъ сословныхъ дѣлъ, но именно къ государственному мѣстному управленію, въ смыслѣ прямого участія въ немъ и ограниченія власти агентовъ администраціи. Екатерина же въ учрежденіи о губерніяхъ учредила систему бюрократіи, то-есть поглощенія всего мѣстнаго управленія коронными чиновниками, а выборное начало замкнула въ сферу внутреннихъ дѣлъ сословій, подчинивъ его и тамъ опять-таки бюрократіи. Притомъ же и въ самой коронной администраціи Екатерина старалась усилить дисциплину, единоличное начало, въ ущербъ коллегіальной самостоятельности членовъ. Екатерина отдѣлила судъ отъ коронной администраціи, но это и было единственное раздѣленіе властей, которое она признавала. Все, кромѣ суда, она сосредоточивала въ строго-дисциплинированной бюрократической іерархіи. По ея убѣжденію, управленіе губерніею должно было отражать въ себѣ управленіе всего государства верховной властью. Такимъ образомъ, изъ необходимости самодержавія для Россіи выводился тотъ

принципъ, что губернаторъ есть „хозяинъ“ своей губерніи—принципъ уже прямо противоположный принципу Петра: „не яко властитель, но яко президентъ.“ По учрежденію о губерніяхъ 1775-го года, при губернаторѣ положено губернское правленіе, но члены его уже имѣютъ только совѣщательный голосъ; это не „ландраторы“; екатерининскіе совѣтники губернскаго правленія только „разсужденіемъ своимъ уважаютъ дѣло, а потомъ исполняютъ положенія губернаторскія“. Надъ губернаторомъ, „хозяиномъ губерніи“, поставленъ былъ для большей централизаціи еще генералъ-губернаторъ или „намѣстникъ“, который, будучи довѣреннымъ лицомъ императрицы и совершенно держа въ своихъ рукахъ губернатора, давалъ всѣму мѣстному управленію характеръ непосредственнаго управленія самой верховной власти: императрица, генералъ-губернаторъ, губернаторъ и исправникъ — вотъ та сильно дѣйствующая и совершенно самостоятельная нить, которою шло управленіе даже мелкими дѣлами. Губернаторъ, безусловно подчиненный „намѣстнику“, въ свою очередь былъ сдѣланъ намѣстникомъ въ собственной губерніи. Въ полицейскихъ управленіяхъ, „нижнихъ земскихъ судахъ“ сосредоточена вся полицейская власть и исполненіе судебныхъ рѣшеній. Въ эти суды дворянству предоставлено было выбирать исправниковъ и членовъ; вотъ куда снизошелъ уже выборный земскій элементъ въ государственномъ управленіи. Вмѣсто того, чтобы избирать „ландраторовъ“, равныхъ губернатору членовъ управленія всею губерніею, отвѣтственнаго передъ сенатомъ, дворянству было предоставлено избирать исправниковъ и членовъ въ полицейское уѣздное управленіе, находящееся, въ лицѣ исправника, въ совершенномъ подчиненіи у губернатора, совершенно подчиненнаго намѣстнику, который подчинялся прямо императрицѣ, и отъ самихъ коллегій не очень зависѣлъ. Полицейская власть въ городахъ предоставлена комендантамъ, полиціймейстерамъ и городничимъ. Такимъ образомъ, именно Екатериною мѣстное управленіе установлено на полной, сознательной системѣ безусловнаго бюрократизма.

Судебную власть Екатерина отдѣлила отъ административной: она учредила по двѣ инстанціи сословныхъ судовъ дворянскихъ, городскихъ и сельскихъ. Всѣ эти суды не рѣшали и въ высшей инстанціи такихъ дѣлъ, которыя рѣшаются теперь мировымъ судьей; всѣ важнѣйшія дѣла подлежали гражданской и уголовной палатамъ, мѣстамъ правительственнымъ. О той же сферѣ, какая предоставлена была Екатериною выборному земскому элементу грамотою дворянству и городовымъ положеніемъ, мы говорить не будемъ: за исключеніемъ раскладки повинностей, имъ предоставлены были только дѣла сословныя, а вовсе не участіе въ мѣстномъ государственномъ управленіи.

Для составленія уложенія Екатерина II вызывала депутатовъ отъ всего государства. Но не говоря уже объ исходѣ этой коммиссіи, за-

мѣтимъ, что она и не представляла ничего дотолѣ невиданнаго: еще при Екатеринѣ I въ коммиссію уложенія были призваны по два человѣка изъ сословій, въ томъ числѣ и изъ магистратовъ; при Елисаветѣ Петровнѣ велѣно было вызывать къ слушанію уложенія изъ каждой провинціи выборныхъ отъ дворянства и купечества.

Учрежденіе о губерніяхъ, данное Екатериною II, въ существенныхъ чертахъ продержалось до новѣйшихъ реформъ. Самой характеристической чертой его было именно установленіе „намѣстниковъ" или генералъ-губернаторовъ, которое представляло принципъ строгой дисциплины, полнѣйшаго подчиненія всѣхъ мѣстныхъ учрежденій всесильному *лицу*. Эта мысль прочно принялась; ее оставилъ и еще развилъ императоръ Александръ, и окончательно опредѣленная положеніемъ 1837-го года, она примѣнялась строго до настоящаго царствованія. Все время реакціи, со второй половины царствованія Александра, заботливо сохраняло именно екатерининскую мысль о генералъ-губернаторахъ, какъ самыхъ надежныхъ органахъ исключительнаго господства бюрократіи. Но при Александрѣ I сдѣланъ былъ важный шагъ дальше, уже собственно въ смыслѣ централизаціи. Полновластіе генералъ-губернатора представлялось желательнымъ по отношенію къ подчиненному ему краю. Но по отношенію къ высшему правительству самое это полновластіе генералъ-губернаторовъ, дѣлавшее ихъ почти независящими отъ коллегій, казалось еще чѣмъ-то „нестройнымъ", какою-то формою какъ бы „самоуправленія" мѣстнаго. Съ цѣлью ввесть полнѣйшую, строго-разсчитанную централизацію, императоръ Александръ перенесъ къ намъ французское учрежденіе министерствъ, при чемъ конечно не могъ позаимствовать изъ Франціи тѣхъ учрежденій и того духа, которые тамъ хотя не ограничивали невыгоды централизаціи, но направляли ее ближе къ общественнымъ потребностямъ.

Такимъ образомъ, вмѣсто соединенія высшаго государственнаго управленія наверху въ одно, полноправное мѣсто — сенатъ, и устройства управленія областного на началѣ самостоятельности, съ участіемъ выборнаго элемента, — какъ то впервые было предположено Петромъ I, Россія окончательно пришла къ системѣ совершенно противоположной: высшее государственное управленіе было раздѣлено между нѣсколькими учрежденіями, а областное управленіе было объединено въ порядкѣ чисто-бюрократическомъ и на началѣ строгой централизаціи.

При этомъ бѣгломъ взглядѣ на исторію нашихъ учрежденій, мы ограничились именно тою стороной дѣятельности Петра, которая представляетъ въ немъ организатора государственнаго управленія. Мы вовсе не касались его великой роли преобразователя русской жизни, и внѣ рамки этого бѣглаго очерка лежитъ величественная картина внезапнаго введенія Россіи въ число первостепенныхъ европейскихъ дер-

жавъ, внезапнаго созданія въ странѣ, которая не знала ни промышленности, ни школы, всѣхъ силъ потребныхъ для исполненія ея новаго призванія. До Петра, Россія не имѣла съ Европою почти ничего общаго; при смерти Петра въ ней, правда, еще только на поверхности, но уже весьма реально кипитъ жизнь, соединяющая ее съ Европою: флотъ, регулярное войско, европейскія учрежденія, въ пять разъ увеличенные финансы даютъ ей могущество равное сильнѣйшимъ изъ сосѣдей, а надъ развитіемъ силъ внутреннихъ работаютъ школы провинціальныя и архіерейскія, и 230 фабрикъ и заводовъ, созданныхъ какъ бы волшебствомъ. Въ Россіи есть уже Академія наукъ, Россія вскорѣ по смерти Петра уже снаряжаетъ ученую экспедицію. Нынѣ же, возвращаясь отчасти и въ учрежденіяхъ на тотъ путь, который впервые былъ указанъ Петромъ, отрѣшаясь отъ поглощенія и земства и суда одною бюрократіею, видя пробужденіе выборнаго земскаго элемента, видя въ государствѣ самостоятельную власть судебную, отдадимъ же должное родоначальнику, иниціатору всего нашего развитія, Петру Великому, и будемъ помнить, къ чему онъ уже 150 лѣтъ назадъ считалъ способною Россію.

Россія не мало ушла впередъ съ того времени и недавно была свидѣтельницею, какъ совершилось то великое дѣло, за которое не могъ приняться Петръ, а именно освобожденіе и надѣлъ крестьянъ. Но еще весьма многое показываетъ намъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мы сдѣлали успѣхи менѣе быстрые, чѣмъ можно было ожидать. Прошлый мѣсяцъ какъ разъ представляетъ намъ два такихъ факта, напоминающихъ, что работа и самаго первоначальнаго свойства у насъ еще далеко не додѣлана. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано утвержденное министромъ народнаго просвѣщенія положеніе объ учительскихъ семинаріяхъ, при учебныхъ округахъ. Образованіе въ массѣ народа — вотъ область, въ которой мы со времени Петра меньше всего подвинулись впередъ. Правда, теперь хотятъ, наконецъ, приняться за приготовленіе учителей для массы народа, между тѣмъ какъ Петръ озабочивался приготовленіемъ такихъ же первоначальныхъ учителей для самаго дворянства. Но собственно въ сферѣ образованности массъ мы и теперь стоимъ очень не далеко отъ того времени. Въ какомъ положеніи находится у насъ хотя бы самая грамотность въ народѣ: всего десятый человѣкъ изъ числа молодыхъ людей умѣетъ разбирать письмо! Еще очень не давно, само министерство народнаго просвѣщенія полагалось въ дѣлѣ распространенія грамотности почти исключительно на духовенство и земство. Но земство, какъ бы велико ни было въ немъ сознаніе потребности образованія въ народѣ, по самой недостаточности средствъ далеко не вездѣ могло взяться за созданіе такихъ учрежденій, какъ учительскія семи-

наріи. Когда намъ случилось въ первый разъ упомянуть объ этой очевидной, настоятельной потребности страны, намъ возразили, что само министерство не въ состояніи осуществить значительнаго числа столь дорого-стоющихъ учрежденій, какъ эти семинаріи. Въ настоящее время рѣшено однако учредить пять такихъ семинарій при учебныхъ округахъ петербургскомъ, московскомъ, харьковскомъ, одесскомъ и казанскомъ, чтó съ двумя семинаріями, уже существующими въ округахъ виленскомъ и дерптскомъ и съ подобными же учрежденіями, основанными на частныя и земскія средства, дастъ Россіи около десятка школъ для приготовленія народныхъ учителей. Семинаріи, нынѣ предполагаемыя, будутъ заведенія открытыя, изъ которыхъ каждая будетъ имѣть 50 казенныхъ стипендіатовъ и принимать, безплатно, стипендіатовъ земства и своекоштныхъ воспитанниковъ. При этихъ семинаріяхъ будутъ состоять начальныя училища. Курсъ въ семинаріяхъ положенъ трехгодичный и обнимаетъ законъ Божій, основанія педагогики, русскій и церковно-славянскій языки, ариѳметику, основанія геометріи, землемѣріе, черченіе, русскую исторію съ понятіемъ объ исторіи всеобщей, географію Россіи и краткую всеобщую географію, главныя свѣдѣнія, необходимыя для пониманія явленій природы, чистописаніе, пѣніе, ремесла и огородничество съ садоводствомъ, по мѣрѣ возможности. Въ положеніи повторяется правило объ освобожденіи какъ воспитанниковъ этихъ семинарій, такъ и народныхъ учителей, пока они состоятъ въ такой должности, отъ всѣхъ личныхъ повинностей, въ томъ числѣ и отъ рекрутства, что вѣроятно служитъ признакомъ оставленія въ силѣ относящагося сюда закона и въ предстоящей военной реформѣ.

Относясь съ сочувствіемъ къ этому совершенно необходимому предпріятію, позволимъ себѣ указать въ новомъ положеніи только на два условія, представляющія едва ли не излишнія стѣсненія. Казенные стипендіаты обязаны по окончаніи курса прослужить не менѣе четырехъ лѣтъ въ должности учителей начальныхъ школъ, а тѣ изъ нихъ, которые пожелаютъ оставить семинарію до окончанія курса, обязываются возвратить всю сумму, выданную имъ въ видѣ стипендій. Неизвѣстно, какимъ же образомъ будутъ поступать съ тѣми, которые, не кончивъ курса по неспособности, не возвратятъ этой суммы по недостатку средствъ? Оставлять учениковъ въ одномъ курсѣ допускается не болѣе двухъ лѣтъ, и то только однажды въ теченіи всего срока ученья. Стало быть, уволенныхъ за неспособностью, и противъ своей воли будетъ не мало; неужели же съ нихъ будутъ взыскивать сумму за неконченное ученье точно такъ, какъ вообще взыскиваются съ крестьянъ недоимки? И почему служить именно 4 года за курсъ 3-хъ годичный? Другое стѣсненіе касается исповѣданія директоровъ и наставниковъ въ семинаріяхъ; положеніе безусловно требуетъ, чтобы всѣ они были православнаго исповѣданія; для чего нужно это правило,

которое прямо устранить отъ этого дѣла родившихся въ Россіи нѣмцевъ? Сколько намъ извѣстно, это будутъ первыя свѣтскія учрежденія въ Россіи, гдѣ директоръ будетъ обязательно принадлежать къ одному исповѣданію. Еслибы Петръ Великій держался такого принципа, до котораго мы доросли теперь, чрезъ 200 лѣтъ послѣ его рожденія, то вѣроятно образованность у насъ не сдѣлала бы и тѣхъ успѣховъ, какіе мы видимъ. По мнѣнію Петра В., „чужой добрый лучше своего негоднаго".

Другой фактъ, о которомъ мы должны сказать нѣсколько словъ, фактъ прискорбнаго свойства, это — такъ-называемая „харьковская исторія". Что изъ-за вздорнаго повода нѣсколько человѣкъ лишились жизни, а нѣсколько десятковъ человѣкъ изранено—это представляетъ само по себѣ плачевное обстоятельство. Но въ немъ обнаруживается еще и заслуживающая строгаго порицанія наклонность нашихъ низшихъ представителей власти: считать себя уполномоченными на всякое насиліе, хотя бы вызванное ихъ же виною, въ силу того преданія, унаслѣдованнаго ими отъ долгаго господства „бюрократической непогрѣшимости", что всякъ носящій мундиръ есть прежде всего лицо карающее и усмиряющее безъ всякой отвѣтственности. Этотъ частный приставъ, давящій толпу, гдѣ были женщины и дѣти, своими пожарными повозками, эти солдаты, стрѣляющіе безъ команды, одинаково олицетворяютъ въ себѣ это давнишнее преданіе, что при малѣйшей возможности представить своихъ противниковъ въ видѣ бунтовщиковъ, а себя въ видѣ возстановителей „порядка", наши низшіе агенты считаютъ себя уполномоченными на всякое насиліе, на всякій безпорядокъ, полагаясь вполнѣ на безотвѣтственность.

На этотъ разъ они обманулись—и это представляетъ утѣшительную сторону харьковскаго дѣла. Въ публикѣ при первыхъ извѣстіяхъ о немъ слышалось опасеніе, что высшее управленіе приметъ подъ защиту своихъ агентовъ, какъ бы они виновны ни были, и такое опасеніе, надо сказать правду, объяснялось тою долговременною у насъ административною практикою, которая на всякое сопротивленіе, хотя бы незаконному дѣйствію какого-нибудь пожарнаго, смотрѣла какъ на бунтъ противъ государства. Какъ бы ни была велика вина низшихъ агентовъ въ происхожденіи безпорядковъ, достаточно было, чтобы безпорядки произошли, и тотчасъ же къ дѣлу примѣнялись пріемы чрезвычайные, взгляды „высшаго свойства", точно какъ въ послѣ-петровскій періодъ, когда кто-нибудь прокричалъ „слово и дѣло". Но правительство отнеслось къ харьковской исторіи совсѣмъ иначе. Оно взглянуло на нее хладнокровно, и съумѣло низвести „безпорядки" до настоящаго ихъ значенія, увидавъ въ нихъ именно то, что они въ дѣйствительности представляли, то-есть простую драку между полицейскими и толпой, драку, въ которой и по оффиціальному изложенію, напечатанному въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", были виновны *объ* сто-

роны. Чрезвычайныхъ мѣръ, къ счастью, принято не было, и глупой свалкѣ не было придано характера политическаго, а наоборотъ, объявлено было, что ничего политическаго въ ней не было, не было и агитаторовъ, о которыхъ поспѣшили сообщить „Московскія Вѣдомости“, вѣрныя своему почетному призванію.

Въ печати, по поводу этого дѣла, было высказано нѣсколько взглядовъ на составъ и положеніе нашей полиціи. Одни находили, что слѣдовало бы позаботиться объ улучшеніи состава полиціи въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, и это совершенно справедливо, такъ какъ извѣстно, что полиція, даже въ Одессѣ, не соотвѣтствуетъ своему назначенію, а въ нѣкоторыхъ богатыхъ и многолюдныхъ городахъ, какъ напр., Ростовъ-на-Дону, полиціи почти нѣтъ. Другіе высказывали мысль, что содержаніе, даваемое у насъ полицейскимъ чиновникамъ, такъ недостаточно, что „за эти деньги“ нельзя имѣть лучшихъ людей, и что стало быть надо увеличить содержаніе. Быть можетъ, и это справедливо. Но намъ кажется, что еслибы въ настоящее время стали доказывать наиболѣе безпристрастнымъ жителямъ города Харькова, что городъ долженъ сдѣлать такой опытъ, а именно отпускать на полицію сумму вдвое бо́льшую противъ нынѣшней, въ надеждѣ, что та полиція, болѣе дорогая, не станетъ обливать горожанъ водою и топтать ихъ колесницами, то харьковцы на это покачали бы головами.

Вопросъ объ устройствѣ полиціи въ городахъ, какъ намъ кажется, можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно только болѣе общимъ и болѣе сильнымъ пріемомъ. Образъ и пріемъ эти указаны намъ тѣмъ же Петромъ Великимъ полтора столѣтія тому назадъ: учредивъ коронную полицію для государственной безопасности въ столицахъ, Петръ обыкновенную городскую полицію, наблюдающую за благоустройствомъ города, предоставилъ въ полное распоряженіе городскихъ управленій, магистратовъ. На такую полицію всякій городъ найдетъ достаточно средствъ, потому что она будетъ и по численности и по характеру своему соотвѣтствовать наиболѣе практическимъ нуждамъ города. Такая полиція не будетъ видѣть въ каждомъ будочникѣ начальника всѣхъ прохожихъ не одѣтыхъ въ мундиръ,—начальника, съ другой стороны, занятаго, прежде всего, тѣмъ, чтобы отдавать честь всѣмъ проходящимъ въ мундирѣ. Для заботы же о государственной безопасности совершенно достаточно жандармскихъ командъ, и нѣтъ никакой нужды соединять двѣ совершенно различныя заботы въ одномъ полицейскомъ сословіи, и ставить какихъ-нибудь Шмелевыхъ на стражу государственныхъ интересовъ, болѣе прочно оберегаемыхъ у насъ преданностью народа.

НОВЫЕ СТАТИСТИЧЕСКІЕ ТРУДЫ ВЪ РОССІИ.

Самарская и Лифляндская губерніи.

Статистическія таблицы Самарской губерніи. Отдѣлъ I: 1) Составъ народонаселенія по племенамъ. 2) По вѣроисповѣданіямъ. 4) По возрасту. 5) По семейному составу и рабочимъ силамъ. Отдѣлъ II: 4) Скотоводство. 6) Жилища. Изданіе Самарск. губер. Статистическаго Комитета. Шесть выпусковъ. 1869—1871.

Результаты произведенной 3 марта 1867 г. въ городахъ Лифляндской губерніи народной переписи, составленные и изданные съ дозволенія Лифляндскаго Статистическаго Комитета секретаремъ Р. Экгардтомъ. Рига, 1871.

Въ послѣднее десятилѣтіе, одновременно съ внутренними преобразованіями, у насъ оживились статистическія работы, какъ бы въ отвѣтъ на возникающіе отвсюду вопросы пробуждающагося отъ сна государственнаго и народнаго хозяйства. Въ 1861 году были реформированы всѣ старыя статистическія учрежденія, эти своего рода маяки, назначеніе которыхъ слѣдить за всѣми приливами и отливами въ экономіи человѣческой жизни. Результатомъ такого преобразованія было появленіе цѣлой массы такъ-называемыхъ памятныхъ книжекъ губерніи; ихъ количество однако мало соотвѣтствовало качеству. Во-первыхъ, такія памятныя книги болѣе походили на справочныя книги и набивались въ буквальномъ смыслѣ этого слова всякой всячиной, всѣмъ, что попадало подъ руку изъ мѣстной географіи, топографіи, исторіи, а статистическія цѣли отходили на задній планъ. Во-вторыхъ, и это самое важное, статистическія работы велись по старому способу чрезъ уѣздныя полицейскія управленія, становыхъ приставовъ, волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, которые не обинуясь пополняли рубрики цифрами произвольными и отвѣчали храбро на всякій вопросъ, какъ тотъ солдатъ, котораго спросили: сколько на небѣ звѣздъ? Когда кто усомнится-молъ, могла разсуждать уѣздная полиція, такъ пусть самъ повѣритъ; и еслибы кто сдѣлалъ рубрику съ вопросомъ: сколько воробьевъ въ уѣздѣ,—то, безъ сомнѣнія, и въ этой графѣ оказался бы самый обстоятельный отвѣтъ до десятковъ и единицъ включительно.

Такимъ образомъ, статистическимъ комитетамъ предстояло рѣшить двѣ задачи: очистить свои труды отъ наплыва посторонняго матеріала и отыскать средства къ добыванію подлинныхъ цифръ. Дѣйствуя въ

этомъ новомъ направленіи, Самарскій Статистическій Комитетъ достигъ, по нашему мнѣнію, блестящихъ результатовъ, и своимъ примѣромъ доказалъ, что при энергіи и любви къ своему дѣлу въ Россіи возможно вести всякое дѣло не хуже любой европейской страны. Исключить изъ круга своей дѣятельности все постороннее — это довольно легко; но кáкъ поставить себя въ независимое положеніе отъ всезнанія уѣздной полиціи, становыхъ приставовъ и т. д., кáкъ, наприм., въ цифрѣ скота уличить фантазію, а иногда и умыселъ сельскихъ старостъ и старшинъ? Какъ при этомъ сдѣлать въ самыхъ краткихъ предѣлахъ одновременную, если невозможно однодневную перепись сельскаго населенія губерніи, и притомъ такой губерніи, какова Самарская, напоминающая своимъ племеннымъ разнообразіемъ Ноевъ ковчегъ? Для достиженія этихъ цѣлей необходимо было поставить комитетъ въ возможность провѣрки сообщаемыхъ ему цифръ, а для того необходимо было получить изъ каждаго селенія не итогъ, но опись каждаго двора, каждаго домохозяйства въ отдѣльности. Только въ такомъ случаѣ можно было бы сдѣлать опытъ отдѣльныхъ провѣрокъ на выдержку. Исходя изъ такого раціональнаго положенія, Самарскій Комитетъ составилъ себѣ слѣдующую программу исполненія подворной описи сельскаго населенія своей губерніи:

„1. Подворная опись должна заключать именной списокъ всѣхъ лицъ, проживающихъ въ селеніи, какъ принадлежащихъ, такъ и не принадлежащихъ къ сельскому обществу. Относительно крестьянъ, принадлежащихъ къ сельскому обществу, волостныя правленія должны руководствоваться очередными и семейными списками, въ которые вписывается все наличное населеніе и которые провѣряются передъ каждымъ рекрутскимъ наборомъ. Эти списки должны быть провѣрены, исправлены и дополнены опросами всѣхъ жителей. Показанія въ подворныхъ описяхъ относительно лицъ, проживающихъ въ селеніяхъ, но не принадлежащихъ къ самому обществу, должны быть основаны исключительно на разспросахъ тѣхъ лицъ.

„2. Списокъ лицъ долженъ быть составленъ посемейно съ отмѣткою противъ каждаго лица, въ соотвѣтственныхъ графахъ, возраста, племени, вѣроисповѣданія, званія и степени грамотности.

„3. Противъ каждаго домохозяина должна быть отмѣтка, въ соотвѣтственныхъ графахъ, о числѣ жилыхъ и не-жилыхъ зданій, промышленныхъ заведеній, о числѣ скота (отдѣльно лошадей, рогатаго, овецъ и свиней) и ульевъ.

„4. Противъ лицъ, имѣющихъ какое-либо другое занятіе, кромѣ земледѣлія, должна быть сдѣлана въ соотвѣтственной графѣ особая отмѣтка. Въ той же графѣ должны проставляться отмѣтки и противъ лицъ, владѣющихъ землею на правахъ собственности или снимающихъ оброчные участки, съ обозначеніемъ числа десятинъ земли и съ объясненіемъ какой мѣры десятина, т.-е. казенной или хозяйственной.

„5. Перепись должна быть произведена сельскими старостами по возможности одновременно по всей губерніи, въ теченіи марта 1867 года.

„6. Въ теченіи апрѣля волостныя правленія должны провѣрить составленныя въ сельскихъ обществахъ подворныя описи.

„7. Въ маѣ провѣренныя подворныя описи должны быть доставлены волостными правленіями прямо въ Комитетъ".

На основаніи такой програмы были изготовлены бланки формъ для подворной описи и разосланы по селеніямъ. Опытъ удался какъ нельзя лучше: въ концѣ марта 1867-го года начали поступать подворныя описи обратно въ Комитетъ, а къ концу мая были всѣ на лицо. Вслѣдъ за тѣмъ помощникъ председателя Комитета г. Рихтеръ и секретарь г. Анучинъ сдѣлали провѣрку во многихъ селеніяхъ на мѣстѣ и были удивлены точностью показаній, даже и относительно скота, чтó всегда считалось до сихъ поръ гадательнымъ. Цифра раскольниковъ (весьма деликатная) превысила цифру, добытую полицейскимъ путемъ, почти на 10,000 чел. Только въ отношеніи вопроса о возрастѣ встрѣтились затрудненія, такъ какъ въ деревняхъ каждый опредѣляетъ свой возрастъ на глазъ; но все же Комитетъ нашелъ возможнымъ составить таблицу возраста, если не по-годно, чтó невозможно, то по 5-ти и 10-ти-лѣтнимъ періодамъ, и сдѣлалъ такимъ образомъ первый у насъ опытъ возрастныхъ таблицъ на цѣлую губернію.

Недоставлены были свѣдѣнія отъ землевладѣльцевъ, духовенства и всѣхъ, проживающихъ за чертою сельскаго общества, такъ какъ у насъ частныя владѣнія не причисляются къ волостямъ. Не ожидая такихъ свѣдѣній, Комитетъ приступилъ немедленно къ разбору добытаго имъ богатаго матеріала, и кончилъ эту работу къ январю 1869 года.

Для опубликованія всей работы положено было составить слѣдующую програму изъ пяти отдѣловъ: I) Составъ и движеніе народонаселенія; II) Сельско-хозяйственная статистика; III) Финансовая статистика; IV) Статистика народнаго здравія, и V) Статистика народнаго образованія и нравственности.

Въ теченіи трехъ лѣтъ, до настоящей минуты, вышло въ свѣтъ всего шесть выпусковъ; изъ нихъ четыре принадлежатъ къ первому отдѣлу (составъ народонаселенія: 1) по племенамъ; 2) по вѣроисповѣданіямъ; 4) по возрасту, и 5) по семейному составу и рабочимъ силамъ) и остальные два по второму отдѣлу: 4) скотоводство и 6) сельскія жилища. Послѣдніе три отдѣла, и нужно сказать, самые интересные и важные, остаются пока не изданными.

Какъ ни обстоятельно выполнена часть программы, но все же нельзя не выразить сожалѣнія, что недостаточность средствъ Комитета была причиною слишкомъ медленной работы, и можно опасаться, что къ концу выполненія всей програмы значеніе цифръ, собранныхъ

съ такимъ тщаніемъ и такъ удачно, утратится къ тому отдаленному времени.

Познакомимъ теперь читателей съ главнѣйшими выводами работъ Самарскаго Статистическаго Комитета.

Племенной составъ Самарской губерніи весьма разнообразенъ, какъ то видно изъ слѣдующихъ цифръ. Изъ общаго итога сельскаго населенія, въ семи уѣздахъ Самарской губерніи, 1.639,670 обоего пола (809,647 м. п. + 830,023 ж. п.), на каждые 10,000 человѣкъ приходится:

1. Великоруссовъ	6328	чел.
2. Мордвы	1080	»
3. Нѣмцевъ	830	»
4. Татаръ	590	»
5. Малоруссовъ	410	»
6. Башкиръ	400	»
7. Чувашъ	250	»
8. Вотяковъ	7	»
9. Эстовъ	4	»
10. Поляковъ	1	»
	10,000 [1])	

Населеніе великорусское самое густое въ Бузулукскомъ уѣздѣ (8,380 ч. на 10 т.); нѣмецкое—въ Новоузенскомъ (4,310 ч. на 10 т. при 3,290 великоруссовъ); башкирское—въ Бугульминскомъ (2,290 ч. на 10 т., при 3,120 великорус.); въ этомъ же уѣздѣ и самое густое татарское населеніе (2,170 ч. на 10 т.); мордовское — въ Бугурусланскомъ (2,360 ч. на 10 т. при 5,520 великорус.). Изъ этого видно, что инородцы преобладаютъ въ Бугульминскомъ уѣздѣ, гдѣ оказывается потому самое слабое населеніе великоруссовъ. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ, гдѣ преобладаютъ нѣмцы, элементъ великорусскій пополняется значительно элементомъ малорусскимъ (1,930 на 10 т.), такъ что изъ 10 т. на 4,310 нѣмцевъ приходится 5,220 вообще русскихъ, и затѣмъ инородцевъ 470 чел.

Вотъ картина, какую представляетъ это же самое населеніе по различію вѣроисповѣданія, а именно, на каждые 10,000 человѣкъ приходится:

1. Православныхъ	7750	чел.
2. Магометанъ	1010	»
3. Евангел.-лютеранъ	550	»
4. Раскольниковъ	390	»
5. Католиковъ	230	»
6. Реформатовъ	40	»
7. Идолопоклонниковъ	20	»
8. Меннонитовъ	7	»
9. Кальвинистовъ	3	»
	10,000	

[1]) Чтобы получить приблизительную цифру для каждаго изъ упомянутыхъ племенъ на всю губернію, нужно помножить каждую сумму на 164.

Выводы изъ сравненія вѣроисповѣдной таблицы съ таблицею племенною не особенно для насъ выгодны; великорусское и малорусское племена, вмѣстѣ взятыя, какъ то видно изъ племенной таблицы, составляютъ 6,738 чел. на 10 т., а православныхъ оказывается 7,750; слѣдовательно, изъ инородцевъ обращено съ небольшимъ 1,000 чел.; татаръ же всего 590 ч., а магометанъ 1,014 ч., т.-е. магометанская пропаганда увеличила почти вдвое своихъ послѣдователей изъ тѣхъ же инородцевъ. Съ другой стороны, процентъ „идолопоклонниковъ" для европейской губерніи въ XIX-мъ вѣкѣ можно назвать огромнымъ: 20 идолопоклонниковъ живутъ бокъ-о-бокъ съ 7,750 православными, и остаются идолопоклонниками, между тѣмъ какъ мы устраиваемъ отдаленныя миссіи на крайній Востокъ.

Возрастныя таблицы сельскаго населенія Самарской губерніи замѣчательны, какъ первый опытъ исчисленія у насъ сельскаго населенія на основаніи возраста, который въ деревняхъ наблюдается съ чрезвычайнымъ трудомъ. Между тѣмъ, цифры передвиженія народонаселенія по возрастамъ и ихъ процентное отношеніе служатъ мѣриломъ для обсужденія вопроса: правильно ли развивается народонаселеніе и не слишкомъ ли много гибнетъ въ младшемъ возрастѣ?

Въ Самарской губерніи сельское населеніе распредѣляется по возрастамъ обоихъ половъ такъ, что на каждые 10,000 населенія того и другого пола приходится:

	м. п.	ж. п.	жен.
Отъ 1 до 5 лѣтъ	1773	1762	— 11
» 6 » 10 »	1299	1277	— 22
» 11 » 15 »	1190	1123	— 67
» 16 » 20 »	1066	1084	— 82
» 21 » 30 »	1572	1718	+146
» 31 » 40 »	1189	1262	+ 73
» 41 » 50 »	933	933	0
» 51 » 60 »	570	546	— 24
» 61 » 70 »	296	254	— 42
» 71 » 80 »	85	69	— 16
» 81 » 90 »	17	15	— 2
» 91 » 100 »	4	3	— 1
Болѣе 100 лѣтъ	6	4	— 2
	10,000	10,000	

Принимая въ соображеніе общій законъ о рождающихся обоего пола, въ силу котораго мужескій полъ всегда имѣетъ нѣкоторый перевѣсъ надъ женскими рожденіями, мы видимъ, что въ сельскомъ населеніи Самарской губерніи къ 5-ти-лѣтнему возрасту погибаетъ незначительный процентъ женскихъ рожденій, такъ что на каждые 10,000 число дѣвочекъ на 11 ниже числа мальчиковъ. Но убыль женскаго пола возвышается въ каждое слѣдующее пятилѣтіе до 20-ти-лѣтняго возраста, какъ бы предвидя рѣзкій переворотъ въ отношеніи половъ,

между 21 и 30-ти-лѣтними, когда на каждые 10,000 женское населеніе перевѣшиваетъ мужское на 146, вслѣдствіе, конечно, рекрутскаго набора и удаленія молодыхъ людей на промыслы; но къ 50 годамъ оба пола достигаютъ равновѣсія. Начиная съ пятидесятилѣтняго возраста, мужское поколѣніе становится болѣе долговѣчнымъ.

Чтобы понять значеніе цифръ возрастной таблицы сельскаго населенія Самарской губерніи, сравнимъ главнѣйшіе его пункты съ такими же таблицами нѣкоторыхъ западныхъ государствъ: въ Самарской губ. при 1773 дѣтей м. п. до 5-ти лѣтъ отъ роду живетъ 1189 чел. отъ 31 до 40 лѣтъ отъ роду, т.-е. *меньше* на 584 человѣка; въ Пруссіи, при 1510 дѣтяхъ т. ж. возраста,—1445 чел. т. ж. возраста, т.-е. *меньше* на 65 человѣкъ; въ Англіи, при 1306 дѣт. — 1308, т.-е. *больше* на 2 человѣка; въ С.-Америк. Штатахъ,—при 1482 ч., —1237, т.-е. *меньше* на 245 человѣкъ. Если же сравнить Самарскую губернію съ среднимъ отношеніемъ возрастовъ всей Россіи, то получится также невыгодный для нея результатъ: по среднему отношенію возрастовъ въ Россіи на каждые 10,000 приходится 308 дѣтей до 5-лѣтняго возраста и 132 ч. отъ 31 до 30 лѣтъ, т.-е. послѣднихъ меньше на 176 человѣкъ. Итакъ, Самарская губернія, превосходя средній выводъ пропорціональнаго отношенія дѣтей до 5-лѣтняго возраста для всей Россіи, спускается гораздо ниже такого же вывода пропорціональнаго отношенія мужчинъ отъ 31 до 40-лѣтняго возраста.

Ненормальное распредѣленіе населенія по возрастамъ отражается весьма вредно на численности рабочихъ силъ въ странѣ, и это какъ нельзя болѣе ясно видно на сельскомъ населеніи Самарской губерніи. Изъ таблицъ семейнаго состава и рабочихъ силъ видно, что въ Самарской губерніи, на каждые 10,000 человѣкъ приходится всего работниковъ, т.-е. людей отъ 18-ти до 60-ти лѣтъ, всего 4832 чел. м. п., т.-е. изъ общаго числа мужского населенія 812,624 ч. — рабочихъ силъ только 392.275 человѣкъ.

Имѣя въ виду такіе результаты отъ рабочей статистики населенія, мы не можемъ ожидать много хорошаго во второмъ отдѣлѣ, въ сельско-хозяйственной статистикѣ Самарской губерніи. Комитетъ, какъ мы видѣли, издалъ до сихъ поръ таблицы только по двумъ пунктамъ: жилищамъ и скотоводству.

Конечно, цифра жилыхъ домовъ говоритъ не много, когда дѣло идетъ о томъ, что у насъ называется избою, которая такъ часто бываетъ на курьихъ ножкахъ и еле-еле держится, но все же въ Самарской губерніи насъ поражаетъ весьма еще выгодное отношеніе деревянныхъ сельскихъ домовъ къ каменнымъ и глинянымъ, а именно, деревянныхъ домовъ около 262,000, а каменныхъ и глиняныхъ почти 20,000. Это обстоятельство объясняется очень просто: въ одномъ Николаевскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ каменныхъ и глиняныхъ домовъ

около 19,500, и во всѣхъ остальныхъ съ небольшимъ 300; а тѣ два уѣзда сплошь заселены нѣмцами, какъ то видно изъ названій ихъ поселеній; Шафгаузенъ, Гларусъ, Базель, Цюрихъ, Золотурнъ, Цугъ, Люцернъ, Унтервальденъ (думаешь быть въ Швейцаріи, а это—Панинскій округъ Николаевскаго уѣзда), или: Нейбауеръ, Маріенбергъ, Эренфельдъ, Лангенфельдъ, Экгеймъ, Катариненталь и т. д. въ Еруслан-скомъ округѣ Новоузенскаго уѣзда.

Отношенія общаго числа жителей къ общему итогу жилыхъ зданій таково: 1,645,771 человѣкъ, составляющихъ 257,336 семей, живутъ въ 273.793 домахъ, такъ что на каждое жилье приходится среднимъ числомъ 6 человѣкъ. При ближайшемъ же процентномъ вычисленіи отношенія жилья къ общему числу семействъ оказывается, что на 10,000 домовъ приходится:

1. Вовсе не имѣющихъ домовъ . .	640	семействъ.
2. Имѣющихъ по 1 дому	8,200	»
3. » » 2 »	1,070	»
4. » » 3 » и болѣе .	90	»
	10,000	

Замѣчательно при этомъ, что высшій процентъ неимѣющихъ вовсе домовъ представляютъ Николаевскій и Новоузенскій уѣзды (820 и 1,060 сем. на 10,000)—очевидный знакъ преобладанія элемента арендаторовъ и батраковъ.

Состояніе скотоводства выражается въ Самарской губерніи слѣдующими цифрами, а именно, почти на 1 м. 650 т. населенія приходится:

1. Лошадей	809	тыс.
2. Коровъ	628	»
3. Овецъ	1,836	»
4. Свиней	171	»

Такимъ образомъ, на 10 человѣкъ приходится 3 лошади, 4 коровы, нѣсколько менѣе 6-ти свиней, и немного болѣе 10-ти овецъ.

Такое отношеніе почти равняется средней цифрѣ для западной Европы, гдѣ на 10 человѣкъ приходится 3 коровы, $1^1/_2$ свиньи и 7 овецъ. Только въ Соединенныхъ-Штатахъ считаютъ на 10 человѣкъ $7^1/_2$ коровъ, почти 10 свиней и $9^1/_2$ овецъ. Отношеніе лошадей къ населенію въ Самарской губерніи стоитъ весьма низко по сравненію съ среднимъ выводомъ для всей Россіи, гдѣ приходится почти на 4 человѣка 1 лошадь; но оно выгоднѣе многихъ странъ западной Европы, гдѣ, напр., въ Австріи считаютъ 1 лошадь на 12 человѣкъ; почти такое же отношеніе во Франціи; въ Англіи 1 лошадь на 11 человѣкъ, а въ Германіи на 21 человѣкъ 1 лошадь.

Самарскому Статистическому Комитету осталось еще много работы, и самой важной; но и въ томъ, что имъ сдѣлано, обращаетъ на

себя вниманіе не количество, а качество работы: не многіе могутъ въ такой степени ручаться за реальность добытыхъ цифръ, какъ то имѣетъ право сдѣлать Самарскій Комитетъ. Говоря вообще о статистическихъ комитетахъ, нельзя также не пожелать имъ полной самостоятельности и независимости въ изданіи своихъ работъ: такія учрежденія, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ одинаковыхъ правъ съ учеными обществами и учрежденіями, которыя пользуются правомъ безцензурнаго изданія, между тѣмъ на изданіи работъ Самарскаго Статистическаго Комитета мы читаемъ: „Печатано съ разрѣшенія Самарскаго губернатора“. Какое можетъ это имѣть значеніе въ статистической работѣ? Цифры бываютъ вѣрны или невѣрны; провѣрить ихъ губернатору невозможно, слѣдов. онъ рискуетъ разрѣшить невѣрныя цифры. Но, это правда, цифры могутъ быть пріятны или непріятны для мѣстной администраціи, и тогда цензура губернатора можетъ быть только невыгодна для высшей администраціи; вотъ почему мы и думаемъ, что даже съ точки зрѣнія выгодъ высшей администраціи статистическіе комитеты должны пользоваться совершенною независимостью на мѣстѣ своего дѣйствія.

Перейдемъ теперь отъ восточной окраины европейской Россіи къ одной изъ ея западныхъ окраинъ,—отъ Самарской къ Лифляндской губерніи. Почти одновременно съ Самарскимъ Статистическимъ Комитетомъ, а именно 3-го марта 1867 г., Лифляндскій Статистическій Комитетъ произвелъ народную перепись въ 10-ти городахъ своей губерніи, а въ концѣ прошедшаго года, „съ согласія Лифляндскаго Статистическаго Комитета“, были изданы въ свѣтъ результаты этой переписи. Задача Лифляндскаго Комитета, ограничившаяся городскимъ населеніемъ, конечно легче задачи Самарскаго Комитета, но независимо отъ того нельзя не признать работу Лифляндскаго Комитета образцовою по обстоятельности и по подробности наблюденія. Количество городского населенія въ Лифляндіи исчислено по семейному состоянію, по полу, національностямъ, по роду занятій, по возрасту и по вѣроисповѣданіямъ; притомъ, всѣ эти исчисленія сдѣланы подробно для каждаго города въ отдѣльности и по губерніи. Мы могли бы указать только на одинъ недостатокъ, а именно, недостаетъ процентныхъ вычисленій, по крайней мѣрѣ, для общихъ перечней.

Вотъ главные результаты народной переписи, говорящіе намъ о силѣ городского населенія Лифляндіи и о качествѣ и характерѣ этой силы.

Общее населеніе 10-ти городовъ Лифляндіи—*148,743* обоего пола (на г. Ригу изъ этого количества приходится 102,590 об. пол.); въ этой цифрѣ: 73,973 муж. п., и 74,770 жен. п.; 139,756 лицъ гражданскаго званія, и 8,987 лицъ военнаго званія (въ гражданскомъ званіи

66,776 муж. пол. и 72,980 жен. пол.; въ военномъ званіи: 7,197 муж. пола и 1,790 жен. пол.).

По семейному состоянію, города Лифляндіи представляютъ слѣдующую картину: 1) холостыхъ обоего пола 88,124 (изъ нихъ—47,032 муж. пола, и 41,092 жен. пол.); 2) женатыхъ и замужнихъ 47,995 (изъ нихъ—25,128 муж. п., и 22,867 жен. пол.); 3) вдовыхъ 12,179 (1,673 муж. пол., и 10,506 (sic!) жен. пол.); 4) разведенныхъ 445 (140 муж. пол., и 305 жен. пол.). Итакъ, значительный перевѣсъ жениховъ сравнительно съ невѣстами, и женатыхъ—съ замужними; перевѣсъ же вдовицъ сравнительно съ вдовцами и разведенныхъ женъ сравнительно съ разведенными мужьями огроменъ.

Особенно любопытна та же картина по національностямъ: 1) нѣмцевъ 63,297 (30,210 муж. пол., и 33,087 жен. п.); 2) русскихъ 30,067 (17,007 муж. п. и только 13,059 жен. п.); 3) латышей 28,831 (14,281 муж. пол., и 14,550 жен. пол.); 4) эстовъ 17,986 [1]) (изъ нихъ 7,798 муж. пол., и 10,188 жен. пол.); 5) евреевъ 5,858 (3,105 муж. пол., и 2,753 жен. пол.); 6) разныхъ націй 2,705 (1,572 муж. п., и 1,133 жен. п.). Итакъ, въ городахъ Лифляндіи на 63 тысячи нѣмцевъ живетъ 85 тысячъ не-нѣмецкаго населенія, изъ котораго почти половину составляетъ русское населеніе, съ весьма невыгоднымъ впрочемъ отношеніемъ мужского пола къ женскому.

Самую интересную картину населенія составляетъ выраженіе его внутреннихъ отношеній по профессіямъ и занятіямъ; въ то же время и собираніе данныхъ для такой картины самое трудное. Роспись, составленная Лифляндскимъ Комитетомъ, по нашему мнѣнію, можетъ считаться образцовою, по тѣмъ подробностямъ, съ которыми указаны самыя мелкія профессіи, и все это вмѣстѣ расположено ясно по группамъ. Оказывается, что изъ общей цифры населенія городовъ Лифляндіи (почти 149 тысячъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ) считается рабочихъ силъ въ дѣйствіи всякаго рода 79 тысячъ слишкомъ (52 тысячи муж. пол., и 27 тыс. жен. пол.),—пропорція очевидно выгодная, а количество — вообще говорящее въ пользу богатства силъ интеллектуальныхъ и промышленныхъ. Вотъ общія рубрики:

	мужск. пола.	женск. пола.
1. Полевое лѣсное хозяйство съ садоводствомъ.	1,867	89
2. Рыболовство.	188	7
3. Промыслы:		
a. Фабричное дѣло . . .	823	1,106
b. Строительное искусство.	3,096	7
c. Домашнее хозяйство .	4,514	46

[1]) Изъ нихъ въ одной Ригѣ 17,114 обоего пол.

d. Промыслы для продовол.	1,589	45
e. » » одежды	4,231	897
f. Разные промыслы (красильщики, переплетчики, кожевники, баньщики, трубочисты и проч.	1,265	26
4. Техническ. и машинное дѣло	342	—
5. Торговля	5,190	655
6. Извозъ и почта	861	6
7. Морское и рѣчное судоходство	419	—
8. Гостинницы и трактиры	452	76
9. Личная служба	13,409	15,196
10. Общественное здравіе	401	215
11. Воспитаніе и преподаваніе	449	629
12. Искусство, литература и печать	1,031	43
13. Церковь	270	6
14. Администрація и юстиція	1,529	1
15. Военные	6,497	—
16. Безъ постоянныхъ занятій (нахлѣбники, Rentiers, заключенные и проч.)	2,750	4,259
17. Необъявившіе занятій	943	3,950
	52,068	27,419
	79,487	

Всматриваясь въ эту таблицу мы видимъ, что на первомъ планѣ стоитъ личная служба, гдѣ преобладаетъ притомъ женскій элементъ; затѣмъ слѣдуетъ военная служба; послѣ того наибольшее число рукъ занято торговлею, издѣліями домашняго хозяйства и приготовленіемъ одежды. Женскій трудъ, кромѣ личной службы, преобладаетъ въ воспитаніи и преподаваніи и въ фабричномъ дѣлѣ.

Въ отдѣлѣ занятій мы встрѣчаемъ также рубрику подъ заглавіемъ: Pseudogewerbe (мнимые промыслы), куда отнесены содержатели публичныхъ домовъ и проститутки: общее ихъ число для всей Лифляндіи 2 муж. пол. и 160 жен. пол.; изъ нихъ приходится на одну Ригу 2 муж. пол. и 137 жен. пол.

Въ заключеніе, приведемъ картину населенія Лифляндіи по возрастамъ, а именно по пятилѣтнему періоду жизни:

	мужск. пола.	женск. пола.
Отъ 0—5 лѣтъ	9,180	9,163
„ 5—10 „	6,295	6,449
„ 10—15 „	6,756	6,100
„ 15—20 „	6,870	6,841
„ 20—25 „	7,354	6,466
„ 25—30 „	7,599	7,178
„ 30—35 „	6,499	5,561

„ 35—40	„	6,215	6,341
„ 40—45	„	4,570	4,368
„ 45—50	„	4,177	4,540
„ 50—55	„	2,627	3,081
„ 55—60	„	2,255	3,037
„ 60—65	„	1,358	1,926
„ 65—70	„	1,082	1,906
„ 70—75	„	439	860
„ 75—80	„	315	617
„ 80—85	„	92	199
„ 85—90	„	58	129
„ 90—95	„	8	22
„ 95—100	„	7	13
Свыше 100 лѣтъ	. . . . . .	—	3
		73,978	74,770
		148,743	

Изъ этой таблицы видно, что въ первыя 10 лѣтъ число дѣвочекъ рождающихся и выросшихъ имѣетъ перевѣсъ; но отъ 10 до 15-ти лѣтъ дѣвицъ умираетъ гораздо больше, а отъ 15 до 20-ти лѣтъ смертность преслѣдуетъ болѣе молодыхъ людей, такъ что къ 20-ти годамъ мужское и женское населеніе совершенно сравнивается. Отъ 20 до 35-ти лѣтъ преобладаетъ мужской полъ; но съ 35-ти лѣтъ женскій полъ получаетъ все болѣе и болѣе перевѣса, и къ 75-ти годамъ превышаетъ мужской полъ вдвое, а позже — даже и втрое.

М.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Возстаніе карлистовъ въ Испаніи. — Маршалъ Серрано и новый кабинетъ. — Прежніе дон-Карлосы и нынѣшній дон-Карлосъ.— Герцогъ Омальскій.—Герцогъ Одиффре-Пакье и военное хозяйство второй имперіи.—Руэ и Гамбетта. — Судъ надъ генералами.—Князь Бисмаркъ. — Элебемское дѣло. — Банкетъ англійскаго литературнаго фонда. — Національная агитація нѣмцевъ въ Америкѣ и Швейцаріи.—Проэктъ реформы уложенія швейцарскаго союза.

Послѣ тридцатилѣтнихъ замѣшательствъ, всяческихъ безпорядковъ и неустройства, поддерживаемыхъ и постоянно вызываемыхъ вновь господствомъ безнравственной системы ханжества, эксплуатирующаго невѣжество, подкупа и насилія, извращающихъ либеральныя учрежденія, фаворитизма, разъѣдающаго все управленіе, Испанія, наконецъ, казалось, могла вздохнуть свободно. Неисправимая династія была изгнана; блестящій интригантъ Примъ палъ подъ пулями убійцъ; остальные временщики, Серрано и Топете, должны были стушеваться, уступивъ мѣсто свѣжему, молодому человѣку, призванному избраніемъ народнаго собранія, члену честнаго и либеральнаго царственнаго дома. Дон-Амедей Савойскій явился въ Испанію съ наилучшими намѣреніями, свободный отъ солидарности со взаимно враждебными элементами, порожденными долговременной внутренней борьбой. Казалось, теперь могъ и долженъ былъ, наконецъ, установиться порядокъ въ этой богатой всѣми благами природы, но тѣмъ не менѣе несчастной странѣ.

И что же мы видимъ: всего полтора года, какъ царствуетъ король Амедей, и вотъ въ Испаніи опять междоусобіе, и ежемѣсячные министерскіе кризисы приводятъ снова къ такому положенію, что власть фактически переходитъ, какъ прежде въ руки временщиковъ, Серрано и Топете. Расколъ въ прогрессистской партіи, вызванный интригами Сагасты, и новое возстаніе карлистовъ приводятъ къ неизбѣжному результату: образуется новое министерство, во главѣ котораго становится

герцогъ де-ла-Торре по имени своему—генералъ Серрано-Домингéсъ el coronel bonito—„хорошенькій полковникъ" временъ Изабеллы. Давно уже въ Испаніи не было такого великолѣпнаго урожая, какъ предвидится нынѣшнимъ лѣтомъ; давно уже не было въ ней правителя, который бы пользовался всеобщимъ уваженіемъ, какъ дон-Амедей, и никогда, можно навѣрное сказать, большинство народа такъ сильн не желало отдохнуть отъ волненій, приняться за серьезную работу, какъ теперь. А между тѣмъ въ Наваррѣ и Бискаѣ происходятъ кровопролитныя схватки, и между народомъ и королемъ становится призракъ зловреднаго прошлаго, Серрано, бывшій регентъ,—Серрано уже не простой президентъ министерства, какимъ онъ былъ при началѣ царствованія Амедея, но какъ бы спаситель короны, человѣкъ фактически не менѣе вліятельный, чѣмъ самъ король.

Происхожденіе раскола въ большой партіи прогрессистовъ и состояніе партій въ Испаніи вообще были изложены въ особой статьѣ въ „Вѣстникѣ Европы". Тамъ говорилось, что авторъ этого раскола, Сагаста, увлекаетъ короля на опасный путь, стараясь убѣдить его, что всѣ противники Сагасты — враги династіи, и дѣйствуя на выборахъ въ этомъ именно смыслѣ, то-есть обращая самымъ непозволительнымъ образомъ всѣ средства государственной власти на достиженіе такого результата, который былъ бы благопріятенъ данному кабинету, данной партіи. Выставивъ принципъ, что оппозиція противъ этого кабинета есть оппозиція противъ самого короля, пустивъ въ ходъ и подкупъ, и фальсификацію избирательныхъ списковъ, Сагаста произвелъ этимъ коалицію противъ себя и карлистовъ, и радикаловъ и республиканцевъ, однимъ словомъ, всѣхъ партій, кромѣ сагастинскихъ прогрессистовъ, слабыхъ силами, и уніонистовъ (консерваторовъ), съ которыми онъ заключалъ союзъ, и которые рано или поздно, должны были, очевидно, столкнуть его, потому что они гораздо его сильнѣе.

Избирательныя дѣйствія Сагасты сдѣлали его крайне непопулярнымъ въ странѣ. Однако народъ до такой степени желалъ спокойствія, что когда вопросъ былъ поставленъ между сохраненіемъ кабинета Сагасты или низверженіемъ самого короля, избраніемъ кандидатовъ коалиціи, то народъ предпочелъ послѣднему исходу даже сохранить самого Сагасту. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что выборы дали ему и уніонистамъ такое большинство, котораго правительство никогда не могло получить въ виду коалиціи всѣхъ прочихъ партій,—значительное большинство не только въ селахъ, гдѣ многого можно было достигнуть средствами искусственными, но и во всѣхъ большихъ городахъ, гдѣ ни подкупомъ, ни устрашеніемъ не возможно добыть въ самомъ дѣлѣ замѣтнаго результата.

Такой исходъ показывалъ, какъ сильно въ странѣ желаніе спо-

койствія, и свидѣтельствовалъ о здравомъ смыслѣ въ большинствѣ городского сословія. Одинъ Мадридъ составилъ исключеніе; онъ былъ слишкомъ озлобленъ противъ Сагасты и рѣшился избрать кандидатовъ хотя бы анти-династическихъ, лишь бы только нанесть пораженіе ненавистному Сагастѣ. Но партіи не высказали столько патріотизма, сколько народъ. Пораженныя на выборахъ, онѣ не хотѣли подчиниться своему положенію, а стали посягать на самую сущность конституціонной жизни, отрицая законность выборовъ, отказываясь принять участіе въ правильной парламентской дѣятельности, угрожая выдти изъ кортесовъ и искать удовлетворенія инымъ путемъ, такъ какъ путь законный былъ сдѣланъ непроходимымъ обманными дѣйствіями Сагасты. При этомъ партіи, враждебныя ему, сочли нужнымъ учредить каждая въ себѣ диктатуру, какъ бы готовясь къ борьбѣ уже не парламентскаго свойства. Карлистская партія предоставила диктатуру своему вождю Кандидо Носедалю, и Носедаль, тотчасъ послѣ открытія кортесовъ, рѣшилъ, что карлистскіе депутаты должны удалиться изъ кортесовъ. Они и удалились, такъ какъ для нихъ уже „пробилъ часъ" иной борьбы, борьбы съ оружіемъ въ рукахъ. Республиканская партія избрала диктаторомъ своимъ Пи-и-Маргалля, предоставивъ ему опредѣлить моментъ, когда республиканцы должны будутъ оставить кортесы. Затѣмъ республиканцы издали манифестъ, въ которомъ отрекаются отъ участія въ карлистскомъ возстаніи, объявляя, что съ карлистами они не хотятъ имѣть ничего общаго, но въ тоже время возвѣщаютъ, что они не станутъ поддерживать и Амедея, а напротивъ, будутъ ожидать удобной минуты, чтобы вмѣшаться въ борьбу монархическихъ партій и „окончить дѣло революціи 1868 г." Манифестъ этотъ подписали Пи-и-Маргалль, Кастеларъ, Фигерасъ и др. И такъ, республиканцы не примкнули къ карлистскому возстанію, чего правительство наиболѣе опасалось. Говорятъ, что противъ возстанія высказался особенно Кастеларъ. Но утѣшительнаго въ этомъ мало, такъ какъ они всетаки объявляютъ возможнымъ современемъ прибѣгнуть къ силѣ. Въ свою очередь и радикалы избрали диктаторомъ Руиса Сорилью. Радикалы, то есть прогрессисты и демократы, признающіе Амедея, и враждующіе собственно противъ уніонистовъ и отщепенцовъ изъ своей собственной среды—сагастинцевъ, также угрожаютъ выйти изъ кортесовъ. Если такимъ образомъ вся оппозиція оставитъ законодательное собраніе, то значитъ она провозгласитъ невозможность уживаться съ нынѣшнимъ порядкомъ и намѣреніе искать исхода такъ или иначе, но уже не конституціоннымъ путемъ. Вотъ куда привелъ короля Амедея Сагаста, и приведя въ такое положеніе, поколебавъ королевскій авторитетъ для поддержанія самого себя, онъ и самъ удержаться не могъ. Когда онъ потребовалъ перенесенія кредита на секретные расходы въ 700 т. песетовъ (франковъ) изъ смѣты

министерства колоній въ смѣту министерства внутреннихъ дѣлъ, то въ печати уличили Сагасту, что онъ равную этой сумму издержалъ изъ кредитовъ министерства колоній на „неизвѣстное назначеніе", то-есть на подкупы во время выборовъ. А такъ какъ сагастинцевъ въ концѣ концовъ въ палатѣ гораздо меньше, чѣмъ союзниковъ ихъ уніонистовъ (консерваторовъ), то достаточно было этого скандала для паденія Сагасты и для замѣны его кабинета министерствомъ уніонистскимъ, во главѣ котораго находится Серрано. Этотъ новый кабинетъ образовался 26 мая (н. с.). Серрано въ немъ — президентъ совѣта и военный министръ, Топете—морской министръ и временно заступаетъ мѣсто Серрано, который усмиряетъ карлистовъ; Улльоа — министръ иностранныхъ дѣлъ, Балагеръ—публичныхъ работъ, Аяла — колоній, Кандау — внутреннихъ дѣлъ, и т. д. Изъ новыхъ министровъ только двое—Балагеръ и Кандау—сагастинцы; но Сагасты самого нѣтъ. Всѣ же остальные — уніонисты, то есть консерваторы, которые не прочь отъ уступокъ настоящимъ клерикаламъ.

Но хуже всего то, что власть такимъ образомъ переходитъ въ руки Серрано, человѣка прошлаго царствованія, фаворита Изабеллы, героя междоусобныхъ войнъ, и нынѣ какъ бы охранителя престола короля Амедея. Этотъ человѣкъ будетъ теперь пользоваться тѣмъ вліяніемъ, какое принадлежитъ „побѣдоноснымъ генераламъ" въ эпоху междоусобныхъ войнъ.

Побѣдоносный генералъ Серрано.... „Еслибы побѣдоносными называли только такихъ генераловъ, которые поражали враговъ отечества", говоритъ корреспондентъ „Temps", то маршалъ Серрано не имѣлъ бы права на такое названіе уже потому, что онъ никогда не дрался противъ внѣшнихъ враговъ. Къ нему можно бы въ этомъ смыслѣ примѣнить испанскую пѣсню:

> **Illustre general jamas vencido,**
> **Porque nunca se ha battido.**

Но Серрано se ha battido не одинъ разъ, противъ своихъ согражданъ. Чинъ полковника онъ заслужилъ именно въ войнѣ съ карлистами до 1840-го года, и съ тѣхъ поръ отличія его были такого рода, что, уже будучи и генераломъ, онъ въ народѣ все прозывался „хорошенькій полковникъ". Серрано теперь глава уніонистовъ, и это слово будетъ означать консерваторовъ, хотя первоначально оно означало Union liberal, то-есть возстаніе Леопольда О'Доннелля противъ министерства Сарторіуса въ 1854-мъ году. Серрано въ то время присталъ къ О'Доннеллю, и вмѣстѣ съ нимъ сражался въ 1854-мъ году за „свободу" противъ ретрограднаго кабинета, а въ 1856-мъ году, то-есть когда власть уже перешла въ руки О'Доннеля, вмѣстѣ съ нимъ дрался противъ кортесовъ и національной гвардіи. Отправляемый въ

ссылку въ 1868-мъ году, вмѣстѣ съ другими генералами, навлекшими на себя подозрѣніе двора, въ томъ числѣ и съ Топете, Серрано воспользовался возстаніемъ нѣскольких полковъ, которое было подготовлено Примомъ, и ранѣе, чѣмъ Примъ успѣлъ прибыть въ Испанію, разбилъ, при Альколеѣ, армію Изабеллы, вслѣдствіе чего сталъ въ правительствѣ, созданномъ революціею, регентомъ, между тѣмъ какъ Примъ былъ только военнымъ министромъ, хотя вслѣдствіи своей популярности и талантовъ, Примъ все-таки имѣлъ болѣе значенія, чѣмъ Серрано. Послѣ смерти Прима, когда король Амедей пріѣхалъ въ Испанію, Серрано былъ главою перваго его министерства. Остается только пожелать для блага Испаніи, чтобы, ставъ теперь снова министромъ-президентомъ, этотъ человѣкъ по усмиреніи возстанія карлистовъ не сдѣлался такимъ же диктаторомъ при новомъ королѣ, какимъ при Изабеллѣ были поочередно Нарваэсъ и О'Доннелль.

Обратимся теперь къ возстанію карлистовъ и къ самому дон-Карлосу. Чтó такое карлисты и чтó такое дон-Карлосъ. Европа уже почти сорокъ лѣтъ слышитъ эти имена. Карлисты и теперь тоже, чтó были: это испанскіе легитимисты, фанатики династическіе и религіозные, клерикалы и реакціонеры. Въ сѣверныхъ провинціяхъ, въ Наваррѣ и Бискаѣ, господство этой партіи наслѣдственно. Эти провинціи — испанская Вандея, и многочисленныя, иногда жестокія усмиренія, не только не уменьшили тамъ карлистскаго фанатизма, но напротивъ укрѣпили его на долгое время, создавъ почти въ каждомъ семействѣ какую-нибудь свою легенду, говорящую о подвигахъ, казни и мести.

Семейство испанскихъ Бурбоновъ, со своимъ дворомъ, проживая нѣсколько десятковъ лѣтъ то въ Англіи, то въ Италіи, то въ Швейцаріи, представляетъ группу вѣчныхъ, неутомимыхъ заговорщиковъ, которые эксплуатируютъ неразумныя, но безкорыстныя чувства горцовъ испанскаго сѣвера. Карлисты все тѣже, даже главный вождь ихъ все еще тотъ же — старикъ Рамонъ Кабрера, котораго все еще ждутъ на сѣверѣ Испаніи, хотя онъ на этотъ разъ и не явился.

Но самъ дон-Карлосъ уже не тотъ, чьими мало-похвальными подвигами интересовалось предшествующее намъ поколѣніе. Нынѣшній дон-Карлосъ — внукъ того, перваго дон-Карлоса, которому теперь, еслибы онъ дожилъ до нашихъ дней, было бы 84 года. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ исторія карлистовъ и ихъ претендентовъ. Фердинандъ VII, отмѣнивъ въ Испаніи салическій законъ въ пользу своей дочери Изабеллы и въ ущербъ своему брату Карлу, умеръ въ 1832-мъ году. Воцарилась малолѣтняя Изабелла, то-есть, въ дѣйствительности, ея мать Христина. Дон-Карлосъ самъ сперва бѣжалъ изъ Испаніи, но когда знаменитый карлистскій генералъ Сумалакареги одержалъ нѣсколько побѣдъ, тогда дон-Карлосъ возвратился и жилъ въ Бискаѣ,

неподалеку отъ французской границы. Когда Сумалакареги былъ убитъ, главнымъ вождемъ сдѣлался Кабрера, который систематически разстрѣливалъ всѣхъ плѣнныхъ и продолжалъ борьбу до 1840 года. Наконецъ, Эспартеро подавилъ возстаніе. Дон-Карлосъ бѣжалъ гораздо раньше. Въ 1845 году, карлисты сдѣлали новую попытку возстанія, послѣ которой дон-Карлосъ *первый* „отрекся отъ престола" въ пользу своего сына, дон-Карлоса *втораго*, извѣстнаго подъ именемъ графа Монтемолина. Кабрера въ 1846-мъ году сдѣлалъ новую мятежную попытку, и борьба продолжалась нѣсколько мѣсяцовъ. Въ 1849-мъ году, самъ графъ Монтемолинъ пробрался-было въ Испанію, но былъ захваченъ вскорѣ французскими властями на границѣ. Въ 1860-мъ году, графъ Монтемолинъ, съ младшимъ братомъ своимъ Фернандомъ, сдѣлалъ высадку на восточный берегъ Испаніи, съ Балеарскихъ острововъ, при помощи генерала Ортеги, тамошняго губернатора. Но онъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ братомъ; Ортега былъ разстрѣлянъ, а дон-Карлосъ и дон-Фернандъ получили свободу, только давъ обязательство, что отрекаются отъ всѣхъ своихъ притязаній.

Тѣмъ самымъ легитимность окончательно уничтожалась. Но дон-Карлосъ второй или графъ Монтемолинъ, когда уѣхалъ заграницу, тотчасъ объявилъ, что вынужденное его отреченіе недѣйствительно. Въ 1861-мъ году, онъ и дон-Фернандъ оба умерли, и мнимыя „права" ихъ перешли къ другому брату графа Монтемолина, дон-Хуану. Дон-Хуанъ издалъ манифестовъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ претендентовъ, но за оружіе не брался, и „права" свои впослѣдствіи уступилъ своему сыну, который называется Карломъ, какъ его дядя и дѣдъ. Это и есть нынѣшній дон-Карлосъ *третій*, носящій титулъ герцога мадридскаго. Онъ родился въ 1848-мъ году. Графъ Монтемолинъ считался королемъ Карломъ VI-мъ. Дон-Карлосъ нынѣшній, третій *претендентъ* этого имени, называется король Карлъ VII.

Пользуясь безвыходнымъ положеніемъ, въ которое Сагаста поставилъ съ одной стороны короля Амедея, а съ другой—оппозицію, карлистскій дворъ рѣшился сдѣлать новую попытку. Въ концѣ апрѣля начался мятежъ, какъ только Кандидо Носедаль подалъ ему знакъ, удаляясь изъ собранія со своими приверженцами. Носедаль самъ былъ такъ догадливъ, что, выйдя изъ собранія, тотчасъ оставилъ Испанію. Но другіе депутаты-карлисты не были такъ догадливы, и какъ только начался мятежъ, ихъ тотчасъ арестовали по подозрѣнію въ измѣнѣ, не ожидая и обычнаго разрѣшенія палаты, подъ тѣмъ предлогомъ, что такъ какъ они объявили, что не будутъ участвовать въ дѣятельности собранія, то они уже не депутаты. Возстаніе вспыхнуло одновременно на всемъ сѣверѣ Испаніи: въ Бискаѣ и Наваррѣ его главныя силы, но шайки инсургентовъ появились сперва въ Кастильяхъ, и въ Леонѣ, и въ Аррагонѣ, и даже въ Каталоніи. Въ прежнія времена карлисты

обыкновенно сосредоточивали свои силы въ нѣсколькихъ пунктахъ, чтобы способствовать отпаденію цѣлыхъ отрядовъ правительства и цѣлыхъ городовъ. Теперь же они приняли иную систему, а именно стали появляться небольшими шайками въ разныхъ мѣстахъ, и не нападая на войска правительства, стали портить желѣзныя дороги и телеграфы, захватывать чиновниковъ правительства и т. п. Впрочемъ, хотя возстаніе нигдѣ не произвело значительной вооруженной силы, всѣ корреспонденты согласно показываютъ, что въ Бискаѣ и Наваррѣ, по крайней мѣрѣ огромное большинство населенія—карлисты. Это провинціи наименѣе образованныя и наиболѣе преданныя духовенству, которое считаетъ священнымъ дѣломъ борьбу за „законнаго" короля и противъ богоотступниковъ либераловъ, какіе бы они ни были, изабеллистскіе или савойскіе, хотя разница между тѣми и другими довольно велика, и вѣроятно противъ Изабеллы духовенство не выступало бы такъ рѣшительно, какъ противъ сына „похитителя владѣній св. Петра".

Возстаніе продолжалось уже дней десять, когда наконецъ самъ король Карлъ VII перешелъ Пиренеи въ костюмѣ погонщикаословъ— „хорошая иллюстрація для его партіи", замѣчаетъ „Кельнская" газета. Начать возстаніе было поручено генералу Рода, и всѣ манифесты претендента были обращены къ „Любезному Рода". Но вотъ донъ-Евстакіо-Діасъ-де Рода двинулся навстрѣчу своему королю, и кого же увидалъ онъ при немъ: заклятаго врага своего Агирре, котораго донъ-Карлосъ назначилъ надъ нимъ главнокомандующимъ. Рода, послѣ такой обиды, разумѣется, не сталъ особенно стараться.

Между тѣмъ, при первомъ извѣстіи о возстаніи, герцогъ де-ла-Торре, Серрано, отлично понимая свой интересъ, торжественно предложилъ королю Амедею „свой мечъ" на „защиту конституціонныхъ учрежденій". Отказать ему было просто опасно; такой человѣкъ какъ Серрано могъ рѣшиться на все. И вотъ, онъ былъ сдѣланъ главнокомандующимъ королевскихъ войскъ, посланныхъ для подавленія возстанія. Опытный въ такихъ дѣлахъ, Серрано повелъ усмиреніе карлистовъ весьма практично: онъ раздѣлилъ свои силы на небольшіе отряды въ 1,200 чел. пѣхоты и 200 чел. кавалеріи каждый, и направилъ ихъ такъ, чтобы сгонять всѣ шайки карлистовъ съ разныхъ сторонъ въ одинъ уголъ, къ границѣ. Генералу Ривера онъ велѣлъ двинуться съ запада, изъ Санъ-Себастіана, чрезъ Гипускоа къ Бидассао; генералу Моріонесу идти къ границѣ изъ Пампилоны, а самъ, имѣя при себѣ генераловъ Летона и Паласіо, пошелъ на карлистовъ съ юга. Генералъ Ривера достигъ границы и занялъ пограничный пунктъ Вера, а въ это время генералъ Моріонесъ, встрѣтивъ отрядъ карлистовъ, подъ начальствомъ самого Агирре, при Орокіетѣ, одолѣлъ его послѣ 9-ти часоваго боя, взявъ приступомъ прикрывавшую его деревню Ка-

раса. Моріонесъ взялъ въ плѣнъ 750 человѣкъ, и этимъ возстанію былъ нанесенъ существенный ударъ. Войска Серрано, продолжая сосредоточиваться къ сѣверной границѣ, гнали передъ собой карлистовъ. Агирре былъ разбитъ, а Рода еще раньше: при первомъ приближеніи войскъ законнаго правительства, онъ распустилъ свой отрядъ и перешелъ за французскую границу; карлисты, разумѣется, объявили Рода измѣнникомъ. Между тѣмъ судьба младшаго брата донъ-Карлоса, донъ-Альфонса остается неизвѣстною. Онъ, въ сопровожденіи карлистскаго генерала Тристани, сперва появился на востокѣ, въ Каталоніи, но по извѣстіямъ министерскихъ газетъ, онъ возвратился потомъ къ главнымъ силамъ карлистовъ, и въ сраженіи при Орокіетѣ былъ убитъ.

Послѣ перваго успѣха королевскихъ войскъ, въ Мадридѣ разнесся-было слухъ, что маршалъ Серрано былъ затѣмъ совершенно разбитъ карлистами. Но этотъ слухъ оказался ложнымъ, и произошелъ вѣроятно отъ того факта, что карлистамъ удалось окружить два батальона изъ колонны генерала Летоны, который однако во время подоспѣлъ на помощь съ большими силами и выручилъ своихъ. Другая, значительная шайка карлистовъ, подъ начальствомъ Рекондо, была разбита при Сальватіеррѣ, и дѣло возстанія уже было проиграно. Серрано между тѣмъ подошелъ самъ къ городу Бильбао и застигнулъ тамъ нестройную толпу бискайскихъ инсургентовъ тысячи въ 4 или 5; этотъ отрядъ 25-го мая положилъ оружіе при Бильбао, городѣ, который теперь въ исторіи карлизма будетъ дважды отмѣченъ гибелью ихъ дѣла, такъ какъ при осадѣ Бильбао былъ убитъ въ 1835 году знаменитый Сумалакареги, который одинъ могъ съ самого начала дать торжество первому претенденту. Затѣмъ, послѣ капитуляціи 25-го мая при Бильбао, у карлистовъ осталась въ Испаніи еще только одна шайка генерала Караса; но и та вступила уже въ Ласъ-Амаскуасъ, то-есть приближалась къ переходу чрезъ границу. Караса уже раньше хотѣлъ распустить свой отрядъ, но подчиненные пригрозили ему смертью, и онъ такимъ образомъ остался генераломъ по неволѣ, послѣднимъ вождемъ нынѣшняго возстанія карлистовъ. О судьбѣ самого донъ-Карлоса мы теперь еще ничего не знаемъ, но по всей вѣроятности, и по примѣру своего дѣда, онъ ушелъ заграницу ранѣе храбрѣйшихъ. Что̀ будетъ съ Испаніею далѣе—предвидѣть нельзя. Единственное спасеніе для короля Амедея и для монархіи въ Испаніи—а можетъ быть и для самой Испаніи — было бы, еслибы король Амедей съумѣлъ сломить нынѣшнюю организацію арміи, ввесть общую воинскую повинность, придать арміи народный характеръ, освободиться мало по малу отъ Серрано, Топете, Кончи, Лерсунди и всѣхъ этихъ кондотьеровъ прежнихъ временъ, и стать королемъ народной, или хотя бы только буржуазной (въ смыслѣ болѣе образованнаго, городскаго класса) Испаніи. Но возможно ли это теперь, когда герцогъ

де-ла-Торре только что разыгралъ прежнюю роль Эспартеро—герцога де-ла-Витторія?

Французское національное собраніе приступило, наконецъ, къ разсмотрѣнію военнаго закона, въ которомъ положены въ основаніе общеобязательность военной службы, отмѣна и допущеніе одногодичныхъ волонтеровъ, включаемыхъ въ ряды арміи. Передъ этимъ національное собраніе разсматривало проектъ объ учрежденіи государственнаго совѣта, и большинство настояло, чтобы членовъ этого совѣта назначало не правительство, а собраніе, надѣясь такимъ образомъ повліять въ консервативномъ духѣ на самое приготовленіе проектовъ законовъ. Между тѣмъ, герцогъ Омальскій разыгрываетъ въ Парижѣ роль короля — покамѣстъ правда только на гуляньяхъ. Русскій посланникъ князь Орловъ съ супругою сидятъ въ его ложѣ на скачкахъ въ Шантильи́, и онъ везетъ ихъ потомъ, самъ правя лошадьми. За обѣдомъ же у герцога Омальскаго въ этотъ день сидятъ и принцъ и принцесса уэльскіе. Несмотря на очевидную холодность къ нему народа, орлеанизмъ напрашивается на престолъ, и кто знаетъ—быть можетъ, прилежаніе его будетъ вознаграждено.

Коммиссія, назначенная національнымъ собраніемъ для разсмотрѣнія контрактовъ и вообще обязательствъ, заключенныхъ во время приготовленій къ войнѣ, представила докладъ со своими заключеніями. Президентъ коммиссіи, герцогъ Одиффре́-Пакье́, произнесъ, по этому случаю, въ засѣданіи собранія 4-го мая, рѣчь въ высшей степени интересную, такъ какъ она обнаруживаетъ, на какую степень именно вторая имперія низвела французскую администрацію, и подаетъ весьма основательный способъ полагать, что Франція вступила въ послѣднюю войну, не имѣя военныхъ запасовъ, потому именно, что ежегодныя суммы, ассигнованныя на ихъ пополненіе, въ дѣйствительности шли на покрытіе громадныхъ издержекъ мехиканской экспедиціи, въ которыхъ не хотѣли сознаться передъ законодательнымъ корпусомъ. Коммиссіею уже прежде было представлено нѣсколько докладовъ о закупкахъ и поставкахъ аммуниціи и о контрактахъ по пріобрѣтенію оружія, заключенныхъ въ Америкѣ и Англіи. Нынѣшняя рѣчь президента коммиссіи характеризовала общность дѣйствій особой „коммиссіи по вооруженію", существовавшей при имперіи. Въ совокупности, коммиссіею разсмотрѣно дѣлъ по закупкамъ и поставкамъ на 360 милл. франковъ. Коммиссія успѣла возвратить государству до 11-ти милл. франковъ неправильно выданныхъ и нынѣ взысканныхъ ею.

Выводы, къ какимъ пришла коммиссія, уличаютъ огромныя злоупотребленія, совершенныя при управленіи маршала Лебёфа и генерала Монтобана (Палика́о). Военное министерство не соблюдало никакихъ требованій закона, не требовало отъ подрядчиковъ никакихъ гарантій, выдавало огромныя суммы подъ личную отвѣтственность ка-

какихъ-то привилегированныхъ людей, которые не имѣли въ торговомъ мірѣ никакого кредита, но почему-то считались военнымъ министерствомъ необходимыми агентами или посредниками между имъ и производителями, такъ что оно предпочитало платить дороже, лишь бы имѣть дѣло именно съ ними, а не съ производителями и конкурренціею открытою для всѣхъ торговцевъ. Напримѣръ, является нѣкто Шолле, проторговавшійся овощный торговецъ и предлагаетъ ставить оружіе. Узнавъ о предложеніяхъ поступившихъ въ военное министерство отъ англійскихъ фабрикантовъ, узнавъ „неизвѣстно откуда" съ совершенной точностью объявленныя ими цѣны, Шолле отправляется въ Англію и заключаетъ съ этими фабрикантами контракты по объявленнымъ ими цѣнамъ, а самъ беретъ подрядъ на такое количество оружія въ французскомъ военномъ министерствѣ. Разница его цѣнъ съ цѣнами англійскихъ фабрикантовъ такова, что онъ кладетъ въ карманъ 750 тысячъ франковъ.

Этого мало. Фабриканты требуютъ уплаты наличными деньгами по мѣрѣ подготовки, а у Шолле нѣтъ денегъ. Онъ требуетъ у генерала Монтобана милліонъ задатковъ, и министръ выдаетъ ему милліонъ, безъ всякихъ гарантій. Такимъ образомъ, Шолле безъ всякаго капитала получаетъ тотъ громадный барышъ, который представляется разницею его цѣнъ съ цѣнами фабрикантовъ, а фабриканты и не думаютъ обличать его, полагая съ самаго начала, что имѣютъ дѣло съ чиновникомъ военнаго министерства. Затѣмъ, постепенную уплату ему производятъ такимъ образомъ, что онъ на одномъ курсѣ выигрываетъ (а казна теряетъ) 56 тысячъ франковъ. Пріемъ оружія, если его поставляетъ прямо фабрикантъ, напр., Джэксонъ, заключившій контрактъ непосредственно, производится весьма строго. Если же ставитъ Шолле́, то весь пріемъ основанъ на довѣріи, до такой степени, что Шолле́ безпрепятственно ставитъ и ружья, и патроны несходные съ образцами, а чтобы повѣрка была окончательно невозможна, то ружья ему велятъ ставить въ одномъ портѣ, а патроны въ другомъ, такъ чтобы невозможно было удостовѣриться, ставитъ ли онъ именно по 400 патроновъ на каждое ружье, согласно условію.

Подобнымъ способомъ Шолле́ исполнилъ поставокъ на 10 милл. фр., на которыхъ, по разсчету сдѣланному коммиссіею, онъ нажилъ, не имѣя самъ капитала, 2 милл. 800 тысячъ фр. Когда коммиссія уличала его въ этомъ, вотъ что онъ отвѣчалъ ей: „Я иногда терялъ въ своихъ дѣлахъ; справедливость требовала, чтобы я поправился тамъ, гдѣ могъ". Герцогъ Одиффре́-Пакье́ объясняетъ, что какъ ни спѣшны заказы и коротки сроки ихъ исполненія, какъ ни вздорожали, вслѣдствіе того, предметы поставки, но все-таки военное министерство имперіи могло пріобрѣтать ихъ гораздо дешевле, и въ доказательство приводитъ фактъ, что правительство національной обороны, впослѣд-

ствіи, обходясь безъ посредниковъ, постоянно пріобрѣталю тѣ же предметы на 30, 40, даже 50% дешевле императорскаго министерства, которое обращалось къ пріисканнымъ имъ посредникамъ. Для чего же были пріискиваемы эти посредники, если не прямо для возвышенія цѣнъ?

Другой посредникъ Гедли, заключаетъ контрактъ на поставку патроновъ по 100 франковъ. Потомъ, ему приходитъ въ мысль, что эта цѣна мала. Онъ обращается въ военное министерство съ просьбою надбавить эту цѣну, а именно установить ее въ 180 франковъ. И что же?—военное министерство тотчасъ соглашается. Такимъ образомъ, этому Гедли платятъ по 180 фр. за патроны, которые англійскіе заводчики предлагали ставить по 87 франковъ, которые самъ Шолле, при всей своей надбавкѣ, ставилъ въ то же самое время по 120 франковъ! Военное министерство дѣйствовало такъ, что его же чиновники писали ему изъ Лондона: „Чтó вы дѣлаете, вы поднимаете цѣны; мы покупаемъ патроны по 150, а вы платите по 170, 180 и даже 190 франковъ; это сумасшествіе".—„Итакъ, кто былъ причиною возвышенія цѣнъ?" спрашиваетъ Одиффрé-Пакьé; и отвѣчаетъ: „само военное министерство".

Еще примѣръ. Нѣкто Фрэръ, американецъ, беретъ подрядъ на патроны; подрядъ этотъ онъ переуступаетъ французу Ларивьéру, безъ вѣдома военнаго министра. Посланникъ увѣдомляетъ военнаго министра, что контрактъ переданъ; министръ не обращаетъ на это вниманія. Приходитъ срокъ, а патроновъ нѣтъ. Но вотъ Ларивьеръ является въ военное министерство, имѣя въ рукахъ свидѣтельство, выданное ему чиновникомъ этого министерства, въ томъ, что $1^1/_2$ милліона заказанныхъ патроновъ отправлены на пароходѣ Bertha, въ чемъ этотъ чиновникъ лично удостовѣрился. По этому свидѣтельству, Ларивьеръ получаетъ часть подрядной суммы, а именно 240 тысячъ франковъ. Но Bertha приходитъ и патроновъ на ней не оказывается; говорятъ—они перегружены на Vigilant. Но приходитъ Vigilant, и на немъ оказывается грузъ не патроновъ, а табаку. Въ дѣйствительности патроны вовсе отправлены не были, ихъ совсѣмъ не было заготовлено. Что же дѣлаетъ военное министерство? Отдаетъ ли оно подъ судъ чиновника Буланже, виновнаго въ выдачѣ ложнаго удостовѣренія и самаго Ларивьера? Вовсе нѣтъ; военное министерство молчитъ, а впослѣдствіи, уже въ маѣ 1871-го года, когда война была кончена, дозволяетъ Ларивьеру очистить себя подготовкою послѣ срока негодныхъ патроновъ, которые секретно доставляются имъ въ Блэ и тамъ нарочно помѣщаются въ погребъ, гдѣ и хранятся въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ. Когда потомъ ихъ вынимаютъ оттуда, сырость уже уничтожила ихъ до такой степени, что совершенно невозможно удостовѣриться, какими они были поставлены, годными или негодными!

Еще примѣръ. Когда рѣшено было вооружить армію ружьями системы Шасспо́, то императоръ усомнился, чтобы французскіе заводы были въ состояніи изготовить въ данное время все нужное количество ружей. Шасспо́ получилъ привилегію на свое изобрѣтеніе, но самъ состоялъ на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ окончательно рѣшено было принять для перевооруженія арміи систему Шасспо́, является нѣкто Кагенъ-Ліонъ, который, неизвѣстно какъ, „угадываетъ", что принято будетъ ружье Шасспо и покупаетъ у него привилегію. Впрочемъ, такъ какъ по условію привилегія Шасспо́ оставляла государство совершенно свободнымъ заказывать ружья его системы, гдѣ бы то ни было признано нужнымъ, то-есть и на казенныхъ заводахъ, и за границей, то и Кагенъ-Ліонъ, пріобрѣтая привилегію Шасспо́, не получалъ тѣмъ рѣшительно никакого исключительнаго права на поставку ружей. Иностранные заводы, въ Бэрмингемѣ, Литтихѣ, Брешіи, Піаченцѣ сдѣлали вызовы на эту поставку, по цѣнамъ 71, 72, 75 франковъ ружье. Между тѣмъ, военное министерство предпочло дать заказъ 100 тысячъ ружей Шасспо́ Кагену-Ліону, по цѣнѣ 85 франковъ. На 100 тысячъ ружей это и составило переплату по меньшей мѣрѣ въ милліонъ франковъ. Спрашивается, за что? Кагенъ предоставилъ исполненіе заказа тѣмъ же иностраннымъ заводамъ въ Брешіи, Піаченцѣ и Литтихѣ, по ихъ же цѣнамъ, и военному министерству это было извѣстно. Участіе Кагена въ поставкѣ было совершенно мнимое, такъ какъ для надзора за фабрикаціей и для пріема ружей командировались чиновники военнаго министерства и артиллерійскіе офицеры. Кагенъ являлся только для полученія денегъ, и на деньгахъ, имъ полученныхъ, заработалъ безъ труда милліонъ. Вотъ къ чему вела система „посредниковъ", безъ которыхъ военное министерство не дѣлало ни шагу. И такъ всесильно сдѣлано во Франціи второй имперіею чиновничество, что съ нимъ никто ничего не можетъ сдѣлать, даже самъ министръ, даже самъ императоръ. Тогдашній военный министръ маршалъ Рандонъ и императоръ на просьбу Кагена отвѣчали резолюціею: „отказать". А между тѣмъ, въ концѣ онъ все-таки получилъ поставку.

Г. Одиффрѐ привелъ еще примѣры безсилія самыхъ высшихъ властей противъ чиновничества. Такъ, самъ Маршалъ Лебёфъ, военный министръ, при началѣ войны, убѣдившись лично въ недобросовѣстности одной торговой фирмы по исполненію подрядовъ съ высшими министерствами, далъ приказаніе, чтобы эта фирма навсегда была устранена отъ подрядовъ по военному вѣдомству. „Что же вы думаете, господа", сказалъ г. Одиффрѐ: „до сихъ поръ съ этой фирмою заключались новыя условія, и ей дано было вновь до тридцати подрядовъ". Просматривая подлинныя дѣла́, коммиссія нашла слѣдующую резолюцію *нынѣшняго* военнаго министра: „отдать этого человѣка подъ судъ;

ментами. На эту точку сталъ Руэ и защищалъ составъ военнаго управленія, объявляя, что за распоряженія отвѣтственность должна быть личная; что графъ Паликао долженъ отвѣчать за свои распоряженія, и г. Гамбетта вѣроятно не откажется отвѣчать за свои. Все это очень ловко, и можетъ поддержать популярность бывшаго вице-императора въ средѣ французскаго чиновничества; но во всемъ этомъ нѣтъ, да и не могло быть ни одного дѣльнаго возраженія, противъ тѣхъ убійственныхъ фактовъ, которыми г. Одиффре́ клеймилъ тѣхъ, кто деморализировалъ французскую администрацію, грабилъ Францію, повергъ ее въ бездну мехиканской войны, и обративъ послѣдующіе рессурсы на ликвидацію дѣлъ по этой войнѣ, бросилъ Францію недостаточно вооруженную, въ новую, безумную войну, не имѣвшую никакого оправданія. Г. Руэ попробовалъ еще въ своей рѣчи польстить правой сторонѣ собранія сказавъ, что распущеніе его въ настоящее время было бы бѣдствіемъ для страны. Но это уже было „слишкомъ ловко" и подготовило только легкій успѣхъ Гамбеттѣ, когда взойдя на трибуну послѣ Руэ, онъ уличилъ его въ намѣреніи разрознить партіи въ пользу бонапартизма, и увѣщалъ собраніе къ единодушію.

На другой день, Одиффре́ заключилъ это преніе новой рѣчью, въ которой сказалъ, что обвиненіе его касалось не правительства національной защиты, а только второй имперіи, и что слѣдовательно большая часть рѣчи вовсе не шла къ предмету, а та часть, которая къ нему относилась, ничего не опровергла. Затѣмъ, повторивъ свои доказательства, что при началѣ войны не было ни достаточно снарядовъ, ни интендантскихъ и врачебныхъ запасовъ, сказалъ: „Вы ничѣмъ не можете оправдаться отъ той вины, что не будучи готовы къ войнѣ, легкомысленно вовлекли въ нее страну. Франція обращается къ вамъ теперь со словами Августа къ Вару: „возврати мнѣ мои легіоны!"... „Вы говорите объ обращеніи къ народу, вы ссылаетесь на мнѣніе народа; погодите, дайте этой палатѣ исправить то, что́ вы погубили своими ошибками". Въ заключеніе, Одиффре́ высказалъ надежду, что не доживетъ до той минуты, когда по словамъ Руэ, бонапартизмъ одержитъ свою „окончательную побѣду". Руэ и Гамбетта вновь говорили въ этомъ засѣданіи, при чемъ Гамбетта сказалъ: „если оружіе у васъ было, то чѣмъ же объясните вы ту поспѣшность заказовъ, которою теперь хотите оправдаться? Если же оружія у васъ не было, и вы тѣмъ не менѣе начали войну, то вы — измѣнники!".

Объ измѣнѣ во Франціи опять стали говорить чаще прежняго по поводу рѣшеній „слѣдственнаго совѣта", который пересматривалъ дѣйствія начальниковъ войскъ по сдачѣ крѣпостей. Нѣсколькихъ комендантовъ, этотъ совѣтъ подвергъ просто порицанію, другихъ опредѣлилъ отдать подъ судъ. Въ числѣ послѣднихъ находятся два весьма различныхъ человѣка: генералъ Юри́къ, защитникъ Страсбурга,

и маршалъ Базенъ, сдавшій Мецъ. Объ Юрикѣ можно быть того мнѣнія, что хотя оборона Страсбурга и была уже безнадежна, но онъ сдалъ крѣпость все-таки ранѣе, чѣмъ наступила послѣдняя крайность. Но о Базенѣ можно быть и такого мнѣнія, что онъ просто предалъ Мецъ, въ заранѣе условленное время, въ надеждѣ, что пруссаки отпустятъ его съ арміей подъ Парижъ для ниспроверженія республики и возстановленія императора.

Говорятъ, Тьеръ и военный министръ—противъ отдачи подъ судъ генерала Юрика. Генералъ Трошю избѣгаетъ суда по довольно странной причинѣ, а именно потому, что сложилъ съ себя командованіе, за нѣсколько дней до сдачи Парижа, и что сдача эта затѣмъ совершена не имъ, а правительствомъ національной обороны. Это—удобный способъ избѣгнуть отвѣтственности за сдачу крѣпости: довесть ее, рядомъ ошибокъ, до невозможности защищаться долѣе, и потомъ сложить съ себя командованіе и предоставить дѣло сдачи кому угодно. Что касается маршала Базена, то онъ, наконецъ, отданъ подъ судъ и арестованъ въ Версали, то-есть живетъ въ прекрасной квартирѣ, въ паркѣ, гдѣ расположенъ стерегущій его караулъ. Правительство допустило нѣкоторое послабленіе въ пользу Базена: въ декретѣ объ отдачѣ его подъ судъ, сказано: „согласно собственной его просьбѣ". Между тѣмъ, Базенъ подалъ просьбу только тогда, когда узналъ, что слѣдственный совѣтъ уже постановилъ, что онъ долженъ быть судимъ. Подлинное постановленіе совѣта по этому предмету, какъ бы скрытое правительствомъ, появилось въ печати, и слѣдствіе, произведенное для дознанія, какимъ образомъ это могло случиться, виновныхъ не открыло, а между тѣмъ привело къ удостовѣренію, что напечатанный въ газетахъ текстъ постановленія совершенно сходенъ съ оригиналомъ.

Очень можетъ быть, что военный судъ не рѣшится признать Базена виновнымъ, хотя бы въ томъ, что онъ сдалъ Мецъ „не исчерпавъ всѣхъ средствъ защиты", потому что иначе его придется осудить на смерть; таковъ законъ. Но независимо отъ приговора суда, исторія скажетъ о Базенѣ, по меньшей мѣрѣ, что онъ выказалъ полную неспособность. Полагаемъ не лишнимъ справиться при этомъ съ мнѣніемъ извѣстнаго нѣмецкаго военнаго писателя, г. Викеде, котораго критическія статьи о войнѣ 1870 года, помѣщаемыя въ „Кельнской" газетѣ отличались безпристрастіемъ. Г. Викеде говоритъ, что желая „засудить" Базена за сдачу Меца, французы очевидно руководствуются тѣмъ неисправимымъ самолюбіемъ, которое погубило ихъ въ прошлую войну, и теперь требуетъ себѣ очистительной жертвы. Въ числѣ причинъ несчастій французовъ во время послѣдней войны, самолюбіе, по словамъ Викеде, играло не послѣднюю роль; онъ отчасти объясняетъ тѣмъ самоувѣренность ихъ, несмотря на то, что они не были готовы, и беззаботность ихъ въ развѣдкахъ непріятельскихъ силъ — они были

убѣждены въ своей непобѣдимости, — и то обстоятельство, что отступая, они не разрушили желѣзной дороги отъ Страсбурга на Нанси и Нантейль, ни туннелей въ вогезскихъ горахъ. Они *не сдѣлали* этого потому, что самолюбіе увѣрило ихъ, что они еще могли перейти *къ наступленію*, и что эти сообщенія имъ самимъ пригодятся. Между тѣмъ, только оставленіе этихъ сообщеній и сдѣлало возможною осаду Парижа и доставленіе къ нему того громаднаго матеріала, безъ котораго она бы ни къ чему не привела. Такъ и въ требованіи, чтобы Базенъ былъ признанъ измѣнникомъ, по мнѣнію Викеде, выражается все то же самолюбіе, никакъ не мирящееся съ мыслью, что французы могли быть побѣждены и безъ измѣны. Базенъ, въ то время, когда онъ сдалъ Мецъ, по убѣжденію Викеде, не могъ уже держаться въ немъ; Викеде самъ убѣдился въ этомъ, въѣхавъ въ Мецъ въ то время. Голодъ и болѣзни, наконецъ, совершенное отсутствіе дисциплины дѣлали дальнѣйшее сопротивленіе невозможнымъ; войска разграбили бы городъ. Но высказывая такое убѣжденіе, нѣмецкій писатель въ то же время отзывается, что еслибы Базенъ 16-го августа, имѣя предъ собою всего 80 тысячъ нѣмецкаго войска, въ 6 часовъ вечера, вывелъ въ сраженіе *всѣ свои силы*, то-есть именно гвардію, которую онъ оставилъ въ резервѣ, то онъ по всей вѣроятности *пробился бы съ рѣшительнымъ успѣхомъ*, и что Базену именно *слѣдовало это сдѣлать* (dies wäre das entschieden Richtige gewesen). Если же онъ не сдѣлалъ этого 16-го числа, то затѣмъ ему не слѣдовало повторять свою попытку 18-го числа, какъ онъ это сдѣлалъ. Тогда противъ него стояло уже болѣе, чѣмъ *двойное* число нѣмецкихъ войскъ, а его силы умножились несущественно. Затѣмъ и вся послѣдующая оборона Меца, по мнѣнію Викеде, должна была, рано или поздно, окончиться капитуляціею. Намъ кажется, что и этотъ приговоръ безпристрастнаго врага достаточно тяжелъ для Базена: оказывается, что вслѣдствіе его неспособности, нерѣшительности или чего-нибудь еще хуже, онъ, имѣя полную возможность пробиться на соединеніе съ Макъ-Магономъ, позволилъ слабѣйшему, утомленному непріятелю задержать себя въ цѣпи, и оставшись тамъ, погубилъ свою армію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и армію Макъ-Магона; впослѣдствіи же принужденъ былъ сдать Мецъ, какъ разъ въ пору, чтобы Фридрихъ-Карлъ, освободясь отъ его осады, успѣлъ прибыть во-время къ сраженію при Бонъ-ла-Роландѣ, и обратить побѣду Ореля, наступавшаго на Парижъ, въ пораженіе.

Генералъ Вимпфенъ, подписавшій седанскую капитуляцію, подвергнутъ слѣдственнымъ совѣтомъ порицанію за то, что онъ отдѣлилъ участь офицеровъ отъ участи солдатъ. Впрочемъ, самъ экс-императоръ счелъ необходимымъ выступить въ настоящее время, чтобы принять на себя всю „отвѣтственность“ за сдачу Седана. Генераламъ, командовавшимъ корпусами подъ Седаномъ, Наполеонъ III прислалъ

письмо въ этомъ смыслѣ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ было напечатано въ бонапартистскомъ органѣ „Gaulois“. Какая могла быть цѣль этой выходки императора? Объявляя, что „такъ какъ честь арміи была охранена выказаннымъ ею мужествомъ“, то онъ самъ, „пользуясь своимъ правомъ монарха“, отдалъ приказаніе выставить парламентскій флагъ, дабы спасти 60 т. человѣкъ отъ напрасной гибели. Людовикъ-Наполеонъ не могъ надѣяться возстановить такимъ объявленіемъ популярность въ народѣ. Болѣе чѣмъ когда либо за нимъ упрочивается теперь прозвище „седанскаго героя“, который говоритъ, что седанское дѣло „разбило его сердце, но оставило спокойною (!) его совѣсть“. Рыцарства особеннаго тоже нѣтъ въ томъ, что Наполеонъ принимаетъ всю „отвѣтственность“ на себя, такъ какъ лицо, принимающее на себя отвѣтственность, въ настоящемъ случаѣ находится заграницею, гдѣ судебная власть не можетъ его достигнуть, а хочетъ снять отвѣтственность съ тѣхъ людей, которые, находясь во Франціи, могутъ въ самомъ дѣлѣ подвергнуться ея послѣдствіямъ. Нужно, пожалуй, особеннаго рода мужество, чтобы еще и въ настоящее время повторять фикцію объ отвѣтственности императора передъ народомъ: „будучи, въ силу учрежденій имперіи, отвѣтственъ передъ страною, я признаю только тотъ приговоръ надъ собою, который произнесла бы вся нація, правильнымъ образомъ спрошенная“. Какая же это отвѣтственность, которая никѣмъ возбуждена быть не можетъ? Ясно, что нынѣшняя выходка главы бонапартизма разсчитана не на народъ, а именно только на генераловъ, на армію, которыхъ онъ старается прикрыть собою (а самъ онъ сидитъ за границей). Въ ней еще разъ выражается тотъ фактъ, что наполеониды всегда и во всемъ разсчитывали собственно на армію, а что до народа имъ не было дѣла, какъ ни пышны ихъ фразы о „волѣ народа“, „народномъ избраніи“, „отвѣтственности передъ народомъ“ и т. д.

Въ Германскомъ сеймѣ важнѣйшимъ дѣломъ послѣдняго времени было принятіе резолюціи, которая уполномочиваетъ имперское правительство на принятіе мѣръ для охраненія мира и правъ гражданъ отъ злоупотребленій духовной власти и на представленіе закона, налагающаго кары на опасныя для государства дѣйствія религіозныхъ конгрегацій, и въ особенности именно іезуитскаго ордена. Изложенію этого предмета посвящена наша корреспонденція изъ Берлина, которую читатели найдутъ ниже. По окончаніи этихъ преній, князь Бисмаркъ уѣхалъ въ отпускъ на шесть мѣсяцовъ, передавъ свои обязанности министру Дельбрюку.

Правительства Англіи и Соединенныхъ Штатовъ нашли исходъ изъ пререканія по элебемскому дѣлу, какъ оно было поставлено отказомъ

Англіи допустить требованіе о косвенныхъ убыткахъ къ обсужденію третейскаго суда. Лордъ Гренвилль предложилъ вашингтонскому кабинету проектъ дополнительной статьи къ вашингтонскому трактату. Вотъ текстъ этой статьи: „Такъ какъ великобританское правительство въ новѣйшей перепискѣ съ Соединенными Штатами утверждало, что непрямыя требованія по національнымъ убыткамъ, которыя, согласно запискѣ представленной сѣверо-американскимъ правительствомъ третейскому суду въ Женевѣ, произошли отъ приведенія собственности американскихъ торговыхъ судовъ подъ защиту британскаго флага, отъ возвышенія страховой преміи, отъ продленія войны и увеличенія расходовъ по ней и на подавленіе возстанія,—во первыхъ—незаключались въ содержаніи вашингтонскаго трактата, а—во вторыхъ—не должны быть и въ принципѣ разсматриваемы какъ исходящія изъ (growing out of) дѣйствій, совершенныхъ опредѣленными судами;—и такъ какъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, хотя и остается при убѣжденіи, что помянутыя требованія въ трактатъ включены были, однако присоединяется ко второму изъ изложенныхъ британскимъ правительствомъ принциповъ, въ томъ смыслѣ, что и правительство Соединенныхъ Штатовъ впредь въ свою очередь будетъ сообразоваться съ нимъ, слѣдовательно оба правительства въ этомъ отношеніи пришли къ соглашенію. Поэтому, президентъ, по совѣту и съ согласія сената, изъявляетъ согласіе, чтобы отъ имени Соединенныхъ Штатовъ не было предъявляемо третейскому суду въ Женевѣ никакихъ подобныхъ требованій“.

Вашингтонскій сенатъ, какъ извѣстно, принялъ эту статью, но сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя „маловажныя“, какъ сообщалось, измѣненія, остающіяся пока неизвѣстными. Однако эти измѣненія, несмотря на свою маловажность, вызвали новую ноту графа Грэнвилля, вслѣдствіе которой теперь телеграммы изъ Нью-Йорка сообщаютъ, что сенатъ уже ни въ какомъ случаѣ не перемѣнитъ своего послѣдняго рѣшенія. Во всякомъ случаѣ, обоимъ правительствамъ придется просить третейскій судъ объ отсрочкѣ производства дѣла, такъ какъ къ 15-му іюня, то-есть первоначально назначенному сроку, едва ли поспѣютъ они формулировать новыя свои предложенія.

Элебемскій вопросъ въ общественномъ вниманіи Англіи рѣшительно преобладаетъ надъ всѣми другими. Изъ числа этихъ другихъ дѣлъ, мы только упомянемъ о ballot-биллѣ, который былъ внесенъ министерствомъ въ палату общинъ, такъ какъ въ прошлую сессію онъ не прошелъ вслѣдствіе оппозиціи верхней палаты. О нынѣшней судьбѣ этого билля пока еще нельзя сказать ничего. Онъ прошелъ теперь въ нижней палатѣ большинствомъ 58 голосовъ. Еслибы большинство было болѣе значительно, то лорды принуждены были бы уступить, но уже судя по довольно замѣтному пораженію, какое недавно

потерпѣло министерство въ биллѣ о народномъ образованіи въ Шотландіи, можно было сомнѣваться, что правительству удастся провесть ballot внушительнымъ большинствомъ.

Въ началѣ мая (н. с.) съ большимъ торжествомъ отпразднована была годовщина англійскаго литературнаго фонда (Royal-Literary-Found). Вообще празднованіе годовщины этого учрежденія въ Англіи происходитъ далеко не въ такой скромной обстановкѣ, какъ у насъ, гдѣ для массы общества оно проходитъ, можно сказать, незамѣтно [1]). Сильная общественная жизнь Англіи придаетъ великое значеніе своему постоянному органу—печати, придаетъ ей большую цѣну, и на годовой праздникъ печати собираются знаменитѣйшіе люди Англіи, а въ числѣ ихъ и стоящіе во главѣ ея правительства, и во главѣ оппозиціи. Государственные люди Англіи видятъ въ печати своей страны не нѣчто въ родѣ чужеяднаго растенія, которое недостойно иного признанія и иной опеки, какъ только признанія его „безполезности" и опеки въ смыслѣ ограниченія его роста. Нѣтъ, и правители Англіи, также какъ ея радикалы, любятъ и уважаютъ свою свободную печать, несмотря на неизбѣжныя вездѣ злоупотребленія, уважаютъ и любятъ ее какъ родное, великое учрежденіе. Да, именно „великое національное учрежденіе"! Такъ называли-бывало печать, на годичныхъ праздникахъ фонда, и Кобденъ, и Пальмерстонъ; такъ теперь называютъ ее и Гладстонъ, и Дизраэли, и Брайтъ, и принцъ уэльскій, наслѣдникъ престола.

На этихъ годичныхъ банкетахъ литературнаго фонда обыкновенно предсѣдательствуетъ первый министръ Англіи. На нынѣшній разъ должность эту принялъ на себя членъ общества литературнаго фонда — король бельгійцевъ. Въ рѣчахъ произнесенныхъ за банкетомъ, политика, какъ то обыкновенно бываетъ въ Англіи, стояла на первомъ планѣ. Послѣ обычныхъ тостовъ, въ честь королевы, принца уэльскаго, арміи, флота и волонтеровъ, король предложилъ тостъ въ честь литературнаго фонда. „Въ Англіи, сказалъ при этомъ король, все носитъ на себѣ отпечатокъ и размѣры величія: искусство, наука, политика, торговля, ремесла, однимъ словомъ, всѣ области человѣческой дѣятельности. Многочисленны и труженики на благородномъ полѣ литературы, но заработокъ ихъ часто бываетъ невѣренъ и недостаточенъ. Это—достойное славы ристалище, но на немъ иногда наиболѣе мужественные и самые побѣдоносные борцы именно и подвергаются самымъ тяжкимъ ранамъ. Помогать имъ, исцѣлять ихъ раны, возвращать имъ силу и здоровье, простирать имъ руку дружеской помощи въ дни несчастія—такова высокая цѣль нашего общества... И сколько великихъ произведеній остались бы неоконченными безъ такой помощи!"

---

[1]) См. ниже, въ Извѣстіяхъ, годовой отчетъ нашего литературнаго фонда.

Король при этомъ выразилъ свое уваженіе къ президенту фонда, историку, лорду Стэнгопу, который затѣмъ въ отвѣтѣ своемъ на рѣчь короля, хвалилъ конституціонныя учрежденія Бельгіи. Тостъ въ честь короля, по приглашенію лорда Стэнгопа, провозгласилъ Дизраэли. Знаменитый глава консервативной оппозиціи Англіи припомнилъ нѣкоторыя черты изъ исторіи новаго бельгійскаго королевства, хвалилъ его государей съумѣвшихъ проникнуться духомъ времени и заслужить привязанность народа, и шутливо благодарилъ предсѣдательствующаго на банкетѣ за то, что онъ, король, явился занять на часъ мѣсто президента въ литературной республикѣ. Затѣмъ, католическій архіепископъ Маннингъ произнесъ рѣчь объ англійской, а лордъ Гоутонъ объ иностранной литературѣ. Этотъ ораторъ съ прискорбіемъ указывалъ на перерывъ умственной связи между народами французскимъ и германскимъ. „Когда появится второй Генрихъ Гейне", сказалъ онъ, „великій германскій поэтъ, проникнутый живостью французскаго духа? когда появится новый Сентъ-Бёвъ, чтобы истолковывать французамъ весь смыслъ и всѣ красоты нѣмецкой литературы? Надо желать, чтобы самая необходимость умственной связи и сочувствія между двумя столь великими народами превозмогла горькую ненависть, покрыла собой и залечила разочарованія, какъ растительная сила изглаживаетъ слѣды войны, покрывая ихъ травою и цвѣтами".

Прекрасныя, благородныя слова лорда Гоутона (писатель Монктонъ-Мильнсъ) показываютъ намъ, къ какимъ высокимъ задачамъ считаетъ себя призванною печать, на которую уваженіе къ ней и всего общества, и самихъ правителей, налагаютъ возвышенныя обязанности. Не въ такомъ духѣ, далеко не съ такимъ достоинствомъ высказывалась и англійская печать въ то время, когда еще и въ Англіи на писателя, смѣло произносящаго независимое слово объ общественныхъ дѣлахъ, правители смотрѣли какъ на пасквилянта. Достаточно обратиться къ прошлому столѣтію, чтобы указать и въ Англіи, въ печати неполноправной, непризнанной, духъ такого же полнаго отрицанія правъ общественныхъ личностей и такого же непризнанія заслугъ ихъ. Совсѣмъ иное положеніе занимаетъ печать въ Англіи нынѣ, когда министры, далекіе отъ мысли, что имъ стыдно было бы пользоваться поученіями печати, на годичныхъ праздникахъ ея (какъ-то не разъ дѣлали и Пальмерстонъ и Гладстонъ) объявляютъ, что печать „облегчаетъ имъ управленіе".

Бѣдственный принципъ „національный", то-есть стремленіе къ перестройкѣ существующихъ государствъ такимъ образомъ, чтобы каждая національность жила совершенно особо отъ другихъ національностей, соглашаясь жить съ другими не иначе какъ съ тѣмъ, чтобы подчинять ихъ себѣ, но тѣмъ самымъ вызывая и противъ себя борьбу за

тотъ же національный принципъ съ ихъ стороны—этотъ безплодный принципъ розни, грозящій въ будущемъ несконченными раздорами, вносится въ настоящее время отчасти уже и въ федеративныя государства. Носителями его являются нѣмцы, которые, вслѣдствіе объединенія своего въ могущественное государство, „окрѣпли самознаніемъ (in ihrem nationalen Selbstbewusstsein gehoben)", какъ они это называютъ и въ такихъ странахъ, какъ Соединенные Штаты и Швейцарія, гдѣ такое „національное самосознаніе" ихъ вовсе не имѣетъ смысла. Въ Америкѣ нѣмцы въ прежнія времена гордились болѣе всего названіемъ американцевъ, нисколько не заботясь о томъ „отечествѣ", которое они имѣютъ въ Европѣ, но которое они сами оставили или отцы ихъ. Теперь, вслѣдъ за германскими побѣдами 1870 года, въ Соединенныхъ Штатахъ возникла „нѣмецкая партія". Партія эта проявляетъ признаки самостоятельной жизни; она имѣетъ своего вождя Шурца, котораго провела въ сенатъ; она стала въ рѣшительную оппозицію къ Гранту, обвиняя его уже не за какое либо внутреннее американское дѣло, а именно за „общегерманское отечество", обвиняя его въ томъ, что онъ допустилъ продажу французамъ ружей во время войны. Когда въ Нью-Йоркѣ открыты были въ прошломъ году важныя злоупотребленія въ городскомъ управленіи, то нью-йоркскіе нѣмцы, которые прежде дѣлились на республиканцевъ и демократовъ, выступили въ своихъ газетахъ и въ своихъ рѣчахъ на митингахъ, какъ „нѣмцы", и притомъ „честные нѣмцы", объявляя, что нѣмецкая честность не дозволяетъ имъ болѣе питать довѣрія къ демократамъ, которые произвели изъ своей среды такое мошенническое управленіе. Нѣмцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ огромное число, и эмиграція туда изъ Германіи и теперь нисколько не уменьшается, не смотря на объединеніе Германіи. Легко представить себѣ, какъ вредна можетъ сдѣлаться сильная партія въ государствѣ, руководящаяся не естественными его интересами, а интересами искусственными, заграничными, совершенно чуждыми этому государству.

Въ Швейцаріи нѣмцы составляютъ огромное большинство. Доселѣ они вовсе не заботились о какомъ-либо преобладаніи въ союзѣ въ смыслѣ національномъ. Но теперь, изъ нѣмецкой, и притомъ либеральной среды въ Швейцаріи возникло стремленіе подвергнуть уложеніе союза пересмотру въ такомъ смыслѣ, чтобы, во-первыхъ, усилить власть центральнаго правительства, поручивъ ему исключительное завѣдываніе войсками; это, по мнѣнію нѣмцевъ, необходимо для Machtstellung союза. Во-вторыхъ, они считали необходимымъ дать союзу преобладающій голосъ въ такихъ гражданскихъ дѣлахъ, которыя теперь предоставлены кантонамъ, какъ то именно въ дѣлахъ *церковныхъ* и *училищныхъ*. А такъ какъ большинство въ союзѣ безспорно принадлежитъ нѣмцамъ, то изъ этого могло произойти то, что швейцарскіе

нѣмцы, дѣйствуя союзной властью, стали бы передѣлывать училищные или церковные порядки во французской Женевѣ, или въ итальянскомъ Тессинѣ. Весьма важное постановленіе проекта реформы уложенія представлялось въ особенности тѣмъ, что онъ окончательно отмѣнилъ голосованіе всѣхъ представительствъ по кантонамъ, которое болѣе благопріятно автономіи ихъ, и сохранилъ только одно поголовное голосованіе населенія всей Швейцаріи.

Проектъ реформы въ смыслѣ такой централизаціи подвергнутъ былъ 12 мая всенародному голосованію, при чемъ голоса считались двоякимъ способомъ: безусловно во всей странѣ и отдѣльно голоса представительствъ кантоновъ. Результатъ не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ «либераловъ»—централизаторовъ. Проектъ былъ отвергнутъ большинствомъ 261,096 голосовъ противъ 255,585, и большинствомъ представительствъ 13 кантоновъ противъ 9. Уже изъ этой разницы видно, какъ важно было для централизаторовъ вычеркнуть изъ конституціи голосованіе всѣхъ представительствъ по кантонамъ; въ пользу централизаціоннаго проекта поголовная подача голосовъ дала немного менѣе половины всего числа вотированныхъ, а голосованіе представительствъ кантоновъ дало въ пользу этого проекта всего 9 изъ 22. Главныя нѣмецкія газеты приняли эту централизаціонную попытку нѣмецкихъ либераловъ въ Швейцаріи подъ рѣшительное свое покровительство, и неудачу ея «Кёльнская газета» приписываетъ теперь союзу «ультрамонтановъ, вельшей», упрямыхъ консерваторовъ (Stock-Conservativen). Объясненіе, совершенно сходное съ тѣмъ, которымъ князь Бисмаркъ характеризуетъ всякую оппозицію себѣ, если только вмѣсто „консерваторовъ» поставить «соціалистовъ». Но внѣ Германіи объ этомъ дѣлѣ судятъ иначе, и намъ достаточно остановиться на мнѣніи „Times, что усиленіе посредствомъ централизаціи вовсе ненужно Швейцаріи, такъ какъ существенная сила ея состоитъ именно въ ея нейтральности.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

Великая борьба между Римомъ и Германіей.

24 (12) мая, 1872.

Еслибы вмѣсто нѣсколькихъ страницъ былъ предоставленъ въ мое распоряженіе цѣлый томъ, то и тогда я не исчерпалъ бы всѣхъ перипетій того новаго движенія, которое страшно развилось у насъ въ послѣдніе два мѣсяца. Тогда это движеніе только что начиналось, но и

теперь никто не скажетъ, чѣмъ оно кончится. Хотя положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ, и Рима, и Германіи, таково, что исходъ борьбы не долженъ былъ бы казаться сомнительнымъ, но никогда нельзя предвидѣть всѣхъ случайностей, и люди, вступающіе въ борьбу съ твердой вѣрой въ побѣду, часто обманываются въ своихъ разсчетахъ, благодаря собственнымъ ошибкамъ или благодаря такимъ обстоятельствамъ, которыхъ не предвидѣли.

Въ обыденной жизни говорятъ о человѣкѣ, у котораго послѣ большого движенія явился сильный аппетитъ, что моціонъ пошелъ ему въ прокъ; а противное считается доказательствомъ того, что напряженіе превысило силы, что человѣкъ надорвался. То же самое можно сказать и о народѣ. Величайшее напряженіе, которое ему приходится дѣлать въ дни войны, можетъ также или оказаться ему по силамъ или же истощить его силы, причемъ рѣшительно все равно, счастливо или несчастливо окончилась война. Дважды, напримѣръ, при Людовикѣ XIV и при Наполеонѣ I—длинныя, частію счастливыя, частію несчастливыя войны, до того напрягали силы націи, что только даровитая натура, да необыкновенное богатство естественныхъ силъ благодатнаго края давало возможность французской націи оправиться. Но слѣды истощенія остались ощутительными даже до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (такъ, напр., въ медленномъ ростѣ населенія) Войны противъ Наполеона также истощили весь континентъ, и за чрезвычайнымъ напряженіемъ силъ въ 1813 — 1815 гг. послѣдовалъ періодъ неописаннаго застоя. Теперь стало уже тривіальной истиной, что деспотическая, подавлявшая всякую умственную и политическую свободу правительственная система того періода стала возможной лишь вслѣдствіе полнѣйшаго изнеможенія силъ народныхъ.

Но какъ бы то ни было, въ новѣйшія времена народы все же оправлялись отъ истощенія; а въ древности можно найти не мало примѣровъ даже совершеннаго паденія націй, вслѣдствіе истощенія, и паденіе Рима главнымъ образомъ объясняется именно воинственнымъ духомъ этого народа. Гердеръ совершенно основательно замѣчаетъ по поводу Рима: „Теперь мнѣ предстоитъ подвести итогъ всему сказанному и показать, какъ, въ силу великаго закона природы, помимо роскоши, помимо плебса, сената и рабовъ, *одного воинственнаго духа Рима* достаточно было, чтобы погубить Римъ и обратить его мечъ противъ его самого, тотъ самый мечъ, которымъ онъ такъ часто каралъ невинные города и націи; но тутъ вмѣсто меня говоритъ сама исторія. Чтó было дѣлать легіонамъ, которые, не насытясь грабежомъ, не находили больше добычи, чтó было дѣлать имъ, какъ не обратиться противъ своей матери.... Имперія была добыта мечомъ, она должна была быть и защищаема мечомъ или пасть. Если римлянамъ (временъ паденія) заблагоразсудилось погрузиться въ дремоту, то оби-

женныя или оскорбленныя ими націи не дремали; онѣ хотѣли мести и отмстили, когда пришло ихъ время. Въ римской имперіи императоръ всегда оставался главнымъ полководцемъ, и такъ какъ многіе изъ нихъ забывали о своей обязанности, то войско жестоко напоминало имъ о ней. Имперія пала: соперничествующіе императоры занимались раздорами, народы тѣснились къ имперіи и приходилось принимать враговъ въ войско, чтобы сдерживать другихъ враговъ. Такимъ образомъ, провинціи были раздроблены и опустошены; гордый вѣчный Римъ палъ наконецъ, покинутый и преданный своими собственными властелинами—ужасающій примѣръ того, какъ завоевательный духъ большихъ и малыхъ государствъ, въ особенности же, какъ деспотическій солдатскій духъ карается естественными законами. Не было военнаго государства крѣпче и сильнѣе римскаго, но ничье паденіе за то не было такъ ужасно".

Разница въ положеніи современныхъ народовъ и въ особенности тѣхъ, которые дѣйствуютъ въ настоящемъ столѣтіи, безъ сомнѣнія заключается не только въ лучшей организаціи государства, но и въ распространенности образованія, въ великихъ открытіяхъ новѣйшаго времени, въ мощномъ развитіи торговли и обращенія, которыя производятъ то, что даже самыя тяжелыя потери вознаграждаются въ довольно короткое, сравнительно, время.

Какъ ни тяжела и ни кровопролитна была послѣдняя война, но уже теперь можно сказать безошибочно, что она не истощила силъ обѣихъ націй, и обѣ онѣ оправляются довольно замѣтно, хотя, конечно, въ различной степени. Во-первыхъ, что касается Франціи, то убыль въ населеніи весьма незначительна и при бывшемъ составѣ ея войска гораздо менѣе чувствительна, чѣмъ такая же убыль въ Германіи. Не слѣдуетъ никакъ упускать изъ виду, что цѣнность умственныхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ арміи, при существованіи общей воинской повинности, является слабой стороной нашей системы, и въ Германіи она умѣряется только тѣмъ, что научное образованіе чрезвычайно распространено.

Въ Пруссіи, въ сферѣ научнаго образованія существуетъ даже избытокъ силъ. Во всѣхъ ремеслахъ спросъ превышаетъ предложеніе, и вслѣдствіе этого всѣ стачки обыкновенно увѣнчиваются успѣхомъ. Только въ научныхъ сферахъ предложеніе превышаетъ спросъ, — разумѣется, я говорю не про корифеевъ науки, которымъ вездѣ честь и мѣсто, но про среднюю степень образованія, какую даютъ гимназія и университетъ. У насъ ловкій и прилежный наборщикъ, не получившій, конечно, высшаго образованія, можетъ заработать до 80 талеровъ въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ корректоръ, отъ котораго требуется высшее образованіе, получаетъ всего какихъ-нибудь 30 талеровъ, и даже помощникъ редактора не всегда получаетъ 1000 талеровъ въ

годъ. Это, очевидно, есть слѣдствіе отношенія между предложеніемъ и спросомъ, или лучше сказать, такъ какъ спросъ довольно равномѣрно повышается, — слѣдствіе увеличивающагося предложенія.

Какъ еще мало были истощены силы Франціи и Германіи въ послѣднюю войну видно также и изъ того, что опустошительныя болѣзни, спутники войны, почти совсѣмъ не проявлялись, а жатва во Франціи почти повсемѣстно (за весьма незначительными исключеніями) могла быть убрана, такъ какъ двѣ трети страны остались свободными отъ непріятельскаго нашествія. Весьма значительна убыль въ военномъ матеріалѣ, но Франція обладала въ этомъ отношеніи почти неистощимыми богатствами, и въ числѣ утраченнаго ею есть много никуда негоднаго. Затѣмъ идетъ военная контрибуція. Когда впервые отъ Франціи потребованы были пять мильярдовъ, то, какъ извѣстно, сами французскіе уполномоченные вести переговоры объявили, что эта сумма непомѣрна. Между тѣмъ $^2/_5$ ея уже уплачены и операція далась сравнительно довольно легко. Никакъ нельзя утверждать, чтобы финансы Франціи очень разстроились, и при благоразумномъ управленіи возможно будетъ уплатить все остальное, не вызывая этимъ никакой катастрофы. Финансовыя операціи, вызванныя послѣдней войной между Франціей и Германіей, по своей грандіозности, далеко превышаютъ всѣ прежніе подобные обороты и также поразительны въ своемъ родѣ, какъ Монъ-Сенискій туннель или желѣзная дорога къ Тихому Океану; только въ позднѣйшее время и развѣ какой-нибудь замѣчательной головѣ удастся изслѣдовать ихъ вліяніе, потому что до сихъ поръ всѣ дѣлаемые выводы оказывались ошибочными. Ни Франція не обнищала деньгами, ни Германія не страдаетъ отъ ихъ наплыва, потому что если деньги здѣсь и обильны, какъ выражаются на биржѣ, если цѣны значительно поднялись, то все это отнюдь не въ ужасающихъ размѣрахъ. Словомъ, деньги, пришедшія изъ Франціи, поглотились общественнымъ организмомъ безъ всякаго видимаго вреда.

Что касается, теперь, *нравственныхъ* слѣдствій войны, сказывающихся во Франціи, то тутъ факты до того ярки, что легко исправить всякое ложное заключеніе. Само собой разумѣется, что я не намѣренъ вторить тѣмъ нѣмецкимъ шовинистамъ, которые ничего не усматриваютъ во Франціи, кромѣ признаковъ паденія. Образованные нѣмцы воздерживаются отъ такихъ неосновательныхъ сужденій. Они отдаютъ полную справедливость блестящимъ качествамъ французовъ. Но, оставаясь безпристрастнымъ и объективнымъ, всякій прежде всего замѣтитъ, что наполеоновская система, существовавшая въ теченіи 20-ти лѣтъ во Франціи, успѣла оказать самое развращающее вліяніе. Даже въ лучшихъ умахъ Франціи укоренилась странная идея, будто эти двадцать лѣтъ ничего не измѣнили въ положеніи Франціи, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности отношенія ея къ другимъ государ-

ствамъ совсѣмъ уже не тѣ. Отсюда происходило наивное требованіе, чтобы нѣмцы удовольствовались въ началѣ паденіемъ Наполеона, и въ возраженіяхъ, которыя шли тогда со стороны нѣмецкаго правительства, это послѣднее, заявляя, что каждый народъ отвѣтственъ передъ другими народами за дѣйствія своего правительства, такъ сказать признало принципъ народнаго самодержавія. Любопытно прослѣдить всѣ фазисы, пережитые общественнымъ мнѣніемъ во Франціи со времени 4-го сентября 1870-го года: умѣренную республику Жюля-Фавра и Трошю, крайнюю республику Гамбетты, взрывъ анти-республиканскихъ и монархическихъ симпатій, которыя проявились на февральскихъ выборахъ 1871-го г. и продуктомъ которыхъ является версальское собраніе, наконецъ — если только это не оптическій обманъ — „упроченіе“ республики въ послѣднее время. Среди всѣхъ этихъ перемѣнъ только два чувства оставались неизмѣнными, во-первыхъ, желаніе возмездія относительно Германіи и ненависть къ Наполеону. Въ послѣднее время ненависть эта проявилась съ особенной силой въ судебныхъ преслѣдованіяхъ, воздвигнутыхъ противъ генераловъ и командировъ и достигла своей апогеи въ процессѣ противъ Базена. Какъ мнѣ кажется, только результатъ можетъ показать, разумны ли всѣ эти мѣры или нѣтъ. Необходимо было бы кромѣ того знать мнѣніе французскаго офицерства, и въ особенности генералитета. Отдѣльныя личности могутъ конечно радоваться, что ихъ соперники или начальники притянуты къ суду, но другіе навѣрное (и по всей вѣроятности такихъ большинство) недовольны. Прежде же всего является вопросъ: могутъ ли эти мѣры вызвать больше энергіи со стороны начальниковъ и создать больше дисциплины между солдатами, въ случаѣ новой войны?

Многія другія явленія быть можетъ еще болѣе опаснаго свойства, но они являются вездѣ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ великихъ катастрофъ, и Haüsser говорилъ о „безпардонности настроенія“, которое проявлялось въ Пруссіи, послѣ Іенской катастрофы. Какъ бы то ни было, но въ тогдашней Пруссіи поворотъ къ лучшему наступилъ быстрѣе, чѣмъ въ теперешней Франціи. Уже зимою 1807 — 1808 г. Фихте говорилъ свои рѣчи къ нѣмецкой націи, рѣчи, составившія эпоху. Главнѣйшее же преимущество тогдашней Пруссіи заключается въ томъ, что она обладала нѣсколькими замѣчательными государственными людьми, между тѣмъ какъ во Франціи еще не выдвинулось до сихъ поръ ни одного, а Тьеръ человѣкъ слишкомъ старыхъ понятій, чтобы произвести глубокое преобразованіе. Самымъ же опаснымъ симптомомъ является то, что сами либералы пасуютъ. Даже свободномыслящій Ренанъ объявилъ, что Франція должна заключить союзъ съ ультрамонтанами, а парижскія газеты чрезвычайно какъ радовались неуспѣху пересмотра швейцарской конституціи, о которомъ глубоко сожалѣютъ швейцарскіе патріоты.

Въ Германіи, которая также ревностно, какъ и Франція, предалась мирной работѣ, производительному труду, первымъ слѣдствіемъ войны, проявившемся еще въ разгаръ самой войны, оказалось стремленіе къ единству, и это движеніе постоянно усиливается. Тамъ и сямъ прорывается иногда старый духъ партикуляризма, но однѣ развѣ чрезвычайныя катастрофы смогутъ остановить это движеніе и разрушить его результаты. Опасенія, какъ бы военный элементъ не получилъ преобладанія въ государствѣ, такъ же мало оправдались, какъ и увѣренія, что вслѣдствіе войны восторжествуетъ реакція. Прогрессъ, правда, не идетъ особенно быстрыми шагами, но не было еще ни одной мѣры, которую можно было бы назвать дѣйствительно реакціонной. Всего основательнѣе жалобы прессы; налогъ на газетные штемпеля еще не отмѣненъ, и новый, давно обѣщанный законъ о печати не будетъ внесенъ въ рейхстагъ въ настоящую сессію. Но не одно правительство виновато въ томъ, а также и безучастіе парламента къ прессѣ.

Совсѣмъ тѣмъ судебная власть на практикѣ стала гораздо мягче, чѣмъ была прежде, и процессы противъ печати сравнительно довольно рѣдки, за исключеніемъ процессовъ противъ соціалистовъ - демократовъ. Большимъ недостаткомъ является до сихъ поръ безнаказанность, которой пользуются служащіе. Очень трудно порицать дѣйствія какого-нибудь чиновника безъ того, чтобы не придти въ столкновеніе съ судомъ, а между тѣмъ пресса именно въ этомъ самомъ отношеніи можетъ оказать существенныя услуги обществу. На этомъ пунктѣ трудно будетъ побѣдить сопротивленіе правительства, такъ какъ оно боится потрясенія чиновничьяго авторитета. Это опасеніе высказалось также и въ новомъ имперскомъ законѣ о должностныхъ лицахъ, который былъ внесенъ въ рейхстагъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля и причинилъ такой раздоръ, что его пришлось вернуть обратно въ коммиссію, гдѣ онъ обрѣтается до сихъ поръ. Бернутъ въ этомъ самомъ засѣданіи предложилъ такую поправку въ законопроектѣ, чтобы сдѣлать имперскихъ чиновниковъ отвѣтственными передъ закономъ за ихъ дѣйствія: „Если же чиновникъ дѣйствовалъ по приказанію своего начальника, которое не выходило за предѣлы компетентности послѣдняго и дано было въ законной формѣ, тогда гражданская и служебная отвѣтственность падаетъ на распорядителя". Но противъ этого представители правительства возстали изъ всѣхъ силъ, и Дельбрюкъ, усмотрѣвшій опасность для дисциплины, объявилъ, что союзный совѣтъ не согласится на такую поправку. Ласкеръ основательно сослался при этомъ на законы Англіи, гдѣ, какъ извѣстно, отвѣтственность должностныхъ лицъ существуетъ въ самомъ широкомъ объемѣ. Отвѣтственность низшихъ чиновниковъ, жандармовъ, ночныхъ сторожей и пр. въ сущности гораздо важнѣе для общественнаго по-

рядка, чѣмъ отвѣтственность министровъ. Въ Пруссіи эти чиновники почти неуловимы для закона. Въ Лондонѣ, гдѣ полиція рѣшительно лучше и дѣйствительнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, полицейскій отвѣтственъ не только передъ гражданскими законами, но и со стороны служебной. Лондонскій предсѣдатель полиціи, которымъ по обычаю бываетъ прокуроръ, немедленно увольняетъ отъ службы всякаго полицейскаго, который навлекаетъ на себя своими неосторожными поступками гражданскій процессъ. Въ Англіи даже судебныя преслѣдованія противъ чиновниковъ сопровождаются немедленнымъ арестомъ, чтобы пресѣчь путь къ неявкѣ на судъ, а между тѣмъ дисциплина тамъ вовсе не расшатана. Дельбрюкъ приводилъ въ примѣръ, во время преній, государственныя желѣзныя дороги, причемъ ему казалось невозможнымъ, чтобы чиновники могли нести гражданскую отвѣтственность, на что Микель справедливо возражалъ ему, что на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ чиновники отвѣтственны передъ закономъ и что служба отъ этого нисколько не страдаетъ.

За то правительство дало доказательство либеральнаго настроенія блистательнымъ устройствомъ Страсбургскаго университета. Даже во Франціи это признается, хотя и неохотно. Основаніе университета и въ особенности празднество 1-го мая, по случаю его открытія (всѣ расходы принялъ императоръ на свой собственный счетъ) слѣдуетъ признать данью наукѣ. Нѣмецкое юношество приняло живое участіе въ празднествѣ; а число студентовъ для начала весьма значительно.

Если изображать обстоятельно современное состояніе Германіи, то нужно сознаться, что въ массѣ народа послѣдствія великихъ событій 1870-го и 1871-го годовъ выражаются сильнымъ утомленіемъ и большимъ безучастіемъ въ политической и особенно парламентской жизни, и что движеніе главнѣйшимъ образомъ ведется правительствомъ и высшимъ образованнымъ кружкомъ. Совершенно несправедливо было бы утверждать, что счастливая война осталась безъ невыгодныхъ послѣдствій для нѣмецкаго народа; склонность къ матеріализму, стремленіе къ обогащенію, эгоизмъ — значительно усилились послѣ войны, хотя я не думаю, чтобы въ этомъ заключалась большая опасность, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Малое участіе толпы въ политикѣ не есть несчастье, потому что она сравнительно мало подготовлена къ занятіямъ политикой и, находясь въ политическомъ возбужденіи, позволяетъ собою руководить людямъ, приводящимъ ловкіе доводы. Безучастіе это высказывается какъ въ политикѣ, такъ и въ политико-церковныхъ вопросахъ. Большинство протестантовъ относится вполнѣ индифферентно къ поступкамъ ультрамонтанской партіи, которая господствуетъ въ высшемъ церковномъ совѣтѣ, въ консисторіяхъ и на лучшихъ церковныхъ должностяхъ, и все старокатолическое движеніе между католиками есть мертворожденный во-

просъ. Однако это движеніе дало поводъ другому болѣе сильному, и потому имѣетъ значеніе. Въ своихъ прежнихъ письмахъ, въ теченіи послѣдняго года, я часто и подробно обсуждалъ религіозный вопросъ. Уже давно этотъ вопросъ былъ на очереди, въ настоящее же время онъ столь важенъ, что отъ разрѣшенія его зависитъ вся будущая политика Германіи. Невозможно даже говорить о политикѣ, не начавъ съ великой борьбы, возникшей въ наши дни между Римомъ и Германской имперіей.

Еще въ началѣ прошедшаго года произошелъ рѣшительный разрывъ съ клерикалами по поводу адресса, въ которомъ рейхстагъ одобрялъ политику невмѣшательства по папскому вопросу, заявленную императоромъ въ тронной рѣчи. На дняхъ, въ брошюркѣ одного ультрамонтана [1]) было высказано, весьма откровенно, значеніе этого памятнаго адресса и того измѣненія, котораго требовали въ немъ клерикалы [2]). Въ этой брошюрѣ говорится, что клерикальная партія должна противодѣйствовать установленному большинствомъ положенію, „потому что считаетъ принципъ невмѣшательства, въ той формѣ, въ какой онъ одобренъ большинствомъ, противорѣчащимъ принципу народнаго права; потому что должно считать эту фразу (адресса) направленной противъ требованій католическихъ подданныхъ имперіи, противъ поддержки, которую слѣдуетъ оказывать ихъ главѣ; потому что она никогда не согласится съ тѣмъ, чтобы первый принципъ, установленный парламентомъ, предоставлялъ полную свободу революціонной политикѣ Италіи". Немного далѣе слѣдуетъ: „фракція не смѣла допустить, чтобы въ Германской имперіи былъ нарушенъ *неоспоримый* политическій принципъ: *международнаго* характера римскаго вопроса". Съ тѣхъ поръ „международный характеръ римскаго вопроса" выяснился, и для правительства стало вполнѣ ясно, что въ этомъ *международномъ характерѣ* заключается весьма большая опасность для *государства*. Князь Бисмаркъ, какъ извѣстно, во время обсужденія въ прусскомъ ландтагѣ закона о надзорѣ за училищами, высказалъ весьма откровенно причины, заставившія его измѣнить свои отношенія къ ультрамонтанамъ. По возвращеніи изъ Франціи его испугало вліяніе, оказанное клерикалами на выборы. Съ тѣхъ поръ канцлеръ сталъ заниматься ультрамонтанскимъ вопросомъ и при этомъ узналъ множество фактовъ, до того времени ему неизвѣстныхъ. 1-го апрѣля (прошлаго года) происходили

---

[1]) Die Sünde des Liberalismus im ersten Jahre des neuen deutschen Reichs, von einem rheinpreussischen Juristen. Leipzig. F. E. C. Leuckart.

[2]) Въ адрессѣ было сказано: «Дни вмѣшательства во внутреннюю жизнь другихъ народовъ не вернутся *ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какой формѣ*», и значеніе этой фразы было особенно ясно, потому что передъ тѣмъ около 60-ти членовъ прусской палаты депутатовъ обращались къ императору съ цѣлью обратить его вниманіе на положеніе папы.

дебаты объ основныхъ правахъ, причемъ центръ предлагалъ, чтобы въ имперскую конституцію былъ внесенъ, на ряду съ свободою прессы, правомъ собраній и сходокъ, параграфъ, обезпечивающій самостоятельность церкви и свободу религіозныхъ убѣжденій. Предложеніе звучало необыкновенно либерально, но депутатъ Трейчке обратилъ вниманіе на оборотную сторону его, заключающуюся въ томъ, что составители не взяли изъ прусскихъ основныхъ законовъ самаго лучшаго положенія: „наука и ея ученія *свободны*", а двадцатилѣтній опытъ такъ прекрасно научилъ, что ультрамонтаны всякую свободу, предоставляемую государствомъ *всѣмъ*, употребляютъ на то, чтобы подавить свободу всѣхъ.

Большинство рейхстага не попало на этотъ разъ въ западню и отклонило предложенія ультрамонтановъ. Это двойное пораженіе ультрамонтановъ ожесточило ихъ въ высшей степени, и правительство стало за непріязнь платить имъ тою же монетой. Три дня спустя по окончаніи дебатовъ объ основныхъ правахъ, въ оффиціозной газетѣ „*Provinzial-Correspondenz*" появилась статья, въ которой выражено сожалѣніе, что первыя пренія рейхстага переполнены конфессіональной борьбой, отъ которой здравомыслящіе политики должны ограждать нашу политическую жизнь. Во время сессіи князь Бисмаркъ сдѣлалъ замѣчательный шагъ: онъ пожаловался въ Римѣ на поведеніе ультрамонтанской фракціи, и кардиналъ Антонелли отвѣчалъ представителю германскаго правительства, что не одобряетъ ихъ поведеніе въ рейхстагѣ, но, какъ кажется, въ то же время отвѣчалъ самимъ ультрамонтанамъ совершенно въ другомъ смыслѣ. Дѣло это такъ вполнѣ и не разъяснилось. Прежде всего было публиковано письмо князя Бисмарка къ одному силезскому графу Франкенбергу, принадлежащему къ свободно-консервативной партіи, въ которомъ князь сообщаетъ графу, что онъ предписалъ посольству германской имперіи въ Римѣ убѣдиться въ томъ, соотвѣтствуетъ ли поведеніе партіи центра папскимъ предписаніямъ, и что кардиналъ-государственный секретарь Антонелли отвѣчалъ положительно графу Тауфкирхену (германскому послу), что „поведеніе партіи не одобряется высшимъ духовнымъ постомъ въ Римѣ". Вслѣдствіе опубликованія этого письма майнскій епископъ Кетлеръ, руководитель центра, обратился къ Антонелли, который заявилъ, что съ его стороны не было никакого неодобренія поступковъ центральной фракціи, и гласящее въ этомъ смыслѣ сообщеніе графа Тауфкирхена основано на *заблужденіи* кардинала на счетъ намѣреній центральной фракціи, заблужденія, въ которое онъ былъ введенъ отчасти недостаточностью газетныхъ извѣстій, особенно же оффиціальнымъ объясненіемъ въ Римѣ съ посланникомъ Германской имперіи, по порученію имперскаго канцлера князя Бисмарка, а именно, что парламентское вліяніе центральной фракціи стремится къ возстановленію въ Германской имперіи управленія на основаніи законовъ.

Это двусмысленное положеніе разжигало вражду, и 8-го іюля появился королевскій приказъ, по которому сокращалось католическое отдѣленіе въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и бывшій директоръ его, оберъ-регирунгсратъ Кретцигъ, оставался за штатомъ,—мѣра, не оставившая болѣе сомнѣнія въ ультрамонтанахъ, что правительство *не шутитъ*. Еще въ апрѣлѣ прошлаго года ультрамонтаны основали въ Берлинѣ свой органъ „*Germania*", занявшій въ короткое время первое мѣсто между католическими органами Германіи и въ настоящее время насчитывающій до 7,000 подписчиковъ. Слѣдуетъ отдать справедливость ультрамонтанамъ, что они умѣютъ цѣнить значеніе печати, и „*Germania*" весьма много способствовала организаціи ультрамонтанской партіи. Подобный центральный органъ въ высшей степени важенъ для партіи, разбросанной на столь большомъ пространствѣ. Недавно къ нумеру „*Germania*" былъ приложенъ списокъ подписчиковъ, дающій вѣрную картину ея распространенія или, что то же, распространенія ультрамонтанства въ Германіи. Понятно, что „*Germania*" насчитываетъ наибольшее число подписчиковъ въ Берлинѣ (600), не потому, чтобы ультрамонтанская партія была здѣсь особенно многочисленна, а потому, что „*Germania*"—*берлинская* газета и получается многими изъ ея противниковъ. Въ Мюнхенѣ—142 подписчика, въ Кёльнѣ—132, Мюнстерѣ—108, Ульмѣ — 101; въ Штутгартѣ — 87, Аугсбургѣ—86, Регенсбургѣ—66, Ахенѣ — 62, Кобленцѣ — 58; Оснабрюкѣ—57, Падерборнѣ — 51, Липштатѣ и Вюрцбургѣ — 45, Трирѣ и Тюбингенѣ—41, Везелѣ — 40, Данцигѣ — 39, Бреславлѣ — 36, Нюрнбергѣ—35 и т. д. Такъ какъ каждое изъ этихъ мѣстъ имѣетъ, сверхъ того, свою мѣстную ультрамонтанскую прессу, то изъ этого можно видѣть, какъ велико рвеніе этой партіи.

Все это гнѣзда ультрамонтанства. Но не менѣе важно распространеніе въ среднемъ числѣ экземпляровъ, такъ что въ 159 мѣстъ (я далъ себѣ трудъ сосчитать) посылается по *два* экземпляра, а въ 340 мѣстъ по *одному*. Слѣдовательно, въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ у ультрамонтановъ есть *два* агента или по меньшей мѣрѣ *одинъ*. Но рядомъ съ большимъ центральнымъ органомъ не забывается также и мѣстная пресса. На Рейнѣ и въ Вестфаліи ультрамонтанскія газеты и газетки растутъ, какъ грибы послѣ дождя, а въ Верхней Силезіи маленькая польская печать, усерднѣйшимъ образомъ распространяемая духовенствомъ между населеніемъ, исключительно ультрамонтанская.

Одинъ либералъ изъ Бонна писалъ недавно: „Въ провинціи, которая съ 1830 г. шла во главѣ свободнаго движенія, трубы которой вѣчно дымятся, а фабрики никогда не бездѣйствуютъ; на свободномыслящемъ, просвѣщенномъ, либеральномъ Рейнѣ царствуетъ *ночь*. Кто слѣдитъ внимательно за отношеніями, кто наблюдаетъ за посто-

янно растущимъ числомъ ультрамонтанскихъ депутатовъ [1]), за массой петицій въ пользу іезуитовъ, тотъ при фразѣ „просвѣщенный Рейнъ“ только горько улыбнется. За исключеніемъ нѣкоторыхъ большихъ городовъ почти вся провинція находится въ рукахъ ультрамонтановъ. Да и въ самомъ Кёльнѣ, Крефельдѣ и т. д. только высшіе бюргеры стоятъ за національный флагъ: низшіе классы все болѣе и болѣе тяготѣютъ или къ соціалистамъ, или къ іезуитамъ. Какъ въ эпоху борьбы между Гвельфами и Гибеллинами выступаетъ *ecclesia militans* передъ мелкими собственниками, крестьянами, рабочими, ремесленниками маленькихъ городковъ, съ одной стороны обѣщая имъ всевозможныя вольности, освобожденіе отъ воинской повинности, освобожденіе отъ подавляющихъ налоговъ, отъ тягостной государственной организаціи, хотя съ другой стороны награждаетъ школой строго-поповской, безусловнымъ церковнымъ бракомъ, іерархическимъ порядкомъ съ непогрѣшимымъ папой во главѣ. Къ этому состоянію мы пришли частію по винѣ правительства, которое въ союзѣ съ католической партіей усматриваетъ вѣрнѣйшую поддержку существующаго порядка вещей, частію благодаря поверхностному либерализму, который воображаетъ, что дѣло подвигается отъ „страшныхъ“ словъ, въ родѣ „народная свобода“ и т. п. или отъ „зажигательныхъ“ рѣчей о свободномъ развитіи народа, сказанныхъ на стрѣлковыхъ или гимнастическихъ торжествахъ, и не имѣетъ никакого понятія о могуществѣ ультрамонтанской агитаціи, объ ея безумной энергіи и адской хитрости, объ ея живучести и рѣшимости“.

Самыми главными и настоящими зачинщиками этого могучаго движенія были іезуиты. Когда въ 1869 г. іезуитскій вопросъ поднятъ былъ въ палатѣ депутатовъ, королевское правительство сообщило, что въ настоящее время (то-есть въ ту эпоху) правительству извѣстно о существованіи 14-ти общинъ ордена іезуитовъ, насчитывающихъ 221 члена и 29 послушниковъ, въ цѣломъ же 826 различныхъ общинъ и братствъ мужскихъ и женскихъ съ 5826 членами и 1564 послушниками и послушницами, но что оно не можетъ ручаться за полноту своихъ свѣдѣній. Оффиціальный документъ іезуитовъ, Catalogus Sociorum et officiorum pro 1871, напечатанный въ Регенсбургѣ у Фридриха Пустера, содержитъ слѣдующія данныя о числѣ *нѣмецкихъ* членовъ іезуитскаго ордена. Существуютъ: въ Ахенѣ 22 патера, въ Боннѣ 9, въ Крейцбургѣ 4, въ Кёльнѣ 16, въ Кобленцѣ 7, въ Эссенѣ 7, въ Фельдкиршѣ 17, въ Фридрихсбургѣ въ Вестфаліи 9, въ Горхеймѣ 11, въ Маріа-Лаахѣ 40, въ Майнцѣ 9, въ Мюнстерѣ 12, въ Падерборнѣ 35, въ Регенсбургѣ 13, въ Римѣ 4, въ Швейцаріи 7, въ Бельгіи 8, во Франціи 21, въ Англіи 2, въ Бомбеѣ 35, въ Бразиліи 18,

[1]) Изъ 35-ти депутатовъ рейнской провинціи, 23 пристали къ фракціи центра.

въ Нью-Йоркѣ 3, въ Буффало 12, въ Толедо (Огіо) 6, въ Мериландѣ 4, въ Миссури 5, въ Калифорніи 3, въ Квито 2, въ Чили 4, въ Парагваѣ 5 (въ итогѣ 341). По всей вѣроятности эта цифра ниже настоящей. Но какъ бы то ни было іезуиты доказали на Ватиканскомъ соборѣ, что они владѣютъ римской церковью и вліяніе ихъ сказывается повсемѣстно. Всего болѣе оскорбилось правительство симпатіями, которыя ультрамонтаны выказали съ одной стороны интернаціоналамъ (отсюда происходитъ часто употребляемое выраженіе *красныхъ и черныхъ интернаціоналовъ*), съ другой стороны къ враждебнымъ движеніямъ противъ единства Германіи. Совсѣмъ тѣмъ лѣто и осень прошли совсѣмъ спокойно. Распущеніе католическаго отдѣленія министерства духовныхъ дѣлъ казалось повидимому крайнимъ усиліемъ со стороны правительства, только въ Баваріи случилось важное событіе: графъ Брай, который хотя и былъ человѣкомъ умѣренныхъ воззрѣній, но въ душѣ склонялся къ баварской „патріотической партіи", вышелъ въ отставку и на его мѣсто назначенъ былъ министромъ-президентомъ графъ Гегненбергъ-Дуксъ; но душой новаго министерства былъ тогдашній министръ юстиціи, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія, фонъ-Лутцъ, энергическій и рѣшительный противникъ ультрамонтанства, который прежде всего указалъ на опасность для государства, заключающуюся въ догматѣ о непогрѣшимости папы, и много содѣйствовалъ тому, что прусское правительство рѣшилось наконецъ принять дальнѣйшія мѣры. Вамъ извѣстно, что министръ духовныхъ дѣлъ ф.-Мюлеръ выработалъ, по настоянію всего министерства, проектъ закона о надзорѣ за училищами, и что ему не пришлось предстать передъ прусской палатой со своимъ проектомъ, потому что тѣмъ временемъ онъ былъ замѣненъ Фалькомъ. Фалькъ провелъ законъ о надзорѣ самымъ блестящимъ образомъ. Когда законъ вступилъ въ силу, то были экстренныя ревизіи школъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ ультрамонтаны особенно сильны, и порядочное число духовныхъ лицъ, скомпрометтированныхъ поддержкою ультрамонтанныхъ стремленій, были удалены отъ должностей инспекторовъ. Законъ о надзорѣ за училищами возбудилъ чуть ли не большее негодованіе ультра-лютеранъ, чѣмъ ультра-католиковъ. Въ то время какъ эти послѣдніе были настолько осторожны, что рѣшились преклониться предъ грозой, въ надеждѣ что придетъ время, когда они снова будутъ въ состояніи поднять голову, и каждое духовное лицо рѣшилось спокойно продолжать надзоръ за училищами, пока онъ не будетъ у нихъ отнятъ правительствомъ (участь, которая можетъ постигнуть только *нѣкоторыхъ* изъ нихъ, во-первыхъ потому, что правительство не пожелаетъ понапрасну наживать себѣ враговъ между католическимъ духовенствомъ, а во-вторыхъ, что часто нѣтъ на лицо лучшихъ инспек-

торовъ [1]) — евангелическое духовенство и слышать не хотѣло, чтобы должность, по выраженію нѣкоторыхъ гессенскихъ духовныхъ лицъ, дарованная имъ самимъ Іисусомъ, была у нихъ отнята. Нѣкоторые изъ высшихъ церковныхъ сановниковъ, особенно ихъ провинціальныхъ консисторій, выразили свое неудовольствіе по поводу закона въ весьма жесткихъ посланіяхъ, и президентъ провинціальной консисторіи въ Бранденбургѣ, Гегель (сынъ знаменитаго философа), былъ настолько неумѣренъ въ своихъ выраженіяхъ, что получилъ выговоръ отъ министра просвѣщенія. Этотъ примѣръ подѣйствовалъ на другія консисторіи, не успѣвшія еще высказаться, и заставилъ ихъ умѣрить свой тонъ.

Нѣсколько сложнѣе была такъ-называемая *браунсбергская исторія*. Извѣстно, что многіе католическіе епископы считали себя вынужденными *отлучать отъ церкви* тѣхъ католиковъ, которые не вѣрятъ въ догматъ непогрѣшимости папы, установленный на послѣднемъ ватиканскомъ соборѣ. Такое отлученіе воспрещало вѣрующимъ всякое общеніе съ отлученными. Отлученіе было любимымъ средствомъ, къ которому прибѣгала церковь въ средніе вѣка, чтобы заставить себѣ повиноваться, но оно совершенно вышло изъ употребленія, и всякій „просвѣщенный человѣкъ“ смѣялся надъ громомъ, исходящимъ изъ Рима, и ставилъ его на одну доску съ громовыми стрѣлами Юпитера и театральнымъ громомъ, что однако не помѣшало ультрамонтанамъ вытащить это орудіе изъ стараго чулана и придти къ убѣжденію, что оно еще можетъ отлично послужить имъ.

Кёльнская газета разсказала недавно одинъ весьма печальный случай, подтверждающійся документами и случившійся уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ: одинъ зажиточный купецъ былъ совершенно разоренъ вслѣдствіе отлученія его отъ церкви и доведенъ этимъ до такого отчаянія, что наконецъ лишилъ себя жизни. Легко понять, что въ маленькихъ католическихъ мѣстечкахъ отлученіе ставитъ въ весьма непріятное положеніе. Но нельзя назвать также пріятнымъ недавній случай на Рейнѣ, бывшій съ двумя профессорами, отлученными

---

[1]) По конституціи право надзора принадлежитъ исключительно государству (параграф. 23 прусск. конст.), ближайшая же организація этого надзора предоставлена закону объ учебномъ дѣлѣ, который и по настоящее время еще не выработанъ, такъ что теперешній способъ надзора основывается на *общихъ правахъ страны* и обычаѣ. Высшій надзоръ надъ всей учебной частью принадлежитъ министерству просвѣщенія. Учебными дѣлами въ провинціяхъ завѣдуетъ предсѣдатель *провинціальныхъ школьныхъ коллегій*. Спеціальному вѣдѣнію этихъ коллегій подлежатъ классическія и реальныя школы. Элементарныя и бюргерскія школы подвѣдомственны правительству. Мѣстный надзоръ надъ народными школами порученъ *школьнымъ управленіямъ* въ деревняхъ, *школьной депутаціи* въ городахъ и мѣстному духовенству; надзоръ за школами цѣлаго округа принадлежитъ *школьнымъ инспекторамъ*. Должность эта не оплачивается и вознаграждаются только расходы по проѣзду и т. п.

епископомъ, которыхъ капелланъ выгналъ изъ церкви. Право, когда читаешь о подобныхъ вещахъ, то невольно отдаешь справедливость древнему Лукрецію, хотя онъ и язычникъ, и эпикуреецъ и атеистъ:

Tantum religio potuit suadere malorum!

Въ браунсбергской исторіи столкновеніе между церковью и государствомъ, по поводу подобнаго *церковнаго наказанія*, вышло весьма рѣзкимъ. Назначенный правительствомъ учитель въ браунсбергскую гимназію, докторъ-Волльманнъ присоединился къ партіи, непризнающей непогрѣшимости, и вслѣдствіе этого епископъ эрмландскій, въ округѣ котораго находится Браунсбергъ, лишилъ его церковнаго полномочія заниматься преподаваніемъ (такъ-наз. *missio canonica*), не спросивъ даже о томъ предварительно правительство. Министерство постановило (29 іюня прош. года) по этому поводу неудачное рѣшеніе. Оно рѣшило, что по закону тѣ ученики браунсбергской гимназіи, которые не желаютъ посѣщать уроки закона Божія доктора Волльманна, должны выдти изъ гимназіи (что́ совершенно вѣрно, потому что уроки закона Божія *обязательны*). Рѣшеніе неудачно, потому что оно необходимо должно было повлечь за собой результатъ, несогласный съ желаніемъ министерства. Правительство ни подъ какимъ видомъ не желаетъ стѣснять совѣсть, ему совершенно все равно, вѣритъ ли католикъ въ непогрѣшимость, или нѣтъ, и поэтому оно совершенно справедливо, если не видитъ основанія въ ватиканскомъ рѣшеніи устранять учителя закона Божія, назначеннаго до постановленія собора, но оно поступаетъ непослѣдовательно, требуя отъ гимназистовъ, чтобы они точно также думали. Многіе изъ нихъ вѣрятъ, или выдаютъ себя за вѣрующихъ въ то, что спасеніе ихъ душъ пострадаетъ отъ преподаванія имъ закона Божія человѣкомъ, невѣрующимъ въ непогрѣшимость, и вслѣдствіе этого оставляютъ гимназію. Разумѣется, клерикалы употребили всѣ усилія, чтобы по возможности большинство пришло къ такому рѣшенію, и дѣйствительно, насколько я помню, около 60-ти гимназистовъ вышли. Правительство увидѣло свою ошибку и перенесло споръ на другую почву. Докторъ Волльманнъ продолжалъ учительствовать и не измѣнилъ своего взгляда относительно ватиканскаго рѣшенія. Тогда епископъ отлучилъ его отъ церкви и оповѣстилъ великое отлученіе. „*Pastoralblatt für Ermland*" публиковалъ сверхъ того статью о значеніи отлученія, въ которой значилось: „вѣрующимъ строго вмѣняется въ обязанность прерывать *всякія* сношенія съ удаленными изъ церкви, въ чемъ бы они ни выражались, въ *посѣщеніяхъ*, *поклонахъ*, *занятіяхъ обученіемъ* и т. д. Кто продолжаетъ свои сношенія съ отлученными, тотъ подвергается малому отлученію".

Вслѣдъ затѣмъ министръ просвѣщенія *Фалькъ* отправилъ къ епископу посланіе, въ которомъ просилъ его устранить противорѣчіе, за-

мѣченное между мѣрами, имъ принятыми, и законами страны (общее право страны опредѣляетъ, что исключеніе изъ прихода, насколько оно связано съ невыгодными послѣдствіями для гражданской чести исключеннаго, нуждается въ предварительномъ одобреніи правительства) и довести до свѣдѣнія своей паствы, что противорѣчіе это устранено. Если же это не будетъ исполнено, то довѣріе правительства къ епископу пошатнется и оно прекратитъ оффиціальныя сношенія съ управленіемъ епархіи, подвѣдомственной епископу.

Въ своемъ отвѣтѣ епископъ Кременцъ оспариваетъ прежде всего то, что отлученіе отъ церкви наноситъ ущербъ гражданскимъ правамъ отлученнаго, и приводитъ затѣмъ, что онъ строго держался предписаній католическаго церковнаго права. Если же въ церковномъ правѣ существуютъ противорѣчія, то это до него не относится, устранять подобныя противорѣчія дѣло высшаго государственнаго и церковнаго начальства.

Отвѣтъ епископа Кременца написанъ 30-го марта, и правительство, при несложности дѣла, могло бы полтора мѣсяца тому назадъ возражать на него, однако оно промолчало весь апрѣль. Причина его молчанія заключалась въ томъ, что князь Бисмаркъ имѣлъ въ головѣ мысль сдѣлать послѣднюю попытку примиренія съ папой, посредствомъ назначенія посланникомъ германской имперіи при папскомъ престолѣ кардинала принца Гогенлоэ. Чтобы слѣдить за фактами въ хронологическомъ порядкѣ, я остановлюсь на этомъ назначеніи. Объ немъ было такъ много говорено, что критика всего высказаннаго не легка. Не ручаясь за полную достовѣрность всѣхъ сообщаемыхъ мною подробностей, я могу только завѣрить, что почерпалъ свѣдѣнія изъ лучшихъ источниковъ и, насколько было возможно, провѣрялъ ихъ.

Желалъ ли Бисмаркъ, посредствомъ назначенія Гогенлоэ, дѣйствительно достигнуть примиренія съ папой, или разсчитывалъ на то, что послѣдовало — рѣшить трудно, но я полагаю, что цѣлью его было дѣйствительно установить дружественныя отношенія съ куріей. Конечно, въ настоящее время разрѣшеніе этого вопроса имѣетъ только психологическій интересъ. Бисмаркъ дѣлаетъ видъ, что отклоненіе, сдѣланное папой, случилось для него совершенно неожиданно, а *поступаетъ* такъ, какъ будто давно былъ къ нему готовъ.

Кардиналъ принцъ Гогенлоэ происходитъ изъ фамиліи Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ. Одинъ изъ его старшихъ братьевъ, принцъ Клодвигъ, старшій въ родѣ, живетъ въ Баваріи, въ 1867-мъ до 1870-го года былъ баварскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и въ настоящее время вице-президентъ германскаго рейхстага; второй братъ, герцогъ Викторъ фонъ-Ратиборъ (принцъ фонъ-Корвей и принцъ Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ) владѣетъ фамильными помѣстьями въ Верхней Силезіи. Несмотря на знатное имя, фамилія Гогенлоэ не богата, и

третій братъ вступилъ въ духовное сословіе, которое ему обезпечивало блестящую карьеру. Уже въ 1860-мъ году онъ былъ духовникомъ папы и пользовался особенною милостью его святѣйшества; своимъ удаленіемъ онъ обязанъ іезуитамъ. На ватиканскомъ соборѣ онъ принадлежалъ къ противникамъ догмата непогрѣшимости, но не подалъ голоса противъ этого догмата, потому что при подачѣ голосовъ не присутствовалъ. Послѣ взятія Рима итальянцами, онъ переселился въ Германію, гдѣ и остался жить. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ отъявленный врагъ іезуитовъ, и ходитъ даже слухъ, что его сестрѣ, поступившей въ монастырь, былъ поднесенъ однажды ядъ, отъ котораго она съ трудомъ была спасена. Такимъ образомъ, кардиналъ представлялъ собою личность, въ какой здѣсь нуждались: противникъ ультрамонтановъ, личность не непріятная для папы, несмотря на случившіяся между ними недоразумѣнія, и можно было надѣяться, что назначеніе его установитъ сносныя отношенія между германскимъ государствомъ и куріей. Въ прежнія времена кардиналы часто бывали представителями иностранныхъ державъ при папскомъ дворѣ, и такое назначеніе могло быть для папы только лестно. Когда назначеніе состоялось, папа былъ увѣдомленъ о немъ нѣмецкимъ правительствомъ и письмомъ самого кардинала. Письмо кардинала опубликовано римскимъ корреспондентомъ «Times». Онъ высказываетъ въ немъ положительно, что при берлинскомъ дворѣ желаютъ мирныхъ отношеній съ папой, и его назначеніе посланникомъ есть заявленіе этого мирнаго настроенія умовъ. Отвѣтъ папы остался неизвѣстенъ, но изъ дальнѣйшаго видно, что папа въ общихъ выраженіяхъ отвѣчалъ, что не можетъ раздѣлять мнѣній кардинала. Неуваженіе, оказанное папой нѣмецкому правительству, хуже самаго отклоненія посольства Гогенлоэ.

Увѣдомленіе правительства о послѣдовавшемъ назначеніи оставалось еще безъ отвѣта, а ультрамонтанскія газеты въ Парижѣ, Мюнхенѣ, Оснабрюкѣ и другихъ главныхъ центрахъ ультрамонтанства, уже возвѣщали объ его отклоненіи. Вслѣдствіе этого римскому повѣренному въ дѣлахъ предписано было по телеграфу потребовать отвѣта отъ кардинала Антонелли; отвѣтъ былъ таковъ, что папа не можетъ разрѣшить *кардиналу* принять на себя подобную должность. Такой отвѣтъ, конечно, вполнѣ неудовлетворителенъ, потому что въ прежнія времена кардиналы такъ часто бывали посланниками. Насколько здѣсь извѣстно, вначалѣ папа склонялся признать выборъ Гогенлоэ, но іезуиты и приверженцы ультрамонтано-легимистской партіи въ Италіи, Франціи, Бельгіи и Германіи употребили все свое вліяніе, чтобы убѣдить папу принять противуположное рѣшеніе, такъ какъ они во что бы то ни стало стараются мѣшать установленію сколько-нибудь сносныхъ

отношеній между Римомъ и Германіей и всѣ ихъ надежды сосредоточены на войнѣ между обоими государствами.

Отклоненіе, сдѣланное папой, поразило, какъ ударъ грома. Двое сутокъ оффиціальные органы были въ затрудненіи, чтó имъ говорить, и отдѣлывались одними общими мѣстами. Наконецъ, единогласно заявили, что такъ какъ папа не принялъ примиряющаго предложенія императора, то отказъ его есть оскорбленіе для императора. При томъ уваженіи, которымъ пользуется императоръ, большинство нѣмецкаго народа приметъ сдѣланное императору оскорбленіе за оскорбленіе самой націи. Ничто не возбудило такъ воинственнаго пыла нѣмецкаго народа, лѣтомъ 1870 года, какъ требованіе императора Наполеона, чтобы король Вильгельмъ далъ письменное обѣщаніе относительно гогенцоллернской кандидатуры, и затѣмъ все поведеніе Бенедетти въ Эмсѣ, признанное оскорбительнымъ для короля. Это понятно для всякаго простолюдина и не пройдетъ безслѣдно и на этотъ разъ.

Поступокъ папы подоспѣлъ какъ нельзя болѣе вò время, потому что рейхстагу предстояло разрѣшать предложенія, внесенныя по вопросу о іезуитахъ. Предложенія эти оставались неразрѣшенными (насколько видно изъ совѣщаній коммиссіи и частныхъ обсужденій вопроса), разрѣшить же ихъ малымъ большинствомъ значило бы низложить рейхстагъ и доставить тріумфъ ультрамонтанамъ. Превосходною подготовкою къ парламентской борьбѣ послужило также внимательное изученіе іезуитскихъ органовъ: *Correspondance de Genève*, *Voce delle Verita*, особенно же *Civilta cattolica*. Нѣмецкія іезуитскія газеты, какъ напримѣръ здѣшняя *Germania* и даже вѣнская *Vaterland*, сравнительно осторожны и занимаются прославленіемъ своего благородства; итальянскія же проповѣдуютъ совершенно открыто подчиненіе государства римской церкви. Далѣе другихъ пошла въ этомъ отношеніи вышеупомянутая газета *Civilta cattolica*. Главнѣйшія положенія собраны и недавно изданы іезуитомъ *Либераторе* (подъ заглавіемъ: La chiesa e lo stato), и на нихъ можно послѣдовательно изучить всю систему. Основанія ихъ заключаются въ слѣдующемъ.

Государство подчинено церкви (само собою разумѣется *римской*). Папа поставленъ самимъ Богомъ во главѣ всѣхъ владыкъ; въ немъ сосредоточивается духовная и свѣтская власть; государь не перестаетъ, даже какъ государь, быть подданнымъ папы. Церковь имѣетъ право измѣнять и отмѣнять гражданскіе законы и рѣшенія суда, если они нарушаютъ духовное благо. Всякій государь подчиненъ папѣ даже относительно употребленія своей свѣтской власти, настолько, что папа можетъ приказывать или запрещать государю поступать такъ или иначе, смотря по тому, чего требуетъ божественный законъ и спасеніе душъ. Папа не допускаетъ злоупотребленія оружія и силы и, напротивъ, предписываетъ употребленіе этихъ средствъ, если это требуется для

защиты христіанской религіи. Пій IX вполнѣ уполномоченъ *отмѣнять* различные законы, постановленные современными парламентами, что онъ уже и дѣлалъ. Власть папы распространяется не только на католическихъ государей и католическіе народы, но на всѣхъ *крещеныхъ*.

Эти чрезмѣрныя, или вѣрнѣе, безсмысленныя претензіи во всякомъ случаѣ не скоро будутъ удовлетворены; но въ другой сферѣ доктрина іезуитовъ вполнѣ *практична*. Извѣстно, что іезуиты вездѣ, гдѣ католики составляютъ меньшинство, являются самыми ярыми поборниками свободы совѣсти и религіи; тамъ же, гдѣ большинство католики или правительство католическое, не хотятъ и слышать о свободѣ.

Послѣдній случай есть, конечно, нормальный для іезуитскихъ воззрѣній. Государство должно служить церкви, доставлять ей помощь противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Но патеръ Либераторе дѣлаетъ еще шагъ впередъ и говоритъ: миръ и народное развитіе только въ томъ случаѣ могутъ быть названы полезными для государства, если они находятся въ рукахъ истинной, т.-е. католической религіи. Если же это не такъ, то приходится поступать по словамъ Христа: *„Я пришелъ не съ миромъ, а съ мечомъ“*, потому что *народная рознь есть безъ сравненія меньшее зло, чѣмъ настойчивое пребываніе въ религіозномъ заблужденіи.*

Это послѣднее положеніе есть корень всѣхъ іезуитскихъ воззрѣній, корень всей іезуитской политики и въ то же время истинная причина раздора между Германіей и іезуитами, такъ какъ цѣль германской политики есть политическое объединеніе, несмотря на различіе вѣроисповѣданій. Ставя религіозное единство не только выше политическаго, но желая его достигнуть даже насчетъ послѣдняго, іезуиты признаютъ въ принципѣ то, отъ чего отрекаются на практикѣ, и желаютъ въ душѣ побѣды католической страны, Франціи или Австріи, надъ еретической Германіей.

Знакомство съ іезуитской литературой произвело сильное впечатлѣніе. *Они* не пропускали безъ вниманія извѣстій, которыя заставляли считать шаткимъ положеніе имперскаго канцлера, и несомнѣнно, что съ тѣхъ поръ какъ канцлеръ началъ борьбу съ ультрамонтанами, противъ него послѣдовалъ рядъ интригъ, принимавшихъ иногда весьма грозный характеръ. Раздражительныя нападки канцлера въ парламентѣ противъ бывшаго ганноверскаго министра и коновода клерикаловъ Виндгорста, съ множествомъ личныхъ намековъ, служатъ тому подтвержденіемъ, и всякому извѣстно, какъ далеко простираются связи и вліяніе клерикаловъ. Есть люди, хорошо знакомые съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, которые завѣряютъ, что не разъ являлась возможность неожиданной перемѣны декораціи, и нѣмецкое правительство было на волосокъ отъ заключенія мира съ Римомъ — мира, равнозначущаго при настоящихъ обстоятельствахъ паденію Бисмарка.

Таково было положеніе до отклоненія Гогенлоэ папою. Бисмаркъ не появлялся въ рейхстагѣ, и его органы возвѣщали, что онъ не можетъ принимать участія въ парламентскихъ работахъ. Въ одинъ моментъ все измѣнилось. $^{14}/_{2}$ стояло на очереди обсужденіе бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ, и либералы хотѣли вычеркнуть изъ него 15,000 талеровъ на содержаніе посланника при папскомъ дворѣ, но имъ вскорѣ сообщили, что подобная демонстрація не входила въ программу Бисмарка, и такимъ образомъ докладчикъ *Бенингсенъ*, знающій — между членами парламента — лучше всѣхъ цѣли Бисмарка, уладилъ утвержденіе этой суммы; но самъ *Бисмаркъ* сказалъ рѣчь, которая не то чтобы устраняла всякую возможность соглашенія съ куріей, но выражала непоколебимую рѣшимость не уступать требованіямъ ультрамонтановъ. Эту рѣшимость Бисмаркъ формулировалъ въ слѣдующихъ словахъ: „будьте покойны, мы не пойдемъ въ Каноссу, ни тѣломъ ни духомъ",—весьма удачное выраженіе, потому что въ Германіи каждому школьнику извѣстно, что путешествіе Генриха IV въ Каноссу означаетъ величайшее униженіе нѣмецкаго народа передъ папой. Ультрамонтаны вели свое дѣло недостаточно ловко, и Виндгорстъ возбудилъ всеобщее неодобреніе, выступивъ съ личными нападками на кардинала Гогенлоэ.

Рѣчь Бисмарка имѣла цѣлью подготовить почву для дебатовъ слѣдующаго дня, объ іезуитахъ, и это ему вполнѣ удалось.

Докладчикъ коммиссіи, профессоръ Гнейстъ, представилъ отчетъ объ ея совѣщаніяхъ болѣе обстоятельный, чѣмъ обыкновенно, въ которомъ петиціи подвергнуты весьма строгой критикѣ, доводы же противъ іезуитовъ изложилъ весьма сжато и сильно. Критиковать петиціи было легко, потому что *за* іезуитовъ было около 2500 — въ общей сложности онѣ вѣсили 2 центнера — подписанныхъ большею частью крестами, для такихъ людей, которые не умѣютъ писать — и составленныхъ по образцу, данному попами. Доводы противъ іезуитскаго ордена гласятъ слѣдующее:

Вѣрнаго сужденія о значеніи іезуитскаго ордена нельзя составить ни на основаніи отдѣльныхъ пунктовъ его правилъ, конституцій и сочиненій, ни на свидѣтельствѣ отдѣльныхъ современниковъ или старѣйшихъ авторитетовъ, ни на доказательствахъ его настоящей, мѣстной дѣятельности. Трехсотлѣтняя исторія показываетъ неизмѣнно тожественный образъ дѣйствія этого монашескаго ордена. Первоначальное учрежденіе этого ордена папскою буллою извѣстно, равно какъ и подчиненіе его генералу ордена, проживающему въ Римѣ, обиліе въ немъ обѣтовъ и степеней, развѣтвленіе ордена по провинціямъ, его коллегіи, раздѣленіе его членовъ на послушниковъ, учителей, схоластиковъ, коадъюторовъ и професовъ. Точно также принадлежитъ исторіи вліяніе ордена на церковь и государство съ начала его основанія

до его упраздненія папскимъ декретомъ, его возстановленіе и существованіе по сіе время. Исторія великой религіозной борьбы и религіозныхъ войнъ въ Европѣ, судьба великихъ династій, въ особенности бурбонской, безчисленныя изгнанія ордена изъ предѣловъ Франціи и другихъ странъ свидѣтельствуютъ о чрезвычайной, могучей дѣятельности, которая не имѣетъ себѣ равной въ другихъ монашескихъ орденахъ римской вселенской церкви. Исторія соборовъ, Тридентскаго, или Ватиканскаго 1870 года, производитъ такое впечатлѣніе, что могущество ордена гораздо значительнѣе, нежели могущество всего германскаго епископата. Съ удивленіемъ ли относиться къ этой дѣятельности или со страхомъ, во всякомъ случаѣ приходится признать ее за могучую организацію, съ строго замкнутой монархической конституціей, съ централизаціей, въ которой *современная германская имперія* составляетъ *одну* изъ двадцати или болѣе провинцій. Возраженіе, что іезуитскому ордену воспрещена ихъ правилами всякая дѣятельность въ кругу внѣшней государственной политики, будетъ пустымъ словопреніемъ; орденъ всегда настолько признавалъ необходимымъ участіе церкви въ внѣшнихъ дѣлахъ, что въ кабинетахъ монарховъ, въ министерскихъ управленіяхъ, равно какъ и на вліятельныхъ мѣстахъ церковнаго управленія всегда имѣлъ своихъ представителей при спорныхъ вопросахъ между церковью и государствомъ.

Орденъ (оффиціальное выраженіе прусскаго правительства собственно не орденъ, а *конгрегація*) опирается на *свободномъ правѣ обществъ* и на правѣ, даруемомъ конституціей, правѣ *самостоятельности* религіозныхъ обществъ, но онъ не подходитъ подъ эту категорію. Это не частное общество, „не сообщество для дозволенныхъ цѣлей“ (такъ опредѣляетъ конституція право обществъ), но онъ состоитъ изъ членовъ іерархически организованной корпораціи, связанныхъ клятвою,—корпораціи, распространенной на владѣніяхъ католической церкви всей вселенной и имѣющей за границей своихъ высшихъ представителей. Разсматривать этотъ орденъ въ данномъ мѣстѣ, какъ „соединеніе въ общество частныхъ лицъ“, противорѣчитъ дѣйствительности: это суть члены *замкнутой, государству подобной организаціи,* составляющей всемірное церковное государство. Общество, состоящее, какъ говорятъ, изъ частныхъ лицъ, состоитъ въ дѣйствительности изъ людей, пользующихся всѣми привилегіями католическаго духовенства и величайшимъ авторитетомъ, стоящихъ подъ защитой святости и неприкосновенности церкви. Укажетъ ли правительство ордену на законныя границы, обусловливаемыя кругомъ дѣйствія церкви, ея правилами и отношеніемъ къ государству, іезуиты укажутъ ему на свободу обществъ; сошлется ли правительство на законныя границы права обществъ, іезуиты сошлются на самостоятельность и автономію церкви. Они *неуловимы* и *неуязвимы*.

Въ этомъ вся суть. Государство не можетъ ничего сдѣлать противъ организаціи ордена іезуитовъ, и еще вопросъ, удастся ли формулировать какой-нибудь законъ, который привелъ бы къ положительнымъ результатамъ на практикѣ. Двухдневные дебаты въ рейхстагѣ мало подвинули вопросъ впередъ. Наиболѣе выдающимся было предложеніе депутата Вагнера, который вѣроятно говорилъ по внушенію Бисмарка, и который имѣлъ въ распоряженіи матеріалъ, доставленный ему правительствомъ. Депутатъ Вагнеръ въ рейхстагѣ играетъ роль *persona grata*, тѣмъ не менѣе его аргументы нашли одобреніе. Наиболѣе сильное впечатлѣніе произвело его сообщеніе о попыткахъ, сдѣланныхъ въ Вестфаліи, примѣнить на практикѣ ватиканскіе декреты. „Мнѣ извѣстенъ случай,—сказалъ онъ,—который, какъ я слышу, будетъ разбираться законнымъ порядкомъ, что въ Вестфаліи прусскимъ чиновникамъ было предложено высказать откровенно, какъ они относятся къ ватиканскимъ рѣшеніямъ. Одинъ прусскій чиновникъ, получивъ подобное требованіе, возражалъ, что онъ не можетъ признавать ватиканскихъ рѣшеній, потому что тѣмъ самымъ нарушитъ свою присягу и вѣрноподданство; на это католическій священникъ замѣтилъ, что всякая присяга дается съ *reservatio mentalis* относительно служебныхъ обязанностей, которыя настолько обязательны, насколько не противорѣчатъ *высшимъ обязанностямъ церковнымъ*“.

Понятно, что въ основаніи подобныхъ разсказовъ лежатъ факты, а потому ультрамонтанамъ приходилось только отмалчиваться.

Предложеніе противъ іезуитовъ было принято 205-ю голосами противъ 84, и рейхстагъ постановилъ возложить на имперскаго канцлера: „1) изыскать средства для установленія въ имперіи порядка, который бы гарантировалъ общественныя права, религіозный миръ, свободу вѣроисповѣданій и защиту гражданъ отъ посягательства на ихъ права со стороны духовенства; 2) пригласить канцлера представить проектъ закона, которымъ бы, на основаніи вступленія 13 и 16 параграфовъ 4 статьи имперской конституціи, точно опредѣлялась законность и условія существованія духовныхъ орденовъ, братствъ и ассоціацій, и подвергалась бы наказанію *вредная для государства дѣятельность ихъ, особенно же дѣятельность іезуитскаго братства*“.

Союзному совѣту предстоитъ теперь задача выработать подобный законъ,—задача нелегкая, если желать, чтобы законъ былъ *примѣнимъ на практикѣ*. Во время дебатовъ не разъ было высказано мнѣніе, что простое запрещеніе іезуитскаго ордена ни къ чему не приведетъ, такъ какъ изгнанные іезуиты вернутся, и ни у кого на лбу не написано, іезуитъ онъ или нѣтъ.

Въ то время какъ рейхстагъ былъ занятъ вопросомъ о іезуитахъ, прусское министерство совѣщалось о томъ, что ему предпринять относительно епископа эрмландскаго Кременца, и пришло наконецъ къ

заключенію, дать епископу предписаніе, чтобы онъ въ оффиціальномъ заявленіи загладилъ оскорбленіе чести отлученныхъ имъ лицъ и обѣщалъ правительству впредь безусловно подчиняться государственнымъ законамъ.

Взгляды на этотъ поступокъ министерства раздѣлились. Одни вполнѣ съ нимъ согласны, другіе же считаютъ его за доказательство слабости правительства, которое, разъ епископъ показалъ неповиновеніе, должно было поступить съ нимъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ церемоній. Одинъ умѣренно-либеральный органъ, состоящій въ хорошихъ отношеніяхъ съ правительствомъ, но въ то же время вполнѣ независимый, передаетъ свое воззрѣніе, ясно адресованное „кружкамъ депутатовъ рейхстага", слѣдующимъ образомъ:

„До чего мы дожили, когда прусскій подданный дерзаетъ заявлять правительству короля, что онъ *только условно повинуется законамъ страны!* До чего мы дожили, когда *правительство* считаетъ себя вынужденнымъ, *писать бумагу изъ государственнаго министерства прусскому подданному, въ которой требуетъ отъ него обѣщанія повиноваться законамъ, что и безъ того должно быть для всякаго обязательно?* Если подобное дѣяніе правительства въ Пруссіи необходимо, то это служитъ только неоспоримымъ доказательствомъ въ пользу того, что, вслѣдствіе многолѣтней уступчивости и небрежности, авторитетъ правительства потрясенъ въ корнѣ. Его слѣдуетъ возстановить и быть увѣрену: прусскій и нѣмецкій народъ съ радостью встрѣтитъ всякую мѣру, подтверждающую, что въ Пруссіи не остается ненаказаннымъ тотъ, кто сопротивляется повиновенію законамъ страны".

Занятія политикой все еще охлаждаютъ у насъ интересы къ литературѣ и искусствамъ. Бѣдная Пруссія всегда покровительствовала монументальному искусству, и Берлинъ, по богатству своихъ памятниковъ, можетъ соперничать съ любой изъ столицъ. Я предполагаю, что императоръ Вильгельмъ не особенный почитатель искусствъ, за исключеніемъ развѣ ваянія и военной живописи, гдѣ дѣйствующія лица—портреты; несмотря на то, король умѣетъ цѣнить значеніе искусствъ, что подтверждается назначеніемъ кронпринца покровителемъ музея, постъ, которому этотъ послѣдній удѣляетъ много вниманія. Времена, когда Мюлеръ самодержавно распоряжался дѣлами искусства, миновали, слава Богу, и министерство просвѣщенія (которому подвѣдомственны всѣ дѣла, касающіяся искусствъ) пригласило недавно превосходнаго художника, профессора Эггерса. Вниманіе образованнаго класса столицы обращено въ настоящее время на выставку проектовъ будущаго *зданія для парламента*, которая устроена на Королевской площади, передъ Бранденбургскими воротами, близъ памятниковъ въ честь побѣдъ 1866 и 1870 годовъ. Болѣе 100 проектовъ было прислано изъ разныхъ странъ—даже изъ Франціи!—и залы выставки ежедневно пе-

реполнены посѣтителями. Поразительная превратность судебъ! Въ теченіи десятка лѣтъ паролемъ *правительственной* партіи было: парламентаризмъ долженъ быть уничтоженъ! вдругъ зданіе для парламента германской имперіи должно быть красой народнаго искусства!

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ АѲИНЪ.

11 апрѣля, 1872 *).

Политическіе дѣятели и открытіе палаты.

Кто въѣзжалъ въ первый разъ въ стѣны такихъ городовъ, какъ Римъ, Аѳины, — тотъ никогда не забудетъ того впечатлѣнія, какое производятъ на каждаго эти колыбели новой цивилизаціи. Къ чарамъ сѣдой древности присоединяется еще и великолѣпная картина, когда случится подъѣхать къ Аѳинамъ изъ Пирея въ какую-нибудь дивную, прозрачную аттическую ночь. Предъ вами у подошвы голой скалы Ликабета толпятся съ миріадами огоньковъ дома новаго города; ихъ бѣлизна рѣзко выдается на темномъ фонѣ Гиметта и Парнесса, которыхъ спокойно-величественныя гряды замыкаютъ горизонтъ съ двухъ сторонъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ справа одиноко стоитъ храмъ Тезея. Вамъ не вѣрится, что столѣтія прошли надъ его стройной колоннадой, что его нетронутыя стѣны навсегда мертвы и пусты. Ржавчина, наложенная на него временемъ, исчезла; облитый свѣтомъ, онъ ожилъ предъ вами, какъ въ золотые дни Кимона и Перикла. Еще далѣе направо чернѣютъ пустынныя скалы. Ничто, кромѣ ихъ громкихъ именъ, не напоминаетъ вамъ, что здѣсь когда-то кипѣла бурная, общественная жизнь, развивалась богатѣйшая въ исторіи цивилизація. Эти скалы — Ареопагъ, Пниксъ и Музей. Посреди ихъ, наконецъ, въ какомъ-то волшебномъ сіяніи возвышается Акрополь. На его увѣнчанной вершинѣ, ряды величественныхъ колоннъ Парѳенона ослѣпительной бѣлизною оттѣняютъ темно-синюю лазурь. Вдали серебрится Фалерскій заливъ, а на крайнемъ горизонтѣ изъ свѣтлаго тумана выступаютъ крутые утесы Эгейскихъ острововъ.

Насколько я могъ замѣтить, фланируя на другой день по городу,

*) Корреспонденція, предназначенная для майской книги, оставалась слишкомъ долго въ пути, и потому нѣсколько опаздываетъ своимъ появленіемъ въ печати.
Ред.

его внѣшность мало чѣмъ измѣнилась со времени моего перваго посѣщенія. За исключеніемъ 3—4 болѣе застроенныхъ улицъ, Аѳины все такъ же напоминаютъ планъ города, скорѣе чѣмъ настоящій городъ. Безчисленныя стѣны и заборы отдѣляютъ мѣста, принадлежащія разнымъ владѣльцамъ и на которыхъ предполагается строить дома; но дома тѣмъ не менѣе плодятся туго. Въ постройкѣ публичныхъ зданій по прежнему свирѣпствуетъ манія подражать классическимъ образцамъ, породившая между прочимъ такія жалкія каррикатуры, какъ королевскій дворецъ или зданіе университета. Надо сознаться впрочемъ, что самое послѣднее произведеніе въ античномъ стилѣ, а именно академія, несравненно удачнѣе предшествовавшихъ построекъ этого рода. Она еще не готова. Работы производятся подъ руководствомъ нѣмецкаго художника Цислера на счетъ вѣнскаго банкира Сины. Какъ Парѳенонъ и храмъ Тезея, она построена изъ цѣльнаго пенteликскаго мрамора; богатый іоническій фронтонъ украшаетъ фасадъ главнаго корпуса, отъ котораго съ обѣихъ сторонъ отдѣляются подъ прямымъ угломъ два флигеля безъ оконъ, освѣщенные сверху и поддерживаемые пилястрами. Прекрасно разсчитанные размѣры всего зданія, его изящная простота составляютъ разительный контрастъ съ стоящимъ рядомъ университетомъ. Къ несчастію, двѣ колонны, поставленныя предъ фронтономъ и далеко превосходящія его вышиною, нарушаютъ гармонію цѣлаго и портятъ впечатлѣніе; на нихъ, говорятъ, будутъ поставлены статуи. Изъ строящихся въ настоящее время общественныхъ зданій, можно упомянуть еще новый музей и политехническую школу; ничего особеннаго въ наружной архитектурѣ, но внутри просторныя и свѣтлыя залы, какъ нельзя лучше приспособленныя къ своему назначенію.

Въ общемъ, Аѳины очень напоминаютъ южные города Италіи, ихъ веселенькій видъ и свѣтлые домики съ черепичными крышами. Главныя улицы очень чисты; въ болѣе отдаленныхъ закоулкахъ, въ особенности же въ обстраивающихся кварталахъ, безъ всякой церемоніи сваливаютъ посреди улицы разные строительные матеріалы, какъ-то камень, мусоръ, а подъ часъ и хуже, такъ что не только нельзя проѣхать каретѣ, но и пѣшеходу не мудрено сломать себѣ шею, тѣмъ болѣе, что газъ заведенъ очень недавно и далеко не вездѣ. Характеристическая черта Аѳинъ, бѣдность зелени, мало-по-малу начинаетъ исчезать. Не говоря уже о королевскомъ садѣ и нѣсколькихъ скверахъ, посаженныхъ королевой Амаліей, многіе сады, разбитые съ ея легкой руки разными владѣльцами, въ настоящее время разрослись и придаютъ городу болѣе оживленную физіономію. Кстати о бывшей королевѣ; современнымъ аѳинянамъ не разъ пришлось бы вспоминать ее добромъ, если бы они, какъ и предки ихъ, не отличались неблагодарностью. Всякимъ кустомъ, на которомъ теперь отды-

хаетъ ихъ взглядъ, они обязаны ей. Нельзя не замѣтить въ особенности прекрасныхъ, обсаженныхъ деревьями дорожекъ, опоясывающихъ Акрополь и ведущихъ на самую вершину его, куда прежде приходилось взбираться по голой и крутой скалѣ. Почва оказывается далеко не столь неблагодарною, какъ долго предполагали. Кромѣ оливковаго дерева и прекраснаго аттическаго тополя, здѣсь хорошо принимаются апельсинное и лимонное дерево, алоэ, кактусы, перцовое дерево и даже пальмы, выписанныя королевой Амаліей изъ Египта.

Что сами аѳиняне, впрочемъ, не чувствуютъ большой потребности въ зелени, можно заключить изъ того, что любимымъ мѣстомъ для ежедневныхъ прогулокъ они выбрали шоссе, ведущее изъ города въ д. Патиссію,—продолженіе Эоловой улицы. Это длинная лента пыльной дороги безъ малѣйшаго признака тѣни, на которой весь мѣстный фешенебэльный людъ приходитъ каждый день отъ 4 до 6 часовъ жариться на палящемъ знoѣ. Прежде, во времена Оттона, сюда являлась по воскреснымъ днямъ и военная музыка; теперь же она играетъ гдѣ шатается менѣе изящный народъ. Въ загородныя же, болѣе отдаленныя прогулки, мѣстные жители не рѣшаются пускаться со времени мараѳонской драмы, которая надолго поселила здѣсь всеобщій страхъ. Несмотря на то, что о разбойникахъ уже давно не слышно въ окрестностяхъ, полиція, боясь попасть въ новую передѣлку съ дипломатическимъ корпусомъ, предпочла разъ навсегда вмѣнить въ обязанность и иностранцамъ, и туземцамъ, отправляющимся куда бы то ни было за городъ, брать съ собою военный конвой. Подобныя предосторожности, очень естественно, только могутъ укоренить и безъ того господствующую панику, такъ что безъ всякой видимой опасности аѳиняне осуждены жить взаперти въ своихъ стѣнахъ, какъ въ осажденномъ городѣ.

Что касается до меня, то цѣлью моей первой прогулки было, конечно, свиданіе съ старымъ другомъ Акрополемъ. На его классическую скалу можно взобраться съ разныхъ сторонъ, но всего удобнѣе по широкому бульвару, который тянется вдоль королевскаго сада, выдти къ развалинамъ Юпитера Олимпійскаго, а оттуда, минуя Адріанову арку и небольшое предмѣстье, прекрасная дорога, обсаженная деревьями, о которой я упоминалъ выше, приведетъ васъ къ самымъ воротамъ венеціанской цитадели. Выборъ этого пути выгоденъ въ особенности для путешественника, остановившагося въ Аѳинахъ на короткое время, такъ какъ онъ сразу можетъ окинуть бѣглымъ взглядомъ наиболѣе замѣчательные остатки древняго искусства.

Уже за королевскимъ садомъ его встрѣчаетъ картина, предъ которой онъ долженъ невольно остановиться. Въ глубинѣ—спокойныя воды Фалерскаго залива; за ними въ три уступа плавно тянутся гористые берега Эгины, Гидры и отдаленнаго Пелопоннеза; слѣва — величавый,

вѣчно-зеленый Гиметтъ, у подножія котораго живописно раскинулась долина Илисса. Здѣсь-то, въ этой очаровательной рамкѣ, на широкой эспланадѣ, которая какъ-бы нависла надъ долиной, гордо рисуются на бирюзовомъ фонѣ безоблачнаго неба 12 колоссальныхъ іоническихъ колоннъ; нѣкоторыя изъ нихъ еще соединены архитравомъ, тринадцатая лежитъ на землѣ, разбитая, кажется, землетрясеніемъ. Вотъ все, что́ осталось отъ одного изъ величайшихъ въ древности святилищъ: храма Юпитера Олимпійскаго.

Идите далѣе, мимо развалинъ Адріановой арки, которая, кромѣ извѣстной надписи съ двухъ сторонъ ея, не заключаетъ ничего замѣчательнаго. Поверните направо, въ грязный переулокъ предмѣстья, пройдя нѣсколько шаговъ до небольшой площади, вы увидите передъ собою оригинальное, но чрезвычайно граціозное зданіе. Вокругъ легкой, крошечной ротонды возвышается рядъ мелкихъ и стройныхъ полуколоннъ; вдоль карниза барельефы, а надъ остроконечной крышею какое-то причудливое украшеніе, въ родѣ распустившагося цвѣтка. Это памятникъ Лизикрата, какого-то хорегія (капельмейстера), одержавшаго во II вѣкѣ побѣду на музыкальномъ конкурсѣ. Получивъ за то премію, золотой треножникъ, онъ поставилъ этотъ памятникъ, чтобы увѣковѣчить свою славу. Ротонда Лизикрата не была въ древнихъ Аѳинахъ исключительнымъ явленіемъ; отъ самаго Акрополя, мимо театра Вакха тянулся цѣлый рядъ подобныхъ же построекъ, свидѣтельствовавшихъ объ одержанныхъ въ разное время артистическихъ побѣдахъ. — такъ-называемая улица Треножниковъ.

Пройдя предмѣстье, вы уже у подножія Акрополя. Дорога огибаетъ его, оставляя влѣво музей съ памятникомъ ѳракійскаго царя Филопаппа. Справа же къ самой скалѣ лѣпятся театръ Вакха и одеонъ Региллы, иначе называемый театромъ Ирода Аттика. Оба замѣчательны превосходнымъ сохраненіемъ, но первый гораздо любопытнѣе. Внутренность его, отдѣланная пентеликскимъ мраморомъ, представляетъ одинъ изъ полнѣйшихъ и богатѣйшихъ образцовъ древней архитектуры этого рода. Ряды высѣченныхъ изъ мрамора мѣстъ для публики расположены амфитеатромъ и раздѣлены широкими и удобными вомиторіями. Первый рядъ креселъ, болѣе изящной отдѣлки, присвоенъ былъ различнымъ жреческимъ и гражданскимъ сановникамъ; имя каждаго изъ нихъ высѣчено на принадлежащемъ ему мѣстѣ. Здѣсь помѣщался жрецъ покровительницы города, Паллады Аѳины. Тамъ же далѣе сидѣлъ жрецъ Вакха, который въ зданіи, посвященномъ его богу, конечно, пользовался особеннымъ почетомъ; за то и кресло его отличается отъ прочихъ какими-то особенно замысловатыми украшеніями. Среднія мѣста заняты были архонтами, и во главѣ ихъ красовался архонтъ базилевсъ, первый сановникъ города. Внизу полукруглая площадка, отдѣленная отъ перваго ряда креселъ невысокой загородкой;

на ея мраморномъ полу два большихъ круга. Здѣсь когда-то помѣщались хоры, безъ которыхъ не могла обойтись древняя трагедія; въ этихъ кругахъ мы видимъ единственные слѣды устроеннаго для нихъ возвышенія. Впереди сцена — широкая платформа, украшенная богатыми барельефами. Сюжетъ ихъ, разумѣется, выбранъ въ угоду мѣстному божеству: Фавны, Силены, виноградныя лозы и прочіе вакхическіе аттрибуты. Театръ Вакха, кажется, древнѣйшій въ Аѳинахъ, но отдѣлка его въ настоящемъ видѣ принадлежитъ позднѣйшей, римской эпохѣ; орнаментація и вообще скульптурныя детали изобличаютъ упадокъ искусства. Поэтому, я совѣтовалъ бы всѣмъ путешественникамъ посѣщать его на пути въ Акрополь, а не по возвращеніи. Послѣ божественныхъ обломковъ золотого вѣка, разница слишкомъ ощутительна и непріятно поражаетъ глаза.

За одеономъ Региллы немедленно начинается подъемъ на Акрополь; дорога вьется зигзагами между колючими кустами кактуса. У воротъ старой венеціанской цитадели, сторожъ изъ солдатъ спрашиваетъ у васъ билетъ, безъ котораго запрещено пропускать кого бы то ни было за ограду. Впрочемъ запрещеніе это совершенно номинально; видъ австрійскаго цванцигера имѣетъ для простолюдина слишкомъ сильное обаяніе и всегда откроетъ вамъ доступъ куда и когда угодно.

Вотъ вы наконецъ миновали уголъ крѣпостной стѣны и вторыя ворота, и предъ вами открывается грандіозная колоннада Пропилей.

Развалины Акрополя, а въ особенности Пропилеи и Парѳенонъ настолько знакомы всякому образованному читателю изъ многихъ превосходныхъ описаній и безчисленныхъ рисунковъ, что не будучи спеціалистомъ и не надѣясь прибавить чего-либо новаго къ запасу общеизвѣстныхъ свѣдѣній, я ограничусь однимъ лишь замѣчаніемъ: самыя полныя и художественныя описанія кажутся вамъ сухи и безжизненны, когда, въ безоблачное весеннее утро, сидя на обломкахъ ротонды, когда-то посвященной Риму и Августу на восточной окраинѣ Акрополя, вы однимъ жаднымъ взглядомъ охватываете и священный портикъ Парѳенона, и граціозныя очертанія каріатидъ Эрехтеума, и ту чудную панораму, въ которой художественное чутье грековъ угадало достойный пьедесталъ для безсмертныхъ произведеній своего искусства.

Въ теперешнее посѣщеніе на мою долю однако выпало исключительное счастіе любоваться вблизи однимъ изъ лучшихъ деталей Парѳенона, а именно единственной уцѣлѣвшей частію знаменитаго фриза, которая, по высотѣ своего положенія, въ обыкновенное время недоступна для подробнаго осмотра. Въ цѣломъ своемъ видѣ, фризъ, украшавшій наружную стѣну целлы (святилища), какъ извѣстно, представлялъ громадную рельефную картину процессіи Панатеней.

По сѣверному и южному карнизу тянулись ряды жрецовъ и гражданъ, аѳинянокъ и метекъ (иностранокъ) съ различными дарами; за ними слѣдовали эфебы (воины) верхами. Съ обѣихъ сторонъ процессія направлялась къ общему центру, къ группѣ боговъ Олимпа на восточной стѣнѣ. Всѣ эти части фриза находятся въ настоящее время въ лондонскомъ музеѣ, кромѣ немногихъ обломковъ, выставленныхъ внутри Парѳенона, и между прочимъ одного, приписываемаго Фидію, изображающаго группу изъ трехъ фигуръ — 2 мужскихъ и 1 женской. Нептунъ ли это, Аполлонъ и Діана, какъ думаютъ иные, или же полубоги: Тезей, Агравлъ и Пандроза, какъ предполагаютъ другіе, по отсутствію божескихъ аттрибутовъ,—я не берусь рѣшить, да, признаюсь, эта сторона вопроса и не представляетъ для меня большого интереса. Но что это не люди — почувствуетъ всякій, вглядѣвшись въ нихъ: такимъ неземнымъ величіемъ дышатъ ихъ дивныя черты и безстрастный взоръ, погруженный въ спокойное созерцаніе. На западной сторонѣ фризъ, неизвѣстно почему пощаженный англичанами, сохранился въ своей неприкосновенности; съ него-то, благодаря счастливой случайности, директоръ британскаго музея, Ньютонъ, желая пополнить пробѣлъ въ находящихся у него частяхъ фриза, выпросилъ у греческаго правительства разрѣшеніе снять гипсовые слѣпки съ остающейся части; на устроенныхъ съ этой цѣлію подмосткахъ, я могъ въ малѣйшихъ подробностяхъ разсмотрѣть произведеніе, надъ которымъ трудились лучшіе художники Греціи.

Западный фризъ представляетъ задніе ряды процессіи, гдѣ порядокъ не успѣлъ еще вполнѣ установиться. Легко понять, насколько эта чисто-реальная программа давала художникамъ болѣе простора, чѣмъ связанныя строгостью іератическихъ традицій и обреченныя на формально-благочинное однообразіе сцены сѣвернаго и южнаго карнизовъ. Здѣсь и не думаютъ о богахъ Олимпа и о священномъ покрывалѣ. Воины верхами поправляютъ доспѣхи, лошади горячатся. Одна изъ нихъ поднявшись на дыбы, какъ видно, сбросила своего всадника, который бѣжитъ за нею, стараясь удерживать ее за узды. Тамъ и сямъ оторопѣлые начальники кричатъ на безпорядочную толпу и отчаянно машутъ руками. Налюбовавшись на цѣльный эффектъ этой картины, полной жизни и движенія, надо вглядѣться въ художественное совершенство отдѣлки. Въ каждой фигурѣ, сквозь изящный обще-эллинскій типъ, проглядываютъ индивидуальныя, характеристическія особенности. Съ какой тщательностью переданы малѣйшія подробности, украшенія шлемовъ и латъ; какая анатомическая точность видна въ ничтожнѣйшемъ мускулѣ рвущейся сквозь ряды лошади. Какъ не почувствовать благоговѣйнаго удивленія, когда подумаешь, что эти чудеса искусства потрачены на изображенія, которыя снизу едва замѣтны для невооруженнаго глаза.

валинахъ лишь источникъ безконечнаго самодовольства, и, пожалуй, аргументъ для политическаго нищенства: вотъ, молъ, каковы мы были, а дайте намъ Критъ, Өессалію и Константинополь, мы вамъ не то еще покажемъ! Но безкорыстно увлекаться ихъ изученіемъ, или даже понять подобное увлеченіе, грекъ рѣшительно неспособенъ. Притомъ ему и некогда: онъ слишкомъ поглощенъ болѣе практическими заботами. За успѣхъ парламентской интриги или торговой спекуляціи онъ отдастъ всевозможные храмы и барельефы. Мой пріятель П**, какъ и большинство кое-гдѣ понатершихся грековъ, притворялся или воображалъ себѣ, что горячо любитъ и цѣнитъ произведенія отечественной старины. Онъ изливалъ потоки благороднаго негодованія на лорда Элгина, такъ нагло похитившаго у Греціи ея лучшее сокровище—фризъ Парөенона. Но я ни разу не могъ уговорить его, вмѣстѣ со мною, взглянуть на уцѣлѣвшую часть этого самаго фриза, о которой я упоминалъ выше и которой онъ никогда не видалъ, да и не увидитъ, потому что подмостки скоро снимутся.

Если съ художественной стороны новѣйшіе эллины мало чѣмъ попользовались отъ славныхъ своихъ предковъ, за то въ политическомъ отношеніи между ними существуетъ разительное сходство. Теперь, какъ и въ древности, всякій общественный вопросъ затрогиваетъ не одни только верхніе слои, принадлежащіе къ оффиціальной средѣ, а волнуетъ цѣлую массу населенія. Тѣ же личныя, необузданныя страсти, та же, увы! неурядица, та же завистливая жажда отвлеченнаго равенства. Нѣсколько семей, переселившихся изъ константинопольскаго Фанара, тщетно старались образовать нѣчто въ родѣ мѣстной аристократіи. На здѣшней почвѣ она рѣшительно не принимается. Единственнымъ результатомъ этой неудачной попытки было возбужденіе всеобщей ненависти къ замкнутому кружку фанаріотовъ, ненависти на столь сильной, что за послѣднее двадцатипятилѣтіе рѣдкому изъ нихъ удавалось добиться въ Греціи какого-либо политическаго вліянія, или даже проскользнуть въ депутаты. Многіе фанаріоты начинаютъ, впрочемъ, уже сами убѣждаться въ безплодности своихъ олигархическихъ мечтаній и, покинувъ свое изолированное положеніе, силятся сблизиться съ народомъ, поступаютъ на службу и берутъ женъ изъ среды мѣстнаго населенія.

Чтобы убѣдиться, какъ глубоко демократическій духъ сохранился не только въ государственныхъ учрежденіяхъ, но и въ нравахъ новой Греціи, стóитъ только пошататься по улицамъ Аөинъ, гдѣ вы встрѣтите министра подъ руку съ поселяниномъ въ фустанеллѣ,—или зайти въ одну изъ безчисленныхъ кофеенъ, гдѣ люди самаго разнообразнаго званія и положенія собираются толковать о политикѣ. Прислушайтесь къ ихъ разговору: богатый rentier и мастеровой говорятъ другъ другу „ты“, одинаково горячатся и подъ часъ обмѣниваются крупными сло-

вами. Нынѣшняя весна выдалась особенно бурная; много за разъ возбужденныхъ вопросовъ тревожили общество; потому и собранія на улицѣ и въ кофейняхъ попадались чаще обыкновеннаго. Еще въ началѣ этого года упало грекамъ, какъ снѣгъ на голову, извѣстіе о болгарской демонстраціи 6-го января, въ которой они съ неописаннымъ страхомъ увидѣли, ни болѣе, ни менѣе, какъ объявленіе войны панславизма эллинской пропагандѣ. Аѳинскія газеты кликнули кличъ по всему греческому міру, поднимая брошенную, будто бы, перчатку и провозглашая священную войну противъ ненавистнаго славянства и, во главѣ его, злокозненной Россіи, которую, какъ водится, считали виновницей всѣхъ бѣдствій. Кофейни не остались глухи на этотъ призывъ и закипѣли лихорадочнымъ оживленіемъ. Послѣдовавшія извѣстія о ходѣ примирительныхъ переговоровъ между константинопольскимъ патріаршимъ престоломъ и избраннымъ болгарами экзархомъ успокоили разыгравшіяся національныя страсти, или лучше сказать, дали имъ другое направленіе. Случай же, кстати, не замедлилъ представиться. Французское правительство, собирая всевозможныя крупицы для поправленія своихъ истощенныхъ финансовъ, обложило пошлиною суда всѣхъ тѣхъ державъ, которыя не были ограждены трактатами отъ подобнаго побора. Эта мѣра, между прочимъ, пала и на Грецію и поразила ее въ самое живое мѣсто, такъ какъ торговля съ Франціей составляетъ самую существенную статью ея баланса. Опять заиграло благородное негодованіе, полились потоки краснорѣчія. Но какъ ни старалась здѣшняя пресса разжалобить французовъ, взывая къ ихъ рыцарскимъ чувствамъ и эстетическимъ воспоминаніямъ, но неумолимый Пуйе-Кертье не подался на аргументы подобнаго рода и, чтобы избѣжать разорительной пошлины, греки уже начинаютъ, гдѣ возможно, посылать свои суда подъ нашимъ или турецкимъ флагомъ; это не мѣшаетъ имъ, впрочемъ, въ благодарность за оказываемую услугу ругать и насъ, и турокъ елико возможно. Но, помимо этихъ временныхъ заботъ, главнымъ вопросомъ, возбуждающимъ всеобщее участіе и безконечные толки, долго не переставало все-таки быть пресловутое дѣло о Лауріумѣ.

Многимъ изъ читателей вѣроятно случалось встрѣчать въ европейскихъ газетахъ телеграммы и корреспонденціи, касавшіяся Лауріумскаго вопроса, но врядъ ли многіе изъ нихъ могли по этимъ отрывочнымъ извѣстіямъ составить себѣ ясное понятіе о сущности его. Постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ передать тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось почерпнуть здѣсь отъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ, и изъ безчисленныхъ брошюръ по этому предмету.

Въ 1864-мъ году, греческое правительство уступило итальянскому подданному Серпіери и приставшей къ послѣднему французской компаніи Ру-Фрессине эксплуатацію Лауріумскихъ сребро-свинцовыхъ

пріисковъ, извѣстныхъ еще въ древности и упоминаемыхъ Страбономъ. Серебро, по большей части, истощено еще древними рудокопами, но за то свинецъ, которымъ они пренебрегали, находится въ большомъ количествѣ. Кромѣ собственно руды, правительство разрѣшило ассоціаціи Серпіери-Ру разработывать и остатки прежней эксплуатаціи (scories) разсѣянныхъ всюду кругомъ пріисковъ за недостаточностью пріемовъ рудоисканія. Чрезъ два-три года въ аѳинскомъ обществѣ началъ ходить слухъ, будто бы иностранная компанія, не довольствуясь вышеозначенными источниками и пользуясь неопредѣленностью въ редакціи концессіоннаго акта, извлекаетъ сверхъ того неслыханныя выгоды изъ обильной металломъ земли, которую древніе считали негодною и которая покрываетъ громадную площадь въ нѣсколько квадратныхъ миль. Такія рудоносныя земли, всегда находимыя въ окружности богатыхъ пріисковъ, называются на техническомъ языкѣ гальдами (Halden). Подъ этимъ-то послѣднимъ именемъ эти рудники сдѣлались здѣсь предметомъ безконечныхъ и страстныхъ сужденій. Подъ вліяніемъ тревожно-настроеннаго общественнаго мнѣнія, Залмисъ, глава тогдашняго министерства, принужденъ былъ въ 1869-мъ году назначить коммиссію для разсмотра дѣйствій компаніи Серпіери-Ру и оцѣнки производительности гальдъ. Коммиссія составила по этому предмету отчетъ, которымъ, казалось, вполнѣ оправдывала ходившіе въ обществѣ толки: доходъ, извлекаемый иностранными эксплуататорами съ рудоносныхъ земель, оцѣненъ былъ ею въ баснословную сумму, слишкомъ въ 120 милліоновъ драхмъ (около 30 милліоновъ рублей). Вся Греція вскипятилась. Насколько права была компанія, считая гальды уступленными ей по условіямъ правительственной концессіи—до того обществу не было никакого дѣла; но надо было, во чтобы то ни стало, per fas et nefas, оттягать у пришлыхъ спекулянтовъ драгоцѣнный источникъ доходовъ, которымъ такъ удобно было заткнуть многочисленныя щели государственнаго бюджета. Напрасно Серпіери, въ отвѣтномъ мемуарѣ, старался опровергнуть доводы коммиссіи, доказывая законность своихъ правъ на гальды по смыслу условія, и предлагая за $^1/_4$ приведенной выше суммы уступить греческому правительству не только самую эксплуатацію, но и всѣ выстроенныя имъ въ Лауріумѣ промышленныя заведенія. Никто ему не повѣрилъ. Распаленная жадность грековъ не могла такъ легко отказаться отъ взлелѣянной ими мечты; воображаемые милліоны слишкомъ сладко звучали въ ихъ ушахъ. Эти милліоны in partibus infidelium сдѣлались наконецъ для нихъ какой-то національной idée fixe, въ родѣ теперешней тоски французовъ по Эльзасу и Лотарингіи. Словесныя и печатныя ругательства отвсюду сыпались на голову несчастнаго Серпіери. При подобномъ настроеніи общества ясно было, что кто изъ политическихъ дѣятелей первый рѣшится перенести вопросъ о Лау-

ріумскихъ пріискахъ изъ области народной фантазіи и платоническихъ воздыханій на болѣе реальную почву, тѣмъ самымъ пріобрѣтетъ громадную популярность. Это очень хорошо понялъ Делигеорги и, въ 1871-мъ году, поспѣшилъ произнести это магическое имя съ парламентской трибуны; въ его смѣлой иниціативѣ и заключается, главнымъ образомъ, разгадка теперешняго его вліянія на массы. Кумундуросъ былъ тогда первымъ министромъ. Онъ скоро почувствовалъ, что ему не совладать съ оппозиціей, если онъ не успѣетъ выхватить изъ ея рукъ опасное орудіе. Чтобы склонить общество на свою сторону онъ сталъ кричать громче Делигеорги о необходимости свести счеты съ компаніей, и предложилъ палатѣ обложить добываемый въ Лауріумѣ свинецъ пошлиною чуть ли не въ 30%. Но и эта мѣра показалась недостаточною. Руководимая Делигеорги палата приняла слѣдующее рѣшеніе: 1) признать всякія претензіи Серпіери-Ру на разработку рудоносныхъ земель лишенными основанія, такъ какъ правительство, будто бы, не имѣло права ими распоряжаться; 2) объявить гальды государственною неотчуждаемою собственностью; и наконецъ 3) въ видѣ временной мѣры до окончательнаго разрѣшенія вопроса, наложить секвестръ на ихъ разработку. Противъ этого постановленія, въ которомъ палата такъ безцеремонно присвоила себѣ судебныя права, Серпіери и Ру протестовали предъ своими правительствами. Италія и Франція вступились, начались дипломатическіе переговоры, обмѣнъ нотъ и мемуаровъ. Между тѣмъ, палата была распущена и дѣло пріостановилось до нынѣшней сессіи, которой предстоитъ дать ему какой-либо исходъ. Новая палата, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ отстаивать прежнія требованія, и если министерство только подастся на иностранныя внушенія и заикнется о миролюбивой сдѣлкѣ, то оно тѣмъ самымъ наложитъ на себя руки.

Совпаденіе стольких животрепещущихъ для Греціи вопросовъ придало нынѣшнимъ выборамъ особенный интересъ.

Чтобы уяснить себѣ борьбу партій въ этой странѣ, необходимо прежде всего забыть принятыя на обще-европейскомъ политическомъ языкѣ стереотипныя клички и хитрыя подраздѣленія. Демократы и аристократы, монархисты и республиканцы, консерваторы и радикалы,—вотъ, по нашимъ понятіямъ, рубрики, подъ которыя укладываются всевозможные оттѣнки партій. Никакихъ подобныхъ различій вы здѣсь не встрѣтите. Поговорите поочередно съ людьми, принадлежащими къ самымъ враждебнымъ между собою лагерямъ, и вы замѣтите въ ихъ убѣжденіяхъ и политической программѣ замѣчательное тождество. Демократизмомъ здѣсь удивлять некого: всякій грекъ, уже въ силу національнаго склада, родится демократомъ, кромѣ той небольшой и лишенной значенія горсти фанаріотовъ, о которой я уже сказалъ нѣсколько словъ. Надъ формою правленія никто и не задумывается: монархическая власть такъ слаба

въ Греціи, что никого не стѣсняетъ, и, съ другой стороны, не настолько популярна, чтобы кому-либо пришло въ голову серьезно хлопотать объ ея усиленіи. Что же касается политическихъ desiderata, то они такъ мало осмыслены и такъ неопредѣленны, что не могутъ сами по себѣ создать существенныхъ различій. Вотъ почему въ Греціи не существуетъ, да и не можетъ, при этихъ условіяхъ, существовать партіи съ извѣстными принципами, съ опредѣленной програмой. Всѣ сражаются подъ безцвѣтными знаменами. Вотъ также почему здѣсь легче, чѣмъ во всякой другой странѣ, пользующейся представительными учрежденіями, общественные дѣятели перебѣгаютъ изъ одного лагеря въ другой. Имъ не предстоитъ необходимости жертвовать для этого прежними убѣжденіями: новыхъ имъ никто не навязываетъ. За отсутствіемъ коренныхъ принциповъ, партіи группируются исключительно изъ совокупности частныхъ честолюбій или корыстолюбій, и отличаются другъ отъ друга лишь именемъ того политическаго вождя, которому каждая изъ нихъ ввѣрила осуществленіе общихъ надеждъ. Изъ этого слѣдуетъ, что для опредѣленія даннаго политическаго момента въ Греціи нѣтъ нужды вдаваться въ изученіе различныхъ партій, спорящихъ за власть: можно ограничиться характеристикою тѣхъ трехъ или четырехъ личностей, которыя собрали около себя наибольшее число адептовъ.

Такую роль вождей въ настоящую минуту играютъ Булгарисъ, Кумундуросъ и Делигеорги.

Первые два принадлежатъ къ числу политическихъ ветерановъ; они постоянно были соперниками и лишь въ прошломъ году, чуя въ Делигеорги общаго и наиболѣе опаснаго врага и не располагая притомъ, каждый въ отдѣльности, достаточнымъ большинствомъ, они рѣшились, къ общему удивленію, забыть десятилѣтнюю вражду и сплотить въ одно свои такъ долго разрозненныя силы. И дѣйствительно, соединенная партія булгари-кумундуристовъ легло могла бы, не боясь усилій какой бы то ни было оппозиціи, распоряжаться по произволу судьбами страны, еслибы между вождями ея не таилось сѣмя взаимнаго недовѣрія, которое уже неоднократно успѣло выразиться и которое, мнѣ кажется, должно вскорѣ разрѣшиться неминуемымъ распаденіемъ.

Но, даже помимо новыхъ силъ, которыхъ они искали въ своей коалиціи и по числу лично имъ преданныхъ приверженцевъ, Булгарисъ и Кумундуросъ занимаютъ наиболѣе видныя мѣста въ ряду здѣшнихъ государственныхъ людей.

Имя Булгариса тѣсно связано со всѣми главными событіями, ознаменовавшими политическую жизнь Греціи за послѣднее десятилѣтіе. Революція 10-го октября 1862 года была его личнымъ дѣломъ. По изгнаніи баварской династіи въ его рукахъ очутилась почти диктаторская власть и оставалась въ нихъ, несмотря на соперничество

Кумундуроса, почти до самаго вступленія Георга I на греческій престолъ. Новая династія, очевидно, должна была считаться съ подобною силой и не разъ пришлось ей призывать снова Булгариса къ верховному управленію. Онъ поседѣлъ въ парламентскихъ борьбахъ, никто глубже его не изучилъ искусство политическихъ маневровъ, никто такъ ловко не знаетъ лавировать посреди затруднительныхъ обстоятельствъ. Это даетъ ему большое преимущество предъ его соперниками; къ тому же, не скупясь на подачки своимъ приверженцамъ, когда власть находится въ его рукахъ, онъ съумѣлъ создать себѣ сильную и безусловно преданную ему партію. Но съ другой стороны, слишкомъ уже безцеремонное обращеніе съ выборами настроило противъ него общественное мнѣніе; сверхъ того, его двусмысленная роль въ послѣднихъ эпизодахъ критскаго дѣла не могла не нанести большого ущерба его популярности. Призванный управлять министерствомъ, когда безплодность послѣднихъ усилій возстанія сдѣлалась для греческаго правительства очевидною, онъ, говорятъ, самъ снарядилъ извѣстную экспедицію Петропулаки, которою волонтеры надѣлали въ Аѳинахъ много шума, но, высадившись въ Кандіи, немедленно сдались туркамъ. Въ то же самое время знаменитый корсаръ „Эноссисъ", такъ долго и успѣшно провозившій провіантъ и подкрѣпленіе инсургентамъ сквозь цѣпь турецкихъ блокадныхъ судовъ, былъ схваченъ въ Сирѣ адмираломъ Гобартъ-пашей. Это совпаденіе неудачъ возбудило въ Греціи всеобщее негодованіе противъ Булгариса и приписано было тайному уговору его съ англійскимъ и турецкимъ правительствами, съ цѣлью убѣдить націю въ безполезности дальнѣйшаго сопротивленія. Напрасно онъ потомъ прикинулся партизаномъ отчаянной борьбы, требовалъ поголовнаго вооруженія, налога на всѣ состоянія въ размѣрѣ 30-ти, кажется, процентовъ съ дохода, и даже расхищенія государственнаго банка въ пользу священной войны: это напускное бѣснованіе никого не разубѣдило, и на имени его осталось неизгладимое пятно.

Не менѣе значительную роль играетъ въ здѣшнемъ политическомъ мірѣ постоянный соперникъ Булгариса, Кумундуросъ. Въ продолженіи десяти лѣтъ они оспаривали другъ у друга первенство вліянія, и мало-по-малу перевѣсъ склонился на сторону послѣдняго такъ, что въ минувшую парламентскую сессію онъ даже успѣлъ создать въ палатѣ безпримѣрное здѣсь единогласіе. Хитрый и проницательный умъ, его финансовыя способности, а въ особенности высказавшійся во время критскаго возстанія горячій патріотизмъ, придали его имени большой вѣсъ и сгруппировали вокругъ него партію, безспорно первую по численности и личному составу. Слѣдующій эпизодъ изъ бурной карьеры Кумундуроса можетъ дать понятіе о громадномъ авторитетѣ, которымъ онъ пользуется въ странѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о рѣшительности, составляющей отличительную черту его характера. Въ 1868 г.

Булгарисъ, будучи главою министерства и желая отдѣлаться отъ блестящаго предводителя оппозиціи, отдалъ подъ какимъ-то предлогомъ приказъ объ его арестованіи. Кумундуросъ, ни мало не задумываясь, удалился въ свои помѣстья въ Лаконіи, собралъ своихъ приверженцевъ и, поднявъ всю окрестную страну, объявилъ, что будетъ сопротивляться вооруженной рукою. Въ виду такого неожиданнаго оборота, Булгарисъ принужденъ былъ отмѣнить свой приказъ. Впрочемъ въ послѣднее время обнаружилось въ лагерѣ Кумундуроса несогласіе, грозящее значительно ослабить его партію; часть кумундуристовъ почти совершенно отпала отъ своего бывшаго вождя и сгруппировалась вокругъ Зантскаго демагога Ломбардо. Говорятъ, будто Кумундуросъ, позабывъ, что партія въ Греціи не что иное, какъ торговая ассоціація à forfait, въ послѣднее свое министерство не удовлетворилъ акціонеровъ, поддерживающихъ его фирму, достаточнымъ дивидендомъ. Inde irae!

Въ народномъ собраніи, послѣдовавшемъ за переворотомъ 10 октября, въ первый разъ упоминается въ рядахъ оппозиціи имя Делигеорги. Молодой, никому до тѣхъ поръ неизвѣстный адвокатъ неожиданно разразился рядомъ громовыхъ рѣчей, которыя сразу упрочили за нимъ славу перваго въ Греціи оратора. Съ того времени популярность Делигеорги постепенно росла. Можно смѣло сказать, что вся юная Греція въ немъ одномъ видитъ своего Мессію, призваннаго исцѣлить всѣ отечественныя язвы. Неподкупная честность убѣжденій, признаваемая за нимъ даже отъявленными его врагами, составляетъ такое рѣдкое явленіе въ здѣшнихъ политическихъ нравахъ, что она, конечно, должна, въ глазахъ молодежи, придавать личности Делигеорги особенное обаяніе. Прибавьте къ этому увлекательное краснорѣчіе, умѣнье подлаживаться подъ тонъ народныхъ страстей, какъ, напр., въ дѣлѣ о Лауріумѣ, и вы легко поймете, почему съ его именемъ многіе связываютъ будущія судьбы Греціи.

Я старался обрисовать личности трехъ наиболѣе крупныхъ и рѣзко выдающихся въ настоящую минуту дѣятелей; затѣмъ остаются лишь компарсы, осужденные на второстепенную роль, какъ-то: Заимисъ, Трикупи и многіе другіе, о которыхъ нѣтъ необходимости распространяться.

Министерство находится съ прошлаго года въ общемъ владѣніи коалиціи Кумундуро-Булгариса. Друзья-соперники раздѣлили между собою различныя вѣдомства; но не трудно было замѣтить, что Булгарисъ присвоилъ себѣ львиную часть, посадивъ своихъ намѣстниковъ въ важнѣйшія министерства и сохранивъ для себя портфель иностранныхъ дѣлъ. На долю-же Кумундуроса остались одни лишь отребья, le fond du sac, какъ-то: юстиція, народное просвѣщеніе и, кажется, публичныя работы. Онъ не могъ скрыть своей досады, занялъ своими

людьми предоставленныя въ его распоряженіе министерства, но отказался отъ личнаго участія въ управленіи.

При такихъ-то условіяхъ открылись настоящіе выборы. Ясно было для всякаго, что кромѣ оффиціальной битвы правительства съ оппозиціей, идетъ рядомъ другая, затаенная борьба между двумя враждебными фракціями въ средѣ самого правительства. Никогда выборы не представляли такого оживленія, никогда не являлось столькихъ кандидатовъ на депутатство. Слухи о подкупахъ, подлогахъ, насиліяхъ всякаго рода приходили отвсюду; во многихъ мѣстахъ дѣло дошло до вооруженныхъ схватокъ, и мѣстныя войска играли не послѣднюю роль въ успѣхахъ правительственныхъ кандидатовъ.

Результатъ выборовъ былъ блестящій для правительства въ оффиціальномъ его составѣ: они дали ему 115 голосовъ, т.-е. значительное большинство. Оппозиція старалась прикрыть свое пораженіе шумными демонстраціями, въ 50 каретахъ отправилась на встрѣчу Делигеорги при въѣздѣ его въ Аѳины, пустила даже въ честь его нѣсколько ракетъ, но вся эта трескотня никого не обманула.

24-го марта король торжественно открылъ палату.

Какія судьбы ожидаютъ ее? Въ какія отношенія станетъ она къ правительству и какъ разрѣшитъ стоящіе на очереди щекотливые вопросы? На все это отвѣтить заранѣе довольно трудно. Но сто́итъ только ближе вглядѣться въ приведенную выше цифру обезпеченныхъ за правительствомъ голосовъ, чтобы убѣдиться въ недолговѣчности настоящаго порядка вещей. Изъ 115-ти голосовъ около 70-ти принадлежатъ кумундуристамъ; Булгарисъ же располагаетъ только 45-ю. Изъ этого ясно, что Кумундуросъ, приносящій въ коалицію сильнѣйшій контингентъ, не можетъ удовлетвориться въ ней второстепенной ролью и направитъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы изгнать булгаристовъ изъ министерства, или по крайней мѣрѣ удалить ихъ на задній планъ. Но онъ можетъ достигнуть своей цѣли только въ томъ случаѣ, если, помирившись съ отставшей отъ него фракціей и сманивъ на свою сторону блуждающіе голоса, которыхъ во всякой палатѣ не малое количество, обезпечитъ такимъ образомъ за собою большинство.

Въ симптомахъ же разрыва покамѣстъ нѣтъ недостатка. Еще до открытія палаты, министръ юстиціи, Метакса̀, принадлежащій къ партіи Кумундуроса, публиковалъ циркуляръ, въ которомъ обвинялъ военныя и административныя власти въ противузаконномъ вмѣшательствѣ въ выборы и предписывалъ слѣдственнымъ судьямъ произвести по этому предмету строжайшее розысканіе. Этотъ циркуляръ очевидно направленъ былъ противъ министерствъ военнаго и внутреннихъ дѣлъ, находящихся въ рукахъ булгаристовъ. Военный министръ отвѣчалъ на этотъ вызовъ другимъ циркуляромъ, гдѣ благодарилъ войска за

спокойствіе и безпристрастіе, соблюденныя ими во время выборовъ. Такимъ образомъ, война уже завязалась и конецъ, повидимому, близокъ.

В. М—овъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вопросы народнаго образованія во Франціи.

Quelques mots sur l'instruction publique en France, par *Michel Bréal*, professeur au Collége de France. Paris, 1872. (*Нѣсколько словъ объ общественномъ образованіи во Франціи. Мишеля Бреаля*).

L'Instruction républicaine, par *Amédée Guillemin*. Obligation—Gratuité—Laïcité. Paris 1872. (*Республиканское образованіе, Амедея Гильемена*).

Les Crimes de l'éducation française, par *M. Laurentie*. Paris, 1872. (*Преступленія французскаго воспитанія, М. Лоранти*).

Франція, очевидно, начинаетъ заниматься вопросами народнаго просвѣщенія: въ первые три мѣсяца нынѣшняго года она дала три сочиненія объ этомъ вопросѣ, между тѣмъ какъ въ продолженіи всего царствованія Наполеона III, продолжавшагося слишкомъ двадцать лѣтъ, не насчитаютъ и двухъ десятковъ сочиненій о народномъ образованіи. Кромѣ этихъ отдѣльныхъ сочиненій, вопросъ народнаго просвѣщенія затрогивается и разбирается почти во всѣхъ книгахъ и брошюрахъ, касающихся, такъ или иначе, современнаго положенія Франціи. Въ настоящее время, однимъ словомъ, французы снова настраиваются на тотъ ладъ, въ которомъ они находились послѣ революціи 1830 года и который принесъ хорошіе плоды въ законѣ Гизо о народномъ образованіи. Французы понимаютъ, что въ ихъ пораженіяхъ и бѣдахъ 1870—71 годовъ много виноваты невѣжество и полуобразованность ихъ собственнаго народа; жаль только, что среди нихъ все еще недостаточно распространено убѣжденіе въ полуобразованности не только низшихъ слоевъ народной массы, но и высшихъ, богатыхъ классовъ. Между тѣмъ, низшее, сравнительно съ Германіей, умственное и нравственное состояніе Франціи едва ли не обусловливается именно дурнымъ образованіемъ французской интеллигенціи, паденіемъ серьезной науки во Франціи. Народное образованіе въ Германіи бьетъ въ глаза только численностью грамотныхъ людей, но такъ какъ эта грамотность не имѣетъ себѣ лучшаго употребленія, чѣмъ во Франціи, то ей никакъ нельзя приписывать столь крупнаго нравственнаго значенія, какое обыкновенно придаютъ ей люди, приписывающіе нѣмец-

кія побѣды главнымъ образомъ „школьному учителю“. Школьный учитель въ Германіи почти также плохо живетъ и недостаточно подготовленъ къ своей важной дѣятельности, какъ и во Франціи, и отъ его уроковъ, слѣдовательно, получались и тамъ и тутъ одинаковые результаты; въ этомъ вопросѣ превосходство Германіи только въ томъ, что въ ея школахъ сравнительное число учениковъ крупнѣе — превосходство чисто численное, а не нравственное. Только въ нѣкоторыхъ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ, гдѣ народныя училища устраивались не въ духѣ „прусскихъ регулятивовъ“, въ дѣтяхъ рабочихъ, крестьянъ и мелкихъ мастеровыхъ школа развила не механику грамотности только, но также умъ и сердце и страстную охоту къ знаніямъ, и именно въ этихъ государствахъ мы видимъ широкія улучшенія во всѣхъ отрасляхъ промышленности и сельскаго хозяйства. Но въ военномъ дѣлѣ, гдѣ весь успѣхъ зависитъ отъ находчивости и умѣнья начальниковъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, программа народной школы имѣетъ лишь второстепенное значеніе; здѣсь все зависитъ отъ образованности офицеровъ и вообще высшаго слоя общества, то-есть отъ процвѣтанія солиднаго обученія и серьезной науки въ странѣ и главнымъ образомъ, слѣдовательно, отъ устройства средняго и высшаго образованія.

Большая часть французскихъ писателей, касающихся вопроса народнаго образованія, почти совершенно забываютъ значеніе средняго и высшаго образованія въ общемъ нравственномъ состояніи страны, и только кричатъ на всѣ голоса о необходимости втащить всѣхъ дѣтей во Франціи въ народныя школы. О плохомъ состояніи высшаго образованія, особенно по филологическимъ наукамъ и естествознанію, говорятъ, правда, весьма часто, но среднее образованіе—лицеи—порицается только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Даже такой прогрессистъ, какъ Гильеменъ, авторъ извѣстнаго иллюстрированнаго сочиненія: „le Ciel“, и проповѣдникъ особаго „республиканскаго образованія“, находитъ лицейскую систему преподаванія на высотѣ своего назначенія: — „главное дѣло не въ немъ“ — утверждаетъ онъ. Это заблужденіе очень печальнаго свойства, и оно тѣмъ печальнѣе, что въ немъ проявляется старый порокъ французовъ: тщеславіе, не позволяющее имъ признать того факта, что именно главная часть ихъ образовательной системы, сама основа французской цивилизаціи, не прочна и не сулитъ ничего хорошаго въ будущей выработкѣ національнаго характера. Это самое тщеславіе мѣшало имъ видѣть недостатки своего лицейскаго образованія въ продолженіи всей новѣйшей исторіи Франціи, начиная съ Наполеона I. „Мы такъ прекрасно и художественно пишемъ, мы такъ краснорѣчиво разсуждаемъ въ нашихъ собраніяхъ и бесѣдахъ; вся Европа читаетъ и слушаетъ насъ съ величайшимъ удовольствіемъ,—посредствомъ нашихъ книгъ и рѣчей мы

примѣнена строгая дисциплина въ уходѣ за учениками. Редакторы „Московскихъ Вѣдомостей“, съ особеннымъ усердіемъ проповѣдывавшіе эту идею, даже рѣшились на опытѣ доказать справедливость своей мысли, и правительство вооружило въ этихъ видахъ ихъ „лицей“ самыми широкими привилегіями и всевозможными льготами. Что изъ этого лицея выйдетъ — пока неизвѣстно. Но опытъ съ французскими лицеями, гдѣ классицизмъ развитъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и совсѣмъ подавлены естественныя науки, и гдѣ къ воспитанникамъ примѣняется строгая дисциплина, даетъ результаты какъ разъ противоположные: эти лицеи, утверждаетъ Бреаль, именно развиваютъ во французской молодежи „духъ возмущенія“—*l'esprit de révolte*, и развитіе этого духа совершается именно вслѣдствіе строгой дисциплины въ закрытомъ заведеніи, при чемъ вліяніе классицизма остается безъ всякихъ послѣдствій. Главный порокъ лицеевъ въ этомъ отношеніи заключается, по мнѣнію нашего автора, именно въ томъ, что лицеи—закрытыя заведенія: *internat*. Замѣчательно, что и Гильеменъ говоритъ о вліяніи интерната на развитіе „духа возмущенія“ то же самое, да еще приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія мемуаръ одного весьма извѣстнаго ученаго, Сентъ-Клеръ Девилля, читанный въ прошломъ году во французской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. А между тѣмъ бóльшая половина лицеистовъ во Франціи: 18,000 изъ 32,000—состоятъ полными пенсіонерами и видятся съ своими родными лишь по праздникамъ и воскреснымъ днямъ. Бреаль утверждаетъ, что подобный порядокъ отношеній между сыновьями и ихъ родителями установился не потому, чтобы родители пренебрегали своими обязанностями, а изъ предразсудка, укоренившагося въ богатыхъ классахъ усиліями французскихъ правительствъ, старавшихся забрать всѣ молодыя силы Франціи въ свои руки. Родители думаютъ, что ихъ сыновья могутъ лучше и успѣшнѣе учиться въ казенномъ лицеѣ, подъ постояннымъ присмотромъ начальства, чѣмъ дома, въ обстановкѣ болѣе или менѣе свободной. При маломъ распространеніи педагогическихъ знаній во Франціи, родителямъ и въ голову не приходитъ, что въ воспитаніи не количество, а качество пріобрѣтаемыхъ знаній создаетъ характеръ молодого человѣка, и что въ созданіи нравственной натуры юноши чуть ли не главную роль играетъ матеріальная и умственная обстановка, среди которой развиваются и крѣпнутъ личныя свойства и особенности его нравственной дѣятельности. Самый актъ сожительства юношей въ лицеѣ считается превосходнымъ средствомъ для подготовленія дѣтей къ общественной жизни. Лицей—это „мѣстопребываніе прочныхъ добродѣтелей, грубой откровенности, искреннихъ и неизмѣнныхъ пріязней; это дѣйствительная школа общественной жизни“. Всего страннѣе то, что интернатъ—„это наслѣдіе ордена іезуитовъ и первой имперіи“—находилъ въ свое время сильную под-

держку со стороны либеральной партіи, которая усматривала въ лицейской жизни „какое-то сходство съ Римомъ и Спартою". Теперь говорятъ, что лицей есть смѣсь монастыря съ казармою; по мнѣнію Бреаля, это смѣсь всего дурного, что есть въ казармѣ и монастырѣ. „Бремя военной дисциплины—говоритъ онъ—налагается здѣсь *на дѣтей*, которыя не въ силахъ переносить его, а лишенія монастыря не вознаграждаются сознаніемъ добровольной жертвы своею свободою". Эта общая жизнь, поэтому, никакъ не можетъ воспитывать въ дѣтяхъ ту высокую идею равенства, къ которой такъ привыкли стремиться образованные французы. Здѣсь создается равенство іезуитское или наполеоновское—„равенство въ рабствѣ", какъ говоритъ Бреаль: индивидуальныя наклонности дѣтей подавляются ради сохраненія „порядка и спокойствія" въ лицеѣ; здѣсь обращаются не къ идеальнымъ побужденіямъ дитяти, а къ его эгоистическимъ инстинктамъ, здѣсь воспитаніе замѣнено дисциплиною. И въ самомъ дѣлѣ всѣ кары и награды, изъ которыхъ и состоитъ каждая лицейская дисциплина, должны непремѣнно имѣть въ своемъ основаніи интересы прежде всего самаго лицея, его разъ заведеннаго порядка, и поэтому въ назначеніи ихъ главнымъ образомъ фигурируютъ соображенія о вліяніи каръ и наградъ на массу учениковъ, а не на отдѣльнаго индивидуума, къ которому примѣняется та или другая кара или награда: интересъ нравственный такимъ образомъ приносится въ жертву интересу политическому. Лицейское воспитаніе, слѣдовательно, не хлопочетъ о вызовѣ нравственныхъ силъ, дремлющихъ въ каждой личности, и о направленіи ихъ къ добру, но стремится лишь такъ пріурочивать нравственныя силы дѣтей къ однажды заведенному порядку, чтобы сохранялся прежде всего этотъ порядокъ, который, какъ бы хорошъ онъ ни былъ самъ по себѣ, вліяетъ на дисциплинируемыхъ крайне разнообразно, но всегда отзываясь въ ихъ сознаніи безцѣльнымъ давленіемъ на развитіе ихъ нравственной личности. Представьте себѣ теперь, что гувернеры, туторы—*maîtres d'étude*, въ лицѣ которыхъ воплощается лицейская дисциплина, какъ бы основательно ни были они подготовлены къ воспитательной дѣятельности, неспособны заслужить довѣренность воспитанниковъ, по той простой причинѣ, что сами они, исполняя полицейскія обязанности надзора всюду и вездѣ, должны руководствоваться въ своей дѣятельности ничѣмъ инымъ, какъ недовѣріемъ къ ученикамъ. Такимъ образомъ, вся лицейская жизнь обращается въ систему обоюднаго недовѣрія воспитателей и воспитанниковъ,—какой же нравственный результатъ можетъ дать подобная система? „Только одно довѣріе возвышаетъ души", — говоритъ совершенно справедливо Бреаль: „постоянно на виду у гувернера, ученикъ кончаетъ тѣмъ, что принимаетъ его за своего врага. Все, что̀ скрываютъ отъ его надзора, считается просто военною уловкою. Между

лицеистомъ и лицеемъ создается тайная война, въ которой одна сторона удвоиваетъ свою хитрость по мѣрѣ того, какъ другая умножаетъ свои предосторожности. Переводя на опредѣленный языкъ то чувство, которое связуетъ между собою воспитанниковъ лицея, придется назвать его потребностью бороться съ властью (le besoin de faire face à l'autorité)... Такъ наши юные лицеисты привыкають къ борьбѣ между закономъ и ихъ волею, и они чувствуютъ себя свободными въ первый разъ, когда имъ приходится встать въ оппозицію съ постановленіями... Нечего изумляться тому, что наши дѣти, разъ выйдя изъ лицея, походятъ на убѣжавшихъ коней, бросаются чрезъ всѣ преграды, и выкидываютъ всякія шалости. Возрастъ разсудка искусственно замедленъ въ нихъ на пять-шесть лѣтъ. Именно маленькія силы, если находятся подъ долгимъ давленіемъ, производятъ самые гибельные взрывы. Многіе родители и гувернеры обвиняютъ въ этихъ взрывахъ распущенность нашего времени, а между тѣмъ имъ слѣдовало бы прежде всего обвинить самихъ себя, такъ какъ имъ пріятнѣе было сковать свободу своего сына или воспитанника, чѣмъ руководить ею, и такъ какъ они допустили мальчика стать мужчиною, не давъ ему предварительно случая испытать свой личный починъ и силу своего отпора" [1]).

Что касается до взаимнаго вліянія воспитанниковъ другъ на друга, то оно также способствуетъ порчѣ характера лицеистовъ, такъ какъ каждому воспитаннику приходится въ этой закрытой жизни волею-неволею подчиняться общему мнѣнію того или другого кружка, составляющагося около „сильныхъ" школьнаго міра: это „демократія, живущая кружками", или „собраніе олигархій." Здѣсь не сильные и свободные поступаются своими правами въ видахъ общей пользы, но напротивъ слабые поступаются всею своею личностью въ пользу сильныхъ, обѣщающихъ имъ свое покровительство. Подобныя основанія общей жизни, не имѣющія въ себѣ ничего возвышеннаго, могутъ развивать и въ сильныхъ и въ слабыхъ только эгоизмъ самаго узкаго свойства: пріучать однихъ къ безконтрольному деспотизму, а другихъ къ смиренію раба. Эти два качества французовъ постоянно проявляются во всѣхъ крупныхъ событіяхъ новѣйшей Франціи, — на нихъ-то всего удобнѣе было строиться цезаризму.

Классическіе языки, которымъ дается теперь такое преобладающее значеніе въ русской системѣ народнаго просвѣщенія, и которые служили также главнымъ, почти единственнымъ предметомъ 8-лѣтняго курса французскихъ лицеевъ, оказываются, по изслѣдованіямъ Бреаля, орудіемъ обоюдуострымъ. „Они могутъ дѣйствительно возбудить въ юношествѣ интересъ къ научнымъ изслѣдованіямъ, но могутъ и не

[1]) Стр. 305—308.

возбудить его, могутъ даже поселить отвращеніе къ наукѣ на всю жизнь. Они могутъ способствовать развитію правильнаго, серьезнаго мышленія, но могутъ развивать и легкомысленное отношеніе какъ къ наукѣ, такъ и къ жизни. Такой или другой результатъ обусловливается личными способностями учителей и методами преподаванія. Если у васъ нѣтъ подъ руками дѣльныхъ наставниковъ, или если цѣли преподаванія, вами избранныя, не имѣютъ научнаго характера, то ваша классическая система образованія создастъ только верхоглядовъ и пустыхъ болтуновъ", то-есть какъ разъ то, противъ чего именно предназначались у насъ, въ Россіи, классическіе языки. Таковы выводы нашего автора изъ его наблюденій надъ вліяніемъ классицизма во Франціи. Бреаль рѣшительно порицаетъ всѣ методы преподаванія латинскаго языка въ лицеяхъ и приписываетъ имъ крупные недостатки въ умственномъ развитіи французской интеллигенціи. Замѣтьте, что самъ Бреаль, какъ классикъ, глубоко вѣритъ въ важность классическаго образованія вообще, но эта вѣра нисколько не возстановляетъ его противъ естествознанія; къ сожалѣнію, онъ признаетъ себя недостаточно компетентнымъ въ вопросѣ реальнаго образованія, чтобы пуститься въ серьезное обсужденіе его, и потому только мимоходомъ жалуется, что естественная исторія, физика и химія преподаются въ лицеѣ лишь въ концѣ курса, несмотря на то, что наблюдательность не можетъ быть возбуждена ни слишкомъ рано, ни слишкомъ многими способами, и что въ устройствѣ лицейскаго курса слѣдовало принять въ соображеніе учениковъ, которые по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ жизни не въ состояніи довести своего ученія до конца лицейскаго срока (стр. 259—260). Онъ желалъ бы и исторію такъ распредѣлить въ лицейскомъ курсѣ, чтобы дѣти, прошедшія только полкурса (4 года), вышли бы оттуда съ хорошимъ знаніемъ всей исторіи, а не только древней и средней, какъ теперь. Бреаль прямо говоритъ, что есть много учениковъ, которые физіологически неспособны изучать классическіе языки и потому покидаютъ лицей до окончанія полнаго курса; — нужно, чтобы и они выносили оттуда тѣ или другія полезныя знанія и не имѣли такимъ образомъ серьезныхъ причинъ сѣтовать потомъ на напрасно потраченные годы и трудъ.

О методахъ преподаванія классическихъ языковъ Бреаль пишетъ весьма много, и входитъ въ большія подробности, но всѣ его соображенія сводятся къ тому, что необходимо обращать вниманіе не на простую передачу или переводъ съ этихъ языковъ и обратно, но на строеніе ихъ, на постановку и употребленіе словъ въ рѣчи. Бреаль требуетъ, чтобы обученіе шло научнымъ способомъ, чтобы ученики сами открывали и наблюдали грамматическіе факты, чтобы — однимъ словомъ — въ ученикахъ возбуждалась любознательность, чтобы они брали не памятью, а разсудкомъ, и т. д. Но такіе методы выработы-

ваются въ школѣ лишь при самодѣятельности и педагогической самостоятельности учителей, а учебная система во Франціи какъ разъ создана такъ, что учитель лишенъ всякой самостоятельности въ преподаваніи: тамъ существуютъ оффиціальные методы, оффиціальныя руководства, оффиціальныя программы преподаванія, и всѣ эти оффиціальныя воздѣйствія на лицей идутъ изъ особаго комитета, который по закону 1850-го года составленъ изъ сенаторовъ, государственныхъ совѣтниковъ, администраторовъ, епископовъ и небольшого числа (меньшинство) лицейскихъ профессоровъ, назначавшихся туда, впрочемъ, не въ силу ихъ педагогическихъ знаній, а по политическимъ соображеніямъ. Указывая на этотъ составъ комитета, Бреаль ядовито замѣчаетъ, что отчего бы флотъ не поручить управленію какого-нибудь музыканта, а оперу не отдать въ руки военнаго генерала. Въ чемъ же — спрашиваетъ онъ — можетъ проявляться здѣсь дѣятельность администраторовъ, какъ не въ устраненіи всякихъ нововведеній, которыя могли бы повести къ препирательствамъ, а эти послѣднія пришлось бы непремѣнно разъяснять, при чемъ разъясненія могли бы непонравиться высшему начальству. Такимъ образомъ, учителя обратились въ чиновниковъ, и многіе изъ нихъ преподавали вовсе не то, что̀ сами считали наилучшимъ и наиболѣе полезнымъ. Такъ какъ учителя одного и того же лицея могли сдружиться между собою и рискнуть вмѣстѣ на что-нибудь противо-оффиціальное, то было принято за правило перемѣщать ихъ съ мѣста на мѣсто возможно чаще. Уже въ 1848 году слышались жалобы на рутинные пріемы лицейскаго преподаванія, и несмотря на то, во времена Наполеона III-го только за тѣмъ и слѣдили, чтобы учителя оставались въ своихъ старыхъ понятіяхъ и привычкахъ. Оффиціальная опека, однимъ словомъ, убиваетъ педагогику. Гдѣ нѣтъ свободы преподаванія, гдѣ въ школу вторгается политика, тамъ не можетъ быть и дѣльныхъ методовъ преподаванія, тамъ господствуетъ рутина и подавляется наклонность къ педагогической наблюдательности и къ ученымъ занятіямъ вообще. Вотъ почему лицейскіе баккалавры словесности или наукъ, несмотря на то, что употребляютъ на изученіе латинскаго языка бо̀льшее число часовъ, чѣмъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, знаютъ латынь хуже нѣмецкихъ гимназистовъ, да еще питаютъ не только къ классицизму, но и вообще къ наукамъ, даже къ книгамъ и профессорамъ рѣшительное отвращеніе [1]).

Такимъ образомъ, ясно, что искать въ обученіи классическимъ языкамъ какой-то панацеи противъ всѣхъ общественныхъ и государственныхъ золъ могутъ лишь люди, односторонннимъ образомъ заинтересованные въ успѣхахъ подобной пропаганды. Классическіе языки, при отсутствіи свободы преподаванія, Lehrfreiheit, и при дурномъ составѣ учителей,

---

[1]) Стр. 301.

могутъ принесть обществу и государству только одно зло. А можно ли то же самое сказать про реальную систему образованія—этого еще никто не доказалъ. Военное превосходство Германіи надъ Франціей можетъ служить лишь доказательствомъ въ пользу реализма, такъ какъ во Франціи *научнаго* реальнаго образованія вовсе нѣтъ, а существуетъ одно — профессіональное.

Нѣтъ во Франціи и университетскаго образованія въ нѣмецкомъ смыслѣ. Лицейскій курсъ образованія — курсъ совершенно полный и законченный: выше его только *École normale*, которая готовитъ учителей для лицеевъ, да *Collége de France*, гдѣ преподаютъ науку во всѣхъ ея отрасляхъ знаменитые ученые Франціи, но въ Collége de France нѣтъ студентовъ, нѣтъ экзаменовъ, а École normale—такое же закрытое заведеніе, какъ лицей, съ трехлѣтнимъ курсомъ. Затѣмъ, все остальное такъ-называемое *высшее образованіе* представляется въ видѣ спеціальныхъ школъ или коллегій, именуемыхъ *факультетами:* есть факультетъ законовѣдѣнія, медицины, словесности, наукъ (т.-е. естествознанія), богословія. Изъ нихъ только первыя двѣ категоріи: законовѣдѣніе и медицина, отличаются, по мнѣнію Бреаля, научнымъ характеромъ своего преподаванія; факультеты богословія существуютъ лишь для не-католическихъ исповѣданій, а факультеты словесности и наукъ пробавляются изложеніемъ своихъ предметовъ популярнымъ образомъ, такъ какъ доступъ въ эти факультеты весьма легокъ, да и въ нихъ самихъ можно слушать тѣ лекціи и держать тѣ экзамены, которые наиболѣе по сердцу. Лицей, какъ мы сказали, заключаетъ въ себѣ полный курсъ, и лицеистъ вовсе не нуждается въ продолженіи курса въ соотвѣтствующихъ его высшимъ классамъ факультетахъ словесности и наукъ. Какъ эти факультеты, такъ и всѣ другіе приспособлены главнымъ образомъ для потребностей государственной службы, и экзамены въ нихъ на *лиценціата* не даютъ экзаменующимся никакихъ бóльшихъ правъ для поступленія на службу, какія пріобрѣтаются всѣми лицейскими баккалаврами наукъ или словесности. Эти баккалавры идутъ иногда въ факультеты пріобрѣтать степень доктора той или другой науки, но ради *licence* они держатъ лишь тотъ или другой экзаменъ, даже ни разу не присутствуя на тѣхъ лекціяхъ, по курсу которыхъ приходится держать экзаменъ. Но сами факультеты въ экзаминаціонномъ отношеніи тоже дробятся на нѣсколько отдѣловъ; напримѣръ, факультетъ наукъ выпускаетъ лиценціатовъ трехъ разрядовъ: математическихъ наукъ, физическихъ и естественныхъ. Сообразно съ этими экзаменами частные люди устраиваютъ свои приготовительныя училища. Разные факультеты никакихъ сообщеній между собою не имѣютъ, да и сами экзамены такъ устроены, что юношамъ невозможно слушать курсы какихъ-либо другихъ факультетовъ кромѣ своего, такъ какъ на окончаніе курса въ факультетахъ назна-

чается опредѣленный срокъ и возрастъ. Всѣ эти постановленія ясно показываютъ, что государство главнымъ образомъ заботилось не объ интересахъ науки, которая требуетъ свободы и для профессоровъ и для студентовъ, но объ интересахъ государственной службы: ему нужны спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія, и вотъ оно старается всѣми силами, чтобы учащіеся не отклонялись отъ разъ принятаго ими назначенія своей будущей карьеры. Такимъ образомъ, въ умѣ молодыхъ людей господствуетъ идея карьеры, и они заботятся лишь о томъ, какъ бы ловчѣе и скорѣе сдать свои экзамены, которые и составляютъ главную цѣль факультетскаго преподаванія: даже въ образованной публикѣ во Франціи установилось мнѣніе, что главное значеніе въ факультетахъ составляютъ экзаминаціонные комитеты, и всѣ родители весьма интересуются именами лицъ, избираемыхъ въ эти комитеты. Наука до такой степени спеціализировалась въ факультетахъ, что даже въ факультетѣ словесности (филологическомъ) курсы философіи, литературы и исторіи превратились въ какія-то популярныя лекціи. Вообще говоря, философія и исторія лишились во Франціи научнаго преподаванія; политическую экономію преподаютъ лишь въ факультетахъ законовѣдѣнія, да и то лишь съ 1864-го года! Бреаль много жалуется еще, что между студентами и профессорами нѣтъ никакихъ сношеній, кромѣ оффиціальныхъ, и это обстоятельство онъ объясняетъ тѣмъ, что во французскихъ университетахъ не допускаются вольные доценты, что тамъ нѣтъ ни библіотеки, гдѣ бы студенты могли сходиться съ профессорами, ни періодическихъ изданій, для которыхъ студенты могли бы, при помощи профессоровъ, приготовлять ученыя работы, и что, наконецъ, французскіе профессора получаютъ свой гонораръ исключительно отъ одного правительства. Однимъ словомъ, Бреаль признаетъ необходимымъ, для возрожденія науки во Франціи, создать изъ факультетовъ нѣчто такое, что́ имѣло бы всѣ аттрибуты нѣмецкихъ университетовъ. Вотъ какъ онъ описываетъ духъ, господствующій въ нѣмецкихъ университетахъ:

„Около каждаго университета группируется болѣе или менѣе значительное число молодыхъ людей, будущихъ профессоровъ, пока *приват-доцентовъ*, для которыхъ наука представляется великимъ и единственнымъ дѣломъ. Они честолюбивы, такъ какъ ихъ толкаетъ потребность завоевать себѣ репутацію, добыть каѳедру. Но въ то же время они ученые, ибо они не теряли безполезно ни одного часа въ своей жизни, и послѣдній изъ нихъ, какъ самый юный, пользуясь трудами своихъ предшественниковъ, пріобрѣтаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ преимущество надъ ними. Въ этомъ кругѣ профессоровъ царитъ страсть къ открытіямъ, потребность познанія, суровость критики, о которой мы можемъ составить себѣ понятіе, если сравнимъ ее съ дѣятельностью, встрѣчающеюся у насъ въ другой умственной

сферѣ: среди юныхъ живописцевъ въ нашихъ крупныхъ студіяхъ (atelier). Тутъ та же жажда ко всему новому, то же презрѣніе къ пошлости, къ средствамъ легкимъ и рутиннымъ; тутъ создаются и развиваются научныя репутаціи; тутъ читаютъ, оспариваютъ, судятъ каждое новое сочиненіе, откуда бы оно ни являлось. Духъ, господствующій въ этихъ кружкахъ не имѣетъ въ себѣ ничего показнаго, — это критика сухая, краткая, безцеремонная; но здѣсь не боятся никакого труда, и нѣтъ такого затрудненія, передъ которымъ могла бы остановиться эта дѣятельность. Здѣсь выучиваются иностранному языку, чтобы прочесть одну книгу, и предпринимаютъ путешествія для присутствія при чтеніи какой-нибудь рукописи. Каждое сочиненіе, дающее новый фактъ или какое-нибудь наблюденіе, принимается радушно; парадоксы же обсуждаются холодно и сводятся къ своей настоящей стоимости; глубокое презрѣніе встрѣчаютъ здѣсь пересказы и декламація. Вотъ этотъ-то духъ передается студентамъ. Въ бесѣдахъ историческихъ, филологическихъ, педагогическихъ, въ которыхъ студенты принимаютъ участіе, ихъ пріучаютъ не вѣрить учителямъ на́-слово, все повѣрять, ни въ чемъ не поблажать ни другимъ, ни себѣ. Суровость офицера, исправляющаго невѣрное движеніе солдатъ, встрѣчается иногда у профессоровъ, когда они слышатъ невѣрный фактъ, неосновательный взглядъ, или просто недостаточно точное выраженіе. Тотъ же тонъ царитъ и въ разговорахъ между студентами. Они, напримѣръ, не понимаютъ нашихъ литературныхъ преній, гдѣ индивидуальное чувство призывается какъ высшее доказательство. Они не могли бы безъ изумленія видѣть, какъ сто разъ заводятъ рѣчь все о тѣхъ же неразрѣшимыхъ вопросахъ. Они приняли бы съ насмѣшками дебютантовъ, которые, чтобы проявить силу своего ума, рѣшаются разрушить все, что́ существовало до нихъ самихъ. Университетъ—это центръ, откуда постоянно распускается въ націю духъ строгаго мышленія и изслѣдованія, ибо не слѣдуетъ думать, что эти великія корпораціи остаются безъ воздѣйствія на народную массу“ (стр. 394—396).

У насъ же, въ Россіи, находится довольно много людей, мнящихъ себя либералами, которые не видятъ въ гимназическомъ и университетскомъ образованіи никакихъ элементовъ, дѣйствующихъ благодѣтельнымъ образомъ на умственное состояніе народныхъ массъ. Отчасти эта слѣпота зависитъ отъ желанія порисоваться своимъ оригинальнымъ демократизмомъ; отчасти же она исходитъ, по всей вѣроятности, отъ столь дурного положенія нашей народной школы, что оно заставляетъ отчаяваться въ возможности хоть какъ-нибудь поднимать нравственный уровень русскаго человѣка. У насъ есть университетское образованіе, есть и гимназіи, и все это существуетъ въ продолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій, и тѣмъ не менѣе народъ нашъ находится въ варварскомъ состояніи, и невѣжество его служитъ только

предметомъ подчасъ самой безсовѣстной эксплуатаціи со стороны этихъ же людей, получившихъ гимназическое и университетское образованіе; — вотъ что могутъ говорить наши либералы, приходя въ напускное демократическое отчаяніе. „Не нужно намъ вашихъ университетовъ и гимназій — могутъ продолжать они въ своемъ отчаяніи — дайте намъ прежде всего народную школу, иначе нѣтъ никакой возможности прекратить эту отвратительную эксплуатацію народнаго невѣжества!...“ Но всѣ эти разсужденія и вопли — не что иное, какъ дешевый покровъ демократическаго чванства самихъ вопіющихъ и взывающихъ, или болѣзненный крикъ искренняго, но неразумнаго отчаянія. Еслибъ эти господа спросили себя прежде всего: откуда же, изъ какихъ нравственныхъ источниковъ исходитъ въ нихъ самихъ эта страсть къ просвѣщенію своего собственнаго народа, какъ не изъ того же самаго высшаго, научнаго образованія, которое они сами получили? Если мы являемся дѣятельными, безкорыстными сторонниками распространенія образованія въ народныхъ массахъ, то не потому, конечно, чтобы только доставить тому или другому рабочему, или крестьянину, новое средство къ улучшенію его матеріальнаго благосостоянія, или къ пріобрѣтенію въ томъ или другомъ избирательномъ округѣ полезнаго для насъ избирателя и т. п., но потому главнымъ образомъ, что мы сами преданы дѣлу научной истины и увлекаемся этою страстью, стремимся распространить эту преданность всюду и во всѣхъ, ибо только въ истинѣ, достигаемой путемъ научнаго знанія, мы находимъ высшую общую пользу всего нашего народа и, пожалуй, всего человѣчества. А такая страсть къ народному образованію — и только она одна плодотворна и велика — можетъ развиваться лишь въ людяхъ, которые сами прошли школу научнаго образованія, которые привыкли уважать и любить науку.

Говорить поэтому, что среднее и высшее образованіе аристократичны, значитъ не понимать даже главной сущности образованія: это самое „аристократичное“ образованіе и есть главный источникъ не только *демократическаго* образованія, но и трезваго демократизма вообще. Среднее и высшее образованіе можно, разумѣется, такъ устроить, что они станутъ воспитывать въ своихъ ученикахъ преданность не къ научнымъ истинамъ и—черезъ нихъ—къ народнымъ и общечеловѣческимъ интересамъ, но къ однимъ научнымъ приложеніямъ и — черезъ нихъ — къ культу матеріальнаго благосостоянія и своего личнаго въ особенности;—между тѣмъ, среднее и высшее образованіе не спеціально предназначены къ этому послѣднему культу. Бреаль совершенно справедливо приписываетъ неудачу народной школы во Франціи именно утилитарнымъ основамъ средняго и высшаго образованія: главная цѣль ихъ была не преслѣдованіе научной истины, но одни интересы государственной службы и казны. „Многіе французы, даже между самыми

либеральными, носили въ себѣ — нѣкоторые сознательно, большинство безсознательно—ложную идею. Признавали, что народная громада погружена въ невѣжество, но полагали, что фактъ этотъ не имѣетъ большой важности, если во главѣ страны находится достаточное число людей образованныхъ и просвѣщенныхъ. Многіе были увѣрены, что такъ даже лучше, и что на націю въ сорокъ милліоновъ людей довольно одного милліона такихъ, которые умѣютъ обсуждать и мыслить. Но эта эгоистическая теорія — прибавляетъ нашъ авторъ — оказалась несостоятельною по всѣмъ пунктамъ: мы не только побиты въ борьбѣ съ націей, которая выказывала менѣе насъ свое презрѣніе къ знанію, но намъ пришлось еще перенесть вмѣстѣ съ цареніемъ всѣхъ непріязней цареніе всѣхъ невѣжествъ" (стр. 150).

При такомъ эгоистическомъ направленіи просвѣщенныхъ и образованныхъ людей сама задача народной школы извращается и—главное—благосостояніе народной школы отдается въ руки разныхъ наемниковъ, которые находятся въ распоряженіи у административной власти. Во Франціи былъ очень хорошій законъ о народномъ образованіи: законъ 1833 г., но онъ удался далеко не вполнѣ просто потому, что ему недоставало поддержки со стороны образованныхъ классовъ. Да и что сдѣлаетъ самый принципъ обязательности—спрашиваетъ Бреаль—если нѣтъ этой поддержки? „Если ученый держится въ сторонѣ отъ первоначальнаго образованія, если учебное вѣдомство (l'Université) пренебрегаетъ имъ, если собственникъ полагаетъ, что съ его стороны сдѣлано все, разъ онъ принялъ участіе въ постройкѣ училищнаго дома, если фабрикантъ ждетъ, чтобы особый указъ обязалъ его давать работающимъ у него дѣтямъ достаточное время для обученія грамотѣ, если вліятельные люди въ странѣ никогда не являются передъ юношествомъ, если городскія думы боязливы и нерадивы, если, наконецъ, законъ о народномъ образованіи долженъ входить въ жизнь самъ собою, не встрѣчая ни откуда поддержки, — то понятно, что онъ можетъ дать результаты и скудные и непрочные. Нужно, чтобы такой законъ встрѣтилъ со стороны высшихъ классовъ не только повиновеніе, но еще непоколебимое рвеніе, горячую преданность, неутомимый духъ пожертвованія" (стр. 148).

Но откуда же возьмутся и этотъ неутомимый духъ пожертвованія, и эта горячая преданность, и это непоколебимое рвеніе въ высшихъ классахъ, если образованіе, которое они сами получаютъ, не возбуждаетъ въ нихъ интереса къ научнымъ изслѣдованіямъ, — то-есть безкорыстную преданность къ наукѣ и свѣту, ею распространяемому? Бросьте серьезно-научное образованіе, то-есть, образованіе въ интересахъ научной истины, въ сторону, и вы не устроите у себя никакого образованія, потому что въ вашей странѣ не будетъ нигдѣ мѣста духу изслѣдованія и критики, который одинъ развиваетъ страсть къ знанію вообще и къ распространенію знаній повсюду. Въ этомъ смыслѣ можно съ по-

положительностью утверждать, что молодой человѣкъ, серьезно занимающійся только одною наукою, дѣлаетъ для народнаго образованія гораздо больше, чѣмъ какой-нибудь клерикалъ-министръ, сочиняющій законъ объ обязательномъ обученіи грамотѣ и отдающій народную школу въ руки людей, враждебныхъ самой мысли о превосходствѣ научной истины надъ всѣми другими интересами школы. Этотъ законъ, если окажетъ какое-нибудь вліяніе на умственное и нравственное развитіе страны, то непремѣнно вредное, такъ какъ онъ можетъ убить духъ изслѣдованія, страсть къ открытіямъ или просто обыкновенную любознательность, которая такъ часто встрѣчается среди необразованныхъ людей; между тѣмъ человѣкъ, внимательно и серьезно занимающійся наукою, непремѣнно проникается страстью къ открытіямъ и изслѣдованіямъ, и эта страсть, разъ развившись, никогда не дастъ угаснуть въ немъ той вѣрѣ въ величіе и общеполезность научнаго знанія, которая побуждаетъ образованнаго человѣка, на какое бы поприще онъ ни вступилъ, дѣятельно заботиться объ интересахъ образованія вообще и о всякомъ распространеніи научныхъ сокровищъ во всѣ слои общества. Чѣмъ, какъ не недостаткомъ этой вѣры въ правительствѣ и образованныхъ людяхъ Франціи, объяснить ихъ апатію даже въ такомъ дѣлѣ, какъ сочиненіе книгъ для народнаго чтенія или дѣльныхъ руководствъ для изученія той или другой отрасли науки?.. А между тѣмъ на эту апатію жалуется и Бреаль и Гильеменъ.

Существуетъ мнѣніе, что апатія образованныхъ классовъ въ дѣлѣ народнаго образованія обусловливается ослабленіемъ въ нихъ религіознаго настроенія, которое способствуетъ развитію въ людяхъ духа самопожертвованія; это мнѣніе съ особеннымъ стараніемъ распространяютъ во Франціи клерикалы, и въ числѣ ихъ Лоранти, который всѣ бѣды Франціи приписываетъ именно „преступленіямъ французскаго воспитанія", основаннаго будто бы на революціонныхъ началахъ. Въ доказательство справедливости своего мнѣнія, клерикалы и ихъ единомышленники приводятъ обыкновенно процвѣтаніе народной школы въ Германіи, нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи, Соединенныхъ Штатахъ и отчасти въ Англіи. Во всѣхъ этихъ странахъ духовенство, правда, всегда играло важную роль въ дѣлѣ устройства и распространенія народныхъ школъ, но что̀ побуждало его къ этому: религіозные ли, догматическіе ли интересы религіи, или какіе-нибудь другіе?— вотъ въ чемъ весь вопросъ. Всѣ эти страны протестантскія, а въ чемъ сущность первоначальнаго протестантизма, какъ не въ свободѣ совѣсти или свободѣ изслѣдованія въ области религіи и нравственности? „Вѣрь мнѣ, — говорилъ Лютеръ своимъ послѣдователямъ — заботы о хорошемъ воспитаніи своихъ дѣтей — гораздо болѣе необходимы, чѣмъ о пріобрѣтеніи разрѣшенія отъ грѣховъ, о молитвѣ, объ отправленіи на поклоненіе и объ исполненіи твоихъ обѣтовъ."

Протестантскій реформаторъ говорилъ такъ, разумѣется, потому — что считалъ интересы серьезнаго, критическаго чтенія Библіи выше всякихъ другихъ интересовъ: имъ всегда руководилъ *научный* духъ изслѣдованія, требующій для своего развитія полной свободы критической мысли. Въ тѣ далекія времена это протестантское воодушевленіе вышло прямо изъ результатовъ научной критики надъ тяжелымъ состояніемъ церковныхъ дѣлъ въ католическомъ мірѣ. И теперь протестантизмъ, куда бы онъ ни проникалъ, непремѣнно несетъ съ собою народную школу, потому что въ ней онъ видитъ главную опору своего существованія; только тамъ, гдѣ опора его обезпечивается государственною властью, замѣтно въ протестантскомъ духовенствѣ ослабленіе рвенія къ распространенію народнаго образованія и даже возстаніе противъ научнаго направленія въ школѣ. Что же касается до католицизма, то въ немъ никогда не замѣчалось особеннаго рвенія къ народному образованію, да оно и не могло возникнуть по той простой причинѣ, что интересы догматизма всегда противоположны интересамъ науки, какъ независимые ни отъ какихъ авторитетовъ знанія. Науку скорѣе можно признать непогрѣшимою, чѣмъ римскаго папу, а потому папа и всѣ его послѣдователи никакъ не могутъ примириться съ научными истинами и признать ихъ своими. „Мы не хотимъ сказать — добродушно объясняется Бреаль — что католическая церковь непремѣнный врагъ школы. Но можно утверждать безъ всякихъ опасеній быть опровергнутымъ, и въ случаѣ нужды сама исторія готова подтвердить это — что католицизмъ не требуетъ школы и не предполагаетъ ея. Католическая вѣра не только господствовала среди насъ въ продолженіи долгихъ вѣковъ, не думая вовсе объ основаніи народнаго образованія, но даже тогда, когда прогрессъ въ общественномъ сознаніи, примѣръ сосѣднихъ націй и обязательныя условія демократической системы побудили государство создать школы въ нашихъ общинахъ, духовенство лишь слабо послѣдовало за этимъ движеніемъ, подобно человѣку, присутствующему при громадномъ опытѣ, необходимости въ которомъ онъ не видитъ, и отъ котораго онъ, собственно говоря, еще не знаетъ, чего ожидать“ (стр. 20). То же самое можно сказать и о рвеніи вообще духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія, тамъ, гдѣ господствуетъ еще мистическое уваженіе передъ „святымъ невѣдѣніемъ“, которое точнымъ языкомъ называется: „грубое невѣжество“.

Въ книгѣ Бреаля сказано много и другого, что́ вызываетъ на размышленіе, но мы полагаемъ, что и того, что́ мы заимствовали изъ нея, достаточно рекомендуетъ ее всякому мыслящему читателю. Прибавимъ еще нѣсколько словъ объ его возвышенномъ идеалѣ народнаго учителя. Бреаль хотѣлъ бы создать изъ него „мудреца своей волости“—*le savant de canton*, при чемъ онъ съ особенною настойчивостью напираетъ на необходимость въ нормальной школѣ учредить

каѳедру исторіи французскаго языка, которая должна научить кандидатовъ въ народные учителя научному изслѣдованію народнаго говора—*patois*—въ той мѣстности, гдѣ придется работать учителю. Бреаль сильно порицаетъ пренебреженіе народнаго говора въ нынѣшнихъ школахъ и требуетъ, чтобы, напротивъ, *patois* сталъ основою изученія французскаго языка, причемъ вмѣстѣ съ исторіей развитія французскаго языка изъ разныхъ говоровъ и сравненія мѣстнаго говора съ французскимъ языкомъ можно было бы удобно излагать и исторію самой провинціи и самой общины, въ которой находится школа. Только при такомъ преподаваніи въ народной школѣ, народный учитель станетъ „истиннымъ представителемъ своей общины", а „не иностранцемъ среди крестьянъ и представителемъ оффиціальной образованности, всегда находящейся въ подозрѣніи". „Посмотрите на Эльзасъ" — говоритъ Бреаль въ другомъ мѣстѣ: „если онъ преданъ душою намъ, то между прочимъ и потому, что мы никогда не пытались лишить его родного языка. Предоставимъ націямъ, говорящимъ болѣе насъ объ уваженіи къ языку, объявлять войну всему, что не составляетъ ихъ собственнаго идеала. Онѣ достигнутъ этимъ путемъ только ненависти къ ихъ власти.... У насъ были религіозныя войны, гражданскія войны, но племенная ненависть никогда не находила доступа въ наши сердца. Во Франціи нѣтъ ни герцогства Познани, ни Сѣвернаго Шлезвига" (стр. 65). Эти гордыя и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасныя патріотическія слова мы выписываемъ для нашихъ обрусителей-филологовъ; пусть помнятъ они, что ихъ высказываетъ Бреаль, самъ филологъ и серьезный ученый.

Книжка Гильемена составлена довольно старательно и тѣмъ обращаетъ на себя вниманіе: въ ней приводятся и историческія и статистическія данныя; но авторъ ея, какъ показываетъ самое заглавіе его сочиненія, не обнаруживаетъ научнаго взгляда на тотъ предметъ, о которомъ говоритъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое *„республиканское образованіе?"* — и отчего „обязательность, безплатность и свѣтскость школы" суть именно республиканскія качества ея? неужели республика можетъ ввести у себя эти принципы училищнаго устройства, а монархія не можетъ, и какъ будто всѣ республики непремѣнно заботятся о развитіи народнаго образованія, а всѣ монархіи хлопочатъ только о приниженіи и подавленіи его? Если бы Гильеменъ говорилъ объ устройствѣ народной школы по образцу сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, то можно было бы понять, чего онъ собственно хочетъ, но вѣдь и въ Канадѣ, которая существуетъ подъ монархическою властью, въ устройствѣ народныхъ школъ положены въ основу тѣ же принципы. Однимъ словомъ, связывать свою систему народнаго просвѣщенія съ какою бы то ни было системою правленія—дѣло нелѣпое: школы не должны зависѣть отъ правительственныхъ формъ и политики вообще; напротивъ — важнѣйшіе, самые серьезные интересы

образованія заставляютъ желать, какъ мы объясняли выше, чтобы школа пользовалась полною свободою въ своей дѣятельности и чтобы ей не навязывали ни республиканскихъ, ни монархическихъ, ни политическихъ стремленій вообще, и что именно только при этомъ условіи онѣ въ состояніи отправлять всѣ свои функціи на общую пользу всего народа. Онѣ должны, разумѣется, разработывать и политическія знанія и распространять ихъ въ народныя массы, но онѣ не должны становиться ареною политической агитаціи — политическимъ орудіемъ той или другой партіи. Наука выше политики, и если школа превращается въ политическое орудіе, то она перестаетъ служить интересамъ истиннаго знанія—этой общей пользѣ *всего* народа и человѣчества, и тѣмъ унижаетъ свое нравственное достоинство. Сочиненіе Гильемена—сочиненіе, слѣдовательно, партіознаго свойства, и потому имѣетъ значеніе лишь для политической пропаганды во Франціи; это проекты и предположенія, преподносимыя французской публикѣ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія и интересные, слѣдовательно, лишь для французовъ. Въ такомъ сочиненіи всегда не маловажную роль играетъ система умолчанія, а также декламація въ похвальныхъ и неодобрительныхъ отзывахъ. Книга Гильемена не составляетъ исключенія.

За то нестерпимо декламаціоннымъ тономъ отличается брошюра Лоранти, написанная въ клерикальномъ духѣ. Въ ней и факты приводятся лишь для того, чтобы какъ можно сильнѣе подекламировать. Даже само заглавіе есть не что иное, какъ декламація. Лоранти плачется исключительно на то, что вся система народнаго просвѣщенія во Франціи находится не вполнѣ еще въ рукахъ духовенства, и что духовенство будто бы стѣснено въ своихъ усиліяхъ въ дѣлѣ народнаго образованія. И въ доказательство такой рѣшительной неправды онъ не приводитъ ничего, кромѣ разныхъ, нельзя сказать, чтобы пріятныхъ духовенству, рѣчей французскихъ республиканцевъ и нѣкоторыхъ государственныхъ людей въ пользу неосуществившихся проектовъ разныхъ французовъ объ исключеніи религіи изъ предметовъ преподаванія, или просто объ уничтоженіи самаго духовнаго сословія. Мы понимаемъ, по себѣ, на что́ разсчитываетъ Лоранти во французскомъ обществѣ, но ничего убѣдительнаго въ его „московитской“ аргументаціи не находимъ.

Anthropologie der Naturvölker, von Dr. *Theodor Waitz*, Professor der Philosophie zu Marburg. Mit Benutzung der Vorarbeiten des Verfassers fortgesetzt von Dr. *Georg Gerland*, Oberlehrer am Stadtgymnasium zu Halle. *Sechster Theil.* Leipzig, 1872. Friedrich Fleischer. (Антропологія природныхъ народовъ. Соч. *Теодора Вайца*, продолжаемое *Георгомъ Герландомъ*. Шестая часть).

Этимъ шестымъ томомъ заканчивается замѣчательный трудъ, предпринятый марбургскимъ профессоромъ философіи Вайцемъ, умершимъ

въ 1864-мъ году. Весь шестой томъ и вторая половина пятаго, вышедшая въ 1870-мъ году, составляютъ уже полную собственность ученика Вайца, Герланда, состоящаго теперь учителемъ въ городской гимназіи въ Галле. Каждый изъ этихъ ученыхъ трудились по семи лѣтъ, и имъ удалось составить сочиненіе, заслуживающее вниманія во всѣхъ отношеніяхъ. Честь первоначальной концепціи труда принадлежитъ, конечно, Вайцу, который предпринялъ его съ философскими цѣлями, такъ какъ ему хотѣлось въ основу всей философіи положить психологію, чтобы, такимъ образомъ, снова примкнуть философію къ ученіямъ Канта. Герландъ разсказываетъ, что Вайцъ хотѣлъ разрѣшить проблемму объ антагонизмѣ, который существуетъ, какъ въ настоящее время полагаютъ, между естественными науками и религіозною вѣрою; Вайцъ думалъ разрушить этотъ антагонизмъ. И дѣйствительно, въ первомъ томѣ, появившемся еще въ 1859-мъ году, Вайцъ, пускаясь въ разныя общія соображенія, проявляетъ эту тенденцію въ сильной степени и приписываетъ людямъ такія природныя качества, которыми они, кажется, не обладаютъ. Всѣ послѣдующіе томы „Антропологіи" должны были фактически подтвердить общія соображенія Вайца. Можно было опасаться, что Вайцъ станетъ подгонять факты къ подтвержденію его теорій, и тогда весь трудъ его принялъ бы крайне одностороннее направленіе. Къ счастію, Вайцъ оказывается однимъ изъ замѣчательныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые дорожатъ научною истиною гораздо больше, чѣмъ своими личными предразсудками. Онъ написалъ антропологію негритянскихъ, американскихъ и малайскихъ племенъ съ полнымъ безпристрастіемъ, и не утаилъ въ ней фактовъ, которые могутъ служить превосходнымъ орудіемъ для разрушенія его же собственныхъ теорій. Въ томъ же научномъ духѣ работалъ и Герландъ надъ антропологіей океанійскихъ племенъ: полинезіевъ, меланезіевъ, австраліевъ и тасманіевъ. Всѣ эти племена и составляютъ то, что́ Вайцъ разумѣлъ подъ выраженіемъ: „природные народы". Герландъ—филологъ, преслѣдующій вмѣстѣ съ лингвистическими интересами и естественно-историческіе, и онъ видитъ въ его общемъ съ Вайцемъ трудѣ самое значительное и рѣшительное подтвержденіе и дополненіе основаній Дарвинова ученія со всѣми его важнѣйшими и вѣскими выводами (5-й томъ, стр. VI), причемъ, однако, вполнѣ соглашается съ слѣдующими разсужденіями Вайца, которыя отлично характеризуютъ философскій взглядъ автора на человѣческое бытіе, но которые едва-ли можно выводить изъ „Дарвинова ученія со всѣми его важнѣйшими и вѣскими выводами":

„Однимъ изъ самыхъ удивительныхъ заключеній, къ которымъ приводитъ насъ изученіе человѣка, является то, что изъ всѣхъ побужденій человѣка самыми сильными являются матеріальная нужда, тщеславіе и честолюбіе, эти могущественнѣйшіе рычаги для дѣйствительно важныхъ

дѣйствій. Неразуміе сѣтуетъ на существованіе зла въ мірѣ, и философы полагали необходимымъ опровергнуть это обвиненіе, направленное какъ бы противъ божественной мудрости. Правда, что масса зла и злого чудовищна, но мало думаютъ о томъ, что ошибки и слабости людей служатъ основными условіями бо́льшей части прогресса, который дѣлаетъ общество. Даже самъ наслѣдственный грѣхъ человѣческаго рода—лѣность, существенно необходимъ для прочности всякой культуры, ибо безъ нея не могъ ни возникнуть, ни удержаться никакой авторитетъ ни въ церкви, ни въ государствѣ, ни въ искусствѣ, ни въ наукѣ,—безъ нея позднѣйшія поколѣнія не подготовлялись бы усвоивать традиціоннымъ путемъ образованіе предыдущихъ, и низшій классъ былъ бы склоненъ подрывать во всякое мгновеніе порядокъ и прочность всего общества. Это обстоятельство, конечно, не можетъ и не должно примирять насъ съ человѣческими недостатками, но оно можетъ возбуждать въ насъ догадки о существованіи болѣе высокой мудрости въ развитіи человѣческаго рода, чѣмъ мудрость самого человѣка, и внушительно напоминать намъ, что хотя исторія міра движется людьми, однако ея направленіе и цѣль вовсе не тѣ, какими они то себѣ представляютъ" (5-й томъ, стр. XV).

Въ этомъ выводѣ Вайца вѣрныя мысли перемѣшаны съ ложными. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что человѣческіе пороки могутъ играть и прогрессивную роль въ исторіи человѣчества, и можетъ быть они даже необходимы для прогресса, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что они должны входить въ планы „высшей мудрости", которые одни даютъ направленіе и цѣль міровой исторіи. Герландъ самъ дѣятельно отрицаетъ торжество моральной силы въ исторіи; онъ не разъ останавливается тамъ и сямъ въ своемъ разсказѣ, чтобы бросить какую-нибудь замѣтку о ничтожности нравственнаго вліянія въ жизни народовъ. Такъ (на стр. 120), говоря объ умственныхъ способностяхъ полинезіевъ и указывая на страшныя затрудненія, какими обставлено у нихъ движеніе европейской цивилизаціи, онъ приводитъ въ числѣ этихъ затрудненій и недоброжелательство военныхъ крейсеровъ и самихъ правительствъ цивилизованныхъ странъ: англійскую надменность, французское легкомысліе и американскую алчность. „Припоминая эти явленія—говоритъ онъ—не слѣдуетъ закрывать глазъ передъ декламаціями Гохштеттера, а именно, „что не физическая сила рѣшаетъ вопросъ о борьбѣ за существованіе, но нравственная сила и твердость духа", ибо встрѣча цивилизованныхъ народовъ, именно англичанъ съ полинезіями, и особенно съ маорисами, доказываетъ, что не *нравственная* сила, то-есть бо́льшая нравственная чистота и нравственное право рѣшаютъ борьбу за существованіе, но единственно физическая сила и сила разума.. Исторія научаетъ насъ тому же, ибо и въ ней побѣждаетъ только физическая и умственная сила, а не нравственность.

Нравственная сила—это цѣль, къ которой стремится человѣчество сознательно или безсознательно, и будь она широко распространена и высоко развита среди цивилизованныхъ народовъ, природные народы подвергались бы болѣе правильному суду и обхожденію". Это разсужденіе совершенно справедливое и вполнѣ подтверждается не только сношеніями цивилизованныхъ народовъ съ природными, надъ которыми они производятъ всякаго рода насилія, но и въ сношеніяхъ самихъ цивилизованныхъ народовъ между собою. Нравственность важна для каждаго народа въ отдѣльности, такъ какъ она, устанавливая довѣріе между отдѣльными личностями, скрѣпляетъ націю въ одно цѣлое, болѣе или менѣе плотное; но такъ какъ уровень нравственности зависитъ отъ разныхъ направленій и силы умственнаго и матеріальнаго развитія народа, то понятно, что во всѣхъ столкновеніяхъ народовъ между собою не тотъ будетъ брать верхъ, который правъ съ точки зрѣнія высшей морали, а тотъ, у котораго больше умственныхъ и матеріальныхъ силъ, и у котораго эти силы лучше сплочены между собою и ловче приноровлены къ условіямъ борьбы. Но о такой побѣждающей націи можно говорить также, что ея нравственный уровень выше, хотя побѣды ея противны принципамъ нравственности. Бо́льшая высота нравственнаго уровня въ этомъ случаѣ признается въ силу того мнѣнія, что побѣдитель заключалъ въ самомъ себѣ болѣе нравственной стойкости и единства, чѣмъ побѣжденный. Но это сужденіе можно прилагать лишь къ врагамъ, которые имѣли *всѣ шансы* бороться при равныхъ условіяхъ, но никакъ не къ сношеніямъ англичанъ съ маорисами или французскаго капитана Лапласа, бомбардировавшаго столицу Гавайскихъ острововъ за то только, что тамошній правитель запретилъ ввозъ спиртныхъ напитковъ въ свои владѣнія и издалъ строгіе законы противъ проституціи. Даже въ войнѣ между Германіей и Франціей верхъ одержала не та нація, которая заключаетъ въ себѣ бо́льшую нравственную чистоту, если подъ этой чистотой разумѣть чувство справедливости, человѣколюбіе, честность и любовь къ правдѣ. Нѣмцы одержали побѣду надъ французами не этими *нравственными* свойствами своего характера, но своимъ умственнымъ превосходствомъ: благоразуміемъ, суровымъ разсчетомъ, техникою дѣла, вообще реальнымъ взглядомъ на вещи. Даже въ грубыхъ статистическихъ цифрахъ преступленій, незаконныхъ рожденій или проституціи нѣмцы не обнаруживаютъ большей нравственной чистоты, сравнительно съ французами, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что чувство справедливости, человѣколюбіе и честность гораздо болѣе развиты и распространены среди французовъ, чѣмъ у нѣмцевъ. Укажемъ на одинъ замѣчательный фактъ, который мы вынесли изъ чтенія множества брошюръ, французскихъ и нѣмецкихъ, по поводу послѣдней войны. И въ тѣхъ и въ другихъ гос-

подствуетъ національная ненависть, но французская ненависть ограничивается по большей части разными остротами надъ нѣмцами и въ своей мести дальше хорошей потасовки и возвращенія Эльзаса не идетъ, между тѣмъ какъ нѣмцы-шовинисты стараются постоянно представить французовъ какими-то извергами рода человѣческаго, исчадіемъ всяческаго разврата, которыхъ необходимо окончательно и навсегда стереть съ лица земли; для нѣмецкой мести французы перестаютъ быть человѣческими существами, между тѣмъ какъ для француза нѣмецъ все остается нѣмцемъ, съ которымъ онъ готовъ и подраться и помириться, но не ради уничтоженія другъ друга, а просто изъ тщеславія, изъ честолюбія.

Но мы отвлеклись отъ нашей книги. Кромѣ нравственной чистоты вообще, изученіе природныхъ народовъ можетъ освѣщать намъ чуть-ли не всѣ общественные вопросы. Мы, цивилизованные народы, такъ далеко стоимъ отъ нашего первоначальнаго природнаго состоянія, что во многихъ отношеніяхъ совершенно утратили способность отличать въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ природное отъ наноснаго, сбившеюся съ нормальнаго хода культурою. Среди насъ живетъ много такихъ дикихъ понятій и обычаевъ, которые признаются нами натуральными, между тѣмъ какъ въ этомъ натуральномъ нѣтъ ничего природнаго, какъ показываетъ исторія и бытъ дѣйствительно природныхъ народовъ. Возьмемъ, напримѣръ, такъ-называемый женскій вопросъ, то-есть вопросъ о гражданской и политической равноправности женщинъ. Мы, въ Европѣ, все никакъ не можемъ понять, что гражданская и политическая равноправность женщинъ дѣло совершенно естественное; мы все толкуемъ о какомъ-то несоотвѣтствіи нѣжности женскаго сердца съ грубыми будто бы требованіями гражданской и политической жизни, а на океанійскихъ островахъ женщина всегда пользовалась голосомъ во всѣхъ общественныхъ и политическихъ вопросахъ. Въ Новой Зеландіи онѣ принимаютъ участіе даже въ военныхъ совѣтахъ, даже выходятъ на поле битвы, но не драться, а воодушевлять своихъ мужей. Онѣ держатъ рѣчи въ народныхъ собраніяхъ, иныя изъ нихъ пользуются столь высокимъ положеніемъ, что съ ними совѣтуются сами государи въ религіозныхъ и политическихъ дѣлахъ. На островахъ Гавайи (Сандвичевы) онѣ достигли даже верховной власти. У тогитіевъ, до появленія христіанскихъ миссіонеровъ даже родъ считался въ женской линіи и всѣ наслѣдственныя права опредѣлялись по матери.

Наши кавалеры и селадоны нѣжнаго женскаго сердца много опасаются, что политическая и гражданская равноправность убьетъ будто бы любовныя страсти въ женщинѣ. Но и это напрасно: „въ Полинезіи встрѣчается также чистая, страстная любовь. Новозеландки, имѣвшія дѣло съ европейцами, охотно желали вступать съ ними въ бракъ,

по заключенія котораго онѣ не становились любострастными, но отличались вѣрностью въ высшей степени. Мифы маорисовъ, собранные Греемъ, представляютъ весьма часто изображеніе чистѣйшихъ и нѣжнѣйшихъ любовныхъ отношеній. Меланхолія, даже самоубійство отъ несчастной любви случаются тоже въ Новозеландіи и нерѣдки на Ниве. Также въ Тагити такіе случаи часты, и Эллисъ представляетъ примѣры, изъ которыхъ одинъ привелъ къ крайне несчастному браку... Весьма романтическую любовную исторію на Тонгѣ разсказываетъ Мэрринеръ, который увѣряетъ положительно, что на Тонгѣ браки заключаются по любви. На Самоа люди, чувствующіе страстную любовь, наносили своимъ рукамъ ожоги, чтобы образно выразить пылъ своей страсти" (стр. 125).

Упомянемъ еще объ одномъ обстоятельствѣ въ этомъ „женскомъ вопросѣ". Женщины у полинезіевъ употребляются лишь на легкія работы, и такое страшное употребленіе женскихъ силъ, какое производится, напримѣръ, на нашихъ фабрикахъ или на нашихъ поляхъ во время жатвы, полинезійцы вѣроятно сочли бы варварствомъ. И относительно обхожденія съ дѣтьми океанійскія племена могутъ служить примѣромъ для европейцевъ. Любовь къ дѣтямъ распространена повсюду; среди тасманіевъ и австраліевъ она доходитъ до того, что „наказываніе дѣтей считается жестокостью, отцы принимаютъ сторону дѣтей противъ матерей" (стр. 782), а у полинезіевъ, на нѣкоторыхъ островахъ, дѣти тотчасъ послѣ рожденія считаются уже главами семейства, а родители считаютъ себя только представителями ихъ и подчиняются всякому желанію своего ребенка (стр. 135). Само собою разумѣется, что подобная любовь уже заходитъ за всякіе предѣлы, но намъ важны эти факты тѣмъ, что они указываютъ, что варварское обращеніе съ дѣтьми вовсе не въ природѣ человѣка, и что какія-нибудь полинезійскія племена умѣютъ гуманно обращаться съ своими дѣтьми и не употребляютъ въ воспитательныхъ видахъ хотя бы розогъ, пріобрѣвшихъ столь великое реноммé въ европейскихъ семьяхъ.

Еще одинъ интересный и поучительный фактъ. Мы празднуемъ теперь двухсотлѣтній юбилей великаго преобразователя Россіи. Такимъ же преобразователемъ явился на островахъ Гаваіи, въ концѣ прошлаго вѣка, царь Тамегамега I, съ котораго и начинается быстрая цивилизація этихъ островов. Въ 1850-хъ годахъ тамъ было уже 12 высшихъ школъ съ 335-ю учениками и 543 народныхъ съ 15,308-ю учениками. Три четверти всего населенія умѣютъ читать. Сдѣлали ли мы столько для своего народа въ наши двѣсти лѣтъ европейской цивилизаціи?... Надъ этимъ вопросомъ стóитъ подумать.

Въ изложеніе Герланда-Вайца входятъ всѣ стороны быта описываемыхъ народовъ: физическая природа ихъ, культурная и исторія. Въ

культурномъ отношеніи описываются одежда, пища, земледѣліе, техническое искусство, опредѣленіе времени, торговля, искусства, танцы, поэзія, нравственный характеръ, семейная жизнь, война, сословія и законы, миѳологія, религіозный культъ.

Albert Delpit.—Les Prétendants.—Les Bourbons.—Les D'Orléans.—L'Empire.—La commune.—La République. Paris, E. Lachaud, 1872. (*Претенденты. Соч. Альбера Дельпи*).

Пора личныхъ оправданій и взаимныхъ обличеній въ политической несостоятельности, которую обнаружили французы во время войны съ Германіей, быстро проходитъ, быть можетъ, потому только, что грязное бѣлье уже все вымыто передъ публикою, и всѣ выболтались и наговорились въ публикѣ и печати достаточно подробно и въ полное свое удовольствіе. Какъ бы то ни было, появляются, наконецъ, политическіе памфлеты, ставящіе себѣ болѣе или менѣе серьезную задачу; иные ищутъ въ прошломъ уроки для настоящаго, какъ разбираемая нами книга Альбера Дельпи, другіе стараются написать болѣе или менѣе безпристрастно исторію послѣднихъ временъ, какъ книга неизвѣстнаго, но талантливаго писателя: „Le dernier des Napoléon“, о которой мы дадимъ подробный отчетъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Эти памфлеты требуютъ отъ авторовъ не личныхъ впечатлѣній только, но и кое-какого критическаго таланта и нѣкотораго знакомства съ историческими трудами.

Дельпи—уроженецъ Соединенныхъ Штатовъ и другъ извѣстнаго Франсиска Сарсэ, которому онъ и посвящаетъ свою книгу. Вы догадываетесь уже, что онъ республиканецъ—да, онъ таковъ; но его республиканизмъ совершенно особаго свойства: онъ ставитъ отечество выше республики, онъ считаетъ 4-е сентября „мятежемъ передъ лицомъ непріятеля“, и увѣряетъ, что будь онъ въ тотъ день въ Парижѣ, онъ предложилъ бы свою „республиканскую шпагу“ бѣжавшей императрицѣ, „какъ изъ уваженія къ женщинѣ, такъ и потому, что это была царица, и при томъ павшая“ (стр. 278). Эти рыцарскія заявленія, которыми императрица Евгенія едва-ли интересуется, и которыя она, пожалуй, не съумѣетъ по достоинству оцѣнить, тѣмъ не менѣе хорошо характеризуютъ автора и тонъ его книги. Онъ постоянно декламируетъ, то обращаясь къ республикѣ, то къ Франціи, то къ коммунѣ, и всѣмъ онъ высказываетъ свои личныя симпатіи или антипатіи, упреки и угрозы даже.

Дельпи полагаетъ, что возстановленіе Бурбоновъ невозможно во Франціи, и что поголовная подача голосовъ должна рѣшить вопросъ между бонапартизмомъ и республикою. Онъ не сомнѣвается, что народъ выскажется за республику, но если нѣтъ, если возстановится

бонапартизмъ, Дельпи преклонится передъ народною волею и станетъ „охранять Наполеона",—„республиканецъ не станетъ оттого бонапартистомъ"—увѣряетъ нашъ авторъ—„нѣтъ, онъ будетъ только хорошимъ французомъ; *voilà tout!*" (стр. 381). Еслибъ Дельпи сказалъ, что слѣдуетъ *охранять Францію* и при Наполеонѣ,—съ нимъ можно было бы согласиться, но „*défendre Napoleon*" значитъ совсѣмъ другое, такъ какъ „охранять Наполеона", напримѣръ, 4-го сентября, значило жертвовать интересами Франціи въ пользу ни на что неспособнаго правительства, и тотъ, кто охранялъ бы его въ то время, никакъ не могъ быть не только республиканцемъ, но и вообще патріотомъ французскимъ; только честные бонапартисты могли бы стоять тогда за Наполеона, и если заступникомъ императрицы въ этотъ моментъ явился лишь одинъ иностранецъ—американскій дантистъ, то это доказываетъ только, что среди бонапартистовъ, находившихся тогда въ Парижѣ, не было ни одного честнаго человѣка; всѣ же другіе граждане просто пользовались своимъ правомъ свергнуть прочь неспособныхъ и безчестныхъ правителей. Что республиканецъ въ монархіи, какъ монархистъ въ республикѣ, долженъ стоять за свою страну, когда она находится въ опасности—это само собою разумѣется; но чтобы тотъ или другой изъ нихъ стоялъ въ то же время за своихъ случайныхъ правителей, оказавшихся совершенно неспособными спасти страну — да вѣдь такая преданность просто противна здравому смыслу всякаго патріота. Патріотъ любитъ отечество, которое находится въ опасности; правители оказываются неспособными и добровольно не желаютъ передать власть въ другія руки, а патріотъ все будетъ „охранять своихъ правителей!" Такимъ патріотомъ былъ во Франціи лишь маршалъ Базенъ, но его не высоко цѣнятъ не только французы, но и общественное мнѣніе всего цивилизованнаго міра.

Свое предположеніе о невозможности возстановленія Бурбоновъ Дельпи основываетъ на невозможности примиренія между Орлеанскимъ домомъ и графомъ Шамборомъ, а эту невозможность онъ доказываетъ тѣмъ, что Луи-Филиппъ жестоко оскорбилъ мать графа Шамбора и измѣннически поступилъ съ Карломъ X, и что Орлеаны всегда отличались вѣроломствомъ относительно старшей линіи Бурбоновъ. Такія родственныя воспоминанія, конечно, непріятны, но графъ Шамборъ едва ли такъ простъ, чтобы сталъ взыскивать грѣхи Луи-Филиппа на потомкахъ его, и изъ-за глупаго мщенія лишать себя самого поддержки монархистовъ орлеанской линіи. Странно также, что, подробно разсказывая о родственныхъ передрягахъ Бурбоновъ, Дельпи ничего не говоритъ о такихъ же передрягахъ и вѣроломствѣ среди Бонапартовъ, а вѣдь между ними происходило то же самое, что́ и между Бурбонами. Не слѣдовало, во всякомъ случаѣ, забывать извѣстнаго героя, Пьера Бонапарта, и можно было бы вовсе не говорить про замѣча-

тельнаго историка Ланфрэ, написавшаго безпристрастную исторію Наполеона I, что своимъ сочиненіемъ онъ будто бы далъ пощечину Франціи и справедливости! Всѣ эти „республиканскія“ заявленія, несмотря на цвѣтистую и пламенную декламацію, достаточно обнаруживаютъ, къ какой категоріи республиканцевъ слѣдуетъ причислить автора „Претендентовъ“, и какую цѣну слѣдуетъ дать его книгѣ.

Manuel Républicain, par *Jules Barni*. Paris, Germer Baillière, 1872. (*Республиканское Руководство. Соч. Жюля Барни*)

Барни не Дельпи; это дѣйствительный, честный республиканецъ, но онъ слишкомъ философъ, чтобы писать популярныя руководства, и притомъ по такимъ труднымъ вопросамъ, каковы политическіе. Бóльшая половина его „Республиканскаго руководства“ была написана, по желанію самого Гамбетты, для оффиціальнаго изданія: „*Bulletin de la République*“, чрезъ посредство котораго должно было происходить „просвѣщеніе простонародья въ деревняхъ и городахъ не только относительно дѣятельности правительства народной обороны, но также относительно республиканскихъ учрежденій“. Такъ, глава за главой, строкъ въ 30—50 каждая, составлялось то руководство, которое издано теперь съ значительнымъ дополненіемъ. И чего только въ немъ нѣтъ! Тутъ вамъ и республиканскіе принципы, и республиканскія учрежденія, и республиканскія права, и соціальный вопросъ, и международныя права,—и все это на какихъ-нибудь 4 — 5 печатныхъ листахъ! Очевидно, что по этому руководству, дающему вмѣсто важныхъ или интересныхъ свѣдѣній какіе-то обрывки изъ государственнаго права, политической экономіи, нравственной философіи, и почти всѣхъ отраслей юриспруденціи, никто ничему выучиться не можетъ, тѣмъ болѣе, что слогъ автора далеко не отличается тою живою образностью, которая одна возбуждаетъ умъ простолюдина; даже значительная часть мелкой буржуазіи не пойметъ главной сущности республиканскихъ идей и проектовъ автора.

Направленіе брошюрки Барни не вызываетъ серьезныхъ возраженій, и она можетъ принесть нѣкоторую пользу всѣмъ французскимъ республиканцамъ, которые привыкли больше выкрикивать разныя громкія слова: „свобода, равенство, братство, поголовная подача голосовъ“ и т. п., не придавая однако этимъ словамъ никакого опредѣленнаго значенія. Руководство Барни можетъ дать болѣе или менѣе вѣрное и полное содержаніе этимъ громкимъ словамъ.

ИЗВѢСТІЯ

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Годовое собраніе 2-го февраля 1872 года.

Окончаніе *).

IV. *Храненіе дѣлъ Общества.* Дѣла и бумаги Общества хранились у секретарей и казначеевъ Общества. Но какъ за 12 лѣтъ архивъ Общества значительно увеличился, то оказалось необходимымъ пріискать для него приличное постоянное помѣщеніе. Въ этихъ видахъ сначала предполагалось испросить право помѣстить шкапъ съ дѣлами и бумагами Общества въ библіотекѣ Академіи Наукъ; но за недостаткомъ въ ней мѣста, комитетъ обратился съ такою же просьбой къ директору Императорской Публичной Библіотеки, и по полученіи его согласія, дѣла и бумаги Общества хранятся въ одной изъ залъ означенной Библіотеки, въ особомъ шкапу.

V. *Содѣйствіе сотрудникамъ періодическихъ изданій въ полученіи слѣдующаго имъ гонорара.* По случаю частаго полученія комитетомъ просьбъ объ оказаніи такого рода содѣйствія, возбужденъ былъ по этому предмету общій вопросъ, разрѣшеніе котораго предположено представить на усмотрѣніе общаго собранія. Обсужденіе подробностей дѣла и выработка проекта правилъ возложены на предсѣдателя, помощника предсѣдателя и члена комитета А. С. Суворина. Составленный проектъ обсуждался въ комитетѣ и принятъ съ измѣненіями. Докладъ по этому предмету будетъ представленъ вамъ, мм. гг. сегодня.

Въ заключеніе, комитетъ считаетъ своею обязанностью упомянуть, съ глубочайшею признательностью, о тѣхъ пожертвованіяхъ, которыя поступили въ прошломъ году.

Ихъ Императорскія Величества и члены Императорской фамиліи почтили Общество своими вкладами 1,900 р.

Г. министромъ народнаго просвѣщенія отпущено 1,000 р.

Отъ частныхъ лицъ поступили слѣдующія пожертвованія: Я. Я. Фейгина—200 р.; неизвѣстнаго, гонораръ за сочин., напеч. въ «Вѣстн. Европы»—183 р.; типографіи А. И. Мамонтова—100 р.; А. М. Симонова — 50 р.; Н. А. Вормсъ — 30 р.; неизвѣстнаго (чрезъ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»)—27 р. 50 к.; неизвѣстнаго—24 р.; отъ 8 неизвѣстныхъ — 16 р. 35 к.; Н. Х. Бунге — 10 р.; А. Ѳ. Веймарна—10 р.; неизвѣстнаго чрезъ П. В. Анненкова—10 р.; отъ С. Д. Арсеньевой — 5 р.; Процентныя деньги отъ редакцій за 1870 годъ: «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» — 100 р.; «Отечественныхъ Записокъ»—59 р. 10 к. За 1871 годъ: «Вѣстникъ Европы» — 74 р. 20 к.

А. А. Потѣхинъ читалъ публично въ пользу Общества. Книгопродавцы: Базуновъ, Исаковъ и Кожанчиковъ продавали безвозмездно би-

*) См. выше: май, 455 стр.

леты на чтенія въ пользу Общества А. Н. Островскаго; они же и книгопродавецъ Звонаревъ безвозмездно продавали билеты на чтеніе А. А. Потѣхина.

Комитетъ с.-петербургскаго Собранія Художниковъ предоставилъ безплатно залу собранія для чтенія А. Н. Островскаго.

С.-петербургское купеческое собраніе предоставило безплатно залу собранія для публичнаго чтенія А. А. Потѣхина.

Докторъ А. Г. Биршенкеръ изъявилъ готовность пользовать безплатно больныхъ въ своемъ лечебномъ заведеніи, по требованію Общества.

Отчетъ казначея. А. По кассѣ литературнаго фонда. I. Состояніе кассы въ началѣ года. Къ 1-му января состояло въ кассѣ 52,044 руб. Въ томъ числѣ: 1) Процентными бумагами—51,600 р. 2) Деньгами—444 р. Итого—52,044 р.

II. Приходъ. а) поступило дѣйствительнаго дохода 14,419 р. 83 к. Въ томъ числѣ: 1) Отъ высочайшихъ особъ—1,900 р.; а именно: изъ кабинета Его Императорскаго Величества—1,000 р., отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы—300 р., отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ: Государыни Великой Княгини Елены Павловны—200 р., Государя Великаго Князя Константина Николаевича и Государыни Великой Княгини Александры Іосифовны — 100 р., Государя Великаго Князя Владиміра Александровича — 200 р., Государя Великаго князя Алексѣя Александровича—100 р., итого — 1,900 р. 2) Взносы 271 члена Общества — 5,414 р. Въ томъ числѣ: наивысшіе годовые взносы поступили отъ: Демидова П. П. — 500 руб., Фейгина, Я. Я. — 300 руб.; пожизненно по 100 руб. внесли: Баймаковъ Ѳ. П., Гротъ Я. К., Корніани, графиня А. Н., Остряковъ А. П., Сазиковъ В. И. и Сазикова Е. П. Наименьшій годовой взносъ опредѣленъ уставомъ Общества въ 10 руб. 3) Отъ министерства народнаго просвѣщенія — 1,000 рубл. 4) Единовременныя пожертвованія 20-ти лицъ — 736 р. 25 к. Въ томъ числѣ внесли: Арсеньева С. Д. — 5 р., Бунге Н. Х. — 10 р., Веймарнъ А. Ѳ. — 10 р., Вормсъ Н. А. — 30 р., Мамонтова и К° въ Москвѣ типографія—100 р., неизвѣстный, черезъ редакцію „Вѣстника Европы"—183 р., неизвѣстный, черезъ редакцію „С.-Петерб. Вѣдомостей"—97 р. 50 к., одиннадцать неизвѣстныхъ въ сложности—50 р. 75 к., Симоновъ Л. Н.—50 р., Фейгинъ Я. Я.—200 р., итого — 736 р. 25 к. 5) Процентныя деньги отъ 3 редакцій — 233 р. 30 к., а именно: За 1870 г. отъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей"—100 р., отъ „Отечественныхъ Записокъ" — 59 р. 10 к. и за 1871 г. отъ „Вѣстника Европы" — 74 р. 20 к. 6) Сборъ съ 2 литературныхъ чтеній — 289 р. 76 к.. а именно: А. Н. Островскаго — 260 р. 50 к. и А. А. Потѣхина — 29 р. 26 к. 7) Проценты по купонамъ и текущему счету—3,041 р. 52 к. 8) Уплата по 7 ссудамъ—1,575 р. 9) За смертью 3 лицъ возвращены 2 третныя пенсіи и 1 пособіе — 230 р., итого — 14,419 р. 83 к. б) Сверхъ того, записано на приходъ по *оборотнымъ операціямъ*—15,121 р. 33 к. Въ томъ числѣ: 10) Деньги, вырученныя продажею 52 акцій главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ—7,081 р. 33 к. 11) Вновь купленныя процентныя бумаги по нарицательной цѣнѣ: 22 консолидированныхъ облигаціи 2 выпуска—7,040 р., 8 облигацій Николаевской желѣзной дороги — 1,000 р. — 8.040 р., итого 15,121 р. 33. к. Всего записано на приходъ—29,541 р. 16 к.

III. Расходъ. а) *Дѣйствительно израсходовано* — 12,891 р. 14 к. Въ томъ числѣ: 1) На пенсіи 18 семействамъ — 3,700 руб., 2) Продолжительное пособіе 1 лицу — 100 руб., 3) Единовременныя пособія 81 лицу—6,090 р. 50 к., 4) Пособіе на воспитаніе 26 лицъ—1,421 р. 34 к. 5) Ссуды 7 лицамъ — 1,575 р. 6) Государственному Банку, за храненіе бумагъ—4 р. 30 к., итого—12,891 р. 14 к. б) По оборотнымъ операціямъ выписано въ расходъ — 14,346 р. 63 к. Въ томъ числѣ: 7) *Проданныя* 52 акціи Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, по нарицательной цѣнѣ — 6,500 р. 8) *При покупкѣ* процентныхъ бумагъ заплачено банкиру: За 22 консолидированныя облигаціи, съ процентами за 25 дней и коммиссій—6,980 р. 72 к., за 8 облигацій Николаевской желѣзной дороги, съ процентами за 70 дней и коммиссій — 862 р. 91 к.; итого 7,846 р. 63 к.; всего 14,346 р. 63 к. Всего выписано въ расходъ 27,237 р. 77 к.

IV. Состояніе кассы къ концу года: къ 1-му января 1871 г. состояло въ кассѣ — 52,044 р., въ 1871 году записано на приходъ — 29,541 р. 16 к.; итого 81,585 р. 16 к. Въ 1871 г. выписано въ расходъ — 27,237 р. 77 к., къ 1-му января 1872 г. состоитъ въ кассѣ — 54,347 р. 39 к. Въ томъ числѣ: 1) процентными бумагами—53,140 р., 2) деньгами—1,207 р. 39 к.; итого 54,347 р. 39 к. Сумма эта превышаетъ наличность кассы къ началу года (52,044 р.) на 2,303 р. 39 к. Между тѣмъ, изъ приведенныхъ числовыхъ данныхъ видно, что въ теченіе года изъ суммъ литературнаго фонда отпущено: 1) пособій на воспитаніе—1,421 р. 34 к.; 2) пособій продолжительныхъ и единовременныхъ—6,190 р. 50 к.; 3) ссудъ на—1,575 р.; 4) пенсій—3,700 р.; вообще разныхъ пособій оказано на сумму—12,886 р. 84 к. Противъ 1870 г. болѣе на 1,769 р. 84 к., противъ 1869 г. болѣе на—3,379 р. 26 к. Изъ числа семействъ, которымъ производились пенсіи въ 1871 году, имѣли жительство: 1) въ С.-Петербургѣ 6, получившія—1,240 р., 2) въ Москвѣ и Московской губерніи 8—1,840 р., 3) въ разныхъ губерніяхъ 4—620 р. Въ средней сложности пенсій и пособій выдается болѣе 1,000 р. ежемѣсячно.

Б) *По стипендіи, учрежденной въ память бывшаго предсѣдателя Общества, Е. П. Ковалевскаго.* Въ началѣ года состояло на лицо — 6,680 р. 49 к. Въ томъ числѣ: пятипроцентныхъ 26 акцій Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ на 3,250 р., четырехпроцентныхъ 23 облигаціи Николаевской желѣзной дороги на 2,875 р., деньгами—555 р. 49 к.; итого 6,680 р. 49 к. Въ теченіе года поступило дохода 1,281 р. 3 к. Въ томъ числѣ: пожертвованій — 976 р. 75 к., процентовъ на капиталъ — 304 р. 28 к.; итого 1,281 р. 3 к.; всего въ приходѣ 7,961 р. 52 к. Въ теченіе года выписано въ расходъ—355 р. 32 к. Въ томъ числѣ: 1) выдана стипендія на учебный 1871 — 72 г. одному студенту харьковскаго университета — 300 р. 2) При обмѣнѣ четырехпроцентныхъ на пятипроцентныя бумаги приплачено—51 р. 97 к. 3) Государственному Банку за храненіе процентныхъ бумагъ—3 р. 35 к.; итого 355 р. 32 к. Къ 1-му января 1872 г. состоитъ на лицо—7,606 р. 20 к. Въ томъ числѣ: 1) пятипроцентныхъ консолидированныхъ облигацій 2 выпуска на 7,040 р., 2) четырехпроцентныхъ облигацій Николаевской желѣзной дороги на 500 руб., 3) деньгами—66 р. 20 к.; итого 7,606 р. 20 к. При настоящемъ устройствѣ капитала стипендій, съ него будетъ получаться доходъ въ нижепоказанномъ размѣрѣ: а) съ 7,040 металлич. рубл. консолидированными

облигаціями по 5%—352 м. р., б) съ 500 металлич. руб. облигаціями Николаевской желѣзной дороги по 4%—20 м. р.; итого 372 м. р.. или примѣрно кредитными рублями около 400 руб.

Затѣмъ былъ прочитанъ нижеслѣдующій журналъ ревизіонной коммиссіи:

Разсмотрѣвъ доставленный Комитетомъ отчетъ казначея и секретаря и провѣривъ ихъ по денежнымъ книгамъ и документамъ, по журналамъ и дѣламъ Комитета, ревизіонная коммиссія нашла, что счеты и дѣла велись правильно, а дѣлопроизводство отличается особенною тщательностью.

По содержанію же дѣлъ представляется безошибочнымъ заключеніе, что дѣйствія комитета въ истекшемъ 1871 году выражаютъ неусыпную его заботливость о расширеніи благотворной дѣятельности Общества. Такимъ образомъ, въ 1871 году, независимо отъ оказанія 7 лицамъ ссудъ въ количествѣ 1,575 р., которыя нынѣ возвращены сполна, отъ Общества было выдано пенсій и пособій—11,311 р. 84 к., болѣе противъ 1870 г. на 319 р. 84 к. и противъ 1869 г. на 1,804 руб. 25 к., и въ то же время капиталъ Общества увеличился противъ 1870 г. на 2,303 р. 39 к., а именно: въ 1871 г. въ капиталѣ Общества состояло: процентныхъ бумагъ по нарицательной ихъ стоимости—51,600 р. и наличныхъ денегъ — 444 р.; всего 52,044 р.; къ 1872 же году состоитъ: процентныхъ бумагъ въ той же стоимости — 53,140 р. и наличныхъ денегъ—1,207 р. 39 к.; всего 54,347 р. 39 к.

Представляя свое заключеніе о дѣйствіяхъ комитета въ общемъ числовомъ выводѣ, коммиссія считаетъ однако необходимымъ сдѣлать нѣсколько указаній, которыя, быть можетъ, будутъ признаны не безполезными для дѣла и со стороны комитета.

1) Хотя по счетамъ комитета и показывается приращеніе суммъ Общества въ процентныхъ бумагахъ на 1,540 р. и въ деньгахъ на 863 р. 39 к., всего на 2,303 р. 39 к., но въ дѣйствительности капиталъ увеличился въ процентныхъ бумагахъ на 719 р. 88 к., ибо въ 1871 г. вновь куплено процентныхъ бумагъ только на сумму 858 р. 14 к., изъ которыхъ слѣдуетъ исключить 138 р. 26 к., полученныхъ наличными деньгами при обмѣнѣ 52 акцій Гл. Общ. Рос. жел. дор. на консолидированныя облигаціи 2 выпуска; слѣдовательно, съ превышеніемъ въ наличныхъ деньгахъ на 863 р. 39 к., капиталъ увеличился только на 1,583 р. 27 к.

2) На основаніи предыдущаго вывода едва-ли можно признать показаніе комитетомъ денежныхъ средствъ Общества, оставшихся къ 1872 году въ суммѣ 54,347 р. 39 к., *точнымъ*, такъ какъ въ дѣйствительности процентныя бумаги пріобрѣтены только за 46,946 р., и слѣдовательно, истинная цифра капитала Общества составитъ только 48,153 р. 39 к., изъ кототорыхъ 46,946 р., будучи обращены въ процентныя бумаги по нарицательной ихъ цѣнѣ на 53,140 р., приносятъ ежегодно дохода 1,870 талеровъ, 852 металлическихъ и 10 кредитныхъ руб., или переводя все это, по современному курсу, въ кредитные рубли, Общество отъ содержанія своихъ суммъ въ процентныхъ бумагахъ получаетъ дохода болѣе 3,000 р., котораго въ 1871 г. оно и получило 3,041 р. 52 к., т.-е. болѣе $6^1/_2$%.

3) Способъ принятія процентныхъ бумагъ въ номинальной ихъ цѣнѣ, безъ показанія, въ прежнее время, стоимости ихъ по пріобрѣтенію при покупкѣ, лишаетъ коммиссію возможности получить свѣдѣніе о выгодности обмѣна 52 акцій Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ на консолидированныя облигаціи 2-го выпуска 1871 года, по той причинѣ, что изъ дѣлъ и счетовъ комитета за 1871 г. не видно, по какой цѣнѣ были пріобрѣтены, въ прежнее время, 52 акціи Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, обмѣненныя въ отчетномъ году.

4) Вслѣдствіе чего коммиссія хотя и убѣдилась по счетамъ комитета, что совершенныя въ отчетномъ году операціи по обращенію наличныхъ суммъ въ процентныя бумаги были выгодны, не менѣе того находитъ, что показаніе въ счетахъ комитета состоянія денежныхъ средствъ Общества по дѣйствительной стоимости Обществу процентныхъ бумагъ, съ объясненіемъ ихъ нарицательной цѣны было бы болѣе точнымъ и что для избѣжанія какихъ-либо случайностей въ будущемъ желательно бы было разрѣшить вопросъ: не слѣдуетъ ли постановить точнаго опредѣленія, въ какихъ именно % бумагахъ долженъ состоять капиталъ Общества.

5) Въ отношеніи же суммы, собранной на стипендію въ память покойнаго предсѣдателя Общества Е. П. Ковалевскаго, въ количествѣ 7,532 р. 91 к., пожертвованій и 496 р. 88 к., полученныхъ въ 1871 г. процентовъ, всего 8,029 р. 79 к., а за произведеннымъ расходомъ составляющей 7,722 р. 99 к., коммиссія не можетъ не признать прямой необходимости, чтобъ пріобрѣтенныя на эти деньги % бумаги не подвергались видоизмѣненію, подобно бывшему въ теченіи 1870 и 1871 года, когда, какъ оказывается по счетамъ, комитетъ сдѣлалъ нѣсколько перемѣнъ бумагъ, пока не пріобрѣлъ въ мартѣ 1871 г. консолидированныхъ облигацій 2-го выпуска и въ октябрѣ 4 облигацій Ник. жел. дор. на сумму по нарицательной цѣнѣ 7,540 мет. руб. и по дѣйствительной стоимости на 7,656 кр. р. 77 к.

Обращаясь къ разбору частныхъ распоряженій комитета, коммиссія останавливалась на всѣхъ родахъ его занятій, и хотя въ составѣ ея возникали особыя мнѣнія по предмету назначенія вновь пенсіи одному лицу, перевода права на пенсію послѣ смерти одного пенсіонера на другое родственное ему лицо и продолженія пенсіи одному лицу, а также и въ отношеніи размѣра всѣхъ этихъ пенсій и одного случая выдачи единовременнаго пособія въ размѣрѣ 150 р.; но при полученіи на особыя мнѣнія личнаго разъясненія фактическихъ основаній, коммиссія пришла къ единственному заключенію о правильности и цѣлесообразности распоряженій комитета.

Сверхъ того, коммиссія получила изъ провѣренныхъ ею дѣлъ свѣдѣніе о стремленіи комитета къ точному охраненію интересовъ Общества; изъ дѣлъ и журналовъ видно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда обращавшіяся къ Обществу лица не имѣли права на покровительство Общества, по спеціальности его назначенія, но дѣйствительно нуждались въ пособіи и его заслуживали, то имъ оказывалась помощь частною благотворительностью.

Изложивъ результатъ своей ревизіи, коммиссія полагаетъ предложить Обществу выразить комитету полную благодарность.

Вмѣстѣ съ этимъ журналомъ было доложено и особое мнѣніе членовъ ревизіонной коммиссіи, В. П. Буренина, А. Ѳ. Жохова и В. Ѳ.

Корша, слѣдующаго содержанія: по прочтеніи, въ засѣданіи 23-го января, настоящей статьи журнала ревизіонной коммиссіи, 3 члена оной: В. П. Буренинъ, А. Ѳ. Жоховъ и В. Ѳ. Коршъ заявили, что они не видятъ основанія возбуждать вопросъ объ опредѣленіи того, въ какихъ именно бумагахъ долженъ быть помѣщенъ капиталъ Общества. Такое опредѣленіе стѣснило бы безъ всякой пользы комитетъ въ его распоряженіяхъ и лишило бы возможности выгодно помѣщать капиталъ Общества, сообразно временному положенію денежнаго рынка. Нельзя не признать, что общее собраніе не можетъ заранѣе предугадать, какія именно бумаги будетъ выгоднѣе пріобрѣтать въ теченіи года. Если же предоставить рѣшеніе этого вопроса самому комитету, какъ объ этомъ заявляло большинство коммиссіи въ засѣданіи 29-го января, то здѣсь можно предположить два условія: или комитетъ, въ теченіи извѣстнаго времени, обязанъ будетъ подчиняться своему рѣшенію, и тогда это точно также стѣснитъ комитетъ безъ всякой надобности, или онъ будетъ имѣть право отступать отъ этого рѣшенія, и тогда оно не будетъ имѣть никакого практическаго значенія.

Высказывая это мнѣніе, три члена коммиссіи считаютъ долгомъ заявить, что для возбужденія настоящаго вопроса не представляется, по ихъ мнѣнію, достаточнаго повода, такъ какъ изъ самаго журнала коммиссіи видно, что совершенныя въ теченіи года операціи замѣны однѣхъ бумагъ другими были выгодны для Общества. Вообще для оцѣнки результатовъ подобныхъ операцій необходимо уяснить: во-1-хъ, какое отношеніе между затраченнымъ на покупку бумагъ капиталомъ и нарицательной стоимостью этихъ бумагъ; во-2-хъ, какой процентъ приноситъ этотъ капиталъ, и, въ 3-хъ, представляютъ-ли купленныя бумаги достаточную прочность. Что касается первыхъ двухъ условій, то изъ отчета ревизіонной коммиссіи видно, что результаты операцій комитета весьма благопріятны, такъ какъ разница между затраченнымъ капиталомъ и нарицательной цѣной купленныхъ бумагъ доходитъ до 85%, и капиталъ этотъ приноситъ 6½%. Что же касается прочности бумагъ, то комитетъ, какъ видно изъ его журналовъ, остановился на покупкѣ гарантированныхъ металлическихъ бумагъ, которыя несомнѣнно имѣютъ наибольшую устойчивость.

По этимъ основаніямъ, названные члены коммиссіи полагали бы предоставить комитету и впредь руководствоваться принятыми уже имъ правилами, не дѣлая обязательныхъ для него постановленій.

Послѣ того были прочитаны слѣдующія объясненія комитета по журналу ревизіонной коммиссіи:

Ревизіонная коммиссія, одобривъ сущность распоряженій комитета въ 1871 г., и въ то же время засвидѣтельствовавъ о правильности счетоводства и особенной тщательности дѣлопроизводства, признала не безполезнымъ возбудить нѣкоторые вопросы относительно пріобрѣтенія и способа учета процентныхъ бумагъ, въ которыхъ устроены капиталы литературнаго фонда и стипендіи Е. П. Ковалевскаго.

Считая долгомъ своимъ разъяснить возбужденные ревизіонною коммиссіей вопросы, комитетъ, не ограничиваясь 1871 годомъ, стоящимъ въ тѣсной связи съ предшествовавшими годами, имѣетъ честь пред-

ставить слѣдующія объясненія о постепенномъ образованіи капитала Общества.

Въ первый отчетный годъ существованія Общества, т.-е. съ 8-го ноября 1859 г. по 2-е февраля 1861 г., поступило всего на приходъ *36,012 р. 15 к.*, изъ коихъ *22,200* р. были обращены въ 5-ти-процентные банковые билеты.

По приходо-расходной книгѣ Общества билеты эти были записаны на приходъ въ ихъ *нарицательной* цѣнѣ, по порядку, принятому для счетоводства во всѣхъ учрежденіяхъ.

Въ теченіи слѣдующихъ семи лѣтъ *нарицательный* процентный капиталъ Общества увеличился на 15,050 р., т.-е. къ 1-му января 1868 г. составлялъ 37,250 р., въ томъ числѣ 5% банковыхъ билетовъ на 32,000 руб. и другихъ процентныхъ бумагъ на 5,250 руб.

Такъ какъ съ 1860 г. по 1868 г. наша кредитная валюта подвергалась постояннымъ колебаніямъ, то комитетъ призналъ въ началѣ 1868 г. полезнымъ принять за правило на будущее время: свободныя деньги Общества устроивать въ гарантированныхъ правительствомъ бумагахъ, съ металлическою валютою, чтобъ тѣмъ дать капиталу надлежащую устойчивость и обезпечивать Обществу возможно высшій процентъ съ онаго. При этомъ было положено подобныя процентныя бумаги, выпущенныя на металлическіе рубли или талеры, безразлично считать по отчетности за рубли по ихъ нарицательной цѣнѣ.

Въ то же время было рѣшено, независимо отъ устройства денегъ въ процентныхъ бумагахъ, открыть для кассы литературнаго фонда текущій счетъ, котораго до того времени не было. Постановленіе это исполнено въ февралѣ 1868 г. и съ того времени касса литературнаго фонда пользуется текущимъ счетомъ въ одномъ изъ банковыхъ учрежденій.

Первое примѣненіе правила о покупкѣ процентныхъ бумагъ съ металлической валютой состоялось въ апрѣлѣ 1868 г., когда 21 облигація Николаевской желѣзной дороги *нарицательной* цѣною на 2,625 р. были пріобрѣтены по курсу 93½ р. за 125 р.

Въ томъ же году были куплены еще облигаціи на 4,000 талеровъ, по курсу 83 и 85 кред. руб. за 100 талеровъ, и затѣмъ въ 1869 г. было признано выгоднымъ обмѣнить всѣ 5% банковые билеты, *нарицательной* цѣною на 32,000 руб. на металлическія 5% облигаціи, *нарицательной* цѣной на 33,600 талеровъ, съ приплатою лишь 161 кред. рублей.

Съ 1868 г. комитетъ держался постоянно вышеозначеннаго правила, такъ-что, за исключеніемъ 2 билетовъ внутреннихъ съ выигрышами займовъ на 200 руб., весь капиталъ Общества устроенъ нынѣ въ гарантированныхъ правительствомъ бумагахъ, приносящихъ проценты, опредѣленные въ металлической валютѣ; поэтому паденіе курса бумажной валюты не можетъ имѣть невыгоднаго вліянія на доходъ, получаемый Обществомъ съ его капитала.

Результаты распоряженій комитета усматриваются изъ слѣдующихъ числительныхъ данныхъ, относящихся къ исполненію главной цѣли Общества — благотворительной, и одновременно съ этимъ къ приращенію капитала, проценты съ коего имѣютъ назначеніемъ содѣйствовать обезпеченію обязательныхъ расходовъ Общества, преимущественно по производству пенсій и пособій на воспитаніе.

Въ теченіи послѣднихъ 5-ти лѣтъ израсходовано на пенсіи: въ

1867 г. — 2,900 р., въ 1868 — 3,160 р., 1869 — 3,020 р., въ 1870 — 3,460 р., въ 1871 — 3,700 р.; на воспитаніе въ 1867 г. — 600 р., въ 1868 — 900 р., 1869 — 1,360 р., въ 1870 — 1,740 р., 1871 — 1,421 р.; на единовременныя пособія въ 1867 г. — 3,450 р., въ 1868—6,180 р., въ 1869 — 5,050 р., въ 1870 — 5,700 р., 1871 — 6,190 р.; на ссуды въ 1867 г. — 750 р., въ 1868 — 200 р., въ 1869 — 100 р., въ 1870—125 р., въ 1871 — 1,575 р.; итого въ 1867 г. — 7,700 р., въ 1868 — 10,440 руб., въ 1869 — 9,530 руб., въ 1870 — 11,115 руб., въ 1871 — 12,886 р.

Нарицательнаго процентнаго капитала Общества состояло къ 31-му декабря: въ 1867 г.—37,250 р., въ 1868—45,030 р., въ 1869—46,130 р., въ 1870 — 51,600 р., въ 1871 — 53,140 р.

Вслѣдствіе такого увеличенія *нарицательнаго* капитала и помѣщенія его въ болѣе выгодныхъ процентныхъ бумагахъ, съ него поступило *дѣйствительнаго дохода:* за 1867 г., 1,670 р., за 1871 г.—3,041 р., т.-е. доходъ съ капитала почти удвоился за 5 лѣтъ, несмотря на то, что къ *нарицательному* капиталу въ 37 т. р. прибавилось нарицательно меньше 16 т. р.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что нарицательный капиталъ Общества составлялъ: къ концу перваго отчетнаго года — 22,200 руб, затѣмъ прибавилось въ 7 лѣтъ до 1-го января 1868 г. — 15,050 руб., и въ послѣдніе 4 года до 1-го января 1872 г.— 15,890; итого нынѣ состоитъ на лицо нарицательнаго капитала болѣе 53,000 р., отъ котораго получается ежегодно дѣйствительнаго дохода болѣе 3,000 рублей.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, указывающихъ на взглядъ комитета, и на результаты, достигнутые примѣненіемъ правила, усвоеннаго комитетомъ въ началѣ 1868 г., комитетъ считаетъ долгомъ перейти къ нѣкоторымъ поясненіямъ, относящимся къ оборотамъ процентными бумагами въ теченіи собственно 1871 года.

I. По литературному фонду.

Ревизіонная коммиссія находитъ *неточнымъ* показаніе годоваго отчета о томъ, что *процентный* капиталъ увеличился на 1,540 р., но указываетъ исчисленіемъ, что онъ увеличился только на 719 р. 88 к.

Здѣсь, очевидно, только недоразумѣніе въ выраженіяхъ; въ сущности же оказывается слѣдующее:

Въ теченіи 1871 г. комитетъ сдѣлалъ два распоряженія относительно устройства капитала: въ мартѣ онъ обмѣнялъ 52 акціи Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, *нарицательной* цѣною въ 6,500 р., на 22 облигаціи консолидированныя желѣзныхъ дорогъ, *нарицательной* цѣною въ 7,040 р., а въ декабрѣ онъ купилъ за наличныя деньги по биржевому курсу 8 облигацій Николаевской желѣзной дороги, *нарицательной* цѣною въ 1,000 руб.

Такъ какъ и акціи Главнаго Общества и консолидированныя облигаціи приносятъ обѣ по 5% металлическихъ, но первыя оказалось возможнымъ продать по $11\frac{1}{2}$ р. *выше нарицательной* цѣны, а послѣднія при выкупкѣ ихъ изъ первыхъ рукъ, пріобрѣтены $1\frac{1}{2}$ *ниже нарицательной* цѣны, Николаевскія же облигаціи, приносящія 4% металлическихъ, куплены по 107 кредитн. руб. за 125 руб., то на оба оборота потребовалось уплатить изъ наличныхъ денегъ дѣйствительно только 719 р. 88 к., какъ подробно исчислено ревизіонною коммиссіей.

Употребленіе этихъ 719 р. 88 к. дало слѣдующій результатъ:

Обмѣнъ акцій Главнаго Общества на консолидированныя облигаціи возвысилъ *нарицательный* капиталъ на 540 р., которые даютъ ежегоднаго дохода металлическаго—27 р., вновь купленныя 8 николаевскихъ облигацій даютъ процентовъ металлическихъ—40 р., итого процентовъ прибавилось на—67 р. металлическихъ, т. е. около 80 руб. кредитныхъ.

Слѣдовательно, употребленіе изъ кассы литературнаго фонда 719 р. 88 к. дало возможность, увеличивъ *нарицательный* капиталъ на 1,540 р., какъ сказано въ отчетѣ, получать съ этихъ 719 р. 86 к. ежегодно до 80 р. дохода. Это равняется устройству капитала изъ 11%.

Пріобрѣтеніе консолидированныхъ облигацій оказалось вообще вполнѣ удовлетворительнымъ. Онѣ куплены по 98½, а нынѣ стоятъ по 103.

II. По стипендіи Е. П. Ковалевскаго.

Со времени открытія подписки на стипендію, всѣ поступавшія пожертвованія употреблялись безъ промедленія на покупку процентныхъ бумагъ, въ ожиданіи накопленія суммы, достаточной для образованія стипендіи.

Къ началу 1871 г. капиталъ стипендіи былъ помѣщенъ въ акціяхъ Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и въ николаевскихъ облигаціяхъ.

Въ февралѣ 1871 г. была открыта подписка на консолидированныя облигаціи желѣзныхъ дородъ 12-го выпуска.

Комитетъ воспользовался возможностью получить облигаціи изъ первыхъ рукъ и рѣшилъ устроить капиталъ стипендіи изъ этихъ бумагъ, дающихъ 5 металлическихъ процентовъ и представляющихъ условія особенной прочности.

Въ этихъ видахъ, 12-го марта состоялся обмѣнъ 31 николаевской облигаціи и 26 акцій Главнаго Общества на 22 консолидированныя облигаціи, съ незначительною приплатою изъ наличныхъ денегъ.

До обмѣна получалось дохода металлическими рублями: съ николаевскихъ облигацій 155 р., съ акцій Главнаго Общества 162 р. 50 к., итого 317 р. 50 к. *Послѣ обмѣна* получается дохода: съ консолидированныхъ облигацій 352 р., болѣе на 34 р. 50 к.

Устроивъ такимъ образомъ окончательно еще въ мартѣ 1871 г. капиталъ стипендіи въ самой прочной процентной бумагѣ, комитетъ совпалъ съ желаніемъ ревизіонной коммиссіи, выраженнымъ нынѣ, о томъ, чтобъ капиталъ стипендіи былъ оставленъ и впредь въ этихъ облигаціяхъ.

Представивъ на обсужденіе общаго собранія всѣ эти объясненія, комитетъ считаетъ долгомъ заявить, что, по его мнѣнію, въ приходорасходныхъ книгахъ Общества и въ извлекаемыхъ изъ нихъ казначейскихъ отчетахъ процентныя бумаги и впредь должны быть показываемы въ *нарицательной* цѣнности, какъ это принято во всѣхъ учрежденіяхъ, обязываясь присовокупить, что при дѣлахъ казначея и въ рукахъ предсѣдателя имѣется вѣдомость процентнымъ бумагамъ Общества, съ особой графой, въ которой показана дѣйствительная цѣна, по которой пріобрѣтены означенныя бумаги. Эта вѣдомость всегда въ виду комитета при сужденіяхъ его объ обмѣнѣ однѣхъ бумагъ на другія и можетъ быть во всякое время представлена гг. членамъ Общества во время общихъ собраній.

Изъ вѣдомости видно, что на пріобрѣтеніе процентныхъ бумагъ, нарицательною цѣной въ 53,140 руб., — дѣйствительно израсходовано 46,946 руб.

Получаемый Обществомъ доходъ съ капитала (3,041 р.) составляетъ около $6^1/_2$ процентовъ съ дѣйствительно употребленной на покупку процентныхъ бумагъ суммы.

Въ заключеніе, комитетъ считаетъ долгомъ представить общему собранію о выраженіи искренней признательности ревизіонной коммиссіи за ту примѣрную внимательность, съ которою она вошла въ разсмотрѣніе не только существующихъ распоряженій комитета, но и во всѣ подробности дѣлопроизводства и отчетности.

Указанія ревизіонной коммиссіи имѣютъ существенно полезное значеніе.

Разъясненіе возбужденныхъ коммиссіею вопросовъ возложило на комитетъ обязанность строго провѣрить свои дѣйствія не только за 1871, но и за предшествовавшіе годы, и представить ихъ на судъ общаго собранія гг. членовъ Общества.

Въ заключеніе, послѣ преній по этому предмету, на обсужденіе общаго собранія былъ предложенъ вопросъ: одобряетъ-ли оно объясненія комитета? Вопросъ этотъ разрѣшенъ утвердительно значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Послѣ того произведенъ былъ выборъ членовъ комитета, причемъ оказалось, что избирательныхъ записокъ было подано 38 и что большее число голосовъ получили: Г. К. Рѣпинскій (32), А. П. Заблоцкій-Десятовскій (29), В. Ѳ. Коршъ (26) и А. Н. Пыпинъ (23), которые и признаны членами комитета.

Комитетъ, въ новомъ составѣ, избралъ слѣдующихъ должностныхъ лицъ: предсѣдателемъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, помощникомъ предсѣдателя—К. Д. Кавелина, секретаремъ—Г. К. Рѣпинскаго и казначеемъ—Б. И. Утина.

Наконецъ, по баллотировкѣ, приняты въ члены Общества: Ѳедоръ Николаевичъ Мѣдниковъ, Иванъ Дмитріевичъ Бѣловъ, Михаилъ Андреевичъ Соминъ и Оскаръ Ильичъ Квистъ.

Чрезвычайное собраніе членовъ Общества 2-го февраля 1872 г.

Собраніе было созвано для разрѣшенія: 1) вопроса объ учрежденіи при с.-петербургскомъ университетѣ стипендій на сумму, отпускавшуюся прежде въ уплату за слушаніе лекцій бѣдными студентами; 2) вопроса объ употребленіи суммы, собранной на стипендію Е. П. Ковалевскаго; и 3) предложенія комитета о порядкѣ печатанія журналовъ по недоразумѣніямъ, возникающимъ между издателями или редакторами повременныхъ изданій и ихъ сотрудниками.

По первому вопросу, выслушавъ справку изъ дѣлъ Общества и отзывъ ректора с.-петербургскаго университета, отъ 31-го декабря 1871 г. за № 5439, одобрило предложенія комитета и постановило: 1) отпускавшіеся въ прежнее время 500 р., въ уплату за слушаніе лекцій бѣдными студентами с.-петербургскаго университета, обратить на образованіе четырехъ стипендій, каждая въ 125 р., *исключительно* для *1-го курса* названнаго университета, и 2) выборъ стипендіатовъ предоставить комитету Общества по сношенію съ университетскимъ начальствомъ.

Затѣмъ, хотя четырьмя членами и было предположено учредить не 4, а 3 стипендіи, но предложеніе это большинствомъ членовъ не принято.

По второму вопросу. Собраніе, принявъ во вниманіе, что деньги на стипендію Е. П. Ковалевскаго продолжаютъ еще поступать, положило предоставить комитету представить будущему годовому собранію соображенія о порядкѣ употребленія суммы, собранной сверхъ капитала, нужнаго для производства стипендіи въ 300 руб.

По третьему вопросу. По докладѣ предположенія комитета, прежде всего на обсужденіе общаго собранія былъ предложенъ вопросъ: принимаетъ ли оно предложеніе комитета? Вопросъ этотъ рѣшенъ утвердительно большинствомъ голосовъ.

Затѣмъ были сдѣланы слѣдующія предположенія:

1) распространить проектированныя комитетомъ правила и на издателей книгъ и книгопродавцевъ,

и 2) печатать имена спорящихъ сторонъ не иначе, какъ по просьбѣ лица, обратившагося къ содѣйствію комитета.

Оба эти предложенія приняты большинствомъ членовъ собранія.

Въ заключеніе было принято единогласно предложеніе, чтобъ имена спорящихъ сторонъ подвергались опубликованію какъ по просьбѣ лица обратившагося къ содѣйствію комитета, такъ и противной стороны.

На этомъ основаніи утверждены слѣдующія правила:

1) Будучи только посредникомъ въ возникающихъ недоразумѣніяхъ между писателями, съ одной стороны, и издателями книгъ или журналовъ, книгопродавцами или редакторами повременныхъ изданій съ другой, и совершенно устраняя отъ себя роль судьи или рѣшителя споровъ, на которую, по своему учрежденію, не имѣетъ никакого права, комитетъ Общества всякую жалобу на неисполненіе одною изъ указанныхъ выше сторонъ послѣдовавшаго между ними соглашенія, препровождаетъ, въ выпискѣ, къ тому лицу, на которое жалоба принесена, и ожидаетъ его разъясненій.

2) Получивъ отвѣтъ, комитетъ сообщаетъ его, въ выпискѣ, просителю, и если получитъ отъ него возраженіе на отвѣтъ, то сообщаетъ его отвѣтчику, для надлежащаго разъясненія дѣла.

3) По спорамъ, неоконченнымъ сторонами миролюбно въ теченіе мѣсяца со дня посылки послѣдней бумаги, комитетъ прекращаетъ всякое у себя производство, предоставляя сторонамъ вѣдаться тѣмъ путемъ, какой онѣ найдутъ болѣе удобнымъ.

4) Въ случаѣ неполученія отвѣта на послѣднее сообщеніе, или непрекращенія дѣла миролюбно, комитетъ публикуетъ, въ извлеченіяхъ изъ своихъ журналовъ, существо спора, съ означеніемъ полныхъ именъ обѣихъ сторонъ.

5) Распоряженіе это можетъ быть сдѣлано комитетомъ не иначе, какъ только при условіи, если онъ въ просьбѣ хотя бы одной изъ спорящихъ сторонъ будетъ прямо уполномоченъ на это, или если въ теченіе возникшаго уже дѣла получится заявленіе хотя бы одной изъ сторонъ о желаніи ея дать дѣлу именно этотъ ходъ.

6) Споры, оконченные миролюбно, вовсе не публикуются, а упоминаются лишь вкратцѣ въ годовомъ отчетѣ Общества, безъ означенія именъ сторонъ и существа возникшихъ между ними недоразумѣній.

Замѣтка для членовъ Общества, жертвователей и просителей.

Въ годовомъ общемъ собраніи Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, 2-го февраля, предсѣдателемъ Общества избранъ Андрей Парѳеновичъ Заблоцкій-Десятовскій (Васильевскій Островъ, 8-я линія, собственный домъ); помощникомъ предсѣдателя Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ (Вас. Остр., 7-я линія, домъ № 60); секретаремъ—Григорій Козьмичъ Рѣпинскій (Артиллерійская улица, д. Никитиной); казначеемъ—Борисъ Исаковичъ Утинъ (Галерная, домъ № 20), къ которымъ и слѣдуетъ обращаться по дѣламъ Общества.

Члены комитета: Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ (у ц. Спаса Преображенія, д. Никитиной).

Викторъ Павловичъ Гаевскій (Литейная, 48).

Павелъ Михайловичъ Ковалевскій (Бассейн., 8).

Валентинъ Ѳедоровичъ Коршъ (Вас. Островъ, 8-я линія, 37).

Александръ Николаевичъ Пыпинъ (Вас. Остр., Большой просп., д. Вундерлиха).

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (Фурштадская, 33).

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ (Вас. Островъ, 15-я линія, д. князя Вяземскаго).

Николай Николаевичъ Тютчевъ (Малая Итальянская, 14).

Всѣ прошенія, дѣла и бумаги должны быть адресуемы на имя предсѣдателя Андрея Парѳеновича Заблоцкаго-Десятовскаго (Вас. Остр., 8-я линія, собств. домъ), или же на имя Общества, но съ точнымъ прописаніемъ слѣдующаго адреса: *Въ Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ въ С.-Петербургѣ.* Неточный адресъ неоднажды былъ причиною крайне медленнаго доставленія пакетовъ.

Выдача пенсій и всякаго рода денежныхъ пособій—продолжительныхъ, единовременныхъ и ссудъ—производится, по опредѣленіямъ комитета, казначеемъ Общества, Борисомъ Исаковичемъ Утинымъ (Галерная, № 20), со взятіемъ росписокъ въ ихъ полученіи. Онъ же принимаетъ годовые взносы членовъ и единовременныя приношенія Обществу и выдаетъ въ полученіи ихъ квитанціи; на имя казначея должны быть, равнымъ образомъ, адресуемы и росписки въ полученіи посылаемыхъ по почтѣ иногороднымъ пенсій, пособій и ссудъ.

Независимо отъ того, годовые платежи членовъ Общества и единовременныя пожертвованія могутъ быть вносимы, по желанію: въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, по Невскому проспекту, близъ Казанскаго моста, а въ Москвѣ—въ Чертковской библіотекѣ, члену Общества, Петру Ивановичу Бартеневу. Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній комитетъ покорнѣйше проситъ членовъ Общества и жертвователей записывать вносимыя ими деньги въ особую, заведенную для того въ магазинѣ А. Ѳ. Базунова и въ Чертковской библіотекѣ, книжку.

Имена членовъ, внесшихъ свои годовые платежи, и жертвователей будутъ, по прежнему, публикуемы въ газетахъ, въ извлеченіяхъ изъ журналовъ комитета.

Первое засѣданіе 2-го февраля 1872 г.

1) Выдано 100 р. въ пособіе писателю, потерявшему мѣсто и обремененному семействомъ.

2) Отклонено ходатайство одного лица о выдачѣ ему ссуды, такъ какъ никто изъ членовъ комитета не принялъ на себя ручательства въ вѣрности ея возвращенія.

Второе засѣданіе комитета 14-го февраля 1872 г.

1) Выдано 100 р. дочери писателя, для окончанія ея образованія.

2) Выдано 75 р., въ пособіе писателю, лишенному теплаго платья, больному и поставленному въ затруднительное положеніе смертью его ребенка.

3) Выдано одному писателю въ ссуду 300 р.

4) Отклонено ходатайство одного лица о выдачѣ пособія, впредь до представленія имъ точныхъ свѣдѣній о его положеніи.

5) Отклонено ходатайство одного писателя о ссудѣ, такъ какъ никто изъ членовъ комитета не принялъ на себя ручательства въ вѣрности ея возвращенія.

6) Отклонено ходатайство одного лица о пособіи, такъ какъ проситель не удовлетворяетъ условіямъ, при которыхъ назначаются пособія.

7) Выслано 50 руб. въ пособіе престарѣлому и крайне бѣдному сыну писателя.

Третье засѣданіе комитета 28-го февраля 1872 г.

1) Приняты, съ глубочайшею благодарностью, пожалованные ихъ императорскими высочествами государемъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и государынею великою княгинею Александрою Іосифовною 100 руб.

2) Выдано 75 руб. въ пособіе неимѣющему никакихъ средствъ къ жизни автору статей по статистикѣ.

3) Выдано 300 руб. въ пособіе извѣстному писателю, находящемуся временно въ затруднительномъ положеніи по случаю перемѣны мѣста жительства.

4) Выдано 30 руб. молодому писателю, лишенному средствъ къ жизни.

5) Отклонены ходатайства четырехъ лицъ, такъ какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ, при которыхъ Обществомъ выдается пособіе.

6) Выслано 120 руб. въ харьковскій университетъ, для выдачи пособія двумъ бѣднѣйшимъ и достойнѣйшимъ студентамъ.

Четвертое засѣданіе комитета 13-го марта 1872 г.

1) Отклонено ходатайство одного просителя о пособіи, такъ какъ онъ пользуется постояннымъ пособіемъ со стороны другого учрежденія.

2) Выдано 80 руб. въ пособіе семейству покойнаго писателя, находящемуся въ крайней бѣдности и существующему только незначительными заработками одного изъ своихъ несовершеннолѣтнихъ членовъ.

3) Выдано 25 руб. на похороны одного писателя.

4) Выдано 400 руб. въ пособіе извѣстному писателю, разбитому параличемъ, на поѣздку въ теплый климатъ и на леченіе.

5) Отклонено ходатайство одного лица о пособіи, такъ какъ проситель не удовлетворяетъ условіямъ, при которыхъ Общество выдаетъ пособія.

6) Выдано въ ссуду одному писателю 300 руб.

7) Объявлена благодарность Общества Т. И. Музыкантову за содѣйствіе его комитету.

Пятое засѣданіе комитета 26-го марта 1872 г.

1) Выдано 35 р. въ пособіе писателю на уплату слѣдующихъ съ него податей и на другіе расходы по содержанію его семейства.

2) Выдано 75 р. въ пособіе находящемуся въ крайней бѣдности автору спеціальнаго сочиненія.

3) Выдано 100 р. вдовѣ писателя, лишенной, со смертію мужа, всѣхъ средствъ къ жизни.

4) Выдано 25 р. на похороны одного писателя.

5) Отклонено ходатайство одного лица о пособіи, такъ какъ проситель, по своимъ трудамъ, не имѣетъ права на частую помощь Общества.

II. Подписка на памятникъ Пушкина.

(отъ высочайше учрежденнаго комитета)

За время съ открытія въ апрѣлѣ 1871 года дѣйствій комитета по 1-е февраля 1872 г. пожертвованій поступило [1] .... 23,060 р. 92 к.

Затѣмъ въ теченіе февраля и марта доставлено:

а) Наличными деньгами........ 2,647 р. 63½ к.

б) Квитанціями главнаго, губернскихъ и уѣздн. казначействъ....... 5,706 „ 35½ „

8,353 р. 99 к.

Итого................ 31,414 р. 91 к.

По подпискѣ 1860 г. прежде собраны и находятся въ государственственномъ банкѣ съ процентами................ 18,254 р.

Всего по 1-е апрѣля 1872 г.. 49,668 р. 91 к.

По сборнымъ книжкамъ въ февралѣ поступило [2]):

Отъ управляющаго архангельскою казенною палатою и акцизными сборами Архангельской губерніи—10 р. 32 к.: отъ директора варшавскихъ гимназій—16 р. 35 к.; отъ директора училищъ Саратовской губерніи—24 р. 35 к.; отъ управляющаго акцизными сборами Виленской губерніи—226 р. 95 к.; въ томъ числѣ: отъ А. А. Дихеуса—10 р. Отъ управляющаго государственными имуществами въ прибалтійскихъ губерніяхъ—50 р. 45 к.; отъ С. А. Костливцова—70 р.; въ томъ числѣ: отъ С. А. Костливцова—10 р.. отъ А. Княжевича — 10 р. Отъ К. П. Ротаста—12 р.; отъ управляющаго ломжинскою казенною палатою—20 р.; отъ управляющаго государственными имуществами Московской губерніи—18 р.; отъ смотрителя училищъ нижнеудинскаго округа—20 р.; отъ управляющаго харьковскою контрольною палатою—17 р. 75 к.; отъ лифляндскаго губернатора—19 р. 35 к.; отъ управляющаго московскою складочною таможнею—75 р.; отъ управляющаго минскою казенною палатою—64 р.; въ томъ числѣ: отъ Л. А. де-ла-Гарди—10 р. Отъ управляющаго государственными имуществами Вологодской губерніи—43 р. 30 к.; отъ попечителя московскаго учебнаго округа—125 р. 95 к. въ томъ числѣ: отъ князя Ширинскаго-Шихматова—25 р., отъ князя Н. Мещерскаго—25 р., отъ Дмитріева—25 р. Отъ петровскаго губернскаго воинскаго начальника—1 р. 24 к.; отъ управляющаго государственными имуществами Черниговской губерніи—8 р. 73 к. Отъ директора 3 московской гимназіи—121 р.; въ томъ числѣ: отъ Воронцова—20 р.; отъ Н. Акашьева—10 р. Отъ нерчинскаго коменданта—11 р.; отъ И. П. Корнилова—55 р.; въ томъ числѣ: отъ служащихъ въ гатчинскомъ николаевскомъ сиротскомъ институтѣ—53 р. 80 к. Отъ директора горнаго департамента—31 р.; отъ начальника рижскаго таможеннаго округа—128 р. 60 к.; въ томъ числѣ: отъ Ѳ. Трефурта—10 р. Отъ управляющаго омскою контрольною палатой—7 р.; отъ управляющаго радомскою

---

[1]) Въ спискѣ пожертвованій за январь, при означеніи суммы, доставленной изъ Твери А. К. Жизневскимъ, пропущено: «отъ Ѳ. Н. Глинки 50 руб.».

[2]) См. выше: апр. 922 стр.

казенною палатой—54 р. 90 к.; въ томъ числѣ: отъ Н. Петрова—10 р. Отъ управляющаго государственными имуществами Тульской губерніи—20 р. 23 к.; отъ управляющаго подольскою казенною палатой—417 р. 43½ к.; въ томъ числѣ: отъ Г. М. Куликовскаго—10 р. Отъ тверскаго губернскаго воинскаго начальника — 27 р. 88 к.; отъ бессарабскаго губернскаго воинскаго начальника — 25 р. 49 к; отъ управляющаго ярославскою контрольною палатой—19 р. 70 к.; отъ царскосельскаго коменданта—9 р.; отъ управляющаго московскою конторой Государственнаго Банка—85 р.: въ томъ числѣ: отъ М. Попова—10 р.; отъ Басрушина—10 р.; отъ М. Лилье—10 р.; отъ А. Стефани—10 р.; отъ Боршовскаго — 10 р. Отъ инспектора замостскихъ гимназій — 25 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Пермской губерніи—31 р. 60 к.; отъ предсѣдателя бессарабской областной земской управы — 634 р.; въ томъ числѣ: отъ И. Аснашъ — 15 р.; отъ М. Аснашъ—15 р.; отъ отъ А. Бодиско—25 р.; отъ К. Бузня—15 р.; отъ П. Броеско—10 р.; отъ И. Библри—20 р.; отъ Г. Гойлова—10 р.; отъ А. Гринберга—15 р.; отъ А. Инглези—15 р.; отъ И. Катаржи—10 р.; отъ Н. Катаржи—10 р.; отъ К. Кушъ 10 р.; отъ К. Казиміръ—10 р.; отъ А Казиміръ—10 р.; отъ Н. Кассо—14 р.; отъ К. Кристи—10 р.; отъ К. Леонардъ—15 р.; отъ П. Леонардъ—10 р.; отъ П. С. Леонардъ—20 р.; отъ К. Леонарди—15 р.; отъ кн. К. Мурузи — 15 р.; отъ И. Панаіотти — 10 р.; отъ Б. Питкисъ—10 р.; отъ К. Писаржевскаго—10 р.; отъ Е. Рышканъ—10 р.; отъ бар. А. Стуартъ—15 р.; отъ Хр. Сикардо—10 р.;—отъ Н. Семградова—10 р. отъ И. Феодосіу—10 р. Отъ Н. Н. Харламова—15 р.; отъ новгородскаго губернскаго воинскаго начальника — 35 р. 45 к.; отъ тульскаго городского головы—76 р.; въ томъ числѣ: отъ Добрынина—25 р.; отъ братьевъ Ляляныхъ — 10 р. Отъ управляющаго акцизными сборами области войска донскаго — 403 р. 50 к.; въ томъ числѣ: отъ Ф. Е. Бабицкаго—10 р.; отъ Дехтяревскаго—25 р.; отъ Харламова—10 р. Отъ инспектора Восточной Сибири—22 р. 77 к.

Помимо сборныхъ книжекъ въ февралѣ поступило: отъ лифляндскаго губернатора—4 р. 5 к.; отъ владимірскаго губернатора—94 к.; отъ надзирателя V акцизнаго округа Западной Сибири — 49 р.; отъ смотрителя сѣнненскаго уѣзднаго училища — 3 р. 95 к.; отъ П. В. Анненкова—25 р.; по текущему счету с.-петербургскаго учетнаго банка", по 1 января 1872 г., на внесенныя въ банкъ деньги, 160 р. 74 к.; отъ управляющаго Тульскою казенною палатою—3 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Пермской губерніи 253 р. 30 к.; въ томъ числѣ отъ С. Мысловскаго—10 р.; отъ П. Злоказова—25 р.; отъ П. Вилесова—25 р.; отъ Паносова—10 р.; отъ Саларевыхъ—10 р.; отъ Поклевскаго—25 р.; отъ И. В. Вроцкаго—25 р. Отъ начальника Бобруйской военно-исправительной роты—4 р. 35 к.; отъ командира 104 пѣхотнаго устюжскаго полка — 4 р. 12 к. Итого — 3,588 р. 74½ к. Всего по 1 марта 1872 года собрано—44.903 р. 66½ к.

По сборнымъ книжкамъ въ мартѣ поступило:

Отъ коменданта крѣпости Динабургъ—3 р.; отъ гродненскаго губернскаго воинскаго начальника—15 р. 18 к.; отъ попечителя виленскаго учебнаго округа—42 р. 77½ к.; отъ московскаго оберъ-полицiймейстера—1,449 р. 53 к.; въ томъ числѣ: отъ Ив. И. Мочалова—10 руб., отъ А. Пороховщикова—25 р., отъ А. В. Андреева—10 р., отъ Корнѣево-Горшонова—10 р. Отъ инспектора народныхъ училищъ Сим-

бирской губерніи—5 р. 65 к. Отъ Х. Х. Мейнъ — 191 р. 36½ к.; въ томъ числѣ: отъ В. А. Бабина—10 р., отъ Коровина—10 р., отъ Гарина—25 р., отъ Захарова — 25 р., отъ Байдикова—10 р., отъ Ремизова — 17 р. 35 к., отъ Николаева — 13 р. 50 к., отъ П. Митрофанова — 12 р. 90 к., отъ Зинаиды Поляковой — 100 р., отъ А. Епишкина — 25 р., отъ Аденъ — 25 р., отъ Мусорина — 13 р. 46 к., отъ Вальдеръ-Моде — 10 р. Отъ директора училищъ Псковской губерніи 40 р. 66 к. Отъ варшавскаго оберъ-полиціймейстера—43 р.; въ томъ числѣ: отъ графа Берга—25 р. Отъ директора ларинской гимназіи—16 р. 70 к. Отъ предсѣдателя сумскаго окружнаго суда — 53 р.; въ томъ числѣ: отъ В. Золотницкаго—10 р., отъ Н. Кондратьева—10 р., отъ П. Болотова—10 р. Отъ инспектора классовъ московскаго Николаевскаго института—84 р.; въ томъ числѣ: отъ Стоюнина—10 р. Отъ инспектора классовъ казанскаго института — 32 руб.; отъ инспектора классовъ полтавскаго института—26 р.; отъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора—125 р.; въ томъ числѣ: отъ Павла Коцебу—25 р., отъ С. Бутурлина—10 р., отъ Ѳ. Леонтовича—10 р., Отъ управляющаго курляндскою казенною палатою—34 р. 50 к.; въ томъ числѣ отъ барона Кампенгаузена—10 р. Отъ предсѣдателя бѣлозерскаго окружнаго суда—18 р. 45 к.; отъ управляющаго тамбовскою казенною палатою — 91 р. 62½ к.; отъ виленскаго губернскаго воинскаго начальника — 15 р. 63 к.; отъ управляющаго государственными имуществами Кіевской губерніи — 23 руб. 5 к.; отъ директора училищъ С.-Петербургской губерніи—42 руб. 73 коп.; отъ начальника Эстляндской губерніи—9 руб. Отъ тамбовскаго губернатора—55 руб.; въ томъ числѣ: отъ А. Н. Чичериной — 10 руб., отъ С. Ѳедорова—10 р.; отъ А. Чичерина—10 руб. Отъ управляющаго ставропольскою контрольною палатою — 17 р. Отъ московскаго коменданта — 60 р. 50 к.; въ томъ числѣ: отъ М. Рихтера—10 р., отъ А. Ганъ—10 р. отъ управляющаго государственными имуществами Архангельской губерніи — 41 р. 55 к. Отъ М. Н. Похвиснева — 160 р.; въ томъ числѣ: отъ А. Баратынской—10 р.; отъ В. Языкова — 25 р.; отъ А. Назимовой—15 руб., отъ Ф. Хомякова—25 р.; отъ М. Похвиснева — 50 р.; отъ Юліи Залѣцкой — 20 р. Отъ В. А. Дашкова — 100 р.; въ томъ числѣ: отъ Ю. Губера—10 р., отъ Ѳ. Губера—15 р., отъ Б. Гинартовскаго—10 р.; отъ В. А. Дашкова—25 р., отъ С. Дмитріева—10 р. Отъ И. Х. Бреверна—11 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Екатеринославской губерніи — 66 р.; отъ слонимскаго уѣзднаго предводителя дворянства — 3 руб.; отъ управляющаго государственными имуществами Пермской губерніи—47 р. 55 к.

Кромѣ сего, помимо сборныхъ книжекъ, при особыхъ объявленіяхъ въ мартѣ доставлено:

Отъ командира 3-го понтоннаго полубаталіона — 6 р. 28 к.; отъ директора училищъ С.-Петербургской губерніи — 23 р. 7 к.; отъ инспектора народныхъ училищъ Ярославской губерніи—26 р. 39 к.; отъ смотрителя вознесенскаго женскаго училища — 10 р.; отъ командира 110 пѣхотнаго камскаго полка—4 р. 70 к.; отъ начальника 5-й стрѣлковой бригады—9 р. 54 к.; отъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора—119 р. 55 к.; отъ тверскаго губернатора—63 руб. 85 к.,; отъ директора департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ—213 р. 59 к.; отъ Ѳ. П. Корнилова—1,285 р.; въ томъ

числѣ: отъ В. Н. Карамзина—1,000 р. Отъ динаминдскаго коменданта—1 р. 73 к.; отъ редакціи журнала „Русская Старина", собранные учителями мѣстечка Волочиска,—30 р. 60 к.; отъ командира 113-го пѣхотнаго старорусскаго полка—4 р. 50 к.; отъ начальника рижскаго таможеннаго округа — 42 р. Итого — 4,765 р. 24½ к. — Всего по 1-е апрѣля 1872 г. собрано—49,668 р. 91 коп.

III. Подписка на стипендіи Н. А. Милютина въ семинаріяхъ сельскихъ учителей.

Сослуживцы и друзья покойнаго статсъ-секретаря Милютина, желая какимъ-либо общеполезнымъ дѣломъ почтить его память на поприщѣ государственной дѣятельности, собрали между собою сумму денегъ, съ цѣлью употребить ее на усиленіе способовъ народнаго обученія посредствомъ учрежденія нѣсколькихъ стипендій имени статсъ-секретаря Милютина въ семинаріяхъ, приготовляющихъ сельскихъ учителей.

Такъ какъ пожертвованная доселѣ сумма оказалась еще недостаточною для образованія капитала, проценты съ котораго могли бы служить вышеозначенной цѣли, то и было исходатайствовано Высочайшее соизволеніе, отъ 14-го апрѣля сего года, на публикацію объ открытіи подписки на стипендіи статсъ-секретаря Милютина при существующихъ семинаріяхъ для приготовленія сельскихъ учителей.

Для дальнѣйшихъ распоряженій, какъ по сбору денегъ на образованіе капитала для означенныхъ стипендій, такъ и для употребленія собранныхъ денегъ по ихъ назначенію, образована особая коммиссія въ числѣ шести членовъ изъ среды первоначальныхъ жертвователей, а именно: статсъ-секретари Гротъ и Заблоцкій, тайные совѣтники графъ Стенбокъ, Домантовичъ и Ламанскій, и дѣйст. статскій совѣтникъ Семеновъ.

Желающіе принять участіе въ пожертвованіяхъ на образованіе вышеупомянутаго капитала вносятъ деньги въ Государственный банкъ и во всѣ его конторы и отдѣленія на текущій счетъ капитала стипендій въ память статсъ-секретаря Милютина.

Гг. иногородные могутъ высылать деньги по почтѣ въ редакцію „Вѣстника Европы" (Спб. Галерная, № 20), откуда полученная сумма передается въ Государственный Банкъ, съ извѣщеніемъ о томъ жертвователей въ ближайшемъ нумерѣ журнала.

Отъ 15-го апрѣля по 15-е мая получено въ редакціи и сдано на текущій счетъ въ Государственный банкъ: 1) А. Н. Пыпинъ—3 руб. 2) Н. С. Левашевъ (Верея)—2 р. 50 коп.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — XXXV-й ТОМЪ.

МАЙ — ІЮНЬ, 1872.

Книга пятая. — Май. стр.

Книга шестая. — Іюнь.

исьма Александра Ивановича Тургенева. Лейпцигъ. 1872.

Большой томъ писемъ А. И. Тургенева къ его рату Николаю составляетъ только незначительную асть ихъ переписки, отъ 1826 до конца 1828 г., еденной изъ Россіи, а также и въ переѣздахъ -границей. Письма А. И., вышедшаго тогда въ ставку, сообщаютъ нѣсколько любопытныхъ данхъ о дѣлѣ его осужденнаго брата и о настроеі нашего общества въ ту эпоху; съ другой же тороны, они наполнены массою интереснѣйшихъ одробностей о европейской жизни, политической, бщественной и литературной, такъ какъ А. И. ургеневъ, человѣкъ съ обширнымъ образоваіемъ, былъ въ знакомствѣ со множествомъ заѣчательныхъ людей въ Германіи, Франціи и Анліи. Продолженіе этого изданія, и еще болѣе, ыть можетъ, напечатаніе писемъ самого Никоя Ивановича несомнѣнно было бы драгоцѣнымъ пріобрѣтеніемъ для нашей исторической лиратуры.

редитъ и общественные банки. *Н. Шимановскаго.* Ч. I. Варшава. 1872. Стр. 355.

О кредитѣ можно сказать тоже, что Езопъ азалъ о языкѣ: это и величайшее благо, и веичайшее зло, смотря потому какъ имъ пользуется. За извѣстными предѣлами и при нарушеніи коновъ кредита, онъ вырождается, по справедвому выраженію нашего автора, «въ опасную пагубную утопію», потому-то его трудъ и повящается главнымъ образомъ опредѣленію предловъ кредита и уясненію его существа, изъ коораго вытекаютъ самые законы кредита. Затѣмъ, вышедшей первой части, авторъ разсматриетъ главное орудіе кредита и останавливается изученіи характера его перваго агента, а енно банка, при чемъ приводятся историчеся свѣдѣнія о важнѣйшихъ европейскихъ банахъ. Содержаніе второй части составитъ обзоръ рочихъ банковыхъ институцій, начиная съ позеельныхъ и оканчивая государственными банка,—тогда и мы возвратимся къ подробному разору этого труда, столь важнаго и полезнаго въ аше время.

адачи Психологіи. *К. Кавелина.* Спб. 1872. Стр. 238. Ц. 1 р. 25 к.

Намъ остается только объявить объ отдѣльномъ зданіи труда, который печатался у насъ статьями, потому хорошо знакомъ нашимъ читателямъ, и ѣ тѣ съ авторомъ пожелать, чтобы критика отнеась къ нему также свободно и искренно, какъ ободно и искренно отнесся авторъ къ предмету оего изученія. Настоящій трудъ К. Д. Кавелина аходится въ связи съ извѣстнымъ его очеркомъ ридическаго быта древней Россіи, гдѣ онъ 25 ѣтъ тому назадъ указывалъ на юридическое и литическое ничтожество у насъ личности. Теръ ему пришлось указать на ея нравственное чтожество, — фактъ, съ которымъ согласятся, роятно, и противники автора, какъ бы ни было лико ихъ разногласіе относительно коренной ичины такого неотраднаго явленія, которую К. Кавелинъ ищетъ въ ошибочномъ пониманіи психической жизни и ея значенія посреди окружающаго матеріальнаго міра».

Малайскій Архипелагъ. Страна орангутана и райской птицы. Соч. *Уэллеса.* Пер. съ 2 англ. изд. Спб. 1872. Стр. 622. Ц. 3 р.

Къ многочисленнымъ и весьма тщательнымъ изданіямъ «Всемірнаго Путешественника» присоединяется теперь новѣйшее описаніе Малайскаго архипелага, который служитъ какъ бы мостомъ между южными берегами материка Азіи и Австраліи. Авторъ посвятилъ свой замѣчательный трудъ, — результатъ 8-ми-лѣтняго пребыванія на мѣстѣ, Чарльзу Дарвину. Онъ вывезъ съ собою огромныя коллекціи въ 125,660 видовъ различныхъ животныхъ и насѣкомыхъ. Но самое сочиненіе исполнено интереснѣйшихъ бытовыхъ подробностей и картинъ цивилизаціи первобытныхъ людей; въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны главы, относящіяся къ оо. Борнео и Явѣ.

Многострадальные. Очерки быта кантонистовъ. *В. Н. Никитина.* Спб. 1872. Стр. 255.

Настоящее отдѣльное изданіе статей, помѣщенныхъ прежде въ одномъ изъ періодическихъ изданій, сопровождается послѣсловіемъ автора, изъ котораго видно, что многіе нашли невѣроятными его разсказы объ ужасахъ жизни кантонистовъ прежняго времени, за 14 лѣтъ тому назадъ, а прошедшіе лично эту школу упрекнули его въ пропускѣ многихъ гораздо худшихъ фактовъ, какъ напр., обращеніе мальчиковъ-евреевъ въ православіе чрезъ обливанье ихъ зимой на дворѣ, или леченіе отъ «куриной слѣпоты» не менѣе курьезнымъ и равно варварскимъ способомъ. Читая это, можно только радоваться, что бытъ кантонистовъ сдѣлался теперь достояніемъ исторіи, и невѣроятное въ словахъ автора свидѣтельствуетъ объ одномъ, а именно, что мы отошли далеко отъ эпохи кантонистовъ и способны отнестись недовѣрчиво даже и къ самой истинѣ.

Нѣмецко-русскій научно-техническій словарь. Составл. *Я. Граховымъ.* Первая часть: *А—Л.* Спб. 1872. Стр. 481. Ц. 4 руб.

При начинающейся у насъ потребности въ научномъ знакомствѣ съ внѣшнею природою, и при весьма неопредѣленной терминологіи, авторъ этого огромнаго труда оказалъ весьма существенную заслугу, помимо возможныхъ недосмотровъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. По его плану, въ составъ словаря вошли: 1) Горнозаводскія и Лѣсныя науки; и 2) вспомогательные ихъ предметы: Минералогія, Геогнозія, Химія, Физика, Механика, Ботаника, Технологія, Зоологія, Орнитологія, Энтомологія и предметы Сельскаго хозяйства. Мы думаемъ только, что авторъ выигралъ много бы мѣста, еслибы онъ не писалъ русскими буквами тѣ названія, которые непереводимы; наприм. Krokalit—Крокалитъ; Krokezit—Крокецитъ; Krokoit—Крокоитъ. Такой способъ почти удвоиваетъ объемъ книги съ пользою только для тѣхъ, которые не знаютъ латинскаго алфавита. Есть также не мало словъ, неидущихъ въ спеціальный словарь; напр.: Halten—держать; Distinkt—отличительный; Artificiel—искусственный и т. п.; всѣ такія слова принадлежатъ общимъ лексиконамъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ПОДПИСКА НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

НА 1872-ой ГОДЪ

ЗА РАСХОДОМЪ ВСѢХЪ ПОЛНЫХЪ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ

ПРЕКРАЩЕНА.

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1.—«ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1500 страницъ — шесть томовъ въ годъ. Для иногороднихъ подписчиковъ, книги сдаются въ Газетную Экспедицію въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ по трактамъ. Журналъ доставляется на почту съ адресомъ подписчика, въ особой обложкѣ и съ двойною бандеролью, бумажною и веревочною.

2.—*ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные - въ городскіе 50 коп.

3.—*ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно снестись съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить подписч…

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редак…

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»: Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Невскій просп., 30.